

3B

(Händel selbst)

Музыкальному Товариству
Спирити Мамонтов!
Домашний адрес Ваш
до меня посылает
ли св. кб. Шумово Иван
Вуку Келав иконо. дом. Лаш
посылаю Вам
К. Нагорная Суну
Пашова.

Пш. Дуб, и Суну
домашний конзбеду на Лесто
су, почитаемому Вами
Дарованки.
Каструль

(Hochst selten)

Mu. u. Grussia Longdags

Spuroffia Marmenwib'

Domianum adu fentib' jara

do. nuffa mena nosuff

du obi kl' Dueno. uen' Maan

burg' Keimb' mcoro' odol' fuff

ruffyanaw' Baum'

Handwritten signature or name, possibly 'Kunoznera Cuzey'.

Handwritten signature or name, possibly 'Kachjra'.

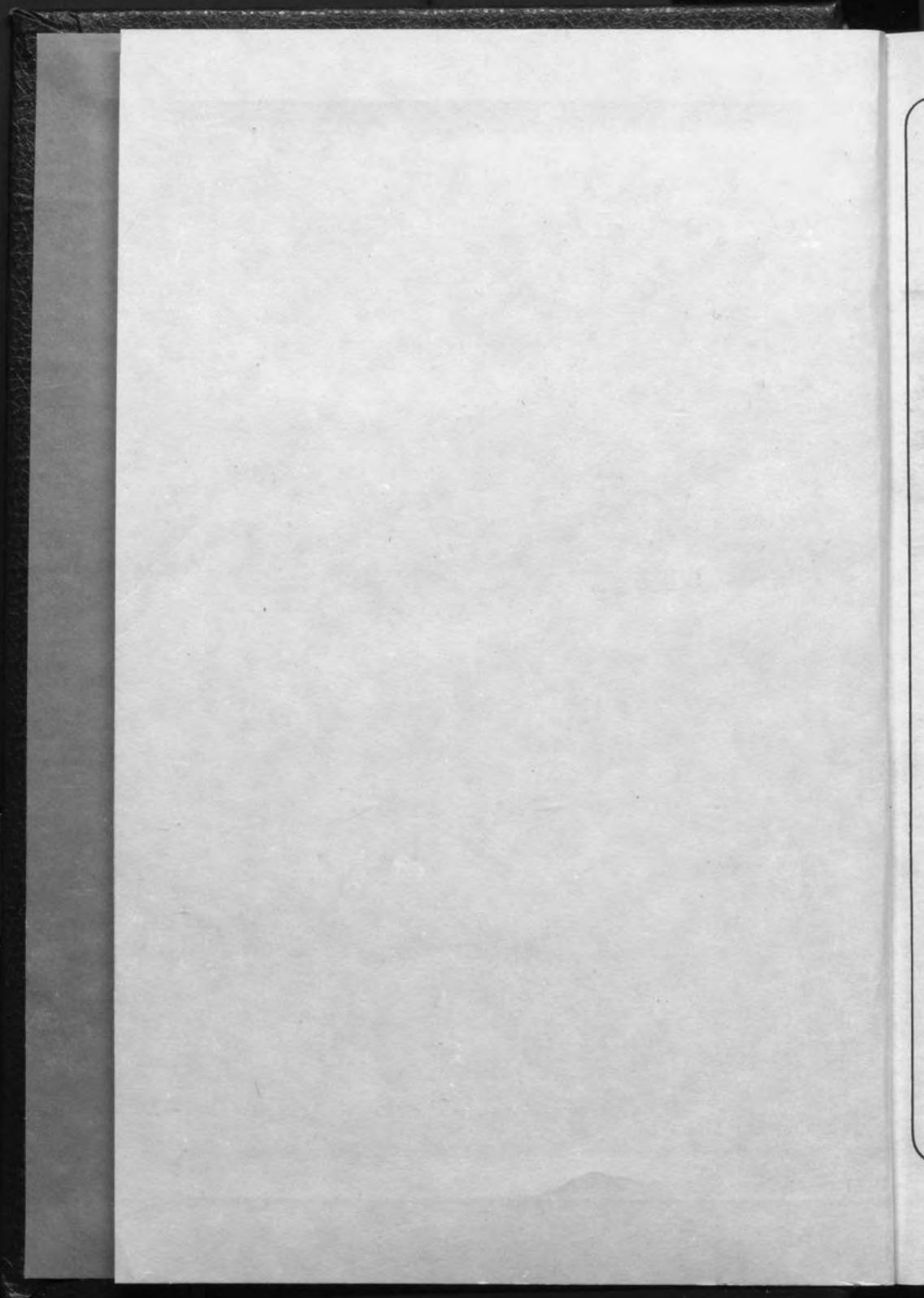
Mf' Deub, u' Lydy' ramb' d' d'

Domid' kaurbedy' uo' werte

cy' nou' ramb' d' d' Baum'

Handwritten signature or name, possibly 'Dagobanik'.

Handwritten signature or name, possibly 'Kunoznera'.

Литература

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Откуда мы родом?

ЗЕМЛЮ И ПЕРВЫЕ

к р

Литература

ЭВ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

**ТОМ
второй**

ОБЛАСТНАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЛАСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
ВЯТСКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА

1995

м 511357

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Н. И. ШАКЛЕИН, В. А. НИКОНОВ, В. А. СИТНИКОВ,
Н. Г. ПРОТОПОПОВ, В. В. ВТЮРИН, А. А. ГОРЕВСКИЙ,
Н. В. ПОЛЯКОВ, А. Н. ЗОРИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
В. А. СИТНИКОВ (председатель),
Н. И. ПЕРМИНОВА (заместитель),
О. М. ЛЮБОВИКОВ, А. В. РЕВА, В. А. БЕРДИНСКИХ,
А. Г. ТИНСКИЙ, С. П. КОКУРИНА, В. А. ПОЗДЕЕВ,
Г. Г. КИСЕЛЕВА, В. К. СЕМИБРАТОВ, А. Н. СОЛОВЬЕВ,
В. Ф. ПОНОМАРЕВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ
Том 2. Литература

Художник
А. М. Колчанов
Составитель
и автор
биографических справок
В. А. Поздеев
Редактор
М. П. Чебышева

Библиотечный фонд
научная библиотека
им. А. И. Герцена

ББК 26.89(2Р-4Ки)+83.3(2Рос-Рус)
0-83

ISBN 5-86645-006-2

РУЧЬИ, СОЗДАЮЩИЕ РЕКУ

(От составителя)

«Книга — это духовное завещание одного поколения другому, — так говорил молодой А. И. Герцен на открытии публичной библиотеки в Вятке, — совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющемуся на отдых, часовому, заступающему на его место. Вся жизнь человеческая последовательно оседала в книге, племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Но в книге не одно прошедшее, она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммой истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего. Итак, будем уважать книгу...»

«Программа будущего» — так определил Герцен самое важное предназначение книги, но небезынтересна и история ее создания, без которой не будет полной «сумма истин». История литературы, пожалуй, одна из наиболее интересных страниц в истории духовной культуры России.

Русской литературе тысяча лет. Каждый век, каждый период ее развития ознаменован значительными произведениями, выдающимися писателями — это золотой фонд нашей национальной культуры, но на протяжении всей ее истории жили и творили писатели, которые составляли как бы «периферию» большой литературы. Они продолжали, развивали, а иногда и предвосхищали гениев русской словесности. В ли-

тературном процессе всегда существовали различные школы, направления, выделялись и региональные особенности. Каждая местность дала ряд имен известных прозаиков, поэтов и драматургов.

История литературной жизни Вятского края разнообразна и содержательна. С Вятской земли черпали свои таланты Е. И. Костров, Н. А. Дурова, С. А. Веснин, Н. Н. Блинов, М. Е. Селенкина, М. И. Ожegov, А. С. Грин, Н. А. Заболоцкий, О. М. Куваев; о Вятской земле, о своих впечатлениях от пребывания на ней писали А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. Г. Короленко, Ян Райнис и многие другие известные прозаики, поэты, публицисты.

Кажется, что все имена нам уже известны, все осмыслено, исследовано... Но белые пятна существуют. И немало произведений пылится еще в архивных папках, разбросано по страницам периодической печати. Многие явления, в том числе и историю литературы, можно сравнить с айсбергом, у которого есть видимая и невидимая часть, и подводная всегда остается большей. Знакомство с этой скрытой историей всегда было процессом занимательным и во многом поучительным.

Велика роль краеведения в воспитании патриотизма, который включает в себя любовь к родному краю, его истории и культуре.

Историей культуры и литературы нашего края занимались такие исследователи, как А. С. Верецагин, П. Н. Луппов, А. В. Эммаусский, К. В. Дрягин, Г. Ф. Чудова, В. Г. Пленков, Е. Д. Петряев, Н. П. Изергина и др.

В XIX веке история вятской литературы привлекала немногих. Упоминались вятские писатели только в связи с известными всей России именами: так рядом с А. Пушкиным — Е. Костров и Н. Дурова, с именем Л. Толстого — Н. Блинов, с именем Н. Чернышевского — Н. Бажин и М. Селенкина, с именем И. Сурикова — М. Ожegov.

Заметной вехой в истории вятской литературы стали исследования А. С. Верецагина «Вятские стихотворцы XVIII в.» (Вятка, 1896 — 1897). Он же опубликовал памятники вятской письменности XVI — XVIII вв. К пребыванию в вятской ссылке А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Короленко обращался П. Н. Луппов. Небольшие материалы о книжках местных писателей помещались в местных периодических изданиях.

В начале XX века в «Вятской газете», «Вятском крае», «Вятской жизни», «Вятской речи» публиковались не только многочисленные произведения местных писателей и публицистов, но и рецензии и обзоры вышедших книг.

Не было создано полного исследования вятской литературы и в 30 — 50-е годы нашего века. И только в конце 60-х появляются интересные и содержательные работы писателя-краеведа Е. Д. Петряева: «Литературные находки» (1966), «Люди, рукописи, книги» (1970), «Кировский литературный музей» (1970), «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке» (1975) и другие, в которых он рассказывает о многих известных и неизвестных увлекательных страницах в развитии культуры наших мест.

Постоянно обращается к изучению литературной жизни Вятки профессор КГПИ Н. П. Изергина. Ею написаны статьи, посвященные творчеству В. Г. Короленко, А. С. Грина, Ф. Ф. Павленкова и др. В ее интересных книгах «Писатели в Вятке» (1979) и «Литературная жизнь Вятки (1870 — 1917)» (1990) на большом архивном материале рассказывается о творчестве писателей, так или иначе связанных с нашим краем.

В 1976 г. Кировским пединститутом был издан сборник научных статей «Писатели и Вятский край», где помещены статьи Н. П. Изергиной, А. Г. Балыбердина, Г. А. Охотиной, Г. Н. Шершневой, Н. Н. Подшиваловой. Годом позже вышла в Волго-Вятском изда-

тельстве книга «Литературные портреты» (составитель В. В. Заболотский), в ней рассказывается об истории писательской организации и помещены очерки о десяти кировских писателях. Вышедшая в 1982 г. книга «Литературный Киров» продолжила традицию публикации биографических справок и библиографии кировских писателей. Такие библиографические справочники, подготовленные Кировской областной научной библиотекой имени А. И. Герцена и писательской организацией, выходили не один раз.

Известный библиограф-краевед Г. Ф. Чудова в 1981 г. выпустила книгу «В те далекие годы», посвященную истории вятского краеведения. В ней также затрагиваются вопросы истории вятской литературы.

Большой вклад в изучение и составление библиографии вятских писателей внес В. Г. Шумихин, его высокий профессиональный уровень, творческое отношение к методике составления «Указателей» сделали такие издания хорошим подспорьем в исследовательской работе многих ученых-краеведов. Издание второго тома энциклопедии земли Вятской соберет воедино все накопленное ранее.

Любовь к родному краю, к его истории, традициям, материальным и духовным ценностям закладывается с детства. Уже в школе, на уроках литературы, литературных часах, вечерах, беседах пробуждается глубокий интерес не только к истории всей великой русской литературы, но и к ее малой части — истории литературы родного края.

Умело, интересно организованное литературное краеведение в школе является неотъемлемой частью формирования личности молодого человека, будит в нем высокие патриотические чувства. Вспоминаются в этой связи слова писателя И. Эренбурга: «Говоря о широкой реке, не следует забывать о ручьях, что создают реку. Для того, чтобы патриотизм был крепким, плотным, непоколебимым, нужно, чтобы он исхо-

дил из любви к своей маленькой родине, к родному городу, селу, краю».

Литературное краеведение решает и такую важную задачу, как умение постигать и ценить эстетическое, художественное совершенство произведений культурного прошлого своей земли, оно расширяет представление о национальном характере русской культуры. Говоря словами академика Д. С. Лихачева, «национальное бесконечно богато. И нет ничего удивительного в том, что каждый воспринимает это национальное по-своему...» Каждое индивидуальное восприятие национального расширяет общее понятие «о русском» — русском в характере народа, в характере природы, городов, искусства и прочего.

Многие учителя нашей области, используя материалы краеведения, учат понимать и ценить произведения искусства, памятники истории и архитектуры, красоту и богатство родной природы. Однако материалов о творчестве местных писателей, собранных воедино, все еще не хватает. Особенно это касается художественных произведений прошлого: тексты многих писателей XVIII — XIX вв. публиковались еще до революции в различных периодических изданиях и сейчас стали библиографической редкостью.

Настоящий том энциклопедии земли Вятской представляет из себя антологию литературы родного края. Он дает необходимые материалы для краеведческой работы, знакомит широкие круги читателей с историей формирования, становления и развития вятской словесности, рассчитан и для семейного чтения.

Весь материал расположен в хронологическом порядке: от средневековой литературы до наших дней, представлены наиболее характерные произведения того или иного писателя, в некоторых случаях публикуются вещи малоизвестные, но связанные с нашей землей. В книге помещены произведения или от-

рывки, которые свидетельствуют о многообразии творческих возможностей вятских художников слова.

Тексты сопровождаются биографическими справками и историко-литературными статьями. Эти статьи не претендуют на полный и всесторонний анализ истории вятской литературы, дают общие представления об историко-литературном процессе и особенностях его на Вятской земле.

Тексты средневековой вятской литературы даются по публикациям XIX в., некоторые в современных переводах. Произведения писателей XIX в. печатаются по авторитетным источникам. Везде, где это возможно, сохранены синтаксические особенности первой публикации, смысловые курсивы, а также написания, отражающие литературную норму своего времени. Тексты печатаются по новой орфографии.

Даты до 20 февраля 1918 г. даются по старому стилю.

Надеемся, что это издание будет встречено с интересом и найдет своего читателя.

В. Поздеев

РАЗДЕЛ I ЛИТЕРАТУРА XVII—XVIII ВЕКОВ

ОТ ТРИФОНА ВЯТСКОГО ДО ЕРМИЛА КОСТРОВА

К. Г. Бронников, Л. Н. Лузякина, В. А. Поздеев

Вятская средневековая литература мало изучена и почти не публиковалась. Широкому читателю она практически неизвестна. Наиболее интересны из произведений XVII — XVIII вв. «Житие и подвиги и отчасти чудеса преподобного отца нашего архимандрита Трифона, Вятского чудотворца и начальника обители Успенья Богородицы, что в Хлынове», «Повесть о стране Вятской», «Повесть о явлении чудотворного образа Великоорецкого отца нашего Николая...», «Вятский временник», «Летописец старых лет».

Одним из интереснейших пластов средневековой литературы являются летописные источники, которые можно рассматривать и как исторические описания, и как художественные произведения. Таковыми в вятской литературе являются «Вятский временник», «Повесть о стране Вятской» и «Летописец старых лет», также имеются разрозненные сведения о вятской истории в различных летописях.

Над «Вятским временником» трудились дьячок Богоявленского собора Семен Попов и его сын Иван. В этом «летописании» излагаются события вятской истории с 1391 по 1700 годы.

Другой известный «летописный» источник — «Повесть о стране Вятской», которая долгое время служила единственным историческим документом, из нее местные и столичные историки черпали факты. Она датирована концом XVII—началом XVIII вв. К сожалению, автор «Повести о стране Вятской» не известен, однако несомненно, это один из книжников литературного кружка архиепископа Ионы Баранова. Многие факты «Повести» недостоверны, противоречивы. Еще большую путаницу внесли пересказы

«Повести» (П. И. и Н. П. Рычковы). Однако ее приняли на веру известные русские историки XIX в. — Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский. Некоторый отход от исторической основы автор «Повести» компенсирует индивидуальным взглядом и эмоциональной оценкой события, например: «И видевше новгородцы той град на прекрасной высокой горе, возжелаша ратию взяти его и обещахася прародителям своим российским великим князьям страсготерпцам Борису и Глебу и заповедоша всей дружине своей поститися и ни ясти и не пити...». Эта «Повесть» проникнута духом патриотизма, гордостью за свою древнюю Вятскую землю.

В «Летописце старых лет», который датируется также XVII — началом XVIII вв., приводятся сведения об общерусской истории и факты истории Вятской земли с 1391 по 1682 гг. Однако и этот источник страдает многими неточностями.

Как и в других региональных литературах, видное место занимает жанр жития. Жития святых, или еще эти произведения называют агиография (от греческого *hágios* — святой и *grápho* — пишу), описывают жизнь героя, его благие деяния, чудеса. На протяжении многих веков выработывался их своеобразный канон, то есть определенные жанровые рамки, приемы изображения.

Жития святых — это прежде всего церковная литература, однако жития постепенно сближались с литературой светской. Они наполнялись историческими фактами, подавались в яркой публицистической форме и легче всего воспринимали влияние апокрифов и народных легенд. С течением времени появляются не только жития святых, но и княжеские жития. В конце XIV — начале XV вв., как отмечает академик Д. С. Лихачев, наблюдается расцвет экспрессивно-эмоционального стиля, который наиболее ярко проявился в житийной литературе. С XV — XVI веками связан целый ряд памятников, в которых рассказывается о святых — основателях монастырей.

Особое место среди житийной литературы этого времени занимает «Повесть о Петре и Февронии», выдающийся памятник XVI в., в котором возобладали нетрадиционные житийные черты: лаконизм повествования, отсутствие этикетных черт, фольклорные мотивы.

XVII век ознаменовался процессом «обмирщения», когда происходил постепенный переход от древней, преимущественно

церковной литературы, к светской, от культуры средневековой к культуре нового времени.

Однако провинциальная литература XVII — начала XVIII вв. еще тяготела к традициям и канонам средневековой литературы. Такие произведения создавались, по большей части, в монастырских кельях. Не стала исключением и Вятская земля. Так, «Житие Трифона Вятского» было составлено в 60-е годы XVII в. одним из монахов Вятского Успенского монастыря.

Имя преподобного Трифона Вятского (1546 — 1612) связано с историей заселения северных земель русскими, с созданием монастырских обителей и, в частности, обители Успенья Пресвятой Богородицы в Хлынове (Вятке). Известен Трифон Вятский в истории церкви и как просветитель пермских народов. Неизгладимый след оставили его чудеса, а мощи его, почивающие под спудом в обители Успенья Пресвятой Богородицы, почитаются всеми верующими Русского Севера.

История написания «Жития Трифона Вятского» пока еще темна. Историк В. В. Низов отмечает: «Биограф Трифона имел многочисленные встречи и беседы с современниками и очевидцами, лично знавшими святого, записывал и запоминал их рассказы о жизни, подвигах и чудесах преподобного, а в Успенском монастыре ему посчастливилось даже читать написанные самим Трифоном тетради, представляющие собой «дневниковые» записи чудотворца».

Как и все произведения средневековой литературы, «Житие» передавалось в списках, так, в XIX в. существовало уже пять списков. В 1868 г. была подготовлена первая публикация «Жития». Подготовкой занимался попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков, который использовал для публикации все пять списков. В начале нашего века список конца XVII в. был опубликован в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии» (1912). В 1905 г. публиковалась краткая редакция этого списка в «Трудах Пермской ученой архивной комиссии».

Неизвестный список «Жития» обнаружил В. В. Низов в библиотеке Кировского педагогического института. Он считает, что «неизвестный список жития, отличающийся от опубликованных, занимает промежуточное положение между списком конца XVII века и Шестаковской редакцией».

Давая атрибуцию, В. В. Низов отмечает: «Составлен он, очевидно, в середине XVIII века. Написан одним почерком — московским полууставом со старопечатной основой. Переплетен в книгу «в четверку» (четвертая часть листа). Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Имеются остатки двух застежек из желтого металла. Заголовки выполнены красными чернилами (киноварь). Нижняя часть первого листа слегка оборвана, в верхней же части его начертана надпись: «Изъ Книгъ Вятскаго Успенскага Трифонова монастыря Архимандрита Феофилакта». Настоятелем монастыря Феофилакт был в 1824—1829 годах. Над заголовком вклеена вырезанная из какой-то печатной книги заставка, представляющая собой орнамент, в центре которого изображение библейской сцены «Благословение Иисуса Христа».

Помимо «Жития Трифона Вятского» на Вятке были написаны еще несколько житийных повестей: «Житие блаженного Прокопия Вятского», «Повесть о явлении чудотворного образа Николы Великорецкого». Последняя только примыкает к житиям, однако ее можно определить как «повесть», в которой рассказывается история появления на Вятке чудотворного образа, иконы святителя Николая. Культ Николы на Руси был широко распространен, его чудеса, деяния сопоставимы с делами Богородицы и даже Христа. Поклонение Николе приближается к поклонению самому Христу. В русском религиозном сознании вера в Бога предполагала и веру в Николу, в его чудеса, а непочитание Николы рассматривалось как ересь. Особое значение чудотворца находит отражение и в иконописи.

На Вятке почитание святителя Николы было особенно распространено. Так, появляется сказание («повесть») об иконе, найденной в пределах Вятского края у реки Великой. Эта икона была доставлена сначала в Хлынов, а затем в Москву в 1555 — 1556 гг.

Во второй раз в 1614 — 1615 гг., в первые годы царствования Михаила Федоровича Романова, вскоре после этого события, которое отмечено в разных летописных источниках, была написана «Повесть о явлении чудотворного образа Великорецкого иже во святых отца нашего Николая архиепископа Мирликийского и вселенского чудотворца». Этот список «Повести» относится к XVII в., но существуют списки и последующего времени, вплоть до первой половины XIX в.

«Повесть о явлении...» — произведение, в котором соединились традиции древнерусской литературы и народного творчества. Сюжет «Повести» строится как рассказ о событиях, связанных с обретением иконы, ее чудодейственных силах. Такая композиция напоминает «житийную». Стиль повести в разных списках неоднороден, он отражает эволюцию от более сдержанного, приближенного к летописным источникам стиля ранних редакций, к витиеватому стилю редакций XVIII в.

Еще одна «Повесть» известна в вятской средневековой литературе. В Российской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится сборник, написанный полууставом и скорописью второй половины XVII в. на 162 листах. На страницах с 1 по 21 написана вятская повесть: «Повесть о иконе Пречистой Богородицы и Приснодевы Мария, Честнаго и Славнаго ея Одигитрия новоявленная, иже принесена бысть повелением Пречистой Богоматери в Соловецкую лавру лета 7170-го мая в 26 день». Впервые ее опубликовал также В. В. Низов. Повесть интересна прежде всего тем, что в ней упоминается факт рыболовства вятчан на Волге. Интересна и судьба вятского рыбака Ивана Иванова по «реклу» Лянгусова, который попал в плен к калмыкам, а затем был продан крымским татарам. Рассказывается и о том, как он бежал, как ему было видение, как он обещал написать образ Спаса и Пречистой Девы Марии. Все это исполнилось и Иван Лянгусов принес чудотворную икону в Соловецкую лавру.

Еще много неизвестных страниц может открыть изучение средневековой литературы Вятки. Новые источники дадут возможность осмыслить ее место в истории общерусской средневековой литературы, во многом прояснить пути формирования литературы нового времени.

* * *

XVIII век — особая историко-культурная эпоха в развитии всей русской национальной литературы. Это, по словам Б. М. Эйхенбаума, «поистине рабочее, трудовое для русского искусства» столетие изучено, на первый взгляд, довольно полно: опубликовано и прокомментировано множество текстов от первых робких литературных опытов петровской эпохи до гениальных творений Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина.

И все-таки, говоря о литературе XVIII столетия, мы чаще всего представляем себе лишь ее магистральные пути, вершинные

явления. А ведь история культуры — это не только могучие деревья. Динамика любого процесса определяется причинами, подчас далеко не однозначными, скрытыми от глаз. В этом плане в истории изучения и осмысления литературы XVIII века есть еще своя «терра инкогнито» — это литература провинциальная, которая по-своему и значительна, и интересна. Соотношение культуры столичной и провинциальной часто понимается нами сквозь призму современных представлений, что подчас искажает общую перспективу, смещает ориентиры. Не станем забывать, что детские годы, например, Державина прошли под Казанью, а грамоте его учил дьячок сельской церкви. Карамзин явился в Москву из Симбирска, а Радищев, хоть и родился в Москве, но детские годы провел в селе Пензенской губернии и «начальное образование души» получил под руководством крепостных: няни Прасковьи Климентьевны и дядьки Петра Мамонтова.

Вятская литература XVIII в. — интереснейшая страница в истории нашей культуры. Она еще ждет своих вдумчивых и серьезных исследователей. Несомненно одно: в лучших своих проявлениях она была не эпигонской, подражательной, но являла свои, пусть небольшие, эстетические ценности, несла свои художественные открытия. Следует заметить, что, говоря о литературе какого-либо края, в том числе и Вятки, мы имеем в виду не только творения людей, родившихся на этой земле, но и тех, чья деятельность оказала большое воздействие на формирование ее культуры. В XVIII и в XIX веках, в глухой вятской провинции нередко оказывались опальные политические деятели, писатели и поэты, и, наоборот, уроженцы Вятки покидали ее, вливаясь в столичную литературную среду. Эта культурная миграция — естественный процесс, который нельзя не учитывать, говоря о так называемой провинциальной литературе. Ярчайший пример этого процесса — судьба известного деятеля петровской эпохи Лаврентия Горки, пребывание которого в Вятке стало для нашей культуры XVIII в. едва ли не самым ярким и масштабным событием.

Воспитанник знаменитой Киево-Могилянской академии, преподаватель пиитики и риторики, а затем игумен Выдубицкого монастыря в Киеве, в 1720-е годы по рекомендации Феофана Прокоповича был призван в Петербург. Его образованность и литературная одаренность, а также приверженность

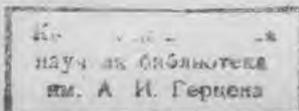
идеям просвещения были оценены Петром I. После смерти Петра усиливается политическая борьба за власть, расцветают интриги, их жертвой так или иначе становится приверженец Петра — Лаврентий Горка: по именному указу он переводится в Вятскую епархию, где и проводит последние годы жизни. Но и сосланный в Вятку, Лаврентий Горка неутомимо продолжал свою просветительскую деятельность.

Велика его роль не только в воспитании учеников созданной им здесь славяно-латинской школы, но и в развитии традиционной школьной драмы, поскольку был он одаренным, ярким драматургом.

В 1730—40-е годы традиционная школьная драма переживает период упадка. Но есть все основания к тому, чтобы рассматривать опыты воспитанников вятской славяно-латинской школы как подготовительный этап в формировании «этического человека», созданного впоследствии драматургией русского классицизма. Библейский сюжет об Иосифе как нельзя лучше соответствовал тем воспитательным, нравственно-этическим представлениям, которые стремился заронить в сердца своих воспитанников Лаврентий Горка. Трагедокомедия Горки представляет несомненный историко-литературный интерес уже потому, что обращена к морально-этической проблематике. Характерной чертой школьной драмы, особенно на библейскую тему было то, что в ней изображался особый мир, особый по его совершенству и бесконечности: человек и окружающие его обстоятельства предстают здесь как высшая степень философской абстракции. Мораль и философия, добро и зло выступают как герои, взаимодействующие с конкретными персонажами. Так, в трагедокомедии Горки Зависть беседует с другом Иосифа, произносит страстные монологи и представляет собой своеобразный «отрицательный персонаж», стремящийся погубить Иосифа, тогда как Совесть своими речами пытается вразумить одержимую «скверным желанием» жену Пантефрия, а Прелесть — совратить Иосифа.

При всей аллегоричности сюжета — Иосиф, невинно оклеветанный, брошенный в темницу, а затем «дивно возведенный» на престол царский — своеобразный прообраз Христа — пьеса Лаврентия Горки отличается от многих анало-

m 511352

гичных произведений школьной драматургии особенной поэтичностью, своеобразным драматизмом, глубиной изображения если не характеров, то, говоря пушкинскими словами, «истиной страстей».

К сожалению, у нас нет пока документальных источников, позволяющих говорить о вятской драматургии 40—60 гг. XVIII в., периода становления русского классицизма. Более полно эта эпоха представлена поэтическими жанрами.

Вятская поэтическая школа сложилась в первой половине XVIII в. при славяно-латинской, а затем и духовной семинарии. Вятская духовная семинария принадлежала к наиболее организованным и передовым духовным школам России XVIII в. Период ее расцвета падает на 60—70-е годы. Именно тогда в ее стенах возрос поэт общерусского масштаба — Ермил Иванович Костров.

Характерной чертой семинарской жизни было всеобщее увлечение литературой, прежде всего поэзией. Дошедшие до нас ученические тетради свидетельствуют о том, что поэзия определяла основную (впрочем не официальный) профиль этого учебного заведения. Тон задавали учителя. У истоков вятского стихотворства стоят Иоаким Богомедлевский и Михаил Евстафьевич Финицкий — первые учителя, посвятившие вятчан в тайны «поэтических трудов».

Иоаким Богомедлевский прибыл на Вятскую землю в 1732 г. по указу Святейшего Синода в ссылку. Отбывать ссылку ученый-монах должен был в отдаленном Чердынском монастыре, в оковах за «бродяжество». Иеромонах Иоаким Богомедлевский был человеком незаурядным: ученик Киевско-Могилянской академии, он входил в число наиболее образованных людей своего времени. Известно о Богомедлевском немного: сын священника Киевской епархии, в детстве воспитывался в Киево-Печерском монастыре, двенадцать лет учился в Киево-Братском монастыре, откуда был отправлен за границу Стефаном Яворским. Богомедлевский слушал лекции во Львове, Люблине, Кракове, Варшаве, Гданьске, Кенигсберге. По завершении образования Богомедлевский был пострижен в монахи и вступил на учительскую стезю (был учителем в школе, основанной св. Дмитрием Ростовским, учителем в Заиконоспасской школе — 1702—1709 гг.).

В Чердынском монастыре Богомедлевский провел четыре с половиной года (1732—1736). В августе 1736 г. архиепископ Лаврентий Горка вызвал Богомедлевского в Хлынов и поручил ему преподавание пиитики и риторики в славяно-латинской школе. Богомедлевский прибыл из Чердыни изможденным от «сидения в оковах» старцем, когда для школы настали тяжелые времена. Вскоре по прибытии Богомедлевскому пришлось стать свидетелем ожесточенного нападения на школу подъячих и посадских людей (23 сентября 1736 г.).

Положение ссыльного учителя, по-видимому, было очень тяжелым. Местные обыватели относились к нему как к еретику и «латыннику». В августе 1738 г. отец Иоаким бежал. 30 августа в Провинциальную канцелярию поступило прошение из Духовного приказа о сыске «бежавшего иеромонаха» Иоакима Богомедлевского.

Первый учитель пиитики не оставил формальных следов своего пребывания в Вятке. Но не без основания можно предположить, что велика была роль И. Богомедлевского в формировании духовной ауры будущей Вятской семинарии, которой суждено было стать эпицентром «областного культурного гнезда».

М. Е. Финицкий приехал в Хлынов в 1735 г. и начал преподавание грамматики и синтаксиса, потом пиитики и риторики. Покинул семинарию в январе 1745 г. После себя выпускник Киево-Могилянской академии оставил рукописный учебник «Idea artis poëseos...», датированный 1741 г. Учебник Финицкого повторяет и развивает идеи учебника Лаврентия Горки (1707 г.). Финицкий несколько сократил и изменил рукопись Горки, сохранив композицию, структуру, основной корпус примеров.

«Idea artis poëseos...» разделена на четыре книги. В первой говорится о природе, предмете и цели поэзии, о поэтическом вымысле, поэтических средствах и видах стихов. Вторая книга рассказывает об эпической, комической и трагической поэзии. Третья — о поэзии элегической, буколической, сатирической и лирической. Четвертая книга посвящена поэзии эпиграмматической и «стихам менее важным». Изложение поэтических правил сопровождается примерами из Вергилия, Горация, Овидия. Многие латинские стихи даны в переводе на русский язык (переводы выполнены Л. Горкой).

В учебнике есть латинские и русские стихи, принадлежащие М. Е. Финицкому. А. С. Верещагин приводит двенадцать латинских двустиший (с русским переводом), посвященных преосвященным Лаврентию и Вениамину. Уровень художественной гратуляции Финицкого свидетельствует о мастерстве и талантливости их автора:

Угасшу Лаврентию на его престоле,
Вениамин сияет по Божьей воле.

* * *

Упаде веры Божией столб неколебимый,
Днесь инна утверди Бог везде хвалимый.

* * *

Сконча Лаврентий труды от смертныя страсти,
А Вениамин прииде овцы его пасти.

* * *

По умершем Лаврентии преподобном пастыре
Полно все слез в сем Вятском мире.

Учебник Финицкого написан в духе поэтических трактатов первой трети XVIII столетия. Комплекс идей и поэтических воззрений, предложенных М. Е. Финицким ученикам Вятской семинарии, схож с комплексом идей поэтики Феофана Прокоповича (Феофан Прокопович «О поэтическом искусстве»). Однако «поэтика» Финицкого свидетельствует о том, что ее автор не был лишь подражателем, напротив, Финицкий в «Ideas...» выступил как новатор. Так, в четвертой книге учебника, книге наиболее полной, говорится о стихах artificiosus и эпиграммах. Так детально на анализе поэзии подобного рода не останавливалась ни одна русская поэтика до Финицкого. Финицкий дает обстоятельное понятие о «змеиных», «симфонических», «параллельных», «рачьих» стихах; понятие об акrostихе и анаграмме. Объяснения каждого вида стиха сопровождаются примерами на латинском и русском языках. Так, для объяснения стихов «ретроградных» («рачьих») даны следующие два примера:

Анна ми мати и та ми манна.
Анна дар и мне сен мира данна.

Четвертая книга «поэтики» Финицкого изобилует «курьезными» стихами, загадками, акростихами и т. д. Все это, как справедливо заметил А. С. Верещагин, «могло значительно служить к упрочению рифмы в русском стихе и отчасти даже помогать переходу от силлабического к тоническому стихосложению».

Страницы поэзии XVIII в. принадлежат перу вятских поэтов одной школы, но они различны по тематике, по жанрам. Они, безусловно, не равноценны. Среди них есть подлинные шедевры, это, в первую очередь, переводы Е. Кострова. Есть произведения, раскрывающие новые грани литературы эпохи Просвещения, духовного облика людей этой поры. Так, Ермил Иванович Костров был поставлен Пушкиным в один ряд с Ломоносовым, Херасковым, Державиным. Не будем считать это преувеличением: у Пушкина, умевшего видеть многое из того, что другим казалось неприметным, были, по-видимому, свои резоны.

У Кострова и других вятских поэтов проявилась важнейшая для эстетики русского Просвещения особенность — понимание литературы как фактора нравственного воспитания человека. Отсюда своеобразие поэтики, интерес к жанру басни и сатире вообще. Если мы вспомним, какую остроту приобрели сатирические жанры в русской литературе 1760-х годов, то будет весьма и весьма небезынтересно проследить, как в дискуссию о роли сатиры (дискуссию, в которой участвовала сама Екатерина) вписались «Сатирические забавные и правоучительные эпиграммы, сочиненные в городе Хлынове Вятской семинарии префектом Антоном Поповым», басни Гавриила Шутова.

Помимо стихотворных жанров в литературе XVIII столетия широкое распространение получили драматургия, мемуаристика, эпистолярные жанры (письма), продолжал развиваться жанр «хожений» (записки путешественников). Подобное многообразие можно увидеть и в вятской литературе. Вятчанин Ф. С. Ефремов описал свое путешествие в Хиву, Бухару и дальше на Восток («Десятилетнее странствование и приключения в Хиве, Бухаре, Персии и Индии унтер-офицера Ефремова»).

«Капли в ручьи собрались; (...) в реки ручьи возросли», — писал в одном из замечательных своих стихотворений «Осьмнадцатое столетие» А. Н. Радищев. Вятская литература XVII — XVIII вв. подобна этим животворным ручьям.

ПОВЕСТЬ О СТРАНЕ ВЯТСКОЙ

(Отрывок)

И в лето 6682 (1174) отделишася от предел Великого Новграда жители новгородцы самовласцы с дружиною своею и шедше плываху в судах на низ по Волге-реке, и дошедше реки-Камы и пребывша ту неколико время, и поставиша по Каме-реке градец мал в обитание себе. И слышаху о Вятке-реке и иже по ней живущих чуди отяков, обладающих многими землями и угодьями, и земляные окопы и валы построиша круг жилищ своих, боящися находу Руси, а к поселению потребны и угодны и обладать ими от тех язык не тягостны. И отделишася половина тех новгородцев и идоша вверх по Каме-реке до чусовых мест (а другая половина остася на Каме в новопостроенном их городке); шедше же вверх по Каме-реке испедше на гору на страну ону и дошедше реки Чепцы и вниз по ней пловуще пленяюще отяцкие жилища и окруженныя (т. е. жилища) земляными валами ратию вземлюще и обладающе ими. И егда исплывшие тою реку Чепцу, внидоша в великую реку Вятку и плывше по ней мало более пяти верст и узревше на правой стороне, на высокой прекрасной горе, устроен град чудской и земляных валов окружен, от реки же Вятки ров глубокий, от него же кругом земляным валом (и ископанным ровом обведен называем чудью Болванский городок, иже ныне нарицается Никульцyno по реке Никуличанке.

И видевше новгородцы той град на прекрасной высокой горе, возжелаша ратию взяти его и обещахася прародителям своим российским великим князьям стратотерпцам Борису и Глебу и заповедоша всей дружине своей постигтися и ни ясти и не пити, еже бы им получить Болванский чудской городок под обладание себе и ту селитбу имети. И приступавше к тому граду вельми жестоко и сурово, призываху на помощь святых стратотерпцев Бориса и Глеба и глаголюще яко иногда новгородскому великому князю Александру Невскому даровали есте победу на супротивных шведы за рекою Невою явитесь пловуще в насаде, тако ныне нам способуйте молитвами вашими и помощью всеильного в Троице славимого Бога. И представительством Пресвятая Богородицы и ходатайством святых стратотерпцев великих князей Бориса и Глеба той крепкий град взяша воинским промыслом в лето 6689 (1181) месяца июля в 24 день, на память их всероссийских князей святых стратотерпцев Бориса и Глеба и побиша ту множество чуди и отяков, а иные по лесам разбегошася; и по обещанию своему поставиша в том граде церковь во имя святых стратотерпцев Бориса и Глеба и нарекоша той град Никульцyno.

От того обладания новгородцы начаша множитися, размышляюще, еже бо им где в пристойном месте град свой построити, место рассмотряюще.

ПОВЕСТЬ О ЯВЛЕНИИ ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО НИКОЛАЯ АРХИЕПИСКОПА МИРЛИКИЙСКИХ, ЧУДОТВОРНОГО ЕГО ОБРАЗА ВЕЛИКОРЕЦКОГО, ЯВИВШЕГОСЯ В ОБЛАСТИ ВЯТСКИЕ СТРАНЫ, В ПРЕДЕЛАХ БОГОСПАСАЕМОГО ГРАДА ХЛЫНОВА, В ВЕСИ НА ВЕЛИКОЙ РЕКЕ

(Отрывок)

...В лето 6891-е (1383 от Р. Х.), при державном, благоверном и великом князе Дмитрии Иоанновиче Московском и всея России, сыне великого князя Иоанна Даниловича, нарицаемого Калиты, правящу престол Российския митрополии преосвященному Пимину, митрополиту Московскому, бысть явление образа великого чудотворца Николая в Вятской стране сицевым явлением: Вятской страны жителю Великорецкия веси, мужу некоему благоговейну, шествующу путем от своего дому, своя ради домовья потребности, зреть близ Великия реки в чащи леса аки свечи многия горящия. Он же постояв мало не разуме бываго, иде в путь свой. И егда ему вспять возвратившуся к домови своему, паки видит той же свет на том же месте, и прииде близ оного света идеже свечи горяху, и виде тамо икону стоящу, свечи же невидимы быша. Он же о сем чудеси зело ужасеся, и зреть с радостию вкупе и со благоговением явишийся ему образ великого чудотворца Николая, и взем образ той постави его в дому своем, и о сем явлении чудотворного образа никому же поведат. Стояше же той чудотворный образ в дому поселянина того неколико время.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ И ОТЧАСТИ ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АРХИМАНДРИТА ТРИФОНА, ВЯТСКОГО ЧУДОТВОРЦА И НАЧАЛЬНИКА ОБИТЕЛИ УСПЕНЫЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, ЧТО В ХЛЫНОВЕ

(Отрывок)

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой милости Своей возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому: к наследию нетленному, непорочному и неувядаемому, хранящемуся на небесах для вас, Силюю Божию через веру хранимых ко спасению, готовому явиться во время последнее. О сем радуйтеся, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных напастей, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явлении Иисуса Христа. Его не видев, любите, и ныне не видя, но веруя в Него, радуйтеся радостью неизреченною и преславною, достигая по кончине верою вашей спасения душ.

Возлюбленные! Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает. О сем

разумеем, ибо в Нем пребываем и Он — в нас. Если кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него заповедь, чтобы любящий Бога любил брата своего. Плод духовный есть любовь и прочая. Если живем по духу, о духовном и помышляем. Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его избранию, все содействует ко благу. Ибо кого Он избрал, тем и предопределил быть подобным образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями; а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил.

Праведник, если и скорпостижно скончается, будет в упокоении. Похвала праведному, возвеселятся люди, ведь бессмертие есть память о нем, познаваемая от Господа человеком и угодной Господу душой его.

Давид-пророк вещает: «Радуйтесь, праведные, о Господе: правым прилично славословить». Великий Василий в поучении своем глаголет: «Будь последователем праведных, и их имена и дела напиши на сердце своем».

При этом меня весьма страшит повествование, потому что не оставляя себе неисполненных дел, вовсе не достигаю проникновения в степень и меру их, но имея надежду на Бога и на молитвы сего мужа святого и блаженного, нового чудотворца Трифона.

...Как мне, грешному, в миру живущему и во многих молвах пребывающему, изречь или что сказать и как начать повествование о житии преподобного Трифона?

Слышал от родителей своих сказание повести о преподобном отце Трифоне и о его блаженном житии и о добрых делах его. Еще моего праотца Тимофея любил и одарял он своими преподобными молитвами и благословением. Когда я это слышал, был еще юным и желал потрудиться в обители той, но тогда удержанный братьями моими, не сподобился в той обители быть. Впоследствии же, спустя восемь лет, я пришел в обитель ту, однако был встречен архимандритом неприязненно неведомо почему: или недостойнства моего ради или молитв ради преподобного Трифона. И пришлось мне в иных краях странствовать и более чем от многих про его добродетельное житие слышать — да будет свидетельство верно!

И благодатью Христовою обрел я спутников и путь прошел благополучно даже и до обители Всемилостливого Спаса, господя нашего Иисуса Христа, Боголепного Его Преображения. И там принят был архимандритом с любовью и причтен был состав клирошан и живущих там людей. А не зная, что здесь преподобный Трифон был пострижен в монахи, только слышал от многих старейших иноков и от мирских людей, вопрошавших меня о преподобном Трифоне и восхвалявших его житие и подвиги и любовь и терпение, как он в монастыре трудился во славу Господа. Находился тот монастырь, нарицаемый Пыскорским, у реки Камы.

От них же я слышал о преподобном Трифоне многие повествования, сказания и один из них тайно для себя на свитке записал, другие запомнил пользы ради душевной. И Божьим изволением пробыв немного в том монастыре, устремился к Соли Вычегодской и благополучно дошел из пустыни до обители великого чудотворца Николая, нарицаемой Коряжемский монастырь.

И в той обители игуменом Александром был принят тоже с любовью — молитвами и поспешением великого чудотворца Николая и преподобного Трифона. Вскоре в той обители был пострижен по желанию своему в иноческий образ честною рукою самого игумена Александра и долгое время пробыл под его попечением. И там также слышал о житии и о подвиге преподобного Трифона от многих монахов и мирян, которые славословили его боголюбивое житие — милостливое и кроткое и терпеливое.

Я же и там совестью, будто огнем палимый, любовию сердца своего внимал и к прежнему писанию новое прилагал, уповал на Бога и на пресвятую Богородицу и на помощь преподобного Трифона. Доколе будут на Вятке, сим писанием буду иным на пользу и на утверждение веры и любви к преподобному отцу нашему Трифону, как и был.

Преподобный отец наш Трифон родился от родителей благочестивых, добродетельных и благоверных — от отца, нарицаемого Дмитрием, и матери Пелагии. Сия благословенная супружеская чета проживала в северной стране, нарицаемой Мезенью; по роду занятий же они были земледельцами. Оба жили по закону Божию, во всяком добронравии и всякими добродетелями украшены, и к церквям Божим часто приходили, и от трудов своих потребное подавали и всякими благодеяниями исполнены, как угодно Богу. И поэтому не пристало такому младенцу, который должен был воссиять, родиться от неправедных родителей; но прежде Бог предуготовил и создал таких праведных родителей его, а потом от них произвел своего угодника. Как и случилось: и соединилось добро с добром и лучшее с лучшим.

О достохвальная чета! О добрейшие супруги, которые такому ребенку были родителями! Сначала подобает почтить и похвалить родителей его, и это будет неким добавлением к похвалам и почестям ему, потому что приличествовало ему быть от Бога данным многим людям для успеха, для спасения и для пользы. Родились же у них и другие сыновья, их же Божественным крещением просветили и благонравию научили, радуясь о Господе. Последним же сей блаженный отрок родился и нарекли имя ему Трофим и просветили Божественным крещением и крестили во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Блаженный отрок рос исполненным добродетелей, и благодать Божия пребывала в нем. Во всем повиновался родителям своим и ни в чем не ослушался их. И сказано в Божественном писании: «Чти отца твоего и мать, да будет тебе благо и будешь долголетен на земле». На праведный путь устремлялся (отрок), к воздержанию себя приучая, постом тело свое

изнуряя, вредных душе и угодных плоти яств избегая, только малым сухоядением довольствуясь. И был нравом благ, и смирением и кротостью укрощен, и ко всем приветлив, с детства следовал заповедям Божиим.

Немного лет было ему, когда отец его Дмитрий преставился в вечную жизнь. По смерти отца своего блаженный отрок жил в дому своем с матерью своею и с братьями во всяком послушании и в повиновении. Когда он достиг совершеннолетия, братья его и сродники помышляли о нем суетно, как бы его сочетать супружеским браком и удержать с собою в отечестве своем, ибо жили во всяком обилии довольно; и потому понуждали блаженного отрока к супружескому браку. Он же об этом не помышлял.

В один из дней братья решили испытать блаженного и некую красивую девицу избрали из своих работниц, и нарядили ее в прелестные одеяния и тайно от блаженного укрыли ее в одном месте. Не ради блуда сотворили сие его братья, но желали убедиться в истинности его воздержания. И как-то сего благородного отрока послали в то сокровенное место, дабы этим его испытать. Если нечто дерзнет, потом сам пожелает жениться, ибо братья его не смогли доброжелательным советом склонить к женитьбе.

Девица стала блаженного ласкать льстивыми и игривыми словами и никак не могла соблазнить и крепкое целомудрие блаженного победить. Жало языка своего стерев, не поколебала крепкого столпа. Видя такую беду, блаженный отрок не только беседовать, но и слышать об этом не хотел и истошным голосом возопил, причитая: «Горе мне, горе в день сей! Что за время такое злое настигло меня, если хотят меня от Господа Бога моего отлучить и в адову пропасть низринуть!»

Услышав вопль блаженного отрока, проклинавшего такие действия, братья удивились подобному его целомудрию и воздержанию и потом уже не смели что-либо говорить ему о суетных делах мира сего. Видели же его удаляющегося от всего бренного и пребывающего в великом воздержании и имеющего частое хождение к церкви Божией и моление к Богу с умилением и со слезами и во всяких добродетелях цветущего и, как от огня, от мирских вещей и пристрастий далеко убегающего.

В один из дней блаженный отрок был в церкви, и по завершении утреннего пения священник, (стоя) в притворе, поучал людей из Божественного писания, говоря: «Если кто сохранит чистоту и непорочность душевную, также и телесную, и воспримет святой ангельский образ, то есть беспристрастное иноческое житие, того Господь Бог причтет в ангельские чины». Услышав сие от учителя, блаженный отрок с радостью воспринял и все слова его в сердце запечатлел, говоря про себя: «Дай мне, преблагий Господи, чистоту сохранить и сподоби меня воспринять святой иноческий образ». Как плодovitая земля, принял в сердце своем сеющее семя учителя своего, слово Спаса Иисуса Христа, сказавшего: «Блудите себя, да не будут отвязаны сердца наши объедением и пьянством и житейскими пе-

чалями и еще: всякий, кто оставит дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или села ради Моего имени, тому сторицею отойдет и наследует жизнь вечную».

И отныне блаженный начал раздумывать, как бы тайно от матери и братьев уйти из дома и отечества своего (туда), где Господь изволил бы обрести место на спасение души своей и молился Господу Богу со многими слезами, дабы сподобил следовать заповедям Его и найти место богоспасаемое, иноков поселение, и носить Его благое иго и легкое бремя, избавившись от забот суетных мира сего. И когда святой отрок помолился со многими слезами, потом испросил у матери своей благословение, как будто идет куда-то на некое дело. И так блаженный оставил дом и родителей своих — и все имущество свое оставил, но только одного желая — бесценного бисера Иисуса Христа.

И покинув отечество свое, проходил грады и веси и по пустыням скитался в последней нищете, по-евангельски странствуя Христа ради, как один из убогих, ищущий полезное место по спасению души своей. И дошел блаженный отрок до великого града Устюга и там обрел себе наставника ко спасительному пути — афанасьевского попа, именем Иоанн; и стал тот блаженному отцом духовным, который по исповедывании предал его в руки Господу нашему Иисусу Христу — да наставит его на все желания свои — и заповедал ему хранить чистоту душевную и телесную и уклоняться от всякого зла и творить благое.

О ПОСТРИЖЕНИИ СВЯТОГО В ИНОЧЕСТВО

После свершения этого чуда (чудо об исцелении младенца молитвами святого) блаженный отрок, отказываясь от людской славы, уходит отсюда и приходит на реку, прозываемую Камой, в монастырь Всемилоствливого Спаса, нарицаемый Пыскорским. И пребывал тут, обучаясь монастырским уставам и иноческому чину, хотя пока и не приняв его. Спусти какое-то время пришел блаженный к настоятелю обители той, к иеромонаху, именем Варлаам, мужу благочестивому, бывшему начальником места того и создателем обители той. И, упав, поклонился ему до земли и молил его со слезами, говоря: «Отче святыи, привел меня Бог к твоей святыне, да прими меня в иноки и будь мне наставником ко спасению души моей».

Иеромонах же Варлаам, видя блаженного отрока лежащим на земле и слезы многие источавшего долгое время и поняв, что ему явится возжеленная благодать, стал говорить ему: «О чадо, видишь ли, что место сие — скорбно и благосклонно на любое дело. Ты же — молод, думаю, что не сможешь вытерпеть неудобств на месте сем». Не только испытывая его, говорил, но и пронизательными глазами смотрел на блаженного, Богом наставляемого и желавшего быть Богу сосудом избранным и наставником многим душам ко спасению. Блаженный же отрок, с великим смирением отвечая настоятелю, сказал: «О честный отче! Бог, провидец всего и вся, привел меня к твоей святыне, чтобы ты наставил меня на всякое дело

благос. И что еще повелишь мне сделать, все повеления твои исполню, но только сделай меня иноком и будь наставником ко спасению души моей».

Иеромонах же Варлаам, услышав сие, ответил ему: «Благословен Бог, всего и вся Творец, укрепивший тебя, чадо, на сие усердие, да благословит и сподобит тебя сему великому святому ангельскому образу и будешь избран сосудом Божественного Духа, и что пожелаешь, будет тебе по вере твоей. И отныне служи братии со всяким терпением и покорством, а также и послушанием».

Услышав сие от настоятеля, блаженный, упав, поклонился ему до земли и так радостно преклоняет главу и остригает волосы на ней, вместе же с пострижением волос отрешается от суетных мудрствований. И нарекли имя ему Трифон. Был святой тогда двадцати двух лет от роду, когда принял святой ангельский образ.

ЧУДО О БОЛЬНОМ МЛАДЕНЦЕ

Некий муж, именем Исидор, живший близ монастыря того в Монастырской слободе, имел у себя младенца двух лет, именем Поликарп. Божьим изволением (он) зело изнемогал, и болезнь его длилась долгое время, и был уже при смерти. Муж оный Исидор увидел ребенка своего весьма ослабшим и, взяв его (на руки), пошел в монастырь Всемилостного Спаса. И пришел к настоятелю той обители, чтобы благословение от него получить на встречу с преподобным Трифоном. Настоятель же благословляет его идти к преподобному. Он же, идя, пришел к преподобному, неся сына своего, и стал молить преподобного, припадая со слезами к ногам его, дабы сотворил молитву к Господу Богу о здравии сына его. Преподобный же, видя сына его вконец ослабшего, сказал, смиряя себя: «Человече, что ты думаешь обо мне, грешном? Ведь я — худший из всех людей, и от меня ли искать тебе о сем молитвы к Богу и помощи ребенку твоему и меня ли понуждать на сие дело, которое выше сил моих? Но повелено нам от Бога друг за друга молиться, так и исцелимся. И если хочешь сына своего здоровым видеть, то помолимся Господу Богу оба вместе. Ведь Господь — щедр и милостлив, владеющий и живыми и мертвыми, потому может и сына твоего сотворить здоровым; только имей веру несомненную и любовь к Богу и надежду о свершении мольбы. Ибо же сказано: «Просите и дастся вам».

И когда состоялось моление Богу, то после молитвы преподобный взял святую воду и покропил ребенка и знаки у образа Пречистой Богоматери. И тотчас принял от Господа милость, и младенец оный получил исцеление и был здоров молитвами преподобного отца Трифона. Тот же муж Исидор, видя такое чудо, воздал славу Богу и, радуясь, ушел в дом свой.

И с тех пор пошла слава о преподобном отце Трифоне, о добродетельном житии его, и многие люди стали приходить к нему пользы ради духовной.

(В обработке М. Коковихина и В. Низова).

ЛАВРЕНТИЙ ГОРКА (1671 — 1737)

Родился Горка в местечке Лавров, близ Львова. Учился в Киево-Могилянской академии, где затем преподавал пиитику (с 1706) и риторику (1708 — 1710). В академии написал учебник «Idea artis poëseos» (1707) и «Rhetorica» (1708), а также «трагикомедию» «Иосиф, Патриарха...» (1708) на традиционный для школьной драмы библейский сюжет.

В 1710—1720 гг. Лаврентий Горка — игумен Выдубицкого монастыря в Киеве, а с 1722 г. — архимандрит Воскресенского монастыря на Истре. В 1720 г. призван в Петербург и назначен обер-иеромонахом армии и флота. По существу, на него возлагалась обязанность историографа Персидского похода Петра I. Феофан Прокопович, рекомендуя Горку императору, писал, что он сможет описать поход «с надлежащими обстоятельствами», «без всякого украшения, простым стилем». Петр I оценил Горку: в сентябре 1723 г. именным указом произвел его в епископы астраханские, а в октябре того же года ему поручается сочинение стихир в честь святой великомученицы Екатерины. В Астрахани Горка выступает с поучениями и проповедями. После смерти Петра отношения Горки с Синодом ухудшаются из-за доноса некоего лейб-гвардии солдата Матвея Ивина о том, что Горка не принял своевременно присяги на верность Екатерине I. В ответ Горка заверял, что это произошло «не от какой противности, но от недоумения моего... а еще от тяжелой скорби моей».

В сентябре 1727 г. Горка был переведен в Устюг, с 1731 по 1733 гг. был епископом в Рязани. Еще в 1714 г. Петром был издан указ об открытии в провинциях школ. Горка проявляет большую заботу о рязанской архиерейской школе, но обстоятельства складываются для него неблагоприятно. В августе 1733 г. Горке была поставлена в вину «суетная корреспонденция» по делу об убийстве попами Тимофеем Николаевским и Михаилом Михайловым своих близких, а 26 сентября 1733 г., обвиненный в «известных продерзостях», он был по именному указу переведен в Вятскую епархию, где и провел последние годы жизни.

В Вятке (Хльшове) в 1734 г. им была создана славяно-латинская школа для детей не только духовного, но и светского звания. Для преподавания в ней Горка пригласил из Киево-Моги-

лянской академии М. Е. Финицкого, Василия Лещинского, Иоакима Богомедлевского и др. Вся система образования и воспитания, по мнению некоторых исследователей, хотя и была ориентирована на западные образцы, но заложила в вятских учениках истинное понимание литературных ценностей, вкуса к творческим опытам. Воспитанники Горки «разыгрывали действия», в репертуар, несомненно, входила и написанная Горкой «трагедокомедия» «Иосиф, Патриарха...»

Традиции школьной драмы Лаврентия Горки были продолжены в стенах Вятской духовной семинарии в своеобразных «Разговорах», авторами которых были преподаватели З. О. Лятушевич и С. С. Леонтьев. Это философские диалоги о добре и зле, созданные уже в новую эпоху, эпоху Просвещения.

Но в делах Синода сохранились документы, свидетельствующие о том, что в Вятке Горка не только «насаждал науки»: он решительно боролся со всякими злоупотреблениями, например, требовал возвращения Трифонову монастырю государственных грамот и писцовых книг, тайно похищенных одним из архимандритов монастыря в 1734 г. Подобная деятельность вызвала ряд доносов на Горку, которым не был дан ход только благодаря содействию Феофана Прокоповича. Это еще более озлобило врагов Горки. В отместку они учинили разгром школы. Это было для Горки тяжелым ударом, тем более, что он последовал за известием о смерти Феофана Прокоповича. Таких потрясений Горка не смог перенести: парализованный в январе 1736 г., он через несколько месяцев скончался (10 апреля 1737 г.).

После его смерти осталась библиотека из 355 книг, которую он собирал с 1711 г. Основная часть книг была Синодом передана в славяно-греко-латинскую академию. 42 книги остались в Вятке (Хлынове) «при основанных Лаврентием школах». Среди собранных Горкой авторов — Гомер, Гораций, Вергилий, Сенека, Марциал, Цицерон, Петроний, Л. Гранда, Григорий Назианзин, Т. Кампанелла, Данте, Г. Гроций. Две книги имеют автографы П. Могилы, на нескольких книгах — автографы Феофана Прокоповича. В настоящее время пять книг из собрания Горки хранятся в Кировской областной научной библиотеке имени А. И. Герцена.

ИОСИФ, ПАТРИАРХА,

своим преданием, узами, темницею и почтением царского престола Христа, Сына Божия, преданного, страждущаго и вознесшагося с славою про-

образующий, в преславной Академии Киевской на позор российскому христолюбивому роду от благородных российских сынов действием, еже от поэтов нарицается трагедокомедия, року 1708 мая 25 во вторник по сошествии святого духа показаний.

(Отрывок)

Действие 1.

Явление 1.

Во Египте друг Иосифов веселится, яко Иосиф, еще бысть и на смерть уготованный и в работу от братии проданный, но не погублен есть, и возвещает, яко в дому велможи Пентефрия добре живет и всем его богатством владеет.

(...)

Явление 2.

Зависть братоубийственная, наустившая братию погубити Иосифа, слышавши от друга Иосифа, яко жив есть Иосиф, лютеет, проклинает Иосифа, и братию, и Пентефрию, и день той, воньже не убиен есть Иосиф, и хочет всяким образом погубити Иосифа.

- Зависть. Беда мне! О мне беда, беда нестерпима!
О люте мне! Мучит мя скорбь неутолима!
О горе! Что аз слышу? Что ты глаголеши,
Безумне? И якую то радость плетеши?
Кая радость, рци ми, днесь? Рци ми глаголь дерзкий.
Рци, что рекл еси. Жив ли есть Иосиф мерзкий?
Или где есть? Еще ли он по земли ходит?
- Друг Иосифов. Живет в Пентефриевом дому, жизнь проводит
Добре и всем богатством его сам владеет.
- Зависть. Ни, ни! Ложный есть глагол твой: отнюдь не имеет
Жити нигдеже. И что ти всеу блядиши?
Нейму тебе веры, безумне! Не веси
Ничтоже. Аз наустих братию, да его
Люте убийот, и той ли днесь жив есть? Сего
Аз не могу слышати. Жив ли он есть ныне?
О время проклятое тося години,
В нейже избыл от смерти! О время вселестно,
Аще той окаанный не изгибл безчестно!
Избыл, избыл во мале от руки моя
Студный той сновидец. Но аз не терплю сея
Вести, не терплю отнюдь. Не дам ему жити,
Скоро, скоро потшуся его погубити:
Подвигну нань самого преисподня ада,
Наполню сердца многих смертоносна яда,
Призову на погибель всю адскую силу,
Да вскоре прибегнут ко моему делу.

О безумна братия, яко не убyste
Его! Несть вам ума! Несть ума! Сохранисте
Врага, брата вашего. И се враг той аще
Жив пребудет, збудется сон его: седяше
На престол, велит вам себе почитати.
Но лучше бы вам было его не продати
В работу, но убити в глубокой пустыни,
Нежели работати вся дни и години.
Горе вам! Послужите, яко господину
Брату меншому; иже вам бе должен вину
Служити, той вам будет господь и владыка.
О горе вам! О горе! О беда велика!
Возлюбленный мой аде! и твоя держава
Толь крепка — а! — немощна, и безчестна слава
Будет, аще ты един отрочишь толь силна
Победит и покажет во веки безделна.
Сей не хошет радости, не радит о сластех,
Ниже четет богов общих, небрежет о властех,
Египетский обычай святой отвергает,
На богов, тебе лобых, брани воздвизает.
Безумен и Пентефрий! О проклят есть, яко
Не принудит его ко своей воли всяко:
Он бездушный не радит на доброе дело
Привести отрока: что болш, четет и зело.
О горе мне самой, яко жив есть лестный
Той сновидец! Проклят и велми безчестный
День той, вонже избыл от моего руки!
Не престану искати горкой ему муки.

Явление 3.

Сила адова з бесами приходит от ада ко Зависти на помощ и различныя смерти на Иосифа уготовляет, в конце же, по желанию Зависти, душу з телом Иосифову хошет безчестно умертвити.

(...)

Явление 4.

Защищение Божое разгоняет все соборище адское и предлагалет о Иосифе, яко, аще и претерпит искушение многое, узы, беды, темницу, но на царском престоле будет посаженный.

Хор.

Показует непостоянство мира сего: како человек возносит и низвергает, изгонит, завидит и убивает; воспевае же Иосифа беды, гонения и скорби, яже в дому от братии, в работе же от Зависти претерпевае.

(...)

Интермедия

МАТВЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ УШАКОВ (1730 — ок. 1800)

Из стен Вятской славяно-латинской школы в середине XVIII в. вышел один из первых стихотворцев, который вполне достойно перенял стихотворные опыты Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Хераскова. Это — Матвей Александрович Ушаков. Родился он в 1730 г. в семье дьякона. Как и многие из детей священнослужителей, Матвей был отдан в Вятскую духовную семинарию. Там он слушал «старших» преподавателей — продолжателей дела Л. Горки, М. Финицкого. А после окончания в 1750 г. семинарии Ушаков сам преподает до 1757 г. в младших классах, а с 1762 по 1765 гг. — риторику и пиитику в старших классах. Этот курс требовал от преподавателя знания тонкостей поэтической науки, и М. А. Ушаков создает свои образцы разных жанров: пишет оды, сатиры, элегии.

С 1765 г. он служит дьяконом, а затем и протодьяконом и священником в кафедральном соборе. Неутомимый труженик, М. А. Ушаков страстно жаждал просвещения в Вятке, ратовал за развитие стихотворства в провинции. Умер Ушаков около 1800 года.

МОИМ ЗАВИСТНИКАМ

Зависть свой язык презлбный
Изострила будго меч,
Погубить меня способный,
Чтобы счастье мне пресечь.
Растворила рот как бездну,
Чтобы жертву поглотить,
Погрузить во тьму беззвездну,
Бед горами подавить.
Начала шептать и в уши
Сильным людям на меня,
И вливала гнев в их души,
Подозренья вкореня.
Повсечастно клеветала,
Раздувала зла пожар,
Свет прехитро соплетала,
Бед готова мне удар.
Обнесла меня напрасно
В злодеяниях другим.
То творила все пристрастно,
Норовя друзьям своим.

**ЕЛЕГИЯ НА КОНЧИНУ СЛАВНОГО РАЗУМОМ
И БЛАГОЧЕСТИЕМ СТИХОТВОРЦА**

(Отрывок)

Настало вдруг печально время,
Постигло нас несчастья бремя!
Ах, то не сон и не мечта:
Мы здесь пиита погребаем,
В последний раз уже лобзаем
Его пресладкие уста!
Оне замолкли уж навеки,
Замкнув держать в себе язык...

(...)

Как громки плачущих здесь крики
Разят всех жалостью сердца!
Как дождь шумит из туч великий,
Так льются слезы без конца!
Внезапным горести ударом
Олимп покрылся светлым храмом
И всколебался наш Парнасс,
Замолк изящной музы глас!

(...)

О вы, родители лобезны,
Престаньте лить потоки слезны:
Теперь вселенная зиждитель,
Его приемлет как отец,
Ведет в пресветлые чертоги,
Где радость и веселья многи,
На верх главы кладет венец,
Который век не увядает,
Блаженством райским услаждает!

ГАВРИИЛ СОФРОНИЕВИЧ ШУТОВ
(1743 — 1807)

Одним из редких вятских самородков XVIII в. на ниве стихотворства был Гавриил Софрониевич Шутов. Родился он в Вятке в 1743 г., как и многие духовные чины того времени, прошел ученье в Вятской духовной семинарии, где витал еще дух Л. Горки и его видных учеников: М. Финицкого, Г. Д. Хрещатицкого и

П. И. Любарского. У последних Г. С. Шутов учился правилам пиитики.

После окончания курса семинарии Г. С. Шутов, по рекомендации П. И. Любарского, остается преподавателем пиитики. Он стал достойным преемником своих учителей. В короткое время Г. С. Шутов заявил о себе как о незаурядном педагоге, в числе его воспитанников был А. И. Попов, который продолжил дело Г. С. Шутова и как педагога, и как стихотворца. Читая курс пиитики, Г. С. Шутов создал свой учебник, в котором творчески переработал многое, что было создано до него.

Гавриил Софрониевич Шутов писал басни, оды, стихи. Основываясь на традициях латинской басни, Г. С. Шутов создает и свои, оригинальные произведения. Вообще басенное творчество в XVIII в. присуще многим известным поэтам: В. К. Тредиаковскому, А. П. Сумарокову, И. И. Хемницеру и другим. Все поэты издревле использовали известные сюжеты басен Эзопа, Федра, Лафонтена, перерабатывая их на свой манер.

В литературном наследии Г. С. Шутова мы видим такие басни: «Ворон и лисица», «Кот в пиве», «Старик и смерть», «Волк и журавль», «Волк и козленок», «Лисица и цапля», «Крестьянин и его сыновья», «Крестьянин и змея», «Муха и муравей», «Лев и комар» и другие. Кроме басен, Шутов традиционно писал хвалебные стихотворения — оды на торжественные даты. Так, известны его гратуляции, посвященные ректору Вятской семинарии архимандриту Андрею, «Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны, 1747 г.» и другие. В творчестве Г. С. Шутова явно прослеживается традиция классицизма.

Последние десятилетия жизни Г. С. Шутов был иереем Вознесенского собора в городе Слободском, а в 1788 г. назначен протоиереем Преображенского собора. Служил он и в духовном правлении, был «цензором над проповедниками». В апреле 1807 г. Г. С. Шутов умер в г. Слободском.

Творческое наследие Г. С. Шутова невелико, оно хранится в библиотеке им. А. И. Герцена и частично опубликовано А. С. Верещагиным в книге «Вятские стихотворцы XVIII века».

СТАРИК И СМЕРТЬ

Старик, наскши дров довольно,
Оставить не хотел в лесу,
Надеялся на силу больно,
«Быть может, — думал, — я спесу».

Когда ж его лишил путь силы,
Ударил о-землю дрова,
Стал свет ему и дни не милы,
Промолвил в горести слова:
— «Доколе плечи мне так терти
И быть в работе завсегда?
Когда б дождался здесь я смерти,
Покоен был бы от труда». —
Вдруг смерть косой задела шею,
Спросила грозно у него:
— «Хотел расстаться ты с душою?»
Старинку скрючило всего.
Не может он прибавить слова,
Сквозь зубы чуть хрипит дрожжа:
— «Ах, нету, я просил другова,
Ошиблась ты сюда бежа:
Я звал тебя дрова носить,
Чтоб мне немножко помогла,
Держаю и теперь просить,
Чтоб дров частичку ты взяла».

КОТ В ПИВЕ

Лукавый кот, на чан вскочивший торопливо,
Вдруг с краю сорвался, упал в парное пиво,
Где жалостно ревел, себе на помочь звал,
— «Погибл я, — повторял, — погибл я, в чан упал!»
Услыша мыши рев, чрезмерно испужались,
На рев со всех сторон со страху все сбежались.
Увидели они, что в пиве тонет кот,
И булькая ревет, разинув страшно рот.
Чтоб выняли его, просил мышей покорно,
Награду обещал дать полную неспорно.
То мыши видя все, поверили лгуну,
Польстившись на мзду, вскочили в глубину,
Под лапы, под бока, под хвост кота хватили,
Из бездны выняв сей, и к жизни возвратили.
Как начали просить за труд свой мзды с него.
— «Нет, я не обещал давать вам ничего», —
Сказал мышам тут кот. Но мыши доказали:
И время тут ему и место указали.
— «Напрасно лжете, — крикнул кот, — я пьян вчера был,
Хоть что и говорил, да все перезабыл». —
Все мыши на кота с досадой возроптали
И с бранью за труды просить не преставали.
Сей ропот так кота жестоко огорчил,
Что, бросившись на них, он всех передавил.

АНТОН ИВАНОВИЧ ПОПОВ (1748 — 1788)

Антон Иванович Попов родился в селе Ключевском Кунгурского уезда 6 июля 1748 г. Отец его, священник, отдал сына сначала в Кунгурскую гимназию, а с 1763 г. Антон Попов учится в Вятской духовной семинарии. В семинарии А. И. Попов учился пиитике, вероятно, у М. А. Ушакова, а затем — в классе риторики П. И. Любарского. Они оказали большое влияние на становление одаренного ученика. И в 1767 г. А. И. Попов после окончания курса семинарии начал преподавать сначала в низших классах, а после 1768 г., когда ушел из семинарии Г. С. Шутов, преподавал пиитику. Вслед за П. И. Любарским А. И. Попов назначается сначала учителем риторики, философии, а затем — префектом семинарии. В конце 1775 г. А. И. Попов оставляет службу в семинарии и едет в родной Кунгур протоиереем в Благовещенский собор. До конца своих дней А. И. Попов пребывал в этом сане и умер 13 августа 1788 г.

Во время учительствования в семинарии А. И. Попов увлекался классической латинской поэзией, большое пристрастие имел к латинским сатирам Ювенала, Марциала. В творчестве Горация ему более всего нравились сатиры. А. И. Попов написал множество эпиграмм, которые ходили в рукописных списках в Хлынове. В 1778 г., уже будучи в Кунгуре, автор собрал и подготовил к изданию все эпиграммы. В 1778 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Сатирические забавные и нравоучительные эпиграммы, сочиненные в городе Хлынове Вятской семинарии префектом Антоном Поповым». Этот сборник вызвал у читателей живой интерес, так, провинциальный поэт получает признание у столичной публики. Второе издание сборника вышло в 1786 г.

Эпиграмма третья

Пред всяким без стыда Фрол клятву нарушал,
Кто смело совести его и клятве доверял.
Затем никто Фролу на верность не сдастся,
Хоть совестью своей стократно он клянется.
Клянется совестью, которой в нем и нет.

Эпиграмма двадцать первая

Зачем я не хочу с Любиправом дружить?
Затем, что часто мне он в дружестве божится.

Эпиграмма тридцать вторая

Какие бредни нам, Бурил, ни открываешь,
Стократно божбой их правду утверждаешь.
«Ей-ей все правда то», — твердишь, божася сплошь.
Кто ж скажет, что все то — неправда, что ты лжешь.

Эпиграмма тридцать седьмая

Богатый графский дом купивши Туберон,
По крайней мере мнишь, что ты теперь барон.
Осла Меркурием не делают Афины:
Природа, нрав и вид в осле — всегда ослины.

Эпиграмма сорок пятая

Клим в поздравлениях дни целы провождает,
Сар, бегая везде, новинки собирает,
Безвыходно весь день Руф смотрит за женой,
Бессменно Красс хранит сундук с богатством свой,
Проводит целый день в рассказах Фрол с друзьями,
А я... над рифмами потею и стопами.
Без дела не живем мы все до одного,
И делаем одно... А что же? Ничего.

Эпиграмма шестьдесят четвертая

Был весел и шутлив и ласков Палемон,
Как чин себе искал и угождал всем он.
Коль скоро милый чин надет на Палемона,
Важней он стал кота... ошибся, ах! — Катона.

Эпиграмма семьдесят седьмая

Бедно жить — гонят; богато — завидят;
Подлю — гнетут; высоко — ненавидят;
Глупо — не любят; разумно — бранят;
Свято — порочат; а худо — казнят.
Кто всем понравиться в свете желает,
Тот поскорее пускай умирает.

Эпиграмма сто первая

Был повар Фавн, теперь советником зовется.
Итак, когда ему чреда ни достается,
Давая голос свой, в собраньи говорит,
Всегда тем кончит он: «вари, когда кипит».

Эпиграмма сто вторая

Случилось гордого увидеть мне вельможу,
Который наклонить свою боится рожу.
Я кланялся ему, он не нагнулся мне:
Конечно, у него сел (ч)ирей на спине.

Надгробная Любиправу

Любиправ здесь лежит — искусный лицемер,
Единственный в своем художестве пример.
Он в жизнь сам ничего не дельвал худого,
Но зло творя, вину все клал — на духа злого.
Свои все с совестью дела соображал,
Хотя ни чести в жизнь ни совести не знал.
Черт в святости ему завидовал до смерти,
Так чуть ли в ад его затем не взяли черти.

ЕРМИЛ ИВАНОВИЧ КОСТРОВ (1755 — 1796)

В середине XVIII в. в маленьком селе Синеглинье (ныне с. Синегорье Нагорского района) Слободского уезда Вятской губернии родился будущий поэт и переводчик, друг А. В. Суворова Ермил Иванович Костров. В метрической книге с. Синеглинья за 1755 г. есть запись «6 января у дьячка Ивана Кострова сын Ермил». Сын бедного дьячка рос, как и все крестьянские дети, по-сильно помогая в хозяйстве. Вероятно, уже в 8 лет Ермил Костров поступил в Вятскую духовную семинарию. Так как Костров рано осиротел, то он содержался в семинарии за казенный счет и в дальнейшем мог рассчитывать только на свои силы. Восемь лет проучился в семинарии Ермил Костров, а после продолжил образование сначала в Московской славяно-греко-латинской академии, поступить в которую ему помогли земляки архимандрит Иоанн Черепанов и префект академии А. Н. Серебренников, а затем в 1776 г. переходит в Московский университет.

Поэтические способности Кострова были замечены в университете. Так, уже в 1778 г. он читал свою оду на рождение великого князя Александра Павловича. В университете Костров с огромным увлечением занимается греческой и римской литературой, знакомится с переводами и сам переводит греческих и римских авторов.

С Московским университетом Костров был связан до конца своих дней: после окончания в 1779 г. он получил степень бакалавра, был официальным университетским поэтом-одописцем. Костров добивался штатного места преподавателя, так как ему хотелось обучать молодых людей поэзии, но все попытки его были тщетны.

Жил Костров бедствуя, не имея своего угла, хотя ему покровительствовали И. И. Шувалов, М. М. Херасков, Ф. Г. Карин, но они не могли или не хотели изменить положение поэта.

Современники высоко ценили творчество Е. И. Кострова. Уже после университета он начал свою переводческую деятельность. Костров перевел роман Апулея «Золотой осел», повесть «Зенотемис» и поэму «Эльвирь» француза Арно де Бакюлара, поэму Вольтера «Тактика» (1779).

За три года службы официальным поэтом Костров написал полтора десятка стихотворений и од, адресованных различным высоким особам.

Ранние оды Кострова отражали уже закат этого жанра. Он следовал за Ломоносовым и в форме, и в стиле, украшал оды

сложной образностью языка, метафорами, обильно использовал старославянизмы. В дальнейшем на одическое творчество Кострова оказали влияние стихи Сумарокова и Хераскова.

Следует сказать о традиции поэзии Г. Р. Державина в творчестве поэта. На появление в 1783 г. оды Державина «Фелица» Костров откликается одой «Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне Киргизкайсацкой», в которой пишет:

...Тебе внимали все прилежно,
Хваля твоих стихов прекрасну новизну....

В 1783—1784 гг., по-видимому, происходит осложнение в служебных делах у Кострова: в это время им написаны всего пять стихотворений официального характера. Зато в разных журналах появляются его стихи разнообразной тематики.

Вслед за Державиным Костров воспевает победы России и славного полководца А. В. Суворова, которому посвящает несколько торжественных стихов:

Суворов, громом ты крылатым облечен
И молний тысящью разящих ополчен,
Всегда являешься во блеске новой славы...

Е. И. Костров известен как переводчик «Илиады». В 1787 г. он закончил перевод первых шести песен бессмертной поэмы Гомера. За этот перевод поэт был пожалован 400 рублями, но не денежное вознаграждение, а всеобщее одобрение радовало Кострова. Особенно лестно было мнение Суворова, который восхищался «Илиадой» в переводе поэта. В 1810-х годах Гнедич, работая над своим переводом «Илиады», отзывался о Кострове с глубоким уважением.

В 1792 г. Костров опубликовал перевод знаменитой книги Макферсона «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: гальские стихотворения». Этот перевод был посвящен Суворову. Поэту удалось передать романтический колорит, романтическую напряженность Оссиана. Он ценит в песнях Оссиана лирический пейзаж, смелость героев, их суровую энергию. Несколько поколений читателей и литераторов воспринимали дух Оссиановой поэзии благодаря Кострову.

В последний период жизни Ермил Иванович в своих оригинальных стихах стремится выработать легкий, гладкий слог и стих, характерный для раннего сентиментализма. Появляются эти стихи в журналах, например, в альманахе Карамзина «Аонида».

Творческая палитра Кострова многогранна: в ней прослеживаются и традиция Ломоносова, и стиль реформы Державина, и зарождение сентиментализма и даже предромантизм.

Суровая жизнь, нищета, работа, которая не могла прокормить, вынудили Кострова искать утешение в вине. Он умер 9 декабря 1796 г., похоронен в Москве на Лазаревском кладбище.

Впоследствии А. С. Пушкин, который восхищался творческим подвигом Е. И. Кострова, скажет о последних днях его:

Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

ПИСЬМО К ТВОРЦУ ОДЫ, СОЧИНЕННОЙ В ПОХВАЛУ ФЕЛИЦЫ, ЦАРЕВНЕ КИРГИЗКАЙСАЦКОЙ

Певец! которому с улыбкой нежной муза
Недавно принесла с парнасских гор венков,
Желаю твоего я дружества, союза.
Москва жилище мне, ты невольный пьешь поток,
Но самые пути далеки
И горы, холмы, лес и реки
Усердия моего к тебе не воспятят;
Оно в Петрополь перенесется
И в грудь твою и в слух влиется:
Нетрудно музам всё, что музы восхотят.
Скажи пожалуй, как без лиры, без скрипицы,
И не седлав притом парнаска бегунца,
Воспел ты сладостно деяния Фелицы
И животворные лучи ее венца?
Ты, видно, Пинда на вершине
И в злачной чистых муз долине
Дорожки все насквозь и улицы прошел;
И чтоб царевну столь прославить,
Утешить, веселить, забавить,
Путь непротоптанный и новый ты обрел.
Обрел, и в бег по нем пускаешься удачно,
Ни пень, ни камень ног твоих не повредил,
Тебе являлось всё, как будто поле злачно,
Нигде кафтаном ты за терн не зацепил.
Царевне похвалы вещая,
Пашей затеи исчисляя,
Ты на гудке гудил и равно важно пел;
Презрев завистных совесть злую,
Пустился ты на удалию;
Парнас, отвагу зря, венец тебе соплел.
Кораллами власы украшенны имея,
Власы по раменами пущенны со главы,
Бело-румяну грудь с ланитами лелея,
Прелестных лики нимф возникли из Невы;
Поверх зыбей колебясь нежно,
Тебе внимали все прилежно,

Хвала твоих стихов прекрасну новизну;
И, в знак своей усердной дани,
С восторгом восплескавши в длани,
Пускаются опять в кристальну глубину.
Чрез почту легкую и до Москвы достигла
Фелицы похвала к восторгу всех сердец;
Всех чтущих честь тебе воздать она подвигла,
Все знающие вкус сплели тебе венец.
Читали все ее стократно,
Но слушают охотно, внятно,
Коль кто еще при них начнет ее читать:
Не могут усладить столь духа,
Насытить так же пленна слуха,
Чтоб вновь забавным в ней игрушкам не внимать.
Так сад, кусточками и тенью древ прелестен,
Стоящий на горе над стоком чистых вод,
Хотя и будет нам совсем уже известен,
*Хотя известен в нем по вкусу каждый плод,
Хотя дорожки все знакомы,
Но, тайным чувствием влекомы,
Еще охотно мы гулять в него спешим:
Повсюду взоры обращаем,
Увидеть новости желаем,
Хоть взором много раз все видели своим.
Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облаки летать,
Чтоб, равновесия не соблюдя законов,
Летя с высот, и рук и ног не изломать:
Хоть сколь ни будем мы стараться
В своем полете возвышаться,
Фелицыны дела явятся выше нас.
Ей простота приятна в слоге,
Так лучше нам, по сей дороге
Идя со скромностью, к ней возносить свой глас.
В союзе с нимфами Парнаса обитая,
По звучной арфе я перстами пребежал,
Киргизкайсацкую царевну прославляя,
Хвалы холодные лишь только получал;
Стихи мои там каждый славил,
Мне льстил, себя чрез то забавил;
Теперь в забвении лежать имеют честь.
Признаться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды.
Ты простотой умел себя средь нас вознесть.
Как прежде, ты пиши еще письмо к соседу;
Ты лакомство его умел представить нам,
Как приглашает он чернь жадную к обеду,
К забавам, к роскоши, разлитой по столам;
Или, любя красы природы,
Воспой кристальные нам воды,
Как некогда воспел ты Гребеневский клоч.

Сей ключ, текущий по долине,
Еще любезен мне доньше;
Я жажду уголял... отрад блистал мне луч.
А ты, что предсидишь премудрых в славном лике,
Предстательница муз, трудов их судия,
Гремящей внеплоща сладчайшей их музыке,
Тебе достоин честь и похвала сия,
Что, ревностию ты пылая
И все пути изобретая,
Стараясь вознестъ природный наш язык.
Он важен, сладок и обилен,
Гремящ, высок, текущ и силен,
И в совершении его твой труд велик.
Тобой приглашены, в прехвальный путь вступили
Любители наук со ревностью в сердцах;
И в «Собеседнике» успехи нам явили.
Мы зрим российский слог прекрасен в их трудах.
Скажу, скажу не обинуясь:
Минерве ты сообразуясь,
Свое спокойствие на жертву муз несешь,
Отечества драгого слава —
Твоя утеха и забава,
В завидном для мужей ты подвиге течешь.
Фелицы именем любезным, драгоценным,
Фелицы похвалой и славой мудрых дел
Начаток сих трудов явился украшенным
И в радость и восторг читателей привел.
Благословенно то начало,
Ее где имя воссияло,
И увенчается успехами конец;
Тому, кто так Фелицу славил
И новый вкус стихам восставил,
И честь, и похвала от искренних сердец.
1783.

ГОМЕРОВА «ИЛИАДА»

Песнь третья

Готовым сущим в брань полкам племен различных,
Под предводительством вождей своих обычных,
Трояне, шумный вошь нося в устах, спешат,
Подобны журавлям, что с радостью летят
От бурных непогод, от стран снежистых, мразных
И, полня воздух весь нестройством криков разных,
Полуденных морей стремятся к берегам,
Пигмеям страх и смерть несуще, как врагам,
На коих с высоты полет направа злобный,
Разят, свергают их во мрак несчастных гробный.

Но греки, мужеством дыша, молча грядут,
Друг друга к помощи готову грудь несут.
Как Нот на холмы гор сгущенный мрак наводит,
В чем пастырь скорбь, но тать веселие находит,
Тогда бо острый глаз не дале может зреть,
Сколь камень верженный возможет прелететь:
Так греков и троян под шумными стопами
Виется прах и ввысь несется облаками.
Когда же быстротой поля они прешли
И, став лицом к лицу, явились невдали,
Парид, как божество, исшед из предних строев,
К единоборствию бестрепетных героев,
Гордясь, к себе зовет из греческих племен,
Быв леопардовой сам кожей покровен,
И лук и меч его с отличностью блистали,
В руках два копья, их острия из стали.
Но измеряюща пространные стопы
Узревши Менелай Париду из толпы,
Веселье чувствует, как лев, томимый гладом,
Что, серну разлуча или еленя с стадом,
Терзает, жрет корысть, презрев набег псов
И все усилия бестрепетных ловцов.
Так радовался он, узрев в лице Париду,
И уповал уже, что зла его обида
Отмстится днесь сему коварному льстецу,
Толь пагубной войны и бедствий всех творцу,
Итак, немедленно скочив со колесницы,
Во всеоружии с бесстрашием десницы
Течет; Париду вдруг объемлет смертный страх,
Трепещет, вспять и кроется в полках.
Как странник, во лесах дракона усмотревши,
В обратный путь спешит, дрожит оцепеневши,
Так, Менелаевых очей страшась, Парид
В троянском множестве сокрыть себя спешит.
Но Гектор, бегство зря, стремится хулы правдивы:
«Лепообразный лстец! Парид женолюбивый,
О, если свет тебя рожденного не зрел
Иль прежде брачных уз ты в смертный гроб нисшел,
Какою б радостью я ныне восхищался!
И ты бы днесь в стыде, в презорстве не являлся.
Ты посмеяние враждебных нам полков.
По виду твоему и красоте власов
Судили быть они тебя троян защитой,
Но ты без мужества, беглец, стыдом покрытый.
Подобных ты себе драгих избрав друзей,
Чрез волны прешлывал лазоревых морей;
И в чуждей быв стране от ратников ужасных
Похитил ты жену, источник бед всечастных.
Ты бич родивших тя и язва граждан всех,

Вседневный стыд себе, врагам же радость, смех.
Что вспять от храброго стремишься Менелая?
Познал бы ты собой, кровь с жизнью изливая,
Коль сильна ратника владеешь ты женой.
И лира, и власы, и лестный образ твой,
Дары Венерины, явились бы тцегою,
Когда б низвергся ты на прах его рукою.
Увы! постыдный страх в сердца троян вселен,
Иначе бы давно явился покровен
Ты каменной горой за бедства и напасти,
Которыми тягчат твои нас вредны страсти»
(1787).

ПЕСНЯ

Прости, лобезный мой пастух,
Кем грудь моя всегда пылала,
Прости, оставлю здешний луг,
Где каждый день с тобой бывала,
Где восхищался страстью дух
И нежность с нежностью играла.

Уединясь на брег другой,
Я стану повторять всечастно,
Что я одним горю с тобой;
Но стану повторять несчастно;
К тебе плачевный голос мой
Не дойдет... полетит напрасно.

Но ты не плачь, не плачь, мой свет,
Не долго буду в томной скуке,
Ты знаешь: смерть конец всех бед,
Конец страдания и муке —
И мне не жить, надежды нет,
Коль буду я с тобой в разлуке.

СТЕФАН ГРИГОРЬЕВИЧ КАЛАШНИКОВ (1753 — после 1792)

С. Г. Калашников родился 21 октября 1753 г. в Югоском заводе Пермского уезда. Отец С. Г. Калашникова Григорий Калашников долго служил там пономарем Троицкой церкви. С. Г. Калашников, как и многие дети церковнослужителей, поступает в Вятскую духовную семинарию. В 1768 г. учится в классе

риторики. В 1773 г., в одно время с Е. Костровым, который стал учеником класса философии в Московской славяно-греко-латинской академии, С. Г. Калашников поступает в Троице-Лаврскую семинарию. В семинарии он слушал курсы философии и богословия, изучал греческий и французский языки, здесь же начал свои пиитические труды.

В 1777 г. С. Г. Калашников возвращается в г. Хльнов, где служит преподавателем семинарии. Он был произведен в протоиереи Спасского собора в Вятке. В 1780 г. С. Г. Калашников первым начал преподавать в семинарии греческий язык, а с 1782 г. он назначается префектом и учителем философии и занимает эту должность до 1786 г. После переведен, по его просьбе, в Пермское наместничество, с 1788 г. служит в главном Петропавловском соборе. В 1792 г. С. Г. Калашников переезжает в Новое-Усолье, где, вероятно всего, и умирает. Год смерти С. Г. Калашникова не установлен.

ОДЫ И КАНТЫ ЕЕ И. В., БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕЙ И
САМОДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ЕКАТЕРИНЕ II, КО-
ТОРЫЕ В ДЕНЬ ПОЛНОГО ОТКРЫТИЯ ВЯТСКОГО НАМЕ-
СТНИЧЕСТВА, В ЗНАК ВСЕПОДДАННЕЙШЕЙ БЛАГОДАР-
НОСТИ, ПОДНОСИТ ВЯТСКАЯ СЕМИНАРИЯ,
ДЕКАБРЯ 22 ДНЯ 1780 ГОДА

(Отрывок)

Она Россию озарила,
Уставы новы учредила.
И дальня Вятка вся теперь
Сладчайшу чувствует премену.
Себя зря счастьем возвышенну,
Цветя ликует выше мер...
Явилась милость днесь судьбина:
Врата отверзла неба нам
Премудрая Екатерина!
Блещет свет по сим странам!
Надежда наша совершилась,
Ночь в ясный день переменилась!

Красуйся ныне, веселися,
Сим восхищенный Вятка град...
Вещай в восторге всяк ликуя,
Гласи со плеском торжествуя:
«Гряди к нам духом, Мать, гряди,
Гряди от всех благословенна,
Гряди премудростью отменна,
Закон твой божеск учреди...»

РАЗДЕЛ II ЛИТЕРАТУРА XIX в.

ССЫЛЬНЫЕ И СВОИ КОРЕННЫЕ

Н. П. ИЗЕРГИНА

Усиленное развитие литературной и культурной жизни Вятки начинается с 20-х годов XIX века, особенно после войны 1812 года. Однако в самом начале века активно творили последователи Е. И. Кострова, продолжавшие развивать традиции литературы XVIII века, просветительскую, а также сатирическую и демократическую ее направленность, традиции Н. И. Новикова, Е. И. Кострова, А. И. Попова и других писателей XVIII века: это — Н. Е. Тукмачев, З. О. Лятушевич, философские стихи и речи которого были изданы в Москве в 1807 г., В. Е. Блинов, Е. С. Леонтьев, издавший в Москве в 1810 г. «Речи и другие краткие сочинения, говоренные во время философского состязания, в присутствии преосв. Гедеона...»

Из поэтов начала XIX века интересен С. И. Кульгинский, который после Вятской семинарии закончил Казанскую духовную академию, после чего возвратился в Вятку и служил здесь до самой смерти. Был в семинарии учителем греческого и немецкого языков, поэзии и риторики, позднее — учителем философии.

Его ода «На заключение мира со Швецией» была широко известна и за пределами Вятской земли.

К плеяде последователей Е. И. Кострова относятся и поэты П. И. Орлов и Ф. С. Глазырин. В их стихах главная тема — противопоставление невежества просвещению.

Приютом всех этих вятских «пиитов» была в основном местная семинария, где не только преподавали поэзию, но и культивировали ее.

Война 1812 года, в которой вятчане принимали самое живейшее участие, а также успешное развитие экономики и просвещения в крае способствовали активному развитию культуры и литературы на Вятской земле. В 1815 г. в Вятке был открыт люби-

тельский театр, зрителей собиралось на представление до 300—500 человек. Однако, регулярно спектакли стали ставиться с 1849 г., когда было открыто благородное собрание. А в декабре 1837 г. стараниями А. И. Герцена была открыта публичная библиотека, сыгравшая огромную роль в развитии культуры и просвещения в Вятке.

После поражения восстания декабристов через губернию в 1826—1828 гг. проехало, направляясь в Сибирь, более пятидесяти осужденных декабристов: три брата Бестужевы, С. Г. Волконский, Н. М. Муравьев, А. И. Одоевский, первый друг Пушкина И. И. Пущин, С. П. Трубецкой, А. И. Якубович и многие другие. До 1823 г. жил здесь А. Н. Муравьев.

В начале 30-х годов в Вятке находилось свыше 300 ссылных поляков, среди которых было много высокообразованных людей, например, чиновники Драверты, известный ученый востоковед И. А. Верниковский, занимавшийся в Вятке переводом «Божественной комедии» Данте на русский язык. В 1831 г. сюда был сослан учитель Гоголя профессор Нежинской гимназии высших наук Казимир Варфоломеевич Шапалинский, в 1832 — грузинский литератор Соломон Иванович Додашвили (Додаев). С 1824 по 1827 г. жил и творил здесь приятель А. С. Пушкина Павел Лукьянович Яковлев.

Пушкин высоко ценил П. Л. Яковлева (1796 — 1835) — издателя первой вятской рукописной сатирической газеты «Хлыновский наблюдатель» (некоторые исследователи считают это издание журналом). Он жил в Вятке с декабря 1824 г. по февраль 1827. Еще до ссылки, через брата, певца и композитора М. Л. Яковлева, учившегося в лицее вместе с великим поэтом, Павел Лукьянович сблизился с А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом, Е. А. Баратынским. Пушкин, по воспоминанию В. П. Гаевского, «лобил веселое общество Дельвига, Яковлевых, Баратынского и посещал его ежедневно до отъезда своего в Михайловское. Да и после возвращения в Петербург не порывал с ним дружеских связей. Когда же в 1820 г. великий поэт отправлялся в Южную ссылку, А. А. Дельвиг и П. Л. Яковлев провожали его из Петербурга до Царского Села». Яковлев переписывался с Пушкиным.

Из Вятки Яковлев постоянно посылал свои корреспонденции дяде, известному баснописцу Александру Ефимовичу Измайлову в Петербург в журнал «Благонамеренный».

Особенно интересна газета «Хлыновский наблюдатель», которую Яковлев и его друзья выпускали в Вятке. Затем он отправ-

для ее в Петербург дядюшке. Все экземпляры ее хранятся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Петербурге. Некоторые статьи из «Хлыновского наблюдателя» звучали довольно резко, например, заметка «Коровы».

П. Я. Яковлев критикует прежде всего общечеловеческие пороки: лень, брюзгливость, чванство, зазнайство, высокомерие, бездуховность, поэтому центральное место в каждом номере занимает отдел «Нравы», густо насыщенный сатирическими зарисовками вятских обывателей или юмористическими рассказами дидактического характера.

В рассказе «Несчастья от носа» создан автобиографический образ Хлыновцева, все несчастья которого происходят от того, что дядюшка вовремя не послал ему французский табак из Петербурга. В разделе «Внутренности» сообщалось о новостях вятской жизни.

По своему духу «Хлыновский наблюдатель» принадлежит к сатирическому направлению, которое в 20-х годах XIX века развивалось в таких жанрах, как нравоучительно-сатирическая проза (рассказ, повесть), басня, комедия. Сатирическая проза этих лет А. Е. Измайлова, В. Т. Нарезного носила нравоучительно-дидактический характер, обличала многие общечеловеческие пороки. В этом же русле развивалось и творчество П. Л. Яковлева.

По приезде из Вятки в 1827 г. писатель выпустил «Записки Москвича» (1828 — 1830 гг.) в трех томах, куда включил много статей из «Хлыновского наблюдателя». Яковлев за свою жизнь создал несколько повестей и романов («Записки Лужницкого старца», «Жизнь принцессы Анны», «Удивительный человек» о войне 1812 г.), комедий, литературно-критических и лингвистических статей.

А. С. Пушкин был знаком со многими сочинениями П. Л. Яковлева, ему нравилась их сатирическая направленность. Так, в письме к князю Вяземскому 2 января 1831 г. Пушкин пишет: «... Яковлев издает к масленице Альманах «Блин». Жаль, если первый блин будет комом. Не отдашь ли ты ему обозы, а девичий сон Максимовичу? Яковлев тем и хорош, что отменно храбр и готов помазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого — пошли ему свои сатирические статьи...»

В свою очередь П. Л. Яковлев восторженно относился к Пушкину, о чем свидетельствуют его письма к А. Е. Измайлову, его отзыв о «Борисе Годунове», помещенный во 2 номере «Санкт-Петербургского вестника» за 1831 г.

Широко известно, что Пушкин поместил во втором томе «Современника» за 1836 г. «Записки Н. А. Дуровой» с собственным предисловием: «С неизъяснимым волнением прочли мы признание женщины, столь необыкновенной, с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером, быстрым, живописным и пламенным» (Современник. Т. II. — СПб, 1836. — С.53).

А Белинский в статье «Вторая книжка «Современника» так отозвался о произведении «знаменитой вятчанки»: «Теперь о прозе. Здесь замечательна статья: «Записки Н. А. Дуровой, изданные А. С. Пушкиным». Если это мистификация, то признаемся, очень мастерская; если подлинные записи, то занимательные и увлекательные до невероятности».

Когда двоюродный брат Надежды Андреевны Дуровой И. Г. Бутовский издал записки в 1836 г. в полном виде под названием «Кавалерист-девица. Происшествие в России», первым человеком, которому Дурова послала их, был А. С. Пушкин. Подарок сопровождался письмом, которое Пушкин получил незадолго до кончины в декабре 1836 г.:

«Милостивый государь Александр Сергеевич, имею честь представить вам вторую часть моих «Записок», извините, что не сам лично вручаю вам их, но я давно очень болен и болен жестоко. Дела мои приняли оборот самый дурной: я было надеялся на милость царскую, потому что ему представили мою книгу; но кажется понадеялся напрасно: вряд ли скажут мне спасибо, не только чтоб сделать какую существенную пользу. Простите, будьте счастливы.

Преданный слуга ваш Александр Александров».

Из многочисленных ее произведений особый интерес представляет светская обличительная повесть, изданная в 1838 г. «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения», где описано, как меняется отношение хозяев роскошных гостиных от первого посещения Дуровой к третьему.

Но особый интерес повесть представляет как воспоминание о Пушкине. Образ великого поэта здесь нарисован с большой любовью, теплотой и восторгом. Дурова вспоминает о нескольких встречах с ним.

Белинский, высоко оценивший и «Год жизни в Петербурге», писал: «С тех пор литературное имя Девицы-Кавалериста было прочено».

Из сугубо романтических повестей особо выделяется «Серный ключ» (1839), где писательница прославляет «природную способность к поэзии, которою в высшей степени одарены все черемисы» — «поэты-импровизаторы». Романтичен сюжет повести. Смерть жениха, погибшего в схватке с медведем, так глубоко потрясает Зеилу, что она сходит с ума. Целые дни ходит она к ручью, у которого зимой и летом встречалась с Дукмором, поет и плачет. Песня, которую сочинила Зеила и поет у ручья, свидетельствует о глубокой одаренности марийского народа:

Бежит, гремит, кипит, клокочет,
Волшебный ключ моей страны!
Злой Керемет в лесу хохочет
В часы полночной тишины!

Эта баллада является доказательством поэтического таланта Дуровой (все песни и стихи, включенные в ее повести и романы, сочинены самой писательницей).

Одновременно с «Записками» Дуровой Пушкин опубликовал во втором томе «Современника» статью вятского писателя А. И. Емичева «Мифология вотяков и черемис», где описана религиозная жизнь первообитателей вятского края — удмуртов и марийцев, их обряды, верования, божества.

Особенно были популярны изданные Емичевым в том же 1836 г. в Санкт-Петербурге «Рассказы дяди Прокопья». В сборнике есть и романтический рассказ «Рожок» с сильными огненными страстями, эффектными сценами, и рассказы, близкие реалистической манере, — «Глухая Машенька», «Воспоминание». Для нас они интересны прежде всего вятскими реалиями, так как большая часть книги писалась еще до отъезда из Вятки.

К писателям пушкинской поры следует отнести и В. Т. Фенова с его эпиграммами и сатирическими стихами, направленными против вятского губернатора Тюфяева. В девятнадцатом номере «Вестника Европы» за 1825 г. он поместил сатиру на Тюфяева «К лицемеру», где были строки:

... Ты вдов печальных притеснил,
Ты пролил слез потоки,
Ты раны им нанес глубоки,
Приюта не дал сироте...

Наиболее сильны сатирические стихи его «К золоту», «К деньгам», в которых дано резкое обличие общества, где всем правят деньги.

В. Т. Феонов был также одним из первых писателей в русской литературе, который обратился к теме Пугачева, опубликовав в четырнадцатом номере июльской книжки «Заволжского муравья» в 1833 г. отрывок из стихотворной повести «Мятежник Пугачев».

К писателям пушкинской поры можно отнести и Семена Авдиевича Веснина (Святогорца) с его оригинальными, глубоко народными «Ванями-вятчанами».

Огромное значение для развития литературной жизни Вятки имело пребывание здесь Александра Ивановича Герцена в 1835—1837 годах.

19 мая 1835 г. Герцен, «как смелый вольнодумец, весьма опасный для общества», прибыл в Вятку. Деятельность его в вятское трехлетие была многообразна и плодотворна: он работал в канцелярии губернатора, которая находилась в здании нынешнего областного суда на улице Дрелевского. Его угнетала бессмысленная переписка бумаг с 9 часов утра и до 2-х часов дня, а затем еще с 5 до 8 вечера: «Не материальная работа была велика, а удушьяющий, как в собачьем гроте, воздух этой затхлой среды и страшная глупая потеря времени, вот что делало канцелярию невыносимой», — писал он позднее в «Былом и думах». Одновременно служит переводчиком (должность эта, как доказывают материалы Государственного архива Кировской области (далее ГА-КО), не была фиктивной, как считают многие герценоведы), занимается статистикой как член статистического комитета, начавшего свою работу с 1835 г. За годы ссыльной жизни он написал и отредактировал много публицистических, краеведческих и этнографических статей для «Вятских губернских ведомостей», которые начали выходить с 1838 г., уже после отъезда его из Вятки. Кроме того, он был занят организацией выставки искусственных и естественных богатств в крае, на которую 18 мая 1837 г. приехали наследник престола, будущий Александр II, В. А. Жуковский и историк Арсеньев. Огромную роль Герцен сыграл в организации вятской публичной библиотеки. 6 декабря он произнес речь на ее открытии, где были такие замечательные слова: «Публичная библиотека — это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет...»

В Вятке Герцен много пишет. Несмотря на общую романтическую окраску, в его творчестве 30-х годов проступают уже и реалистические элементы, а также сильна обличительная струя. Отдельные рассказы, статьи, очерки написаны с иронией, даже с сарказмом. В этот период он завершает статью «Гофман», переде-

львает «Легенду», «Первую встречу», пишет «Вторую встречу», «Третью встречу», «Это было 22-го октября 1817 г.», «Письмо о Казани, Перми и Вятке», «Письмо из Вятки», задумывает большое автобиографическое полотно, первую часть которого под названием «Дитя» закончил 20 октября 1837 г. (Затем эта часть превратилась в повесть «О себе», а дальше на ее основе были созданы «Записки одного молодого человека», «Еще из записок одного молодого человека» и «Былое и думы»). Но самым ярким произведением вятской поры была повесть «Елена», завершенная уже во Владимире.

Перед нами светская обличительная повесть, близкая к повестям Н. А. Дуровой, В. Ф. Одоевского и других авторов 30-х годов о драматической судьбе женщины, она строится на противопоставлении любви земной, чувственной — любви идеальной, «небесной». Хотя толчком и послужил роман с П. П. Медведевой, описанный в «Былом и думах», автобиографизм этой повести скрытый. Это автобиографизм подтекста. Действие перенесено в XVIII век. Позднее, излагая фабулу «Елены» в «Былом и думах», Герцен писал: «Я представил барича екатерининских времен, покинувшего женщину, любившую его, и женившегося на другой. Она чахнет и умирает. Весть о ее смерти тяжело падает на него». В одном из писем Н. А. Захарьиной Герцен писал о повести: «Там являются две женщины на сцену, Елена, которой я придал характер Медведевой, это — женщина земная, это — любовь материальная, доведенная до поэзии, но до поэзии земной, и княгиня, которой я несколькими чертами дал твой божественный характер, где ж и следов нет земли, где одно небо, и небо яхонтовое, небо Италии». В центре образ красивой, изящной, но бедной Елены, жизнь которой загублена князем. Тема измены князя связана с темой обличения света. Хотя князь терзается («как я гадок, низок в собственных глазах»), это не мешает ему жениться на другой и порвать с преданной и самозабвенно полюбившей его Еленой. Не в состоянии перенести удара, она умирает. Князь сходит с ума. Княгиня, его жена, каждый день ездит на могилу к Елене «просить у нее мира» и прощения.

Вятская ссылка отразилась в ряде произведений Герцена, многие его знакомые, «подснежные» (вятские) друзья послужили прототипами героев многих его произведений.

Профессор К. В. Дрягин в статье «Вятская ссылка Герцена», предпосланной сборнику произведений и писем Герцена, связанных с Вяткой, пишет: «Весьма вероятно, что колоритная фигура доктора Крупова («Кто виноват?» и «Доктор Крупов») возникла не без влияния воспоминаний о том докторе Чеботареве,

которого Герцен описывает в XIV главе «Былого и дум», как и в Круциферском разночинце, учителя гимназии, восторженном идеалисте, но слабом и безвольном, — могли отразиться черты юноши — учителя гимназии А. Е. Скворцова, который так же печально окончил свои дни, как и Круциферский, и тоже, по выражению Герцена, «без памяти» любил Полину. Полина же некоторыми чертами напоминает Любоньку Круциферскую».

Вятка и вятские обыватели выведены в «Патриархальных нравах г. Малинова», включенных в «Записки одного молодого человека» в образе Малинова и малиновцев.

Особенно возмущало Герцена самодурство вятского губернатора Тюфяева, которому он отводит целую XIV главу и часть XVII, где рисует не только характер, но и внешний облик этого «развратного по жизни, грубого по натуре» плечистого старика небольшого роста, «с головой, посаженной на плечи, как у бульдога», в прошлом бродячего комедианта, сейчас деспота. Глава XVI целиком посвящена А. Л. Витбергу, близость с которым была для Герцена «большим облегчением в Вятке».

С большой теплотой в «Былом и думах» Герцен говорит о своих вятских друзьях: «Где вы? Что с вами, подснежные друзья мои? Двадцать лет мы не видались. Чай, состарились и вы, как я, дочерей выдаете замуж, не пьете больше шампанское и стаканчиком на ножке наливку. Кто из вас разбогател, кто разорился, кто в чинах, кто в параличе? А главное, жива ли у вас память о наших смелых беседах, живы ли те струны, которые так сильно сотрясались любовью и негодованием». Вятская ссылка показана в XIV, XV, XVI, XVII, XXI главах «Былого и дум» весьма колоритно.

Небезынтересно привести выдержки из дневников Жуковского о Вятке, которые хранятся в Центральном госархиве литературы и искусства в Москве. Жуковский сначала говорит о прекрасной дороге лесом до Орлова, куда он прибыл в 4 часа утра 17 мая, а уже во вторник 18 мая был в Вятке. «Мне отведен дом у г-на Ивана Степановича Машковцева, его жена Анна Александровна, дочери Маргарита и Александра».

Вятка на первый взгляд на Жуковского произвела невыгодное впечатление: «Город довольно отсталый: невымощенные дощатые тротуары, расположен на неровностях». Но отмечает значительные природные богатства (хлеб, юфть, кожа, лен, железо и чугун в Воткинском и Ижевском заводах). Жуковского заинтересовала история Хлынова и Вятки, местные легенды (он подробно записывает предание о возникновении праздника Свистопляски), достопримечательности (особенно Александровский сад, Трифо-

нов монастырь, тюремный замок и др.). Большое впечатление на Жуковского в Вятке произвели встречи с А. Л. Витбергом, с А. И. Герценом («сочинителем») и Д. Я. Чарушиным («живописцем-самоучкой»). Он даже попросил Витберга подготовить Чарушина для поступления в Академию художеств. Витберг с честью выполнил свою миссию. На выставке Жуковскому понравилась решетка городского сада, сделанная по проекту Витберга, веелка яранского крестьянина Семена Тарасова, пожарная машина Ивана Титова из Слободского, стенные часы Павла и Александра Руквишниковых из Вятки и Василия Рысева из Бахты, карманные часы токаря из Вятки Семена Бронникова, кружева Кошурниковой, бисерные работы Хлопиной, цветы из бересты, иконы и многое другое.

Дружеские отношения Жуковского с Герценом не прекратились и после отъезда Герцена из Вятки. Жуковскому первому он подарил свою речь на открытии публичной библиотеки с надписью: «Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому в знак глубокого почитания от сочинителя», которая хранится в Центральном архиве литературы и искусства.

А. И. Герцен покинул Вятку 29 декабря 1837 г.

В Вятке долго помнили и Жуковского, и Герцена, интересовались их сочинениями. О популярности здесь Герцена говорят хранящиеся в архивах письма из Вятки А. И. Бакунину.

А. И. Герцен дал сильный толчок к усилению творческой деятельности вятской интеллигенции. Не менее яркий след оставил и другой ссыльный писатель — Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, который стимулировал развитие сатирического направления в местной литературе. О жизни и служебной деятельности писателя хорошо рассказал Е. Д. Петряев в своей книге «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке», изданной Волго-Вятским издательством в 1975 г. и переизданной в 1988 г.

Писатель прибыл в Вятку 7 мая 1848 г. и прожил здесь семь лет и семь с половиной месяцев до 24 декабря 1855 г., он был сослан за крамольный образ мыслей, проявившийся в повестях «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848). Поселился Салтыков в доме И. Х. Раша на улице Вознесенской (сейчас Ленина, 93), где находится Дом-музей М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вятка, названная в «Губернских очерках» Крутогорском, поразила его: «Крутогорск расположен очень живописно, когда вы подъезжаете к нему летним вечером со стороны реки, и глазам вашим издалека открывается брошенный на крутом берегу городской сад, присутственные места и эта прекрасная группа церквей, ко-

торая господствует над всей окрестностью, вы не оторвете глаз от этой картины».

Салтыков сначала был определен младшим чиновником особых поручений правления, иначе простым писцом, затем с 12 ноября 1849 г. — старшим чиновником особых поручений, с 30 мая по 20 августа 1849 г. — правителем канцелярии, а 5 августа был назначен уже советником Вятского губернского правления.

Чем только не занимался Салтыков-Щедрин в Вятке! Известно, что он был организатором выставок сельских произведений 1850 и 1854 годов. В рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся две неопубликованные статьи, связанные с выставкой 1849 г.

Его удивила страсть вятских крестьян к «эксцентричным ремеслам (деревянные, стеклянные часы, цепочки и т. п.)», свидетельствующая о их даровитости. Из трех вятских выставок Салтыков был «распорядителем» в двух последних. О результатах выставки 1850 г., открытой с 15 августа по 8 сентября в доме почетного гражданина Гусева на торговой площади, он опубликовал в «Вятских губернских ведомостях» (1851, №№ 4—7) статью «Вятская очередная выставка сельских произведений». Писатель говорит об успехе Макара Максимовых, который представил 12 сортов русского хлеба и получил за это медаль, об успехе Лаврентия Власьева, вырастившего ананас и виноград, Никиты Санникова, смастерившего удивительную сеялку. Из интереснейших предметов выставки 1854 г. надо назвать модель оригинальной мельницы с турбинным колоколом крестьянина Семена Кривошеина. Она поразила многих посетителей выставки, так как вопрос о турбинах считали делом ученых.

Очень интересно, что Салтыков рекомендовал лучшие изделия (образцы хлебов, мед, юфтевую кожу, мебель, часы) на Санкт-Петербургскую выставку, «предоставляя отправиться на Лондонскую, если заслужат одобрения на первой» (из материалов ГАКО).

В связи с делом о раскольниках Салтыков изъездил более 7 тысяч верст по самым глухим местам Вятской, Пермской, Нижегородской, Ярославской, Владимирской, Казанской губерний. Столкнувшись с миром преступлений, изуверства и косности в раскольничьей среде, он предлагал губернатору Семенову опереться в борьбе с расколом на население северных губерний (рапорты Салтыкова № 71, 93, 94 в ГАКО). Но начальство без внимания оставило предлагаемые им демократические по своей сути меры борьбы с расколом.

Салтыков-Щедрин по делам службы ездил по губернии: в Котельнич, Кай, Уржум, Слободской, Малмыж, Сарапул, Орлов, Глазов, Нолинск, Уни. Особенно значима его поездка на место сопротивления крестьян арендатору Гуднину из г. Кая, когда Салтыков встал на сторону народа. В книге Е. Д. Петряева есть карта поездок М. Е. Салтыкова по Вятской губернии в 1849—55 гг. с обозначением дат и подробным освещением всей его многогранной служебной деятельности. В ведение Салтыкова как советника губернского правления было передано все второе отделение, контролирующее хозяйственно-административный аппарат и экономическую жизнь губернии. В распоряжении писателя было 20 чиновников.

В Вятке Салтыков нашел и свое семейное счастье. До сих пор в работах о Салтыкове сохраняется взгляд на жену писателя Елизавету Аполлоновну как на «мило журчащую, окруженную поклонниками, но по сути бесчеловечную и жестокую светскую куколку». В фонде Унковских в Центральном архиве литературы и искусства есть воспоминания детей Унковских, приятелей Салтыковых, рисующие жену сатирика как верную помощницу писателя: «К чести Е. А., надо сказать, что она во многом помогала мужу: она одна легко разбирала его ужасный почерк, говоря, что почерк Мишеля никто не может разобрать, кроме ее, и переписывала сама все его сочинения». Об этом же пишет и сын Константин Михайлович Салтыков в книге «Интимный Щедрин» (М., 1923), в которой мама фигурирует под именем «Бетси».

Воспоминания сына сатирика, его жены Л. Н. Макаренко-Салтыковой дают основание другими глазами взглянуть на «вятскую избранницу» великого писателя. Она была не только красива, но и добра, умна, заботилась о муже. Ее почерком действительно переписаны все произведения писателя.

С. А. Макашин в своей книге «Салтыков-Щедрин. Биография» (М., 1951) и Е. Д. Петряев в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке» обстоятельно ответили на вопрос о вятских знакомых писателя. Это семейство родственников Э. К. Циолковского, особенно его дядя Нарцисс Игнатьевич Циолковский, обрусевшее семейство поляков Дравертов (братья Станислав, Игнатий и Александр), польский писатель Генрих Каменьский, отбывавший здесь ссылку, преподаватель Вятской гимназии Александр Петрович Тиховидов, семейство Иониных, глава которого лечил Салтыкова в Вятке, чиновник А. Н. Храбрых, который помогал собирать писателю материал для «Губернских очерков», Н. Н. Ланская-Пушкина и ее второй супруг П. П. Ланской, которые помогли поскорее освободиться Салтыкову из «вятского плена», и многие, многие другие.

В Вятке в 1849 г. была закончена повесть «Брусин», в которой Салтыков разоблачает беспочвенного романтика Брусина, мечтавшего из неразвитой сумасбродной Ольги, девушки легкого поведения, сделать «женщину в высоком значении слова».

Здесь, в Вятке, были сделаны заготовки, черновые наброски знаменитых «Губернских очерков», все герои которых имеют вятских прототипов. По всей вероятности, впервые был написан рассказ «Приезд ревизора», сначала входивший в «Губернские очерки», а позднее, по не зависящим от автора причинам, включенный в «Невинные рассказы». В нем идет речь о благотворительных спектаклях в Крутогорске (Вятке — *Н. И.*), на одном из которых была поставлена пьеса Сологуба «Чиновник».

Рассказ «Приезд ревизора» писатель послал своему вятскому другу Тучемскому, вклеив в «Губернские очерки», с которыми рассказ роднит упоминаемые в нем персонажи — супруги Голубовицкие, учитель Линкин, чиновники Порфирий Петрович, Семен Семенович Фурначев и другие, а также захолустный Крутогорск.

Л.Н. Спасская, дочь Иониных, друзей Салтыкова, в своих воспоминаниях пишет о том, что она «слыхала догадки, что часть очерков (имеются в виду «Губернские очерки». — *Н. И.*) была написана Михаилом Евграфовичем еще в Вятке».

Многие листы были написаны на бланках тайного советника Вятского губернского правления. Трудно предположить, чтобы Салтыков захватил с собою в Петербург множество экземпляров таких бланков для «Губернских очерков».

Вятчане легко узнавали себя в персонажах «Губернских очерков». В князе Чебылкине видели губернатора Семенова, в Порфирии Петровиче Харченко — советника питейного отделения Макарова, в генерале с генеральшей Голубовицких — губернатора Середу и его жену, в Ижбурдине — купца Ижболдина, в Бетси — невесту писателя Лизу Болгину, в Михаиле Трофимовиче Сертакове угадывали черты самого Салтыкова. Не случайно учитель М. И. Шимановский писал из Вятки своему другу, известному критику Н. А. Добролюбову, что «очерки известны по Вятской губернии, даже станционным зрителям и ящикам почтовым».

Н.Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов посвятили «Губернским очеркам», вышедшим в 1857 году, специальные статьи. «Губернские очерки», — писал Чернышевский, — мы считаем не только прекрасным литературным явлением — эта благородная и превосходная книга принадлежит к числу исторических фактов русской жизни».

Вятская ссылка всю жизнь отзывалась в творчестве сатирика. Впечатления ссылки отразились в «Невинных рассказах» («Гегемониев», «Зубатов», «Утро у Хрептюгина», «Святочный рассказ»), в «Женихе», «Смерти Пазухина», «Тихом пристанище», в отрывках из «Книги об умирающих», в цикле «Благонамеренные речи» («Тяжелый год»), в «Письмах о провинции» (письмо 12), «Рассказах для детей» («Годовщина», «Добрая душа»), в «Мелочах жизни» («Портной Гришка», «Счастливец»), в сказке «Игрушечного дела лодишки» и других произведениях.

Влияние сатиры Салтыкова, особенно его «Губернских очерков», на вятчан было огромно.

Одним из первых, кто испытал на себе это влияние, был писатель Илья Васильевич Селиванов (1810—1882 г.), находившийся в вятской ссылке в 1850—1851 гг. Он был направлен сюда в апреле 1850 г. «за превратный образ мыслей, выраженный в литературных сочинениях и в частной переписке», и состоял в должности чиновника особых поручений и делопроизводителя статистического комитета. Губернатор Середа, хорошо отзываясь о нем, отмечал в отчетах, что им «был составлен подробный план всех сведений, необходимых комитету для дальнейших своих занятий», а также «Статистическое описание Вятской губернии», статья о достопримечательностях Вятки. В журнале «Современник» он поместил много разных рассказов. В 1856 г. появились в «Современнике» его «Провинциальные воспоминания» (первоначальное название «Уездные очерки»), где «читатель без труда угадывает щедринское влияние», — пишет Е. И. Покусаев в книге «Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы». Критика считала его самым знаменитым из «щедринцев». В 1857 г. «Провинциальные воспоминания (из записок чудака)» вышли в Москве отдельной книгой. В первой части Селиванов рисует картины из жизни уездного города Картолюбова в 40—50 годы XIX века, воспроизводящие его вятское житье: «Городок этот в географии известен кожевенным заводом, а в действительности в нем процветает одна только торговля карточной, отчего и город получил название Картолюбова. Здесь чиновники и купечество дуются в карты, как говорится, напропалую... Ну, вот в этом-то городке и пришлось мне прожить годок-другой». Далее идут сатирические зарисовки судей, заседателей, чиновников и купцов этого города.

Не менее рельефно вятские впечатления отразились в «Записках дворянина-помещика, бывшего в должности предводителя, судьи и председателя», напечатанных в «Русской старине» за июнь, июль, август 1880 г. Критикуя взяточников, Селиванов противопоставляет им честного чиновника типа вятского губернатора А. И. Середы: «Это был высокий, с проседью человек, мало

разговорчивый, очень красивый, должно быть в молодости... Это была такая благородная, такой высокой честности личность, какие встречаются не часто».

Традиции русской литературы, ее демократизм, интерес к героям-разночинцам развивал в своем творчестве Николай Федотович Бажин (1843—1908). Первые литературные опыты его связаны с событиями Крымской войны 1853—1856 гг. Он пишет патристические стихи. В большую литературу он вошел в 1864 г. своим романом «Степан Рулев» с подзаголовком «Черты из жизни хороших людей», который напоминает «Что делать?» Н. Г. Чернышевского с подзаголовком «Из рассказов о новых людях» (1862).

Главный герой Степан Рулев внутренне и внешне красив («здоровый, высокий, широкоплечий мужчина с загоревшим от путешествий лицом»). Те, кого он ценит, «знают Рулева за добрейшего и деликатнейшего человека», все поведение которого определяется добротой и гуманностью. Но в нем нет ригоризма, пуританства Рахметова, отказа от личной жизни, от любви. В его высказываниях ощущается писаревская пропаганда «положительных знаний» и теории «реализма».

И в других своих произведениях «История одного товарищества», «Чужие меж своими», «Три семьи», «Житейская школа», «Из огня да в полымя» Бажина привлекает «живая и светлая часть русского общества», разночинцы-демократы, с лицами светлыми, добрыми и откровенными.

Близость к Чернышевскому сказалась и в постановке проблемы женской эмансипации в повестях «В лесу», «Из огня да в полымя».

К популярной в русской литературе теме разночинца обратился также вятский писатель — священник Михаил Ионович Осокин (1828 — 1876) в своем романе «Ливанов (записки семинариста)», опубликованном в журнале «Русское слово» за 1864 г. (апрель, май, июнь). Созданный Осокиным образ Григория Ливанова, сына пономаря, уже портрет которого говорит о духовном богатстве героя («Черные, блестящие, как две крупные смородины, глаза выражали ум, в этих глазах высказалась мысль, полная высоких ощущений и сознания собственного достоинства») — стоит в ряду замечательных образов героев-разночинцев 60-х годов.

Этнографические, исторические и краеведческие работы Осокина, опубликованные в 1856—1857 гг. в «Современнике»

(«Народный быт в северо-восточной России», «Сельская свадьба в Малмыжском уезде» и др.), вызвали одобрительные отзывы Дობролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Срезневского.

С 1857 по 1866 год живет и трудится в Вятке Петр Владимирович Алабин (1824—1896), писатель, прогрессивный общественный деятель, историк, краевед, этнограф, участник многих военных кампаний, почетный гражданин городов Вятки и Самары, первый губернатор Софии в Болгарии. Ему удалось возродить публичную библиотеку, которая к тому времени пришла в полный упадок. 20 марта 1862 г. состоялось торжество по случаю «возобновления» библиотеки. Благодаря участию Алабина 22 января 1866 г. был открыт при библиотеке общедоступный (краеведческий) музей, экспонаты для которого он собирал в 1863—66 годы.

Алабин — автор «Походных записок в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов» не только живо воссоздал яркую картину боевой севастопольской страды 1854—1855 гг., но и документально, с фотографической точностью передал все перипетии Крымской кампании 1853—56 годов, высказал свое отношение к войне: «Долго ли будет существовать эта бойня? Долго ли еще литься крови человеческой? Видана ли такая борьба между людьми?» Автор выступает в этом произведении как человек широкой эрудиции, прекрасно знающий литературу.

Живя в Вятке, Алабин издает «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам» (1862), пишет много статей для «Вятских губернских ведомостей» («Александровский собор в Вятке», «Заметки относительно некоторых древностей Вятского края»), печатается в центральных журналах и газетах.

Уехав из Вятки уже ее почетным гражданином, он до самой кончины прожил в Самаре.

Из писателей 60—70-х годов, которые особенно развивали традиции сатиры Салтыкова-Щедрина, надо назвать авторов сатирического сборника «Вятская незабудка».

Главным издателем и одним из авторов сборника был всемирно известный, «идеальный книгоиздатель» Флорентий Федорович Павленков (1839—1900), издавший за свою жизнь 700 отдельных книг, отбывавший за печатание писаревских сочинений и распространение писаревских идей вятскую ссылку с 16 июля 1869 по 28 ноября 1877 г.

18 сентября 1874 г. его арестовали здесь за переписку с политическими ссыльными и заключили в вятский тюремный за-

мок, где он просидел почти год. А 14 января 1876 г. его сослали в Яранск за перевод книги итальянского аббата Секки «Единство физических сил». Сначала Павленков хлопочет об издании «Вестника Вятского земства». Но когда ему в этом отказывают, он усиленно сколачивает литературные силы губернии для создания сатирического сборника «Вятская незабудка», который он хочет законспирировать под благонамеренные издания «Памятных книжек». Сам Павленков был удивительно разносторонней и талантливой личностью: замечательный переводчик, издатель, редактор, автор ряда педагогических пособий, ученый-изобретатель, писатель-очеркист.

Все эти качества прекрасно проявились за восемь с лишним лет пребывания в Вятке. Здесь он разработал проект нового механического двигателя, составил несколько педагогических пособий и «Наглядную азбуку» с надписью на обложке: «Посвящается К. Д. Ушинскому», напечатанную в 1873 г. в Петербурге, работал над «Энциклопедическим словарем», страстно пропагандировал «подвижные школы» в России, опубликовал 34 книги через друзей М. П. Надеина и В. Д. Черкасова в Петербурге (с переизданиями — 52) и в Вятке через типографию А. А. Красовского — 11 книг.

Но главный труд вятского восьмилетия — «Вятская незабудка». К ней он привлек не один десяток авторов, прежде всего своих друзей Николая Николаевича Блинова, священника, писателя, краеведа; учителя сарапульского земского училища Рауля Николаевича Рума; публициста Петра Александровича Голубева; ссыльного учителя математики Василия Ивановича Обреимова; поэта-самородка из Уржума Андрея Платоновича Грудцына; секретаря Яранской земской управы Василия Михайловича Гусева; секретаря Уржумской земской управы Владимира Яковлевича Заволжского; статистика Николая Николаевича Романова; врача Савватия Ивановича Сычугова и многих других. Так как фамилии авторов (за исключением Шубина, Сырнева, Залесского, Валленбургера) в сборнике не указаны, материалы пяти архивов страны и многие газеты 60-70-х годов раскрывают авторов «Вятской незабудки».

Самым же ярким автором оказался Ф.Ф. Павленков, который подписывался в газетах той поры и в «Незабудке» таинственным псевдонимом «XYZ» (икс, игрек, зет).

Издавали «Вятскую незабудку» вместе с Ф. Ф. Павленковым Митрофан Петрович Надеин, петербургский друг Флорентия Федоровича, и его вятский друг Николай Николаевич Блинов.

«Вятская незабудка»: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год» вышла в свет в марте 1877 г. в Петербурге в количестве 800 экземпляров и разошлась в полтора-два месяца.

Книга состояла из 52 статей и очерков, содержала 384 страницы. Это собрание сатирических очерков и корреспонденций, написанных на местном материале, произвело в Вятке впечатлительное взорвавшейся бомбы.

В июне 1877 г. выходит второе издание «Вятской незабудки» тиражом уже 1050 экземпляров. В него включено 13 новых и исключено 9 уже публиковавшихся очерков и статей. 10 июня Павленков сообщает в Казань краеведу Н. А. Агафонову: «Ежегодник обеспечен на долгое время. За Вятку можно ручаться — она будет продолжать свое дело» (из фондов Литературного музея в Москве).

А 26 июля 1877 г. пишет новгородскому публицисту и краеведу А. С. Гацисскому, что вятский губернатор Тройницкий по поводу 1-го издания «Незабудки» входил в переговоры с Министром внутренних дел и лез из кожи, доказывая, что мол «подобные издания подрывают авторитет местной власти».

В феврале 1878 г. выходит третий выпуск «Незабудки» в количестве 2100 экземпляров, почти весь состоящий из новых материалов, еще более живых и острых, который был встречен передовым обществом как «знамение времени», как «литературная ласточка, предвещающая весну для провинциальной печати» (Д. П. Мордовцев «Провинциальная ласточка»). Цензор же И. М. Степурский назвал «Незабудку» «собранием разных пасквильных статей в форме писем и рассказов».

Ф. Ф. Павленков пытается всячески спасти 3-й выпуск, но ему это не удается. Постановлением комитета министров от 2 мая 1878 г. книга была запрещена, а 25 июля уничтожена: 2075 экземпляров было превращено в бумажную массу. Уцелело всего 25. В библиотеке им. А. И. Герцена сохранились все 3 выпуска знаменитой «Вятской незабудки».

В. Г. Короленко назвал сборник «ярко обличительным». Он состоит из 106 статей, очерков, рассказов, сказок. Многие написаны талантливо, художественно, с большим чувством юмора, иронии, сарказма. Авторы сознательно стремятся следовать манере Салтыкова-Щедрина, сатирика-очеркиста, о чем они неоднократно и сами заявляют. Это следование объясняется идейной близостью многих авторов «Незабудки» к Салтыкову-Щедрину, общностью их творческих установок и в какой-то степени общностью предмета обличения.

Как и Щедрин, авторы «Незабудки» стремятся к политической сатире, берут на вооружение такие приемы сатиры Салтыкова-Щедрина, как прием кукольности, автоматизации образа, зоологического уподобления («Судоговорилка», «Дергун» и др.), гиперболы, иронии, гротеска, эзоповского иносказания, а также прием щедринской публицистики — обилие публицистических, философских отступлений.

Однако использование щедринской манеры не лишает «Незабудку» оригинальности. Перед нами произведение более публицистическое и документальное, чем художественно-публицистические очерки великого сатирика. Любопытно, что каждому выпуску предпослан «алфавитный указатель» лиц, о которых упоминается в «Вятской незабудке», среди них главным образом выделяемые: в первом выпуске — 230 фамилий, во втором — 216, в третьем — 183. «Вятская незабудка» представляет собой соединение обычной газетной статьи с живым сатирическим очерком, рассказом и даже сказкой. Любой из этих жанров пронизан публицистичностью, и, наоборот, даже лобной газетной заметке придается художественная форма. Это достигается с помощью интригующих заглавий («Прежде скончались, потом повенчались», «Кусающиеся овцы», «Рвение не по разуму», «Дом печали и вздыханий», «По шишу за рубль», «Маниловский посад», «Тришкин кафтан» и т. п.) и с помощью выразительных эпитафий («А судьи кто?», «Подписано, так с плеч долой», «Голодно, странничек, голодно», «Одна открыта торная дорога к кабаку», «Необыкновенное происшествие... просто необыкновенное происшествие» (Гоголь «Ревизор») и многими другими приемами.

«Вятская незабудка» разоблачает прежде всего деятельность уездных земств, окружного суда, вятской администрации и полиции. Уездные земства, как правило, не отвечают своему назначению. Во главе их стоят или «Юпитеры-Громовержцы» типа Булгакова в Слободском, насаждающие формализм, чиновничество, грубость, или «плутократы» типа малмыжского «Креза» Юшкова. Яркий образ земского головы рисует очерк «Зарвавшийся плутократ» с символическим эпитафием «Пошел козел в огород», подчеркивающий самодурство Юшкова, которого «Незабудка» уподобляет щедринскому помпадурю: «Вообще г. Юшков как один из щедринских помпадуров, отделявшийся от всех своих вопросов жизни двумя фразами: «ах, матушка» и «нет закона».

В ряде очерков воспроизведено сонное обывательское царство, напоминающее «темное царство» А. Н. Островского. «Общий очерк Слободского за 1876 год» рисует картины тирании и самодурства одних, бесправия и гибели других: «Вот другой — не дом, а дворец: весь бельэтаж занимает глава семейства, тиран и

самодур, старающийся заглушить безысходную тоску мрачным, одиноким, беспробудным пьянством, а в отдаленной комнатке нижнего этажа того же дома гаснет молодая жизнь одного из сыновей этого Тита Титыча и погибает жертвой невыносимой домашней обстановки... И сколько молодых свежих сил гибнет за этими твердынями, сколько льется слез, особенно женских!» (Вып. 2.—С. 73.).

Разоблачает «Вятская незабудка» и видных вятских чиновников во главе с губернатором Н. А. Тройницким в «сказке для детей старшего возраста» — «Дергун», эпиграфом к которой взята народная поговорка: «Бодливой корове бог рог не дает». Сказка носит иносказательный характер. В ней говорится, что в одном шкафчике (под шкафчиком подразумевается Вятка) у Саши (имеется в виду император Александр II) лежат игрушки: Чучело Глухаря (вице-губернатор Домелунксен), Полицейский Свисток (полцмейстер Михайлов), туго натянутый барабан (председатель земской управы Дернов) и множество других.

В этой аллегорической сказке широко использованы щедринские приемы иронии, гротеска, налицо эзоповские формулы.

Совсем иначе «Незабудка» изображает народ — тепло, сочувственно. Перед читателем проходят живые картины из жизни народа. В очерке «Бедный Макар» говорится о нищете крестьян, которые «мрут от голода, как мухи тысячами». В очерке «Кайский и Синеглинский район», эпиграфом к которому взяты слова Некрасова «Невесела ты, родная картина», нарисованы сцены народных бедствий: «Урожайным годом жители этих местностей называют тот, в котором хлеба достает до рождества. О мясе крестьяне не имеют почти понятия; едят один сухой хлеб, к которому примешивают кору, отруби и т. п.... Живут кайцы и синеглинцы в курных, полусгнивших избах, с виду скорее похожих на телячью стойку. Внутри грязь, нечистота; потолок весь в саже. В углу, в зыбке качается ребенок, в разлезаящихся от ветхости тряпках... Рядом с люлькой помещается в зимнее время скот» (Вып. 2.—С. 266—267).

После трех выпусков «Вятской незабудки» Павленков еще издает серию «Загадочных картинок», представляющих собой своеобразные иллюстрации, в которых в виде карикатур изображены обличаемые персонажи, включая и губернатора, который представлен как «воинствующий лицеист». За это время в марте 1880 г. Павленков был снова арестован и выслан в г. Ялуторовск Тобольской губернии. Только в феврале 1881 г. друзьям удается добиться его освобождения.

Надо заметить, что Ф. Ф. Павленков не порывал и после ссылки связи с Вяткой и авторами «Вятской незабудки», печатал некоторых из них в Петербурге (особенно Н. Н. Блинова).

«Вятская незабудка» — это первый замечательный образец неофициальной местной печати и блестящее произведение передовой русской публицистики. Вслед за ней подобные сборники или журналы появлялись в Перми, Полтаве, Владимире, Казани, Нижнем Новгороде. Она оказала большое влияние и на развитие литературы вятского края, особенно на ее сатирическое, обличительное направление.

Из друзей Ф. Ф. Павленкова особенно интересен писатель Николай Николаевич Блинов (1839—1917).

Для его творчества характерно глубокое знание народной жизни, которое чувствуется во всех его произведениях. Пьеса «Свет и во тьме светит (посвящается графу Льву Николаевичу Толстому)» написана в явной полемике с великим писателем. Л. Н. Толстой в своей пьесе «Власть тьмы» говорил о страшной, всесокрушающей силе капитала в деревне, разрушающей нравственные устои ее жителей. Н. Н. Блинов верит, что даже «власть тьмы» или капитала не может убить свет, добро, правду, сохранившиеся в глубинах народной жизни, народной души.

В пьесе автор рассказывает о судьбе вятской крестьянки Домны, двадцатилетней женщины. У нее умирает сорокопятилетний муж Роман. На руках остаются двое неродных детей и грудной еще сынишка Федя. Домну давно любит крестьянин Кирилл. Брат Романа, алчный и ненасытный, хочет отобрать у Домны дом, а ее с детьми пустить по миру. За помощью он обращается к уряднику. Тот, услышав разговор двух женщин Лукерьи и Степаниды о том, что Домна будто бы отравила мужа из-за любовника, сажает ее в тюрьму. Через 8 месяцев на суде, однако, выясняется, что Романа отравила лечившая его суемой бабка Фекла. Домна оправдана. И если раньше она упорно избегала Кирилла, то сейчас соглашается стать его женой. Автор рисует образ трудолюбивой и чистой женщины. Доброта и сердечность ее проявляются в том, что она любит неродных детей Васю и Машу как собственного Федю, и, перебиваясь с куска на кусок, несмотря на уговоры родных, не отдает их никому. Известный историк литературы А. Скабичевский в 1887 г. в 213 номере «Новостей» писал, что «Свет и во тьме светит» «замечателен в художественном отношении и по тому глубокому знанию народной жизни, какое обнаруживает автор, и по чисто народному языку, и, наконец, по тому сильному и властному впечатлению, какое производит».

Тема народа была одной из ведущих и в творчестве видного общественного деятеля, председателя Вятской земской управы в 1891—96 гг., писателя и публициста Авксентия Петровича Батуева (1863—1896).

Из публицистических произведений выделяется его брошюра «Мужичья лень» (Казань, 1894), где есть замечательные строки: «Можно только смеяться над потугами наших мужикофобов представить крестьянина лентяем. Прежде чем обвинять, нужно узнать его жизнь, а тогда она окажется воплощенным трудолюбием».

У Авксентия Петровича рано проявился талант писателя. Будучи студентом, он печатал рассказы, литературно-критические статьи в казанских газетах под псевдонимом «А. Прорубов». Первым его крупным художественным произведением был трехтомный, во многом автобиографический роман «На взлете», частично печатавшийся в газетах и в сборнике его рассказов «Живой портрет», опубликованном в Петербурге под аллегорическим псевдонимом «А. Антеев». Открывается сборник рассказом «Живой портрет» с посвящением Н. И. Дробышиной. Надежда Ивановна Дробышина — супруга одного спившегося чиновника, обладающего недурными поэтическими способностями, незадолго до кончины Батуева стала его женой. Он взял ее с четырьмя детьми. Через три месяца после его кончины родился сын Батуева, тоже Авксентий. Рассказ «Живой портрет» сродни «гаинственным повестям» И. С. Тургенева, где реальное сменяется ирреальным, рациональное — иррациональным, где оживает портрет женщины, о трагической судьбе которой автор много наслышан, где рисуются мужские и женские образы с разной психикой, с разным восприятием мира.

В центре ряда произведений («На взлете», «Плененной мысли раздраженье», «Случай крайности», «Дурной год») — автобиографический герой Николай Михайлович Чулпанов, который в 11 лет едет из уездного городка Перешина в город N, где заканчивает гимназию и учится в университете. В университетские годы он много размышляет о смысле жизни, «требует от жизни не одного только узкого материального счастья, но еще и красоты», мечтает «о той пользе ближним», которую будет приносить, когда закончит университет.

Главный удар в книге направлен против всевозможных пороков, мешающих нормально жить народу, — пьянства («Пред могилой»), нищеты и проституции («Дурной год»), нравственного падения («Однокорытники», «Психопат»), против скупости, скряжничества («Кому вручить?»), эгоизма («Перед сном»), под-

лости («Случай крайности»). В центре — тема народа, нищего, закабаленного, о благосостоянии которого заботятся лишь отдельные личности типа Одарина. Несколько рассказов посвящено теме любви («Живой портрет», «Ошибка», «Обман», «Безнравственная повиллика»), любви настоящей, оставляющей большой след в сердце, ярким лучом озаряющей всю жизнь, иногда любви, обрекающей на смерть, не выдерживающей нравственных запретов.

Тема народа и тема героя-разночинца в его эволюции — две стержневые темы в творчестве писательницы-вятчанки Марии Егоровны Селенкиной (1845—1923). Кроме того, в своих первых повестях, подписанных «М.М.»: «Мирные сцены в мирном городе» (Женский вестник, 1867, №№ 3—4) и «Сашенька Кропачева» (Дело, 1869, № 2) Селенкина поднимает характерную для 60-х годов XIX века проблему женской эмансипации, рисуя образ передовой прогрессивно настроенной девушки, полной готовности идти в народ, отдаться делу общественного служения.

Катя Мохова, хотя и понимает негодность окружающего ее провинциального болота и полна мечтаний об иной, красивой жизни, но не идет за молодым Ренардом, который отдался «делу Братства, Равенства и Свободы». Катя идти в народ еще не готова.

Сашенька Кропачева — это дальнейшее развитие образа Кати Моховой. Под влиянием родственников, интеллигентов-демократов Кропачевых она подобно Вере Павловне Розальской из романа Чернышевского «Что делать?» стремится к самостоятельной жизни. Сашенька через 2 года после окончания гимназии едет в деревню крестьянской наставницей.

Она учит крестьян собирать лекарственные травы, обрабатывать землю, учит основам сапожного, башмачного, шорного мастерства и многому другому.

В рассказе писательница предвосхищает первые шаги интеллигенции в народ. Расцвет творчества Марии Егоровны падает на 80-е — начало 90-х годов (произведения 70-х годов не вышли в свет). Из рассказов 80-х годов пользовались большим успехом «Бесплатный урок» (Вестник Европы, 1882, № 8) и «После долгой разлуки» (Северный вестник, 1888, № 4).

«Бесплатный урок (Картинки из уездной жизни)» подписан именем героя «В. Шилов», который является главным в рассказе. Это разночинец-демократ, гуманный и добрый человек. Рассказ направлен против мещанства, обывательского страха, которым полны жители Вятки.

В рассказе «После долгой разлуки», опубликованном в апрельском номере «Северного вестника» за 1888 г. и высоко оцененном В. Г. Короленко как «вещь живая, свежая и интересная», поднимается проблема отхода интеллигенции в годы реакции от идеалов юности. В основе сюжета встреча автора повествования, типичного семидесятника после десятилетней разлуки с друзьями молодости — Константином Черновым и его женой Дашенькой, в прошлом горячими борцами за счастье народа. Для друзей «никакой труд тогда не казался сверхсильным, никакие идеалы слишком высокими, никакие широкие задачи — невыполнимыми». Их было много и все они смотрели вперед. Но как изменились друзья за эти годы! Чернов, с детства романтически влюбленный в Любу, женился не на ней, а на Дашеньке и безмерно счастлив. Он изменил не только в любви. Он отрекся и от своих общественных идеалов. Теперь Чернов — практик, фабрикант, заботящийся лишь о материальном достатке. Та же метаморфоза произошла и с Дашенькой. 10 лет назад она ушла в народ, чтобы облегчить его долю. Когда 9 лет тому назад автор встретил ее, она жала просо. А затем работа на ферме, школа в глуши. Сейчас она — жена богатого фабриканта, на ее шее сверкают алмазы, а «густая, светлая, красиво свернутая на затылке коса заколота резной черепаховой стрелой». «Мое прошлое и мое настоящее — это два противоположных полюса», — признается она другу юности.

Самый объемный труд Селенкиной — роман «Лобановщина», напечатанный в «Вестнике Европы» (1890 — 1891), тоже был высоко оценен Короленко, который писал Селенкиной в Вятку в феврале 1889 г.: «Начну с того, что прочитал я рукопись с большим удовольствием. В ней видно основательное знание описываемого быта, простота, хороший язык, питающийся местным говором как раз в меру, наконец — задушевность тона. Читая, невольно привязываешься и к Маланье, и к Федору, и к Титу с женой. Это большие и довольно редкие достоинства, но всего важнее то обстоятельство, что у Вас нет слащавого народничества и народного мистицизма».

Главная тема романа — тема обнищания народа, деревни в условиях надвигающегося капитализма, губительного влияния города на деревню, появления кулаков-мироедов, назревания народного протеста. Сюжет разворачивается вокруг неудачной семейной жизни Маланьи и Ивана. Маланью Бушуеву, красивую, скромную, жизнерадостную, трудолюбивую девушку бабушка Ниловна выдает замуж за Ивана Аксенова, родители которого во что бы то ни стало хотели женить сына, чтобы оторвать от города. За четыре года городской жизни он испортился: стал пить, гулять, завел любовницу-цыганку. Однако и женитьба на Маланье, которой восхищалась вся Лобановщина, не исправила Ивана. Как

только окончился медовый месяц, он вновь ушел в город. Домой приходил редко, раз-два в год на день, на два. А года через четыре Маланья узнала, что в городе у него есть вторая жена. В трудной, почти нищенской жизни Маланью поддерживают соседи Тит Андронич, его жена Абросимовна, их сын Федор, которого тайно любит Маланья. Селенкина показывает своих героев «без всяких прикрас».

Писательница сумела создать в лице Маланьи истинно национальный русский тип крестьянки. Образ ее можно рассматривать в одном ряду с героинями Некрасова — Дарьей из поэмы «Мороз Красный Нос» и Матреной Тимофеевной из «Кому на Руси жить хорошо».

Роман «Лобановщина» близок произведениям из народной жизни Николая Успенского, Глеба Успенского, Мамина-Сибиряка и многих других русских писателей.

Другой писательницей-вятчанкой была Елизавета Николаевна Кондрашова (1836 — 1887), автор произведений на тему воспитания в семье, в школе. Близка творчеству Кондрашовой литературная деятельность Л. А. Чарской, автора «Записок институтки», «Княжны Джавахи», «Смелая жизнь» и многих других романов и повестей о воспитании.

В повести «Отчего?» («Русский вестник» за июль, август 1885 г.) Кондрашова увлекательно рассказала о двух семьях — Веснинных и Гарволиных. Если в первой дети делятся на любимчиков и постылых, то во второй все одинаково любимы. Здесь общие интересы и радости, устраиваются детские праздники, отмечаются дни рождения.

В повести много советов родителям, которые писательница вкладывает в уста умного воспитателя Анны Ивановны, друга семьи Веснинных, или Алексея Петровича, отца Славы Гарволина: «Если хотите, чтобы ребенок Ваш не лгал, никогда сами не лгите при нем и никогда даже в шутку не обманывайте его. Пообещаете вы ему что-нибудь, как вам это бы ни было трудно, непременно исполните для того, чтобы ребенок верил в вас, никогда не мог бы сказать, как, к сожалению, это очень часто бывает: «ну, это папа обещал...»

Второе произведение можно считать романом, хотя Е. Н. Кондрашова назвала повестью. Это «Дети Солнцевых» с подзаголовком «Из дневника институтки 20-х годов». Впервые было напечатано в первых шести номерах журнала «Русский вестник» за 1887 г. под псевдонимом «В» (автор повести «Отчего?»).

Увлекательно и талантливо писательница рассказывает в ней о судьбе детей Солнцевых, отец которых Дмитрий Федорович, человек редкостной души, погиб, спасая утопающих во время наводнения 1824 г. в Петербурге.

В центре образ Кати Солнцевой, прототипом которой была подруга Кондрашовой Надежда Дмитриевна Яковлева.

Яркую страницу в литературную жизнь Вятки вписал Владимир Галактионович Короленко (1853 — 1921), рассказавший о нашем крае в «Истории моего современника», в рассказе «Чудная», повести «Глушь», очерках «Ненасоящий город» и «Собор с зарокотом», а также в своей публицистической книге «Мултанское жертвоприношение».

Вятский период его жизни и творчества подробно освещен в трудах кировских и глазовских исследователей.

Короленко был отправлен в ссылку вместе с братом Илларионом в один из самых глухих городов Вятской губернии — город Глазов (ныне — Удмуртия), а затем в самый удаленный край Глазовского уезда — Березовские Починки (ныне Афанасьевского района). Здесь же в Березовских Починках состоялось его знакомство со ссыльной девушкой-народницей Эвелиной Людвиговной Улановской (1860 — 1915), которая послужила прообразом героини его рассказа «Чудная».

В фондах Кировского областного госархива есть два больших дела об Э. Л. Улановской, а в рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранятся 14 писем ее к писателю.

Эвелина Людвиговна пробыла в вятской ссылке 3,5 года, сохранив стойкость духа. Облик Улановской поразил писателя большой внутренней силой, негибамостью.

Реалистичность в изображении «чудной» сочетается в рассказе с поэтизацией, романтизацией героини. Сочувствуя ей, автор глубоко задумывается о трагической судьбе подобных людей: «Я не спал. Глубокий мрак закинутой в лесу избушки томил мою душу, и скорбный образ умершей девушки вставал в темноте под глухие рыдания бури». Не случайны эти «глухие рыдания бури», как не случаен и образ «одинокотого огонька» на опушке «гудящего бора», который соотнесен автором с образом девушки, озарившей светом настоящего подвига окружающую ее «ненасоящую жизнь», полную «глубокого мрака» и нищеты (не случайно глубокий мрак томил душу автора).

Образы метели, бури, огонька, колокольчика помогают созданию лирической атмосферы рассказа, прославлению святого, жертвенного подвига героини.

Пожалуй, самое внушительное и прогремевшее на всю Россию публицистическое произведение В. Г. Короленко «Мултанское жертвоприношение», состоящее из ряда крупных очерков (в одно издание входит 6, в другое — 4, в третье — 10), возникло в результате драмы, разыгравшейся в разгар голода 1892 г. в селе Старый Мултан Вятской губернии, где совершалось судебное разбирательство дела 11 мултанских вотяков-удмуртов, обвиненных в убийстве русского нищего Матюнина с целью жертвоприношения языческим богам. Активное участие в убийстве приписывалось 10 подсудимым. Следствие тянулось 29 месяцев. И вот в декабре 1894 г. в г. Малмыже Вятской губернии состоялся суд. Трое были освобождены, а семерым был вынесен обвинительный приговор.

После кассации приговора защитником было назначено второе разбирательство дела в Елабуге Вятской губернии. 25 сентября 1895 г. Короленко выехал на пароходе в Елабугу. Суд шел с 29 сентября по 2 октября. В результате первый приговор оставили в силе. Короленко участвовал в качестве журналиста.

После суда Короленко поехал в Старый Мултан, осмотрел тщательно место, где было совершено убийство, советовался с юристами, этнографами, судебными медиками и решил бороться до конца.

6 октября 1895 г. пишет матери и сестре Марии письмо о посещении места, где разыгралась трагедия.

Третье разбирательство дела было назначено на 28 мая 1896 г. в г. Мамадыше Казанской губернии. Короленко решил ехать не только в качестве журналиста, но прежде всего в качестве защитника. На суде он произнес две горячих речи. «Почти все присутствующие плакали».

16 июня Короленко пишет брату Юлиану (процесс закончился 4 июня): «... Одним словом, на восьмой день — приговор: «нет, не виновны». Я последние двое суток спал только два с половиной часа, между прочим, потому, что уже чувствовал неизбежное горе: в это время наша маленькая Оля уже умерла (четвертая восьмимесячная дочка писателя — *Н. И.*). Об этом тебе, наверное, пишет Дуня. Да, брат, новое горе. Не знаю, что было бы со мною, если бы еще и мултанцев закатали. Так хоть знаешь, что ездил даром, и собственное горе смягчилось, когда думал о той водне радости, которая влилась после суда в Мултан».

Все очерки, вошедшие в книгу «Мултанское жертвоприношение», написаны Короленко в 1895-96 гг. (лишь в 1913 г. появилась еще статья «Они судили мултанцев»).

Перед нами образец публицистики, где все точно, документально, до предела выверено. Писатель рисует сцены суда в Елабуге, в Мамадыше, дает подробный экскурс в историю мултанского дела, спорит с профессором Смирновым, признающим человеческие жертвоприношения в среде вотяков.

Надо сказать, что и после «мултанского дела» Короленко тесно был связан с вятчанами. Он помогал многим вятским писателям печататься в центральных изданиях. И когда в 1903 г. возникло «Вятское книгоиздательское товарищество», то первый крупный писатель, к которому оно обратилось, был В. Г. Короленко. В рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранятся дела этого товарищества, где большое место занимают письма вятчан Н. П. Ложкина, М. П. Бородина и других, адресованные Короленко.

«Вятское товарищество» с 1903 по 1913 годы опубликовало многие рассказы Короленко.

Велико было горе вятчан, узнавших о смерти писателя в декабре 1921 г. 9 февраля 1922 г. артисты Вятки телеграфировали в Полтаву семье В. Г. Короленко: «30 января артистами драмы, певцами и музыкантами Вятки был устроен вечер, посвященный памяти Владимира Галактионовича Короленко. Часть сбора передается в фонд детского питания и три миллиона переводятся в Полтаву Губано для вручения семье В. Г. Короленко. Артисты глубоко соболезнуют вашему горю и молят судьбу, чтобы светлый дух незабвенного Владимира Галактионовича не оставил нас долгие-долгие годы» (РГБ, отд.рук. Ф.П.К.55.Д.40.-Л.1).

Это было горе всего народа, для которого Короленко был «идеальным образом русского писателя» (А. М. Горький).

С Вятским краем был связан также замечательный русский писатель Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852 — 1906). Гарин — его литературный псевдоним. Как удалось установить по материалам Кировского государственного архива, он не раз бывал здесь в качестве инженера по строительству железных дорог в 1892, 1895 годах. «Этот человек, — писал о нем А. И. Куприн, — провел яркую, пеструю, огромную жизнь», полную разнообразной деятельности, неустанного труда и борьбы. Он был не только талантливым беллетристом, автором «Детства Темы», «Гимназистов», «Студентов», но и замечательным инженером-изыскателем, строителем многих железных дорог России, в том

числе Великого Сибирского пути, неутомимым путешественником, видным общественным деятелем.

Свое полуторамесячное путешествие из Казани в Малмыж с партией в 6 человек он вскоре описал в очерке «На ходу», опубликованном в 1893 г. в научно-литературном сборнике «Путь-дорога в пользу вспомоществования переселенцам».

«Русское богатство» в 8 номере за 1893 г. в обзоре новых книг поместило рецензию на этот сборник, в которой говорилось, что из всех произведений «лучше и сильнее по жизненности и художественной правде очерк г. Гарина «На ходу», задевающий животрепещущую деятельность. Собственно в очерке, — продолжает рецензент, — нет никакой фабулы. Автор идет с партией рабочих по линии будущей дороги в одной из приволжских губерний (можно догадаться — Казанской) и на ходу записывает впечатления окружающей жизни».

После завершения экспедиции Гарин-Михайловский издает в 1893 г. две брошюры с описанием линии Казань-Малмыж, выступает по этому вопросу в Казанском земстве и, возвратясь в Петербург, работает по 17 часов в сутки над проектом.

Ему очень хотелось с помощью узкоколейки приобщить глухой тогда Малмыж к цивилизации.

Но Гарин бывал не только в Малмыже, он бывал и в Вятке в 1895 г. в связи с тем, что проводил изыскания железнодорожного пути Кострома — Ухтым.

Последняя треть XIX века и начало XX ознаменовались выступлением целой плеяды вятских крестьянских поэтов М. И. Ожгова, А. П. Грудцына, И. Г. Зыкова, Н. Я. Баранова, Д. Н. Чистопашина и других.

Известный краевед В. Г. Пленков, первый серьезно занявшийся изучением их жизни и творчества, писал в статье «Поэты-самородки»: «Их судьбы во многом очень сходны: они — крестьяне; нужда гнала их из родной семьи на заработки. Все они были самоучками. Они страстно стремились к знаниям, но тяжелые условия жизни не давали им возможности учиться...» Они отражали в своем творчестве жизнь закабаленного крестьянства, показывали нищую Россию.

О бедной, обездоленной России писали в это время в своих стихах И. Бунин и А. Блок, А. Белый и Н. Клюев, С. Есенин и В. Каменский. Они впитывали в себя традиции А. Кольцова,

Н. Некрасова, И. Никитина, И. Сурикова, С. Дрожжина и других русских поэтов.

Обращение вятских крестьянских поэтов к теме нищей России с ее непроходимыми дорогами, бескрайними полями и бедностью русского народа, его горькой долей раскрывается в русле этой же традиции.

Среди поэтов-самоучек видное место занимает Матвей Иванович Ожегов (1860 — 1934), которого многие современники называли «вторым Кольцовым». Он шел в своем творчестве от народной песни: «Народная песня мне послужила первым удобным и посильным средством для излияния жалобы на судьбу — горе горькое». Песня служила для него и средством для выражения любви к родной земле («Поле», «Прощание с полем», «Родной земле»), к родине. Из множества стихов на эту тему одним из лучших считается «Песня родине».

Среди пейзажных стихотворений, где он воспевает родную северную зиму, весну, лето, особенно интересно «Русский удалец»:

... Словно гость на пиру,	Принакрыл темный лес
Он наряден, здоров.	Пеленой снеговой, —
Развернул по полям	Богатырски тряхнул
Белоснежный покров.	Кудреватой главой...

О любви к родному Михину, где родился поэт, говорится в стихотворении «Прощай, Михино родное» и в поэме «Перестройка деревни», написанной в 1927 г.

Его песня «Меж крутых бережков» не менее известна, чем «Дубинушка» А. А. Ольхина, «Есть на Волге утес» А. Л. Навроцкого, «Из-за острова на стрежень» Д. Н. Садовникова. Весьма популярны и его «Колечко» и его песня «Безумная» о переживаниях молодого человека, любимую которого выдают замуж за богача:

Зачем ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой,
а также его «Цепи»:
Из тюрьмы людей бездомных —
Каторжан в Сибирь введут...
и «Чудный месяц плывет над рекою...»

Во многих стихах Ожегова («Сеятель», «Работник», «Сенокос», «Доля», «Кузнец») показан крестьянский труд, тяжелая доля народа, мечта о воле.

О характере своей народной песни поэт говорит в стихах «Про себя», «Предисловие», «Поэту», «Скорбящему поэту»:

Мои песни глубже моря,
Тяжелее грозной тучи.
В них есть радость, есть и горе
Наших русских самоучек (Про себя).

Песни М. И. Ожегова до сих пор продолжают звучать и пользоваться любовью народа. Лучшие из них опубликованы в сборниках.

Андрей Платонович Грудцын (1849 — 1917) не только поэт, но и журналист, очеркист. В третьем выпуске «Вятской незабудки» он поместил очерк «?!?!?!?!» с подзаголовком «Письмо из Уржума» о бесправии крестьян и мелких чиновников, о самодурстве начальства.

Приехавший из Вятки в Уржумский уезд «чиновник Тучемский, командированный вятским губернатором для исследования нужд крестьян...» ведет себя совершенно бесцеремонно. Интересен диалог Тучемского с писарем Онучиным:

— Как! Ты бедный человек? А это что у тебя?
— Это часы, Ваше Высокородие!
— Где взял?
— Купил.
— Что дал?
— Четыре рубля.

— Врешь, мерзавец!... Тучемский остервенился еще больше и, схватив парня за грудь, порвал шнурок и энергическим движением руки вырвал часы из кармана. Все стояли в недоумении, бессмысленно поводя глазами» (Вып.3. — С.432-433).

О бесправии народа, его горе и тяжелой доле говорят стихи «Засуха», «Степан», «Рекрут», «За гробом бедняка» и многие другие.

Чувство безысходной тоски и неудовлетворенности жизнью ощущается в стихотворении «Полночь».

Теме положения русской женщины в деревне посвящено стихотворение «Акулина»:

Угорела Акулина.
Достается ей с утра.

На войне у ней два сына,
Мужа забрали — Петра...

Стихи поэта часто имеют форму народных причитаний:

Плачет девушка,
Плачет горестно
Над могилою
Своей матери...
Ах, ты, матушка,
Ах, ты, милая.

В «Историческом вестнике» (1908 — №1. С. 209-213) была опубликована Д. К. Зелениным «Сказка о Крамоле» Грудцына, призывающая к очищению от всяческой скверны.

Близок к Грудцыну поэт-самоучка Иван Григорьевич Зыков (1873 — 1924). Он также в своих стихах рисует тяжелую долю народа и показывает душевную чистоту его, природную одаренность. Его «Песня бедняка» по своему духу и фольклорной основе напоминает русскую народную песню.

Николай Яковлевич Баранов (1863 — 1936) — тоже поэт-самородок. Наиболее популярными его стихами являются «Думы пахаря» о беспросветной жизни крестьянина и «Думы бесталанного» о поисках лучшей жизни:

Что мне голову
Наклона сидеть,
Все печалиться
Да душой болеть.
Я пойду искать
Волю вольную,
Но найду ли где
Жизнь раздольную,

Где б нужда со мной
Не встречалася,
Только б песенка
Распевалася.
Там, где счастье
Не скрывается,
Людям ласково
Улыбается...

Близко к крестьянским поэтам по тематике стихов стоит Иван Иванович Павлов (1882 — 1930), охотник, рыболов, печатавшийся под псевдонимом «Рыдаев». Писал он стихи, былины, баллады. В стихах ощущается вятский колорит. Выразительно изображена вятская природа в стихотворении «По родному краю»:

Несутся как вихри косматые вятки,
Свистит и гогочет ямщик-молодец,
Взлетают и падают снежные комья,
Рыдают полозья, гремит бубенец...
Бегут и скрываются серые версты,
Мелькают строения глухих деревень...

С вятским краем были также связаны ссыльные поэты этого периода Леонид Петрович Радин, латышский поэт Ян Райнис, прозаик Николай Николаевич Мельницкий, Алексей Павлович Бибик, а также литературные критики Василий Еврафович Чешин-Ветринский, Вацлав Вацлавович Воровский и другие деятели литературы, науки, культуры.

Итак, вятская земля родила многих талантливых поэтов и прозаиков, с нею были связаны также выдающиеся русские писатели со всемирно известными именами. Мы с большим интересом познаем творчество писателей XVIII — XIX веков, отразивших наш край, памятуя слова А. С. Пушкина:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

ВАСИЛИЙ ТИХОНОВИЧ ФЕОНОВ (1794 — 1834)

Василий Тихонович Феонов родился в 1794 г. в семье вятского крестьянина Тихона Емельяновича Феонова. Его отец, начетник Чепчуговской церкви, недалеко от Казани, привил сыну тягу к знаниям, обучил славянской азбуке. Как способного мальчика Василия отправили в Вятскую духовную семинарию, в которой он учился с 1809 до 1811 г. В этом году происходила ревизия духовной семинарии, и Василий Феонов, уже ранее увлеченный сатирическим стихотворством, написал «пакостные стихи» на надзирателя по фамилии Коза. Пьяный надзиратель был обнаружен привязанным к козе, на рогах которой красовался плакат со стихами Василия Феонова.

За такой поступок семинаристам пришлось отвечать: некоторых исключили из семинарии, а Василия Феонова перевели в «хлебопеки».

В 1813 г. Феонов бежал из семинарии и поступил в Казанский университет. Через четыре года он окончил курс университета и получил назначение в Пермскую мужскую гимназию. С этого времени он связал свою жизнь с преподавательской деятельностью, однако не оставлял и литературные занятия. С 1820 г.

его стихи печатаются в различных журналах, например, в «Вестнике Европы», «Заволжский муравей».

Сатирический дар Василия Феонова проявился в его стихах и эпиграммах, в которых он изображал, например, пермского, а затем и вятского губернатора К. Я. Тюфяева, епископа Пермского и Екатеринбургского Дионисия и других. Феонов обличал непорядки на местах, пытаясь исправить пороки в духе русских просветителей. Были у поэта и стихи, прославляющие смирение, веру в Бога.

За год до смерти, а умер Василий Феонов сорокалетним, в 1833 г., в журнале «Заволжский муравей» был опубликован отрывок из поэмы или из стихотворной повести «Мятежник Пугачев».

После смерти В. Т. Феонова осталось много стихов, которые ходили в рукописях, передавались устно, лишь в 1859 — 1860 гг. они были изданы Е. Мухачевым в «Пермском сборнике».

ВЕРА

О ты, кому черты вселенна,
Огромный, велелепный храм,
Чья бытность в веки не изменна,
Кому курится фимиам
Везде, во всех пределах мира: —
И там, где с областей эфира
ЛьетсЯ раскаленный зной,
И в пламени земля сгорает —
И там, где хлад не умирает,
Не молкнет вечной бури вой!
Святая Вера! — о всечтимый,
Неизъяснимо существо,
Бессмертный огонь, неугасимый,
Животворящий естество.
Незлобных душ боголюбивых!
Какой язык красноречивый
Тебя в словах изобразить?
Какой парящий ум, высокий,
Все проникающий, глубокий
Тебя постигнет, изъяснит?
Хаоса в глубинах бездонных,
Густою покровенны тьмой,
Миров, существ несчастных сонмы
Одно ничтожество собой
Еще Премудрому являли,
И времена не измеряли
Полетом бытия вещей,
Как ты уже существовала,

Носясь над безднами, сияла
Величьем доблести твоей.

С созданием мира творчим словом
С высот небесных в мир низшла.

Во светозарном блеске новом,
И мир жилищем избрала;
На нем престол свой утвердила,
Союзом тесным съединила
Творение слабое с Творцом,
Слила конечность с бесконечным
И сблизила мгновение с вечным,
И брэнну смертность с Божеством.
Сидя на вознесенном троне
Земных превыше алтарей,
В сливной вечностью короне
Из звезд и радужных лучей,
В порфире из огней сапфирных,
Лазури, пурпура эфирных,
Могущим манием десной
Ты жребий смертных назидаеть,
Рекой блаженство проливаешь
И зиждешь здесь и там покой.

Ты свет — во мраке заблуждений,
Ты щит — в опасностях, бедах
От злобных мира ухищрений,
Отрада — в горесных слезах,
Хранитель-Ангел — в славной доле,
В свободе сладкой и неволе,
Узда — бунтующих страстей;
Ты в правой жизни — услажденье,
В душевной гибели — спасенье,
Ты верный вождь — в юдоли сей;

В могущей власти, венценосной —
Всевышнего ты истый вид,
На ратном поле, в брани грозной
Оплот отечества, егид,
Отрада слабых угнетенных,
Разумных разум возвышенный;
В обилии — ты мать и друг
Несчастных, сирых, безотрадных,
Гонимых милостью злорадных,
И осужденных век страдать.

Тобой неколебимы троны
И свят высокий сан царей,
Тобой нерушимы законы
И беспристрастен суд судей,
Тобою царства процветают,
Народы счастья внушают
Под сенью мирной тишины.

Ты враг пронырства, злодейств ехидных,
Коварства замысла постыдных,
И гордости, неправоты.

От Света светов истекая,
Бессмертна также, как и Свет,
Тебя на землю посылая:
Тебе конца на вечность нет.
Исчезнет все и помрачится,
Как сон пройдет и превратится
В ничтожество своей чредой: —
И блеск честей, богатства, славы,
И роскошь, пышность и забавы
Со всею прелестью земной:
Исчезнет бытие вселенно
И племена земли прейдут,
Как лист от древа отрясенный,
Светила с тверди ниспадут
И тьмою в безднах облекутся,
Как свиток небеса свиются;
Единая не исчезнешь ты:
Слиясь с началом жизнедарным,
Ты паки примешь светозарный
И вечный образ красоты.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА (1783 — 1866)

Корни семьи Дуровых по отцовской линии восходят к древнему роду смоленско-полоцких шляхтичей Туровских. Андрей Васильевич Дуров, отец будущей писательницы, был вятским дворянином, владельцем небольшой деревеньки Вербовка в Сарапульском уезде. Андрей Васильевич командовал эскадроном в гусарском полку.

Мать, Надежда Ивановна Александрович, дочь богатого помещика, тайно обвенчалась с Андреем Васильевичем. Ее отец не мог простить такого поступка дочери и проклял их.

В 1783 г. у них родилась дочь Надежда. Мать, надеявшаяся на рождение сына, который мог бы смиростивить сердце бабушки, с первых дней невзлюбила дочь. Вскоре девочку отдали на попечение флангового гусара, который носил ее на руках.

После рождения еще двух детей А. В. Дуров вынужден был выйти в отставку, он получил должность городничего в Сарапуле.

Уже в детские годы Надежда тяготилась женскими работами, стремилась к свободе, к самостоятельности. В это время зародилась у нее мысль овладеть мастерством верховой езды и посту-

пить на военную службу. Отец подарил дочери черкесского жеребца Алкида, которого она очень полюбила и сумела приручить. Алкид стал верным спутником в ее военной жизни. Однако мать не хотела смириться с таким воспитанием Надежды и отправила ее к старой бабке Александрович, которая жила в Полтавской губернии.

После возвращения Н. А. Дуровой в родной Сарапул мать решила выдать дочь замуж. В 1801 г. ее насильно отправили под венец. Мужем стал дворянский заседатель 14-го класса В. С. Чернов. В 1803 г. у них родился сын Иван.

В сентябре 1806 г. представляется случай уйти из дому с казачьим полком. Надежда спрятала свою женскую одежду, надела мужское платье и догнала полк. Казачий полковник принял Александра Васильевича Дурова в свой полк. Привыкнув к тяготам военной службы, Дурова в Гродно завербовалась рядовым в Коннопольский уланский полк, под именем Соколова. С этим полком она участвовала в прусской кампании, сражалась под Гутштадтом. В этом бою она совершила подвиг — спасла раненого офицера. В бою под Гейзельбергом одна из гранат взорвалась прямо под лошадью Дуровой, но она осталась жива.

С мая 1812 г., когда наполеоновская армия вступила в пределы России, корнет Александров, под этим именем стала скрываться Дурова, участвует в боях под Миром, Романовым, Дашковкой, Смоленском и в Бородинском сражении, в котором получила контузию в ногу. Вскоре Александров был произведен в поручики, а затем назначен ординарцем главнокомандующего фельдмаршала М. И. Кутузова.

В 1813 г. Дурова участвует в заграничном походе русской армии. Она отличается в боях под Модлином, при переходе через Богемские горы, в осаде крепости Гарбург.

Десять лет военной службы, опасности, тяготы долгих верховых переходов не смогли сломить дух Н. А. Дуровой, после выхода в отставку в 1816 г. в чине штабс-ротмистра, она начинает свой литературный путь.

Долгое время после службы она живет в Елабуге Вятской губернии. В 1835-1836 годах она пишет свои «Записки», а в последующие годы пишет повести и романы — «Записки кавалерист-девицы», «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения», «Елена», «Граф Мавриций», «Серный ключ», «Павильон», «Гудишки», «Клад», «Угол», «Ярчук, собака духовидец», историческую повесть «Нурмека, происшествие, случившееся в царствование Иоанна Васильевича Грозного».

Во втором томе журнала «Современник» за 1836 г. А. С. Пушкин напечатал «Записки Н. А. Дуровой». Отдельная книга вышла тоже в 1836 г., издателем ее был двоюродный брат Н. А. Дуровой Иван Бутовский. Пушкин первым обратил внимание читающей публики на талант Дуровой и раскрыл имя и тайну корнета Александра.

В дальнейшем творчестве Н. А. Дурова следует за романтическими тенденциями в литературе 30-х годов. Ее повести и романы имеют типичные для романтиков сюжеты, а стиль их разнообразен: в одних — яркий, энергичный, в других — мягкий, романтический.

Закончив в 1840 г. издание повестей и романов, Дурова больше не написала ничего, однако, и то, что было издано, говорит о самобытном ярком таланте писательницы.

Последние годы жизни Дурова провела в Елабуге. Жители города знали ее, приходили за советом и помощью. Дурова всегда была рада помочь каждому человеку.

Она умерла 21 марта 1866 г.

В 1901 г. на могиле ее состоялось открытие памятника.

**«КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА
ПРОИСШЕСТВИЕ В РОССИИ» ЧАСТЬ II
«ВОЙНА 1812 ГОДА»**

(Отрывок)

Перешед Москву, мы остановились верстах в двух или трех от нее; армия пошла дальше.

Через несколько времени древняя столица наша запылала во многих местах! Французы вовсе нерасчетливы. Зачем они жгут наш прекрасный город? Свои великолепные квартиры, так дорого ими нанятые? Странные люди!.. Мы все с сожалением смотрели, как пожар усиливался и как почти половина неба покрылась ярким заревом. Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдать Москву! Разумеется, они говорят это друг другу вполголоса, а в таком случае офицер не обязан этого слышать.

Полк наш примыкал левым флангом к какой-то деревушке; в ней не было уже ни одного человека. Я спросила ротмистра, долго ли мы тут будем стоять?

— Кто ж это знает, — отвечал он, — огней не велено разводить, как видно, надобно быть наготове каждую минуту. А тебе на что это знать?

— Так. Я пошел бы в крайний дом лечь спать ненадолго, у меня очень болит нога.

— Поди. Пусть унтер-офицер постоит у избы с твоей лошадью: когда полк тронется с места, то он разбудит тебя.

Я проворно побежала в дом, вошла в избу и, видя, что пол и лавки выломаны, не нашла лучшего места, как печь. Я влезла на нее и легла с краю. Печь была тепла, видно, ее недавно топили. В избе было довольно темно от притворенных ставень. Теплота и темнота! Какие два благословенные удобства! — Я тотчас заснула. Думаю, что спала более получаса, потому что скоро проснулась от повторенных восклицаний: «Ваше благородие! Ваше благородие! Полк ушел! Неприятель в деревне!!» Проснувшись, я спешила встать и, стараясь опереться левою рукой, почувствовала под нею что-то мягкое. Я обернулась посмотреть, и как было темно, то наклонилась очень близко к предмету, в который уперлась рукою. Это был мертвый человек и, кажется, ополчанин. Не знаю, легла ли бы я на печь, если б увидела прежде этого соседа, но теперь я и не подумала испугаться. Каких странных встреч не случится в жизни, особливо в теперешней войне! Оставя безмолвного обитателя хижины спать сном беспробудным, я вышла на улицу; французы были уже в деревне и стреляли кой на кого из наших. Я поспешила сесть на свою лошадь и рысью догнала полк.

Штакельберг послал меня за сеном для полковых лошадей, и я, волею или неволею, но должна была ехать на лошади, упрямой, ленивой и безобразной, как осел. Пустя вперед свою команду, ехала я за нею, размышляя о неприятном положении своем. Стыд и беда с таким конем ожидают меня в первом деле: на неприятеля он не пойдет, от неприятеля не унесет...

— Вот здесь наши заводные! — сказал один из улан своему товарищу, указывая на ближнее селение.

Оно было в версте от дороги, по которой я вела свой отряд. Мысль, что могу достать свою лошадь, осветила мой ум, успокоила и разогнала все мрачные помыслы; я поручила унтер-офицеру вести шагом отряд к ближнему лесу, а сама не поскакала уже, но потряслась, как могла скорее к селу, где надеялась найти наших заводных.

Судьба ожесточилась против меня: я не нашла здесь своей лошади. Здесь не нашего полка заводные; уланские далее еще, верстах в трех от селения.

Несчастный голодный осел, на котором я сию и терзаюсь досадою, какую только можно себе представить, не хочет идти иначе как ша-

гом и то с величайшей ленью. Мучительнее этого состояния я еще не испытывала. Если б отдали на выбор: быть ли еще на двух Бородинских сражениях, или два дня только иметь под собою эту верховую лошадь, сию минуту выбираю первое не колеблясь ни секунды.

Я отыскала и взяла своего Зеланта, но как дорого мне это стоило! Решась во что бы то ни стало избавиться от неприятного положения своего, принудила я шпорами и саблею бедную лошадь довести меня рысью до второго селения, и тут, к восхищению моему, первый предмет, который мне представился, был Зелант. Пересев на него, полетела я как стрела к тому лесу, куда велела ехать своему отряду. Я надеялась отыскать его по следам, но множество дорог, идущих вправо, влево, поперек, и на всех бесчисленное множество конских следов привели меня в недоумение. Проехав версты три наудачу по дороге, которая показалась мне шире других, приехала я к господскому дому прекрасной архитектуры. Цветник перед крыльцом, ведущим в сад, был весь истоптан лошадьми; по аллеям тянулись богатые кружева и блонды: следы грабительства видны были везде. Не встречая тут ни одного человека и не зная, как отыскать свою команду, решила я возвратиться в полк. Штакельберг, увидев меня одну, спросил: «Где ж ваша команда?» Я откровенно рассказала, что, желая взять свою лошадь в ближнем селении, велела отряду идти шагом к лесу и там дожидаться меня, но что, возвратясь, я не нашла их на назначенном месте и теперь не знаю, где они. «Как смели вы это сделать! — закричал Штакельберг. — Как смели оставить свою команду! Ни на секунду не должны вы были отлучаться от нее. Теперь она пропала: лес этот занят уже неприятелем. Ступайте, сударь! Сыщите мне людей, иначе я представлю вас главнокомандующему, и вас расстреляют!» Оглушенная этою выпалкой, поехала я опять к проклятому лесу, но там были уже неприятельские стрелки.

— Куда ты едешь, Александров? — спросил меня офицер лейб-эскадрона, находившийся в передней линии наших стрелков.

Я отвечала, что Штакельберг прогнал меня искать моих фуражиров.

— А ты ужели их потерял?

Я рассказала.

— Это, братец, пустяки, фуражиры твои, верно, прошли безопасно окольными дорогами и теперь должны быть в селении, занятом заводными лошадьми нашего арьергарда. Ступай туда.

Я последовала его совету и в самом деле нашла своих людей с их вьюками сена в этом селе. На вопрос: «Для чего не дождались меня?» — сказали, что, услышав скачку и пальбу в лесу, думали, что это неприятель и, не желая вовсе быть взятыми в плен, уехали дальше, верст за восемь. Нашли там сено, навьючили им лошадей и приехали ожидать меня здесь. Я отвела их в полк, представила Штакельбергу и поехала прямо к главнокомандующему.

Чувствуя себя жестоко оскорбленную угрозой Штакельберга, что меня расстреляют, я не хотела более оставаться под его начальством: не сходя с лошади, написала я карандашом к Подьямпольскому: «Уведомьте полковника Штакельберга, что, не имея охоты быть расстрелянным, я уезжаю к главнокомандующему, при котором постараюсь остаться в качестве ординарца».

Приехав в главную квартиру, увидела я на одних воротах написанные мелом слова: «Главнокомандующему». Я встала с лошади и, вошед в сени, встретила какого-то адъютанта.

— Главнокомандующий здесь? — спросила я.

— Здесь, — отвечал он вежливым и ласковым тоном. Но в ту же минуту вид и голос адъютанта изменились, когда я сказала, что ищу квартиру Кутузова. «Не знаю, здесь нет, спросите там», — сказал он отрывисто, не глядя на меня, и тотчас ушел. Я пошла далее и опять увидела на воротах: «Главнокомандующему». На этот раз я была уже там, где хотела быть: в передней горнице находилось несколько адъютантов. Я подошла к тому, чье лицо показалось мне лучше других. Это был Дишканец.

— Доложите обо мне главнокомандующему, я имею надобность до него.

— Какую? Вы можете объявить ее через меня.

— Не могу, мне надобно, чтобы я говорил с ним сам без свидетелей, не откажите мне в этом снисхождении, — прибавила я вежливо, кланяясь Дишканцу.

Он тотчас пошел в комнату Кутузова и через минуту, отворяя дверь, сказал мне: «Пожалуйте» и с этим вместе сам вышел опять в переднюю. Я вошла и не только с должным уважением, но даже с чувством благоговения поклонилась седому герою, маститому старцу, великому полководцу.

— Что тебе надобно, друг мой? — спросил Кутузов, смотря на меня пристально.

— Я желал бы иметь счастье быть вашим ординарцем во все продолжение кампании и приехал просить вас об этой милости.

— Какая ж причина такой необыкновенной просьбы, а еще более способа, каким предлагаете ее?

Я рассказала, что заставило меня принять эту решимость и, увлекаясь воспоминанием неза заслуженного оскорбления, говорила с чувством, жаром и в смелых выражениях; между прочим, я сказала, что родясь и выросши в лагере, люблю военную службу со дня моего рождения, что посветила ей жизнь мою навсегда, что готова пролить всю кровь свою, за

щищая пользы государя, которого чту, как бога, и что имея такой образ мыслей и репутацию храброго офицера, я не заслуживаю быть угрожаема смертию... Я остановилась как от полноты чувств, так и от некоторого замешательства: я заметила, что при слове «храброго офицера» на лице главнокомандующего показалась легкая усмешка. Это заставило меня покраснеть. Я угадала мысль его и, чтобы оправдаться, решила сказать все.

— В Прусскую кампанию, ваше высокопревосходительство, все мои начальники так много и так единодушно хвалили смелость мою, и даже сам Букстевден назвал ее беспримерною, что после всего этого я считаю себя вправе называться храбрым, не опасаясь быть сочтен за самохвалу.

— В Прусскую кампанию! Разве вы служили тогда? Который вам год? Я полагал, что вы не старше шестнадцати лет.

Я сказала, что мне двадцать третий год и что в Прусскую кампанию я служила в Коннопольском полку.

— Как ваша фамилия? — спросил поспешно главнокомандующий.

— Александров!

Кутузов встал и обнял меня, говоря:

— Как я рад, что имею, наконец, удовольствие узнать вас лично! Я давно уже слышал об вас. Оставайтесь у меня если вам угодно. Мне очень приятно будет доставить вам некоторое отдохновение от тяжести трудов военных. Что ж касается до угрозы расстрелять вас, — прибавил Кутузов, усмехаясь, — то вы напрасно приняли ее так близко к сердцу. Это были пустые слова, сказанные в досаде. Теперь подите к дежурному генералу Коновницыну и скажите ему, что вы у меня бессменным ординарцем.

Я пошла было, но он опять позвал меня:

— Вы хромаете? Отчего это?

Я сказала, что в сражении под Бородином получила контузию от ядра.

— Контузию от ядра! И вы не лечитесь! Сейчас скажите доктору, чтобы осмотрел вашу ногу.

Я отвечала, что контузия была очень легкая и что нога моя почти не болит. Говоря это, я лгала: нога моя болела жестоко и была вся багровая.

Теперь мы живем в Красной Пахре, в доме Салтыкова. Нам дали какой-то дощатый шалаш, в котором все мы (то есть ординарцы) жмемся и дрожим от холода. Здесь я нашла Шлеина, бывшего вместе со мною в Кисеве на ординарцах у Милорадовича.

Лихорадка изнуряет меня. Я дрожу как осиновый лист... Меня посылают двадцать раз на день в разные места. На беду мою, Коновницын вспомнил, что я, будучи у него на ординарцах, оказалась отличнейшим из всех тогда бывших при нем. «А, здравствуйте, старый знакомый», — сказал он, увидя меня на крыльце дома, занимаемого главнокомандующим. И с того дня не было уже мне покоя. Куда только нужно было послать скорее, Коновницын кричал: «Уланского ординарца ко мне!» — и бедный уланский ординарец носился, как бледный вампир, от одного полка к другому, а иногда и от одного крыла армии к другому.

Наконец, Кутузов велел позвать меня.

— Ну что, — сказал он, взяв меня за руку, как только я вошла, — покойнее ли у меня, нежели в полку? Отдохнул ли ты? Что твоя нога?

Я принуждена была сказать правду, что нога моя болит до нетерпимости, что от этого у меня всякий день лихорадка и что я машинально только держусь на лошади, по привычке, но что силы у меня нет и за пятилетнего ребенка.

— Поезжай домой, — сказал главнокомандующий, смотря на меня с отеческим состраданием, — ты в самом деле похудел и ужасно бледен; поезжай, отдохни, вылечись и приезжай обратно.

При этом предложении сердце мое стеснилось.

— Как мне ехать домой, когда ни один человек теперь не оставляет армию! — сказала я печально.

— Что ж делать! Ты болен. Разве лучше будет, когда останешься где-нибудь в лазарете? Поезжай! Теперь мы стоим без дела, может быть, и долго еще будем стоять здесь. В таком случае успеешь застать нас на месте.

Я видела необходимость последовать совету Кутузова: ни одной недели не могла бы я долее выдержать трудов военной жизни.

— Позвольте ли, ваше высокопревосходительство, привезть с собой брата? Ему уже четырнадцать лет. Пусть он начнет военный путь свой под начальством вашим.

— Хорошо, привези, — сказал Кутузов, — я возьму его к себе и буду ему вместо отца.

Через два дня после этого разговора Кутузов опять потребовал меня: «Вот дорожная и деньги на прогоны, — сказал он, подавая то и другое, — поезжай с богом! Если в чем будешь иметь надобность, пиши прямо ко мне, я сделаю все, что от меня будет зависеть. Прощай, друг мой!» Великий полководец обнял меня с отеческою нежностью.

Лихорадка и телега трясут меня без пощады. У меня подорожная курьерская, и это причиною, что все ямщики, не слушая моих приказаний ехать тише, скачут сломя голову. Малиновые лампасы и отвороты мои столько пугают их, что они хотя и слышат, как я говорю, садясь в повозку, «ступай рысью», но не верят ушам своим и, заставя лихих коней рвануть разом с места, не прежде остановят их, как у крыльца другой станции. Но нет худа без добра: я теперь не зябну, от мучительной тряски меня непрерывно бросает в жар.

(...)

КАЗАНЬ. Я остановилась в доме благородного собрания, чтобы пообедать. Лошади были уже готовы, и обед мой приходил к концу, как вошло ко мне приказное существо с тихой поступью, прищуренными глазами и хитрою физиономией.

— Куда изволите ехать?

— В С...

— Вы прямо из армии?

— Из армии.

— Где она расположена?

— Не знаю.

— Как же это?

— Может быть, она перешла на другое место.

— А где вы оставили ее?

— На поле между Смоленском и Москвою.

— Говорят, Москва взята, правда ли это?

— Неправда! Как можно!

— Вы не хотите сказать. Все говорят, что взята, и это верно!

— А когда верно, так чего ж вам больше?

— Стало, вы соглашаетесь, что слух этот справедлив?

— Не соглашаюсь! Прощайте, мне некогда ни рассказывать, ни слушать вздору о Москве.

— Я хотела было ехать.

— Не угодно ли побывать у губернатора? Он просил вас к себе, — сказал хитрец уже другим тоном.

— Вам надобно было сказать мне это сначала, не забавляясь расспросами, а теперь я вам не верю и к тому же я курьер и заезжать ни к кому не обязан.

Чиновник опрометью бросился от меня и через две минуты опять явился: «Его превосходительство убедительно просит вас пожаловать к нему. Он прислал за вами свой экипаж». Я тотчас поехала к губернатору. Почтенный Мансуров начал разговор свой благодарностью за мое благоразумие в отношении к нескромным расспросам. «Мне очень приятно было, — говорил он, — слышать от своего чиновника, с какою осторожностью вы отвечали ему. Я много обязан вам за это. Здесь наделал было мне хлопот один негодяй, вырвавшийся из армии: столько наговорил

вздору и так растревожил умы жителей, что я принужден был посадить его под караул. Теперь прошу вас быть со мною откровенным: Москва взята?» Я медлила с ответом: губернатора смешно было обманывать, но тут стоял еще какой-то чиновник, и мне не хотелось при нем отвечать на такой важный вопрос. Губернатор угадал мысль мою: «Это мой искренний друг, это второй я! Прошу вас не скрывать от меня истины. Меня удостаивает достоверностью и сам государь. Сверх того, мне надобно знать об участи Москвы и для того, чтобы взять свои меры в рассуждении города; буйные татары собираются толпами и выжидают случая наделать неистовств. Я должен это предупредить; итак — Москва точно взята?».

— Могу вас уверить, ваше превосходительство, что не взята, но отдана добровольно, и это последний триумф неприятеля нашего в земле Русской: теперь гибель его неизбежна!

— На чем же вы основываете ваши догадки? — спросил губернатор, на лице которого при словах: «Москва отдана» изобразилось прискорбие и испуг.

— Это не догадки, ваше превосходительство, но совершенная уверенность: за гибель врагов наших порукою нам спокойствие и веселый вид всех наших генералов и самого главнокомандующего. Не естественно, чтоб, допустя неприятеля к сердцу России и отдав ему древнюю столицу нашу, могли они сохранять спокойствие духа, не быв уверенными в скорой и неизбежной гибели неприятеля. Сообразите все это, ваше превосходительство, и вы сами согласитесь со мною.

Губернатор долго еще разговаривал со мною, расспрашивал о действиях и теперешнем положении армии, и наконец, прощаясь, наговорил мне много лестного и в заключение сказал, что Россия не дошла бы крайности отдать Москву, если б в армии были все такие офицеры, как я. Подобная похвала и от такого человека, как Мансуров, вскружила бы голову хоть кому, а мне и подавно. Мне, которую ожидает тьма толков, заключений, предложений и клевет, как только пол мой откроется! Ах, как необходимо будет мне тогда свидетельство людей, подобных Мансурову, Ермолову и Коновницину!..

ПАВЕЛ ЛУКЪЯНОВИЧ ЯКОВЛЕВ (1796 — 1835)

П. Л. Яковлев родился 5 января 1796 г. в Москве в семье чиновника. Учился в Московском университетском пансионе, а затем в университете. С 1818 г. П. Л. Яковлев живет в Петербурге, работает в коллегии иностранных дел. Его многочисленные фельетоны, очерки, заметки публикуются в журналах и альманахах то-

го времени: «Благонамеренный», «Невский зритель», «Сын отечества» и др. Долгое время Павел Лукьянович жил на квартире А. А. Дельвига, где собиралась лицейская молодежь. Яковлев вел альбом, в котором он рисовал дружеские шаржи, писал шутливые стихи.

П. Л. Яковлев входил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» и в «Общество словесности и премудрости».

С конца 1820 по 1821 г. Яковлев был секретарем миссии в Бухаре. В начале 1824 г. он переезжает в Москву, где служит в межевой конторе. В декабре 1824 г. он был назначен ревизором вятской межевой конторы. П. Л. Яковлев жил в Вятке до февраля 1827 г. Его корреспонденции получали в разных столичных журналах, в своих заметках он описывал вятские нравы, чиновников, их интересы.

Сатирический дар писателя проявился в полной мере в издании еженедельного рукописного журнала «Хлыновский наблюдатель», который он выпускал в Вятке в 1826 г. После чтения знакомым Яковлев отсылал его дяде. «Хлыновский наблюдатель» написан не только рукой Яковлева, но и его сотрудников. Есть в журнале и немногие рисунки и заставки, которые тоже выполнены Яковлевым.

После отъезда из Вятки П. Л. Яковлев работал в Москве, а затем с августа 1828 г. по 1830 г. жил в Саратове, где он также издавал рукописный журнал «Саратовский колонист». По возвращении в Москву Яковлев дослужился до чина коллежского советника, пытался публиковать свои произведения, издал книгу «Удивительный человек». Умер П. Л. Яковлев 9 июня 1835 г. в Москве.

«ХЛЫНОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ»

Коровы

(Скотоводство)

Часто сижу я по целым часам у окна, из которого видна вся городская площадь, гостиный двор и присутственные места. Не великолепные соборы останавливают мое внимание, не толпы торгового народа со всякой всячиной... Нет! Я делаю наблюдения над коровами, которые пасутся на той же площади и смирно лежат одна подле другой. Какое доброе, кроткое животное! Смотрите: она и не шевелится, хотя на спине ее сидят две галки и теребят шерсть ее для своих гнезд. Равнодушие коровы, полза, которую она приносит всем, кто ее теребит, доит, режет, с чем и с кем могут сравниться?

Когда я вижу раскормленную жирную корову и галку или ворону на спине ее... сравниваю корову с вице-губернатором, а галку с ревизором! Ни корова, ни вице-губернатор не чувствуют потери немного шерсти и немного денег. Когда галка налетает на тощую корову, из которой уже вытербели и выщипали половину шерсти... корове чувствительно, больно ей, но доброе животное не только что отмахивается хвостом, которого галка не боится. Как это похоже на русского крестьянина, обобранного, оборванного, и с которого рвут последнее, несмотря на то, что он отмахивается угрозами! Галки и вороны — чиновники по разным поручениям влетают в стадо коров, ощипывают их и улетают на свои теплые гнезда, не заботясь о благодарности, так как и чиновники по разным поручениям в светлых, богатых домах не помнят, кто давал им взаймы деньги, кто пода-рил им коляску, кто проигрывал им табакерки...

А молодой человек, отпросившийся в отпуск и проживающий в провинциальном городе? И я невольно сравниваю ловкого гвардейца, который вьется около какого-нибудь откормленного помещика, имеющего молодую жену... с хищною птицей, которая живится около рогатой скотины.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ЕМИЧЕВ (1808 — 1853)

Родился Алексей Иванович Емичев в 1808 г. в г. Слободском, в семье штабс-капитана. После окончания местного уездного училища служил канцеляристом в суде.

В мае 1825 г. Емичева утверждают учителем 1-го класса в Котельничском уездном училище. Это был незаурядный, способный человек. Он сразу же завоевал уважение учащихся своей начитанностью и доброжелательностью. Особо отметил Емичева инспектор П. А. Соловцов, который послал в подарок Алексею Ивановичу свою книгу «Письмо о Сибири».

По болезни А. И. Емичев вынужден был уволиться из учебного ведомства. С 1832 по 1834 гг. он служил в канцелярии вятского губернатора Е. Е. Ренкевича. После, получив должность секретаря во втором департаменте Сената, А. И. Емичев служит и живет в Петербурге. Уже в 30-е годы он начинает публиковать свои статьи и стихи в журналах и газетах.

В журнале «Телескоп» за 1834 г. А. И. Емичев печатает рассказ «Заклятый поцелуй», который, вероятно, был задуман и написан в Вятке. В журнале «Библиотека для чтения» выходит его рассказ «Любовь бедных людей», где описывалась судьба чиновника, каких было много в то время в провинциальных городках.

В 1836 г. вышел сборник «Рассказы дяди Прокопья», в него вошли «Воспоминание» (прежнее название «Любовь бедных людей»), «Рожок», «Глухая Машенька» и др.

Как и большинству из второстепенных прозаиков 30-х годов, А. И. Емичеву не удалось полностью преодолеть схематичность и моралистическую тональность рассказов. В стиле его произведений сохраняется преувеличенная патетика и риторика, иногда сквозит сентиментальность. Однако следует заметить, что А. И. Емичев довольно точно подмечает отдельные характерные черты быта вятского чиновничества, мелкого дворянства и народа.

А. И. Емичев не только пишет художественную прозу, но и статьи по этнографии вятского края. Известна его статья «Мифология вотяков и черемис», опубликованная в пушкинском «Современнике» за 1836 г. Впоследствии Емичев сотрудничал в журнале В. Ф. Одоевского «Отечественные записки», где публиковалась в 1839 г. его большая повесть «Советница». Умер А. И. Емичев 4 июля 1853 г. в Новгороде. Как отмечают местные краеведы, уже в 1852 г. Емичев не значился в списках чиновников, след его теряется, судьба его семьи и архива пока неизвестны.

ГЛУХАЯ МАШЕНЬКА (Сестре М. П. К.)

(В сокращении)

*Tombe aux pied du Sexe,
a qui tu dois ta mere.
Legouve.*

(Историю Машеньки рассказывает детям дядя Прокопий, странник, желая внушить им, что «надобно иметь добрую совесть, надобно жить честно и богобоязненно». Вот его рассказ.)

...Оливин сидел в палисаднике, смотря на тающий снег, под которым зеленела возникающая травка. Малиновые и смородиновые кусты, раскинувшись на огородки, распускали почки, а молодая ива, как нетерпеливый ребенок, давно уже цвела и зеленела. Он вынес на теплое солнце канареек и слушал их веселое пенье. Было тепло. Солнце в полдень блистало ярко. «Не позвать ли сюда Машеньку? Пусть поиграет она», — подумал Оливин, и велел принести шестилетнюю дочь. Всесело резвилось ди-

тя, впивая приятный, но едкий воздух рождающейся весны, и щебетало несвязную песню. Отчего детям всегда веселее на дворе, чем в комнате? отчего ни зной, ни мошки, не усталость не в силах загнать их домой до позднего вечера? Кажется, нетленная природа сама вызывает их наслаждаться ее красотой, взаимно любуясь ими, как лучшим невинным своим творением. Так, дети, играйте под радостным небом, веселитесь с веселой природой, разметавшей повсюду заманчивую прелесть, но берегитесь своевольства и не забывайте внушаемых вам предостережений. Послушайте, что случилось.

Машенька, прочищая зеленой веткой жолобок извилистому ручью, спешившему скрыться в малиннике, вздумала проторить ему дорожку побольше босою ногой; и точно, ручей, как стрела, помчался по следу ножки, бороздившей чуть-чуть теплеющую землю. Отец не заметил несчастной проказы, а дитя веселилось, глядя на проведенную речку. Между тем подоспел обед. Оливин насильно увлек Машеньку в комнату: она и есть не хотела, играя на воле. После обеда Машеньке стало тоскливо, только не по тому ручеечку, нет, у ней голова разболелась и ноги как пламя горели. Напрасно ремашкой поили и голову смачивали уксусом: легче не было, и к вечеру внезапно появились в глазах судороги. То их дергало и сводило, то зрачек убежит под ресницу, то на белках появится кровь, то ресницы сожмутся, как две склеенные нитки. Дитя страдало, плакало и металось на постели. Мать и отец не знали, что делать, послали за доктором, но куда его ожидали, Машенька впала в горячку. О, как тяжело почувствовал отец свою неосторожность! Должно было за безрассудную слабость заплатить страданиями.

Две недели Машенька была в жестокой горячке, и конвульсии в глазах не исчезали. Думали, что она лишится зрения, как вдруг парализный удар лишил ее слуха. Напрасно спрашивали Машеньку громко: лучше ли тебе? Она ничего не слышала. Пробовали кричать, звонить, стучать: все тщетно; ей внятен был только стук по кровати, на которой она лежала. Долго оправлялась Машенька после горячки, но слух не возвращался. Бедный младенец не замечал за собою великой утраты и сердился, что ему отвечают не слышно. Вскоре она стала забывать слова, и называла почти все иным именем: в речах беспрерывно трещало ррр и голос тянулся на окончании каждого слова. Трудно было понимать ее, но не трудно вразумить: имея быстрый ум, она мгновенно понимала значение движений. В это время, в тех местах появился приезжий доктор и взялся вылечить ее по новой теории: он в уши ее вкладывал ледяные сосульки. С каким послушанием и терпением переносила она холод и ужасную боль! Но от нового средства она очутилась в новой горячке. Доктор ускал, доказав на опыте «пользу» новой методы. Но бог сохранил Машеньку: она выздоровела. Тогда принялись за электричество, но и оно не помогло. Прибегли к простым средствам: свечи из восчанок в ушах зажигали, бодягой кормили и уж чем ни лечили! Крайность, как утопающий, за все ловится. Была еще надежда, когда от близкого стука в ушах появилась боль, но после ледяных сосулек и она прошла.

Земная надежда погибла, но не погибла надежда на Небо. Сердечное упование не раз сводило с небеси невидимую помощь! Божественное Промышление не раз наделяло страдальцев или в том или в ином образе своим благословением, и из беды возрождало чудное благо, достойное единой благодарности за былое несчастье. И мы, слепцы, не постигая великости милосердия Всемогущего, дерзаем судить о тайных судьбах его!

Так возрастала глухая Машенька, алая как роза, прекрасна, послушна, умна. Ее способности заменяли для ней живой голос. Счастлива бы она была, если б осталась в вечном незнании, что некогда имела слух, но она вспоминала молодую памятью то время, когда с ней говорили голосом, а не движениями, вспоминала — и навзрыд плакала. Сердце ее страдало и просило утешения, тогда-то явилась в душе ее молитва, полная не слов, но безмолвных искренних чувств. Машенька бросалась на колена перед образом божьей матери, воздевала к ней руки и проливала молебные слезы. Богоматерь внимала горячей молитве и дарила несчастной успокоение. Иногда хотели послушать: как молится Машенька? что она говорит? но Машенька, как будто рассуждая, что слова ее ни с чем не согласны, молча творила молитву слезами и вздохами. Эта умиленная молитва повергла всех в грустное чувство и заверяла, что господь ее слышит. И мы, в нашей искренней горести, не душой ли читаем молитвы?

Между тем Машенька много успела в работе. Она искусно шила, вышивала и даже, без дальней науки, выучилась рисовать. Зоркий взгляд ее постигал всякое дело, а труды и охота постепенно научили всему, чему может научиться глухой. Тихо текли годы этого семейства, — как судьба послала ему новое несчастье, тяжело павшее на его благосостояние: Оливин лишился службы, и навсегда. Ни гроша денег, никакого состояния, куча долгов: вот что на них обрушилось. Ручной труд должен был заменить жалованье. Г-жа Оливина, воспитанная в школе злополучия, деятельно принялась за способы швей, а Машенька с меньшими сестрами ей помогала. Когда лишние вещи стали продавать, когда сытные обеды превратились в скудную пищу, когда мать украдкой плакала, а отец был мрачен и уныл — Машенька лобопытно требовала всему объяснения. Участь ее сделалась еще безнадежнее: прежде думали отдать ее в Институт Глухонемых, а теперь на какие деньги отправить в столицу? И притом без деятельного пособия Машеньки, достигшей уже 14 лет, в состоянии ли будет пропитываться целое семейство? Вот видите ли, любезные дети, какими путями бог показал необходимость глухой Машеньки, умудрил ее и означил на ней свое благословение! Усердно работала она, и никакое дело не уходило от рук ее. Она успевала и душицу (чая уже не было) разлить на 10 чашек (счет семейства), и на кухне присмотреть за хозяйством, и в огороде раскрыть огурцы, и гряды полоть, словом, везде предупреждала заботы матери. С такими-то трудами семейство Оливиных опять сыто и весело. Добрые люди им помогали и не пренебрегали знакомством. Машеньке понравились танцы, и она научилась танцевать. Лучше всех, порхала как бабочка, не сбиваясь с каданса. Ей понравилась бисерная работа, — и канвейные узоры, где каждая ступень ограничена счетом, несколько не затруднили ее: она как-то, по-своему, считала графки и составляла самые трудные ландшафты. На свадьбу ли белье шить, на завтрашний ли бал бо-

готовое платье устроить: во всем была необходима Машенька, везде верная и искусная помощница. Так глухая Машенька вела жизнь на утеху и помощь родителям, на диво и любовь всем сторонним.

В Сретенской церкви заметили нового молодого человека, богомольного и скромного. Стали спрашивать: кто он? — учитель, приехавший из чужа, отвечали другие. — Где он бывает? — нигде, все сидит дома. — Хороший человек? а бог его знает; — кажется, хороший. Таковы были толки об Иване Антоновиче, который точно удалялся знакомства, читал книги, графил с вечера ученикам графки и раздумывал думу, как преподавать завтрашний урок. В каждое воскресенье, в каждый большой праздник встречал он у Сретенья даму, окруженную детьми, как утку с утятами; но из всех дочерей была прекраснее с черными глазами, стройная, белая, та самая, которая смиренно стояла перед ликом Богородицы. Ее благочестие, вся видимая преданность молитве, невольно заставляли заметить ее.

Когда служба отходила, когда народ теснился к притвору, тогда вся городская знать раскланивалась с этой дамой и приветствовала ее чернооую дочку. «Кто эта девушка?» — спросил Иван Антонович толстого мужчину, участливо смотревшего на них.

— Как? разве вы не знаете нашей глухой Машеньки? Ее всякий знает от богатого до нищего: одним она служит, а другим сколько может помогает. Словом, сударь, дочь Оливина чудная девушка, жаль только — что неграмотна; я вам расскажу. Тут народ потеснился и оттер толстяка с недоконченной речью. Когда Иван Антонович пришел домой, в голове его сверкнули мысли: глухая Машенька! как она мила, как взоры ее сияют умом! да, я взялся бы ее выучить грамоте, мне же это не новый труд.

Не подумайте, друзья мои, чтоб Иван Антонович знал способ какого-нибудь Аббата л'Епе, Иван Антонович, сам собою с постоянным терпением достиг умения учить глухих. Надобно только одушевиться на благое дело, не унывая при трудностях; так смысл сам собою явится. Ивану Антоновичу очень хотелось познакомиться с Оливиными, но он был как-то нерешителен, и пылая усердием к добру, откладывал его со дня на день.

Однажды, сидя дома, Иван Антонович увидел в растворенном окне противустоящего дома того самого толстяка, которого расспрашивал в церкви.

— Здравствуйте, сосед! — вскричал толстяк, — Вот, кажется, мы с вами соседи, а живем как враги: ни тот ни другой друг к другу не заглянем. Пожалуйте-ка ко мне на чашку чаю.

Иван Антонович привстал и низко поклонился. За толстяком показалась рука в кружевах и потрепала его по плечу.

— Ну, вот — сказал он, — жена говорит, что чай уже готов. Идите же поскорее, я жду вас.

Добродушный зазыв понравился Ивану Антоновичу. Немедленно надел он синий фрак с гербовыми пуговицами и поспешил на чай. Вошел в залу, он поставил тросточку в угол и не успел еще оправиться, как толстый хозяин явился и приветствовал его: «Милости просим, прошу садиться, очень рад».

Степан Прохорович Дубровин усадил своего гостя на диван. Между тем старая няня подала две чашки чая на серебряном подносе и поклонилась гостю, как будто нижайше прося его выкушать. Эти поклоны прислужницы вы увидите и ныне не в одном купеческом доме, где придерживаются старины, потому что добродушная старина любила употреблять все средства к уважению гостей своих.

Собеседники наши, выпивши по чашечке, завели между собой речь.

— Давно ли, Иван Антонович, видали нашу глухую Машеньку? — спросил Степан Прохорович.

— Давно-с, с прошедшего воскресенья, — отвечал Иван Антонович.

— А что у нас сегодня? — сказал Степан Прохорович, прищурясь и улыбаясь.

— Вторник-с, — сказал Иван Антонович, смутившись.

— Какое доброе семейство Оливина, — продолжал толстяк, — благочестивое, умное; оно и в самой бедности заслужило общее уважение от всех горожан. Право, нигде не проведешь с такою приятностью времени, как у них, Машенька удивит вас своим безмолвным умом. Не хотите ли, я познакомлю вас с ними.

— Очень рад, покорнейше благодарю, — сказал Иван Антонович, — мне бы это очень хотелось. Вот, видите, я прежде учил грамоте, и с успехом, одну мою родственницу, также глухую; может быть, и Машенька выучилась бы.

— Прекрасно, прекрасно, дорогой Иван Антонович, уже подлинно бог вас надоумил, а отец и мать, бог знает, как будут благодарны по самую смерть их. Пойдемте же к ним в субботу, как быть будет праздник.

После ухода Ивана Антоновича Степан Прохорович весело сказал своей супружнице: «Ну, Пелагея, быть делу: женим молодца на Машеньке. Он человек славный, тихий, благоразумный, а на первое обзаведение мы им поможем. Знать сам бог в знамение своей милости, послал его нашей бедной труженице».

... Рассказывать ли про способ учения Ивана Антоновича? Он полагал, что глухому, для правильного выражения гласных букв, должно

смотреть на движение губ учителя. Посредством этого наглядного механизма, думал он, можно достичь до тончайшего различия в произношении согласных букв. Труд неимоверный и для ученика и для учителя! В складах предстояло еще больше затруднений. Здесь каждая ступень покупалась величайшими усилиями. Только неутомимость и рвение могли приблизить к исполнению великого намерения; но за то какое торжественное наслаждение ожидает при конце поприща! Для глухого грамота как новое рождение: все, что составляет красоту образованного ума, для него заперто в книгах, как в темной кладовой, от которой ключи в азбуке. Каждая буква является ему едва достигаемым великаном, и, прошед эти Геркулесовы столбы, он, как будто чародейством, переносится в новую область чудес. Мысли и истины, облеченные в черточки, кружки и крючки, были дотоле для него недоступны, ничтожны, как ученическая проба пера; и вдруг эти, по-видимому, бессмысленные черты, приемлют одушевление, жизнь, говорят, учат, преобразуют понятия, знакомят ум со светом, с людьми, дарят способ понимать других и выражать самого себя. О, надобно быть глухим, чтоб с высочайшею радостью понять грамоту!

Вспомним же теперь с сожалением, любезные дети, как мы лениво начинали учиться; как непростительно скучали над азбукой, имея все выгоды скоро и без дальнего труда понять ее! Представьте себе Машеньку: с каким терпением училась она; с каким мужеством поборолла все неудобства и затруднения. Первая строка, прочтенная с понятием, привела ее в какое-то замешательство: казалось, что в уме ее совершается удивительный переворот. Она пристально всматривалась в буквы, как бы отыскивая в них живой голос, уже не охота, а жажда к учению вскипела в груди ее; она дни и ночи проводила за книгой и за письмом, и с каждым днем умножала и образывала понятия свои. Но я не берусь рассказывать всей истории приобретенных ею сведений, довольно упомянуть, что образованный и точный вкус Ивана Антоновича стройно руководил ее в толпе новых предметов, которые пестрели в книгах. Он с осмотрительностью выбирал для ней книги и соображал их с развивающимся разумом; ибо понятия Машеньки, совокупленные в одну, уже юношескую силу, требовали совершенной осторожности. Он боялся внезапно изумить ее какими-нибудь новыми сведениями, но становил их в постепенной перспективе. Одним словом, Машенька читала, писала и все понимала. Машенька будто взлетела на ту высоту, пред которой она была в таком жалком ничтожестве. Она уже судила и мыслила верно, и все отношения жизни понимала, так же, как и другие люди. Отец ее, мать и сестры не знали границ ни радости своей, ни благодарности к просветителю милой девушки. Они мучили ее непрерывно перепискою, как бы играя с ней в вопросы и ответы. Степан Прохорович чуть не задушил в своих широких объятиях тщедушного Ивана Антоновича и называл его золотым умником.

Во дни счастья время летит неприметно, как один день, день без вечера и без ночи, с одним светлым, веселым утром. Со времени первого посещения Ивана Антоновича мелькнул целый год; но ему казалось, что прошло не более месяца; так успехи ученицы восхищали его.

Между тем приближалось время публичного испытания. Для уездного учителя это день тяжелых забот, самолюбия и будущего отдохновения.

Я нахожу полезным познакомить вас, юные друзья мои, с уездным училищем в каком-нибудь дальнем городке. Вы все воспитываетесь первоначально или дома, под руководством особенных учителей, или в пансионах, потому что родители ваши — благодарите Бога — в состоянии образовывать вас своим иждивением; но большая часть детей в дальних местах нашего отечества не имеют этих способов по бедности и родительского состояния и обучаются в учебных заведениях, учрежденных благотворным Правительством. Там юность получает первые понятия, там, руководимые наставниками, дети всех состояний приготавливаются быть полезными отечеству и родителям своим.

За долго, за месяц до годичного испытания, ученики занимаются беспрерывно повторением уроков, письменных прописей, отделкою рисунков, вытверживанием речей, которые должно будет произнести пред многочисленным собранием. В последнюю неделю они собирают полевые растения для украшения залы. На столах, на скамьях, на полу везде разбросаны цветы; дети нанизывают их на длинные нитки, обрывают коренья, разбирают и бегут за новыми цветами. Тут строгая ученическая подчиненность превращается в свободную детскую любовь к учителю, который в наковом сюртуке навешивает по стенам цветные гирлянды. Надобно видеть, как дети наперерыв бегут подать ему, кто цветов, кто листьев, кто гвоздей, кто молоток; и часто видишь тайный щипок негодующего товарища за предупреждение послуги. Даже самый карцер, столь страшный в учебные дни, становится теперь убежищем скромной резвости в игре в прятки. В счастливый час, когда учитель разговорится, ученики осмелятся спросить его о награде, о переводе в высший класс; но благоразумная тайна никогда не сказывается, и эта таинственность усугубляет интерес награды. Но вот гирлянды развешены, и рисуются на белых стенах; над портретом Царя-Отца взнесен цветочный балдахин с короною, и надобно подивиться искусству детей, устроивших так мило эти украшения. Пол-зала уставлено креслами, стульями и скамьями; перед первыми поставлен стол, покрытый красным сукном. На нем лежат ученические прописи, рисунки, книги, назначенные в награждение, похвальные листы и наконец аттестаты — последний дар за трехлетнее пребывание в училище. У стола раскинут прелестный, живописно пестроющий ковер, но берегитесь ступить на него: он соткан из природных цветов руками детей. — Прекрасная безделка! В недалнем расстоянии от стола, этого жертвенника годичных успехов, тянутся три ряда учеников, примыкающих к краям огромной черной доски. Штатный смотритель, — соборный священник — он же и законоучитель, — смсшивает билеты, приготовленные для сильнейшего доказательства познаний. Иван Антонович в мундире, подхватив шпагу, заботливо напоминает двум ученикам их речи и просит не робеть. Между тем медленно, человек за человеком, начинают собираться посетители. Прежде всего замещаются скамьи; потом появляется и городская знать: чиновники и купцы с их почтенными семействами. Может быть, не одна мать с трепетом ожидала отличия своего сына; нетерпеливо стреми-

лась видеть, как он оправдывает ее заботливость, когда она недосыпала, чтоб только разбудить его вовремя, напоить чаем, выслушать урок, потеплее одеть, и с благословением отправить в училище; когда она не скучала целые вечера объяснять все то, что сама знала, и жалеть о том, что не было ей известно. Наконец зала полна, недостает только Городничего, но вот и он с супругой и дочерьми. По знаку учителя, выходит ученик, кланяется пол-кругом, чтоб поклон его обошел посетителей от края до края, и говорит приветственную речь, сочинения Штатного Смотрителя.

Высокопочтеннейшие посетители! Не смело дерзаем мы, юные и незрелые птенцы сего малого вертограда, представить наши посильные труды — плод годовичных знаний; но ваше великодушное и снисхождение к неопытным умам нашим порукою, что и слабый успех не минует вашего поощрения, яко же солнце равно освещает и дуб и малую травку. Еще зелен сей вертоград, не укрепились корни деревьев, в нем посаженных, поселику обилие плодов зависит от времени; но по крайней мере мы употребили все старание оправдать все надежды и удовлетворить елико возможно вашим справедливым ожиданиям. Позвольте же нам надеяться, Высокопочтенные посетители (новый полукружный поклон), что мы, незрелые дозы, встретим в вас не строгих, но благодетельных и просвещенных судей, снисходящих младенческому лепету нашему; позвольте ожидать, что и посильный труд наш заслужит ваше внимание.

По окончании речи законоучитель приступил к вопросам из Закона Божия. Между тем прописи и рисунки разлетелись по рядам посетителей. Потом настала очередь Ивана Антоновича. С легким поклоном приступил он к доске и начал с Арифметики. Боико метали ученики на доску цифры и смело приводили дроби к одному знаменателю, приговаривая: знаменателя первой дроби помножить на знаменателя второй и прочих дробей, из неправильной дроби выключить целое число, дробь сократить и т. п. Такой изустный рассказ установлен для пояснения, что ученик знает свое дело. Посетители остались особенно довольными, когда самый меньший из учеников взмолился на подножку и начал постукивать по доске мелом, пробега я квадраты и кубы. Быстро протекла отечественная и всемирная История. Из Грамматики — цвет ученья Ивана Антоновича — дети бойко склоняли, спрягали, объясняли орфографию и составляли периоды на заданную мысль. Одним словом все науки, входящие в курс уездного училища, были учениками поняты в возможном совершенстве. Иван Антонович сказал коротенькую, но приличную речь: «Конечно, — говорил он в заключение, — круг ученья уездного училища не столько обширен, чтоб мог наделить всеми познаниями, нужными для доброго гражданина, но по крайней мере, легкий очерк первоначальных и вместе главных наук приготовит его к принятию высшего ученья. Если мне возразят, что большая часть учеников уездного училища останется на родине, не поступая в места дальнейшего образования, то я уверительно могу отвечать, что приобретенные ими здесь познания уже довольно для первоначальной службы, а впоследствии собственное рвение образует молодого человека и сделает его полезным отечеству и самому себе. Лучше что-нибудь знать, чем вовсе ничего».

Иван Антонович говорил совершенную правду. Пятнадцатилетний мальчик, окончивший учения в уездном училище, смело может поступить на службу в нижние судебные инстанции и будет искусен в деле. Зная правила языка, знакомый с некоторыми науками, имея почти все сведения, нужные для порядочного человека, он выбирается из-под невежества, лучше мыслит о самом себе и идет прямым путем к благородству. В городке, где лет 10 существует уездное училище, вы увидите молодых людей, достойных ласковой речи, и найдете в них стремление к образованию себя и к приобретению новых познаний. Так-то, друзья мои, полезно даже и малое обучение; не должно пренебрегать им потому, что от него зависит все благо в нашей жизни.

Посетителей было довольно. Первый ряд кресел замещался жепским полом. По временам Иван Антонович наблюдал за одною девицею, как действует на нее картина публичного испытания. С каким удовольствием разбирала она рисунки и прописи! Ее верный взгляд обличал недостатки и, вот странность! — вместо того, чтоб огорчиться, Иван Антонович радовался безмолвным ее указаниям. Когда ученик отличался, когда рученка его чертила цифры или перебегала по карте от одного океана к другому, Иван Антонович обращался к ней, чтоб видеть, смотрит ли она. Знакомый нам Степан Прохорович, сидевший во втором ряду, шепнул на ухо матери ее: — «Посмотрите, Анна Сергеевна, как Иван Антонович радуется удовольствию Машеньки. Я хотёл вас поздравить с добрым сынком. Чтоб молодцу не скучно было гулять в каникулы, так мы его женим». Анна Сергеевна взглянула на Ивана Антоновича, стоявшего подле Машеньки с географическим атласом. Мать не смела давать воли своим надеждам; однакож думала: оставит ли он ту, которую он ввел в новый мир, уравнивал с людьми и возрастил ее познания, как молодое, зеленое дерево. По раздаче награждений и после благодарственной речи, Иван Антонович, поведа Машеньку к доске, написал: довольны ли вы нынешним днем? Она мигом начертила: очень, благодарю. Иван Антонович выхватил из ковра розу и подал ей. После экзамена избранные посетители пошли на чай к Штатному Смотрителю. Гости сами вызвались на пожертвование, и мгновенно две страницы книги были испещрены именами и рублями.

Как-то на днях, вскоре после этого, Машенька сидела с матерью наедине, переписываясь посредством аспидной доски, и обе плакали. В другой комнате сестры Машеньки прилежно кроили и шили ситцевые платья. Оливин, крутя трубку, невесело сидел на диване и часто говорил в полголоса: да будет воля Божия.

В эту минуту вошел Степан Прохорович, неся под рукою толстый сверток бумаги.

— А где Анна Сергеевна? — спросил он, пожимая руку Оливина и раскланиваясь с девицами.

На голос его хозяйка вышла.

— Вот Машеньке на подвенечное платье, — сказал он, подавая хозяйке сверток, из которого выглядывала белая шелковая материя.

— Ба! Это что за слезы? — воскликнул Степан Прохорович, посмотрев на Оливину и вошедшую Машеньку: — Не грех вам плакать в то время, когда Бог, по великой своей милости, посылает вам счастье.

— Оно все так, Степан Прохорович, — отвечала Оливина, — да как-то жаль дочери, отдавая ее на век.

— Нет, Анна Сергеевна, не так надобно думать. Иван Антонович не такой человек, чтоб отнял у вас радость, да и умчал Бог весть куда. Его первое, искреннее желание — всю жизнь вместе провести с вами и разделить вместе и беду, и веселье. Поверьте, что таких людей поищешь днем с огнем. Э, полно-те по пустому крушиться: давайте-ка подумаем о деле.

И рассудительный Степан Прохорович во все входил подробно, обо всем хлопотал, везде помогал советом и деньгами, и с его усердием и помощью свадебные приготовления быстро подвигались вперед.

Степан Прохорович был посаженным отцом Ивана Антоновича. Истинно отечески благословил он его и кой-что подарил ему на разживу. Как лебедь взошла Машенька в церковь, дивя красотою и кротостью прекрасного лица. В церкви любопытных было много, и, может быть, не было ни одного человека, который бы не пожелал новобрачной благополучия за ее добронравие. Весело отпировали свадьбу. Степан Прохорович, не смотря на толстоту, увлек свою Пелагею в толпу танцующих и отплясал с ней по-своему козачка; правда и то, что пот в три ручья лился с лица его; но, что за беда, говорил он, что на старости устаетея; коровка ножик съела, да не одурела. Не один раз восклицал он: горько, и потом прибавлял: при пожелании молодому Князю и молодой Княгине доброго здравия, выпиваю сидову зелена вина: — и Степан Прохорович проворно осушал серебряную стопу, подаренную им Машеньке.

Через год или немногим более, Иван Антонович сделан Штатным Смотрителем. Он приобрел общее уважение и благодарность за свою внимательность к детям, врученным ему на великое дело воспитания. Родной сын не был бы столь ласков, как он с Оливиным. Всю радость свою полагал он в их радости и совершенно устроил благосостояние их. Машенька была второю матерью сестрам своим. Отец и мать ее, успокоенные на старости лет, счастливо доживали свой век. Старик Степан Прохорович был все также весел и любил молодых от всей души. Бог видимо благословил это доброе семейство.

Вот вам, друзья мои, и обещанная повесть, — сказал наконец дядя Прокопий. Я имел желание показать неисповедимый промысел Господен над всеми благонравными несчастливцами; хотел показать, как всякое, по-нашему мнению, неблагоприятие, есть тайное благое преднамерение милосердного Бога, лишь бы мы сами не заслуживали такого наказания. Вторая мысль моя состоит в том, что прилежание превозмогает самые величайшие трудности. Будьте уверены, что охота и ревность лучшие проводники на дороге ученья. В-третьих, мне казалось не лишним ознако-

мить вас с учебными заведениями маленских городков, для того, чтобы вы знали, что везде ученье приносит обильные плоды. В-четвертых, я мыслил, в простом и веселом характере Степана Прохоровича, преподать вам ту истину, что люди старого века, над которыми мы иногда смеемся, не менее нас способны делать добро и подать ближнему руку помощи. И, наконец, из начала моего рассказа, вы должны увидеть, как вредно предаваться своей молодой, неопытной воле и не знать осторожности. Вот все, чему я хотел вас научить. Если вы не послушаете моих советов, не я буду виноват в том, и право вы не раз вспомните простяка дядю Прокопия.

(Дети с искренней любовью обняли рассказчика и гладили его серебряные волосы. Видно было, что слова его впечатлелись в юных сердцах, потому что дети без резвости, но с почтением, приклеились к коленам его и смотрели на доброе лицо ласкового старика.)

Дядя Прокопий, окончив рассказ, обратился к хозяйке.

— Извините, матушка, — сказал он, — что я кой-что о свадьбе примешал в речь мою. Оно бы и не шло, да дело-то подлинно так было, а пословица говорит: из песни слова не выкинешь.

— Ничего, ничего, старик, дети постепенно должны ознакомиться с теми случаями, которые встретятся им при самом вступлении в свет.

Дядя Прокопий взял свою палку, помолился, раскланялся и пошел в другой дом рассказывать свои рассказы.

СЕМЕН АВДИЕВИЧ ВЕСНИН (1814 — 1853)

Семен Авдиевич Веснин родился в с. Пищальском Орловского уезда Вятской губернии 28 августа 1814 г. Уклад жизни многочисленной семьи бедного дьячка мало чем отличался от крестьянского.

Вначале Веснин получил домашнее образование, а затем, как и все дети священнослужителей, поступил в духовное училище. После трех лет учебы Веснин остается круглым сиротой, однако он не бросает учебу, а продолжает ее за казенный счет. В Вятской семинарии у Веснина проявляются способности к стихотворству. По-видимому, там он и написал свою поэму «Вани-вят-

чане». По окончании Вятской духовной семинарии в 1834 г. Семен Авдиевич становится священником. Вначале он живет у брата Дмитрия в селе Круглыж, а затем, женившись на дочери Орловского священника Никонова, уезжает в село Ацвеж, где ему было исплопотано место священника. В своих воспоминаниях Веснин пишет об этой поре жизни, как о лучшей, полной «тихой радости», безмятежных дней супружества.

После неожиданной смерти жены в 1835 г., а затем и дочери, Веснин совершает паломничество в Соловецкий монастырь. В 1838 г. он идет поклониться святым местам Москвы и Киева. В 1837 г. назначается управляющим Спасского монастыря в г. Орлове. В 1839 г. в Вятке постригается в монахи под именем Ссрафима. В эти годы он был казначеем Вятского Архирейского дома, преподавал в духовном училище.

В 1843 г. совершил паломничество на Афон, где принял схиму с именем Сергия в Пантелеимоновском монастыре (Руссике). В 1844 — 1845 годах Веснин совершает паломничество в Палестину. После этого путешествия появляются письма (путевые заметки), в которых он бесхитростно рассказывает о своих впечатлениях.

Помимо духовных, поучительных мотивов, в этих письмах встречаются зарисовки афонской природы, приводятся исторические и даже этнографические сведения. Уже первые восемь писем, опубликованных в журнале «Маяк», без ведома Веснина, привлекли внимание читателей, а затем сам Веснин в 1850 г. опубликовал письма отдельной книгой «Письма Святогорца к друзьям своим о Св. горе Афонской, и стихотворения его».

В 1847 — 1851 гг. жил в России (бывал в Вятке, в Москве). В Москве Святогорец близко сошелся с Н. В. Гоголем, который мечтал вместе с Весниным путешествовать к святым местам. Узнав о смерти Гоголя в апреле 1852 г., Святогорец писал: «Смерть Гоголя — торжество моего духа. Покойный много потерпел и похворал, — надобно и пора ему на отдых в райских обителях. Жаль только, что он не побывал у нас. Я очень любил его; в Одессе мы с ним видались несколько раз, и наше расставание было условное — видеться здесь. Судьбы Божии непостижимы!»

Возвратившись на Афон, Святогорец предается аскетическим подвигам и литературным трудам. Самыми значительными для истории культуры являются работы «Русские ипоки на Св. горе Афонской от исхода 10 в. до пол. 19 в.», «Афонский патерик...», который закончил монах Азарий. Наследие Святогорца насчитывает 50 писем, опубликованных в разных изданиях (брату

Дмитрию в Вятку, П. С. Сведецкому, Ф. В. Булгарину, А. П. Бочкову и др). Известен Святогорец и как поэт. Его стихи пропизаны мотивами смирения, в них он использовал сюжеты из духовной истории, некоторые из них восходят к «Минеям четым». Отразились в стихах и факты нелегкой жизни Веснина. «Письма», дневник, стихи и другие произведения Святогорца свидетельствуют о незаурядных литературных способностях автора.

Умер Святогорец в Афоне 17 декабря 1853 г., последние годы своей жизни всецело посвятил Богу и литературным трудам.

ВАНИ-ВЯТЧАНЕ

Глава I. Чествуют воеводу

Наши Вани каждый раз
Не бывали без проказ.
Вот, по жалобе народа,
Выбыл с Вятки воевода.
Новый прибыл.
По поверью старины,
Думу думали, гадали,
Сладить дело, как не знали,
Чтоб ему во славу, в честь
Да подарочек принести;
Знать втереться, чтоб тем в милость...
Заседание открылось.
Ваней — чудо набралось,
Порешить такой вопрос:
«Чем от имени народа
Подарить им воеводу?»
Вани наши, господа,
Право, парни — хоть куда!
Вот и стали совещаться.
Первый Ваня был Догадца,
Ваня Дока был второй,
Третий Ваня — Удалой.
Долго думали, гадали,
Бились, спорили, кричали.
Наконец, вопрос такой
Порешили меж собой:
Ване первому — корчагу
Взять намешанной кулаги*,
А второму — с хлебом-соль,
Как водилося дотоль.
И по-прежнему, опять
Ну-ка думать, да гадать...
Сели, в сутках посидели,
Друг на дружку поглядели.
В землю сделали поклон,
И попарно вышли вон.
Но Догадца, так как первой

Шел под скатертию белой,
Ваня Дока шел второй,
Третий — Ваня Удалой.
Вани-ж прочис за ними.
Снявши шапки с головы,
Перешли Большие рвы
И, поднявшись тихо в гору,
Вот пошли по косогору.
Но у самых у ворот
Призамешкался народ,
Тут, от имени народа,
В дом нарочный к воеводе
Шел, как должно, доложить —
Принимет ли их визит?..
Воевода согласился.
Встал. Слегка принарядился
И в приемный вышел зал,
Ваней-Вятчан выжидал.
Вот и двери открылись,
Вани в дверях появились...
Но, на зло, через порог
Первый двинуться не мог, —
Словно враг тут посмеялся:
У Догадцы развязался
Как-то лапоть. И ногой
На веревку Удалой
Приступил Догадце с задку...
«Подь ты в омут, подь ты к ляду!»
Тут Догадца наш не смог, —
Бух с кулагой чрез порог...
В мелки дребезги корчага
Разлетелась. И кулага
Под порогом расплылась:
Экой выпался ведь час!
На Догадцу пался Дока.
И народ весь у порога
Растянувшись лежал...
Тут Догадца проворчал,
Крепко стукнувшись на пол:
«Тьфу, ты пропасть. Экой дьявол!
Чорт тебя совсем возьми,
— С воеводшей и детьми!» —
Двое Ваней подхватили,
И все в голос повторили...
Воевода поглядел,
Рассердился, не стерпел...
«Да какой вы это дряни
Нанесли мне? Эки страни!
Аль смесетесь надо мной.
Эй, нагайку, крепостной!»
Крепостной как раз явился,
И уж так распорядился,
Распотешил, взвеселил —

Вансей-Вятчан угостил:
Что к ненастью им под старость
Это после поминалось...

ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА К ДРУЗЬЯМ СВОИМ О СВЯТОЙ ГОРЕ АФОНСКОЙ

(Отрывок)

Письмо I

*Как сладки сердцу те минуты,
Как каждый миг не оценим,
Когда я мирно и без смуты,
Под небом вечно-голубым,
В пределах дивной Палестины
Мечтал о родине моей;
Когда в краях Святой чужбины
Молился с чувством за друзей;
Когда там, в скромный час молитвы,
Я за Россию говорил,
Чтоб в сладкий мир и в бурях битвы
Всемощный Бог ее хранил!..*

Святогорец

В числе Русских поклонников, вместе со мною, прибыл из Иерусалима и слепец Григорий. Этот чудный странник и там, и здесь, на Св. Горе, удивлял и удивляет меня во многих случаях и, можно сказать, был единственным моим собеседником в наше странствие по Св. Земле. Там мы бродили с ним на Св. Сионе и по Сиону, вспоминали о друзьях и о родине; там же, за Русским чаем, передавали друг другу свои думы и надежды, и любили варить фруктовую кашу с бетмесом*. Одним словом, слепец в Иерусалиме был, для меня и для многих, редкостью и дивом. В путевых записках моих вы увидите отличительные черты его Иерусалимской жизни, двукратное его странствие на Афон и однажды на Синай; увидите все, что только мог он передать мне лично, и что успел я положить на скромные страницы моего Палестинского дневника...

(...)

Шумно протекала для нас Страстная Седмица в Иерусалиме. В первые два дня животочный Иордан был предметом нашего путешествия и наших чистых наслаждений. На Великий Вторник, в тихом полусвете луны, он мирно убежал пред нами в мертвые воды Содома, но едва первые лучи солнца, выходящего из-за Аравийских гор, озарили нас, мы погрузились в быстрые и мутные, но священные струи его. В Великую Среду, уже к вечеру, изнемогшие от трудного пути, мы достигли Иерусалима, пресытившись истинно-райскими наслаждениями духа в странствии к Иордану.

* — Кулага составлялась из солода, или «рощи», и варилась в сусле, иногда с калиновыми ягодами; получается калиновый кисель.

** — Турецкий мед. (прим. автора).

Великий Четверток ознаменован был одним из трогательнейших событий Евангельской Истории: на открытой площади, пред Храмом Гроба господня, святейший Патриарх совершил торжественный обряд омовения ног, в воспоминание глубочайшего смирения Богочеловека.

(...)

Смутен был для меня первый день Св. Пасхи. Мысль, что я завтра должен оставить Иерусалим, и оставить уже навсегда, свинцовой тяжестью дожилась на занывающую мою грудь и давила мое сердце. Задумчиво бродил я среди моих соотечественников: их шумная радость, более о наступающем пути к милой родине, чем о днях самой Пасхи, меня отталкивала от их торжествующей толпы.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН (1812 — 1870)

Александр Иванович Герцен родился 25 марта 1812 г. в Москве. Его отец И. А. Яковлев принадлежал к знатному дворянскому роду, а мать Г.-Л. Гааг — дочь мелкого чиновника. Брак их не был оформлен, и поэтому сын стал носить вымышленную фамилию и считаться воспитанником И. А. Яковлева. Первоначально Герцен получает домашнее образование, а затем учится в Московском университете на физико-математическом отделении. Вокруг Герцена и Н. П. Огарева складывается кружок с ярко выраженными политическими интересами.

Герцен окончил университет в 1833 г. со степенью кандидата, получив серебряную медаль за сочинение «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника».

Через год после окончания университета Герцен, Огарев и члены их кружка, давно привлекавшие внимание полиции, были арестованы.

Весной 1835 г., после девяти месяцев тюремного заключения, Герцен был сослан в Пермь, но вскоре Пермь заменили Вяткой. 19 мая 1835 г. Герцен приезжает в Вятку, а 1 июня определен на службу в Вятское губернское правление на должность переводчика.

В вятской ссылке он углубленно изучает историю, философию, заводит тетрадь, где делает выписки из Данте, Гете, Вольте-

ра, Паскаля. Большим событием для Герцена стал журнал «Телескоп», полученный в Вятке в 1836 г., где было опубликовано «Философическое письмо» П. Чаадаева. В это же время писатель сближается с местными чиновниками Г. К. Эрном, А. Е. Скворцовым, с ссыльным архитектором А. Л. Витбергом.

Встреча с польским ссыльным П. Цехановичем, еще в Перми, дала толчок для создания очерка «Вторая встреча» и других произведений. Герцен активно ведет переписку с Огаревым, своей невестой Н. А. Захарьиной и другими знакомыми, эти письма дают начало автобиографическим, мемуарным и очерковым произведениям.

С 18 по 20 мая 1837 г. Вятку посетили: наследник великий князь Александр Николаевич и сопровождавшие его поэт В. А. Жуковский и статистик-историк К. И. Арсеньев, которым Герцен показывал выставку «всякого рода произведений и изделий края», рассказывал о Вятке, о том, как он попал сюда.

24 декабря 1837 г. Герцен отбывает из Вятки «согласно высочайшей воле» и переводится на службу в губернский город Владимир.

2 января 1838 г. Герцен прибыл во Владимир. Этот период (до 1840 г.) он считал самым счастливым в своей личной жизни.

Здесь он венчается с Н. А. Захарьиной, здесь у него рождается сын Александр.

В 40-е годы Герцен, живя в Москве, Новгороде, занимается не только литературным трудом, но пытается философски осмыслить происходящее в России.

Итогом первой ссылки явилась повесть «Записки одного молодого человека» (1840—1841), а итогом второй, новгородской, роман «Кто виноват» (отд. изд. 1847). В 1846 г. написаны повести «Сорока воровка» и «Доктор Крупов».

21 января 1847 г. Герцен с семьей уезжает за границу. Этот отъезд — своеобразная реакция писателя на философские споры в кругу западников, на невозможность издания собственного журнала, на невозможность политической деятельности в России.

В мае-июне 1848 г. Герцен видит несостоятельность революции, его духовная драма запечатлена в книге «С того берега» (1850). Конец 1851 — начало 1852 г. ознаменовано для писателя личной трагедией — погибают в кораблекрушении мать и млад-

ший сын, а затем умирает Н. А. Герцен. Вскоре после смерти жены Герцен пересезжает в Лондон, где он открывает Вольную русскую типографию, а с 1857 г. издает газету «Колокол», которая выходила 10 лет.

Художественным откровением Герцена стала книга «Былое и думы» — это исповедь и рассказ о событиях и людях, окружавших писателя на протяжении его большой и кипучей жизни.

Умер А. И. Герцен 9 января 1870 г. в Париже.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Глава XVII

(Отрывок)

Наследник в Вятке. — Падение Тюфяева. — Перевод во Владимир. — Исправник на следствии.

Наследник будет в Вятке! Наследник едет по России, чтоб себя ей показать и ее посмотреть! Новость эта занимала всех, но более, разумеется, губернатора. Он затормошился и наделал ряд невероятных глупостей: велел мужикам по дороге быть одетыми в праздничные кафтаны, велел в городах перекрасить заборы и перечинить тротуары. В Орлове бедная вдова, владелица небольшого дома, объявила городничему, что у нее нет денег на поправку тротуара, городничий донес губернатору. Губернатор велел у нее разобрать полы (тротуары там деревянные), а буде не достанет, сделать поправку за казенный счет и взыскать потом с нее деньги, хотя бы для этого следовало продать дом с публичного торга. До продажи не дошло, а полы у вдовы сломали.

Верстах в пятидесяти от Вятки находится место, на котором являлась новгородцам чудотворная икона Николая Хлыновского. Когда новгородцы поселились в Хлынове (Вятке), они икону перенесли, но она исчезла и снова явилась на Великой реке в пятидесяти верстах от Вятки; новгородцы опять перенесли ее, но с тем дали обет, если икона останется, ежегодно носить ее торжественным ходом на Великую реку, кажется, 23 мая. Это главный летний праздник в Вятской губернии. За сутки отправляется икона на богатом дощанике по реке, с нею архиерей и все духовенство в полном облачении. Сотни всякого рода лодок, дощаников, кояг, наполненных крестьянами и крестьянками, вотяками, мещанами, пестро двигаются за плывущим образом. И впереди всех — губернаторская расшива, покрытая красным сукном. Дикое зрелище это очень недурно. Десятки тысяч народа из ближних и дальних уездов ждут образа на Великой реке. Все это кочует шумными толпами около небольшой деревни, и, что всего страннее, толпы некрещеных вотяков и черемис, даже татар, приходят молиться иконе. Зато и праздник имеет чисто языческий вид. За монастырской стеной вотяки, русские приносят на жертву баранов и телят, их тут же бьют, иеромонах читает молитвы, благословляет и святит мясо, кото-

рое подают в особое окно с внутренней стороны ограды. Мясо это раздают по кускам народу. Встарь давали его даром, теперь монахи берут несколько копеек за каждый кусок. Так что мужик, подаривший целого теленка, должен истратить грош-другой, чтобы получить кусок себе на снесь. На монастырском дворе сидят целые толпы нищих, калек, слепых, всяких уродов, которые хором поют «Лазаря». Молодые поповичи и мещанские мальчишки сидят на надгробных памятниках около церкви с чернильницей и кричат: «Кому памятки писать? Кому памятки?» Бабы и девки окружают их, сказывая имена, мальчишки, ухарски скрипя пером, повторяют: «Марью, Марью, Акулину, Степаниду, отца Иоанна, Матрону — ну-тка, тетушка, твоих, твоих-то — вишь, отколола грош, меньше пятака взять нельзя: родни-то, родни-то — Иоанна, Василису, Иону, Марью, Евпраксию, младенца Катерину...»

В церкви толкотня и странные предпочтения, одна баба передаст соседу свечку с точным поручением поставить «гостю», другая — «хозяину». Вятские монахи и дьяконы постоянно пьяны во все время этой процессии. Они по дороге останавливаются в больших деревнях, и мужики их потчуют на убой.

Вот этот-то народный праздник, к которому крестьяне привыкли веками, переставил было губернатор, желая им потешить наследника, который должен был приехать 19 мая; что за беда, кажется, если Николай — гость тремя днями раньше придет к хозяину? На это надобно было согласие архиерея; по счастью, архиерей был человек сговорчивый и не нашел ничего возразить против губернаторского намерения отпраздновать 23 мая 19-го.

Ряд ловких мер своих для приема наследника губернатор послал к государю, — посмотрите мол, как сынка угошаем. Государь, прочитавши, взбесился и сказал министру внутренних дел: «Губернатор и архиерей дураки, оставить праздник как был». Министр намыллил голову губернатору, синод — архиерею, и Николай-гость остался при своих привычках.

Между разными распоряжениями из Петербурга велено было в каждом губернском городе приготовить выставку всякого рода произведений и изделий края и расположить ее по трем царствам природы. Это разделение по царствам очень затруднило канцелярию и даже отчасти Тюфяева. Чтоб не ошибиться, он решился, несмотря на свое неблагоприятное положение, позвать меня на совет.

— Ну, например, мед, — говорил он, — куда принадлежит мед? Или золоченая рама — как определить, куда она относится?

Увидя из моих ответов, что я имею удивительно точные сведения о трех царствах природы, он предложил мне заняться расположением выставки.

Пока я занимался размещением деревянной посуды и вотских нарядов, меда и чугунных решеток, а Тюфяев продолжал брать свирепые меры для вящего удовольствия «его высочества», оно изволило прибыть в

Орлов, и громовая весть об аресте орловского городничего разнеслась по городу. Тюфяев пожелтел и как-то нервно начал ступать ногами.

Дней за пять до приезда наследника в Орлов городничий писал Тюфяеву, что вдова, у которой пол сломали, шумит, и что купец такой-то, богатый и знаемый в городе человек похваляется, что все наследнику скажет. Тюфяев насчет его распорядился очень умно: он велел городничему заподозрить его сумасшедшим (пример Петровского ему понравился) и представить для свидетельства в Вятку; пока бы дело длилось, наследник уехал бы из Вятской губернии, тем дело и кончилось бы. Городничий все исполнил; купец был в вятской больнице.

Наконец наследник приехал. Сухо поклонился Тюфяеву, не пригласил его и тотчас послал доктора Енохина свидетельствовать арестованного купца. Все ему было известно. Орловская вдова свою просьбу подала, другие купцы и мещане рассказали все, что делалось. Тюфяев еще на два градуса перекоксился. Дело было нехорошо. Городничий прямо сказал, что он на все имел письменное приказание от губернатора.

Доктор Енохин уверял, что купец совершенно здоров. Тюфяев был потерян.

В восьмом часу вечера наследник с свитой явился на выставку. Тюфяев повел его, сбивчиво объясняя, путаясь и толкуя о каком-то царе Тохтамыше. Жуковский и Арсеньев, видя, что дело не идет на лад, обратились ко мне с просьбой показать им выставку. Я повел их.

Вид наследника не выражал той узкой строгости, той холодной, беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его скорее показывали добродушие и вялость. Ему было около двадцати лет, но он уже начинал толстеть.

Несколько слов, которые он сказал мне, были ласковы, без хриплого, отрывистого тона Константина Павловича, без отцовской привычки испугать слушающего до обморока.

Когда он уехал, Жуковский и Арсеньев стали меня расспрашивать, как я попал в Вятку, их удивил язык порядочного человека в вятском губернском чиновнике. Они тотчас предложили мне сказать наследнику об моем положении, и, действительно, они сделали все, что могли. Наследник представил государю о разрешении мне съездить в Петербург. Государь отвечал, что это было бы несправедливо относительно других сосланных, но, взяв во внимание представление наследника, велел меня перевести во Владимир, это было географическое улучшение: семьсот верст меньше. Но об этом после.

Вечером был бал в благородном собрании. Музыканты, нарочно выписанные с одного из заводов, приехали мертвецки пьяные; губернатор распорядился, чтоб их заперли за сутки до бала и прямо из полиции конвоировали на хоры, откуда не выпускали никого до окончания бала.

Бал был глуп, неловок, слишком беден и слишком пестр, как всегда бывает в маленьких городках при чрезвычайных случаях. Полицейские

сустились, чиновники в мундирах жались к стене, дамы толпились около наследника в том роде, как дикие окружают путешественников... Кстати, о дамах. В одном городке был приготовлен после выставки «гуте»¹. Наследник ничего не брал, кроме одного персика, которого кость он бросил на окно. Вдруг из толпы чиновников отделяется высокая фигура, налитая спиртом, земского заседателя, известного забуддыги, который мерными шагами отправляется к окну, берет кость и кладет ее в карман.

После бала и гуте заседатель подходит к одной из значительных дам и предлагает высочайше обглоданную косточку: дама в восхищении. Потом он отправляется к другой, потом к третьей — все в восторге.

Заседатель купил пять персиков, вырезал косточки и счастливил шесть дам. У кого настоящая? Все подозревают истинность своей косточки...

Тюфяев, после отъезда наследника, готовился с стесненным сердцем променять пашлык² на сенаторские кресла — но вышло хуже.

Недели через три почта привезла из Петербурга бумаги на имя «управляющего губернией». В канцелярии все переполошилось. Регистратор губернского правления прибежал сказать, что у них получен указ. Правитель дел бросился к Тюфяеву, Тюфяев сказался больным и не поехал в присутствие.

Через час мы узнали, он был отставлен — sans phrase³.

Весь город был рад падению губернатора; управление его имело в себе что-то удушливое, нечистое, затхло-приказное, и, несмотря на то, все-таки гадко было смотреть на ликование чиновников.

ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ АЛАБИН (1824 — 1896)

П. В. Алабин родился в г. Подольске Московской губернии 10 сентября 1824 г. Его отец — чиновник из обедневших дворян, женился на дочери французского эмигранта Мартена. Образование П. В. Алабин получил сначала в Белостокской гимназии, а потом в Петербургском коммерческом училище. Но юношу боль-

¹ Угощение (франц. gouter).

² Административный округ, управляемый пашой (турецк. pasalik).

³ Без всяких разговоров (франц.). (Примечания автора).

ше привлекала романтика военной жизни. В 1840 г. во время посещения коммерческого училища Николаем I Алабин обратился с просьбой о переводе его на военную службу. В 1843 г. Алабин получил назначение унтер-офицером в Тульский егерский полк, вскоре был произведен в юнкера.

Уже в 1848 г. молодому П. В. Алабину пришлось участвовать в походе, когда царские войска подавляли венгерскую революцию. В своих «Записках» о венгерской кампании Алабин будет вспоминать с возмущением.

Второй военный поход П. В. Алабин совершил в составе 80-тысячной русской армии, которая выступала против турецкого ига на Балканах. В кампании 1853 — 1854 гг. Алабин был адъютантом командующего пехотной дивизии. Эта дивизия прошла через Яссы, Фокшаны, Бухарест, участвовала в сражении при Ольтенице и осаде Силистрии.

П. В. Алабин был активным участником Крымской войны, находился в числе славных защитников Севастополя, сражался на Малаховом кургане. Глубокий след оставила оборона Севастополя в памяти Петра Владимировича, в «Записках» он с большой точностью воспроизводит многочисленные сражения на Малаховом кургане, героизм русских солдат и офицеров, умелое руководство армией — вот главное, что достойно восхищения в повествовании Алабина. Героизм самого П. В. Алабина отмечен несколькими военными орденами.

В 1857 г., выйдя в отставку, Алабин приезжает в Вятку, где служит помощником, а затем управляющим губернской удельной конторой.

В Вятке он развил энергичную деятельность: пишет статьи в «Вятские губернские ведомости», составляет «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинов». Его литературная деятельность, которая началась еще в коммерческом училище (в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1842 г. напечатана его речь, военные корреспонденции в журнале «Северная пчела» за 1855 г. и др.), в Вятке получает наибольший расцвет. Он создает «Походные записки в войну 1853 — 1856 гг.», активно сотрудничает в газете «Голос», издаваемой А. Краевским. В этой газете появляются его статьи о событиях общественной и культурной жизни в Вятке, по истории и археологии нашего края.

В 1861 г. Алабин был избран управляющим Вятской публичной библиотеки, которая с его деятельностью стала культурным центром губернского города, увеличила свой книжный фонд. Увлекаясь историей и археологией, Алабин содействовал открытию в городе музея.

С начала 1866 г. до середины 70-х годов П. В. Алабин живет в Самаре, где так же развил активную общественную деятельность. В эти же годы Алабин хлопочет об организации Севастопольского музея, который был открыт в 1869 г. на добровольные пожертвования населения.

Одна из наиболее ярких страниц в жизни П. В. Алабина — участие в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг. В эти годы он, как представитель Славянского общества, участвовал в сборе средств, одежды, медикаментов для болгарских ополченцев. После занятия Софии русскими войсками П. В. Алабин был назначен ее первым губернатором, на этом посту он проявил себя энергичным, деятельным человеком.

После окончания войны П. В. Алабин вернулся в Самару, где служил на разных должностях. В 1888 г. вышла в свет первая часть его большого труда «Четыре войны. Походные записки 1849, 1853, 1854 — 1856 и 1877 — 1878 годы», в 1890 году появилась вторая книга, а в 1892 году — третья. Однако труд не был завершен, Алабин собирался включить свои воспоминания о русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг.

Последние годы жизни П. В. Алабина трагичны. В 1891 г. во время большого голода Алабин руководил закупкой продуктов для населения, но был обманут дельцами, которые поставляли порченные продукты. Царское правительство обвинило Алабина в преднамеренной закупке порченных товаров. В 1895 г. в Нижнем Новгороде состоялся суд над Алабиным, его оправдали, однако дело было передано на разбирательство в Казанскую судебную палату. П. В. Алабин не пережил нового разбирательства дела, в мае 1896 г. он скончался.

П. В. Алабин явился подлинным мастером батальных сцен в своих «Походных записках». В них сочетается документальность с художественной выразительностью. Отдельные эпизоды проникнуты глубоким лиризмом, другие в сжатой, экспрессивной форме передают накал боя, героические поступки русских солдат и офицеров. Алабин показывает суровую действительность, те ужасы, которые испытывает человек на войне.

В «Походных записках» большое значение имеет сам автор-повествователь, его взгляд на события, его оценка их.

Мы видим, как в одних случаях рассказчик как бы охватывает картину боя с высоты, в других — он в самой гуще рукопашной схватки.

П. В. Алабин — гуманист, он, военный человек, не принимает войны: «Долго ли будет существовать эта бойня? Долго ли еще литься крови человеческой? Видана ли такая борьба между людьми?»

«ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ В ВОЙНУ 1853, 1854, 1855 И 1856 ГОДОВ»

(Отрывок)

1855 ГОД, 5 ИЮНЯ. СЕВАСТОПОЛЬ

Едва забрезжил свет, как уже заревели батареи союзников; в четыре часа утра началось четвертое бомбардирование Севастополя. Огонь неприятельский исключительно сосредоточен на левой половине оборонительной линии.

Под градом снарядов самого огромного калибра, батальоны пошли занимать указанные им заранее места, чтоб успеть в дело вовремя, если б неприятель внезапно бросился на штурм.

Наступает кровавый день. На алтарь отечества будет принесено много новых жертв, много горячих слез прольется во имя их в обширном отечестве нашем. Еще темно. Но вот всходит солнце, так же ясно сегодня, как было вчера, как будет завтра!.. Ни малейшего ветерка. Облака легкого дыма лежат над Севастополем, как бы силясь прикрыть родимые стогны легкой фатою своею от вражьи перунов. Вырвавшись из жерла, дым долго клубится над орудием, поднимается из мортиры правильным кольцом, с ракетного станка неприятельского — длинную гигантскую спиралью. В высоте, на безоблачном голубом небе, ярко рисуются белые облачки лопнувших бомб; темнейшею краскою в клубах дыма обрисовывается разрыв бомбы в каком-нибудь доме или на земле, густым серым столбом поднимается пыль, взметанная ядром, и кое-где, порою, в густейшей массе порохового дыма, блеснет огненный язык выстрела... маленькие домики корабельной стороны, ярко позолоченные восходящим солнцем, и стройные, избитые выстрелами здания Александровских казарм обнажились от дымной пелены...

Какую величественную картину являет собой Малахов курган, возносясь над окрестным пространством! Как некий великан, одетый страшною броней батареями, он гордо встряхивает могучею головою, убранную густыми кудрями дымных облаков. Будто шлемом, прикрытый белыми остатками знаменитой круглой башни, он с гордым спокойствием посылает перуны во все стороны...

Все сливается в одну дымную тучу. Она начинает заволакивать картину роковой борьбы, быть может, беспримерной в летописях войн, под гром страшного оркестра, которого разнообразные звуки слились в оглушительный рев, терзающий душу!..

В нескольких местах выказалась сквозь дымные облака бледно-голубая бухта, беспрестанно вспахиваемая падающими в нее снарядами или осколками; но несмотря на то, множество лодок скользит по ней во всех направлениях, бесстрашно исполняя различные обязанности. Наши пароходы разводят пары. Один из них двигается куда-то медленно, и черный дым клубится за ним, как траурная фата...

На колокольне Владимирской церкви благовестят к заутрене. В этом реве смерти как сладок ты, заветный благовест — отходная для сотни храбрых, которых души уносятся в это мгновение с твоими благодатными звуками, к престолу божию!.. Солдаты крестятся. Многие, услышав заветные звуки, становятся на колени и молятся, кладя земные поклоны. Не один из них молится в последний раз!..

(...)

На Корабельной нет места, куда бы не падали снаряды. Бывало редко случалось, чтоб снаряд упал на Владимирскую площадь, или с «Канробера» (французская батарея) пронеслся до самой бухты, а ныне снаряды валяются в морские казармы у павловского мыса. На всем обстреливаемом пространстве единственное безопасное место хороший блиндаж на бастионе. Но зачем и упоминать об опасности, когда о ней никто и не думает, несмотря на страшную бомбардировку! Здесь всякий делает свое дело, не обращая на пальбу никакого внимания. По-прежнему войска стоят в местах, несколько укрытых от неприятельских выстрелов. Солдаты по большей части спят; другие перебирают свою одежду, чинят белье, обувь; некоторые заряжают или разряжают ружье, курят, едят свою неизменную кашу. С мерными условными возгласами тянут матросы и солдаты пушку, в обмен подбитой на батарее. С тою же беспечною ходят офицеры и солдаты, с какою ходили вчера и третьего дня, или ездят верхом с приказаниями; два солдата несут на палке, в мешке, только что принятое мясо, в рогатых котелках тащат еще кипящую кашу; артиллерийские лошади везут на дрогах бочку воды; тянется несколько полуфурков с пирамидами туров; матросы и солдаты расчищают, под штурцерным огнем, засыпанную амбразуру бастиона, только работая несколько живее обыкновенного; множество солдат купаются у Пересыпки, несмотря на снаряды, лежащиеся вокруг их; тянется похоронная церемония... Словом, на Корабельной идет все обычным чередом; только нигде не видишь жителей: все скрылись, куда могли; еще необыкновенно часто появляются в различных местах кровавые носилки с печальною ношею, да потрясают душу эти ужасные, гремящие вокруг звуки, этот грозный рев беспрестанно падающих и беспрестанно разрывающихся снарядов, словно стонет земля, поглощающая изливающуюся потоками кровь человеческую!..

(.....)

6 ИЮНЯ. СЕВАСТОПОЛЬ.

Два часа и 50 минут утра. Неприятель бросился на 1-й и 2-й номера. Весь левый фланг наш в огне. Тысячи пламенных шаров бороздят небо, бегают батальный огонь... перед нами, словно какой-то, доселе невиданный, необыкновенный фейерверк!

Вот умолк артиллерийский огонь, наш и неприятельский, по всей левой половине нашей оборонительной линии; батальный огонь разразился по всему пространству до 3-го бастиона. Малахов курган стоит, будто опоясанный двумя пламенными лентами, огненная река льется по всему протяжению оборонительной стенки; наш ружейный огонь усиливается ежеминутно, не прерываясь ни на мгновение. Значит наши резервы подходят вовремя... Почти темно еще... не различить предметов... Кто-то одолевает?!... О. Мать Божия! Ты ли в годину трудную покинешь сынов своих! Ты ль презришь слезами целой России! О, молитвенники земли Русской! Вы ли потерпите, чтобы дерзостный враг восторжествовал над нашей верностью, чтоб он попрали пятою наше мужество, нашу твердость!!...

На дальней батарее неприятельской, должно быть на «Виктории», медленно поднялся к облакам целый столб сигнальных ракет, белизны ослепительной. Достигнув известной высоты, он рассыпался снопом. Это сигнал.

Брезжит свет.

Наш огонь ожесточился, распространившись до 4-го бастиона и охватив даже Грибок; видно бросились на штурм и англичане. Взлетел другой, такой же величественный, такой же ослепительно белый огненный снап. За ним поднялся третий снап. Момент самого решительного приступа!.. Несутся, как разъяренные львы, наши пароходы, оставив за собою полосу черного дыма, страшным ревом своих огромных орудий знаменуя свое приближение. «Владимир», «Громоносец», «Херсонес», «Крым», «Бессарабия» и «Одесса» налетели и начали осыпать корабельною картечью тыл и фланг неприятеля, атакующего 1-й и 2-й номера, между тем как северная батарея № 18-й поражает залпами гранат резервы атакующих в окрестностях Килен-балки и тыл их, по всему ее протяжению. Рассвело совершенно. Уже не виден стал полет разрывных снарядов. Поднимается солнце, будто спеша взглянуть на событие, им давно, давно невиданное...

Огромные массы неприятеля рассыпанным строем близятся к нашим батареям... Вот они уже у волчьих ям, что перед 2-м номером, вот лезут во рвы первого бастиона Малахова кургана, вот близятся к 3-му бастиону... Страшен наш батальный огонь; ужасно действие картечи; губительно поражает столпившегося, обезумевшего врага град пуль, посланных из пушки, для которой он заменил картечь. Несется к небу четвертый букет белых ракет, колеблется на всех пунктах ожесточенный враг, и волны его

то там, то сям начинают отбегать, а наш огонь свирепеет со всяким мгновением!

(...)

Беспреданно увеличиваясь в силах, заняв матросские домики и развалины, покрывающие все охваченное ими пространство, французы грозили уже окончательно разрезать нашу оборонительную линию и потом взять в тыл Малахов курган и 3-й бастион... Мгновение было роковое!.. Враг успел уже ввести в дело на этом пункте значительные силы... Решался вопрос: кто устоит в неравном споре?.. Но вот над батареею Жерве, над окрестными домиками разразилась смертельная туча: по этому пространству стали действовать перекрестным огнем полевая артиллерия с фронта, — Корнилова бастион в один фланг, батарея Будищева и Камчатские стрелки в другой. Казалось, обрушился целый ад на окрестность батареи Жерве... Вот и сам Будищев, храбрейший из храбрых, стоит на бруствере своей батареи с подозрною трубою, с той же отвагой, с тою же решительностью управляя своею грозною батареею, как бывало с рупором в руке вводил в бой свое дерзостное судно!

«Прорежь, молодец!» — гаркнул он, и бомба его батареи, ворвавшись в домик, в который ломилась толпа французов, чтоб укрыться от пуль и безопаснее действовать штуцерами, разметала кучу народа, камнями и осколками побив множество в толпе,.. но дым заволокает театр кровавой драмы. Будищев бросился выше, на 3-й бастион, чтобы оттуда дать направление своим мортирам... С банкета он пожирает очами страшную сцену, соображает, отдаст приказание комендору, не покидая опасного места. Но, мгновение... и замер в устах его неоконченный приказ!.. штуцерная пуля на век замкнула его уста...

Порхнул ветерок, поднялась длинная пелена, обвившая землю. Будищева батарея, Малахов курган прекратили огонь по батарее Жерве; наши уже гнали французов!

Французы защищались с мужеством необыкновенным. Но приказано отнять у них батарею, и не было препятствий, которых не овладел бы русский солдат...

Наши солдаты перестреливались с французом недолго: — пока огляделись, и перебегая из-за домика, еще незанятого, к следующему, наконец добежали до домиков, бывших в руках врага...

«Что зевать, ребята!» — грянул удалой штабс-капитан Островский, — «Вперед!»... И бросился к одному из первых домиков... Солдаты не выдали. Как ни с т р о ч и л и французы со всех сторон, как ни валились наши, в числе которых повалился и герой Островский, но солдаты по щепке разнесли занятый французами домик и побили в его гарнизоне всех до единого!..

**МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ
САЛТЫКОВ (ЩЕДРИН)**
(1826-1889)

Михаил Евграфович Салтыков родился 15 января 1826 г. в с. Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии. Детство его прошло в родительском имении. Отец принадлежал к старинному дворянскому роду, а мать была дочерью богатого московского купца Забелина. Мать была очень крутого нрава: властная, расчетливая, каравшая за малейшие провинности не только крепостных крестьян, но и своих домочадцев. Семейные отношения найдут отражение в романе «Господа Головлевы».

Первоначальное образование М. Е. Салтыков получил дома, а затем полтора года учебы в Дворянском институте в Москве (1836-1838) и шесть лет в Царскосельском (с 1844 г. — Александровском) лицее. В лицейские годы Салтыков писал стихи, которые были напечатаны в журналах «Библиотека для чтения» и «Современник».

С 1844 г. Салтыков служит чиновником в канцелярии военного министра, в это же время он пишет статьи в журналы «Отечественные записки», «Современник», посещает кружок М. В. Петрашевского. В ранних повестях «Противоречия» (1847), «Запутанное дело» (1848), Салтыков передает напряженные духовные искания, философские споры в кругу единомышленников.

Последняя повесть послужила поводом для ссылки писателя в Вятку. Она длилась с 1848 по 1855 гг. Летом 1850 г. Салтыков был назначен на должность советника в Вятском губернском правлении. Эта должность предполагала частые разъезды по губернии, Салтыков производил следствия, ревизируя разные учреждения. Он был организатором Вятской выставки сельских произведений.

После смерти Николая I в январе 1856 г. Салтыков возвращается в Петербург. Весной этого же года появляются в печати «Губернские очерки» (уже подписанные псевдонимом Н. Щедрин), в октябре 1857 г. пьеса «Смерть Пазухина». После возвращения из вятской ссылки Салтыков с 1856 по 1858 г. служил в Петербурге в министерстве внутренних дел. В 1858 г. его назначили вице-губернатором в Рязань, а с 1860 по 1862 г. он вице-губернатор в Твери. В Твери он содействовал реформам 1861 г., и там же написаны многие статьи, очерки, рассказы.

В 1862 г. Салтыков оставляет службу и переезжает в Петербург, сближается с Н. А. Некрасовым и входит в редакцию журна-

ла «Современник». Однако вскоре он по разногласиям с М. А. Антоновичем, Г. З. Елисеиным и А. Н. Пыпиным выходит из редакции «Современника» и в ноябре 1864 г. едет в Пензу, председателем Казенной палаты. В 1866 г. он уже в Туле, а затем — в Рязани (там он служит управляющим казенными палатами).

В 1868 г. Салтыков в чине действительного статского советника уходит в отставку. После смерти Некрасова Салтыков-Щедрин в 1877 г. сменил его на посту журнала «Отечественные записки». Большинство своих произведений Салтыков опубликовал именно в этом журнале: «Помпадурсы и помпадурши» (1863 — 1874), «Господа ташкентцы» (1869 — 1872), «Благонамеренные речи» (1872 — 1876), романы «Господа Головлевы» (1875 — 1880), «Современная идиллия» (1877 — 1883).

В 1884 г. «Отечественные записки» были запрещены. Однако Салтыков-Щедрин печатается в «Вестнике Европы», «Русских ведомостях» и других журналах. Во второй половине 80-х годов писатель заканчивает сказочный цикл, пишет «Мелочи жизни», критические статьи.

Умер М. Е. Салтыков-Щедрин в Петербурге 28 апреля 1889 г.

«КОРЕПАШОВ»

(Отрывок из «Губернских очерков»)

В провинции печоринство приняло совершенно своеобразные формы; оно утратило свой демоический характер, свою прозрачность и нежность, которыми в особенности привлекает к себе симпатии дам, и облекалось в свой будничней, плотняной наряд, вполне соответственный нашему северному климату, который, как известно, ничего прозрачного и легкого не терпит. Провинциальных Печориных такое множество разных сортов и видов, что весьма трудно исчерпать этот предмет подробно. Одни из них записываются тем, что ходят в халате по комнате и от нечего делать пошвытывают; другие проникаются желчью и делаются губернскими Мефистофелями; третьи барышничают лошадьми или передергивают в карты; четвертые выпивают огромное количество водки; пятые переваривают на досуге свое прошедшее и с горя протестуют против настоящего... Общее у всех этих господ: во-первых, «червяк», во-вторых, то, что на «жизненном пире» для них не случилось места, и, в-третьих, необыкновенная размашистость натуры. Но главное — червяк. Этот глупый червяк причиною тому, что наши Печорины слоняются из угла в угол, не зная куда приклонить голову; он же познакомил их ближайшим образом с помещиками: Полежасвым, Сопиковым и Храповицким. К сожалению, я должен сказать, что Печорины водятся исключительно между молодыми людьми. Старый, заиндевший чиновник или помещик не может сделаться Печо-

риным; он на жизнь смотрит с практической стороны, а на терния или неудобства ее как на неизбежные и неисправимые. Это блохи и клопы, которые до того часто и много его кусали, что сделались не врагами, а скорее добрыми знакомыми его. Он не вникает в причины вещей, а принимает их так, как они есть, не задаваясь мыслью о том, какими бы они могли быть, если бы... и т. д. Молодой человек, напротив того, начинает уже смутно понимать, что вокруг его есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; он видит себя в странном противоречии со всем окружающим, он хочет протестовать против этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примирения, остается при одном зубо-скальстве или псевдодрагическом негодовании. Коли хотите, тут и действительно есть червяк, но о свойствах и родоприсхождении его до сих пор не преподавали еще ни в одном университете, а потому и я, пишущий эти строки, предоставляю другим, более меня знающим, и в другой, более удобной для того форме, определить причины его зарождения и средства к исцелению.

У княжны Анны Львовны был детский бал, в котором, однако ж, взрослые принимали гораздо большее участие, нежели дети. Последние были тут, очевидно, ради одного спектакля, который мог доставить внящее удовольствие взрослым. Тут находились дети всех возможных сортов и видов, начиная от чумазных и слюнявых и кончая так называемыми «душками», составляющими гордость и утеху родителей. Чумазные веселились довольно шумно, нередко даже дрались между собой: они долгое время сначала сидели около маменькиных юпок, не решаясь вступить на арену веселия, но, однажды решившись, откровенно приняли княжеский зал за скотный двор и предались всей необузданности своих побуждений: напротив того, «душки» вели себя смирно, грациозно расшаркивались сперва одною ножкой, потом другою, и даже весьма удовлетворительно лепетали французские фразы. На этом же бале встретился со мной незнакомый молодой человек (я в то время только что прибыл в Крутогорск), Иван Павлыч Корепанов, который держал себя как-то особняком от взрослых и преимущественно беседовал с молодым поколением. Он был высокого роста, носил очки и длинные волосы, которые у него кудрявились и доходили до плеч. Лицо у него было довольно странное; несмотря на то, что его нельзя было назвать дурным, оно как-то напоминало об обезьяне, и вследствие того скорее отталкивало от себя, нежели привлекало. Впрочем, быть может, это казалось еще и потому, что все мускулы этого лица были до такой степени подвижны, что оно ни на секунду не оставалось в покойном состоянии. Я заметил, что сидевшие по стенам залы маменьки с беспокойством следили за Корепановым, как только он подходил к их детищам, и пользовались первым удобным случаем, чтобы оторвать от сообщества с человеком, которого они, по-видимому, считали опасным.

— Вы не знакомы с мсьё Корепановым? — спросила меня княжна, заметив, что я взглядываю в него, — хотите, я вас друг другу представлю?

Через минуту мы уже были знакомы и беседовали.

— Итак, вы тоже удостоились побывать в Крутогорске, — сказал он мне, — поживите, поживите у нас! Это, знаете, вас немножко расхолодит.

— А вы давно здесь?

— Обо мне говорить нечего: я человек отпетый!.. А вас вот жалко!

— Вы говорите о Крутогорске, точно это и бог знает какое страшилище!

— Страшилище не страшилище — нет у него достаточно данных, чтоб быть даже порядочным страшилищем, — а помойная-таки яма порядочная!.. И какие зловонные испарения от нее поднимаются, если б вы знали!

— Чем же вы здесь занимаетесь?

— А у меня занятие очень странно... это даже, коли хотите, уж и не занятие, а почти официальная должность: я крутогорский Мефистофель...

— Действительно, это странно.

— Вы удивляетесь, но это только теперь, покуда вы не обжились у нас... Поживите и увидите, что здесь всякий человек обязывается носить однажды накинутую на себя ливрею бессменно и неотразимо. У нас все так заранее определено, так рассчитано, такой везде фатализм, что каждый член общества безошибочно знает, что думает в известную минуту его сосед... Вот я, например, наверно знаю, что Анфиса Ивановна — вот эта дама в полосатой шали, которую она в прошлом году устроила из старых панталон своего мужа, — совершенно уверена, что я в настоящую минуту добела перемываю с вами косточки наших ближних...

— Только уж не со мной, потому что я тут ни при чем...

— Ну, положим, хоть и ни при чем, но все-таки она вас уже считает моим соучастником... Посмотрите, какие умоляющие взоры она кидает на вас! так, кажется, и говорит: не верь ему, этому злему человеку, шаль моя воистину новая, взятая в презент... тьфу, бишь! купленная в магазине почетного гражданина Пазухина!

— Я думаю, что эти ближние не должны чувствовать к вам особенного сердечного влечения?

— Не скажу этого; они знают, что ругать их мое назначение, моя служба, так сказать... Конечно, иногда не обходится без того, чтоб посердиться, но мы ведь свои люди и действуем по пословице: «Милые дерутся»

— только тешатся». Я уверен, что если б я оставил свое ремесло, они перестали бы уважать меня; мало того, они бы соскучились! Иногда мне случается быть несколько времени в отсутствии по делам службы — не этой, а действительной службы, — так, поверите ли, многие даже плачут: скоро ли-то наш Иван Павлыч воротится? — спрашивают.

— Однако ж, это незаметно, потому что вас, по-видимому, здесь обегают.

— Это только по-видимому, а в сущности, верьте мне, все сердца ко мне несутся... Они только опасаются моих разговоров с детьми, потому что дети — это такая неистощимая сокровищница для наблюдений за родителями, что человеку опытному и благонамеренному стоит только слегка запустить руку, чтоб вынуть оттуда целые пригоршни чистейшего золота!.. Иван Семеныч! Иван Семеныч! пожалуйста-ка сюда!

К нам подбежал мальчик лет пяти, весь завитой, в бархатной зеленой курточке и таковых же панталонах.

— Рекомендую вам! Иван Семеныч Фурначев, сын статского советника Семена Семеныча Фурначева, который, двадцать лет живя с супругой, не имел детей, покуда наконец, шесть лет тому назад, не догадался съездить на нижегородскую ярмарку. По этому-то самому Иван Семеныч и слывет здесь больше под именем антихриста... А что, Иван Семеныч, подсмотрел ты сегодня после обеда, как папка деньги считает?

— Нельзя, — отвечал мальчик.

— Отчего же нельзя? я тебя учил ведь: спрятаться под кресло, которое в углу, и оттуда подсмотреть... Как вы осмелились меня послушаться, милостливый государь?

— Нельзя; папка видел.

— Стало быть, ты спрятался?

— Спрятался.

— Стало быть, ты все-таки что-нибудь видел?

— Сначала папка выпнул много бумаг и все считал, потом выпнул много денег — и все считал!

— А потом, верно, и тебя увидел, да за уши из-под кресла и выгачил? Ну, теперь отвечай: какая на тебе рубашка?

— Батистовая.

— Хорошо. А какую рубашку носил твой папка в то время, когда к отеческому дому гусей пригонял?

— Посконную.

— А откуда взял папка деньги, чтоб тебе батистовую рубашку сшить?

— Украл.

— Жан, пойдем со мной, — сказала госпожа Фурначева, подходя к нам, — он, верно, надосдаст вам своими глупостями, господа?..

— Помилуйте, Настасья Ивановна, может ли такое прелестное дитя надоссть?.. Он так похож на Семена Семеныча!

— Скажите, однако ж, неужели у вас не найдется других занятий? — спросил я, когда от нас отошла госпожа Фурначева.

— А чем мои занятия худы? — спросил он в свою очередь, — напротив того, я полагаю, что они в высшей степени нравственны, потому что мои откровенные беседы с молодым поколением поселяют в нем отвращение к тем мерзостям, в которых закоренели их милые родители... Да позвольте полюбопытствовать, о каких это «других» занятиях вы говорите?

— Да вы где же нибудь и чему-нибудь да учились?

— Учился, это правда, то есть был в выучке. Но вот уже пять лет, как вышел из учения и поселился здесь. Поселился здесь я по многим причинам: во-первых, потому что желаю кушать, а в Петербурге или в Москве этого добра не найдешь сразу; во-вторых, у меня здесь родные, и следовательно, ими уж насижено место и для меня. В Петербурге и в Москве хорошо, но для тех, у кого есть бабушки и дедушки, да сверх того родовое или благоприобретенное. Но у меня ничего этого нет, и я еще очень живо помню, как в годы учения приходилось мне бегать по гостиному двору, и из двух подовых пирогов, которые продаются на лотках официантами в белых галстуках, составлять весь обед свой... Конечно, как воспоминание, это еще может иметь свою прелесть, но смею вас уверить, что в настоящее время я не имю ни малейшего желанья, даже в течение одной минуты, быть впроголодь... И ведь какие это были подовые пироги, если б вы знали! чество вас заверяю, что они отзывались больше сапогами, нежели пирогами!

— Но разве и в провинции нельзя найти для себя более дельного занятия?

— На этот вопрос я отвечу вам немедленно, а покуда позвольте мне познакомить вас с одним милым молодым человеком... Николай Федорыч! пожалуйста-ка, милостливый государь, сюда!..

Николай Федорыч, мальчик лет семи и, в сущности, довольно похож на Ивана Семеныча, только одет попроще: без бархатов и батиста.

— Позвольте мне вас спросить, Николай Федорыч, какое самое золотое правило на свете?

— Не посещай воров, ибо сам в скором времени можешь сделаться таковым, — пролепетал скороговоркою мальчик.

— Отлично-с; вот вам за это конфетка. Этим мудрым изречением, почерпнутым из прописей, встретил меня Николай Федорыч однажды, когда я посетил его папашу, многоуважаемого и добрейшего Федора Николаича, — сказал Корепанов, обращаясь ко мне.

— Теперь я буду продолжать с вами прерванный разговор, — продолжал он, когда мальчик ушел, — вы начали, кажется, с вопроса, учился ли я чему-нибудь, и я отвечал вам, что, точно, был в выучке. Какая была тому причина — этого я вам растолковать не могу, но только ученье не впрок мне пошло. Я, милостливый государь, человек не простой; я хочу, чтоб не я пришел к знанию, а оно меня нашло; я не люблю корпеть над книжкой и клевать по крупице, но не прочь был бы, если б нашелся человек, который бы знание влил мне в голову ковшом, и сделался бы я после того мудр, как Минерва... Все, что я в молодости моей от умных людей с кафедры слышал, все это только раззадорило меня или, лучше сказать, чувственно растревожило мои нервы... Потом, как я вам уже докладывал, оставил я храм наук и поселился, по необходимости, в Крутогорске... И вы не можете себе представить, в каком я был сначала здесь упоении! Молодой человек, кончивший курс наук, присхавший из Петербурга, бывавший, следовательно, и в аристократических салонах (ведь чем черт не шутит!), наглядевшись на итальянскую оперу — этого слишком достаточно, чтобы произвести общий фурор. И бабье это действительно до такой степени на меня накинулось, что даже вспомнить тошно! И вот-с, сел я в эту милую колясочку и катаюсь в ней о сию пору... Что прежде знал, все позабыл, а снова приниматься за черепословие — головка болит.

Сказав это, он взглянул на меня как-то особенно выразительно, так что я ясно мог прочитать на лице его вопрос: «А что! верно, ты не ожидал встретить в глуши такого умного человека?»

— Знаете, — продолжал он, помолчав с минуту, — странная вещь! никто меня здесь не задевает, все меня ласкают, а между тем в сердце моем кипит какой-то страшный, неистощимый источник злобы против всех их! И совсем не потому, чтобы я считал их отвратительными и безнравственными — в таком случае я презирал бы их, и мне было бы легко и спокойно... Нет, я злобствую потому, что вижу на их лицах улыбку и веселие, потому что знаю, что в сердцах их царствует то довольство, то безмятежие, которых я, при всех своих благонамеренных и высоконравственных воззрениях, добиться никак не могу... Мне кажется, что самое это довольство есть доказательство, что жизнь их все-таки не прошла даром и что, напротив того, беснование и вечная мнительность, вроде моих, — признак натуры самой мелкой, самой ничтожной... вы видите, я не шажу себя! И я ненавижу их, ненавижу всеми силами души, потому желал бы отнять в

свою пользу то умнее пользоваться дарами жизни, которыми они вполне обладают...

— А мне кажется, вы все это напустили на себя, — отвечал я, — а в сущности, если захотите, можете сделать и вы много полезного в той маленькой сфере, которая назначена для нашей деятельности.

— Если вы поживете в провинции, то поймете и убедитесь в совершенстве, что самая большая польза, которую можно здесь сделать, заключается в том, чтобы делать ее как можно меньше. С первого раза вам это покажется парадоксом, но это действительно так.

— Докажите же мне это, потому что я не могу и не имею права верить вам на слово.

— Доказательства представит вам за меня самая жизнь, а я, признаюсь вам, даже не в состоянии правильно построить вам какой-нибудь силлогизм... Для этого необходимо рассуждать, а я давно уж этим не занимался, так что и привычку даже потерял.

— Ну, теперь, благодаря мсье Корепанову, вы, верно, уж достаточно знакомы со всем крутогорским обществом? — перебила княжна Анна Львовна, садясь возле меня.

— Нет еще, княжна, — отвечал Корепанов, — Николай Иваныч покамест более познакомился со мной, нежели с здешним обществом... Впрочем, здешнее общество осязательно изобразить нельзя: в него нужно самому втравиться, нужно самому пожить его жизнью, чтоб узнать его. Здешнее общество имеет свой запах, а свойства запаха, как вам известно, нельзя объяснить человеку, который никогда его не обонял.

— Вы злой человек, мсье Корепанов!

— Это мой долг, княжна. И притом вы не совсем благодарны; если б меня не было, кто бы мог доставить вам столько удовольствия, сколько доставляю, например, я своим злоречием? Согласитесь сами, это услуга немаловажная! Конечно, я до сих пор еще не принес никакой непосредственной пользы: я не вырыл колодца, я не обжигал кирпичей, не испек ни одного хлеба, но взамен того я смягчал нравы, я изгонял меланхолию из сердец и посеял в них расположение к добрым подвигам... вот прямые заслуги моей юмористической деятельности!

— А что он обо мне сказал, мсье Щедрин?

— До вас еще не дошла очередь, княжна... До сих пор мы с Николаем Иванычем об том только говорили, что мир полон скуки и что порядочному человеку ничего другого не остается... но угадайте, на чем мы решились?

— Умереть?

— Гораздо проще: отправиться домой и лечь спать...

И он действительно встал, зевнул, посмотрел лениво по сторонам и побрел из залы.

— Страшный человек! и, однако ж, с большими способностями!.. une bonne tête!*, — задумчиво сказала княжна, провожая его взглядом.

МИХАИЛ ИОНОВИЧ ОСОКИН (ок. 1828 — 1876)

Точную дату рождения М. И. Осокина установить пока не удалось, по-видимому, он родился в 1828 г. После окончания Вятской духовной семинарии служил священником в Нолинске, после в селе Вятские Поляны Малмыжского уезда, а последнее десятилетие — священником в селе Рождественском Нолинского уезда. Сведений о его деятельности мало, но из всего, что нам известно, вырисовывается образ даровитого, любознательного и весьма трудолюбивого человека. В некрологе, помещенном в «Вятских епархиальных ведомостях» № 23 за 1876 г., говорится, что «Непрестанно деятельный ум его, после общественных дел, любил отдыхать в науке и литературе; в последней он и сам принимал участие и делал ценные вклады своими этнографическими очерками».

Так, в 1856 г. в журнале «Современник» за октябрь, ноябрь и декабрь появилась статья Осокина «Народный быт северо-восточной России», в которой сообщались интересные и довольно подробные сведения о быте, нравах, обычаях и обрядах населения Малмыжского уезда Вятской губернии. В следующем, 1857 г. этот же журнал поместил статью Осокина «Сельская свадьба в Малмыжском уезде», в которой с особой наблюдательностью сообщаются особенности свадебного обряда и фольклора, записанные явно вятским старожилом, знатоком крестьянской жизни.

Высокую оценку статьи получили в народно-демократической среде. Статьи М. И. Осокина были перепечатаны в 1857 г. в «Вятских губернских ведомостях», однако без указания автора.

М. И. Осокин в свое время был гласным губернского и уездного (Нолинского) земства, активно сотрудничал в статистиче-

* Хорошая голова! (франц.) (Примеч. авт.)

ском комитете. Он ратовал за распространение грамотности и книг, и это находило воплощение в его общественной деятельности. Он один из основателей женской гимназии в Нолинске, в свое село он всегда возвращался с пачками книг, заботился и о медицинском обслуживании крестьян.

В 1859 г. в еженедельнике «Сын отечества» появился небольшой рассказ «Ключница», который, вероятно, принадлежит перу М.И. Осокина. В 1864 г. за подписью Н. Осокин в журнале «Русское слово» публикуется роман «Ливанов» («Записки семинариста»).

М. И. Осокин много лет болел чахоткой и умер 16 октября 1876 г. в Нолинске, куда приехал на очередное заседание земского собрания. В некрологе говорилось, что Осокин «глубоко проникнут был идеей справедливости, законности и любил ее в себе и в других».

ЛИВАНОВ
(Записки семинариста)

(Отрывок)

II

У моих родителей детей было довольно, но все они умирали, едва увидев божий свет. Остался в живых один я. (Так начинались «Записки семинариста»). Матушка моя, вспоминая о первой поре моего детства, обыкновенно только и говорит, что я был страшный соня. По ее словам, я с вечера ложился спать рано, и по утру вставал поздно, а по дням, где приткнулся, там и сплю. Я ничего не могу припомнить, что делалось со мной и вокруг меня до дня пятых моих именин. В этот день матушка, одетая уже по праздничному (день был воскресный), разбудила меня в самый благовест к обедне, вымыла мне лицо и руки, надела на меня чистое белье, новые сапожки, новый подрясничек из желтой нанки и припоматила мои короткие волосы коровьим маслом. Когда зазвонили во вся, матушка перекрестилась, взяла меня за руку и повела в церковь, где голосистый батюшка, стоя на амбоне, возглашал уже великую эктимию.

(.....)

Я как теперь вижу перед собой угловатую комнату в нашем сельском доме; сижу я за столом, кот Васька трется около меня, а мне уже не до Васьки: батюшка, приказав мне перекреститься и поцеловать букварь, раскинул его передо мною на первой странице и дал в руки указку, тщательно выструганную из лучины. Матушка с шитьем в руке подседала тут же к столу. Мне минуло тогда пять лет.

С каким смущением приступил я к изучению букваря славянско-го. Смущение это печально еще увеличилось от неоднократного ворчания батюшки за неправильное употребление мною указки: не привыкши владеть этим мудреным инструментом, я указывал им совсем не на те буквы, которые повторял за батюшкой. А тут еще кот Васька, тершийся около меня, изволил оскорбиться невниманием к его нежностям и царапнул меня легонько за коленку. Я забыл и живете и зело, оборотился к коту и ткнул его указкой в голову; указка разлетелась надвое. Батюшка дал мне за это щелчок, назвал скотом и пошел делать новую указку.

Затем первый урок прошел без особых приключений к общему удовольствию и наставника, и ученика, и матушки, заседавшей в качестве любительницы просвещения при моем первом дебюте.

— Ну вот, Гришенька, — сказал мне отец, закрывая букварь, — как выучишь эту книжечку, я тебе повенские сапожки куплю, пряников дам, да и станем учить часослов, книга хорошая и читать по ней больно хорошо.

— А потом что? — спросил я.

— Потом станем учить псалтырь, та книга еще лучше.

— А дальше?

— Дальше станем учиться писать.

— А там?

— Там уж в училище, затем в семинарию, где тебя научат всему, а тут и в попы.

— А в училище, тятя, стегают?

— Чуточку постегивают. Нельзя без этого, когда учишься. Не вдавливши горького, не увидишь и сладкого. Зато попом будешь.

И в радости, что буду попом, я вскочил с места, побежал было к Ваське; но матушка взяла меня за руку, поцеловала, привела к сундуку, где хранились закуски, и дала мне горсть орехов.

Хорошее начало, говорят, половина дела: после первого урока дело обучения грамоте пошло, как по маслу: что день, то новый урок, с придачею з а д о в, т. е. урока, пройденного накануне. Эти зады день висели надо мной мечом Домокла, потому что батюшка всегда взыскивал за них строго; неисправная сдача задов обыкновенно стоила мне или щелчка, или подзатыльника, или даже истязания той части тела, которая противопоставляется голове. Подобного рода удовольствиями мне не совсем редко приводилось наслаждаться в продолжении моего домашнего учения.

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ МУСЕРСКИЙ

(1829 — ок. 1880)

Вятский чиновник и поэт. Его чиновничья карьера протекала в 50—70-е года XIX века. О нем известно, что долгое время он служил вместе с Салтыковым-Щедриным. Через четыре года после отъезда Салтыкова М. С. Мусерский писал в «Вятских губернских ведомостях»:

Чувствуешь — давит тебя
Будто кошмар беспокойный:
Вязнешь как будто бы ты
В тине гнилой и застойной.
Видно, уж климат такой
В нашем краю, как когда-то
Где-то его описал
Острый сатирик Плутато.

В этой вятской газете Мусерский опубликовал 26 стихотворений, разных по тематике, направленности. Это был такой тип провинциальных интеллигентов, которые выделялись своей образованностью, но имели небольшой талант. Стихи Мусерского для современников были явлением преходящим, не задерживающим надолго внимание.

Драматична судьба Михаила Степановича. После окончания Вятского училища детей канцелярских служащих он всю жизнь был чиновником. В 1869 году — правителем канцелярии Вятского губернатора, был членом губернского статистического комитета, секретарем губернского присутствия по крестьянским делам. В 1870 г. он — мировой судья в Слободском уезде, в 1875 г. — секретарь Слободской земской управы. С его именем связан громкий скандал. Мусерский и его отец были обвинены в злоупотреблениях, растрате государственных и общественных денег. Казанская судебная палата приговорила Мусерского к ссылке в Тобольск и лишения всех прав. Однако Мусерский подал ходатайство о замене ссылки на тюремное заключение. Этот случай был описан в павленковской «Вятской незабудке» (вып. 1).

Перу М. С. Мусерского принадлежат не только стихи, которые чаще всего он печатал под псевдонимом «Вятчанин», но и статьи и воспоминания. Он вспоминает о воспитании в Вятском училище детей канцелярских служащих, о тех сокурсниках, с которыми он учился, об учителях. Отдельное воспоминание Мусерского посвящено С. А. Веснину (Святогорцу), который был в начале 40-х годов в училище преподавателем Закона Божьего.

М. С. Мусерский умер в неизвестности, пока не установлена точная дата его смерти и место, где он похоронен.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Старая песня — старое горе!
Всякий по-своему песню поет.
Сердце сжимается горем-тоскою, —
Плачет душа, а пост.
Можно ли высказать слезы и слезы,
Можно ли, люди, вам сердце открыть?
Словом не скажешь, слово бессильно, —
Да и к чему говорить?
Разве найдется сердце другое?
(Сердце лишь сердцу весть подает)
Кто же захочет, кто же с любовью
К бедному сердцу прильнет?..
Нет, уж не встретить радостей жизни:
Трудно для сердца любовь воскресить!
Нет, не вернется чувство былое,
Нет, ты не можешь любить!
Так говорит мне, в память бывшего —
Дней благодатных — голос души.
Горько мне, горько, плачу я, плачу...
Сердце зачем же стучит?
Бьется надеждой, радостей ищет,
Жизнь еще, кажется, так хороша;
Много счастья она обещает,
О, пробудись же, душа!..

ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА КОНДРАШОВА (1836 — 1887)

Елизавета Николаевна Кондрашова, девичья фамилия Мейер, родилась в Вятке 7 февраля 1836 г. Ее отец, губернский прокурор Николай Мартынович Мейер, некоторое время возглавлял статистический комитет, был хорошо знаком с А. И. Герценом. Семи лет Елизавету Николаевну отдали в Павловский институт, там она училась с 1843 по 1848 гг.

Получив разностороннее образование, Елизавета Николаевна продолжает совершенствовать свои знания французского, английского и итальянского языков. С 1863 г. почти двадцать лет она

ездила за границу, где не только отдыхала, но стремилась познать культуру Запада.

Ее первая повесть «Отчего?» была опубликована в журнале «Русский вестник» за июль и август 1885 г. Елизавета Николаевна скрылась за псевдонимом «В», а второе отдельное издание повести было подписано: «кн. М. Н. Волконский». Основная тема повести — воспитание детей. Дальнейшее творчество Кондрашовой, можно сказать, всецело посвящено этим проблемам. Так, в повести «Дети Солнцевых (из дневника институтки 20-х годов)» (Русский вестник. 1887) писательница показывает судьбу двух девочек, Кати и Вари Солнцевых, оставшихся почти сиротами. Кондрашова талантливо рисует наводнение в Петербурге 1824 г., когда погибает отец девочек, Дмитрий Федорович Солнцев. Учеба и воспитание Кати и Вари в Павловском институте — это живые воспоминания самой писательницы, многие образы имеют конкретных прототипов. Повесть вторично была издана в 1903 г.

Е. Н. Кондрашова печаталась в различных журналах 80-х годов, но чаще в «Русском вестнике» и «Задуманном слове». Ею были опубликованы повесть «Могановская крепость» (рассказ кн. М. Н. Волконского) (Русский вестник, 1888) и историческая повесть «Жертва богам (Ингвар и Малуша)», историческая повесть из времен язычества на Руси кн. М. Н. Волконского».

Уже после смерти Е. Н. Кондрашовой, а умерла она в Петербурге в октябре 1887 г., ее дочь опубликовала продолжение повести «Дети Солнцевых» как приложение ко 2-й части.

Более подробных сведений о биографии и других изданиях Е. Н. Кондрашовой, к сожалению, пока не выявлено.

ДЕТИ СОЛНЦЕВЫХ

(Из дневника институтки двадцатых годов)

(Отрывок)

I

— Вот расходилась-то! — сказал громко человек средних лет, небольшого роста, очень миниатюрно сложенный, поднимая голову от работы, которую он был усердно занят в течение нескольких часов сряду. — У, погодка!

Он встал, потирая руки и, вздрагивая от холода, подошел к окну.

— Что за темнь, зги не видать! И как страшно дует от окон! — сказал он, обращаясь в противоположный угол комнаты.

— Да, а Федя до сих пор еще не вернулся. Не понимаю, что могло его задержать, — послышался в ответ мягкий голос, в котором слышалось беспокойство.

У-у-у! — завывал с переливами, порывисто ворвавшийся в трубу ветер.

Разговор этот происходил в комнате одной из квартир нижнего этажа большого казенного дома, стоявшего на набережной Невы, а квартиру эту занимал Дмитрий Федорович Солнцев, надворный советник, служивший секретарем в одном из ученых учреждений столицы. Дмитрий Федорович был добрейший человек, прекрасный семьянин и христианин. Он был любим и уважаем всеми, кто его знал. К нему обращались и за помощью, и за советом; его брали посредником в семейных ссорах; с ним советовались, как отделать квартиру, куда отдать детей на воспитание, куда подать просьбу о пенсии. Дмитрия Федоровича, этого маленького, доброго, ласкового человечка, любили и знакомые, и сослуживцы, и низшие служители.

Дмитрий Федорович был единственный сын когда-то богатого помещика*** губернии. Его мать, происходившая из древнего дворянского рода, умерла в то время, когда ему было всего четыре года от рождения. Лет через восемь после ее смерти, отец его женился вторично, на одной из своих крепостных, а мальчика, вскоре затем, взял один из дядей по матери к себе и воспитал его сначала вместе со своими детьми, потом отдал в дворянскую гимназию при университете в Москве. Семнадцати лет молодой человек лишился отца, успешшего вконец разорить имение, и еще при жизни, разными обходами, передать жалкие остатки полученного от дедов наследия детям второй жены.

Дмитрий Федорович поступил в Московский университет, окончил курс и тотчас по протекции дяди получил место с небольшим окладом в Петербурге. Жить было трудно, он стал давать уроки, устроился понемногу и двадцати шести лет женился на двадцатилетней умной, красивой, образованной девушке, дочери гувернантки двоюродных сестер, Анне Францевне Трейфельд, которую знал с десятилетнего возраста и которой «поглялся в верности», поступая в университет. Женидьба эта, как поступок недостойный дворянина, была причиной разрыва всех родственных отношений между семейством дяди и племянником.

Молодая чета Солнцевых жила очень скромно и очень счастливо. Оба трудились с утра до вечера и не тяготились трудом. Дмитрий Федорович, проводивший с десяти часов до четырех, а иногда и до пяти на службе и засиживавшийся до глубокой ночи над срочною частною работою, всегда находил в спокойной, веселой, энергичной Анне Францевне и нравственную поддержку, и помощницу в труде. Детей у них было четверо, два сына и две дочери. Квартиру Солнцевы занимали небольшую по числу комнат, но все три комнаты были светлые, большие, окнами на солнечную сторону и на Неву. Анна Францевна толково занималась незазейливым городским хозяйством, то есть сама ходила на рынок, закупала

провизию раза два в неделю, с помощью единственной крепостной, пожилой женщины, готовила кушать, учила девочек, переписывала работу мужа, делала для него переводы и выборки из сочинений, и так оба трудились счастливые и спокойные девятнадцатый год вместе.

Дмитрий Федорович приблизил лицо к стеклу и пристально вглядывался в темноту. Ветер выл и злился, потрясая оконные рамы. Тусклые желто-красные огоньки, в редко расставленных по обеим сторонам набережной фонарях, металась во все стороны не освещая тьмы, но только намечая дорогу; Нева вздымалась крупными волнами и с шумом билась о крепкие гранитные стены.(...)

Погода бушевала всю ночь. Вода в Неве бурлила, клокотала и поднималась высокими, пенистыми волнами. Фонтанка, Мойка и каналы вздувались с каждым часом все более и более, силясь перескочить сдерживающую их гранитную преграду. Тяжелые свинцовые тучи, гонимые ветром, непрерывно неслись друг за другом низко над городом. Улицы опустели, изредка лишь кое-где слышался неясный, заглушенный воем и свистом ветра, шум колес спешившего куда-то экипажа, да разносился ветром протяжный окрик часового.

Наступило утро, темное, мрачное, холодное. Церковные колокола стали сзывать народ на молитву. На их глухой призыв мало кто откликнулся.

В том доме, где жил Дмитрий Федорович, как и в каждом доме всей местности, подверженной опасности, поднялась суматоха. Подвальные жильцы, в испуге, захватив ребят, больных, да кое-какие попавшие первыми на глаза пожитки, металась от двери к двери верхних жильцов и молили о помощи и приюте.

Анна Францевна, давно занятая уборкой и укладкой вещей, взглянула в окно — мостовой уже не было видно. Она торопливо одела детей, отправила маленького сына с няней и младшей дочерью наверх к знакомым, а сама с Федей и старшей дочерью стала связывать в узлы одежду, книги, бумаги и более ценные вещи и выносить их на лестницу.

— Скорее! скорее! что вы делаете?! — вдруг закричал Дмитрий Федорович, вбегая в комнату, где Анна Францевна и дети, занятые укладкой, не замечали подступившей опасности.

— Сейчас, только это еще, — ответила Анна Францевна, впопыхах хватая какую-то мебель. Она и дети громоздили мягкую мебель на двухспальную кровать и диван.

— Брось все!.. Ведь не уйти! — крикнул Дмитрий Федорович с ужасом, и, схватив на руки дочь, стал пробираться с ней к выходу. — За мной, за мной! — кричал он жене и сыну. Вода из подвального этажа уже поднялась к нижнему и с необычайной быстротой разливалась по всей квартире. Половицы с треском поднимались. Федя и Анна Францевна, де-

ржась за руки, с трудом, на четверть в воде следовали за Дмитрием Федоровичем. Когда они выбрались на лестницу, Дмитрий Федорович перекрестился, отер лоб, и осведомившись, к кому отправлены дети и где Анна Францевна надеется приютиться, сказал:

— Ну, Христос с вами, до свидания, теперь я послу.

— Куда? — с изумлением спросила Анна Францевна.

— Опять туда, на ту сторону, — показал Дмитрий Федорович противоположный берег Невы. — Авось Бог поможет спасти кого-нибудь еще. Ты не можешь себе представить, что там делается, в этих низеньких, деревянных домиках. Некоторые женщины и даже мужчины растерялись до того, что мечутся, плачут, и вместо того, чтобы бежать, они, по колена в воде, насилию удерживаясь на погах, собирают свое тряпье и всякий негодный хлам. Многих мне приходилось вытаскивать из подвалов просто силой. В одной квартире я нашел двух оставленных девочек лет трех-четырёх, они кричали что было сил. По всей вероятности, мать как увидела, что вода выступает, перепугалась и, не понимая, что делать, посадила ребят на комод и строго наказала им, чтоб они не двигались, сама убежала искать помощи и уже, конечно, не могла попасть назад.

— Я ведь в лодке, — добавил он, — и мне пора, время уходит. До свиданья. Вернусь как только можно будет. До свиданья.(...)

Анна Францевна и не пыталась более отговаривать мужа. Она хорошо и с давних пор знала, что добрый, кроткий, маленький Дмитрий Федорович никогда не отступал от раз обдуманного и принятого решения. Она стояла, облокотясь на перила, и хотя сказала себе: будь что будет, но в душе своей не теряла надежды, что все устроится как-нибудь и Дмитрий Федорович не поедет. Катя, положив голову на плечо матери, тихонько плакала.

— Катя, прощай! — крикнул Дмитрий Федорович.

Девочка приподняла голову, взглянула на отца, кивнула ему головой и хотела что-то сказать, но всхлипнула.

Дмитрий Федорович, увидев ее заплаканное лицо, крикнул весело:

— Прощай, девочка, Христос с тобой; береги маму; смотри, чтобы сестра не беспокоила ее.

И ласково кивая головой жене и детям, он, упираясь об лестницу веслом, выехал на улицу.

Анна Францевна и дети постояли несколько минут, молча поднялись в третий этаж, в квартиру одного из сослуживцев Дмитрия Федоровича, Андрея Петровича Талызина и его жены Александры Романовны. Талызины, жившие вдвоем, приняли их радушно, высказывали большое

участие и предложили остаться с ними до тех пор, пока все опять придет в должный порядок.(...)

Нашлись добрые люди из друзей и товарищей Дмитрия Федоровича, которые, узнав о том, что он уехал в лодке и не вернулся, не щадили себя. Они ездили во все части города, везде подавали заявления, осматривали выставленные группы утонувших, и на второй день тело Дмитрия Федоровича было наконец найдено в одном из деревянных домиков на Петербургской стороне. Им удалось также узнать и историю его гибели.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БЛИНОВ (1839 — 1917)

Н. Н. Блинов — видный педагог, неутомимый деятель народного образования, писатель, этнограф, краевед, родился 7 октября 1839 г. в селе Зашижемье Орловского уезда. Отец его был причетником в слободе Кукарке, а позже — псаломщиком в кафедральном соборе в Вятке. С детства Н. Н. Блинов познал жизнь простого народа, наблюдал ее, когда гостил у родственников в Василькове, Мокине, Арбаже, а также и в Вятке, потому что жили они в соборных домах на берегу реки, в окружении мещан и ремесленников. В 1861 г. Н. Н. Блинов окончил курс Вятской духовной семинарии и после этого 3 года был священником в селе Карсавай Глазовского уезда. За это время Блинов изучил язык удмуртов и составил первую удмуртскую азбуку «Лыдзон», она издана в 1867 г.

С 1864 г. Н. Н. Блинов служит учителем в селе Бахта, затем в Нолинске, где преподает географию и арифметику. Учительская деятельность Блинова дала богатый материал для раздумий и творческих поисков. Так рождаются несколько книг, статей по проблемам народного образования. Особое место в его творческой биографии занимает книга для чтения в народных училищах «Ученье-свет» (Москва, 1873, 2-е издание — Вятка, 1884). В дополнении к этой учебной книге Блинов издал сборник стихов, пословиц и загадок «Пчелка» (М., 1873) и методическое пособие «Замечания для учителей о классных занятиях по книге «Ученье-свет» (М., 1873). 1873 г. был знаменателен для Николая Николаевича еще и тем, что он принял на себя авторство составленной Ф. Ф. Павленковым «Наглядной азбуки». В том же году в Вене она получила почетный отзыв, однако российские власти признали ее «совершенно вредной».

Скорее всего по этой причине Блинова переводят из Ноллинска в с. Лекма Слободского уезда и отстраняют от преподавания. Он был вынужден заниматься вопросами земской статистики.

Связи Н. Н. Блинова с передовыми людьми не остались незамеченными, и в январе 1875 г. у него был произведен обыск, а в середине года он вынужден уехать в Петербург, где четыре года, сотрудничая в прогрессивных изданиях, перебивался случайными литературными заработками. Здесь он написал «Жизнь Робинзона» (издано в 1879). Слушал лекции на юридическом факультете Петербургского университета. В эти же годы Блинов сотрудничает с Ф.Ф. Павленковым в «Вятской незабудке».

В 1879 г. ему было разрешено вернуться на родину. После возвращения Н. Н. Блинов 15 лет был священником в Сарапуле. Этот сарапульский период жизни Блинова ознаменован творческой литературной деятельностью: здесь он написал ряд рассказов, «бесед Акима Простоты» и драматический эскиз (пьесе) «Свет и во тьме светит». Она была впервые опубликована в «Северном вестнике» № 8 за 1887 г. и отдельным изданием — в 1888 г. — сарапульской типографией Колчина. Пьеса посвящена Л. Н. Толстому, это своеобразный отклик на широко популярную в то время его пьесу «Власть тьмы».

Живя в Сарапуле и позже в Бемьшевском заводе Елабужского уезда, Блинов много занимается историей и этнографией удмуртов, их обрядами и мифологией. В 1898 г. им издана книга «Языческий культ вотяков», в которой он по-своему откликнулся на известное мулганское дело.

С 1898 по 1908 гг. Н. Н. Блинов живет в Орлове Вятской губернии, но опять возвращается в Сарапул. За последнее десятилетие своей жизни Блинов создал много краеведческих работ, им написана книга «Кавалерист-девица Дурова-Чернова-Александров».

Умер Николай Николаевич в Сарапуле 31 декабря 1917 г.

СВЕТ И ВО ТЬМЕ СВЕТИТ

Посвящается графу Льву Николаевичу Толстому
Драматический эскиз в пяти сценах

(Отрывок)

Действующие лица.

Роман. Широкий в кости, лицо бледное, волосы светло-русые, изжелта, 45 лет.

Домна. Жена его, белокурая, немного выше среднего роста, средней полноты, 26 лет.

Вася — 7, Маша — 4 лет, Федя — полугодка. Дети Романа: двое от первой жены, последний — от Домны.

Фекла. Старуха, лицо сморщенное, невысокого роста, немного согбенная.

Ниловна. Высокая, тощая, сусливая.

Карпыч. Высокого роста, лицо смуглое, обросшее темными волосами, худощавый.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В деревне. Крестьянская изба среднего достатка, стены оструганы. Справа, в углу, печь, перед нею у стены прилавок с дверцей, повыше — полка с посудой. Рядом с печью — полати. Слева — окно, лавка, стол. Под полатами — широкий кутник (в виде нар). Возле печи колыбель; тут же, поблизости, сложены в кучу сырые моты ниток. На полатях рваная одежда.

Явление I.

Роман (лежит на кутнике — на кошме, в головах поверх одежды подушка). Домна (поставив горшок на прилавок, прикрывает печь заслонкой). Маша (на полатях).

Роман. Домна, а, Домна. Тяжко мне стает. Чую, силы во мне уже нет; не поправиться видно.

Домна. Вишь вздумалось: сам себя пугаешь, да и меня заботишь.

Роман. Чего пугаться. Не работник я. Все одно тебе, что при мне, что без меня.

Домна. Скажет! Куда я без тебя? Да оставь такой разговор. В который раз все о том, да о том. Бог потужает, да помилует.

Роман. Батенько причащал меня, что тебе сказал?

Домна. Молись, говорит, никто как Бог.

Роман. Вот видишь.

Домна. А я молилась. Заступнице молебн служила, и батюшка царские двери отворил. Не хотел было, да я упросила.

Роман. Ладно бы. Все управил бы. Да нет, какое здоровье, — как пласт лежу: перевернуться с боку на бок сил не стало. Вот сейчас будто отлегло, а там опять хуже будет.

Домна. Феклинья обещает выправить: полегчает-де.

Роман. Знает она! Сколь ни лечит, а все хуже да хуже. (Молчание). И впрямь: худос тебе житье будет без меня. Брат в имущество будет вступаться. Но ты не уступай: детям сбереги — работника найми... Не смотришь только.

Домна. Оставь, Роман, что пустое говорить.

Роман. Нет, Домна. Грешен я перед Богом: завесил твой век. Ведь я знаю, что на тебя Кирило пиялил глаза; да и тебе, сказывали, хотелось за него выйти... Может быть, вы оба жили бы в чести да радости; а то и он ныне путается: подходящей жены найти не может, и тебя я связал: на ребят посадил, да и сам занемог. (Домна плачет). Не кляни меня, Домна, плачешь вот.

Домна. Не о том я, Степаныч. Кажись, я соблюдала себя; о тебе, да о семье все думы были. Сколько сил во мне — убивалась.

Роман. То и горько мне. А знаю ведь, и теперь — помани ты Кирьку, он к тебе прильнет как раз.

Домна. (Плачет). Степаныч!

Роман. Ну, да что уж. И со мной тебе тяжко, а помру — тяжелей будет. Немного радости было при мне, не на радость будет тебе и смерть моя. (При последних словах входит Ниловна и любопытно осматривается. Домна быстро утирает слезы).

Явление II.

Роман, Домна и Ниловна.

Ниловна. (Покрестившись перед образами, кланяется). Здоровья принесла тебе, Роман. Что все лежишь, да лежишь!

Роман. Так видно пришлось. (Хочет приподняться). Ой-ой, опять ухватило.

Домна. (Быстро подходит). Я помогла бы... Что не скажешь. (Роман стонет). Эх, Васи дома нет. Видно, самой придется сбежать за Феклой. Обещалась, а нейдет. (Роман машет рукой. Домна не понимает, что ему нужно). Сейчас, сейчас позову. Ниловна, будь добрая, побудь здесь; неравно ребенок запищит — покачай уж зыбку. (Накидывает платок, на минутку останавливается в раздумьи над сырими мотами. С печи слезает Маша и ухватывается за подол матери).

Ниловна. Некогда развесить-то?

Домна. (Машет рукой. Маше): Ну, иди что ль вместе. (Уходят).

Явление III.

Роман и Ниловна.

Ниловна. Житье! Что, Роман, не легчаст?

Роман. Подкатило опять.

Ниловна. Что болит?

Роман. Сердце задавило совсем... Нутро палит; так и воротит со дна там.

Ниловна. Поди-ты! Домне, чай, трудненько одной за мужика и за бабу; чай сердится? (Роман молчит). И то сказать: тут стряпня, там за скотиной. На речку, вот надо: моты-то, видишь, преют. Ладно баба в поре... Ворчит тоже, а? (Роман нетерпеливо трясет головой). Что? Сам видишь. Известно — учить надо.

Роман. (Слабым голосом). Смирная она, жалостливая.

Ниловна. Кто похулит: старается. Смотри-ко, сама за попом поехала. Только и то сказать: и ребят и тебя бросила — угнала.

Роман. (Пересиливаясь). Эх, Ниловна. Ты же уговорила... Надо, да надо попа позвать.

Ниловна. Не ровен ведь час, Роман Степанович.

Роман. А послать-то некого было: мужики на сходку в правление ушли... Домна накануне молебен обещала отслужить, чтобы Бог поправил меня. (Все более утомляется).

Ниловна. Богомольная она... Брат-то Степан часто ли навещается к тебе?

Роман. Что ему у меня делать. Ему водка нужна.

Ниловна. Верно слово. Третьеводни как он бабу свою тиранил! За косы, — не приведи Бог. Зашла я, — ребята ревут... Чуть мне по шее не надавал. Срамник. Пропьется он: Слышь, по сейчас подать не внес.

Роман. Велика у него — три души. Ой-ой, опять взяло!..

Ниловна. (Начинает беспокоиться). Что ж она оставила меня тут? (Ребенок пробуждается, колыбель колышется. Подходит). И этот тоже. Няньку нашли. Где молоко-то? (Качает. Входит Домна с Феклой. Маша проскользает на полати).

Явление IV.

Роман, Домна, Ниловна и Фекла.

Фекла. А, Господи Иисусе! Желанный мой. Все о тебе думала, да не ускочишь. В десять мест нужна стала: тут притка, а тут — родимец. (К Домне). Ты бы, Домнушка, поспешила за мной. (Домна тем временем вынула ребенка из колыбели, перепеленала и отвернувшись, кормит его). Сама знаешь ведь мной он и держится.

Ниловна. Известно, без тебя не жить; куда нам сунуться!

Фекла. (Хлопочет около Романа. Домне). Давала лекарство?

Домна. Не смела без тебя. Травку парила, поила.

Фекла. От того и хуже стало. Эх-ма!

Роман. Полегчало с тепленького. А тут... вот опять, ой-ой!

Фекла. Где сулейка? В ней осталось, кажись, вино-то. (Идет и берет с полки бутылку). А, Господи Иисусе! (Во время далее следующего разговора суетится около Романа: растирает руки и проч., приносит воды, берет солонку, высыпает соль крест на крест, шепчет, и по временам, когда Роман мечется, поит, приговаривая: о, Господи Иисусе!)

Ниловна. (Домне, которая, уложив ребенка в колыбель, встала с лавки). Ну и жизнь у тебя, Домнушка; вчуже за тебя пригоревалась я: везде ты поспевай, не жди помощи. (Понизив голос). Измучилась с ним? (Показывает на Романа. Домна молчит. Громко). Вас-то где?

Домна. Послала с Фомкой в лес — сучьев посбирать. У того тоже нечем избу топить стало. Парень хоть у лошади побудет, а сучьями Фомка общал поделиться. (Подходит к мотам). Прелют нитки: на ветер надо. Вот заснул бы Роман и развесила бы.

Ниловна. Дивуюсь, как успела напрясть столь много!

Домна. Пока немного похаживал Роман — работа не стояла у меня. Теперь горе пришло. (Показывает на моты). Это ли только! На распутицу нужно муки да солоду смолоть, а как на мельницу уедешь, — на кого его оставишь.

Ниловна. Придется послать с кем.

Домна. Не любит Роман. Сама подумай, чужой глаз: крупно смеют, или с песком, а то — из половины...

Ниловна. А водополью подтопит мельницу — без хлеба останешься.

Домна. Запуталась, грешная, с делами. Когда у Романа случилось, чтоб дров в запас не было? А ныне вот малого парнишка послала за сучьями. И по хозяйству отойти из дому нельзя. Чернушка — стельная... чтоб не проглядеть... ягнята...

Ниловна. Что и говорить: хозяйство у вас заправное — догляд большой требуется.

Домна. Поправлялись. Да, видно, Бог прогневался: сам — никуда уж с месяц; и на мне-то грехов стало, как волос; помолиться не успею, как след.

Ниловна. Мы в Благовещенье поедем к обедне в Архангельское, — там престол.

Домна. Хорошо там!

Ниловна. А Пасху — в своем селе встречать будем; мы каждый год так.

Домна. Мне хоть бы дома суметь молитву сказать.

Ниловна. Правда твоя: чего мы знаем, все-то за делами.

Домна. Дети вот опять: грехи да грехи!

Ниловна (спохватившись). А я-то тут разговорилась. Хотела тебя звать на помочь: крупу толочь; да, видно, уж не досужно тебе. Думала — недоимки за тобой, так кстати.

Домна. Ниловна, матушка, что бы, кажись, сделала, чтоб угодить тебе; свое бросила — пришла бы, если б вот Роман поправился.

Ниловна. Что говорит! Идти к другому кому. Поправляйся, Роман. (Кланяется. Входит Карпыч). На смену! Гость на гость — хозяину радость. Заходи, Домна, бахорить. (Уходит).

Явление V.

Роман, Домна, Фекла и Карпыч.

Карпыч. Мир беседе! Как, хозяин, живешь-можешь?

Домна. Не говори! Все нездоров.

Карпыч. Та-ак. А я с докукой. Надо заседателя свезть в Починок. Из волости приехал.

Домна. Карпыч, вишь — некому.

Карпыч. Та-ак. Недалеко бы: живой рукой, час какой. Твой день подводу ставить.

Домна. Мой родной; да хозяина как оставить.

Карпыч. Бедная ты, погляжу я, машься как, не приведи Бог!. Как же с подводой?

Домна. Другой кто сегодня; а я — завтра.

Карпыч. Не поедут.

Домна. На нашей лошади.

Роман. (Стонет). О-ох, тяжело: все утро светло; о-ох! (Стучит зубами).

Фекла. А, Господи Иисусе!

Карпыч. На печь бы.

Домна. Не спроворимся довести.

Карпыч. Ужо я подсоблю. Пойдем, сосед, на печку.

Роман. (Мычит). У-у, ладно. (Переносят. Маша пред тем сходит с полатей и забегает то с той, то с другой стороны).

Карпыч. Домна, ты похлопочи сама: заместо себя снаряди кого. Живой ногой сходишь; а я подожду; потому меня заседатель опять шпынять будет: подавай да подавай подводу; а вот, разве я причинен, коли тут баба беспомощная. (Пока он говорит, Домна повязывает платок, накидывает одежду. С ней хочет выйти и Маша, но Домна отстраняет ее).

Домна. Феклушка, сунь Федьке соску, коли он пробудится. (Уходит).

Карпыч. Вот хоть бы теперь: бабье ли дело хлопотать о подводе, а надо. Тягло тянешь — так повись, да будь на месте, где следует. Потому общество — нельзя. Кому-то охота за другого править, что нужно. И миру тоже неспособно. Ономясь с пересыльным бродягой нарядить надо было двоих провожатых. Случилась Домнина очередь; ну как с бабой пошлешь? Чай, это и по закону положенья нет.

Фекла. Чего уж с бабой арестанта посылать. На уме у него не был; в сапоге у него, может, нож запряган; а, Господи Иисусе! Ну, что бы деверию сколь помогать, пока сам Роман не поправится. (Ребенок плачет. Фекла качает колыбель).

Карпыч. Степе-то! Он норовит как что к себе от Романа выпянуть. И Домну смайл; манит: вот то поработай у него, вот это одолжи; а сам за глаза ее же честит всяко да осмеивает: забрала-де в лапы брата, да сама не рада стала. А впрочем, мое дело сторона.

Фекла. Ну это он напрасно. Домна ай-яй как печалится по муже. Иной раз за полночь прибежит меня звать к себе. Когда спит она, не знаю.

Карпыч. Старший-то парень мал еще.

Фекла. Выюноша малый. Об нем забота. (Ребенок плачет). Ну, ты, запищал, к матери захотел, не сыт видно.

Карпыч. А долго она ушла что-то. Браниться будет заседатель. (Прислушивается). Да вот, никак идет. (Входит Домна).

Явление VII
Те же и Домна.

Домна. (Сняв одежду и заслышав плач сына, подходит к нему, берет на руки).

Карпыч. Ну, бабонька, как дела?

Домна. Просила-просила, никто не едет. Уж домой шла ни с чем, да встретила Кирило: он, спасибо, согласился. На своей, говорит, лошади свезу.

Карпыч. Вот и ладно. Парень добрый: в час услуга — дороже всего.

Домна. Затих Роман? Видно полегчало. (Садится и намеревается кормить ребенка).

Фекла. Ужо проведаю.

Карпыч. А я пойду. Ну будет мне! Так, Кирило говоришь? (Домна качает головой).

Фекла. (Всходит на полати; ребенок плачет). Наше место свято. Роман-то ведь не дышит. А, Господи Иисусе. Помер знать!

Карпыч. (Вернувшись от двери). Что ты, Фекла!

Фекла. (Слезает с печи). Верно слово. А, Господи Иисусе. (Крестится). Упокой Господи!

Домна. (Придя в себя). Феклушка, неужто умер? (Хочет встать, но не может; вообще не знает что с ребенком сделать). Батюшки-светы. Романушка — на кого покинул... Детки-то как. Горькая, куда я теперь приклонюсь...

ФЛОРЕНТИЙ ФЕДОРОВИЧ ПАВЛЕНКОВ
(1839 — 1900)

Флорентий Федорович Павленков родился 8 октября 1839 г. в дворянской семье. Учился в Александровском, затем в

Петербургском кадетском корпусе. Позже окончил Михайловскую артиллерийскую академию. По окончании академии в 1861 г. Флорентий Федорович был назначен на службу в Киевский арсенал, а затем — в Брянский. В Брянске был дважды подвергнут аресту за довольно резкие выступления против казнокрадства начальников.

В 1865 г. Ф. Ф. Павленков переехал в Петербург, где работал воспитателем в военной гимназии, а в 1866 г. ушел в отставку.

Со своим другом М. П. Надеиным Павленков купил книжный магазин и начал издавать книги. Уже в 1866 г. были напечатаны первые части сочинений Д. И. Писарева, за это он был привлечен к суду, но сумел оправдаться. В июне 1868 г. Павленков произнес речь при погребении Писарева, а после организовал сбор пожертвований. 3 сентября 1868 г. Павленков был арестован, после 10 месяцев заключения был сослан в Вятку.

В Вятку Ф. Ф. Павленков прибыл 16 июля 1869 г. Издательские дела, начатые самим Павленковым, продолжили его друзья В. Д. Черкасов и М. П. Надеин.

В Вятке Павленков пишет несколько учебных пособий, составляет «Наглядную азбуку» (1873). В 1874 г. у него был обыск и после этого Павленков около года провел в Вятской тюрьме. В 1876 г. он был переведен в г. Яранск, где прожил год. Все это время он добивался издания в Вятке сборника «Вестник Вятского земства», но это издание не состоялось. Тогда Павленков приступил к составлению сборника «Вятская незабудка», где намеревался представить разнообразный, большей частью обличительный материал. В марте 1877 г. вышла «Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год» тиражом 800 экземпляров. В июне того же года Павленков выпускает 2-е издание «Незабудки», в которое были включены новые статьи.

В феврале 1878 г. выходит третий выпуск «Незабудки», но на него был наложен арест, уцелело всего 25 экземпляров.

В марте 1880 г. в связи с изданием серии «Загадочные картинки» Ф. Ф. Павленкова снова арестовывают, а затем высылают в г. Ялуторовск Тобольской губернии. Только в феврале 1881 г. друзьям удастся выхлопотать его освобождение.

Последующие почти двадцать лет Ф. Ф. Павленков отдаст все силы издательской деятельности. Осуществляет выпуск сочинений русских писателей, «иллюстрированной библиотеки», биографической серии «Жизнь замечательных людей», энциклопедического словаря и еще много других нужных и интересных книг.

Осенью 1899 г. Павленков, уже смертельно больной, вынужден был уехать на лечение в Ниццу. 20 января 1900 г. его не стало, похоронен Павленков на Волковом кладбище в Петербурге.

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА НА 1878 ГОД

«Прежде скончались, потом повенчались»

Необыкновенное происшествие...

просто необыкновенное происшествие.

Гоголь, ком. «Ревизор»

Это началось самым обыкновенным образом. Было летнее утро. Яранск был погружен в сладкую полудремоту. На колокольне пробило 8 часов; раздался благовест к обедне:

И звон смиряющий всем в душу просится,

Окрест сзывающий в полях разносится.

На одной из улиц показалась благочестивая вдовица, Скорпионова. Поровнявшись с церковью, она набожно сняла свой капор, имевший для Скорпионовны значение камиллавки, начала молиться и благоговейно размышлять. Вот подходит еще старушка.

— Слышала, матушка?..

— Что, что?

— Ой, недоброе. Сердце твое вещун. Вчера еще с тобой говорили: не перед добром твой сон. Ан — сегодня умертвис.

— Что ты!

— За городом, слышь, у деревни Лагуновки, нашли, мать моя, человека: бок у него пронизан кинжалом, головушка до тела снята и рученьки и ноженьки откалечены напрочь. Как Адам без риз лежит...

— Да воскреснет Бог! Диоклетианы треклятые. Уж не турки ли?

— Где уж турки, — свои чай. Знаешь, в полиции-то как было с десятником...

— Что ты, неужто опять? Наше место свято...

Через несколько минут уж весь город знал о необыкновенном мертвце. Явились очевидцы трупа, обезображенного какою-то зверскою рукой. Как есть одно туловище лежало в логу около Лагуновки.

Сентиментальные барышни декламировали:

С свинцом в груди
Лежит недвижим он;
Глубокая еще дымится рана,
По каплям льется кровь...

Начальство не дремало. Наряжен караул. Крестьяне караульщики размещаются поодаль от мертвого тела.

— Чудно, паря, — кто б это такое умертвие учинил? — толкуют они. — Глядь, махина какая: в плечах-то сажень косая; а кулачища-то!

— Не наше дело, голова! Помнишь, какого здоровяка тоже смяли; тут, брат, сила...

— А что ты думаешь? Красен он, может и взаправду вспорол, да...

— Ну, ну! Вон гляди...

На «место происшествия» подъехали в тарангасике фельдшер Кузнецов и какой-то полицейский чин. Произведен был осмотр. Кузнецов, как человек, знающий что-то из анатомии, воспользовался случаем высказать свои соображения.

— Таз убитого очень широк... Полость брюха значительно раздута: из этого следует заключить, что труп сей есть женщина и несомненно беременная...

Если до сих пор завзятые скептики, по своему обыкновению, выражали, правда, в умеренной форме, свои сомнения, то после «предварительного» медицинского осмотра должны были и они замолчать. Скорпионова ночи не спала...

Прошло три томительных дня. Наконец, назначено было официальное следствие и судебно-медицинское вскрытие. Врач Брженский, знаменитость по лечению коров полуфунтовыми порциями хины, забрав необходимый инструмент, отправился на место кровавой драмы в сопровождении нужных чинов. Труп лежал под рогожкой. Брженский, наточив ножи, направился к обезглавленному мертвецу. Покров убран. Врач уже готов был вонзить свой ножик для вскрытия грудной клетки, но вдруг остановился, опустил руку... он удивлен и поражен.

Он увидел... Но вот он сам говорит, что он увидел.

— Господа, это обезглавленный, лишенный рук и ног мертвец есть м...медведь!!

Нужно ли объяснять, чем кончилась официально эта странная история с «мертвым телом»:

Осмотрел его лекарь скорехонько,
И велел где-нибудь закопать,

конечно,

Без церковного пенья, без ладана...

А становой пристав поставил в протоколе:

Мертвое тело — пришить к делу,

А рапорт предать земле.

Не так легко было успокоить взволнованное «общественное мнение». Сказание о том, как фельдшер Кузнецов принял убитого медведя за беременную женщину передавалось из уст в уста. «Не слобровать тебе, — говорили ему остряки, — смотри, брат, не прими, коих грехом свою бабу за медведя». «Глянь-ка, глянь, — неведомск нам, кто идет — корова аль человек?» — останавливали его шутники-обыватели, когда он проходил мимо их. Тот, однако, не смущался.

— А вот увидите, кто из нас прав. Знаем мы их проделки... Не те ныне времена... Рано или поздно выплывет на свежую волю это дело... Выплывет.

К удивлению, дело с медведем, действительно, занимало пустообразные головы. Скоро весь уезд «известился» о нем. Крестьяне толковали: «А хитрые же эти лекаря», сейчас человека в медведя оборотят... Не што бы это, так душу-то человеческую за место скотины без отпевания для че зарывать!...»

В самый разгар этих толков мне пришлось быть в селе на именинах у одного «батюшки». Гостей было много.

— А что, молодой человек, как это у вас в городе человека без головы, без рук, без ног нашли?

— Вы это говорите о медведе? — переспросил я.

— Какой там медведь! Тут был действительно человек. А так только при вскрытии оказалось...

— Совершенно верно вы изволили заметить, — перебил другой батюшка. Это бывает. Вот послушайте. Был тут в нашем околке ловкий преловкий становой. Только с ним такая оказия случилась. Осерчал он что-то на десятского, не поостерегся да и шанул его с лестницы, как есть с верхнего этажа. Десятник-то не будь дурак — возьми да и умри. Что ж бы вы думали? Становой не пал духом. Эй, кто там, кричит, повесьте его в сарае под стропила. Десятские, такие же, как убитый, чередные на тот раз, помялись, помялись, да и себя пожалели — исполнили, что приказал становой. Началось следствие. Приехал лекарь Ш., закадычный друг станового. Закусили это они, выпили и пошли на сарай производить следствие. Ш. вошел первый, взглянул на покойника да и расхохотался: видит, что десятский действительно повешен, но повешен подмышки.

— Эй, Яков, — кричит он становому, — хоть бы ты, голова, велел за шею повесить десятского-то, а то на-ко, ха, ха, ха! Посмеялся и становой такому пассажи. Воротились, сели за карты; призвали снова десят-

ских, растолковали им, что было нужно и строго-настрого приказали повесить покойного десятского за шею. Поиграли в карты час — другой, еще выпили и еще закусили, а потом пошли на следствие. Само собой оказалось, что умертвие произошло от удавления, в припадке помешательства. «Так вот, молодой человек, как бывает, — обратился рассказчик ко мне. — Сей становой за свою усердную и беспорочную службу теперь уже исправником; впрочем, говорят, ему предстоит ныне значительное повышение на скамье подсудимых.

— А то и так бывает, — начал опять словоохотливый рассказчик, — едет полицейский чин по дороге. Видит — идет на встречу черемисин и несет на спине убитую собаку: ну, какая бы, кажись, корысть в собаке; ан, опытный служака знает, где можно руки погреть.

— Подь-ка сюда! — кричит он черемисину. — Кого ты убил?

— Собаку.

— А ты знаешь, чью ты это, каналья, собаку загубил? А, говори же!..

— Не знаю, ваше благородие! — удивляется инородец.

— Так знай, лопатка, это собака царская. Заметь: царской охоты. Я нарочно схал сюда отыскать эту собаку, а ты ее убил! Да ведь тебя, каналья, повесят. Она больше 100 рублей стоит. Эй, десятские, вяжите его!

Обезумел от страха инородец; задрожал, как осиновый лист, повалился в ноги — «не погуби, бачка, ваше степенство!»

— Нельзя, братец, нельзя. Увезут тебя в город и повесят... Жаль мне тебя, да и самому не пропадать же мне: заплати ты сто рублей, а я уж это дело обделаю...

Едва, едва укланял черемисин полицейского чина повременить месяц для уплаты: продал лошаденку, пчел, сколько было; сколотил сотню рублей и честно выплатил все за царскую собаку...

«Дух сомненья» овладел мной; но ненадолго. Обратно в город вез меня на своей лошадке крестьянин Шешурской волости.

— Ну, что, — спросил я, — хороша ли ныне у вас охота на медведя?

— Да ничего, ходим понемногу. Только тут месяца два назад сосед знатного свалил медведя; да притча случилась, чуть хлопот себе не надедал.

— Как так?

— Да, поди, слышал, как под городом нашли человека без головы и без рук... Так вот этого самого сосед-то и убил рогагиной... Шкуру, известно, содрал да продал; голову, как водится, отрезал. А тут, как раз, ус-

лышал он, что медведей покупает для еды купец Халтурин. Вот сосед и повез Михаила Ивановича продавать. Только купец не взял всего: ему, вишь, нужны одни ноги на окорок. Пришлось везти обратно; он и думает: какого рожна я буду развозить медвежью тушу; дай, выброшу в лог. Так и сделал — под деревней Лагуновкой и вывалил. На солнце мясо-то и поджарилось, а фельдшеру и невдомек, что это мертвое тело, только медвежье... Посмеялись мы немало...

НИКОЛАЙ ФЕДОТОВИЧ БАЖИН (1843 — 1908)

Николай Федотович Бажин родился 23 июня (по другим сведениям — июля) 1843 г. в семье подполковника в отставке. В 1853 г. поступил в Вятскую гимназию, а после смерти отца в 1854 г. перешел в Тамбовский кадетский корпус. Какое-то время он учился в Воронежском кадетском корпусе, но, мечтая об университете, оставил корпус в 1862 г. Дальнейшая судьба Н. Ф. Бажина связана с литературной и журналистской деятельностью.

С 1864 по 1887 г. Бажин жил в Петербурге. Первое литературное произведение — стихотворение «Один из многих», было опубликовано в журнале «Искра».

Дальнейшее творчество Бажина связано с журналом «Русское слово», именно там была опубликована повесть «Степан Рулев» (1864, № 11-12), которая принесла популярность автору. За этой повестью о «новых людях» последовали, отчасти перекликающиеся с идеями Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева, — «Чужие меж своими» (1865), «Житейская школа» (1865), «Три семьи» (1865). В журнале «Дело» Бажин публикует романы «История одного товарищества» (1869), «Совет... Записки Семена Долгого» (1872). Критики относили творчество Н. Ф. Бажина к «школе реалистов», отмечая в его произведениях «честность и прямоту», «искренность и жизненную правду», однако некоторые издержки стиля снижали художественную значимость повестей и романов, его критиковали за нарочитую мелодраматичность, схематизм образов.

Н. Ф. Бажин сотрудничал в журналах, писал рецензии на новые книги, начал серию «Очерки современной журналистики», но эта работа осталась незаконченной. За взгляды, которые он проповедовал в своих произведениях, ему не разрешали издавать и редактировать журналы, однако он настойчиво стремился к это-

му. Так он редактировал журналы «Наблюдатель» (1872), «Маляр» (1876), где выступал под псевдонимом «Старый маляр», «Серый», этот журнал был закрыт «за политические карикатуры и сатиры». Участвовал в издании журналов «Русское богатство» и «Дело» (совместно с Н. В. Шелгуновым и К. М. Стапоковичем).

В 1887 г. Николай Федотович из-за материальных трудностей вынужден был переселиться в Казань, затем надолго поселиться в Свияжске. Творчество этого периода посвящено теме интеллигенции, ее духовным поискам и потерям. Настроения пессимизма пронизывают повести и романы Бажина, которые он публикует в журналах «Наблюдатель» («Клад» (1891), «Итоги» (1892), «Ночь» (1893), «Жизнь сызнова» (1894), «Злое дело» (1895), «Трус» (1896), «В начале жизни» (1897).

В 1906 — 1908 годах Н. Ф. Бажин публикует циклы очерков «Из очерков смутного времени» и «Пестрые записки» в газете «Голос правды».

3 октября 1908 г., забытый всеми, Н. Ф. Бажин умер в г. Свияжске Казанской губернии.

СТЕПАН РУЛЕВ

(Отрывки из повести)

Никита Никитич Рулев женат был два раза и имел двух сыновей. Старшего (от первого брака) звали Андреем Никитичем, а младшего (от второго) Степаном Никитичем.

Старик Рулев сначала был крестьянином и пахал землю; потом был забран в солдаты и исполнял свою обязанность очень усердно: из сражений вынес одиннадцать ран и капитанский мундир. Старик был умен, храбр и очень силен. Рулев младший, имея и мать довольно умную, да притом родившись совершенно здоровым, не имел никаких резонов выйти дураком, тем больше, что и жизнь с самого начала повела его не к апатии, а к усиленной мозговой деятельности. Отец не вмешивался в развитие младшего сына, потому что не любил его, а благодаря матери Рулева младшего, действовал на ребенка другой, в то время в высшей степени полезный и редкий человек. Из-за этого-то человека старый Рулев не любил младшего сына своего, ни мать его, Лизавету Николаевну. Человек этот был бедный, вечно больной учитель, от которого теперь не осталось ни креста на кладбище, ни памяти в свете, но убеждения которого спасли человека не в одном из мальчиков, приближавшихся к нему. Лизавета Николаевна еще до замужества любила его, не потому, конечно, чтобы понимала вполне его ум и его роль относительно будущего поколения, а потому просто, что она молода и он молод.

(...)

Лизавета Николаевна все тосковала. К старшему сыну капитана, Андрею Никитичу, она не чувствовала особенной склонности, да и он почему-то дичился ее. Когда родился Степан Рулев, и молодая женщина страстно привязалась к нему, во-первых, потому, что молодым силам ее открылась деятельность, во-вторых, что, наконец, явился человек, на привязанность которого она твердо могла рассчитывать, а одиночество было ей уже слишком тяжело. Прежние мысли оставляли ее. Часто думала она об умершем учителе и представляла себе жизнь, которою наслаждалась бы она, если бы жила с ним, а не со старым Рулевым. Рассказывая сказки своему маленькому сыну, она часто с глубокой тоской выводила в них учителя и его жизнь, потом постепенно передавала сыну взгляд учителя на жизнь и даже читала ему рукопись покойного под заглавием: «О человеческих отношениях». Эти-то мысли, во многом не сходные с мыслями местного общества, и будили умственную деятельность ребенка. При других условиях из него вышел бы увлеченный мыслитель, но с самого же пачала его здоровая натура повела его по другой дороге. Он наследовал от отца большую физическую силу, как другие наследуют чахотку. Мускулы его просили деятельности — тянули его бороться, бегать, плавать. Среди деревенских барчонок, разодетых как куклы, прогуливавшихся по улицам в сопровождении нянек, ему было невыносимо скучно. Скоро сошелся он с рыбацкими детьми и, наскучив книгами, по целым дням проводил за городом на реке — учился плавать, грести на лодке, править рулем, ловить рыбу и ставить парус. Варил он где-нибудь на пустом берегу с маленькими рыбаками уху, купался с ними, пел их песни, а возвращаясь к ночи в город, правил рулем или греб, как настоящий рыбак-ребенок. Он жил с рыбаками, как с братьями, и был весел, потому что наслаждался превосходнейшим здоровьем. Промышляя с мальчиками-рыбаками и сестрами их, — которые также усердно работали, — Рулев с малолетства привык смотреть на женщину только как на человека и ни в какие тонкости относительно женщины не пускался.

(...)

Затем отец отдал его в одно учебное заведение. В этом заведении было мало толку: кормили плохо, зимой было холодно, работа — не по силам, ученье было в высшей степени мертвое и гнилое. Мальчики болели, от науки бегали. Рулев с своим здоровьем вынес сырость, холод и скверную пищу, на науку тоже рукой махнул. Человек в нем не мог погибнуть, потому что мозг, долго работавший и, так сказать, привыкший к работе, много еще лет будет работать и сам по себе. Рулев опять взялся за книги. В свободные часы он бегал, играл в мяч, боролся, таким образом, все силы его были в действии, и, значит, жить можно было. Так прошло несколько лет его жизни в школе. В семнадцать лет у него набралось громадное количество знаний, вынесенных из чтения. Знания эти представляли страшный хаос, противоречили одно другому. Надо было найти ложь и правду. С этой поры началась серьезная умственная деятельность Рулева.

(...)

Он давно порешил, что дело не останется и не должно остаться в прежнем положении. Прежде всего нужны были деньги. Дело было во время школьных экзаменов. Рулев работал за десятерых: писал целые диссертации, переписывал огромнейшие тетради, переводил целые книги, од-

ним словом, работал день и ночь и деньги приобрел. Затем он прогнулся со школой, надел, вместо куртки, старенький сюртучок, подвязал за плечи котомку и ранним утром, еще до восхода солнца, отправился в дорогу. Первый день пути он был угрюм и задумчив, не потому, чтобы будущее представлялось ему трудным и нерадостным, а потому просто, что жизнь, шедшая однообразно несколько лет, теперь переменялась.

(...)

Он остановился в городе, понравившемся ему своим положением на большой судоходной реке. На базаре стон стоял от собравшегося бурлачества, судохозяев и торговцев. На реке толпились барки, сплавы леса и лодки — значит, город был веселый и деятельный; разный люд сходил в него со всех губерний и опять расходился во все края. Рулеву ничего лучшего не надо было. В то время он был здоровый, высокий, широкоплечий мужчина, с загорелым от путешествия лицом, смотрел откровенно, говорил еще откровеннее, и хорошему человеку можно было сойтись с ним в один день. Предполагаемое дело не заняло еще всех его способностей, да к тому же тогда в нем не накопилась еще вся, развившаяся впоследствии, непримиримая злоба и ненависть ко всей жизненной мерзости. Положение его тоже возбуждало в нем веселые мысли, потому что завтра же он мог сделаться конторщиком, приказчиком, домашним учителем, каменщиком или фабричным рабочим, и, во всяком случае, с голоду умереть не располагал, так как был здоров и силен.

В тот же день вечером Рулев отправился на базар, потолковать с бурлаками, а затем зашел в базарную «таверну», спросил там бутылку пива, закусил, покурил, подумал и решил завтра же искать занятия.

На другой день он зашел в книжную лавку, поговорил с купцом и увидел, что тот и сам не знает, что у него за книги продаются.

— Хотите вы меня приказчиком взять? — спросил Рулев. — Через неделю я книги приведу в порядок, сделаю им опись, и всякую книгу можно будет в две минуты найти; а не сумею, так прогоните и денег не давайте.

Купец долго был в нерешимости, думая, не подвох ли тут какой, но потом согласился взять его на испытание, и через месяц Рулев был в лавке уже один. Купец, заметив, что торговля пошла шибче прежнего, вполне доверился новому приказчику и, как малый деятельный, отправился торговать книгами по селам.

Как-то в праздничный день Рулев отправился на базар. Там он бывал часто — толковал с бурлаками, барывался с ними, затем пировал с ними в разных харчевнях и приобрел себе много приятелей, тем легче, что большинство бурлачества были его земляки. Здесь-то, среди земляков и выходцев из разных губерний, Рулев часто подумывал о своей родине. Он не отправился теперь туда потому, что слышал много хорошего о другом крае. Прежде надо было посмотреть его.

МАРИЯ ЕГОРОВНА СЕЛЕНКИНА (1845 — 1923)

Мария Егоровна Селенкина (урожденная Мышкина) — активная участница вятского кружка революционных народников 70-х годов, знаменитая вятская «нигилистка», одаренная писательница, родилась 19 сентября 1845 г. в Нолинске. Отец ее, Егор Васильевич Мышкин, мелкий чиновник, имел еще трех дочерей. Жизнь семьи была трудной, безденежной. Отдушину в серых, безрадостных нолинских буднях Мария Егоровна нашла в книгах. Любимыми ее писателями стали Лермонтов, Белинский, Некрасов, Добролюбов. Много читая, М. Е. Мышкина самостоятельно овладела основами некоторых наук, у нее сформировались передовые по тому времени историко-философские взгляды на жизнь и литературу.

Мария Егоровна с 18 лет начинает вести дневник, в котором не только запечатлены внешние события ее жизни, но и глубокие раздумья, ее мысли о будущем.

Первые литературные опыты Селенкиной — это стихи, написанные от мужского имени, и повесть, созданная за две недели летом 1864 г. Однако и ранние стихи и повесть не были изданы.

К весне 1866 г. готова новая повесть «Семейное житье», которую М. Е. Мышкина отправляет в журнал «Русское слово». Почти не надеясь на успех, она вдруг получает ответ от редактора, что повесть принята к печати. Однако повесть вышла только в третьем номере «Женского вестника» за 1867 г. за подписью «М. М-ной» с измененным названием: «Мирные сцены в мирном городе». Осенью же 1866 г. она отправила в «Отечественные записки» новую повесть.

В октябре 1867 г. в Нолинске Мария Егоровна Мышкина обручилась с Алексеем Николаевичем Селенкиным. В июле 1868 г. у них родился первенец — Виктор. Семейные хлопоты, материальные затруднения — все это отвлекло ее на некоторое время от литературы.

Но вот в журнале «Дело» № 2 за 1869 г. появляется ее рассказ «Сашенька Кропачева», который Селенкина отослала до замужества.

Начало 70-х годов ознаменовано в жизни М. Е. Селенкиной знакомством с политическими ссыльными: Ф. Ф. Павленковым, В. Ф. Троцанским и др. Селенкина и М. П. Бородин продолжили дело В. Ф. Троцанского — вели активную пропагандистскую ра-

боту среди вятской молодежи, организовавшей кружок (Н. Чарушин, А. Кувшинская, Е. Овчинников, С. Хохряков, О. Машковцева, Л. Чемоданова, Ю. Формаковская, П. Шуравин и др.). Такая деятельность уже давно обратила на себя внимание властей. Весной и осенью 1874 г. в доме Селенкиных были произведены обыски. Марию Егоровну арестовали и отправили в Казань, после возвращения в Вятку, где она сидела более года в одиночном заключении. 20 февраля 1876 г. Селенкина была освобождена.

70-е годы для М. Е. Селенкиной были и тяжким испытанием, и временем, когда налаживались дружеские связи с видными писателями и общественными деятелями: Короленко, Благовестовым, Салтыковым-Щедриным, Шелгуновым, Стасюлевичем, Введенским, Голубевым.

В 1882 г. в журнале «Вестник Европы» № 8 появился рассказ «Бесплатный урок». Подписан он был «В. Шилов». Это псевдоним Селенкиной, который она взяла в благодарность библиотекарю Ивану Степановичу Шиллову, открывшему ее первое печатное произведение. После «Бесплатного урока», пользовавшегося успехом у читающей публики, Селенкина пишет роман в двух частях — «Прошлое» (1883), но он не был опубликован.

В 1885 г. казанская газета «Волжский вестник» опубликовала два рассказа Марии Егоровны — «Алексеевна» и «Попечительное трио (из записок адвоката)». В 1888 г. «Северный вестник» печатает еще один ее рассказ — «После долгой разлуки», о котором В. Г. Короленко отзывался так: «Вещь живая, свежая, интересная...»

Особое место в творческой биографии М. Е. Селенкиной занимает роман «Лобановщина». Он был опубликован М. М. Стасюлевичем в журнале «Вестник Европы» за 1890 г. Это своеобразное эпическое произведение, повествующее о далеком уголке Вятской губернии, Лобановском почилке, о судьбе крестьянки Маланьи Бушуевой, ее мужа, детях, о тех, кто связан с этой семьей.

В 90-х и 900-х годах Мария Егоровна много и плодотворно работала, однако почти ничего из написанного ею в эти годы не увидело свет. Это были и повесть о женщине-враче «Дуня», повесть «Внушение» (1894), критический обзор «Наши романы и повести» (1893), очерки «Из воспоминаний Марфы Ивановны», комедия «Храбрость города берет», рассказ «Без своего угла» и др.

В начале 20-х годов Селенкина критически пересмотрела многие свои рукописи, написала автобиографический очерк «Из прошлого века» и пьесу «Новоселы в Сибири» (1921).

М. Е. Селенкина умерла 20 декабря 1923 г. в Вятке и похоронена на Ахтырском кладбище.

**БЕСПЛАТНЫЙ УРОК.
(КАРТИНКИ ИЗ УЕЗДНОЙ ЖИЗНИ)**

(В сокращении)

Это было лет пять-шесть тому назад. Началась вторая половина августа. Мои школьные товарищи готовились уезжать с первым пароходом, отправлявшимся из города через два дня: накануне было решено, пока все находимся налицо, устроить еще раз прогулку за город с чаем и, по возможности, в большой компании.

(...)

На этот раз прогулка удалась вполне. Покончив с чаем, собираемся грибов и игрою в горелки, мы очень долго оставались на откосе берега, несмотря на обильную росу и весьма ощутительную свежесть воздуха, — никто не хотел уходить домой прежде, чем взойдет луна. В ожидании было пропето несколько песен. Я веселился без меры, но последствия этой прогулки лично для меня вышли крайне печальные — я сильно простудился, пришлось вынести воспаление легких, и кончилось тем, что врачи не пустили меня в Петербург.

— Ехать учиться в таком положении да еще с тем, чтобы работать в лаборатории, это значит обречь себя на верную смерть. Мне собственно все равно, но я считаю своею обязанностью сказать, чем вы рискуете, — говорил лечивший меня доктор. Другой и третий, приглашенные для совещания, объявляли то же самое, добавив предупреждения против петербургского климата и против обычных помещений и питания студентов. Матушка и сестра плакали и упрашивали пожить этот год дома, а силы мои восстанавливались так медленно, что в конце концов пришлось уступить.

Скучный это был год. И считаешь, и погуляешь, среди дня поспишь, а дня все еще остается... При этом отвратительнейшее состояние духа! Пока стояла хорошая погода, жилось еще туда-сюда, но с началом осенней слякоти я решительно пришел в отчаяние — совсем некуда стало себя девать. Заниматься как следует я не мог, ходить в гости становилось, наконец, совестно, потому что во всех домах, куда я был вхож, я давно уже успел обить все пороги.

Тагановы больше всех других терпели от моих частых посещений. Со Степой мы были закадычными друзьями во всех восьми классах гимназии, с его сестрой старые знакомые, а тетушка их, как заботливая ворчунья, хлебосолка и вообще добрая-предобрая женщина, являлась таким приятным дополнением семейства, что меня невольно тянуло к ним всякий раз, когда выходя из дому, я намеревался зайти к кому-нибудь другому. Мне представлялось, что тут время проходит не бессмысленно, во всяком случае, с большим смыслом, чем у кого бы то ни было из остальных моих знакомых.

Надежда Ивановна, сестра Степы, занималась языками, историей и математикой, читала также историю литературы, и мне нередко приходилось выслушивать ее просьбы — помочь ей в ее занятиях, что я исполнял с большим удовольствием. Она собиралась поступать на курсы и уехала бы в Петербург ныне же, если бы перед самым отъездом не вышло правило о дополнительных экзаменах, к которым она оказалась не готовой. Отдавая большую часть дня серьезному умственному труду, девушка была тем веселее и оживленнее по вечерам, в часы отдыха, и ее негромкий, но удивительно музыкальный и заразительный смех увлекал нас всех в тех случаях, когда Степа, возвращаясь из управы, рассказывал какой-нибудь анекдот из области своей земской практики или какое-нибудь городское происшествие.

Я приходил к Тагановым обыкновенно часов в семь и время до появления в гостиной Степы, т. е. добрых два часа, проводил в обществе одной Надежды Ивановны. Тетушка и ее вечная спутница, Мусташка, присоединялись к нам перед самым часом, который всегда следовал непосредственно за Степой. Степа же был так точен, что никогда не опаздывал более, чем на какие-нибудь десять-пятнадцать минут.

Если Надежда Ивановна не предлагала мне вопросов по математике и не спрашивала мнений моих по литературе, мы принимались с ней за чтение той или другой так называемой серьезной книги, и нужно сознаться, что никогда не читал я с большим толком и большею пользой, как именно в этот период моей жизни.

(.....)

Раз я, теперь уже не помню почему, запоздал с своим вечерним визитом и пришел к Тагановым уже не в семь, а около восьми часов. Мения впустил Степа и довольно нетерпеливо начал:

Что это вы сегодня — точно нарочно опоздали? У нас с сестрой целая баталия вышла...

Что такое?

— А вот сама скажет

Надежда Ивановна, против своего обыкновения, не шла мне навстречу. Она, как-то вся съезжилась, сидела в углу у дивана, плотно завернувшись в черный платок, накиннутый на плечи, и имела такой вид, точно сильно заблала. Бледная, с плотно сжатыми губами, с совершенно непонятным для меня выражением лица, она очень обеспокоила меня в первую минуту. Для меня было вполне ясно, что с ней случилось что-то из ряда вон неприятное.

— Что тут у вас произошло, Надежда Ивановна? — спросил я, садясь подле нее.

А вот прочтите, — промолвила она, перебросив на столе в мою сторону мелко исписанный почтовый листочек.

«Наденька, милая! Кроме вас совсем не знаю, к кому обратиться — никого не вижу и, справедливо или несправедливо, всех подозреваю в трусости; вы же, я уверена, не показываетесь единственно потому, чтобы не надоедать. Одним словом, мне кажется, что я одну вас только и могу еще просить помочь мне. Дело вот в чем: Катя во время истории с отцом простудилась и так серьезно прихворнула, что на время зимних месяцев Литовкин запретил ей выходить из дому даже в гимназию. Выходит, таким образом, что у ней должен пропасть целый учебный год даром. Не возьметесь ли вы заняться с нею в течение зимы и помочь ей перейти в следующий класс будущей же весной? Сама я не имею ни малейшей возможности сидеть с нею — приходится работать изо всех сил ради хлеба. Когда увидимся, я объясню вам подробно, и вы сами увидите, что времени у меня совсем нет. Между прочим, я потому еще прошу об одолжении именно вас, что платить за уроки решительно нечем, вы же могли бы потрудиться без вознаграждения. Впрочем, если почему-нибудь вы найдете неудобным для себя мое предложение, не стесняйтесь, ради Бога, сказать мне это прямо! Искренне вас любящая Анна Ситникова». Вот что прочел я по указанию Надежды Ивановны.

Я знал несколько и семейство Ситниковых, хотя знаком с ними не был. Муж был губернским статистиком, считался либералом, не столько, впрочем, либералом, сколько оригиналом и чудаком по своему независимому характеру и привычкам. Жена слыла развитой и точно так же, как и муж, либеральной, но почему-то некоторые считали ее умнее ее мужа. Вдобавок, она была замечательная музыкантша, обладала хорошим инструментом и немножко пела. Летом по вечерам вокруг квартиры Ситниковых нередко устраивалось настоящее гулянье, если из окон слышалась музыка и пенье. Я сам не однажды пользовался даровым концертом и, за отсутствием концертов настоящих, всегда выносил от игры Ситниковой чрезвычайно приятное впечатление. Круг знакомства Ситниковых был весьма ограниченный, по большей части, это была молодежь учащаяся и учащая, вообще молодежь, и говорили, будто Анна Евграфовна имела огромное влияние на своих юных друзей, в смысле развития их независимости, стремления к осмысленному труду и т. д. Пока я хворал, с Ситниковыми случилось несчастье — мужа выслали. Почему, за что, куда, я ничего не знал, так как слышал об этом тотчас по выздоровлении и, сам не знаю почему, может быть, по неокрепшей еще восприимчивости, пропустил слышанное мимо ушей. А потом со мною никто не заговаривал об этом. Все это в одну минуту встало в моей памяти при чтении письма Ситниковой.

— Да, это не может не волновать, — сказал я, возвращая письмо. Надежда Ивановна скользнула по мне взглядом и не отозвалась ни одним словом на мое замечание.

— Когда же вы к ней думаете? — спросил я, помолчав с минуту.

— Вот в этом-то и дело! — порывисто воскликнула Надежда Ивановна, опираясь о край стола скрещенными пальцами рук и близко наклоняясь ко мне: — в том-то и дело, что записка эта ставит меня в невозможное положение.

В ее тоне мне ясно слышалась мучительная жажда сочувствия и поддержки.

— В невозможное положение? — повторил я, недоумевая.

— Именно, в невозможное. Вы себе представить не можете, до какой степени следят за каждым шагом Анны Евграфовны. Анна Евграфовна, очевидно, не подозревает этого, иначе она ни за что не обратилась бы ко мне, я ее очень хорошо знаю. Представьте, солдаты переодеваются поденщиками и приходят на двор Пяткина для разных работ. То дрова пилить наймутся, то снег свозить, то что-нибудь другое работают и в это время зорко следят, не пойдет ли она куда-нибудь, не принесут ли ей письма, не зайдет ли к ней кто и т. д. Дом Пяткина огромный, во флигеле и нижнем этаже живет всякий сброд, и этот сброд также следит за ней.

— Будто она так неблагонадежна?

— Полиция не входит в это, ей поручено наблюдать, вот она и старается...

— Мне кажется, молва преувеличивает бдительность полиции. Откуда у нашей мирной полиции возьмется такая изворотливость? — усомнился я.

— Нет уж это-то верно, брат! — положительным тоном отозвался Степа из-за газеты, которая, как видно, не мешала ему слышать наш разговор.

Вошла Людмила Петровна с чайными чашками, внесли самовар, и разговор оборвался на минуту. В это время раздался звонок и скоро к нам присоединился доктор Литовкин.

— Что это вы сегодня какие? — спросил он, поворачиваясь от Степы к Надежде Ивановне и обратно, как только поздоровался с ними.

Надежда Ивановна подала ему записку Ситниковой, и вообще повторилось почти то же самое, что было и со мной, при объяснении, в чем дело.

— Гм!.. — заключил Литовкин чтение. — Действительно, ведь у ней, — прибавил он, тщательно складывая письмецо, — положение самое крайнее. Все отступились, все отвернулись, точно будто она сделала что-нибудь до того постыдное, что даже купить у нее что-нибудь есть уже позор... Черт знает, что такое! Сколько у ней с одним ее роялем возни было! И все-таки никак не удалось продать. Сегодня взяли напрокат за три рубля в месяц к монастырскому попу, это шестисотрублевый-то! Но она и тому рада...

— Вольно же ставить себя в такое положение! — гневно возвысила из-за самовара свой голос Людмила Петровна. Мусташка слегка зарычала.

— Кто ж ставит? Кто себе враг... — начал было Литовкин.

— Однако! — прервала его Людмила Петровна. — Вы не можете сказать, что Анне Евграфовне услужили другие, ни под каким видом! Она достаточно потрудилась сама для своего положения.

— Я не о том, Людмила Петровна!

— Вы говорите, все отвернулись! Поневоле отвернешься... Всякому тоже не очень сладко отправиться следом за Егором Ивановичем... Что в том, что ничего позорного тут не было? Это тоже, как понимать...

— Во всяком случае, Анну Евграфовну жаль.

— Вы вот ее жалуете, а мне так мужа ее жаль до смерти — не такие его лета, да и здоровье не такое, чтобы мыкаться Бог знает, по каким захолустьям!

— И мужа жаль, — задумчиво протянул Литовкин.

— Помилуйте, как не жаль! Разве он сам заслужил свою кару? Разве он давал этому оборванцу Головину переписывать казенные бумаги и потом, когда того посадили, разве Егора Ивановича затея была доставлять ему и обеды, и чай, и табак? Будьте уверены — это Анна Евграфовна распорядилась!

— Это верно, Людмила Петровна! — филантропия у ней была в большом ходу, — согласился Литовкин.

— Дождетесь вы в свою очередь доброго со своими частыми визитами к ней, — предостерегла его Людмила Петровна.

— Ну, с какой стати! Что с меня взять, я врач — куда зовут, туда и обязан идти.

— Что же это за Головин? — спросил я у Литовкина.

— Студентик тут был. Со второго курса его к нам прислали. Умный, смиренный как будто, из-за какой-то там ссудки попался. Я его около года лечил, средств, разумеется, никаких. Жил перепиской да уроками, которые давал тайком от администрации. Как он познакомился с Ситниковыми, я не знаю, знаю только, что он занимался с их дочкой и, между прочим, брал переписку по статистике, составлял или помогал составлять Ситникову какие-то там волостные карты и т. д. Однажды, вероятно с бесхлебицы, а может, и ради общественной пользы, как ему показалось, напечатал он две корреспонденции, основой которых оказались еще неизданные статистические работы Ситникова. Или корреспонденции показались местной администрации неприятными, или она угадала автора и захотела наказать его за то, что он пишет, не имея права писать, — кто его знает, как было дело, известно только, что у Головина сделан был обыск, который совершенно подтвердил догадку, что автор известных корреспонденций есть именно он. При этом у Головина нашли достаточное количество статистического материала, данного ему Ситниковым собственно для

переписки; но администрация сообщила, что бумаги эти Ситников дал Головину совсем не как переписку, а как материал для обличительной корреспонденции.

— Что вы рассказываете, Семен Васильевич! Ни в каком случае не может быть, чтобы Головин без согласия Ситникова взял его цифры и вывел для своей статьи. Что ни говори, а Головин никогда не позволил бы себе сделать этого без разрешения Ситникова!

— Ну как бы там ни было, Головина упрятали, а Ситникову ничего... Как о лице, которое обладало всеми гражданскими правами и занимало официальное положение, о нем некоторое время шла переписка, и только через месяц или около того после заключения Головина, получилось разрешение водворить Егора Ивановича в N-ской губернии, что и было исполнено немедленно.

(.....)

Долго еще шли рассуждения по поводу Ситниковых, но к концу вечера они опять свелись на «невозможное положение» Надежды Ивановны.

— Мне странно, что в настоящем случае Анна Евграфовна сама себе противоречит. — Когда я была у ней и нам приходилось беседовать по поводу последних историй, она всегда настоятельно и всегда одно и то же твердила, что из-за пустяка никогда не следует портить жизнь, что никогда не нужно ставить себя в компрометирующее положение, если обстоятельства недостаточно серьезны и если не вполне ясно, что, рискуя собой, можешь спасти многих или увеличить хотя сколько-нибудь, но несомненно увеличить сумму человеческого счастья и т. д. Каким образом занятия с ее Катей могут увеличить человеческое счастье или спасти кого-нибудь — я не понимаю, — говорила Надежда Ивановна, говорила зло, очевидно, думая исключительно о себе, и в конце речи так скверно улыбнулась и так выразительно повела плечами, точно замеченное сию противоречие Ситниковой заслуживало безмерного презрения.

Каждое вновь сказанное слово Надежды Ивановны все сильнее и сильнее раздражало меня; с каждым вновь сказанным ею словом образ прежней доброй, чистой, бескорыстной девушки, готовой, казалось, жизнь положить за других, покрывался все большим туманом. Для меня становилось все очевиднее, что я любил собственную мечту, и я чувствовал себя так, как будто присутствовал при последних минутах самого дорогого для меня существа.

Между тем голос Надежды Ивановны продолжал:

— Перейдет или нет еще ее Катя с моей помощью в следующий класс — я совсем не уверена, что в состоянии буду помочь ей настолько; а для меня лично это неизбежно кончится тем, что мне не выдадут свидетельство о благонадежности, без которого нет никакой возможности поступить на курсы. Что важнее? Если Катя просидит и два года в одном классе, то большой беды для нее от этого не будет, между тем как для меня невозможность отправиться в Петербург будет решительной бедой.

В последних словах Надежды Ивановны была некоторая доля правды, но, благодаря своему волнению, я едва их заметил.

— Но в то же время мне сильно жаль Анну Евграфовну и тяжело отказать ей. И что стоит Степе помочь мне! До вашего прихода, господа, я целый час спрашивала его помочь, но так и не могла ничего добиться.

— Чего же вы от него хотите? — спросил Семен Васильевич.

— Чтобы он нашел кого-нибудь для занятий с девочкой Анны Евграфовны. Ему это было бы легко — у него столько знакомых! Я написала бы ей, что приготовляясь сама, никак не могу взять урока, а вот что брат нашел ей тоже дарового наставника. Мы могли бы сами платить за занятия с Катей, но Анне Евграфовне незачем было бы знать об этом, — только он и слышать ни о чем подобном не хочет.

— Благодарю покорно! — насмешливо отнесся к сестре Степа: — что это будет такое, как не та же самая филантропия Ситниковых, о которых мы только что говорили? Ну, представь ты себе такой, вполне вероятный случай: едва ты напишешь или я напишу Анне Евграфовне о том, что тебе некогда заняться с ее девочкой, но что мы нашли для этого другого человека, которому не нужно платить и т. д. — вдруг у ней обмысл! Ты думаешь, меня по головке погладят? Весьма возможно, Надежда Ивановна, что то же самое, что случилось с Егором Ивановичем, повторится и со мной, да и для тебя без неприятных последствий не обойдется то обстоятельство, что ты поддерживаешь дружеские отношения с людьми, неблагонадежность которых доказана.

— Господи! о чем мы так долго толкуем, если дело только в том, чтобы найти дарового репетитора? И чего я думал целый вечер! Да я с величайшим удовольствием возьму урок у Ситниковой, только представьте меня ей или напишите ей об этом, — предложил я.

В первую минуту все обрадовались неожиданно представлявшемуся выходу, и Литовкин успел крикнуть, что дилемма решена, но затем тотчас же началась целая буря. Не только Людмила Петровна, но даже и Литовкин не хотели и слышать о том, чтобы я «лез в петлю». Надежда Ивановна протестовала сильнее всех других, но, поспоривши с час, я убедил ее наконец дать мне записку к Ситниковой.

Уже в исходе второго часа возвратился я от Тагановых, да так и не заснул до утра. Ночь прошла в мучительных размышлениях о только что испытанном мною разочаровании от неожиданного превращения идеальной семьи Тагановых в самых заурядных утробников. Думалось также о различных условиях нашей общественной и частной жизни и о многом множестве других вещей, которые казались одна другой мрачнее. Очень может быть, что человек, более менее умудренный жизненным опытом, принимая во внимание исторические законы, отнесся бы к случаю, так страшно меня взволновавшему, совершенно спокойно, но я не в силах был сделать этого. Я глубоко и тяжело страдал в эту бессонную ночь, и чувства, испытанные мною тогда, оставили глубокий след.

В одной из средних улиц города, в угловом доме чиновника Пяткина, во втором этаже, находилась квартира Ситниковой, оставившей за собою одну из комнат той самой квартиры, где она жила при муже. Комната была очень большая, но так как в ней помещалось все семейство Ситниковых, вся их мебель и все вещи, какие только были у них, то она казалась весьма незначительных размеров. Угол прямо против входной двери, отгороженный ширмою, вмещал в себе различную утварь в виде посуды, кое-каких запасов и т. п., необходимых в домашнем обиходе предметов. Направо от двери, за выступом голландской печки, стоял диван, обитый зеленой с белыми разводами материей, из какой была занавеска, скрывающая от посторонних глаз часть комнаты, обращенную в спальню. Рядом, в углу, этажерка с книгами и нотами. По наружной стене, в простенках между окнами, два ломберных стола, несколько стульев, крошечный столик, детское высокое кресло и другое — большое, глубокое и массивное.

На другой день, часов в двенадцать, я отправился к Ситниковым и застал ее дома. Меня впустила моя будущая ученица, и в ту же минуту из-за занавески, разделявшей комнату надвое, вышла сама Анна Евграфовна. Это была женщина лет 35-37, несколько выше среднего роста, темноволосая, с желтоватым болезненным лицом, одетая в черное. Я объяснил причину своего прихода, отдал записку Надежды Ивановны и сел в ожидании, по приглашению хозяйки.

Во время чтения записки лицо Анны Евграфовны покрылось густым румянцем, но она быстро оправилась и, обращаясь ко мне, уже снова владела собой.

— Что ж, все равно, — заговорила она, — я буду вам очень благодарна, но мне хотелось бы знать, убеждены ли вы, что ничем не рискуете при этом?

Я поспешил уверить ее в своей совершенной безопасности.

— Я тоже думаю. Прежде всего, никто не будет знать, что вы занимаетесь бесплатно, а затем, что же кто бы то ни было может иметь против того, чтобы наш ребенок продолжал образование?

— Понятное дело! — согласился я.

Порешили, что я буду приходить всякий день после обеда, так часов в пять-в шесть. Заниматься по утрам оказывалось неудобным: Анна Евграфовна, обремененная разными хозяйственными хлопотами, часто, вплоть до обеда, не имела возможности смотреть за своими маленькими детьми, и в это время с ними обыкновенно возилась Катя. Впоследствии я узнал, что маленьких было двое — мальчик четырех лет и другой, немногим больше года.

Сильно желал я переждать несколько дней прежде, чем пойти к Тагановым снова, но такое желание казалось мне малодушием и я отправился к ним с отчетом о свидании с Сигниковой в тот же вечер. Там было по-старому.

(.....)

В этот вечер Тагановы все до одного были прекрасно настроены и исполнены самых великодушных чувств к своим ближним: но у меня разболелась голова, и я рано простился с ними.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ГРУДЦЫН (1849-1917)

Андрей Платонович Грудцын родился 15 апреля 1849 г. в селе Лопьял Уржумского уезда Вятской губернии. Семья была большая и потому бедная, надо было накормить 17 человек.

Жажда грамоты рано проснулась в Андрее, он сумел окончить 3 класса начальной школы в селе. Обучившись грамоте, юноша начал запоем «глотать» книги, он прочитал все, что имелось в школьной библиотеке.

Грудцын успевал и читать книги, и работать в поле. В 19 лет он пробует писать стихи, толчком, видимо, послужило чтение каких-то песенников. Эти книги в изобилии расходились по России в лубочных изданиях, в них печатались песни народные, а большей частью «подделки под народ».

Первое стихотворение Грудцына называлось «Несчастный случай». Как и многие начинающие поэты-самородки, он описывает случай, происшедший с ним самим.

В 1874 г. издается первый сборник «Стихотворения Андрея Платоновича Грудцына». Стихи поэта-самородка незамысловаты по сюжету и поэтическому исполнению. Следуя традициям Кольцова, Некрасова, Сурикова, он воспевал тяжелую крестьянскую долю, сатирически высмеивал начальство, погрязшее во взятках, волоките, бичевал пьянство. Однако большей частью стихи посвящены безысходному горю крестьянина. Такие мотивы звучат в стихах «За гробом бедняка», «Степан», «Рекрут», «На могиле матери» и других.

Поэт тонко чувствует народную основу стихов и песен, поэтому он использовал формы, близкие к народному плачу, песне. В рецензии, помещенной в журнале «Пчела», писалось о А. Грудцыне: «... в метрическом отношении стихотворения Грудцына замечательны, если принять во внимание его полное незнакомство со стихосложением... Все они изобличают в авторе их присутствие несомненного таланта».

Общаясь в народной среде с талантливыми песенниками, А. Грудцын записывал фольклор, им составлен «Сборник песен Шурминского завода» (1880). Он стоял первым в списке, к кому предполагалось выслать вопросник песенной комиссии Русского географического общества. Таких в Вятке было определено 50 человек.

А. П. Грудцын имел связи с известными русскими писателями и поэтами: писал В. Г. Короленко, показывал свои произведения Д. В. Григоровичу, А. П. Полонскому.

Не все равноценно в творчестве А. П. Грудцына, но несомненная талантливость его не позволяет забывать поэта-самородка.

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Плачет девушка,
Плачет горестно
Над могилою
Своей матери,

По могилушке
Растянулася,
Точно травушка
Подкошонная.

«Ах, ты матушка!
Ах, ты милая!
Уж ты вымолви
Мне словечушко,

Дай ты девице,
Своей дочушке,
Дай согласие
Материнское.

Меня сватают
За боярина, —
Не за русского,
За татарина.

И куда же мне
Приклонится?!
Аль мне с ахмидом¹
Обручится?!»

Долго плакала,
Сокрушалася,
Повздыхаючи,
Отправлялася.

Нет ответу ей
От покойницы —
Спит в земле она
Непробудным сном.

Сорвала она
На могилушке
Незабудочку
В память вечную;

И пошла с слезами прочь
От могилы вековой,
Вся мрачна, мрачна, как ночь,
Горемычной сиротой.

(5 авг. 1870)

ЗИМА

Пролетело лето,
Процвели цветы,
Наступила осень,
Вызрели плоды.

Хлеб с полей увозят
И кладут в лужки,
Ветерок срывает
С садилов листки.

Птички улетели
В дальние страны,
Землю покрывают
Снега пелены —

Покрывают землю
Белым полотном,
Прилощит дорогу,
Точно катышом.

Пробегают санки...
И ямщик лихой...
В бороде снежинки,
В шубе ледяной.

Ровнёшенько тащит
С свистом седока,
И лошадок школит,
Сидя, с облучка.

Ехали сугробом
Чрез бугор — нырок,
Точно ошеломлен,
Вылетел седок.

Ах, пропала водка!
Барин уж не даст.
Эх! плоха дорожка.
Высхал не в час!!!
(7 февр. 1871)

КРИВДА С ПРАВДОЙ

Кривда с правдой борются всечасно
И долго борются — но что ж?
Берет ли верх над правдой ложь?
Прошу решить — чтоб было ясно.
(22 июня 1872)

ВЛАДИМИР ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО (1853-1921)

Вятская земля волею судеб стала тем местом, где отбывал ссылку талантливейший русский писатель В. Г. Короленко. Он родился 15 июля 1853 г. в г. Житомире. В гимназии он познает величие русской литературы, с упоением читает произведения кумиров тогдашней молодежи: Некрасова, Островского, Гончарова, Белинского, Добролюбова.

В 1871 г. Короленко поступает в Петербургский технологический институт. В 1874 г. переезжает в Москву и поступает в

Петровскую земледельческую и лесную академию. В академии будущий писатель знакомится с революционными идеями народников. Его кумирами в литературе становятся Г. Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин. Уже в 1876 г. Короленко был исключен из академии за участие в составлении и подаче коллективного протеста студентов и сослан в Вологодскую губернию, а затем направлен на поселение в Кронштадт. В 1877 г. Короленко делает еще одну попытку завершить высшее образование, поступает в Петербургский горный институт, но следует снова арест за «недозволенную» деятельность. В 1879 г. Владимир Галактионович снова арестован по подозрению в «сообществе с главными революционными деятелями» и выслан в маленький городок Глазов Вятской губернии, а оттуда в Березовские Починки. Там он прожил с 25 октября 1879 г. по 26 января 1880 г., но за короткий срок Короленко сумел всмотреться в жизнь починковских крестьян, свести тесное знакомство со ссыльными.

В этих глухих местах В. Г. Короленко начинает заниматься литературной деятельностью. Свои наблюдения, впечатления от встреч на Вятской земле он использовал в очерке «Ненасоящий город», в котором изобразил Глазов, в рассказе «Чудная» — воспоминания жандарма-конвоира о революционерке-пароднице Э. Л. Улановской, которую также сослали в вятскую глушь. В своих широкоизвестных воспоминаниях «История моего современника», которые писались с 1905 по 1921 гг., Короленко описывает жизнь в период ссылки (главы «Ссылные скитания» и «Лесная глушь»).

После вятской ссылки писатель вновь был выдворен сначала в Пермскую губернию, а затем в Якутию.

Вернувшись в 1885 г. из далекой ссылки, Короленко поселился в Нижнем Новгороде и стал активно заниматься журналистской деятельностью. В этот период он сложился как разносторонний писатель и публицист, редактор и литературный критик.

В 90-е годы Владимир Галактионович откликался на самые злободневные проблемы: злоупотребления в деятельности земства, банков; голод в Поволжье 1892 г., холера летом 1893. Не прошел Короленко мимо так называемого Мултанского дела об 11 удмуртах из села Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии, которые были обвинены в убийстве нищего Матюнина якобы с целью жертвоприношения. Короленко лично предпринимает расследование, посетил Старый Мултан, после чего им были опубликованы несколько статей с разоблачением обвинения. А в мае 1896 года он вместе с другими адвокатами выступает на третьем рассмотрении дела, и суд выносит оправдательный приговор.

На протяжении всей своей жизни Короленко борется за справедливость, за истинное правосудие. Он страстно выступает за объективное рассмотрение дел чеченца Юсупова, Глускера. Уже после революции 1917 г. Короленко, будучи на Украине, осуждал бессудные расправы, расстрелы в Чрезвычайных комиссиях. В одном из писем А. В. Луначарскому (1920 г.) он писал: «Насколько мой слабый голос будет в силах, я до последнего издыхания не перестану протестовать против бессудных расстрелов и против детоубийств».

Февральская и Октябрьская революции писателем были восприняты как итоги борьбы за демократию, однако многие идеи и дела большевиков вызывали в нем активный протест.

Живя в Полтаве, Короленко в послереволюционные годы работал над четырехтомными мемуарами «История моего современника», в которых он стремился показать человека своего времени и его эпоху.

Умер В. Г. Короленко 25 декабря 1921 г. в Полтаве.

ЧУДНАЯ

Очерк из 80-х годов

(В сокращении)

I

Я не спал. В голове, под шум бури, поднимались и летели одна за другой тяжелые мысли.

— Не спится, видно, господин? — произносит тот же провожатый — «старшой», человек довольно симпатичный, с приятным, даже как будто интеллигентным лицом, расторопный, знающий свое дело и поэтому не педагог. В пути он не прибегает к ненужным стеснениям и формальностям.

— Да, не спится.

Некоторое время проходит в молчании, но я слышу, что и мой сосед не спит, — чувствуется, что и ему не до сна, что и в его голове бродят какие-то мысли. Другой провожатый, молодой «подручный», спит сном здорового, но крепко утомленного человека. Временами он что-то невнятно бормочет.

— Удивляюсь я вам, — слышится опять ровный грудной голос учителя, — народ молодой, люди благородные, образованные, можно сказать, — а как свою жизнь проводят...

— Как?

— Эх, господин! Неужто мы не можем понимать!.. Довольно понимаем, не в эдакой, может, жизни были и не к этому сызмальства-то привыкли...

— Ну, это вы пустое говорите... Было время и отвыкнуть...

— Неужто весело вам? — произносит он тоном сомнения.

— А вам весело?..

Молчание. Гаврилов (будем так звать моего собеседника), по-видимому, о чем-то думает.

— Нет, господин, невесело и нам. Верьте слову: иной раз бывает — просто, кажется, на свет не глядел бы... С чего уж это — не знаю; только иной раз так подступит — нож острый, да и только.

— Служба, что ли, тяжелая?

— Служба службой... Конечно, не гулянье, да и начальство, надо сказать, строгое, а только все же не с этого...

— Так отчего же?

— Кто знает?..

Опять молчание.

— Служба что. Сам себе веди аккуратно, только и всего. Мне, тем более, домой скоро. Из сдаточных я, так срок выходит. Начальник и то говорит: «Оставайся, Гаврилов, что тебе делать в деревне? На счету ты корешем...»

— Останетесь?

— Нет. Оно, правда, и дома-то... От крестьянской работы отвык... Пищи тоже. Ну и, само собой, обхождение... Грубость эта...

— Так в чем же дело?

Он подумал и потом сказал:

— Вот я вам, господин, ежели не поскучаете, случай один расскажу... Со мной был...

— Расскажите...

II

Поступил я на службу в 1874 году, в эскадрон, прямо из сдаточных. Служил хорошо, можно сказать, с полным усердием, все больше по нарядам: в парад куда, к театру, — сами знаете. Грамоте хорошо был обучен, ну, и начальство не оставляло. Майор у нас зсмяк мне был и, как

видя мое старание, призывает раз меня к себе и говорит: «Я тебя, Гаврилов, в унтер-офицеры представлю... Ты в командировках бывал ли? — Никак нет, говорю, ваше высокоблагородие. — «Ну, — говорит, — в следующий раз назначу тебя в подручные, присмотришься — дело нехитрое». — Слушаю, говорю, ваше высокоблагородие, рад стараться.

А в командировках я точно что не бывал ни разу, — вот с вашим братом, значит. Оно, хоть, скажем, дело-то нехитрое, а все же, знаете, инструкции надо усвоить, да и расторопность нужна. Ну, хорошо...

Через неделю этак зовет меня дневальный к начальнику и унтер-офицера одного вызывает. Пришли. «Вам, говорит, в командировку ехать. Вот тебе, — говорит унтер-офицеру, — подручный. Он еще не бывал. Смотрите, не зевать, справьтесь, говорит, ребята, молодцами, — барышню вам везти из замка, политичку, Морозову. Вот вам инструкция, завтра деньги получай и с богом!..»

Иванов, унтер-офицер, в старших со мною ехал, а я в подручных, — вот так у меня теперь другой-то жандарм. Старшему сумка казенная дается, деньги он на руки получает, бумаги; он расписывается, счета эти ведет, ну, а рядовой в помощь ему: послать куда, за вещами присмотреть, то, другое.

Ну, хорошо. Утром чуть свет еще, — от начальника вышли, — гляжу: Иванов мой уж выпить где-то успел. А человек был, надо прямо говорить, не подходящий — разжалован теперь... На глазах у начальства — как следует быть унтер-офицеру, и даже так, что на других кляузы наводил, выслуживался. А чуть с глаз долой, сейчас и завергнется, и первым делом — выпить!

Пришли мы в замок, как следует, бумагу подали — ждем, стоим. Любопытно мне — какую барышню везти-то придется, а везти назначено нам по маршруту далеко. По самой этой дороге ехали, только в город уездный она назначена была, не в волость. Вот мне и любопытно в первый-то раз: что, мол, за политичка такая?

Только прождали мы этак с час места, пока ее вещи собирали, — а и вещей-то с ней узелок маленький — юбочка там, ну, то, другое, — сами знаете. Книжки тоже были, а больше ничего с ней не было; небогатых, видно, родителей, думаю. Только выводят ее — смотрю: молодая еще, как есть ребенком мне показалась. Волосы русые, в одну косу собраны, на щеках румянец. Ну, потом увидел я — бледная совсем, белая во всю дорогу была. И сразу мне ее жалко стало... Конечно, думаю... Начальство, извините... зря не накажет... Значит, сделала какое-нибудь качество по этой, по политической части... Ну, а все-таки... жалко, так жалко — просто, ну!

Стала она одеваться: пальто, калоши... Вещи нам ее показали, — правило, значит: по инструкции мы вещи смотреть обязаны. «Деньги, спрашиваем, с вами какие будут?» Рубль двадцать копеек денег оказа-

лось, — старшой к себе взял. «Вас, барышня, говорит ей, я обыскать должен».

Как она тут вспыхнет. Глаза загорелись, румянец еще гуще выступил. Губы тонкие, сердитые... Как посмотрела на нас, — верите: оробел я и подступиться не смею. Ну, а старшой, известно, выпивши: лезет к ней прямо. «Я, говорит, обязан: у меня, говорит, инструкция!..»

Как тут она крикнет, — даже Иванов и тот от нее попятился. Гляжу я на нее — лицо побледнело, ни кровинки, а глаза потемнели, и злая-презлая... Ногой топает, говорит шибко, — только я, признаться, хорошо и не слушал, что она говорила... Смотритель тоже испугался, воды ей принес в стакане. «Успокойтесь, — просит ее, — пожалуйста, говорит, сами себя пожалейте!» Ну, она и ему не уважила. «Варвары вы, говорит, холопы!» И прочие тому подобные дерзкие слова выражает. Как хотите: супротив начальства это ведь нехорошо. Ишь, думаю, змееныш... Дворянское отродье!

Так мы ее и не обыскивали. Увел ее смотритель в другую комнату, да с надзирательницей тотчас же и вышли они. «Ничего, говорит, при них нет». А она на него глядит и точно вот смеется в лицо ему, и глаза злые все. А Иванов, — известно, море по колена, — смотрит да все свое бормочет: «Не по закону... У меня, говорит, инструкция!..» Только смотритель внимания не взял. Конечно, как он пьяный. Пьяному какая вера!

Поехали. По городу проезжали, — все она в окна кареты глядит, точно прощается либо знакомых увидеть хочет. А Иванов взял да занавески опустил — окна и закрыл. Забилась она в угол, прижалась и не глядит на нас. А я, признаться, не утерпел-таки: взял за край одну занавеску, будто сам поглядеть хочу, — и открыл так, чтобы ей видно было... Только она и не посмотрела — в уголку сердитая сидит, губы закусила... В кровь, так я себе думал, искусает.

Поехали по железной дороге. Погода ясная этот день стояла — осенью дело это было, в сентябре месяце. Солнце-то светит, да ветер свежий, осенний, а она в вагоне окно откроет, сама высунется на ветер, так и сидит. По инструкции-то оно не полагается, знаете, окна открывать, да Иванов мой, как в вагон ввалился, так и захрапел; а я не смею ей сказать. Потом осмелился, подошел к ней и говорю: — Барышня, говорю, закрой-те окно. — Молчит, будто не ей и говорят. Постоял я тут, постоял, а потом опять говорю:

— Простудитесь, барышня, — холодно ведь.

Обернулась она ко мне и уставилась глазами, точно удивилась чему... Поглядела да и говорит: «Оставьте!» И опять в окно высунулась. Махнул я рукой, отошел в сторону. Стала она спокойнее будто. Закроет окно, в пальтишко закутается, греется. Ветер, говорю, свежий был, студено! А потом опять к окну сядет, и опять на ветру вся, — после тюрьмы-то, видно, не наглядится. Повеселела даже, глядит себе, улыбается. И так на нее в те поры хорошо смотреть было!.. Верите совести...

Рассказчик замолчал и задумался. Потом продолжал, как будто слегка конфузясь:

— Конечно, не с привычки это... Потом много возил, привык. А тот раз чудно мне показалось: куда, думаю, мы ее везем, дите этакое... И потом... признаться вам, господин, уж вы не осудите: что, думаю, ежели бы у начальства попросить да в жены ее взять... Ведь уж я бы из нее дурь-то эту выкурил. Человек я, тем более, служащий... Конечно, молодой разум... глупый... Теперь могу понимать... Попу тогда на духу рассказал, он говорит: «Вот от этой самой мысли порча у тебя и пошла. Потому что она, верно, и в бога-то не верит...»

От Костромы на тройке ехать пришлось; Иванов у меня пьян-пьянешенек: проспится и опять заливает. Вышел из вагона, шатается. Ну, думаю, плохо, как бы денег казенных не растерял. Ввалился в почтовую телегу, лег и разом захрапел. Села она рядом, — неловко. Посмотрела на него — ну, точно вот на гадину на какую. Подобралась так, чтобы не тронуть его как-нибудь, — вся в уголку и прижалась, а я-то уж на облучке уселся. Как поехали — ветер сиверный, — я и то продрог. Закашляла крепко и платок к губам поднесла, а на платке, гляжу, кровь. Так меня будто кто в сердце кольнул булавкой. — Эх, говорю, барышня, — как можно! Больны вы, а в такую дорогу поехали, — осень, холодно!... Нешто, говорю, можно этак! Вскинула она на меня глазами, посмотрела, и точно опять внутри у нее закипело стало.

— Что вы, говорит, глупы, что ли? Не понимаете, что я не по своей воле еду? Хорош, говорит: сам везет, да туда же еще с жалостью суется!

— Вы бы, говорю, начальству заявили, — в больницу хоть слегли бы, чем в этакой холод ехать. Дорога-то ведь не близкая!

— А куда? — спрашивает.

А нам, знаете, строго запрещено объяснять преступникам, куда их везти приказано. Видит она, что я позамялся, и отвернулась. «Не надо, говорит, это я так... Не говорите ничего, да уж и сами не лезьте».

Не утерпел я. — Вот, говорю, куда вам ехать. Не близко! — Сжала она губы, брови сдвинула, да ничего и не сказала. Покачал я головой... — Вот, то-то, говорю, барышня. Молоды вы, не знаете еще, что это значит!

Крепко мне досадно было... Рассердился... А она опять посмотрела на меня и говорит:

— Напрасно, говорит, вы так думаете. Знаю я хорошо, что это значит, а в больницу все-таки не слегла. Спасибо! Лучше уж, коли помирать, так на воле, у своих. А то, может, еще и поправлюсь, так опять же на воле, а не в больнице вашей тюремной. Вы думаете, говорит, от ветру я, что ли, заболела, от простуды? Как бы не так! — «Там у вас, спрашиваю,

сродственники что ли, находятся?» Это я потому, как она мне выразила, что у своих поправляться хочет.

— Нет, говорит, у меня там ни родни, ни знакомых. Город-то мне чужой, да верно, такие же, как и я, ссыльные есть, товарищи. — Подивил-ся я — как это она чужих людей своими называет, — неужто, думаю, кто ее без денег там поить-кормить станет, да еще незнакомую?.. Только не стал ее расспрашивать, потому вижу я: брови она поднимает, недовольна, зачем я расспрашиваю.

Ладно, думаю... Пушай! Нужды еще не видала. Хлебнет горя, узнает, небось, что значит чужая сторона...

К вечеру тучи надвинулись, ветер подул холодный, — а там и дождь пошел. Грязь и прежде была не высохла, а тут до того развезло — просто кисель, не дорога! Спину-то мне как есть грязью всю забрызгало, да и ей порядочно попадать стало. Одним словом сказать, что погода, на ее несчастье, пошла самая скверная: дождиком прямо в лицо сечет; оно хоть, положим, кибитка-то крытая, и рогожей я ее закрыл, да куда тут! Течет всюду; продрогла, гляжу: вся дрожит и глаза закрыла. По лицу капли дождевые потекли, а щеки бледные, и не двинется, точно в бесчувствии. Испугался я даже. Вижу: дело-то выходит, неподходящее, плохое... Иванов пьян — храпит себе, горюшка мало... Что тут делать, тем более я в первый раз.

В Ярославль-город самым вечером приехали. Растолкал я Иванова, на станцию вышли, велел я самовар согреть. А из городу из этого пароходы ходят, только по инструкции нам на пароходах возить строго воспрещается. Оно хоть нашему брату выгоднее, — экономию загнать можно, да боязно. На пристани, знаете, полицейские стоят, а то и наш брат, жандарм местный, кляuzu подвести завсегда может. Вот барышня-то и говорит нам: «Я, говорит, далее на почтовых не поеду. Как знаете, говорит, парходом везите». А Иванов еле глаза продрал с похмелья — сердитый. «Вам об этом, говорит, рассуждать не полагается. Куда повезут, туда и поедете!» Ничего она ему не сказала, а мне говорит:

— Слышали, — говорит, — что я сказала: не еду.

Отозвал я тут Иванова в сторону. «Надо, говорю, на пароходе везти. Вам же лучше: экономия останется». Он на это пошел, только трусит. «Здесь, говорит, полковник, так как бы чего не вышло. Ступай, говорит, спросись, — мне, говорит, нездоровится что-то». А полковник неподалеку жил. «Пойдем, говорю, вместе и барышню с собой возьмем». Боялся я: Иванов-то, думаю, спать завалится спяну, так как бы чего не вышло. Чего доброго — уйдет она или над собой что сделает, — в ответ попадешь. Ну, пошли мы к полковнику. Вышел он к нам. «Что надо?» — спрашивает. Вот она ему и объясняет, да тоже и с ним неладно заговорила. Ей бы попросить смиреннько: так и так, мол, сделайте божескую милость, — а она тут по-своему: «По какому праву», говорит, ну и прочее; все, знаете,

дерзкие слова выражает, которые вы вопче, политики, любите. Ну, сами понимаете, начальству это не нравится. Начальство любит покорность. Однако выслушал он ее и ничего — вежливо отвечает: «Не могу-с, говорит, ничего я тут не могу. По закону-с... нельзя!» Гляжу, барышня-то моя опять раскраснелась, глаза — точно угли. «Закон!» — говорит, и засмеялась по-своему, сердито да громко. «Так точно, — полковник ей, — закон-с!»

Признаться, я тут позабылся немного, да и говорю: «Точно что, ваше высокоблагородие, закон, да они, ваше высокоблагородие, больны». Посмотрел он на меня строго. «Как твоя фамилия?» — спрашивает. «А вам, барышня, говорит, если больны вы, — в больницу тюремную не угодно ли-с?» Отвернулась она и пошла вон, слова не сказала. Мы за ней. Не захотела в больницу; да и то надо сказать: уж если на месте не осталась, а тут без денег, да на чужой стороне, точно что не приходится.

Ну, делать нечего. Иванов на меня же накинулся: «Что, мол, теперь будет; непременно из-за тебя, дурака, оба в ответе будем». Велел лошадей запрягать и ночь переждать не согласился, так к ночи и выезжать пришлось. Подошли мы к ней: «Пожалуйте, говорим, барышня, — лошади поданы». А она на диван прилегла — только согреться стала. Вспрыгнула на ноги, встала перед нами, — выпрямилась вся, прямо на нас смотрит в упор, даже скажу вам, жутко на нее глядеть стало. «Проклятые вы», говорит, — и опять по-своему заговорила, непонятно. Ровно бы и по-русски, а ничего понять невозможно. Только сердито да жалко: «Ну, говорит, теперь ваша воля, вы меня замучить можете, — что хотите делаете. Еду!» А самовар-то все на столе стоит, она еще и не пила. Мы с Ивановым свой чай заварили, и ей я налил. Хлеб с нами белый был, я тоже ей отрезал. «Выкушайте, говорю, на дорогу-то. Ничего, хоть согрестесь немного». Она калоши надевала, бросила надевать, повернулась ко мне, смотрела, смотрела, потом плечами повела и говорит:

— Что это за человек такой! Совсем вы, кажется, сумасшедший. Стану я, говорит, ваш чай пить! — Вот до чего мне тогда обидно стало; и посейчас вспомню, кровь в лицо бросает. Вот вы не брезгаете же с нами хлеб-соль есть. Рубанова господина везли, — штаб-офицерский сын, а тоже не брезгал. А она побрезгала. Велела потом на другом столе себе самовар особо согреть, и уж известно: за чай за сахар вдвое заплатила. А всего-то и денег — рубль двадцать!

III

Рассказчик смолк, и на некоторое время в избе водворилась тишина, нарушаемая только ровным дыханием младшего жандарма и шипением метели за окном.

— Вы не спите? — спросил у меня Гаврилов.

— Нет, продолжайте, пожалуйста, — я слушаю.

— ...Много я от нее, — продолжал рассказчик, помолчав, — много муки тогда принял. Дорогой-то, знаете, ночью, все дождик, погода злая... Лесом поедешь, лес стоном стонет. Ее-то мне и не видно, потому ночь темная, ненастная, зги не видать, а поверьте, — так она у меня перед глазами и стоит, то есть даже до того, что вот, точно днем, ее вижу: и глаза ее, и лицо сердитое, и как она иззябла вся, а сама все глядит куда-то, точно всё мысли свои про себя в голове ворочает. Как со станции поехали, стал я ее тулупом одевать. «Наденьте, говорю, тулуп-то, — всё знаете, теплее». Кинула тулуп с себя. «Ваш, говорит, тулуп, — вы и надевайте». Тулуп точно что, мой был, да догадался я и говорю ей: «Не мой, говорю, тулуп, казенный, по закону арестованным полагается». Ну, оделась...

Только и тулуп не помог: как рассвело, — глянул я на нее, а на ней лица нет. Со станции опять поехали, приказала она Иванову на облучок сесть. Поворчал он, да не посмел ослушаться, тем более — хмель-то у него прошел немного. Я с ней рядом сел.

Трои сутки мы ехали и нигде не ночевали. Первое дело, по инструкции сказано: не останавливаться на ночлег, а «в случае сильной усталости» — не иначе, как в городах, где есть караулы. Ну, а тут, сами знаете, какие города!

Приехали-таки на место. Точно гора у меня с плеч долой, как город мы завидели. И надо вам сказать: в конце она почитай что на руках у меня и схала. Вижу — лежит в повозке без чувств; тряхнет на ухабе телегу, так она головой о переплет и ударится. Поднял я ее на руку на правую, так и вез; все легче. Сначала оттолкнула было меня: «Прочь, говорит, не прикасайтесь!» А потом ничего. Может, оттого, что в беспамятстве была... Глаза-то закрыты, веки совсем потемнели, и лицо лучше стало, не такое сердитое. И даже так было, что засмеется сквозь сон и просветлится, прижмется ко мне, к теплomu-то. Верно ей, бедной, хорошее во сне грезилось. Как к городу подъезжать стали, очнулась, поднялась... Погода-то прошла, солнце выглянуло, — повеселела...

Только из губернии ее далее отправили, в городе в губернском не оставили, и нам же ее дальше везти привелось — тамошние жандармы в разъездах были. Как уезжать нам, — гляжу, в полицию народу набирается: барышни молодые да господа студенты, видно, из ссыльных... И все, точно знакомые, с ней говорят, за руку здороваются, расспрашивают. Денег ей сколько-то принесли, платок пуховый на дорогу, хороший... Проводили...

Ехала веселая, только кашляла часто. А на нас и не смотрела.

Приехали в уездный город, где ей жительство назначено; сдали ее под расписку. Сейчас она фамилию какую-то называет. «Здесь, говорит, такой-то?» — «Здесь», отвечают. Исправник приехал. «Где, говорит, жить станете?» — «Не знаю, говорит, а пока к Рязанцеву пойду». Покачал он головой, а она собралась и ушла. С нами и не попрощалась...

IV

Рассказчик смолк и прислушался, не сплю ли я.

— Так вы ее больше и не видели?

— Видал, да лучше бы уж не видать было...

...Ну, только свезли мы господина Загрязского на место, едем назад. Призывает исправник старшого и говорит: «Вам тут оставаться вперед до распоряжения; телеграмму получил. Бумаг вам ждать по почте». Ну, мы, конечно, остались.

Вот я опять к ним: дай, думаю, зайду — хоть у хозяев про нее спрошу. Зашел. Говорит хозяин домовый: «Плохо, говорит, как бы не померла. Боюсь, в ответ не попасть бы, — потому собственно, что попа звать не станут». Только стоим мы, разговариваем, а в это самое время Рязанцев вышел. Увидел меня, поздоровался да и говорит: «Опять пришел? Что ж, войди, пожалуй». Я и вошел тихонько, а он за мной вошел. Поглядела она да и спрашивает: «Опять этот странный человек!.. Вы, что ли, его позвали?» — «Нет, говорит, не звал я, — сам он пришел». Я не утерпел и говорю ей:

— Что это, говорю, барышня, — за что вы сердце против меня имете? Или я враг вам какой?

— Враг и есть, говорит, — а вы разве не знаете? Конечно, враг! — Голос у нее слабый стал, тихий, на щеках румянец так и горит, и столь лицо у нее приятное... кажется, не нагляделся бы. Эх, думаю, — не жилица она на свете, — стал прощения просить, — как бы, думаю, без прощения не померла. «Простите меня, говорю, коли вам зло какое сделал». Известно, как по-нашему, по-христиански полагается... А она опять, гляжу, закипает... «Простить! вот еще! Никогда не прощу, и не думайте, никогда! Помру скоро... так и знайте: не простила!»

Рассказчик опять смолк и задумался. Потом продолжал тише и сосредоточеннее:

— Опять у них промежду себя разговор пошел. Вы вот человек образованный, по-ихнему понимать должны, так я вам скажу, какие слова я упомянул. Слова-то запали и посеючас помню, а смыслу не знаю. Он говорит:

— Видите: не жандарм к вам пришел сейчас... Жандарм вас вез, другого повезет, так это он все по инструкции. А сюда-то его разве инструкция привела? Вы вот что, говорит, господин, кавалер, не знаю, как звать вас...

— Степан, — говорю.

— А по батюшке как?

— Петровичем звали.

— Так вот, мол, Степан Петрович. Вы ведь сюда почему пришли? По человечеству? Правда?

— Конечно, говорю, по человечеству. Это, говорю, вы верно объясните. Ежели по инструкции, так это нам вовсе не полагается, чтоб к вам заходить без надобности. Начальство узнает — не похвалит.

— Ну, вот видите, — он ей говорит, и за руку ее взял. Она руку выдернула.

— Ничего, говорит, не вижу. Это вы видите, чего и нет. А мы с ним вот (это значит со мной) люди простые. Враги так враги, и нечего тут антимионии разводять. Ихнее дело — смотри, наше дело — не зевай. Он, вот видите: стоит, слушает. Жалко, не понимает, а то бы в донесении все написал...

Повернулся он в мою сторону, смотрит прямо на меня, в очки. Глаза у него вострые, а добрые: «Слышите? — мне говорит. — Что же вы скажете?.. Впрочем, не объясняйте ничего: я так считаю, что вам это обидно».

Оно, скажем, конечно... по инструкции так полагается, что ежели что супротив интересу, то обязан я, по присяжной должности, на отца родного донести... Ну, только как я не затем, значит, пришел, то верно, что обидно мне показалось, просто за сердце взяло. Повернулся к дверям, да Рязанцев удержал.

— Погоди, говорит, Степан Петрович, — не уходи еще. — А ей говорит: «Нехорошо это... Ну, не прощайте и не миритесь. Об этом что говорить. Он и сам, может, не простил бы, ежели бы как следует все понял. Да ведь и враг тоже человек бывает... А вы этого-то вот и не признаете. Сек-тан-тка вы, говорит, вот что!»

— Пусть, — она ему, — а вы равнодушный человек... Вам бы, говорит, только книжки читать...

Как она ему это слово сказала, — он, чудное дело, даже на ноги вскочил. Точно ударила его. Она, вижу, испугалась даже.

— Равнодушный? — он говорит. — Ну, вы сами знаете, что неправду сказали.

— Пожалуй, — она ему отвечает. — А вы мне — правду?..

— А я, — говорит, — правду: настоящая вы боярыня Морозова...

Задумалась она, руку ему протянула; он руку-то взял, а она в лицо ему посмотрела-посмотрела да и говорит: «Да, вы, пожалуй, и правы!» А я стою, как дурак, смотрю, а у самого так и сосет что-то у сердца, так и подступает. Потом обернулась ко мне, посмотрела и на меня без гнева и руку подала. «Вот, говорит, что я вам скажу: враги мы до смерти... Ну, да бог с вами, руку вам подаю, — желаю вам когда-нибудь человеком стать — вполне, не по инструкции... Устала я», — говорит ему.

Я и вышел. Рязанцев тоже со мной вышел. Стали мы во дворе, и вижу я: на глазах у него будто слеза поблескивает.

— Вот что, говорит, Степан Петрович. Долго вы еще тут пробудете?

— Не знаю, говорю, может, и еще дня три, до почты.

— Ежели, говорит, еще зайти захотите, так ничего зайдите. Вы, кажется, говорит, человек, по своему делу, ничего...

— Извините, говорю, напугал...

— То-то, говорит, уж вы лучше хозяйке сначала скажите.

— А что я хочу спросить, говорю: вы вот про боярыню говорили, про Морозову. Они, значит, боярского роду?

— Боярского, говорит, или не боярского, а уж порода такая: сломать ее, говорит, можно... Вы и то уж сломали... Ну, а согнуть, — сам, чай, видел: не гнутса этакие.

На том и попрощались.

V

...Померла она скоро. Как хоронили ее, я и не видел — у исправника был. Только на другой день ссыльного этого встретил; подошел к нему — гляжу: на нем лица нет...

Росту был он высокого, с лица сурьезный, да ранее приветливо смотрел, а тут зверем на меня, как есть, глянул. Подал было руку, а потом вдруг руку мою бросил и сам отвернулся. «Не могу, говорит, я тебя видеть теперь. Уйди, братец, бога ради уйди!..» Опустил голову да и пошел, а я на

фатеру пришел, и так меня засосало, — просто пищи дня два не принимал. С этих самых пор тоска и увязалась ко мне. Точно порченный.

На другой день исправник призвал нас и говорит: «Можете, говорит, теперь отправляться: пришла бумага, да поздно». Видно, опять нам ее везти пришлось бы, да уж бог ее пожалел: сам убрал.

...Только что еще со мной после случилось, — не конец ведь еще. Назад еду, приехали мы на станцию одну... Входим в комнату, а там на столе самовар стоит, закуска всякая, и старушка какая-то сидит, хозяйку чаем угощает. Чистенькая старушка, маленькая, да веселая такая и говорливая. Все хозяйке про свои дела рассказывает: «Вот, говорит, собрала я пожитки, дом-то, по наследству который достался, продала и поехала к моей голубке. То-то обрадуется! Уж и побранит, рассердится, знаю, что рассердится, — а все же рада будет. Писала мне, не велела приезжать. Чтобы даже ни в каком случае не смела я к ней ехать. Ну, да ничего это!»

Так тут меня ровно кто под левый бок толкнул. Вышел я в кухню. «Что за старушка?» — спрашиваю у девки-прислуги. «А это, говорит, самой той барышни, что вы тот раз везли, матушка родная будет». Тут меня шатнуло даже. Видит девка, как я в лице расстроился, спрашивает: «Что, говорит, служивый, с тобой?»

— Тише, говорю, что орешь... барышня-то померла.

Тут она, девка эта, — и девка-то, надо сказать, гулящая была, с проезжающими баловала, — как всплеснет руками да как заплачет, и из избы вон. Взял я шапку, да и сам вышел, — слышал только как старуха в зале с хозяйкой все болтает, и так мне этой старухи страшно стало, так страшно, что и выразить невозможно. Побрел я прямо по дороге, — после уж Иванов меня догнал с телегой, я и сел.

VI

...Вот какое дело!.. А исправник донес, видно, начальству, что я к ссыльным ходил, да и полковник костромской тоже донес, как я за нее заступался, — одно к одному и подошло. Не хотел меня начальник в унтер-офицеры представлять. «Какой ты, говорит, унтер-офицер, — баба ты! В карцер бы тебя, дурака!» Только я в это время в равнодушии находился и даже нисколько не жалел ничего.

И все я эту барышню сердитую забыть не мог, да и теперь то же самое: так и стоит, бывает, перед глазами.

Что бы это значило? Кто бы мне объяснил! Да вы, господин, не спите?

Я не спал... Глубокий мрак закинутой в лесу избушки томил мою душу, и скорбный образ умершей девушки вставал в темноте под глухие рыдания бури...

1880

МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ ОЖЕГОВ (1860 — 1934)

В семье плотника в деревне Михино Нолинского уезда родился 6 августа 1860 г. сын Матвей Ожегов. Отец Иван Ксенофонтович крестьянствовал, но в основном зарабатывал плотницким делом. Родители М. И. Ожегова были отличными певцами, знавшими много народных песен. Песни с детства вошли в цепкую память Матвея Ожегова. В автобиографии позднее он вспоминал: «С 13 лет начал выдумывать свои песни в том же духе, в каком пелись тогда народные песни».

С малых лет Ожегов вынужден был трудиться, испытал на себе, что значит быть в услужении у богатых. А вот учиться ему пришлось мало: грамоту постигал в Колобовской сельской земской школе.

Рано началась самостоятельная жизнь, работал он в Перми и Сибири, на уральских заводах плотником, столяром и маляром, золотоискателем и молотобойцем, официантом и разносчиком газет. Впечатления от скитаний по России навсегда остались в памяти и сыграли большую роль в становлении его как поэта.

Приехав в Москву в 1885 г., он пытается найти свой путь в литературу. 10 мая 1890 г. в московской «Иллюстрированной газете» было напечатано первое стихотворение М. Ожегова «Поле». В следующем 1891 г. его стихотворения печатаются в саратовском журнале «Братская помощь» и выходят двумя отдельными книжками: «Песни и стихотворения самоучки-писателя крестьянина Вятской губернии Нолинского уезда, Мальканской волости, дер. Михино Ожегова Матвея Ивановича», «Поля и деревня. Стихотворения М. И. Ожегова...»

181

Многие стихи Ожегова стали популярными песнями и романсами, в них звучат горькие раздумья поэта, крестьянина-бедняка, заброшенного в город в поисках заработка, о крестьянском труде, о тяжелой доле, о любви, которая осталась в деревне.

М. И. Ожегов — участник Суриковского литературно-музыкального кружка, который объединял многих поэтов, выходцев из крестьянской среды, помогал им развивать творческие способности (с этим кружком связано начало творчества С. Есенина).

В Москве М. И. Ожегов вынужден был повседневно заботиться о заработке. Его товарищ поэт-самоучка И. А. Назаров вспоминал: «В то время, когда его песни пелись повсюду, он не имел средств для лечения своих больных детей».

В 1901 г. семья Ожегова переезжает в Орел, где Матвей Иванович служит помощником кассира на железнодорожной станции. А с 1904 г. служит на станции Ярославской северной дороги.

События революции 1905 года захватывают его, он являлся членом забастовочного комитета.

За период между двумя революциями в России М. И. Ожегов создал много стихотворений, в которых звучат и обличение существующего порядка, и протест против него. Таково стихотворение «Товарищ», написанное в 1906 г.

Восторженно принял М. И. Ожегов революцию 1917 г., он приветствовал в своих стихах появление нового в жизни России. После посещения родной деревни Михино Ожегов написал поэму «Перестройка деревни».

Еще семнадцать лет М. И. Ожегов после революции воспевал родную землю, простых людей в своих песнях. Он умер в Перове Московской области 19 февраля 1934 г.

Стихи поэта остались жить в памяти народа, они слились в ней с подлинно фольклорными песнями и романсами. Его песни «Зачем ты, безумная, губишь», «Потеряла я колечко», «Меж крутых бережков», «Чудный месяц плывет над рекою» и другие, звучат и поныне в исполнении любителей народной песни.

МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕЖКОВ

Меж крутых берегов
Волга-речка текла,
А на ней, по волнам,
Легка лодка плыла.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем,
Он с веревкой в руках,
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

Как на том берегу
Красный терем стоял,
Там красotka жила,
Он ее вызывал.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Да понравился ей
Молодец удалой.

Дожидала краса
Молодца у окна,
Принимала его
По веревке она.

Погостил молодец —
Утром ранней зарей
И отправился в путь
Он с красоткой своей.

Долго, долго искал
Воевода жену,
Отыскал он ее
У злодея в плену.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

И последний удар
Их судьбу порешил,
Он конец их вражде
Навсегда положил:

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам,
Шапка с кистью плыла.

(1893)

КОЛЕЧКО

Сокрушилося сердечко,
Взволновалась в сердце кровь,
Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь.

Я по этом по колечке
Буду плакать-горевать,
По любезном по дружочке
Поневоле тосковать.

Я по бережку гуляла,
По долинушке прошла;
Там цветочек я искала,
Но цветочек не нашла.

Много цветиков пригожих,
Да цветочки всё не те —
Всё цветочки непохожи
По заветной красоте.

Не похожи на те очи,
Что любовию горят,
Что как звезды полночи
Ясно блещут и горят.

Где девался тот цветочек,
Что долину украшал,
Где мой миленький дружочек,
Что словами обольщал.

Обольщал милый словами,
Уговаривал всегда:
Не плачь, девица, слезами,
Не покину никогда.

Мил ускал и оставил
Мне малютку на руках,
Обесчестил, обесславил, —
Жить заставил в сиротах.

Как взгляну я на сыночка,
Вся слезами обольюсь,
Пойду с горя к быстрой речке,
Я, сиротка, утоплюсь.

Нет, уж бог один свидетель,
Полагаюсь на него,
Мне не жаль тебя, мучитель,
Жаль малютку твоего.

(1896)

АВКСЕНТИЙ ПЕТРОВИЧ БАТУЕВ (1863 — 1896)

Авксентий Петрович Батуев родился 17 августа 1863 г. в известной вятской купеческой семье. Родился он в Казани, но почти сразу перевезен в Малмыж, где получил начальное домашнее образование. В мае 1875 г. он сдал экзамены за 1-й класс гимназии, а с осени учится в Казанской мужской гимназии. Окончив ее в 1882 г., Батуев поступает на юридический факультет Казанского университета. Уже будучи студентом, он сотрудничает в различных казанских изданиях, таких как «Волжский вестник», «Казанский биржевой листок». В своих очерках, статьях, подписанных псевдонимом «А. Прорубов», А. П. Батуев заявил о себе как об одаренном публицисте.

Окончив университет со степенью кандидата, А. П. Батуев в 1886 г. отдает все свои силы работе в земстве. Он до 1891 г. служит в Малмыже. Затем в течение этого года его назначают земским начальником 1-го участка Малмыжского уезда, избирают на земском собрании гласным губернского земского собрания, а в декабре 1891 г. — председателем губернской земской управы. До конца своих дней А. П. Батуев исполнял эту обязанность. Батуев погиб от руки сумасшедшего в возрасте 33 лет (26 октября 1896 г.).

При активном участии Авксентия Петровича в 1894 г. в Вятке начала издаваться земская крестьянская «Вятская газета». Он хлопотал об открытии сельских библиотек, книжных складов, об ассигновании средств на постройку 600 сельских школ, о разрешении провести через Вятскую губернию Пермско-Котласскую железную дорогу.

В студенческие годы и на земской службе А. П. Батуев активно сотрудничает в газетах. В 1895 г. в Петербурге выходит под псевдонимом «А. Антеев» отдельной книжкой сборник его рассказов «Живой портрет». В этом сборнике 16 произведений, в основном рассказы и отрывки из романа «На взлете». Рассказы и роман носили во многом автобиографический характер. Их герои — простые чиновники, врачи, крестьяне.

Батуев является автором трехтомного романа «На распутье», который не был опубликован полностью, печатались в местных изданиях только отрывки. Этот роман также носил черты автобиографизма.

Добрую и благодарную память оставил после себя А. П. Батуев — известный земский деятель, знаток книг, издатель местных авторов.

БЕЗПРАВСТВЕННАЯ ПОВИЛИКА

(Сказка)

Много лет стоял запущенным старый сад. Аллеи и куртинки сплошь и без разбора заросли травами и цветами, старые липы беспрепятственно раскидывали свои ветви и любовно смотрели сверху вниз на поднимающийся молодняк, сирень и воздушный жасмин распространяли все дальше и дальше свои побеги, а шиповник спутался с повилкой и хотя жаловался, что она очень крепко обнимает его, но цвел всему саду на удивление, и его розовые цветы казались только красивее среди почти прозрачных бледно-розоватых цветов гибкой и ласковой повилки.

В этом привольном саду, на раздольи, среди веселой пестроты цветов и трав, где не было ни правил, ни законов, жилось счастливо не только цветам, а и тысячам стрекоз и бабочек, которые жили припеваючи и благословляли судьбу за этот райский уголок. Под пригревом солнечным цветы изнемогали в сладкой истоме: мирабилис и повилка сначала жмурились от солнца, а потом и совсем закрывались, нежась в обаятельных волнах солнечного тепла, а другие цветы, наоборот, смело смотрели солнцу прямо в лицо и смеялись радостным, веселым смехом жизни. И солнце им улыбалось сверху, лаская их своими лучами.

Но пришло время, решено было упорядочить старый сад. Приехал ученый, серьезный строгий садовник и начал устраивать его. Выдергал всю траву и цветы с аллеи, насыпали на них гальки и утрамбовали ее, а сверху еще посыпали песком, разбили газон на площадке перед старой террасой, обложили куртинки дерном, выдергали весь молодняк и побеги, а старые липы и кустарник подрезали и обкарнали. Сам ученый садовник лазил по особой лестнице и, безжалостно обрезывая кудрявые могучие ветви, старался придать деревьям определенные формы: шара, конуса и другие. Не оставил он и цветов в покое: некоторые вырыл и пересадил в другое место, другие только подрезал и подвязал. Он отделил шиповник от повилки, обрезал у шиповника побеги, а повилку обмотал около гладко выструганной деревянной палочки.

Все были так поражены этими переменами, этим насилием, что днем не решались протестовать, но едва настала ночь, общее возбуждение проявилось сразу: никто не хотел помириться со своим положением. Вырванные, но еще не выброшенные из сада травы и побеги сирени и липовый молодняк пробовали схватиться опять за землю, старые липы, воздушный жасмин и жимолость напирала ветвями, стараясь порвать стягивавшие их путы. Повилка развилась с деревянной палочки и опять обнялась с шиповником.

Пришло утро, явился садовник и пошел опять хозяйничать по-вечерашнему. И поняли цветы и деревья, что свободное время прошло и не вернется, что воля садовника — их закон и правило. Пробовали те, что посмелее, выбиться и сделать по своему, но садовник был внимателен:

ножницы и бечевки делали свое дело, и всякое непослушание пресекалось в корне.

Постепенно да понемногу цветы позабыли свою прежнюю вольность, им стало казаться, что правила садовника всдут к их же пользе, что иначе и быть не может, иначе и жить нельзя. Всякое отклонение стало казаться им не только неправильным, но даже безнравственным, преступным. Кто выходил из этих рамок, подвергался общему осуждению, а вскоре и наказанию, так как едва садовник замечал отступление от правил, так тотчас же водворял порядок.

Итак, все примирились. Не примирилась только одна повилика, недаром говорили, что родилась она в свободном поле, а не в саду. После той ночи, когда она обнялась с шиповником, садовник снова отделил ее, обмотал вокруг палочки и привязал бечевкой. Но повилика не угомонилась: ей тошно было обнимать сухой, дряблый кольшешек, к которому ее привязали, и она стала осматриваться. Около нее к таким же кольшкам, как она, были привязаны веселые, кудрявые хмель, дикий виноград и фасоль. Она тотчас же протянула им руку.

— Здравствуйте.

Они потянулись к ней и крепко пожали ее ручку. Знакомство таким образом установилось, но они мало нравились ей: в них так мало было устойчивости, самостоятельности. Гораздо больше нравились ей ее старый сосед — шиповник и новый, недавно пересаженный, воздушный жасмин.

Она смотрела на обоих и не знала, которому отдать предпочтение. Она знала и любила шиповника, он был верный и старый друг, но нравился ей, и даже больше чем нравился, и воздушный жасмин. Его опьяняющий, сладкий аромат кружил ей голову, от его белых, как снег, цветов не хотелось оторвать глаз. Она смотрела то на того, то на другого, тянулась то к шиповнику, то к жасмину. И тот, и другой ласково глядели на нее, кивая ей цветами.

А другие цветы кругом уже неодобрительно качали головами.

— Какое легкомыслие! — сказала пожилая полиняло-малиновая астра соседнему флоксу, когда заметила, что повилика обменялась рукопожатиями с хмелем и виноградом. — Ей и горя мало, что она себя компрометирует.

— Мораль требует от нас, — начал сухим тоном тюльпан в лиловой шапке, — чтобы мы жили не для себя. Мы должны помнить, что существуем для господина, который живет вон в тех комнатах. Будет время, придет он, сорвет нас и засунет в петличку, или унесет домой, свяжет и посадит в вазу. Мы всегда должны помнить об этом высшем назначении нашем.

Но повилика не слушала, что говорили кругом, она решала свой вопрос: которого избрать, к которому склоняться своей головкой. Этот вопрос мучил ее, сердце ее разрывалось на две части. Которого? которого? которого?..

И вдруг она решилась. Протянула руки, обняла обоих, и притянула их к себе. И белый, и розовый цветок очутились рядом, а между ними сияла радостью бледно-прозрачный цветочек.

Это было слишком. Все цветы кругом вознегодовали, даже робкая резеда отвернулась и закрылась листками, как всею.

— Это — безнравственно! — сказал громким голосом пион, краснея еще больше от гнева.

— *Est modus in rebus*, — подтвердил сухой жесткий бессмертник, ощетиниваясь и пожимая плечами.

Слапавая мягкая петунья шептала на ухо соседкам: «Ведь она всех нас, душечка, скандализует».

Даже жасмин и шиповник были смущены: «В самом деле, ведь это что-то неладно».

Одна только повилика ничего не замечала и не хотела замечать: она была счастлива.

Она была счастлива до утра. Утром пришел садовник. В одной руке он держал лейку, в другой — ножницы.

— Опять спуталась, — сказал он с сердцем. — Ничего с ней не сделаешь.

Он принес маленькую лопатку, выкопал корни повилики, распутал ее от шиповника и жасмина, и решил посадить ее в другом месте.

Но в эту минуту кто-то позвал его. Он ушел и оставил повилику на солнце. Она лежала, солнце сжимало ее в своих горячих объятиях, и чувствовала она, как жизнь тихо, едва заметно оставляет ее.

По аллее проходил кудрявый белокурый мальчик. Он увидел повилику, схватил ее, окутал ею свою кудрявую головку и шею и взял в рот ее цветок.

— Не бери в рот, — сказала ему молодая красивая дама, которая была с ним.

— Отчего, мама?

Est modus in rebus (лат.) — есть мера в вещах, т. е. всему есть мера. (Прим. — составителя).

— Она ядовита. В ней яд, синильная кислота...

В этот же вечер весь сад говорил, что повиллика умерла потому, что отравилась синильной кислотой.

Так была наказана она за свою безнравственность.

АЛЕКСЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ВЕРШИНИН (1871 — 1933)

Родился Алексей Платонович в Вятке 16 мая 1871 г. После окончания нескольких классов реального училища его увлечение литературой стало призванием. Будучи еще юношей, он написал первую пьесу. А в 1891 г., к большой радости молодого драматурга, пьеса «Под чужой кровлей» была поставлена в Вятском городском театре заезжей труппой. С этого времени А. П. Вершинин основательно занялся драматургией. Уже в 1895 г. его пьесы начинают печатать журнал «Родина». Публиковали пьесы Вершинина театральные библиотеки Москвы и Сибири. Имелось немало местных публикаций его пьес.

В конце 90-х — начале 900-х годов А. П. Вершинин активно сотрудничал как фельетонист и очеркист в газете «Вятская речь». Пытался сам издавать газету «Вятская молва» (1911), однако вышло всего несколько номеров. Время от времени в журналах «Театр и искусство», «Рампа» появлялись театральные рецензии Вершинина на провинциальные постановки.

Пьесы Вершинина «Белые вороны», «Власть греха», «Волчи зубы», «На ниве народной» и др. имели успех. Многие из его пьес основывались на скандальных судебных случаях, описывали реальные происшествия вятской или уездной жизни. Большинство персонажей, взятых из купеческой среды, у Вершинина имеют сходство с героями пьес А. Н. Островского. Пьеса «Муть» переключалась с чеховской «Три сестры», а «В степи» — с «Варварами» Горького.

Разноречивы рецензии на постановки пьес Вершинина: «27 ноября вятская публика имела удовольствие смотреть пьесу местного талантливого автора г-на Вершинина. Эта пьеса, под на-

званием «Муть» представляет из себя ряд жизненных сцен серой, будничной жизни. Очень похожая на «Трех сестер» Чехова, она написана красивым легким языком и смотрится с удовольствием». Сам драматург в автобиографии отмечал: «по существу, мое творчество всецело может быть отнесено к народному быту...»

В послереволюционные годы А. П. Вершинин обращает свой талант на пьесы социального плана «Голод», «Сирота земля без посева», «Долой неграмотность» и др.

Ставятся его старые пьесы, так, в 1918 и 1919 гг. «Власть греха» и «На ниве народной» выдержали около 50-ти постановок в г. Вятке на клубных сценах.

В 1921 г. местным издательством были изданы пьесы «Голод», «На ниве народной», «Убийство селькора Матвеева», а в 1922 г. в Вятском городском театре широко отметили 35-летие творческой деятельности вятского драматурга.

За послереволюционное десятилетие А. П. Вершинин написал: «Шеф жандармов Глотов», «Дети улицы», «Жизнь падших», «Нэпманы», «Хозяева жизни» (из рабочей среды), «За народ» (эпохи 1905 года), «Керенщина», «Жильцы коммунального дома», «Как мы с папой делали революцию», «Монахи», «Четыре рысы» и др. В мае 1930 г. А. П. Вершинина избрали действительным членом Союза революционных драматургов.

Умер А. П. Вершинин в 1933 г.

ПРИВОЛЬЕ

Драма в 4-х действиях

А. П. Алмазова

(Отрывок)

Действующие лица:

Дмитрий Яковлевич Носков.

Наталья Борисовна, его жена.

Степанова Лидия Александровна, молодая девушка, сельская учительница.

Андронов Николай Артемьевич.

Егоровна, старуха, приживалка Носковых.

Коробин Никон Иванович, бывший учитель школы.

Петр
Никита } — работники Носковых

1-й }
2-й } — гости

Парни, девушки.

Действие происходит в селе: 1-е в доме Носковых, 2-е и 4-е в школе, 3-е в лесу.

Действие I.

Обширная комната в доме Носкова. Обстановка старинная, расставленная без всякого вкуса. На первом плане от зрителя стоит стол, диван и несколько мягких кресел. Справа — конторка; на ней в беспорядке лежат бумаги, счета и проч. В глубине — по стенам развешаны дешевые олеографии; справа и слева двери; в середине — входные. Время — полдень.

Явление I.

Наталья Борисовна и Егоровна.

(Егоровна сидит на диване, перед ней на столе разложены карты. Наталья Борисовна сидит напротив Егоровны, склонив голову на руку).

Егоровна (раскладывая карты). Он, матушка, он...

Наталья Борисовна. Да кто он-то, Егоровна?

Егоровна. Трефовый король... погляди-ко, вишь, как я тебе выгадала... словно как на ладони — все ясно...

Наталья Борисовна. Ну, Егоровна, ничего я не вижу; чепуха какая-то!

Егоровна. Что ты, матушка, что ты!.. Истинно верно... Почто я тебе врать стану, какая мне корысть старухе. Завсегда правду говорила, а уж на старости лет и подавно. Вспомнишь Егоровну! верно говорю — вспомнишь!

Наталья Борисовна. Ну, ну, ладно.

Егоровна. Позапрошлый год также вот одной лесничихе гадала... Три раза карты раскладывала, все одна линия выходит... (Наталья Борисовна встала). Прикажете?

Наталья Борисовна. Спасибо, не надо больше. (Ходит).

Егоровна. Как угодно, матушка. (Собирает карты).

Наталья Борисовна. К учительнице-то ходишь?

Егоровна. Как же, раз была.

Наталья Борисовна. Ну что, как она?

Егоровна. Уж и не говори, матушка, Наталья Борисовна...

Наталья Борисовна. А что разве не нравится?

Егоровна. Гордичка!

Наталья Борисовна. Уж есть чем гордиться!..

Егоровна. Нешто бедностью да званием?..

Наталья Борисовна. (С усмешкой). А красотой?

Егоровна. Какая красота?.. Нешто этакая красота бывает!

Наталья Борисовна. Ну, Егоровна, ты напрасно говоришь. Лидия Александровна, почитай, всем нравится... Кажется, Николай Артемьевич сохнет по ней, иссушила она его... Кабы не хороша была, нешто стал бы он по ней кручиниться?..

Егоровна. Уж нашел по ком кручину да печаль разводить, тьфу!.. Ох-хо-хо!.. Жаль мне его; парень видный, из себя красив... (таинственно). Люди сказывают: жениться он собирается...

Наталья Борисовна (удивленно). Да что ты?

Егоровна. Верно слово. Раз сама видела, как он с ней, обнявшись, по лесу ходил... Шла это я, Наталья Борисовна, уж не помню теперь куда, гляжу — они мне навстречу, а я, о грешница, возьми да спрячься за куст... Сижу, притаилась, шевельнуться боюсь... накрыла вас, думаю, голубчики!.. Вот она, смиренница-то наша, какова!.. С виду-то воды не замутит, с каким хоть енералом сговорит, ан на поверку-то не то... (пауза). Проходят это они мимо, промеж себя таково-то ласково говорят... Лидия-то Александровна головку свою на плечо Николая Артемьевича положила; а он в глаза ей глядит, так и глядит... руку ее к своему сердцу положил, да и жмет, да так и жмет...

Наталья Борисовна. Уж и жмет?

Егоровна. Руку-то? Жмет, истинное слово, провалиться мне на сем месте, коли вру, матушка Наталья Борисовна... (Наталья Борисовна хохочет). Чего, матушка, смеешься?..

Наталья Борисовна. Ох, уморила!.. ха-ха-ха!.. А я-то дура никак в толк себе не возьму: почему это Николай Артемьевич школу-то часто

поссщает?.. А там приманка у него есть. Ха-ха-ха. Ну, что ж, пусть себе милуются, кто им мешает... Молодо-зелено гулять велено.

Егоровна. И найди тут на меня, матушка, смех, как не крепилась — не могу... вышла из-за куста. Грибочки, мол, собирать изволите, Николай Артемьевич?.. Так они тут у меня опешили, хоша бы слово тот и другой проронили. Знать сильно я их напужала.

Наталья Борисовна. Знаем мы эти грибы-то, знаем... (Смеется. Доносится стук подъехавшего экипажа).

Егоровна. Никак Митрий Яковлевич приехал... (подходит к окну). Он и есть... (смотрит). Не в духе что-то ноне они; идет, насупился... Гришке тукмака в спину дал... Вон как еще!.. так, так, сильней его, сильней!.. не огрызайся, знай с кем говоришь!.. (отходит от окна). Уж, извини, матушка, я уйду; сам-то больно грозен, станет еще браниться, а я брани да ссоры смерть боюсь.

Наталья Борисовна. Ну что ж, иди, держать не смею.

Егоровна. Прощенья просим! (Кланяется).

Наталья Борисовна. Заходи от простой поры.

Егоровна. Ладно, матушка, спасибо. Ужо, как-нибудь. (Идет, на встречу ей показывается Носков; Егоровна дает ему дорогу и низко кланяется. Носков, не отвечая на ее поклон, быстро идет, на пути злобно швыряет шапку, потом садится. Егоровна снова кланяется и уходит. Некоторое молчание).

Явление II.

Наталья Борисовна и Носков.

Носков. К чему это всякую дрянь-то пускаешь?

Наталья Борисовна. Тебе что? Ко мне пришла, а не к тебе.

Носков. А ежели я этого не хочу.

Наталья Борисовна. Мало ли ты чего не хочешь.

Носков. Не груби!

Наталья Борисовна. Сам грубишь.

Носков (ходит). Я им покажу, да покажу, как со мной шутки строить! Знаю ведь я, кто мне бороздит... Ну, да это мы еще увидим, чья возьмет; в другой раз соваться не станут!

Наталья Борисовна. Что случилось-то, говори?

Носков. Кабак, значит, мой зарешить хотят.

Наталья Борисовна. Кто?

Носков. Все. Миром хотят, понимаешь, миром!.. Да что тебе об этом толковать, нешто ты чего смыслишь?

Наталья Борисовна. Может, и в толк возьму, да еще тебя же научу, как это дело обделать.

Носков (недоверчиво смотрит на жену). Ну?..

Наталья Борисовна. Ты думаешь, что я баба, так и глупа?.. Нет, нашу сестру не скоро обойдешь...

Носков. Это точно.

Наталья Борисовна. А ты горячку-то свою брось!.. Сядь со мной, да по душе, значит, все, что есть, выскажи, авось, бабий-то ум и пригодится. (Носков садится к конторке. Наталья Борисовна берет стул и садится с ним рядом). Вот так. Ну теперь говори!

Носков. Хотят это у меня кабак убрать... Не то штоб куда-нибудь снести, нет... совсем крышку ему, значит, дать... Вишь, народ-то у нас все трезвый, пьяниц нет... А я нешто кого спаиваю?.. Сами лезут. Дурака сколь не учи — все дурак! Ну, так они промеж себя и порешили: не бывать моему кабаку на селе. Мне, собственно, что — кабак, тьфу!.. не ахти какую пользу дает, только, значит, амбиция моя страдает, потому сколько лет этим делом занимаюсь... Еще покойник родитель мой с эфтого жить пошел и мне наказ дал. В те поры приволье у нас здесь было, что хотели, то и делали с батюшкой; никто нам, значит, поперек дороги не стоял, а все с почтением да с уважением к нам, не то чтобы теперь — в задор лезть (молчание). Глупы они все, вот что, да!.. Думают, Носков от этого случая разорится. Нет, мне теперь ежели все дела бросить, так и то на мой век хватит! (пауза) Гордость моя, Наталья, не позволяет, чтоб меня обошли. Ежели это так случится — заклюют меня как воронье!.. (встал и прошелся).

Наталья Борисовна. А ты их обойди... попотчуй, что-ли, малость... Зверя прикорми, так и тот смирнее станет. Отвали на мир сотенную, чтобы не подписывали они этот приговор. Денежка-то и камешок долбит... Нешто этакое дело у нас первое?..

Носков. Уж и то думаю.

Наталья Борисовна. А ты не думай, делай! (молчание). Зачинщики-то кто?

Носков. Известно кто: Андронов да наша учительница.

Наталья Борисовна. Ее везде спрашивают.

Носков. Сказывают, не по вкусу ей, что мой кабак-то в соседстве с ее школой.

Наталья Борисовна. И чего ее все слушают?.. (пауза). Знать, ума больно. А ты с ней поговори: ежели, мол, вы заноситься станете и о себе много думать будете, во всякую щель соваться, куда, значит, вас не спрашивают, — так здесь вам долго не жить. Так и скажи ей. Порядков у нас своих никто не заводил, жили все промеж себя в согласии да дружбе... А то на! какая выискалась... прятка больно! (Встала).

Носков (хлопая жену по плечу). Золото ты у меня, а не жена!

Наталья Борисовна (вызывающе). То-то золото. У такой-то жены надо ручки целовать, в ножки ей кланяться, что мужа своего уму-разуму учит... (пауза). А ты разве приглубишь меня да приласкаешь, а чем я не хороша? Смотри-ко!.. (кокетливо повертывается на каблуке перед Носковым). Чай, не хуже учительницы-то буду; может лучше... (самодовольно). Хоть и с ней так поспорю... Что глаза пучишь?.. думаешь, не сумею?.. Захочу, так Андронов ручки мои целовать станет, а муж смотри, да затылок чеши. Ха-ха-ха!.. Что боишься?.. Ты ведь виноват-то будешь, а не я... (страстно). А ты меня почаще около себя держи; может, я не совсем дура... (смеется).

Носков. (Обнимает Наталью Борисовну и целует в щеку). Огонь, а не баба!..

Наталья Борисовна (освобождаясь из объятий Носкова). Будет, вишь разлакомился... Дай повадку, так вы и пошли... Ну, ну, будет, сказано ведь, чего еще лезешь! — (оттолкнув Носкова, быстро уходит влево)...

(...)

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ЗЫКОВ (1873 — 1924)

Иван Григорьевич Зыков родился 20 сентября 1873 г. в д. Нижние Пленковы Орловского уезда Вятской губернии, в бедной крестьянской семье. Отец его, отставной солдат, рано умер, и мать, Степанида Яковлевна, одна поднимала большую семью. И. Г. Зыков окончил двухклассную земскую школу. С 18 лет он отправляется на заработки, устраивается матросом на пароходы, перевозящие грузы по Иртышу.

Впечатления о тяжелой жизни матросов Зыков пытается передать стихами, первые его стихи относятся к 1903 г., а затем он обращается к деревенской тематике.

В 1905 г. был издан его первый стихотворный сборник. Составил и написал предисловие к нему Д. К. Зеленин. Сборник вышел в Юрьеве (ныне г. Тарту).

В 1906 г. в г. Бийске поэт издает новый сборник на средства, взятые в долг. В Вятке у И. Г. Зыкова вышли еще два его сборника: в 1909 и 1911 гг. Помимо стихотворных сборников, Зыков печатался в провинциальной прессе: журнале «Твердое жало», альманахе «Пробуждение» (Суздаль, 1912) и др.

Творчество И. Г. Зыкова, поэта-самоучки, тяготеет к фольклорной традиции, поэт пытается передать беды и нужды крестьянина, стихи его просты и бесхитростны, может быть поэтому Д. К. Зеленин назвал их «лобопытным этнографическим документом».

Умер И. Г. Зыков 28 марта 1924 г., похоронен в с. Истобенском.

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Ах, нужда, нужда
Безысходная!
Доля горькая,
Ты, народная!

Ты зачем на свет
Зародилась,
В хату бедного
Поселилась?

Работаю я,
Нет уж моченьки,
А ты все со мной,
Дни и ноченьки.

Не дашь ты мне
Полной волошки,
Не пускаешь в дом
Светлой долочки.

Не дашь взглянуть
В небо ясное,
Чтоб узреть вверху
Солнце красное.

Ах, нужда, нужда
Безысходная!
Доля горькая,
Ты, народная!

Мне хотелось бы
Без нужды пожить,
Долю светлую
И казну нажить.

Чтобы по миру
Не за всем идти, —
Вещь потребную
У себя найти.

Но впиалась нужда
В сердце бедное,
Изморщишила
Лицо бледное.

И должно быть, я
При нужде помру,
При нужде во гроб —
В землю-мать сойду.

Ах, нужда, нужда
Безысходная!
Доля горькая,
Ты, народная!

С ДРУГОМ

Хоть подушка и мягка, —
На руке помягче;
Да еще, как у дружка, —
Сон милей и слаще.

С другом голая доска
Спину, бок не давит,
И незнамая тоска
Плакать не заставит.

С другом в зиму — словно май
И в морозы — лето,
С другом горе и печаль
Как бы невзамету.

ЯН РАЙНИС (ЯНИС КРИШЬЯНОВИЧ ПЛИЕКШАНС) (1865 — 1929)

Ян Райнис (настоящее имя Янис Пликшанс) родился 11 ноября 1865 г. в небольшом имении Таденава (хутор Варславаны) Рубенской волости Курляндской губернии в семье арендатора Кришьяниса Пликшанса. В 1880 г. Райнис поступает в Рижскую городскую гимназию, а затем изучает юриспруденцию в Петербургском университете (1884 — 1888). После университета Райнис работал юристом в Вильне и Елгаве, но его влекло общественно-политическое движение, и он становится в 1889 г. ответственным редактором газеты «Диенас лапа» («Ежедневный листок»). В период с 1896 по 1897 гг. он много пишет и одновременно работает юристом в Елгаве, Берлине, Паневежисе. С 1895 г. в периодике появляются его стихи.

31 мая 1897 г. Ян Райнис был арестован и после нескольких месяцев тюремного заключения отправлен в ссылку: сначала в Псков, а в июне 1899 г. в Вятскую губернию.

15 июля 1899 г. Райнис приехал на пароходе в Вятку, а затем в конечный пункт — г. Слободской. Ссылному было запрещено заниматься адвокатурой, и поэт все свои силы отдает творчеству. Райнис переводит на латышский язык Горького, Гете, Гейне, Шекспира, Шиллера, Лессинга, пишет статью «О юношеских годах Гете», пьесу «Полуидеалист». Стихи Райниса, написанные в тюрьме и ссылке, вошли в первый большой

сборник «Дальние отзвуки в синем вечере», который вышел в свет в июне 1903 г.

В г. Слободском Ян Райнис встречался с П. Стучкой, Ф. Дзержинским. В Слободском было много ссыльных, с которыми общались супруги Райнис (Аспазия — жена Райниса приехала в Слободской 29 мая 1900 г.).

2 мая 1903 г. вместе с женой Райнис уезжал из ссылки, но ему запрещено проживать в столицах, они поселяются в Витебске.

В конце 1905 г., в период разгула реакции, Райнис и Аспазия вынуждены покинуть родину и отправляются в Швейцарию. В эмиграции Райнис пишет «Эпос «1905 год», сборник «После бури», «Тихая книга». Наиболее полно внутренний мир автора раскрыт в сборнике «Конец и начало» (1912). В 1911 г. закончена трагедия «Индулис и Ария», а 1913 г. — драма «Вей, ветерок», а в 1919 — трагедия «Иосиф и его братья».

В 1920 г., уезжая домой, Райнис увозит много написанных стихов, которые входят в сборники под общим названием «Три круга».

В Латвии Райнис некоторое время активно сотрудничает в департаменте искусств, является директором Национального театра, в 1927 г. становится министром просвещения. Последний сборник Райниса в Латвии — «Месяцовна» (1925).

Умер Ян Райнис 12 сентября 1929 г.

СЛОМАННЫЕ СОСНЫ

Сгибаются сосны под бурей злой
На донях у моря в стране родной.
Их взоры летели до края земли,
Скрываться и гнутья они не могли.

«Ты, злобная сила, сломила нас,
Но битвы с тобою не кончен час.
Томясь перед смертью по далям морским,
Мы каждою веткой о мщенье шумим».

— И сосны, хоть ветром сломило их,
Плывут кораблями средь волн морских.
Всем бурям навстречу вздымая грудь,
Всем бурям навстречу направив путь.

«Враждебная сила, волну вздымай —
Еще мы увидим заветный край!
Пускай нас сломает, в щепы разобьет —
Достигнем мы дали, где солнце встает!»

(1901) Слободской

Перевод Вс. Рождественского

РАЗМЫШЛЕНИЯ В НОЧЬ НАКАНУНЕ НОВОГО ВЕКА

1

Пустыня ссылки. Холод и покой.
Здесь некуда спешить. Из этой дали
Ясней и раньше всех могу видеть
Черты и нрав идущего к нам века.
Передо мной раскинулась отчизна,
Покрытая белейшим одеялом
С голубенькой каемкою море.
Под свежим снегом свежие могилы,
От свежей крови пар встает над ними,
И впрямь для века прошлого та кровь
Не в меру пламенной оказалась.
Теперь, быть может, будет по-иному.

2

Неслышными шагами новый век,
Таясь, подкрался, словно тать в ночи.
Дверь хлопает, и, молнии мгновенней,
Быстрее, чем взмах меча, он успева
Порог переступить, и вот уже
Горит, как Севера всполох багряный;
Он, тяжкою громадой навалясь,
Заполнил все, лишь слышен за дверьми
Свист времени, летящего стремглав.
Век новый веет стужей ледяной,
У ног его клубятся испаренья,
А за спиною мгла встает, — и страшно
Сверкает из-под маски пламень глаз.

<...>

10

Громами войн он путь свой начинает,
Вдали раскаты первые гремят,
И «длинный Том», как новый божий бич,
Нет-нет да грохнет. Снаряды воют,
И сыплются свинцовые бобы.
«Концерт Европы» этот гул зовется:
В нем пушек гром, в нем тонкий визг «дум-дум»,

Зубов железный скрежет, стон глухой
И лязг брони... Зато над этим всем,
То вкрадчиво, то словно издеваясь,
Небесный голос флейт поет, поет
О счастье, безмятежной тишине,
Добытых острым лезвием... Те песни
Зовутся дипломатией...

1900 г. Слободской

Перевод В. Бугаевского

ПАЛИ РОСЫ

Солнце за леса клонилось,
И на землю пали росы,
И заря на них искрилась.

Ночью встал туман бесплотный
И седые пали росы,
Как шитье, на трав полотна.

Солнце встало над лесами,
Увидало — пали росы,
Лик земли омыв слезами.

(1902) г. Слободской.

Перевод А. Щербакова.

РАЗДЕЛ III ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

ПОЭЗИЯ В РИТМЕ ТРУДА (1900 — 1945)

Г. Н. Шершнева

После революции 1917 г. в литературной жизни Вятки происходят значительные изменения. Еще продолжают работать писатели, начавшие свой творческий путь задолго до 1917 г. (И. П. Шадрин, А. П. Вершинин, М. И. Горев-Пойский, Н. Н. Румянцев, А. А. Гусаков), но все громче и сильнее звучат новые, молодые голоса. Это было время, когда, по словам автора «Вятских записок» Всеволода Лебедева, «в каждом молодом лице чувствовалась жажда разбивать и строить, а вечерами, после напряженного трудового дня, молодежь изучала «теорию наступления на старый мир». Одним из первых изданий творческой молодежи Вятки в 1917 — 1918 гг. явился журнал «Молодые порывы», который выпускался силами учащихся. Редактором его был питерский студент Георгий Сиверцев, в недавнем прошлом окончивший вятскую гимназию. Издателем выступала курсистка Евстолия Тихомирова. Кроме «Молодых порывов», вышли альманахи «Осенний шелест» и «Ручьи», экземпляры которых хранятся в Кировской областной научной библиотеке имени А. И. Герцена.

В 1918 — 1921 годах в Вятской губернии, как и во многих других местах России, приобретает широкий размах пролеткультовское движение. В Вятке и уездах при рабочих клубах, фабриках и заводах возникают секции, студии, литературные коллегии, объединявшие пролетарских поэтов и прозаиков. Они стремились создать «огненные песни», в которых бы отразилось время, его пафос, его «трепет».

Пролеткультовские организации вели работу с молодежью в нескольких студиях: литературной, музыкальной, художественной, театральной. «По вечерам помещение пролеткульта представляет самое интересное по оживлению место», — писала «Вятская правда» в заметке, посвященной годовщине работы Ижевского районного пролеткульта, созданного в 1919 г.

В эти годы в «Вятской правде» и других периодических изданиях появляются новые рубрики: «Пролетарская поэзия», «Рабочее творчество», «Творчество свободного народа» и т. д. Как первоочередная провозглашается задача: дать «литературу искреннюю, правдивую, народную». В качестве центральных тем литературы выдвигаются тема близкого счастливого будущего («дивная сказка о грядущем царстве правды и мира»), тема труда, война «как великая трагедия». Складывается образ поэта «с хрустально чистой душой», «борца за правду», идущего к «цели светлой и великой» (В. Гуцин).

В развитии пролеткультовского движения проявлял заинтересованность Вятский губернский отдел народного образования. Его председатель Н. А. Заровнядный выступил на страницах «Вятской правды» (1920 г., 6 октября) с предложением создать в Губернском отделе народного образования секцию пролеткульта, задача которой состояла бы в «выявлении пролетарского творчества» и «заботе о самородках». Редакция «Вятской правды» поддержала идею организации секции пролеткульта в губернном центре, отметив «необходимость ее для собирания пролетарских сил во всех областях революционного творчества».

21 ноября 1920 г. состоялось собрание пролетарских писателей г. Вятки, на котором с докладом о первом Всероссийском съезде пролетарских писателей выступил П. Щелканов. Собрание постановило организовать в Вятке губернское отделение союза и выбрало бюро в составе П. Щелканова, С. Шихова и Я. Баумана. Бюро Вятского отделения союза пролетарских писателей должно было вести работу по объединению начинающих рабочих поэтов, беллетристов, драматургов, заняться устройством литературных вечеров, посвященных творчеству пролетарских писателей. Наконец, перед бюро была поставлена задача: «стремиться к созданию в Вятке Пролеткульта как культурно-творческого центра рабочих».

Вскоре после собрания в «Вятской правде» появилась статья Александра Рабочего (П. А. Щелканов) «Пролетарская культура», в которой говорилось о достижениях в области строительства пролетарской культуры за три года революции и задачах, стоящих перед писателями: «создание своей пролетарской культуры», которая понималась как «новое общечеловеческое искусство».

Союз пролетарских писателей Вятской губернии устраивал собрания, на которых обсуждались вопросы пролетарской культуры и пролетарского творчества, литературные вечера, «четверги». Члены Бюро регулярно печатали статьи о задачах пролетарской

культуры. В качестве центрального выдвигался вопрос о форме, образной системе произведений. В этом отношении вятские деятели пролеткультовского движения шли в русле исканий и установок группы московских пролетарских поэтов, вышедших в 1920 г. из Пролеткульта и создавших новую литературную организацию «Кузница».

П. Щелканов в своих выступлениях утверждал, что «в форме первое место занимает ритм труда», ритм создаст свой образ, образ движения. «Источником образного мышления поэтов-рабочих, — заявлял он, — является завод». В своей художественной практике пролетарские поэты Вятки стремились реализовать эти творческие установки. Об этом свидетельствуют поэма Александра Рабочего «Завод», стихи А. Панкратова («Кузнец»), Я. Баумана («Уснувшему заводу») и др. Наименее удачными оказывались те произведения, в которых преобладали риторика и абстрактная образность («храм труда», «титаны труда» и т. д.).

Значительным событием литературной жизни явилось открытие 25 мая 1921 г. первого общегубернского съезда пролетарских писателей. Перед съездом стояли задачи: объединить начинающих пролетарских поэтов и прозаиков в один общий Союз; осознать свои силы, дать им определенное творческое направление. Вятский Союз рассматривал себя как часть Всероссийского Союза пролетарских писателей. За четыре месяца своей работы Бюро Союза установило организационную связь с литературными центрами, наладило снабжение литературой. П. Щелканов имел непосредственные контакты с членами Московского Пролеткульта. Г. А. Санников вскоре становится одним из руководителей литературной группы «Кузница».

В Вятской губернии, в отличие от Тверской, Самарской, Оренбургской, Тамбовской и других, не было своего пролеткультовского журнала. Пролетарское творчество было широко представлено на страницах журнала «Зарево» — органа Вятского Губернского Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи. Журнал «Зарево» начал выходить в Вятке с февраля 1920 г. В 1920 — 1921 гг. было напечатано 11 номеров. Инициаторами и членами редколлегии журнала были И. Подволоцкий, П. Щелканов, В. Горохов, И. Халгурин, В. Петрова. «Зарево» не был чисто литературным журналом. В нем большое место занимали материалы о деятельности Союза молодежи, о работе с деревенской молодежью, статьи по истории революционного движения. Журнал знакомил своих читателей с деятельностью Коммунистического интернационала молодежи, его программой и уставом. В «Зареве» имелись отделы: «Жизнь и работа молодежи за границей», «По России», «По губернии», «Отдел литературный». Внешнее оформление журнала напоминало многие пролеткуль-

товские издания: рабочий одной рукой высоко поднял горящий факел, в другой его руке — молот. Каждый номер журнала открывался стихами Александра Рабочего (П. Щелканова), обращенными к молодым, призванным «разрушать» и «творить», «строить жизнь иную», уверенно шагающим по жизни с песней «железной, мощною, призывной». Журнал ставил перед собой прежде всего практические цели: дать «правильное толкование задач союзной работы, линии их проведения», помочь организации культурно-просветительной работы. В стихотворении, посвященном журналу, С. Шихов писал:

«Труд коллективный, создатель всесильный,
С заревом алым скорей выходи,
Мощным ударом и голосом сильным,
Звоном и песней весь мир разбуди!»

В литературном отделе журнала печатались стихи известных поэтов пролеткульта А. Поморского, А. Маширова-Самобытника и др., а также стихи вятских поэтов — Александра Рабочего, Вл. Малиновского, С. Шихова, Я. Баумана, Г. Васильева... В журнале «Зарево» напечатал первые стихи Н. Заболоцкий. Тема труда как творчества нового мира — одна из центральных в стихах авторов журнала.

Мы родились не для спячки,
мы родились не на пир —
Для работы, мастерами
мы явились в этот мир...
(Вл. Малиновский).

Произведения пролетарских поэтов часто печатали «Вятская правда», «Известия Вятского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», журнал «Новая жизнь» и другие периодические издания первых лет революции.

В начале 20-х годов выходят несколько книг вятских поэтов: «Гудки» Петра Щелканова (Ал. Рабочего) (Вятка, 1920), «Стихотворения» Германа Васильева (Вятка, 1920), «Дни» Григория Санникова (Вятка, 1921).

В этот же период были выпущены несколько коллективных литературных сборников и журналов, чаще всего рукописных: «К светлому будущему!» (Малмыж, 1920), «Маяк» (Яранск, 1920), «Набат» (Советск, 1920) и др.

Самым значительным коллективным сборником пролетарских поэтов и прозаиков был вышедший в 1921 г. в Вятке сбор-

ник «Чугунный улей». Среди авторов его — известные в те годы пролетарские поэты (В. Александровский, А. Дорогойченко, М. Герасимов, В. Казин, Вл. Кириллов, Е. Нечасв, Н. Полетаев, С. Обрадович, С. Родов) и молодые вятские поэты (Г. Васильев, Ал. Рабочий, Гр. Санников, Н. Чемоданов, Ст. Шихов). Сборник вышел под грифом «Всероссийский Союз Пролетарских Писателей». Первый раздел сборника составляли стихи, во втором была представлена проза (рассказы М. Волкова, Н. Ляшко, П. Низового, воспоминания А. Новикова-Прибоя). Стихи сборника, в том числе и стихи вятских поэтов, отражали внутреннюю неоднородность поэтической «Кузницы». Рядом с традиционными для Пролеткульта космическими и библейскими образами, романтикой пролетарского «машинизма», холодной риторикой читатель находил в этом сборнике стихи, отличающиеся эмоциональностью, стремлением к простоте и естественности выражения и нетрадиционным подходом к ведущим темам пролетарской поэзии. С романтической патетической струей пролетарской поэзии были связаны стихи Ал. Рабочего («Завод», «Песни грядущего», «Утро»):

...Мы с машиной слились,
Все борцам ничо чем!..
Цепи грядущих веков
разорвем!..

Другая тенденция нашла выражение в стихах Гр. Санникова («Вешний ветер», «Я помню утреннюю тишь», «Поэма о собаке»). Они привлекали своей эмоциональностью, жизненной конкретностью, задушевностью.

Свой голос, свое лицо нельзя не почувствовать в стихах Ст. Шихова, Г. Васильева и особенно в стихах Н. Чемоданова, выделявшихся общей поэтической культурой и испытавших определенное воздействие символизма.

«Наше литературное сегодня очень сложно и пестро, — писал в 1923 г. А. Воронский. — ...Растут литературные кружки и группы... Старое перестало удовлетворять, а новое пока смутно, еле-еле брезжит».* Это наблюдение редактора журнала «Красная новь» весьма точно определяло ситуацию, сложившуюся как в столичных литературных кругах, так и на периферии.

Середина 20-х годов в Вятке — время большой творческой активности местных поэтов и прозаиков, период дискуссий, наплыва рукописей от начинающих авторов, создания литературных объединений, кружков, выпуска многочисленных изданий: от

* Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., 1982, с. 343.

школьных сборников и альманахов до журнала «За решеткой» — органа воспитательной части Вятского исправдома.

В 1924 г. был создан литературно-художественный кружок при газете «Вятская правда». В него вошли пролетарские писатели и поэты. В состав бюро были избраны К. Алтайский, Д. Крептюков, П. Перовский и др. Члены кружка на собраниях читали и обсуждали свои произведения, мечтали издавать альманах, но так и не смогли достать для этого средств. На первую всесоюзную конференцию пролетарских писателей в Москву (январь 1925 г.) кружок послал с правом совещательного голоса трех человек — М. Измestьева, Д. Копылова и С. Большакова.

В начале 1925 г., после всесоюзной конференции пролетарских писателей, возникло Вятское отделение Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Инициаторами создания его были курсанты совпартшколы. Становление новой литературной организации проходило нелегко: из-за разъезда курсантов на практическую работу она едва не распалась. Ассоциация окрепла и развернула свою работу в 1927 г. При партклубе начал работать литературный кружок ВАПП, занятия которого проходили в форме литературной учебы. Члены ВАПП организовали обсуждение новых произведений А. Фадеева, С. Малашкина, Н. Огнева и др. В рабочих клубах устраивались литературные вечера. Члены ВАПП видели свою основную цель в том, чтобы «помочь начинающему писателю (в первую очередь из рабочих и крестьян) нащупать правильный путь литературного творчества и самим научиться создавать литературные произведения» (ГАКО, ф. 875, оп. 1., ед. хр. 1828, л. 81). Это объединение по своему составу было немногочисленным (14 человек) и довольно пестрым: учащиеся, студенты, красноармеец, избач, школьный работник, пропагандист. Среди членов ВАПП были Б. Бялик, Н. Васенев, А. Даров (Долгих), П. Измestьев, М. Измestьев (Болотный), П. Казенин, Д. Шевнин и др. Председателем избрали М. Белова, оргсекретарем — П. Измestьева. Вятское отделение пролетарских писателей опиралось в своей работе на платформу ВАПП, поддерживало ее решения и инициативы. С самого начала одним из основных недостатков в работе Вятского отделения ВАПП стала установка на массовость. Уже к концу 1925 г. насчитывалось 45 членов и кандидатов. В Яранске возникла уездная секция, объединившая 400 рабкоров и селькоров. Мешала плодотворной творческой работе и малограмотность начинающих писателей. Закономерно, что в таких условиях на первый план выдвигались вопросы литературной учебы и более продуманного вовлечения в ВАПП новых членов.

Весной 1928 г. ассоциация выпустила небольшой сборник стихов «Колос». В него вошли произведения П. Измestьева,

Н. Васенева, П. Казенина, Дм. Шевнина, Г. Жаворонкова, Гр. Чеснокова и других.

Вскоре после создания ВАПП в Вятке появилась еще одна литературная группа — «Перевал». Это произошло в марте 1925 г. В редакции «Вятской правды» состоялось собрание литературной молодежи, на котором были заслушаны два доклада — о Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей и группе «Перевал» — и проведена дискуссия о современных группировках в литературе. Наиболее активно проявившие себя молодые прозаики и поэты приняли решение организовать в Вятке группу «Перевал». В правление «Перевала» были избраны С. Бабинцев (С. Дорожный), Д. Ватлецов, А. Докучаев, И. Царегородцев, председателем — К. Королев (К. Алтайский). Группа установила связи с московским «Перевалом».

В 1926 г. группа «перевальцев» создала литературное объединение «Зеленая улица». Название было подсказано обликом Вятки того времени — «пеиндустриализированного вполне... города зеленых, не каменных улиц...», как говорилось в уставе объединения. Новое литературное объединение имело своей целью «серьезную работу над художественным словом». Члены «Зеленой улицы» (Д. Ватлецов, М. Губергриц, Б. Дьяков, А. Зобнин, А. Мильчаков, П. Михеев, В. Рева, М. Решетников, Н. Чиненков и другие) регулярно собирались вместе для обсуждения новых произведений.

В том же 1926 г. была сделана попытка преодолеть противостояние разных литературных группировок и объединить писательские силы Вятки. С этой целью был создан Союз рабоче-крестьянских писателей и поэтов Вятской губернии, но просуществовал он недолго.

В 1927 г. возобновило свою деятельность Вятское отделение Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал». В него вошли в основном молодые поэты и прозаики, печатавшиеся в местных газетах и журналах. Имели публикации в центральной прессе и отдельно изданные книги М. Горев-Пойский, М. Решетников, С. Шихов. В военных газетах и журналах печатал свои стихи А. Мильчаков, в ленинградской прессе появлялись стихи М. Губергрица. Председателем правления Вятского отделения группы «Перевал» стал С. Шихов, секретарем — М. Решетников. В докладной записке, направленной «перевальцами» в Вятский Губернский Исполнительный Комитет 5 сентября 1928 г., так характеризовались задачи работы объединения: «Отделение «Перевал» в Вятке ведет свою работу около 4-х лет... Отделение ставит своей целью выявление новых творческих сил, ор-

ганизацию действительно культурной и творчески продуктивной писательской среды*...»

На сходки, «вечера учебы», проводимые группой «Перевал» в редакции «Вятской правды», а затем в библиотеке им. А. И. Герцена, собиралось порой более ста человек — преимущественно рабочая и учащаяся молодежь.

Вятские «перевальцы» выпустили два коллективных сборника. Один из них — «Цветы панелей» (1925 г.). В нем были напечатаны стихи вятских поэтов о беспризорных детях. Тема судьбы детей, оказавшихся на улице и рано узнавших изнанку жизни, волновала в те годы многих. Авторы сборника «Цветы панелей» попытались в своих стихах показать не только тяжесть существования обездоленного ребенка на улицах и задворках города, но и драматизм его внутреннего состояния, его душевные раны, равнодушие и жестокость «сытых», толпы. Стихи сборника были адресованы широкому читателю, но одно из них было обращено к поэтам-современникам. Это стихотворение М. Решетникова «Спасибо», посвященное С. Есенину.

...Поэты, кто из вас боль
детворы почуял?
Я их искал и не нашел —
их нет,
И только раз о тех,
кто под котлом ночует,
Грустил Есенин — ласковый
поэт.

Автору «Руси бесприютной» ставилось в заслугу прежде всего то, что он «заметил души их сквозь тихий плач». К этому же стремились и вятские поэты.

В 1925 г. в Вятке вышли еще две книги стихов — «Алое яние» К. Алтайского и «Первая верста» Ирины Корженевской.

Автор первой из них — К. Королев (1902 — 1978), выступавший под псевдонимом К. Алтайский, уроженец Сызрани, активный сотрудник вятской прессы в 1922—1926 гг., первый председатель Вятского отделения группы «Перевал», поэт, прозаик, фельетонист, переводчик. В 1926 г. он уехал в Калугу, куда его пригласили на журналистскую работу и где он надеялся встретиться с Э. К. Циолковским. Знакомство с великим ученым состоялось. К. Алтайский записал рассказы Циолковского, они и

* ГАКО, ф. 875, оп. 1, ед. хр. 1828, л. 75.

составили основу его художественно-документальной книги «Циолковский рассказывает...». В вятских газетах и журналах К. Алтайский опубликовал в 20-е годы большое число стихотворений, рассказов, очерков, литературных портретов, статей, рецензий. «Алое таяние» была отмечена местной критикой как книга, содержащая немало «звучных, искренних и удачных» стихов, но неровная в художественном отношении. В стихах, составивших книгу, вызывает интерес образ лирического героя — человека, вышедшего из самых низов, участника гражданской войны, готового в любой момент снова ринуться в бой за идеалы революции, поэта, которого друзья называют «самым теплым и нежным» среди других поэтов.

Увлечение Есениным было характерно для большинства вятских «перевальцев». Критика иногда упрекала их в прямом подражании Есенину. В 1925 г. К. Алтайский опубликовал в «Вятской правде» литературный портрет «С. Есенин». На смерть поэта откликнулись стихами многие вятские поэты, в том числе К. Алтайский, А. Мильчаков и другие. Определенное влияние на поэтов Вятки оказал и В. Казин, стихи которого печатались в сборниках «Перевала» и других центральных изданиях.

В 1926 г. вышла в Вятке еще одна книга поэта-«перевальца» — «Кондовое утро» С. Шихова. Члены Вятского отделения группы «Перевал» часто публиковали свои произведения в «Вятской правде», других местных газетах и журналах и были хорошо известны вятским читателям.

В центральных журналах печатал свои произведения К. Алтайский, а Д. Крептюков опубликовал книжку рассказов в издательстве «Огонек» (1925 г.).

В ноябре 1926 г. читатели «Вятской правды» узнали о рождении еще одной литературной организации — литературно-художественного кружка «Стройка». В составе кружка было всего 12 человек «из среды комсомольцев и наиболее передовой и способной части учащихся», но кружковцы стремились привлечь к своей работе новые силы из числа рабкоров и селькоров. Основной своей задачей члены «Стройки» считали «художественное отражение нашей повседневной работы, нашего строительства» («Вятская правда», 1926, 14 ноября, № 261). «Стройка» установила тесную связь с «Вятской правдой». Газета открыла новый отдел — «Литературную страницу». Предполагалось, что она будет выходить еженедельно и отражать наиболее яркие успехи в творчестве членов кружка. Помимо этого, «Стройка» устраивала каждую не-

* Совпартшколец. — 1925. — № 2-3.

делю «литературные воскресники» — с целью «изучения теории и практики творчества», массовые литературные вечера, постановки в рабочих клубах.

«Литературная страница» «Стройки» печатала стихи Адаева, М. Губергрица, Б. Дьякова, П. Рожкова (Майского), П. Волгина, М. Решетникова и других. Здесь регулярно появлялись литературно-критические статьи Б. Дьякова, Б. Оскольского, Н. Сказина, очерки, рассказы, рецензии, ответы начинающим авторам, публиковались материалы красведческого характера (статьи П. Н. Луппова, Б. Дьякова), имелся отдел «Литературная хроника». В 1927 г. кружок начал более тесно сотрудничать с Вятским отделением ВАПП, члены «Стройки» выступали вместе с поэтами ВАПП на литературных вечерах.

Значительным событием в литературной жизни Вятки середины 20-х годов явилось издание литературно-художественного рабкоровского журнала «Родина Халтурина». Рождение этого журнала связано с размахом рабселькоровского движения. В 1924 г. было более двух тысяч рабселькоров в газетах «Вятская правда», «Вятская деревня», «Юный пахарь». До второй половины 1925 г. при «Вятской правде» выходила один раз в неделю литературная страничка, но она не могла использовать весь поступавший с мест и годный для печати материал. Учитывая сложившуюся ситуацию, было принято решение издавать рабселькоровский журнал «Родина Халтурина». В конце 1925 — начале 1926 г. вышли три номера журнала, и на этом издание прекратилось. Журнал издавался на хорошей бумаге, имел прекрасное оформление (художник В. Литко), был составлен вполне профессионально, давал читателям материалы самого разного содержания: о революции 1905 г., о последних научных открытиях, о новых книгах, вышедших в московских издательствах, о работе кожевников Вятки и т. д. Но основное место в нем занимали художественные произведения, авторами которых были поэты из Москвы (Макар Пасынок, К. Горбунов, Н. Алексеевский) и вятские поэты и прозаики (К. Алтайский, Адаев, Д. Ватлецов, С. Дорожный, Д. Крептюков, Е. Лесной, Ив. Царегородцев и др.). В редакционную коллегию журнала входили К. Алтайский, Д. Ватлецов, А. Преображенский, М. Фодганов. Редактором журнала был Б. Цыганов. «Родина Халтурина» не был журналом какой-либо одной литературной группы, но все же чаще других на его страницах появлялись произведения «перевальцев». В связи с выходом первого номера журнала критик и литературовед К. Дрягин писал на страницах «Вятской правды»: «Вятка имеет свой журнал! Это — факт громадного значения. Для нашей рабкории, для писательского молодняка эта тетрадь открывает широчайшие возможности: это — боевое крещение в печати,

это — мост в «большую литературу», это — величайший стимул для серьезной, упорной работы...»*

Более скромным по оформлению и содержанию был ежемесячный литературный общественно-политический журнал «Совпартшколец» (1925 — 1926), орган Вятской губернской советско-партийной школы. Это был, как подчеркивалось редакцией, «школьный журнал». В нем печатались в основном статьи, очерки, стихи курсантов и преподавателей школы — С. Большагина (Семена Электрохлебного), Д. Копылова, Н. Кассина, Д. Ишугинова, П. Широкова, Н. Подоппелова...

В середине и второй половине 20-х годов активизировали свою творческую деятельность и многочисленные литературные кружки и группы на предприятиях и заводах, в учебных заведениях, уездных городах. В 1924 г. была организована Слободская литературная группа, сначала объединявшая несколько начинающих писателей (Ал. Елькин, Н. Патов, В. Путыгин, А. Вылегжанин, Л. Утехин и др.). На рубеже 20—30-х годов она выросла по составу и предприняла ряд самостоятельных коллективных изданий («Молодость», I сб. — 1928, II сб. — 1930; «За оборону» — 1932, «Горячее время» — 1933). Наибольшую известность из членов этой группы приобрел В. В. Заболотский — поэт, журналист, редактор. В 1925 г. вышел сборник творчества литературных кружков рабочего клуба «Дворец труда» и редакции «Коммунистической молодежи» под названием «Шаг». Учащиеся Вятской губернской школы ФЗУ полиграфистов издали сборник стихов «Творчество фабзавуча». Плодотворно работал литературный кружок пединститута. В 1926 г. в Яранске к дню печати был выпущен «Литературный сборник». В 1927 г. появился литературный кружок при газете «Юный пахарь».

В сентябре 1928 г. однодневная литературная газета «Бронзовая молодость», выпущенная группой комсомольских поэтов к Международному юношескому дню, сообщила о создании в Вятке еще одной литературной группы — филиала Всероссийского общества крестьянских писателей. «Вятская губерния — губерния крестьянская», — писал в «Бронзовой молодости» А. Карпов (Василек) и выражал надежду, что эта группа будет более жизнеспособной, чем все остальные. Группа ставила «задачу прежде всего систематической, упорной учебы», объединения разбросанных по губернии крестьянских писателей-одиночек, привлечения к работе через кружки всех интересующихся литературой. «Богатство в материале огромнейшее», — отмечал А. Карпов в конце своей

* Вятская правда. — 1925. — № 282. — С. 7.

статьи. Газета опубликовала стихи А. Карпова, С. Большакова, Л. Истоминой, рассказ П. Широкова «Селькор». На май 1929 г. была намечена Губернская конференция отделения крестьянских писателей.

Произведения крестьянских поэтов и писателей постоянно печатала газета «Юный пахарь». В числе авторов «Литературной странички» этой газеты — А. Зобнин, Д. Ватлецов, П. Истомин, Н. Мурин, Гр. Чесноков, Н. Васенев (Мултан), Михаил Горемыка... Печатали здесь свои стихи В. Зоблотский, Б. Дьяков, М. Решетников. Главные темы стихов и прозаических произведений, публиковавшихся в «Юном пахаре», — новый быт деревни, деревенский комсомол, тракторы на полях, организация коммун... В произведениях преобладали яркие краски, основной тональностью была «песенная радость». Серьезных проблем и трагических сторон жизни русского крестьянства на рубеже 20—30-х годов авторы «Юного пахаря» не касались совсем.

Вятское отделение ВОКП намечало издание нескольких сборников, но этим планам не суждено было осуществиться.

В 1928 г. Вятское отделение АПП выпустило сборник стихов «Колос». В прозе в этот период на первый план вышел жанр очерка. К нему обращались Н. Васенев, Л. Кудреватых, Б. Дьяков, М. Решетников, А. Алдан и многие другие писатели.

На рубеже 20—30-х годов ведущую роль в литературной жизни Вятки играла Ассоциация пролетарских писателей. Она работала в составе Нижегородской АПП. В эти годы Вятской АПП нередко приходилось слышать упреки в отставании от решения задач пролетарской литературы, в неудовлетворительном социальном составе, слабой связи с производством и газетами. Эти вопросы оказались предметом обсуждения на первой вятской окружной конференции пролетарских писателей (декабрь 1929 г.).

Творческие задачи все чаще отодвигались на задний план, а в качестве первоочередных провозглашались орабочивание состава литературных организаций, борьба за выполнение промфинплана, всеобщее участие в коллективизации и т. д. Об этих задачах шла речь на первой красной конференции НАПП в сентябре-октябре 1930 г. Обращения, резолюции РАПП призывали писателей стать «лицом к рабочему-ударнику», вести борьбу с правой и «левой» оппозицией в литературных рядах, развертывать практические мероприятия по реализации решений партии. Все это не могло способствовать подъему и творческой атмосфере в писательских кругах. Подготовленный вятскими прозаиками и поэтами в 1930 г. сборник «Утро колхозов» включал слабые в художест-

венном отношении произведения. Литературная консультация российской ассоциации, отметив «новый, свежий, животрепещущий» материал альманаха, признавала, что «эта третья линия нашей литературы, которая сегодня еще художественно малокультурна».

При изучении литературного процесса 20—30-х годов бросается в глаза быстрая смена течений, ассоциаций, калейдоскоп имен. Во-первых, это объясняется поисками форм творческих объединений, отвержением одних и обретением новых, во-вторых, отъездом людей. В числе активных литераторов были учащиеся совпартшколы, студенты пединститута, которые, прибыв на работу в районы, постепенно утрачивали творческий пыл. Покидали Вятку, сменив ее на Москву и Ленинград, наиболее яркие представители вятской поэзии и прозы: Григорий Санников, Петр Щелканов, Всеволод Лебедев, Иван Халгурин, Константин Алтайский, Леонид Кудреватых и другие. Прибывшие в Вятку из других мест Борис Бялик, М. Губергриц также долго не задержались на вятской земле. И, конечно, сказался возрастной «водораздел». Литераторы старой дореволюционной формации вряд ли уютно чувствовали себя в новых условиях. И Вершинину, и Гореву-Пойскому, попавшим в разряд «попутчиков», конечно, трудно было утвердить себя, да и к тридцатым годам они ушли из жизни.

На рубеже 20—30-х годов оживились творческие связи между писателями Вятки и творческой интеллигенцией соседних областей, а также известными русскими писателями и поэтами. Характерной чертой литературной жизни становятся встречи, совместные выступления, взаимные переводы.

В конце 20-х годов вятскую землю не раз посещали известные поэты и писатели. В феврале 1928 г. в Вятке выступал В. В. Маяковский. 17 февраля 1929 г. «Вятская правда» сообщила о предстоящем приезде в город поэта А. Жарова. Жаров принял участие в конференции читателей «Комсомольской правды», а 20 февраля выступил на собрании членов ВАПП. 18 ноября того же года в городском драматическом театре состоялся литературный вечер Р. Ивнева и А. Мариенгофа. Р. Ивнев говорил о литературной жизни и поэзии предреволюционных лет, А. Мариенгоф — об имажинизме. Воспоминания поэтов, их характеристики, оценки вызвали острую дискуссию. 5 января 1930 г. по приглашению профессионального союза рабочих-кожевников в Вятку приехал Д. Бедный. Его встречали как «дорогого гостя», «певца революции», «учителя» пролетарских поэтов. «Вятская правда» публиковала на первых полосах его портреты, многочисленные

* Вятская правда. 1930, № 183, 11 августа, с. 4.

приветствия. Д. Бедный выступил перед рабочими, студентами пединститута, рабфаковцами, мопровским активом, принял участие в открытии недели творчества в клубе, носящем его имя. Бедного интересовала «церковная контрреволюция» и удивляло обилие в Вятке церквей.

Несмотря на восторженный прием, Д. Бедный уехал из Вятки 8 января в состоянии крайнего раздражения, причиной которого было невнимание к нему со стороны партийных работников окружка. «Субъективное настроение», как заявил он в конце января, обусловило резкость суждений его о Вятке: «пустое место на пустом месте», «хорошего у вас мало», «пьяных до черта», «на кожевенных заводах вонь, грязь...»

С другими чувствами и иными целями приезжал в те же самые годы на вятскую землю один из великих русских писателей XX в. Н. А. Клюев. Как свидетельствуют современники, поэт стремился как можно больше «походить-поездить» по России, «насытить душу» красотой родной земли.

В этот период у него обострилось горькое предчувствие трагической судьбы родины («Отлетает Русь, отлетает») и своей собственной гибели, и он спешил «последнее материно благословение и последний вздох Руси принять».

В 1929 — 1932 гг. Клюев, уже заклеянный как «враг», «отец современной кулацкой литературы», «певец кулацкой деревни», приезжал ежегодно летом на Вятку, в село Потрепухино, расположенное неподалеку от Кукарки (ныне г. Советск). Приезжал «подышать Россией» и подкормиться. Его спутником был молодой художник А. Яр-Кравченко. Месяцы, проведенные Клевым на Вятке, были для него очень плодотворными. По словам А. Яр-Кравченко, поэт много писал, часто уходил на целый день в поле, уединялся, «бунчал — вроде про себя песни пел». Здесь в 1929 г. была создана поэма «Каин». Образы, темы, мотивы, связанные с вятской землей, вошли во многие произведения поэта. «Влюбленная в сказку» — такой увидел Клюев Вятку, а без сказки для него нет России («Россия, сказка!»), нет крестьянской избы как «святилища земли». В сказке — душа народа, его творческое начало, подлинная поэзия.

Вятская действительность того времени приносила поэту впечатления и другого, трагического характера, но светлая душа и талантливость народа, его тяга к прекрасному давали Клеву силы с надеждой смотреть в будущее: «Я знаю, родятся песни — Телки у пегих лосих. И не будет звезды чудесной, Чем Россия и вятский стих».

В начале 30-х годов происходит перестройка работы Вятской ассоциации пролетарских писателей. В соответствии с решениями пленума РАПП были выдвинуты новые задачи: широкое орабочивание рядов организации, превращение небольшого литературного кружка, занимающегося в основном творческими изысканиями, в массовую литературную рабочую организацию, сплочение вокруг ВАПП низовых литературных кружков, призыв ударников в литературу, развертывание соцсоревнования. Казалось, что пройдет немного времени — и громко зазвучит, как писал вятский поэт-рабочий Ал. Загоскин, «свое пролетарское слово». Эта надежда вдохновляла и других молодых поэтов: «Из простого рождается новь. //— Видишь: новый поэт рождается// В сотнях рапповских литкружков» (В. Заболотский). На страницах «Вятской правды» появились новые имена, все чаще звучало слово ударников, призванных в литературу. Призыв ударников дал возможность Вятской АПП только за три месяца 1931 года вырасти вдвое, особенно активно работала в этом направлении Слободская литературная группа. Но «новый поэт» так и не появился в результате осуществления рапповских директив и лозунгов, хотя некоторые из рабочих, вошедших в литературу в этот период, печатались довольно много и весьма продолжительное время, как, например, Вяч. Колобов.

Перестройка сопровождалась перерегистрацией, «чистками» рядов ВАПП. В процессе «чисток» из рядов ВАПП были исключены Л. Анк, А. Мильчаков, Д. Шевнин. Ведущий вятский критик и литературовед К. В. Дрягин так характеризовал обстановку в литературной организации на рубеже 20—30-х годов: «Литературная жизнь Вятки в разгар господства рапповской групповщины почти совершенно замерла... Групповщина в Вятке привела к тому, что часть писателей, резко отброшенная от ВАПП, отошла от литературы или замкнулась в личную скорлупу, что чрезвычайно отрицательно отозвалось на их творчестве. Для многих писание резолюций заменяло художественное творчество...» Местная АПП проводила лозунг — «не попутчик, а союзник или враг» — даже ранее официального его объявления».

В эти годы вятская литературная организация работала в составе Нижегородской АПП. Второй пленум НАПП (март 1932 г.) ввел в правление ассоциации поэта В. Заболотского, члена Слободской литературной группы. Сильнейшими литературными кружками края считались, наряду с кружками автозавода и Сормова, вятский, зувевский и слободской. После постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных органи-

* Дрягин К. В. Предисловие. — Трудодни. Литературно-художественный сборник оргбюро Союза советских писателей. — Вятка, 1933. — С. 5, 11.

заций» (1932) секретариат НАПП объявил ассоциацию ликвидированной. Руководство существующими литературными организациями в крае и подготовку к проведению съезда советских писателей края осуществлял оргкомитет. В том же году было создано Вятское оргбюро Союза советских писателей, а в начале января 1933 года состоялось совещание вятского отделения Союза советских писателей, наметившее пути дальнейшего развития. В работе совещания принял участие А. Муратов — председатель горьковского бюро ССП.

Вятское отделение ССП сразу же развернуло активную и многообразную деятельность: к июню 1933 года намечался выпуск альманаха, для работы с начинающими писателями при редакции «Вятской правды» были организованы литконсультации, во второй половине февраля прошел вечер, посвященный 20-летию литературной деятельности плеяды пролетарских писателей, на котором с докладом выступил К. В. Дрягин, а артисты драматического театра читали стихи В. Кириллова, В. Александровского и других пролетарских поэтов. При библиотеке имени Герцена был открыт кабинет писателя-литкружковца. Писательский актив (Н. Васенев, С. Шихов, С. Карпов и др.) выехал в колхозы. Написанные в результате этой поездки очерки обсуждались на очередной литературной сходке.

Началась подготовка к краевой конференции ССП и к I Всесоюзному съезду писателей. В сентябре 1933 года в Вятке прошла первая конференция читателей и писателей. В конференции принял участие Н. Кочин, член горьковского бюро ССП, он остановился в своем выступлении на достижениях и задачах советской литературы. С. Шихов сделал доклад о задачах массового литературного движения, а К. В. Дрягин — отчет о творческой работе вятских писателей. С новыми произведениями вятских поэтов и писателей знакомила читателей «Вятская правда», выпускавшая регулярно литературную страницу. В 1933 году оргкомитет ССП Горьковского края ввел дополнительно в свой состав несколько писателей, от Вятки в него вошел С. Шихов.

О работе вятской писательской организации в эти годы давал постоянную информацию, наряду с «Вятской правдой», литературно-художественный ежемесячник «Натиск» — орган Нижегородской АПП, затем — орган оргбюро ССП Горьковского края. В журнале печатались произведения А. Алдана, Н. Дудина, В. Заболотского, С. Карпова, В. Колобова, А. Кодачигова, Л. Кудреватых, А. Мильчакова. Часто выступал в журнале со своими литературно-критическими статьями К. В. Дрягин. Он принимал также активное участие в работе пленумов правления Горьковского ССП и конференций. В «Натиске» были опубликованы статьи о

работе слободской и зуевской литературных групп, рецензии на сборники литературных групп Котельнича («Полет молодости», 1932) и Слободского («Горячее время», 1932), рецензии на новые книги вятских писателей. В литературно-критических статьях А. Елисеева неизменно значительное место отводилось анализу и оценке творчества вятских писателей и поэтов.

В марте 1934 года горьковским оргкомитетом ССП был проведен вечер Л. Анка (Л. Дьяконова). При подведении итогов краевого литературного конкурса (1934 г.) жюри отметило премиями трех вятских писателей: И. Мокрецова, В. Колобова и Н. Дудина.

В 1933 году в Вятке вышел литературно-художественный сборник «Трудодни». По замыслу авторов (Н. Васенева, К. Дрягина, Б. Дьякова, Л. Дьяконова, А. Мильчакова, С. Карпова, В. Колобова, М. Решетникова, С. Селезнева, С. Сюткина, С. Шихова) он должен был явиться своего рода «творческим отчетом актива писателей города Вятки», свидетельством консолидации литературных сил и активного участия писателей в социалистическом строительстве. В предисловии к сборнику К. В. Дрягин дал развернутую характеристику произведений, включенных в сборник, отметил сильные и слабые стороны у каждого из авторов. Местная пресса встретила сборник благожелательно. На выпуск сборника откликнулся и журнал «Натиск». Тираж сборника (500 экз.) быстро разошелся.

После постановления 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» партийные органы все более и более усиливали свое влияние на литературный процесс. 15 февраля 1934 года на заседании Вятского горкома партии обсуждалась программа по развертыванию массового литературного движения. В итоге произошло обновление оргбюро, в него были введены новые лица, посланные горкомом на работу по руководству литературно-художественным фронтом, среди них — новый председатель оргбюро И. П. Далматов, преподаватель диамата в ветзооинституте. В постановлении горкома рекомендовалось устраивать громкие читки в клубах лучших произведений советских писателей, дать критический разбор и критическую оценку произведений вятских писателей.

Внимание критики, на этот раз партийной, снова привлек сборник «Трудодни». 24 февраля 1934 года «Вятская правда» напечатала статью «За преодоление недостатков и ошибок в литера-

* Трудодни. Литературно-художественный сборник оргбюро Союза советских писателей. — Вятка, 1933. — С. 12.

турно-художественном творчестве вятских писателей», автором которой был П. Матвеев — заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма горкома ВКП(б). «Литературный фронт в Вятке, — утверждалось в статье, — в истекший год находился в неудовлетворительном состоянии и нуждается сейчас в коренной перестройке». Главными недостатками в работе писательской организации были объявлены «отсутствие массового литературного движения», «творческий застой», «слабая связь с жизнью города и районов». П. Матвеев подверг резкой критике произведения, напечатанные в сборнике «Трудодни», прежде всего за тематику, не отражающую социалистического строительства, «пустоту содержания», «вычурность формы», извращение идей социализма, упреждения над своим «я» вместо преодоления замкнутости, подделывание под крестьянскую речь и т. д. К. В. Дрягину, как критику, было предъявлено обвинение в либерализме.

Разговор о недостатках в работе вятских писателей получил продолжение в статье Далматова «За широкое литературно-художественное движение» («Вятская правда», 6 апреля 1934 г.) и в выступлениях на встрече с поэтом Иваном Молчановым в библиотеке имени Герцена (12 апреля 1934 г.). Иван Молчанов заехал в Вятку по пути с Севера в Москву. На Север Молчанов выезжал в составе специальной Северной бригады писателей. Встреча носила официальный характер. С докладом о задачах литературы в свете решений XVII съезда партии выступил И. Далматов. И. Молчанов в своем выступлении говорил об огромных достижениях советских писателей и о литературном браке, примером которого он назвал сборник «Трудодни». В этом сборнике, подчеркнул он, «допущено такое количество ляпсусов, которое должно было всколыхнуть не только писателей и критику, но и читателя». И. Молчанов призвал писателей, критиков и читателей к бдительности, а в заключение речи заявил, что за состояние литературного дела отвечают партийные и профсоюзные организации.

Представление об атмосфере, в которой работала писательская организация в этот период, дает письмо К. В. Дрягина одному из авторов «Трудодней» — М. М. Решетникову: «Ваши товарищи... все сейчас «перестраиваются». Дело в том, что в Вятку приехало новое начальство. Оно решило нажить себе капитал на литературных делах — дела ведь модные... А нажить капитал — рецепт простой, рапповский еще: лупи и разноси, придирайся к каждому словечку или выдавай старые истины за свое собственное открытие и т. д. ...И устно, и письменно, и печатно, при всяком удобном и неудобном случае «прорабатывают» сборник «Трудодни». Специальное собрание для проработки — раз, доклад о задачах писателей — опять «проработка», все та же. Приезжают из

края — проработка, приезжает поэт И. Молчанов — проработка и т. д. и т. д.». Пройдет немного времени, и в октябре 1935 года К. В. Дрягин с горечью подведет итоги всех этих «проработок»: «...С поэзией у нас в Кирове дело обстоит более или менее благополучно: т. е. никто ничего не пишет, кроме неизменно фонтанирующего К. Даже собираться сейчас перестали... Киров лишен поэзии... И выходит, что вятский критицизм и рационализм погубили поэзию».

Итоги I Всесоюзного съезда писателей обсуждались в Вятке на собрании партийно-комсомольского актива (докладчики — горьковские писатели, делегаты съезда А. Муратов и Н. Кочин).

В феврале 1936 года Кировский крайком ВКП(б) созвал совещание писателей, на котором присутствовали представители Удмуртского Союза СП, где к этому времени было 12 членов Союза и 4 кандидата, кировские писатели (члены Союза СП — К. В. Дрягин и А. Алдан) и литкружковцы. На совещании выступили Д. И. Корепанов (председатель удмуртского отделения ССП), Г. Медведев и др. Участники совещания приняли решение о создании краевого отделения ССП и выбрали оргбюро. Председателем оргбюро стал Я. Я. Акмин (редактор «Кировской правды»), секретарем — А. Алдан, членами бюро — Д. Корепанов, Мих. Коновалов, К. Дрягин.

Создание краевого отделения ССП и открытие Кировского издательства были центральными событиями жизни края в 1936 году, но уже в конце года Удмуртия получила права АССР и выделилась из Кировского края и Союз писателей Удмуртии вновь начал работать самостоятельно. Все эти перемены не помешали развитию творческих связей между кировскими и удмуртскими писателями. Произведения удмуртских поэтов и писателей часто печатались в «Кировской правде» в переводах Л. Анка, А. Алдана, Б. Дьякова, В. Заболотского, М. Решетникова, С. Уланова. Почти в каждом номере газета знакомила читателей с произведениями удмуртского народного творчества. В конце 1936 года Кировское отделение Союза писателей и краевое государственное издательство выпустили сборник «Песни и сказки удмуртского народа», а в 1937 году вышел альманах «Стихи и рассказы кировских и удмуртских писателей». В марте 1937 года в Кирове прошла декада удмуртского искусства. В эти годы Кировское отделение ССП начало вести систематический сбор произведений народного творчества. Собранные материалы должны были составить книгу «Народное творчество».

В марте 1936 года (после публикации в «Правде» статей «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь») в Кирове, как и в

других писательских организациях страны, началась по инициативе партийных органов кампания самокритики. На собрании кировских писателей с докладом по этому вопросу выступил А. Алдан. Он привел примеры «формалистических вывихов» в произведениях Л. Анка, Б. Дьякова, А. Мильчакова, обвинил в грубом натурализме С. Шихова. Особенно «богат образцами формализма и натурализма, — заявил он, — сборник «Трудодни». Основные положения его доклада легли в основу статьи «О художественной простоте» («Кировская правда», 10 апреля 1936 г.).

В апреле 1938 года были подведены итоги областного литературного конкурса. Всего на конкурс поступило 103 произведения. Жюри отметило премиями произведения Н. Васенева, К. Горбуновой, И. Прохорова, В. Колобова, И. Беякова, Д. Копылова, В. Вохмянина, Д. Мартьянова, А. Вылегжанина, Колодкина и ряда других. Большинство премированных произведений предполагалось включить в первую книгу областного литературного альманаха, которая должна была выйти в мае 1938 года. Но альманах не смог выйти в намеченный срок.

1938 год стал одним из самых драматичных в истории писательской организации области. В начале года стал жертвой репрессий председатель Кировского отделения ССП Я. Акмин. Несправедливые обвинения были предъявлены А. Алдану, М. Решетникову, Н. Васеневу, В. Колобову, Л. Лубнину, И. Франчески. В августе 1938 года «Кировская правда» напечатала статью П. Сажина «О неотложных задачах кировских писателей». В ней писатели, против которых было возбуждено «дело», были названы «врагами народа», «шайкой проходимцев», «гнусными охвостьями троцкистско-бухаринской банды». Автор статьи высказал резкие обвинения и в адрес всей литературной организации области (писатели не дали должного отпора врагам народа, работали тихо и замкнуто). П. Сажин призвал к мобилизации всех сил на ликвидацию «последствий вредительства», «к чистке редакционного портфеля» альманаха и «выпуску сборника доброкачественных произведений».

Репрессии против писателей, атмосфера нетерпимости, подозрительности и вражды в обществе, установка на проведение помпезных мероприятий и создание произведений, в которых писатели должны были делом доказать свою приверженность политическому курсу, — все это сдерживало развитие литературы на вятской земле, как и в стране в целом, наносило огромный ущерб духовной жизни общества.

Первая книга альманаха кировской литературной группы «Поэзия и проза» вышла лишь в сентябре 1939 года. Небольшой

по объему сборник включал в основном произведения начинающих авторов: К. Горбуновой, И. Прохорова, Д. Копылова, Б. Косарева, В. Вохмянина, Д. Мартыанова и др. Самостоятельный раздел книги составляли произведения устного народного творчества советской эпохи. Рецензент альманаха отмечал актуальность тематики, патриотический пафос произведений, вошедших в альманах, но упрекал редакцию в том, что она поместила произведения недоработанные, сырые. Вторая книга «Кировского литературного альманаха» была выпущена в 1940 году. В ней были напечатаны, как отмечалось в развернутой рецензии Д. С. Тарасенкова в «Кировской правде», «интересные, достаточно зрелые» произведения, привлекающие внимание разнообразием и серьезностью тематики. К недостаткам альманаха рецензент отнес недостаточную работу молодых авторов над словом и невнимание к местному материалу.

Редакция литературного альманаха стала во второй половине 30-х годов своеобразным центром литературной жизни Кирова. Здесь проходили собрания литературного актива, учебные лекции для молодых авторов, члены литературной группы выступали с чтением своих произведений.

В 1940 году «Кировская правда» вновь начала выпуск литературной страницы, но теперь здесь печатались юбилейные материалы, статьи московских критиков и очень редко — произведения местных авторов. Значительным событием этого года стал приезд в Киров большой делегации писателей, в составе которой были Ф. Панферов, И. Сельвинский, И. Молчанов, М. Шкапская, С. Михалков и другие. 16 января состоялась встреча писателей с членами кировской литературной организации. На творческом вечере выступили Ф. Панферов, И. Сельвинский, И. Молчанов, Ю. Герасименко, В. Георгадзе, М. Тарловский, а также местные поэты — В. Заболотский, Б. Дьяков, А. Мильчаков, В. Колотов.

В 30-е годы в произведениях кировских литераторов преобладала современная тематика, вместе с тем все чаще писатели обращались к истории, особенно недавней — событиям революции и гражданской войны. В это десятилетие вышли первые поэтические книги А. Алдана («Книга стихов», Казань, 1935; «Солнце», Казань, 1935), В. Колобова («Начало песни», 1934), С. Уланова («Биография города», Свердловск, 1933). Внимание многих писателей привлек жанр очерка. Часто выступали с очерками в «Кировской правде» Н. Васенев, Ф. Владимирский, Л. Кудреватых, Вяч. Колобов и др. Очерки А. Алдана печатались на страни-

* Кировская правда, 1940, 13 декабря, № 288, с. 3.

цах периодических изданий других областей и республик. В 1931 году вышла его первая книга очерков («Белый остров», Алма-Ата). В 1938 году областное издательство выпустило очерковые книги Н. Васенева («Обновленный край», «Жизнь»), В. Колобова и Ф. Шустова («На подъеме»). Созданные в предвоенное десятилетие повести («Сибирская повесть» С. Карлова, «Кайская республика» Н. Васенева, «За что?» Л. Фролова, «Юные сердца» М. Карнесева, «Насыб» К. Горбуновой, «Шляхта» Б. Беленкова), хотя и не лишены были недостатков, свидетельствовали о стремлении писателей осваивать новый жизненный материал, новую проблематику.

Значительное место в творчестве кировских писателей занимал и жанр рассказа (произведения С. Шихова, Н. Васенева, М. Решетникова, В. Колобова и др.). Детская литература была представлена в эти годы книгами Н. Васенева («Инженеры», сборник детских рассказов), В. И. Акулинина («И старые и малые», повесть), Я. Петухова («Дедушка Влас»)... В 1940 году в области состоялся конкурс на лучшую детскую книгу.

В предвоенные годы в произведениях писателей все чаще звучали мотивы любви к родному краю, отваги, готовности отдать жизнь за свободу отечества. Приближался «час мужества» для всей страны. Ему и суждено было дать людям почувствовать «радостное возвращение чувства общности со всеми» (Б. Пастернак), стать основой для духовного объединения всего народа, в том числе и для консолидации писательских сил.

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ГОРЕВ (ГОРЕВ-ПОЙСКИЙ) (1889 — ок. 1940)

Михаил Ильич Горев родился в 1889 г. в д. Немовщина Котельничского уезда Вятской губернии в семье крестьянина. Он окончил двухклассное училище в с. Юма, а после — учительскую семинарию. С 1911 г. Михаил Ильич был учителем в с. Покровском. В 1918 — 1921 гг. жил и работал в г. Котельнич. Вероятнее всего, его первые опыты в драматургии относятся именно к годам учительства в с. Покровском и в Котельниче. Так, драма «Скиталец» датирована 1912—1913 гг., а драма «Сплетня» — 1914 г. Есть также упоминание о постановке в Котельниче пьесы «Сплетня» 6 декабря 1919 г. Эта дата приводится в посвящении автора другу А. С. Еремину, игравшему роль Миши Белкина.

М. И. Горев после 1921 г. жил в Вятке, где работал в губпотребсоюзе. В этот период он активно участвовал в культурной жизни губернского города. В 1922 г. выходит его «Собрание сочинений», однако только первый том, книга первая, где собраны пьесы, написанные с 1912 по 1921 гг. В книге помещено несколько стихотворений и предисловие, в котором Горев-Пойский с пафосом пишет: «На суд общественный и строгий, на суд подчас холодный и пристрастный, то льстивый и угодливый, я отдаю вас, думы тихие, рожденные среди житейских дрязг и занесенные рукою торопливой в тетрадь моих работ. Каков ваш путь — не знаю я, — далек ли будет он, иль короток, — я к жребию готов спокойно. Не ради шумного тщеславия, я излагал вас иногда сквозь слезы».

Конечно же, творческое наследие Горева-Пойского далеко неравнозначно. Есть пьесы, в которых занимательный сюжет («Нехожалый товар»), есть пьесы, написанные на злобу дня (комедия «Собака виновата»), есть пьесы, в которых автор использует стихотворную форму, вводит символические персонажи (драма «Скиталец»).

Творчество М. И. Горева-Пойского — типичный образец провинциальной драматургии начала XX века. Здесь слились и традиция реалистических пьес, и отголоски поисков символистов.

В декабре 1922 г. Вятский драматический театр поставил пьесу М. Горева «Омут». Как было объявлено, пьеса на современную тему — о нэпе.

В 1925 г. вышла в вятском книгоиздательстве «Труженик» несколько пьес: «Собака виновата», «Явленная икона», «Тит Обиралов и Кузьма Беспалов».

СКИТАЛЕЦ

Драма в 4-х действиях

Полусимволическое изображение страдания народа под несовершенством законов в недавнем прошлом, в лице «Скитальца» — народ.

Действующие лица:

Скиталец — 25 лет.

Оля — 25 лет.

Дунька — горничная, девушка 20 лет.

Дуня. (Стоит у стола, босая, в коротенькой юбке, моет чашки и беззаботно попевает):

Однажды я с милым убежала.
В осеннюю темную ночь... (Входит скиталец, весь оборванный).

Скиталец. (Широко растворив двери).
И там, где рабство обитает,
Свободной песни дух летает.
Вот это, признаюсь, занятно.

Дуня. (Брезгливо): Но не для каждого понятно.

Скиталец. (С укором):
Еще бы всем, моя голубка,
Понять других совсем не шутка,
Обман встречаем мы повсюду...
Однако, дело тут не в этом (пауза) —
Какой тут мне от песни прок.
Я есть хочу! —
Подай мне, нищему, кусок.

Дуня. (Лениво режет толстый ломоть хлеба и, внимательно глядя скитальцу в глаза, подает).
Возьми.

Скиталец. (Принимая хлеб, с улыбкой):
О, бойся, красная девица,
Глядеть скитальцам в лица:
В глазах у них сокрыта сила...

Дуня. (Хохочет) Ха-ха-ха...
Бойся, чтоб не полюбила,
Нашла себе я жениха. (Хохочет).

Скиталец. (Ядовито) С высот кухаркиных величий
Взглянула ты на рваный мой костюм
И смехом залилась... Чего ж смешно?
Какой позор. Одежду ценишь, а не ум...

Дуня. (Ядовито). Прости, несчастный оборванец,
Что я своим пытливым взглядом
Изволила тебя обидеть.

Скиталец. (Гневно). И душу мне наполнить ядом...
(При этом он доедает кусок и хочет уходить).
Благодарю тебя. Спасибо за привет,
За песнь любви и за обед. (Отворяется дверь из комнаты, и входит
Оля с письмом в руках).

Оля. (Не замечая уходящего скитальца, весело).
Егор Михеич едет в город.

Надень-ка ты жакет, Дуняша,
Да отнеси письмо ему — скажи —
Просила передать мамаша
Там, возле моста, в крайний дом
Купцу Курилкину... (Заметив в дверях оборванца).
Ах, Боже...
Да это, Дуня, кто же? (Тяжело дыша).
Все сердце обдало, как льдом.

Скиталец. (Возвращаясь).
Мой вид, я вижу, вас, сударыня, смущает,
Пугают вас лохмотья одеянья?
Я виноват, зашел в ваш дом за подаением...

Оля. (Растерянно) Пойдите ж — я сейчас.

Скиталец. (Тихо).
Не смею беспокоить вас,
Я сыт уже. Спасибо.
Вот если пить что-либо,
Пожалуй, я не откажусь. (Садится).
Устал — из дальних стран плетусь...

Оля. (К Дуняше, которая брезгливо смотрит на Скитальца, надевая жакет).

Дуняша. (Поворачиваясь). Да нет, сама
Я пить ему подам. (К Скитальцу).
Воды иль квасу вам?
Иль, может быть, вы чай дождете? (Растерянно).
Иль водки, если пьете? (Дуня уходит).

Те же, кроме Дуни.

Скиталец. (Тронутый).
Пятнадцать лет бродил я всюду.
Все чуждо мне, все презирал,
Людским советам не внимал,
Но этой встречи не забуду.

Оля. (Уходит, причем не затворяет немного дверь и смотрит на Скитальца).

Скиталец. (Не замечая Оли, про себя).
Вот будто сон какой я вспоминаю...
Какой-то страх — и сам не знаю... (Опускает голову на руки).
С тех пор, как я покинул дом родной,
Покоя я на час не знал...
И как давно то было...
Как сердце плакало и ныло...
И помню... день был пламенно горяч,

Трифон Вятский

Фрагмент иконы
«Трифон Вятский»

Лаврентий Горка

Е. И. Костров

Титульный лист
«Вятская незабудка»

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

на 1878 годъ.

(НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ)

Цѣна 1 р.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Русская Скоропечатня (И. С. Назарова), Васильевъ Садъ, № 47.
1878.

Н. А. Дурова

А. И. Герцен

С. А. Веснин

П. Л. Яковлев

П. В. Алабин

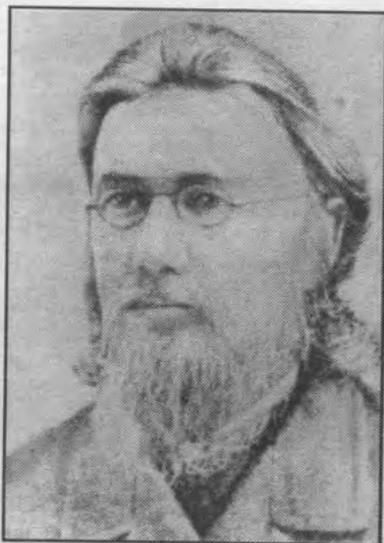
М. Е. Салтыков-Щедрин

А. М. Колчанов. Дом-музей М. Е. Салтыкова-Щедрина

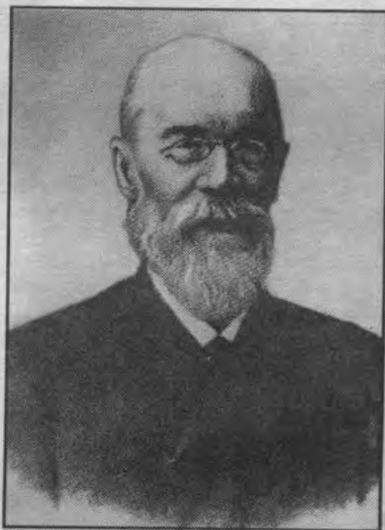
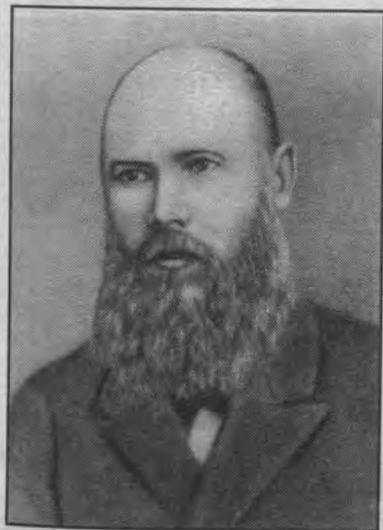
Е. Н. Кондрашова

Н. Н. Блинов

Ф. Ф. Павленков

Н. Ф. Бажин

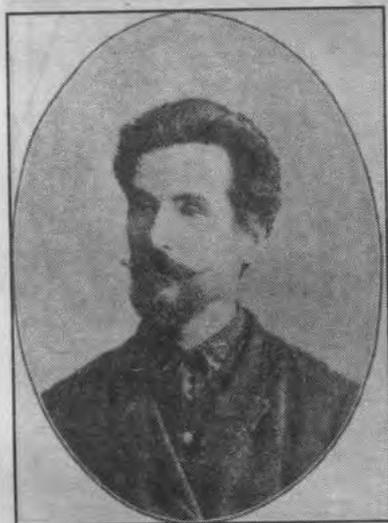

М. Е. Селенкина

В. Г. Короленко

М. И. Ожegov

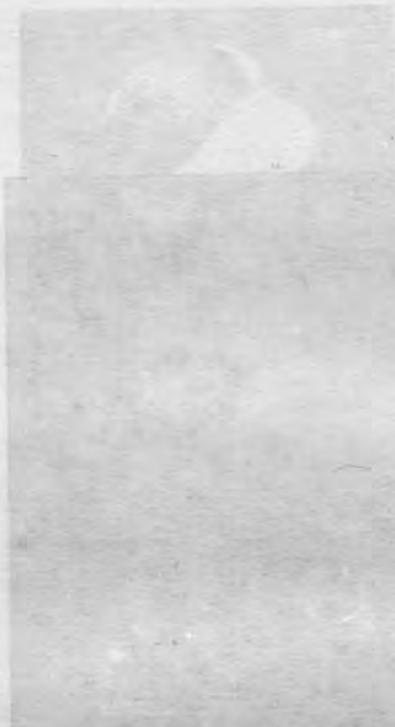

А. П. Батуев

Здание редакции «Вятская правда» в 20-е годы.

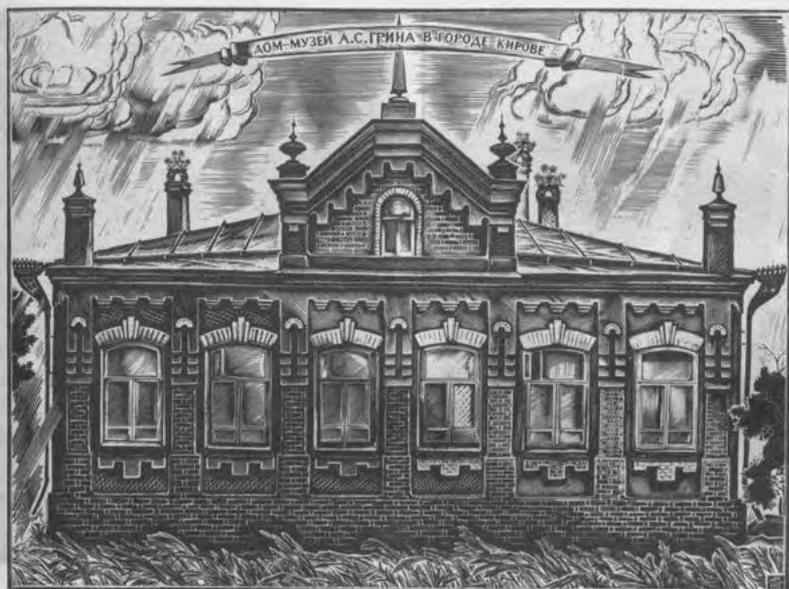

А. С. Грин

А. П. Вершинин

Ян Райнис

А. М. Колчанов. Дом-музей А. С. Грина в г. Кирове

Журнал «Родина Халтурина»

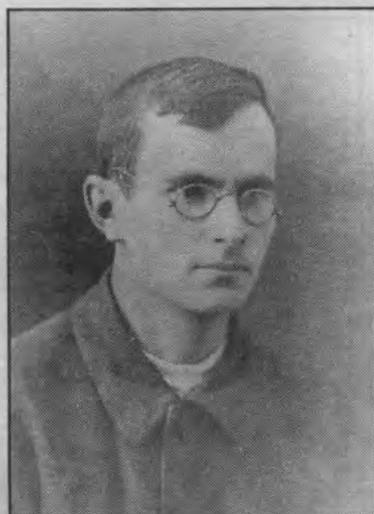
М. И. Горев-Пойский

К. В. Дрягин

Секция «Искусство» / Ученый сотрудник ИИИ М. А.

В. В. Лебедев

П. А. Шелканов

А. И. Мильчаков

А. И. Мильчаков

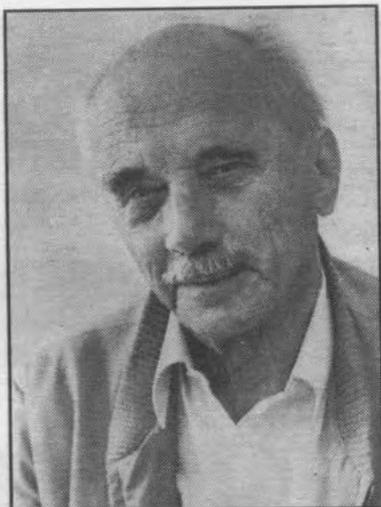
Делегация Союза писателей СССР в гостях у кировчан. 1940 г.

М. М. Решетников

М. М. Решетников

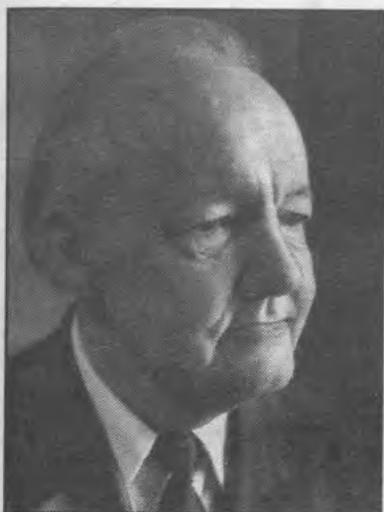
Л. В. Дьяконов

доц. инж. Н. Д.

С. В. Дьяков

Н. Ф. Васенев

В. В. Заболотский

Л. М. Лубнин

Афиша творческого вечера. 1942 г.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ВЕЧЕР ПИСАТЕЛЕЙ
 МОСКВЫ, ЛЕНИНГРАДА И МИРОВА

Николай НИКИТИН
С чтением новой прозаической рукописи

А. ВЬЮРКОВ **В. ЗАБОЛОТСКИЙ**

П. ВЯЧЕСЛАВОВ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ **Н. НИКИТИН**
Сам. Заболотский и другие интересные вещи Ученый Петр Заболотский

Г. ГРЕБНЕВ **Е. ЧАРУШИН**

Б. ДЬЯКОВ **Евг. ШВАРЦ**

СБОР-ЗВАНУРОВАННЫМ ДЕТЯМ

10
 МАЙ 1942 г.
 в 8 ч. 40 мин.

В БИБЛИОТЕКЕ ИМ. ГЕРЦЕВА

Книги, изданные во время Великой Отечественной войны
в г. Кирове.

А. М. Колчанов.
Эскибрисы кировских
писателей

И. А. Шипкин

Е. Д. Петряев

И. Ф. Объедков

Е. П. Замятин

И будто слышу собственный я плач...
Я вижу белый гроб...
Зарыли в землю мать...

Оля. (Затворяя дверь и вздыхая).
Да, это он, о, господи!

Скиталец. (Продолжает).
Остался я один...
Какой-то помню господин
Увез меня к себе и говорит:
«Живи, служи — и будешь сыт...»
Я был по-детски рад
И скоро мать забыл,
Когда ж, случалось, проходил
Я мимо кладбища родного,
Тоскою сердце наполнялось
И плакало оно и рвалось.
Но детский плач, как в жаркий день гроза,
Минутный страх, фальшивая слеза.
Чуть ласковый привет,
Дитя забудется,
И след тоски, как дым, исчезнет...
Тогда мне было 8 лет.
И ужин барский и обед —
Все было мне приятно;
Не знал ведь я, понятно,
Что он любил меня поменьше, чем гончую собаку...
Бывало с «Сободем» я в драку,
А барин тут как тут...
И хватъ меня... отбросит. (Услышав шаги).
А что, коли она расспросит?

Входит Оля. В правой руке большая стеклянная кружка, до половины наполненная квасом, а в левой руке графин с вином.

Оля. (Ставит на стол, обращаясь к Скитальцу).
Пойдите, сядьте вон к столу:
Вино и квас я принесла для вас.
Коли из дальних стран,
То отдохните. (Заметив котомку за плечами).
Котомку с плеч спустите...

Скиталец. (Качая головой).
Вино и квас... все для меня.
А знаете ль — кто я? (Идет к столу).

Оля. (Испуганно): зачем же знать,
Кто входит в дом чрез двери —
Он человек, а в духов я не верю.

Скиталец. (Берет кружку с квасом и пьет).
Я в духов сам, сударыня, не верю,
Да и людей пугаться не привык,
Но часто человек подобен зверю,
Нередко он и глуп, и дик....

Оля. (Робко).
Понять вас трудно, непосильно.

Скиталец. (Глядит в глаза Оли).
Да, я как труп могильный,
С тех пор, как бросил барский дом,
Покрылся весь каким-то льдом,
Бегут все от меня,
И тщетно лью я слезы.
За все мне люди шлют угрозы,
А как несчастен тот,
В душе чьей скрыты муки,
Кто плачет век от скуки.
Болят душа его, как от недуга,
Лишь потому, что нет ей избранного друга,
И я искал ее всю жизнь, страдая.

(...)

**АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ ГРИН
(ГРИНЕВСКИЙ)
(1880 — 1932)**

Александр Степанович Гриневский родился 11 августа 1880 г. в уездном городе Слободском Вятской губернии. Вскоре после рождения Александра семья Гриневских переехала в Вятку, где прожила долговую и трудную жизнь. Жалование Степана Евсевича, отца Грина, было небольшим (он 30 лет служил делопроизводителем (бухгалтером), а затем — смотрителем губернской земской больницы). В семье было четверо детей: старший Александр, далее шли Антонина, Екатерина и Борис.

Любовь к чтению в семье прививалась детям усердно и отцом и матерью. В шесть лет Александр научился читать и писать, в девять поступает в Вятское реальное училище. За неуемную энергию, за сочинение сатирических стихов Александра исключили из училища.

В 1894 г., вскоре после рождения младшего Бориса, умерла мать. Через год отец женился на вдове Л. А. Борецкой. Александр тяжело переживал смерть матери и новый брак отца, даже вынужден был жить на отдельной квартире.

После четырехлетнего обучения уже в городском училище Александр Гриневский получил аттестат. В 1896 г. он отправляется в Одессу поступать в мореходные классы. Там начинается скитальческая жизнь: Александр плавал матросом, работал чернорабочим, но Вятка снова позвала его домой. Он «зайцем» добрался до родины и всю зиму переписывал роли для местной драматической труппы.

С 1898 по 1901 г. Александр Степанович перепробовал множество профессий: служил на рыбных промыслах в Баку, банщиком на станции Мураши (Вятская губ.), рабочим в железнодорожных мастерских в Вятке, матросом плавал по Вятке, на Урале работал на приисках, домнах, железных рудниках, на торфяниках, на сплаве.

В 1901 г. Александр Гриневский был сдан в солдаты, служил в 213 Оровайском резервном батальоне, который стоял в Пензе. «Службу я возненавидел мгновенно, — признавался он, — и, достаточно просидев в карцере, бежал летом 1902 г., но был пойман...» Зимой 1902 г. Гриневский совершил второй побег и до ноября 1903 г. скитался по России. К этому времени он уже был знаком с революционерами, вел пропагандистскую работу, за что был посажен в тюрьму. После двухлетнего заключения Гриневский был освобожден 17 октября 1905 г. Но на этом мытарства будущего писателя не закончились: уже через год он снова арестован и выслан в Тобольскую губ. Вновь побег. Отец добыл чужой паспорт, и Александр Гриневский почти четыре года скрывался под чужим именем.

В 1906 г. Гриневский написал рассказ «Заслуга рядового Пантелеева», который был опубликован в агитброшюре за подписью А. С. Г.

Однако первым своим литературным произведением он считал рассказ «В Италию», напечатанный в 1917 г. в Петербурге за подписью «А. М-в». Под третьим рассказом «Апельсин» (1908) впервые появляется подпись: А. С. Грин.

Осенью 1910 г., уже в Пинеге Архангельской губ., куда Грина сослали после трехмесячного заключения в тюрьме как нелегального, он женился на дочери видного петербургского чиновника В. П. Абрамовой.

Весной 1912 г. чета Гриневских возвратилась в Петербург, но семейная жизнь не сложилась.

В период ссылки и петербургской жизни Грин много пишет, большинство из его рассказов публикуются, появляются его произведения и в «Вятской речи». Один из активных сотрудников «Вятской речи» Н. А. Падарин откликнулся на первый том рассказов Грина, которых в 1913—1914 гг. вышло три.

В 1913 г. Грин навестил отца и своих вятских знакомых литераторов А. П. Вершинина, А. А. Гусакова, Н. А. Падарина. Еще раз Грин приезжал в Вятку в 1916 г., через два года после смерти отца. Материально он не мог помочь семье, потому что сам почти всегда был в затруднительном положении.

Февральская революция застала писателя в Финляндии. Он был очень рад такому повороту событий и поспешил в Петроград. Однако никаких изменений это время Грину не принесло.

В 1920 г. он был призван в Красную Армию, попал в карульный полк, где заболел сыпным тифом и еле-еле выкарабкался. В это время Грину очень помог Максим Горький, который хлопотал ему академический паек и комнату на Мойке, в «Доме искусств», помог найти работу.

В 1921 г. Грин — уже известный писатель, ободренный и поддержанный Горьким, решает вновь устроить свою семейную жизнь. Он женится на Н. Н. Мироновой, которая работала секретарем одной из питерских редакций. Своеобразным этапом творческой жизни Грина стала феерия «Алые паруса», вышедшая в 1923 г.

Море звало Грина, да и здоровье его было плохое. Они с женой уезжают в Феодосию. Это место стало для писателя тем уголком, в котором ему хорошо дышалось и работалось. Именно там им написаны «Золотая цепь» (1925), «Бегущая по волнам» (1928), «Джесси и Моргиана» (1929), «Дорога в никуда» (1930) и другие произведения.

В ноябре 1930 г. Грин, уже тяжело больной, переезжает в городок Старый Крым, в собственный глинобитный домик.

Умер А. С. Грин после тяжелой болезни 8 июля 1932 г.

Творчество Грина подарило русской литературе романтический необычайный мир — мир фантастики и фантазии, в котором живут герои смелые, сильные духом, веселые и неунывающие, всегда благородные.

АЛЫЕ ПАРУСА
(Феерия)

VII

АЛЫЙ «СЕКРЕТ»

Был белый утренний час; в огромном лесу стоял тонкий пар, полный странных видений. Незвестный охотник, только что покинувший свой костер, двигался вдоль реки; сквозь деревья сиял просвет ее воздушных пустот, но прилежный охотник не подходил к ним, рассматривая свежий след медведя, направляющийся к горам.

Внезапный звук пронесся среди деревьев с неожиданностью тревожной погони: это запел кларнет. Музыкант, выйдя на палубу, сыграл отрывок мелодии, полной печального, протяжного повторения. Звук дрожал, как голос, скрывающийся горе, усилился, улыбнулся грустным переливом и оборвался. Далекое эхо смутно напевало ту же мелодию.

Охотник, отметив след сломанной веткой, пробрался к воде. Туман еще не рассеялся; в нем гасли очертания огромного корабля, медленно повертывающего к устью реки. Его свернутые паруса ожили, свисая фетонами, расправляясь и покрывая мачты бессильными щитами огромных складок; слышались голоса и шаги. Береговой ветер, пробуя дуть, лениво тербил паруса; наконец, тепло солнца произвело нужный эффект; воздушный напор усилился, рассеял туман и вылился по реям в легкие алые формы, полные роз. Розовые тени скользили по белизне мачт и снастей, все было белым, кроме раскинутых, плавно двинутых парусов — цвета глубокой радости.

Охотник, смотревший с берега, долго протирал глаза, пока не убедился, что видит именно так, а не иначе. Корабль скрылся за поворотом, а он все еще стоял и смотрел; затем, молча пожав плечами, отправился к своему медведю.

Пока «Секрет» шел руслом реки, Грэй стоял у штурвала, не доверяя матросу: он боялся мели. Пантен сидел рядом, в новой суконной паре, в новой блестящей фуражке, бритый и смиренно надутый. Он по-прежнему не чувствовал никакой связи между алым убранством и прямой целью Грэя.

— Теперь, — сказал Грэй, — когда мои паруса рдеют, ветер хорош, а в сердце моем больше счастья, чем у слона при виде небольшой булочки, я попытаюсь настраивать вас своими мыслями, как обещал в Лиссе. Заметьте — я не считаю вас глупым или упрямым, нет; вы — образцовый моряк, а это много стоит. Но вы, как и большинство, слушаете голоса всех нехитрых истин сквозь толстое стекло жизни; они кричат, но вы не услышите. Я делаю так, что существует, как старинное представление о прекрасном — несбыточном, и что, по существу, так же сбыточно и возможно, как загородная прогулка. Скоро вы увидите девушку, которая не

может, не должна и иначе выйти замуж, как только таким способом, какой развиваю я на ваших глазах.

Он сжато передал моряку то, о чем мы хорошо знаем, закончив объяснение так:

— Вы видите, как тесно сплетены здесь судьба, воля и свойство характеров; я прихожу к той, которая ждет и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме нее, может быть, именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное — получать дражайший пятак, легко дать этот пятак, но когда душа таит зерно пламенного растения — чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии.

Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда начальник тюрьмы сам выпустит заключенного, когда миллиардер подарит писцу виллу, опереточную певицу и сейф, а жокей хоть раз попридержит лошадь ради другого коня, которому не везет, — тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение и — вовремя сказанное, пужное слово. Владеть этим — значит владеть всем. Что до меня, то наше начало — мое и Ассоль — останется навсегда в алом отблеске парусов, созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. Поняли вы меня?

— Да, капитан. — Пантен крикнул, вытер усы аккуратно сложенным чистым платочком. — Я все понял. Вы меня тронули. Пойду я вниз и попрошу прощения у Никса, которого вчера ругал за потопленное ведро. И дам ему табаку — свой он проиграл в карты.

Прежде чем Грэй, несколько удивленный таким быстрым практическим результатом своих слов, успел что-либо сказать, Пантен уже загремел вниз по трапу и где-то отдаленно вздохнул. Грэй оглянулся, посмотрев вверх; над ним молча рвались алые паруса; солнце в их швах сияло пурпурным дымом. «Секрет» шел в море, удаляясь от берега. Не было никаких сомнений в звонкой душе Грэя — ни глухих ударов тревоги, ни шума мелких забот; спокойно, как парус, рвался он к восхитительной цели, полный тех мыслей, которые опережают слова.

К полудню на горизонте показался дымок военного крейсера. Крейсер изменил курс и с расстояния полумили поднял сигнал «лечь в дрейф».

— Братцы, — сказал Грэй матросам, — нас не обстреляют, не бойтесь; они просто не верят своим глазам.

Он приказал дрейфовать. Пантен, крича как на пожаре, вывел «Секрет» из ветра; судно остановилось, между тем как от крейсера помчался паровой катер с командой и лейтенантом в белых перчатках; лейтенант, ступив на палубу корабля, изумленно оглянулся и прошел с Грэем в каюту, откуда через час отправился, странно махнув рукой и улыбаясь,

словно получил чин, обратно к синему крейсеру. По-видимому, на этот раз Грэй имел больше успеха, чем с простодушным Пантенем, так как крейсер, помедлив, ударил по горизонту могучим залпом салюта, стремительный дым которого, пробив воздух огромными сверкающими мячами, развеялся ключьями над тихой водой. Весь день на крейсере царило некое полупраздничное остолбенение; настроение было неслужебное, сбитое — под знаком любви, о котором говорили везде — от салона до машинного трюма; а часовой минного отделения спросил проходящего матроса:

— Том, как ты женился?

— Я поймал ее за юбку, когда она хотела выскочить от меня в окно, — сказал Том и гордо закрутил ус.

Некоторое время «Секрет» шел пустым морем, без берегов; к полудню открылся далекий берег. Взяв подзорную трубу, Грэй уставился на Каперну. Если бы не ряд крыш, он различил бы в окне одного дома Ассоль, сидящую за какой-то книгой. Она читала; по странице полз зеленоватый жучок, останавливаясь и приподнимаясь на передних лапах с видом независимым и домашним. Уже два раза был он без досады слунут на подоконник, откуда появлялся вновь доверчиво и свободно, словно хотел что-то сказать. На этот раз ему удалось добраться почти к руке девушки, державшей угол страницы; здесь он застрял на слове «смотри», с сомнением остановился, ожидая нового шквала, и действительно едва избежал неприятности, так как Ассоль уже воскликнула: «Опять жучишка... дурак!..» — и хотела решительно слудть гостя в траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила, с головокружительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. «Секрет» в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнем алого шелка; музыка ритмических переливов, переданных не совсем удачно известными всем словами: «Налейте, налейте бокалы — и выпьем, друзья, за любовь...» В ее простоте, ликуя, развертывалось и рокотало волнение.

Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события; на первом углу она остановилась почти без сил: ее ноги подкашивались, дыхание срывалось и гасло, сознание держалось на волоске. Вне себя от страха потерять волю, она топнула ногой и оправилась. Временами то крыша, то забор скрывали от нее алые паруса; тогда, боясь, не исчезли ли они, как простой призрак, она торопилась миновать мучительное препятствие и, снова увидев корабль, останавливалась, облегченно вздохнув.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений. Никогда еще большой корабль не подходил к этому бере-

гу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; теперь они ясно и неопровержимо пылали с ненавистью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла. Мужчины, женщины, дети впопыхах мчались к берегу, кто в чем был; жители перекликались со двора в двор, насакивали друг на друга, вопили и падали; скоро у воды образовалась толпа, и в толпу эту стремительно вбежала Ассоль.

Пока ее не было, ее имя перелетало среди людей с нервной и угрюмой тревогой, со злобным испугом. Больше говорили мужчины; славенно, змеиным шипением всхлипывали остолбеневшие женщины, но если уже которая начинала трещать — яд забирался в голову. Как только появилась Ассоль, все смолкло, все со страхом отошло от нее, и она осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, несчастливая, с лицом не менее алым, чем ее чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Он смотрел на нее с улыбкой, которая грела и торопила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль; смертельно боясь всего — ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи, — она вбежала по пояс в теплое колыхание волн, крича: «Я здесь, я здесь! Это я!»

Тогда Циммер взмахнул смычком — и та же мелодия грянула по нервам толпы, но на этот раз полным, торжествующим хором. От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различить, что движется: она, корабль или лодка, — все двигалось, кружилось и опадало.

Но весло резко плеснуло вблизи нее; она подняла голову. Грэй нагнулся, ее руки ухватились за его пояс. Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала:

— Совершенно такой.

— И ты тоже, дитя мое! — вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. — Вот я пришел. Узнала ли ты меня?

Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котенком. Когда Ассоль решила открыть глаза, покачивание шлюпки, блеск волн, приближающийся, мощно ворочаясь, борт «Секрета» — все было сном, где свет и вода качались, кружились, подобно игре солнечных зайчиков на струящейся лучами стене. Не помня как, она поднялась по трапу в сильных руках Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад. И скоро Ассоль увидела, что стоит в каюте — в комнате, которой лучше уже не может быть.

Тогда сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка. Опять Ассоль закрыла глаза, боясь, что все это исчезнет, если она будет смотреть. Грэй взял ее руки, и, зная уже теперь, куда можно безопасно идти, она спрятала мокрое от слез лицо на груди друга, пришедшего так волшебю. Бережно, но со смехом, сам потрясенный и удивленный тем, что наступила невыразимая, не доступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это давно-давно пригрезившееся лицо, и глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. В них было все лучшее человека.

— Ты возьмешь к нам моего Лонгрена? — сказала она.

— Да. — И так крепко поцеловал он ее вслед за своим железным «да», что она засмеялась.

Теперь мы отойдем от них, зная, что им нужно быть вместе одним. Много на свете слов на разных языках и разных наречиях, но всеми ими, даже и отдаленно, не передашь того, что сказали они в день этот друг другу.

Меж тем на палубе у грот-мачты, возле бочонка, изъеденного червем, с сбитым дном, открывшим столетнюю темную благодать, ждал уже весь экипаж. Атвуд стоял; Пантен чинно сидел, сияя, как новорожденный. Грэй поднялся вверх, дал знак оркестру и, сняв фуражку, первый зачерпнул граненым стаканом, в песне золотых труб, святое вино.

— Ну, вот... — сказал он, кончив пить, затем бросил стакан. — Теперь пейте, пейте все; кто не пьет, тот враг мне.

Повторить эти слова ему не пришлось. В то время как полным ходом, под всеми парусами уходил от ужаснувшейся навсегда Каперны «Секрет», давка вокруг бочонка превзошла все, что в этом роде происходит на великих праздниках.

— Как понравилось оно тебе? — спросил Грэй Летику.

— Капитан, — сказал, подыскивая слова, матрос, — не знаю, понравился ли ему я, но впечатления мои нужно обдумать. Улей и сад!

— Что?!

— Я хочу сказать, что в мой рот впили улей и сад. Будьте счастливы, капитан. И пусть счастлива та, которую «лучшим грузом» я назову, лучшим призом «Секрета»!

Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборогая вином Грэя; держались на ногах лишь рулевой, да вахтенный, да сидевший на корме с грифом виолончели у подбородка задумчивый и хмельной Циммер. Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...

1920 — 1921 гг.

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ ДРЯГИН (1891 — 1950)

Константин Владимирович Дрягин родился 15 декабря 1891 г. в г. Вятке в семье священника. Как и многие молодые люди его сословия, начальное образование получил в Вятском духовном училище, а после четвертого класса духовной семинарии в 1911 г. сдал конкурсные экзамены в Петербургский историко-филологический институт. Успешное поступление дало право К. В. Дрягину получать полное казенное содержание, так как еще в 1910 году умер его отец, и семья вынуждена была жить на небольшую пенсию матери.

К. В. Дрягин сформировался как профессиональный филолог, обучаясь в институте тогда, когда в Петербурге зарождалось новое направление в науке. Дрягин многое воспринял от основателей формальной школы В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Г. О. Винокура, В. М. Жирмунского, которые стремились к скрупулезному анализу поэтической формы.

Другим направлением в науке 1920-х годов, также несомненно повлиявшим на формирование молодого ученого, стал социологический метод в литературоведении.

К. В. Дрягин окончил институт в 1916 г., его курсовая и выпускная (кандидатская) работы по литературе были оценены на «отлично». После учебы молодой выпускник был призван на воинскую службу: он стал юнкером Павловского военного училища, а затем прапорщиком в пехотном запасном полку. После демобилизации Константин Владимирович работал актером и режиссером Галичского народного театра, делопроизводителем в уездном военкомате.

С августа 1918 г. К. В. Дрягин преподает в Вятском учительском институте, который позже преобразован в Кировский государственный педагогический институт. В разное время Константин Владимирович был заведующим отделением русского языка и литературы, заведующим кафедрой литературы, деканом факультета русского языка и литературы. В 1929 г. Дрягину присвоено ученое звание доцента, а в 1934 г. — звание профессора по кафедре русской литературы.

В памяти тех, кто слышал лекции К. В. Дрягина по русской литературе XIX века, остался образ талантливого ученого, блестящего лектора, читавшего наизусть многие произведения русской классической литературы.

Пять лет (1922 — 1927) К. В. Дрягин по совместительству исполнял должность директора Вятской публичной библиотеки имени А. И. Герцена.

Научные интересы Константина Владимировича были разносторонни, он изучал творчество Льва Толстого и Леонида Андреева, Пушкина и Лермонтова. Его статья «Борьба Пушкина за реалистическую эстетику», опубликованная в книге «Пушкин — родоначальник новой русской литературы» (1941), не затерялась среди обширной советской пушкинианы, она стоит в ряду статей таких известных пушкинистов, как Д. Благой, Б. Томашевский, Г. Гуковский и др.

К. В. Дрягин активно участвует в литературной жизни Вятки 20—40-х годов. Он известен как поэт, участник нескольких поэтических сборников. В 1936 г. в г. Кирове оформляется отделение Союза писателей, и Константин Владимирович становится первым его членом.

Близость Дрягина к вятским литературным группам, которые объединяли поэтов и прозаиков разных направлений, позволила ему написать исследование «Лирика пролетарских поэтов эпохи военного коммунизма» (Вятка, 1933). Эту книгу отличает филологическая эрудиция, умение воссоздать широкий историко-культурный контекст и тонкий вдумчивый анализ поэтической формы, а также внимание к истокам жанров поэтов-пролеткультовцев.

К. В. Дрягин стал для многих поколений подлинным Учителем русской словесности.

СЕДЬМОЙ ВАЛЬС ШОПЕНА

Мягкие сумерки вечера нежного
Бархатом серым заткали углы.
Снились виденьями прошлого, прежнего
Лица в тумане густеющей мглы.
Плыли, сгущаясь, так бархатно-ласковы,
Мягкие волны вечерних теней.
Были прекрасной, как дивная сказка, Вы.
Сердце томилось нежней и сильней.
Тонкие пальцы по клавишам матовым
Быстро мелькали, как тучки, скользя.
Отблеском странным, — лучисто-агатovým
В бархатной мгле загорались глаза.
Звуки лились, и лаская, и мучая;
Вальс рокотал, переливно звеня.

Слезы и грезы, и сказки певучие
Очаровали, пьянили меня.
В рокоте вальса рыдали признания,
Слезы восторга и смех золотой...
Звуки манили, будили желанья,
Сердце томили весенней мечтой.
Губы чуть рдели кораллами алыми;
Станным призывом аккорды неслись,
Словно надежды крылами усталыми
Жадно стремились в лазурную высь.
Страстно хотелось любви и забвения,
Нежащей ласки, пожатья руки...
Ах, отчего же мы в эти мгновения
Были так чужды и так далеки?!

3 июня 1917

Из книги «ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ»

Сюита мыслей и воспоминаний

II

Осень унылая тихо к нам в гости прокралась, —
Тихо, неслышно прокралась, как льстивая кошка.
В блеклой природе — неясная боль и усталость.
В бледной тоске я без цели сижу у окошка.
Душу томит непонятная, острая жалость.
Вижу: природа, как будто на праздник, одела
Ткани парчи золотой, и багряной, и алой.
Полог цветистый раскинулся вдаль без предела, —
Пышный покров для земли утомленной, усталой.
Празднично-пышно оделась земля золотая;
Яркие ризы одели деревья для тризны.
Блеклые листья, толпой золотою слетая,
Падают в черную землю узором капризным.
Сказочный мир предо мной — золотой и багряный,
Словно я — в призрачном царстве невиданной грезы...
Что же на сердце открылись забытые раны?
Что же в глазах моих горькие слезы?

Из книги «НА ОДИНОКОМ ГРАНИТЕ»

Падают, падают бабочки снежные,
Звезды узорные, хрупкие, нежные;
В сером зените
Скользя там и тут,
Белые нити
Плетут.

Белые нити скользят серебристые, —
Белые, чистые нити лучистые.

Нити в тумане,
В лучистой пыли
Белые ткани
Плетут для земли.

Землю одели парчою хрустальною,
Словно невесту — фатою венчальною.

Ласково-нежно
Белью безбрежной
Покрывгы поля.
В пологе снежном
Заснула земля.

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЩЕЛКАНОВ
(АЛЕКСАНДР РАБОЧИЙ)
(1900 — 1929)

Петр Александрович Щелканов родился 13 июня 1900 г. в заводском поселке Черная Холуница. Начало века в далекой провинции было трудным временем, но оно питало энергией и задором молодых. П. Щелканов начинал свой жизненный путь рабочим шахты, однако постоянное самосовершенствование приводит его в учителя земской школы. Везде он впитывал революционные идеи. Позже, после Октябрьской революции, П. Щелканов работает в комсомоле, в губернском комитете. В это время губком выпускает вятский литературно-общественный журнал «Зарево». С февраля 1920 по весну 1921 г. в журнале было опубликовано несколько стихов П. Щелканова. В 1920 г. П. Щелканов под псевдонимом «Александр Рабочий» издает свою первую книжку «Гудки», в которой заявляет:

Я — певец красной зари, труда и борьбы,
Я — певец буревых достижений,
Я — могучий кузнец своей вольной судьбы,
Я рожден среди бурь и волнений.

В этом же году П. Щелканов возглавил Союз пролетарских писателей, который был создан на собрании писателей Вятки.

В ноябре 1921 г. П. Щелканов уехал учиться на факультет общественных наук (отделение литературы и языка) Московского университета. Круг его филологических интересов

был разнообразным: творчество Н. Г. Чернышевского, В. Г. Короленко. После окончания университета П. Щелканов становится «красным профессором». Однако многие планы П. Щелканова остаются незавершенными, этому помешала смерть. Умер он 2 мая 1929 года.

В ШАХТЕ

Безмолвно и жутко в подземной тюрьме,
Мерцает таинственно лампа во тьме

И шахту чуть-чуть освещает.
А в шахте стучит рудокop молодой,
Своей неизменной железной киркой

В гранитный он слой ударяет.
Ломает он бодро кусок за куском,
И тачки порой насыпает песком

И узкие штольни ведет...
На блоке шумит непрерывно бадья,
И стройно котельных рабочих семья
Могучие песни поет.

УТРО

Шапку снов жемчужных, светлых
Горный ветер сдул с меня;
Разорвал окно, приветлив, —
Бликов вешних шестерня.

Утро в трепетной зарнице
Сыплет радость в грудь мою:
Кужлей алых вереницы
Ткут лазурью даль свою.

Вот путевка на работу —
Ветровой сирены гуд!..
Труб фабричных позевоту
Смял рабочий дружный труд.

Как отраднo здесь, в заводе —
Вскрыть плакаты новых дней!..
Закружиться в хороводе
Шумных шелестом ремней.

Здесь, порывом огнеликих,
Волевых экспрессов рук
Завершаем мы великий,
Дней могучих, солнцекрут...

ЦВЕТЫ ЗАВОДА

Девушке с гвоздикой посвящаю

Ты — гвоздика! Я — алый безбрежный,
Вместе — солнечных струй кристалл.
Чувством ранним, порывисто-нежным
Сердца алый наполним бокал.
Обрученные мускульным краном,
Героической сагой станков,
Мы — весенние, сорвали рано
Лепестки шелковистых цветков.
И снимаем, снимаем порывно
Росы с знойных и росных губ;
В кумачовном дыхании призывны
Мачты слитых Вселенских труб.
И одеты в пурпур зарею,
Мы плывем с тобой у горна!
О, Любимая! Чувства не скрою.
Жизнь-чаровница силы полна!
Видишь, там, на востоке мятежном —
Город радуги золота взял!..
Ты — гвоздика! Я — алый нежный,
Вместе — солнечных струй кристалл.

ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1901 — 1938)

Родился Всеволод Лебедев в 1901 году. Детство и юность прошли в Слободском Вятской губернии. В 1918 году он окончил реальное училище. Бурные события революционного времени захватили молодого парня, он старается донести простым рабочим и крестьянам основы грамоты. Некоторое время Лебедев работает в продовольственном комитете, затем организует работу городской библиотеки. Постоянное общение с людьми, наблюдение за характерами развивают писательское видение.

В начале 20-х годов пробуждается повсеместный интерес к историческому прошлому рабочего класса. В Слободском под непосредственным руководством В. Лебедева создается краснедчецкий музей, в котором за короткий срок был собран богатый ма-

териал о прошлом Слободского уезда. Через некоторое время В. В. Лебедев становится сотрудником Вятского губернского краеведческого музея. Музейная работа на всю жизнь увлекла его, но и литературная деятельность захватывала все больше. Всеволод Владимирович пишет пьесу. Однако ему хотелось получить систематическое образование и он едет в Ленинград. С 1923 по 1927 год он учится на археологическом факультете Ленинградского университета.

Связь с родным краем не прерывается, в 1926 году он приезжает в Слободской и участвует в экспедиции местного музея по селам, где живут татары и удмурты. Результатом такой экспедиции явилось множество собранных экспонатов, которые отражали жизнь этих народов в Вятской губернии.

Страсть к открытию нового вновь толкает его на путешествия. С 1930 по 1937 год он побывал на Крайнем Севере, где знакомился с жизнью маленького народа саами, совершил поездки на Урал, где встречался со старыми горнозаводскими рабочими, побывал и на Дальнем Востоке.

Итогами таких поездок явились книги очерков, повести. В 1930 и 1931 годах вышли книги очерков В. Лебедева «К северным народам» и «Полярное солнце», в которых он рассказывает о быте и правах народа саами. В 1932 году появилась книга о гольдах и орочонах — «Охотники на Имане».

Наиболее ценна для нашего вятского читателя книга В. В. Лебедева «Вятские записки». Это повествование о детских и юношеских годах писателя, о его встречах, наблюдениях на дорогах жизни. Читатель узнает родные края, какими они были более полувека назад, какие события происходили. В «Вятских записках» В. Лебедев показывает, как меняется жизнь вятского крестьянина, жителя маленького уездного городка Слободского. Но, пожалуй, самое главное в книге — это безграничная любовь автора к родным местам. В. Лебедев очень точно, без прикрас, но иногда с мягкой иронией, говорит о талантах, способностях вятских мастеровых, восхищается дымковской игрушкой, рисунками удмуртских детей — он искренне верит в большое будущее Вятского края.

Встречи В. В. Лебедева на Урале дали толчок к книге, в которой рассказывается об Урале, о судьбах рабочих, о талантах мастеровых, о крепкой дружбе и взаимопомощи, недаром повесть названа «Товарищи». Уральские наблюдения вошли и в другие книги В. Лебедева: «Мастера», сборник рассказов «Голоса рабочих»; в 1936 году вышла пьеса «Отряды» (совместно с С. Коляд-

жиным) — пьеса о борьбе рабочих с белыми бандами во время гражданской войны. В 1937 году выходит его последний роман-хроника «Заводы», в основу которого положена история Нижне-и Верхне-Баштановских заводов.

Умер Всеволод Владимирович Лебедев молодым 16 февраля 1938 года.

ВЯТСКИЕ ЗАПИСКИ

О ПЕЧНИКАХ, КОТОРЫЕ ДЕЛАЛИ КИКИМОРУ

Прежде рассказывали анекдот о том, как некто, севший на пароходе, спросил проезжавших на плотах мужиков: «Что вы за люди?» и получил ответ: «Мы не люди, мы вятские».

Это из анекдота, а вот быль, и совсем недавняя: в Сибири пришла женщина в заводууправление жаловаться на одну работницу за то, что та ее обругала такими словами: «Что ты, вятская, что ли?» — «Мне никто таких слов не говорил, — сколько я живу на свете, а не говорили таких слов».

Но я, когда меня называют вятским, не обижаюсь и не хожу никуда жаловаться. Я и в самом деле вятский, и даже слобожанин, а слобожане из всех вятских — самый вятский народ.

Вятских и до революции, и теперь везде можно было встретить: и по Сибири, и в Москве над улицей — на лесах — висят вятские. А в квартирах кто печь кладет? — Тот же вятский.

Так вятские распозлись по всей земле, и куда ни глянешь, вот он сидит, вятский, — либо в учреждении за счетами, либо с рубанком молчаливо работает в квартире. Сделает, повернется и уйдет.

И оттого знали вятскую мебель, вятскую печную кладку. Если похвалить что-нибудь хотят, говорят: «Это вятская работа».

Осталась в доме вятская работа — и все на нее лобуются. А где же сам вятский? А он уже с топориком да с пилой идет по Костромской губернии и просится у бабы переночевать, и врет ей, что он богомолец, что он хорошего нрава. Вятские такой народ!

Вот моя няня. Это такая важная была старуха в кубовом платке. И так из-под платка глядит строго. А сказки любила рассказывать о печниках, о плотниках и солдатах, будто у нас, в Вятской губернии, и жителей-то всего что печники и солдаты.

— Печник — он все может, — говорит няня. — Кто же еще сможет, если не печник? Печники кикимору, захотят, оставят

Няня крепко верила в кикимору. Это маленькое ушастое существо, которое сидит под шестком, да вдруг как вылезет, да как взревет.

— Шел печник, — говорит няня, и что-то ему не понравилось — не поднесли, что ли, ему, но только с того времени начались в доме всякие неприятности. Стали дознаваться, и один старичок объяснил: «Был ли, — говорит, — у вас печник?» — «Был». «А может, печник сердитый ушел?» — «Не заметили, может, и сердитый». — «От печника». Печник заклад под шесток неигранну червонну даму. Она и вредит. Может, и теперь живет в том дому.

Я сам себе теперь немного напоминаю этого печника. Не закладывал я неигранных дам в чужие дома и не верю в их силу. Но я вроде печника пространствовал по нескольким городам и со многих мест уходил сердитым. В этой книге я и хочу написать о моих днях в Вятском крае.

Нужно объяснить, что такое кикимора. Печник, если ему поднесли в доме не довольно вина и пирогом обидели, закладывал в печь аптекарскую склянку, куда наливал ртуть и засыпал иголок. Когда в избе протапливалась печь, ртуть в склянке начинала елозить и иголки царапать стенки. Этот визг и шум хозяйка приписывала кикиморе.

Теперь о Вятском крае.

Когда я вспоминаю наш город, я начинаю сначала думать о реке, потом вспоминаются леса, которые стоят за городом, леса, откуда начались дороги на север. Вятские города кончаются нашим городом.

Моя книга историческая, — она описывает, каким был край в давние времена, до революции, и каким мое поколение, начавшее работать в революционные годы, его увидело. Историческая она и в том смысле, что то, что мы видели, то, что мы делали в 1919 — 1921 годах, стало уже историей — отгеснено фактами строительства. Край меняется.

Начинаю описание событий с того момента, когда по-настоящему я начал работать и читать, когда чтение книг сделалось моей работой.

Глубокая осень. Улица с обвисшими заборами. Домик, в который слободские жители два раза в неделю заходили менять книги.

Отсюда, с наблюдательного пункта библиотекаря, который в день меняет сотню книг и встречается с сотней лиц, я начинаю свою хронику.
(.....)

ВЯТСКИЙ НАРОД

Есть народная картинка — из тех, что в прежнее время любили вешать по избам. Картинка эта называется «Вятская баталия»: она изображает скопище людей, едущих на быках, коровах и козлах, вооруженных лопатами, вилами, граблями. Вид этих людей — преувеличенно-деревен-

ский: на головах высокие старинные шляпы, а то и просто ушаты и корзины.

Над картиной надпись: «У иноземцев о Вартах описуют, подобно как о Вятских повествуют — акибы в старину и вправду бывало, что вятское гражданство против серпа воевало».

Вятка была тем фантастическим, сказочным городом, в котором народ, увидев оставленный на поле серп, собрался со своим вятским оружием — лопатами и граблями — поражать неведомого невиданного зверя. Но в изображении этого сказочного города видны черты действительной Вятки — тяжеловесной, лопатной, широколицей.

В книжках рисовали «вятского Ваню» — парня широколапото, ширококозого. О нем было написано, что, собравшись ехать в Москву, он по дороге заснул. Лошадь поворотила и вернулась в родное село. Проснувшись, он принял сельскую церковь за Ивана Великого и, только встретив свою бабу, отличил по ней село от Москвы.

Такие книжки с картинками выходили до самой революции, — в те времена, когда по Вятке везде стояли заводы, когда не широколапый Ваня, а рабочий с серым от работы на кожевенном заводе лицом, с пропахшими овчиной руками и одеждой, ждал удара по старой жизни.

Да и деревенский наш народ — так ли он походил на Ваней, перепугавших, как рассказано в анекдоте, ноги во время ночевки на постоялом дворе и поэтому не сумевших встать? Наша буржуазия любила вспоминать такие анекдоты о Ванях — глупых людях, которые похожи друг на друга, как яйца, о Ванях в красных рубахах, которые дальше родного села не были. И все же эта буржуазия прекрасно знала, что вятский крестьянин испытал много, что вятский крестьянин прошел все ремесла, бродил по многим губерниям, что крестьянин этот двигается легче и быстрее, чем это представлено в сказках.

Все помнили об Ильинской волости, где было вооруженное восстание, помнили крестьян села Кай, объявивших в 1905 году республику!

Мне из детства помнится праздник «Свистунья»: был такой специальный вятский праздник.

Я вспоминаю город с согретой солнцем широкой и скучной улицей. Все здесь сдавлено. Дома большие, каменные. Воздух сдавлен домами. Все здесь серое и скучное. По улице идет гладкий, как сытая лошадь, полицмейстер, блестя эполетами и усами, снимает фуражку, чтобы освободить пропотевшую угловатую голову. В лице его что-то навсегда замерзло. Одновременно и спокойный вид, и строгий, холодный, непрерывно уставленный вперед взгляд.

Он двигается медленно, как рыба в аквариуме, останавливаясь на углах. И тогда все стоящие на улице сразу смотрят на его сапоги и лицо.

Потом он, нахмураясь, машет рукой, и по его знаку двое широколапых городских влекут поникшее, обвисшее длинным пиджаком тело пьяного мастеравого. Полицмейстер идет по улице, точно вступает в храм.

И кажется, что легкие белые бабочки садятся на его плечи и спину — быстро, как молния... Это солнце мелькает на его серебре.

Потом он стягивает с руки тугую перчатку и открывает белую, как зуб, руку. Против него стоит лиловая гора — протопоп, у которого борода растет и из ушей, и из носа. К ним подходит сухой, хорошо подстриженный школьный инспектор.

А по другой стороне улицы идет человек, над которым ветер делается розовым и золотым; человек этот несет кружащиеся на длинных палках золото-розовые и синие, как ковыль, легкие бумажные «мельницы», и за ним, — как птицы ходят по земле, — немного поодаль и осторожно идут дети.

Вятский праздник «Свистунья» на большой площади.

Когда к ней идешь, кажется, что медленно взбираешься на какую-то большую гору, высота которой оглушает твою кровь и сознание.

Потом у базара понимаешь, что это свист. Летучий, пронзительный свист с легким нежным горловым оттенком.

Что-то цветет и волнуется там, на площади.

И когда попадаешь на площадь и идешь среди свистящей толпы, кажется, что ходишь по воздуху. У всех смеющихся и какие-то дерзкие лица. Идущие люди бережно держат перед лицами глиняную небольшую игрушку, ценой в три или пять копеек, изображающую двухголового зверя или барана с золотыми пятнами на боках. В хвост этому барану и свистят. Люди, идущие приложив к лицам этих разноцветных зверей, похожи все вместе на громадный пестрый маскарад.

Этот блеск и свист сначала озадачивают, а потом поднимают на воздух — и так путешествуешь до вечера, а ночью — в глазах и ушах во сне стоит что-то яркое и радостно-нежное. Это праздник «Свистунья». С давних времен славился город Вятка этим праздником. В Вятке здорово свистят. В Вятке делают игрушки для свиста.

Вот начался праздник; идут на площадь к белым палаткам старушки, пожилые степенные люди, а от палаток навстречу — знакомая молодежь, их сыновья и внуки, и одно у них в этот день — у молодых — дело: дудеть в хвост золоторогому барану.

Вот идет Ашихмин Ванька, пиджак новый надет для праздника, а во рту бараний хвост — глиняного барана, и глиняный баран поет так тонко.

А старухи на скамейке сидят да говорят:

— В прежние времена свистели еще здоровее. В прежние времена свистели и старики — к седой бороде приставит барана, ходит и свистит.

Целый день вместо дела один свист.

Посиживают старухи на лавочках да посмеиваются:

— Очень здорово свистели на Вятке в старину вот этой же самой игрушкой.

И велика ли сила в игрушке? Семикопесчный зверь, а Вятка ею славится. Целый рассказ сложен: в старое время во время войны в темноте целую ночь дрались вятичи по ошибке с пришедшими им на помощь устюжанами. Солнце встало: видит Вятка свое дело — наметаны под берегом трупы не врагов, а близких — братьев, отцов, везде своя кровь.

И в память этого дела, ошибки ночного боя, собирались ежегодно вятчане на высоком своем берегу, откуда далеко видно реки и леса и всю вятскую волю, — и что же делали потомки воинов? Собирались в холщовых одеждах, в лаптях люди, толпились на площади — и вот шли, шли с раскрашенными фигурками, играли в них.

Делали глиняных кукол в деревне Дымково — против Вятки, за рекой — мужики мастера. Лет двадцать тому назад было несколько семей, а потом мастеров становилось меньше и меньше, и кончается мастерство одной старушкой, до сего дня живущей в Дымкове (о ней прочтете в конце книги).

Любили на Вятке игрушку и старики, и молодые.

Уже и не свистят, а подойдут к комоду, посмотрят на бабу-кормилицу и на зверя и начинают говорить: жива ли та старуха, что делает куклы? Где она?

И я люблю, подойдя к игрушкам, о них думать: ведь все знакомые — ало-голубые, чернобровые стоят глиняные бабы, перемигиваются, сплетничают.

Прежде, до революции, — что привезти из Вятки в столицу? Берестяной бурачок, пахнувший деревом свежим, да куклу, что светит и блестит, так блестит и светит, что при ней, при этой кукле, в разговоре брачное побоишься сказать: ведь за стеклом она — красавица, сделанная рукой деревенской старухи, — стоит, как гостья, и держись при ней чище и прямее.

МУЧЕНИКИ ГУЛАГА

П. Т. Ожегин

«В известном смысле историю русской литературы, — писал Владислав Ходасевич, — можно назвать историей изничтожения русских писателей. Побои, солдатчина, тюрьма, ссылка, изгнание, каторга, пуля беззаботного дуэлянта, не знающего, на что он поднимает руку, эшафот, петля — вот краткий перечень лавров, венчающих «чело» русского писателя... Но это только «бичи и железы», воздействия слишком сильные, прямо палаческие. А сколько же было тайных, более мягких и даже вежливых? Разве над всеми поголовно не измывались цензоры всех эпох и мастей? Разве любимых творений не коверкали, дорогих книг не сжигали? Разве жандармы и чекисты не таскали к допросу и не сажали в каталажку чуть не по очереди, без разбору, за то именно, что писатель».

Жертвами репрессий стали многие писатели, чья жизнь и творчество были связаны с вятской землей. В 1934 г. был арестован друг и наставник Сергея Есенина Николай Клюев, гостивший и творивший в наших местах. Поэту вменили в вину то, что он якобы является членом «Союза спасения России», которого на самом деле не существовало. 13 октября 1937 г. «тройка» управления НКВД г. Томска вынесла решение о расстреле Клюева. 25 октября приговор был приведен в исполнение.

Почти два года пробыла в застенках жена поэта Бориса Корнилова, тогда молодая поэтесса, Ольга Федоровна Берггольц, связанная с нашими местами через судьбу поэта Леонида Владимировича Дьяконова.

Вятского журналиста, начинающего литератора Леонида Дьяконова, потянуло в 30-е годы на экзотический Восток. Оказался он в Казахстане, в Алма-Ате. Работая в «молодежке», сдружился с поэтами Ольгой Берггольц и Николаем Молчановым. Об этой дружбе вспомнили в НКВД, когда была арестована Ольга Федоровна. Тем более, что Адан-Семенов, о котором речь впереди, сделал наводку на связи «троцкистки» Берггольц с вятским поэтом Дьяконовым. Арест, допросы, тюрьмы, психиатрическая больница. Вернулся домой Леонид Дьяконов подавленным и опустошенным и долго не мог вновь взяться за перо, хотя выпущен был на волю за отсутствием состава преступления.

О том, какая горькая судьба выпала на долю нашего земляка, двоюродного брата Л. Дьяконова, известного русского поэта Николая Алексеевича Заболоцкого, читатель знает по воспоминаниям самого поэта и его сына Никиты Николаевича об этих

жутких днях, когда поэт был вырван из привычной обстановки и брошен в лагерь, а затем томился в ссылке.

Волна репрессий 30-х годов задела и Кировских литераторов. В 30-е годы начал выходить в областном центре альманах «Кировская новь», ответственным секретарем которого был Андрей Семенов, выступающий под псевдонимом Алдан. Это был плодовитый литератор, компанейский человек, вокруг которого группировалась литературная молодежь. Бывали здесь школьные учителя Лев Лубнин и Михаил Решетников, журналисты Николай Васенев, Вячеслав Колобов, начинающий поэт Игорь Франчески и другие. Алдан-Семенов заводил разговоры не только о литературе, но и откровенничал на политические темы, на счет репрессий, которые идут в стране.

Сейчас невозможно определить, кто донес на вольнодумных литераторов в НКВД, но было там заведено на них дело. Первым из литераторов взяли энкавэдэшники Алдана-Семенова. «Борец за справедливость» во время дружеских застолий, когда коснулась плетка следователя его спины, сломался и подписал протокол, как он выражался впоследствии, с «арабскими сказками». Наговорил такого на своих товарищей, что им долго пришлось «отмываться» от грязи. Он написал, что является непосредственным создателем и участником антисоветской организации, ставящей целью совершение террористических актов и свержение Советского строя. Группа «врагов народа» в составе редактора «Кировской правды» Якова Акмина, Михаила Решетникова, Льва Лубнина, Николая Васенева, Вячеслава Колобова, Игоря Франчески якобы вынашивала планы убить Сталина, Ворошилова и Жданова.

После таких признаний Алдана-Семенова были взяты все остальные, запущена карусель допросов с угрозами и пытками. Многие арестованные сдались, и только Лев Лубнин, когда его стали избивать, схватил стул и начал обороняться, доказывая свою невиновность.

Обвинения, сшитые белыми нитками, были отмечены на первом же заседании военного трибунала 1-2 апреля 1939 г. Вячеслав Колобов, Лев Лубнин и Игорь Франчески были освобождены из-под стражи «за недоказанностью предъявленного им обвинения». 19-20 июля 1939 г. состоялось второе заседание военного трибунала, на котором по тем же мотивам были освобождены Яков Акмин и Николай Васенев.

Алдан-Семенов за клевету был осужден. Впоследствии, когда его освободили, он пытался наладить связи с писателями-земляками, но те не захотели встречаться с ним.

На суде Лев Лубнин, доказывая вздорность обвинений, возведенных против него, заявил:

— Алдан в своих показаниях соединил меня с людьми, которых я вообще не знаю. С Колобовым мы только раскланивались, а Франчески я ни разу не видел и не знал.

Не одна поломанная литературная судьба на счету у чекистов.

В 1948 г. в редакции газеты «Кировская правда» встретились два начинающих литератора — Сергей Красноперов, чье стихотворение было только что напечатано здесь, и девятнадцатилетний шофер Леня Пушкарев, который страстно мечтал напечатать свою прозу. Поэт и прозаик подружились. Леонид клялся в своем дневнике: «Буду писать только правду, ибо хочу иметь такого немоего товарища, который бы держал тайну за зубами. Это будет мой дневник».

Однако «немой товарищ» заговорил, когда о дневнике с чьей-то «подсказки» узнали работники МГБ по Кировской области. 22 февраля 1949 г. они нагрянули к Леониду Пушкареву, произвели обыск, отыскивали злополучного «немоего» и за «антисоветские взгляды» арестовали его хозяина. По приговору судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 31 мая 1949 г. он был осужден на 7 лет лишения свободы и отправлен в колонию «Чары», что в поселке Сосьва Свердловской области.

Видимо, что-то было сказано в дневнике Леонида Пушкарева и о друге Сергее Красноперове, потому что к нему тоже было проявлено внимание. 29 июля 1951 г. «гости» заявили и к Сергею, изъяли 63 тетради, 7 блокнотов, 34 письма, стихи и рассказы, которых оказалось достаточно, чтобы сделать заключение: «Являясь враждебно настроенным к существующему строю в СССР, на протяжении 1948—1951 гг., среди начинающих литераторов и других окружающих лиц проводил антисоветскую разложеческую агитацию: клеветал на политику ВКП(б), советского правительства и советскую литературу, выступал против принципа партийности в советской литературе, в антисоветском смысле отзывался о действительности в Советском Союзе. Распространял клеветнические измышления в отношении руководителей советского государства, коммунистов и Ленинского комсомола. Восхвалял условия жизни в капиталистических странах».

Все изъятое при обыске стихи, рассказы и другие произведения Сергея были уничтожены как «не имеющие отношения к делу».

Приговором Кировского областного суда от 5 октября 1954 г. Красноперов был признан виновным в проведении анти-советской агитации и осужден к семи годам лишения свободы. Отныне его местом жительства стал Китоийский исправительно-трудовой лагерь, управление которого находилось в г. Ангарске Иркутской области.

После освобождения из лагерей Сергей Красноперов и Леонид Пушкарев, терпя материальные лишения, все же сумели написать и издать по одной книжке. Перу Леонида принадлежит повесть «Остаюсь у великанов», Сергей Красноперов издал детскую книжку «Телефон», много печатался в областных и центральных газетах. Приходилось лагерные работы выдавать за доблестный труд на комсомольских стройках.

Повесть Пушкарева «Остаюсь у великанов» явилась первой и последней книгой. Судьба жестоко обошлась с ним. Несчастный случай оборвал жизнь Леонида Егоровича Пушкарева в расцвете творческих сил. Ему было всего 33 года.

После смерти друга недолго прожил и Сергей Красноперов, чье здоровье было подорвано сталинскими лагерями.

Знакомясь с литературной жизнью 20-х и 30-х годов, я часто встречал имя Степана Кузьмича Шихова, который, работая заведующим отделом газеты «Вятская правда», много времени уделял литературному творчеству. В 1926 г. на личные небольшие сбережения он издал единственную свою книжку — сборник стихов «Концовое утро». В нем весьма заметна была стилизация под посконную народность, и критика встретила ее появление очень сдержанно. В 1933 г. под редакцией Степана Шихова вышел сборник вятских литераторов «Трудодни», в котором Степан Кузьмич опубликовал рассказ «Бесы и колхозники». Критик Петр Перовский отмечал, что стихи Степана Шихова малопонятны, формалистичны, а проза, хотя и злободневна по тематике, написана языком, стилизованным под народный.

Степан Шихов, не имея яркого дарования, был по-рыцарски предан литературе и писал всю жизнь стихи и рассказы, складывая их в ящик стола. Сейчас его архив хранится в библиотеке имени Герцена, директором которой он работал с 1932 по 1937 гг. В это время он много сделал для библиотечного дела, был организатором литературных вечеров.

Репрессии 1937—1938 гг. миновали Шихова, настгла его карающая десница в 1949 г., когда он был осужден областным судом за то, что слушал «Голос Америки» и рассказывал об этом, как сказано в обвинении, «восхваляя американский образ жизни».

В это время работал Степан Кузьмич сотрудником госархива УНКВД и, конечно, опрометчивая откровенность вышла ему боком. За «клевету на советскую действительность», как квалифицировали «преступление» Шихова, он был упрятан на 10 лет с последующим поражением в правах. Более пяти лет провел Степан Кузьмич в исправительно-трудовых лагерях. Лишь после того, как он тяжело заболел, его освободили из гулаговских застенков. Умер он в декабре 1955 г.

Почти столь же горькой оказалась судьба еще одного репрессированного литератора-фронтовика Афанасия Николаевича Кодачигова, который был арестован в 1948 г. в составе группы журналистов «Кировской правды», обвиненных во враждебной пропаганде, создании антисоветской группы «правых».

Вечером 4 октября 1948 г. в общепитие «Кировской правды», где обычно размещались собкоры из районов, заявился разгульный поэт, бузотер и выпивоха литсотрудник Борис Косарев. Компания сидевших там друзей не приняла сквернословия и зазнайку и даже выставила его на улицу.

Обиженный таким обращением, Косарев сообщил в органы, что в редакции ведутся антисоветские разговоры, есть намерения устроить покушение на жизнь Сталина. Через пять лет Косарев отказался от доноса, запоздало заявив, что заявление его было «плодом возбужденной психики на почве систематической пьянки», однако тогда дело завертелось, и 11 ноября Афанасий Кодачигов был арестован, затем взяты другие журналисты, значившиеся в косаревском заявлении.

Талантливый очеркист, заведующий отделом лесной промышленности редакции газеты Афанасий Кодачигов находил время на создание литературных произведений, стихов, рассказов, пьес. Арест оторвал его от любимого дела. Он был приговорен к 25 годам лишения свободы.

После освобождения из лагерей потерявший здоровье литератор уехал работать собкором «Кировской правды» сначала в Мурашинский, потом — в Зуевский районы. Его острые, с тонко подмеченными деталями, взятыми из жизни эпизодами материалы выгодно отличались от других. В это время он создал большой проблемный очерк о зуевском колхозе имени Ленина и его председателе Мамасве, издал небольшую книжку рассказов «Свадьба». Однако больше ему создать ничего не удалось.

После освобождения из воркутинских лагерей Афанасий Николаевич вернулся на родину с открытой формой туберкулеза и прожил всего четыре года. Умер он в 49 лет.

Известно, что Вятлаг был одним из островов архипелага ГУЛАГ. Немало писателей отбывали здесь свои сроки.

Как-то в днях литературы принимал участие прозаик-москвич Юрий Владимирович Давыдов. Он попросил включить его в группу, которая поедет в Верхнекамье. Известным писателем навестил он места, в которые попал в 1949 г., когда у него, старшего литсотрудника газеты «Красный флот», вышла первая книжка прозы. Инкриминированы ему были подозрение в шпионаже и клеветнические измышления в отношении руководителей партии и правительства. Наказание — 7 лет исправительно-трудовых лагерей. Из первоклассного журналиста судьба переделала его в грузчика. Единственным утешением были книжки из скудной лагерной библиотеки. Тяжкая работа, с колючей проволокой забор, как это подавляло психику. И так четыре года, пока после смерти Сталина не было пересмотрено дело Давыдова.

Сладкое слово «свобода» и любимый литературный труд. Одна за другой выходят книги: о Федоре Магюшкине — «В морях и странствиях», «Джон Франклин», о русских флотоводцах — Головнине, Нахимове, Синявине. А еще его герои — Герман Лопатин, Бакунин, Огарев, Герцен, Лавров, Савинков. «Старался везде добиваться человеческой и исторической правды», — признается он. За 45 лет литературной работы Юрий Давыдов выпустил 30 книг. Они популярны у читателей.

Говорят, солдату умереть в поле, матросу — в море, крестнику — в тюрьме. Все это уготавливалось ему, прошедшему почти все эти стадии. Он выдержал и выжил.

Писатель живет в своих книгах.

Исследования показали, что в Вятлаге познали «прелести» гулаговской жизни и другие писатели. Среди них следует назвать Дмитрия Михайловича Панина, христианского философа, инженера и писателя. Панин родился 11 февраля 1911 г. в г. Москве. Предки его (со стороны отца) происходили из стрельцов, мать писателя принадлежала к старинному дворянскому роду, что послужило в дальнейшем одним из поводов применения к нему репрессий. Дмитрий Михайлович окончил Московский институт химического машиностроения и в этом же институте готовился к защите кандидатской диссертации, но по доносу своего соседа по квартире 18 июля 1940 г. был арестован за антисоветские разговоры. 15 марта 1941 г. особое совещание при НКВД СССР по статье 58-10 УК РСФСР заключило его на 5 лет в исправительно-трудовые лагеря. Этапом из Бутырской тюрьмы города Москвы 24 июля 1941 г. Панин прибыл на первый комендантский лагпункт Вятлага. Этап был «богат» на знаменитых людей. Вместе с

ним прибыл польский дипломат и государственный деятель, князь Сапега, прокурор республики Рогинский, немецкий дипломат, барон Гильдебранд, заместитель наркома лесной промышленности Козырев, министр внутренних дел буржуазной Латвии и другие. Как впоследствии вспоминал сам Дмитрий Михайлович в своей книге «От Москвы до Экибастуза», в Вятлаге он встретился с бывшим членом ЦК партии, поэтом Борисом Рождественским, весьма одаренным, всесторонне развитым человеком, знавшим семь иностранных языков, мастером на все руки и писателем Панюшкиным Василием Лукичем.

Судьба Д. М. Панина — это судьба интеллигента в сталинскую эпоху. Изложил соседу свое видение происходящих событий в стране, отличное от официальной точки зрения, — попал в Вятлаг. Там не согнулся, не стал прислужником администрации лагеря — получил новый срок. На него было заведено новое дело, и по постановлению особого совещания при НКВД СССР от 19 марта 1944 г. за англосоветскую агитацию ему добавили 10 лет лишения свободы. По окончании срока он был отправлен в Кустанай на вечное поселение. Шестнадцать лет тюрем, лагерей, высылки провел Дмитрий Михайлович. И лишь в 1956 г. он вернулся в Москву.

Почти половину упомянутой книги «От Москвы до Экибастуза» Дмитрий Михайлович Панин посвятил описанию жизни, нравов заключенных в Вятлаге. Эта книга — исповедь человека, перенесшего все тяготы тюремного и лагерного заключения, книга-исследование об энергетических ресурсах вселенной и размышление о гибели святой Руси, о царстве Божиим на земле.

Судьба книги, как и самого автора, неординарна. По известным причинам, она не могла быть издана в СССР, а поэтому автор уехал за границу, и там книга была напечатана. Читатели России смогли с нею познакомиться лишь в 1991 г.

Василий Лукич Панюшкин, 1888 г. рождения, уроженец села Кочыпы Заречанского района Курской области, был арестован 24 сентября 1937 г. за «вредительство, террористические намерения и контрреволюционную деятельность» в городе Симферополе и по постановлению особого совещания при НКВД СССР от 11 апреля 1940 г., подвергнут лишению свободы сроком на 8 лет. В Вятлаг прибыл 2 июня 1940 г. Из Вятлага В. Л. Панюшкин 22 ноября 1944 г. был отправлен в Сиблаг, в Москве появился в 60-е годы.

Поэт Владимир Исидорович Агатов, 1901 г. рождения, уроженец города Киева, не значится в списках писателей. Это и понятно — «врагов народа» на щит славы не поднимали и старались

забыть об их существовании. Но тем не менее, он — автор слов песни «Темная ночь», которую знал, любил и пел весь советский народ. Он — автор и других стихов. На сохранившихся послевоенных пластинках с записями «Темной ночи» значится В. Агапов, а не Агатов.

Владимир Исидорович был арестован 26 ноября 1949 г. за проведение антисоветской агитации по пресловутой статье 58-10 УК РСФСР и по постановлению особого совещания при МГБ СССР от 21 ноября 1951 г. лишен свободы сроком на 7 лет. Два года следствия по делу об инакомыслии. В Вятлаг прибыл 27 декабря 1951 г. из Лефортовской тюрьмы и отбывал срок во втором, четвертом и пятом лагпунктах. Освобожден 4 октября 1954 г. по определению постоянной сессии Кировского облсуда от 28 сентября 1954 г. и убыл на жительство в поселок Царицыно Московской области.

Следует вспомнить еще об одном безвременно забытом русском писателе, судьба которого трагически оборвалась на вятской земле. Это Василий Акимович (Иоакимович) Никифоров-Волгин, 1901 г. рождения, уроженец деревни Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии. Отец — сапожник, пьяница, мать — прачка. Вася с детства полюбил книги, за их чтение ему частенько доставалось от отца. Он сумел закончить лишь начальную школу: на большее не хватило средств, надо было самому добывать себе кусок хлеба. С детства хорошо знавший богослужение и обладавший высоким голосом, отчетливой, выразительной дикцией, он был приглашен псаломщиком церкви Спасо-Преображенского собора города Нарвы, где прослужил до весны 1932 г.

Первая его публикация появилась в 1921 г. в ведущей русской газете Эстонии «Последние известия», а с 1923 г. начинается его регулярная литературная и журналистская деятельность. Изпод его пера вышло множество рассказов, очерков, зарисовок, фельетонов, два детективных романа: «Тайна нарвских подземелий» и «Атаман в черной рясе».

В 1930 г. под редакцией В. Никифорова-Волгина и Л. Акса в Нарве издается журнал «Полевые цветы», вышли четыре номера. Практически Василий Акимович в это время активно сотрудничает во всех русских газетах и журналах, выходящих в Эстонии. В 1935 г. он переезжает в Таллин. В мае 1937 г. выходит его первый сборник «Земля именинница» в издательстве «Русская книга». Через год в том же издательстве — второй сборник «Дорожный посох». В 1939 г. готовится третий сборник «Древний город», но кипучая творческая деятельность была прервана. С установлением Советской власти многие буржуазные газеты и журналы были закрыты, писатели и сотрудники репрессированы. Не обошла

эта участь Никифорова-Волгина. 24 мая 1941 г. он был арестован по статье 58-10 УК РСФСР «за принадлежность к различным белогвардейским, монархическим организациям, издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания». В связи с началом Великой Отечественной войны все заключенные были вывезены из Прибалтики вглубь Советского Союза. Никифоров-Волгин оказался в городе Кирове, где в августе 1941 г. приговорен к расстрелу. 14 декабря 1941 г. оборвалась жизнь писателя, в этот день приговор приведен в исполнение.

Автор книги «Дорожный посох» был православным христианином, и это обстоятельство определяло его мировосприятие. По искреннему его убеждению, основой всей нашей жизни может быть только вера в Бога, на этом держится мораль, без нее люди превращаются в зверей. С автором можно спорить, с чем-то не соглашаться, но это его мнение, которое достойно, как и всякое, уважения. Он не верил ни в русскую интеллигенцию, ни в привилегированные сословия имперской России. Все его симпатии были на стороне простых, тихих, скромных людей. Он — поклонник русской православной церкви, спасительницы и хранительницы души русского человека. Нельзя не отметить богатство языка его произведений.

А вот судьба еще одного писателя, тесно связанная с Вятлагом — Владимира Брониславовича Муравьева, 1928 г. рождения, уроженца города Москвы. Ему исполнился всего 21 год, когда он был арестован по политическим мотивам и заключен в лагерь сроком на 5 лет. С 18 сентября 1950 г. по 26 апреля 1953 г. отбывал наказание в Вятлаге. Начинал он как поэт. Первые свои стихи Владимир Муравьев написал за колючей проволокой на севере Кировской области, в Вятском лагере.

Основные его произведения: повесть «Пестель», написанная вместе с Б. И. Карташевым, «Вехи забытых путей» (об этнографе и лингвисте М. А. Кастрен), «Дорогами российских провинций» (о путешествии Петра-Симона Палласа), «Первые песни» — повесть о И. А. Куратове, «Московские предания и были», «Могила Неизвестного солдата», «Звезды надежды», «Слава столетия». Книга «Слава столетия» рассказывает о блестящей плеяде русских писателей XVIII века, составляющих гордость и славу целого столетия: Кантемире, Ломоносове, Радищеве, Карамзине, Державине. Здесь же рассказывается о выдающемся актере и основателе русского театра Федоре Волкове.

Поиск униженных и оскорбленных, упрятанных за колючую проволоку литераторов, продолжается. Несомненно, были и другие талантливые поэты и прозаики. Пока отыскать сведения о них не удалось, но почин сделан.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ РЕШЕТНИКОВ (1903 — 1990)

Родился М. М. Решетников 31 августа 1903 г. в г. Вятке. Как и многие его сверстники, он прошел трудный жизненный путь. В 1925 г. окончил Вятский пединститут, затем учительствовал. В 20-30-е годы М. М. Решетников увлеченно занимался журналистикой и делал свои первые литературные шаги. Его стихотворения и рассказы появлялись в газете «Вятская правда», а позже в коллективных сборниках. Активный по натуре, М. М. Решетников стал одним из организаторов первых литературных групп и объединений. Он входил в бюро вятского отделения «Перевал». В 30-е годы был репрессирован и надолго вырван из нормальной жизни, обречен на молчание. Вернувшись после реабилитации в родные места, нашел в себе силы вновь заняться литературным трудом.

Перу Михаила Михайловича принадлежат многие стихотворения, рассказы, переводы. Он активно переводил удмуртских авторов и удмуртский фольклор, помогал литературно обрабатывать воспоминания бывалых людей — бойца азинской дивизии Н. Г. Ганичева, участника трех революций М. К. Любовикова.

Интересны его книги очерков и воспоминаний: «По уржумским просторам» (Киров, 1964), «Спутники и встречные» (Киров, 1987), где рассказывается о вятских умельцах, о встречах Михаила Михайловича с интересными людьми, известными и малоизвестными писателями, об их связях с вятской землей.

МАЯКОВСКИЙ В НАШЕМ ГОРОДЕ

Город начинал свой кропотливый трудовой день.

Я вышел из ворот большого каменного здания на углу улицы Коммуны, упоравшейся в Театральную площадь, и сразу же увидел только что наклеенную прямо на стену, еще не просохшую от клейстера большую афишу. Остановился и прочел:

«Вятский городской театр. 2 февраля 1928 года.

Публичное выступление поэта современности Владимира Владимировича Маяковского.

1-е отделение. Поэт прочтет лекцию-доклад на темы: современная поэзия; как я работаю над стихом; мое отношение к Пушкину, Есенину; мои впечатления о загранице.

2-е отделение. Поэт прочтет свои произведения и ответит на вопросы слушателей».

Была тихая и теплая зима. Редкими мягкими хлопьями падал снег. Он укутывал белым уютным покрывалом и улицы, и дома, и лошадиные спины, и шапки извозчиков, сидевших на облучках своих пролеток с волчьими полостями и кожаными фартуками. Снег ложился на воротники и плечи прохожих.

Слева от меня на площади, перед рошницей тонкоствольных берез, окруженных высокой железной решеткой, стояло обветшавшее приземистое деревянное здание городского театра с его разросшимися антресолями, боковыми пристройками, лесенками и горбатым крытым подъездом. И крыши, и лесенки выбелил чистый снег, оттенив грязно-бурый цвет бревенчатых стен, выкрашенных когда-то желтой клеевой краской.

Мне вспомнилось лето 1926 года. Тогда в Крыму я впервые увидел Маяковского, присутствуя на его выступлении в Ялте, в летнем саду имени Третьего Интернационала.

Ялтинское выступление поэта было одним из первых в его литературных турне по стране. На меня, тогда еще совсем молодого человека, начинающего журналиста и литератора, оно произвело огромное впечатление. Казалось, слушая его, я как-то вдруг заново открыл для себя его поэзию. Стихи поэта революции в его чтении стали для меня предельно просты и понятны.

Вечер Маяковского в Ялте кончился около полуночи. Я ушел с него донельзя возбужденный. Говор толпы, музыка джазов из расцвеченных кафе и кинотеатров, гуляющие расфранченные пары — все показалось мне пошлым и раздражающим. Я пересек улицу и вышел к пустынному берегу моря. Шуршание волн по песку и гальке, солоноватые брызги, обдававшие лицо и руки, волшебное свечение воды и черное небо над головой понемногу успокаивали меня. Я возвратился к себе в гостиницу, но заснуть в эту ночь все-таки не мог.

И вот теперь, через полтора года, мне предстояло вновь увидеть и услышать Маяковского!..

Я еще раз оглянулся на здание театра, в котором скоро должен выступать поэт, и торопливо зашагал по расчищенным от снега деревянным тротуарам — надо было обсудить с товарищами, как нам, молодым литераторам, реагировать на приезд в наш город знаменитого поэта.

Ягька не раз принимала у себя писателей и поэтов, прославивших русскую литературу. В XIX веке здесь побывали по разным поводам, вольно или невольно, В. А. Жуковский, А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, В. Г. Короленко; несколько позднее — Федор Сологуб, Евгений Чириков, Алексей Бирик. В советские годы приезжали сюда Леонид Леонов, Федор Панферов, Демьян Бедный, Сергей Михал-

ков, Николай Никитин, Анна Саксе, Андрей Упит, Евгений Шварц и многие другие. Посещение нашего города Владимиром Маяковским в феврале 1928 года оставило, пожалуй, наиболее яркие впечатления в памяти того поколения людей, которому поэт приходился если не ровесником, то непосредственным современником.

Вятка тех лет носила на себе еще в значительной мере черты дореволюционного прошлого: кое-где на окраинных улочках горели по ночам керосиновые фонари на столбах, которые зажигал вечерами почти андерсеновский фонарщик с легонькой лесенкой подмышкой и черной от копоти тряпкой у пояса; в щепном ряду на Верхнем рынке торговали берестяными бураками, долблеными колодами, лыковыми пестерями, деревянными ложками и лаптями; у перекрестков больших улиц стояли в ожидании седоков бородатые извозчики со своими понурыми лошаденками, жевавшими овес из подвешенных на их мордах холщовых мешков.

Известно, что Маяковский в своих поездках по Советскому Союзу посетил сто городов, некоторые из них по нескольку раз. В Вятку он приезжал однажды и пробыл в ней всего два дня. Устроитель его выступлений и неизменный спутник Павел Ильич Лавут написал книгу воспоминаний о совместных с поэтом поездках под названием «Маяковский едет по Союзу», изданную к 70-летию поэта. Она, несомненно, является одним из превосходных источников изучения его творческой биографии, ибо поездки по стране и литературные выступления были частью его творческого труда.

К сожалению, П. И. Лавут ничего не рассказал о выступлениях Маяковского в Вятке, на которых он, очевидно, сам не присутствовал, занятый хозяйственными заботами. Он ограничился лишь описанием приезда поэта в Вятку, встречи его на вокзале школьниками да привел заключительное доброе суждение Владимира Владимировича о нашем городе.

Между тем Маяковский выступал в Вятке за два дня трижды: в городском театре, на XII губернском съезде профсоюзов и в местном педагогическом институте. Вечер в городском театре был наиболее интересным.

Надо сказать, что литературная жизнь Вятки в те годы была довольно интенсивной. После литературной группы, которой руководил Константин Алтайский, просуществовавшей года два при редакции газеты «Вятская правда», и после полубогемного содружества молодых поэтов и прозаиков «Зеленая улица», литературное движение приняло в некотором роде более «официальный» характер. К этому времени оформились три литературные группы — Вятская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), Вятское отделение литературного объединения «Перевал» и отделение общества крестьянских писателей. Каждая из них претендовала на свою платформу и даже издавала свои декларации. Местных крестьянских писателей трудно было принимать всерьез из-за их феноменальной литературной малограмотности. В книге «Литературные находки» (Волго-Вят-

ское книжное издательство, 1966) Евг. Петряев приводит такие вирши одного из вятских крестьянских поэтов:

Я не знаю запятых,
Я не знаю точек
И пишу без никаких
В день по двадцать строчек.

Что же касается вапповцев, то мы, «перевальцы», восвали с ними горячо, со всем энтузиазмом юности. Они обвиняли нас в «камерности», в есенинщине, в слабой связи с рабочей массой. Мы не оставались у них в долгу и тоже громили их с идеологических позиций: обвиняли в богдановщине, в схематизации и стандартизации изображаемых героев, уходе в бытовизм и агитку, в капитуляции перед сложностью жизни. И в той, и в другой группе были весьма талантливые люди. Достаточно назвать хотя бы Бориса Бялика, состоявшего в ВАППе, еще совсем юного человека, но уже активного литератора, ныне известного исследователя творчества А. М. Горького, доктора филологических наук.

Особенно возмущали нас нападки идейных руководителей вапповцев рапповских заправил в центре Л. Авербаха и Г. Лелевича — на Маяковского, переходившие порой в настоящую травлю поэта. И хотя местные вапповцы публично задевать Маяковского не пытались, предпочитая отмалчиваться на наши вызовы, но теперь, в связи с предстоящим выступлением его в Вятке, мы решили, что нам нужно быть начеку и в случае какой-нибудь публичной «вылазки» против поэта встать на его защиту.

Недели за две до появления афиш о выступлении Маяковского в Вятском городском театре, примерно в середине января 1928 года, на углах домов, на заборах и дощатых вращающихся барабанах для наклейки афиш и объявлений появились длинные узкие полосы бумаги, на которых огромными буквами было написано одно только слово «МАЯКОВСКИЙ». Его биографы пишут, что афиши Маяковского «брали город в плен». В Вятке тех лет Маяковского читали еще немногие, но теперь о нем всюду заговорили. В книжных магазинах и библиотеках увеличился спрос на его книги.

Трое нас, молодых литераторов, составлявших бюро местного отделения «Перевал», — Степан Шихов, Борис Дьяков и я — договорились накануне приезда поэта посетить Маяковского в гостинице и заявить ему: во-первых, о наших чувствах полной солидарности с ним и его поэзией; во-вторых, передать нашу просьбу от имени литературной молодежи Вятки выступить, кроме вечера в театре, в молодежной аудитории.

Узнав утром, 2 февраля, что Маяковский уже приехал и остановился в гостинице, мы втроем, переждав немного, чтобы дать ему отдохнуть с дороги, отправились туда.

Дверь в номер Маяковского была прикрыта неплотно. Я легонько раздвинул щель и, просунув голову между дверью и косяком, осторожно спросил:

— Владимир Владимирович, к вам можно?

И тотчас же мы были сражены его ответом, исходившим из комнаты, откуда-то сбоку:

— Нет, нельзя! — И почти в ту же секунду: — Ну, уж коли пришли, так вползайте.

Мы неловко, бочком, вошли в номер.

Маяковский лежал на кровати, положив ноги в штиблетах на ее спинку. Кровать стояла сбоку от двери, у стены с занавешенной нишей в ней, и была заправлена толстым шерстяным одеялом светло-коричневого цвета, с белыми разводами по краям и такими же узорами посередине. Рядом с ней, в изголовье, стояла тумбочка, а на ней — бутылка нарзана.

Когда мы вошли, Маяковский сел на кровати, а нам предложил взять стулья и тоже садиться, поближе к нему. Мы так и сделали, расположившись перед ним полукругом.

— Мы пришли, — начал поэт Степан Шихов, председатель бюро «Перевала», — приветствовать вас, Владимир Владимирович, в нашем родном городе от имени нашей литературной организации «Перевал» и от имени всех начинающих писателей и поэтов Вятского края...

Слова выгверженного приветствия Маяковский выслушал молча, сидя на кровати, нагнувшись и положив скрещенные руки на колени. Потом распрямился и, не вставая, попросту, задушевно сказал:

— Ну что ж, спасибо, друзья. Если вы это искренне, то мы пойдем друг друга... Но я думаю, что вы пришли не только за этим — выкладывайтесь!

— Да, у нас есть к вам просьба... Только не знаем, как вы к ней отнесетесь.

— А вы не извиняйтесь, вы же мне на ногу еще не наступили, — ободрял нас Владимир Владимирович, видя, что мы смущаемся. — Если вы хотите попасть сегодня ко мне на выступление, то еще ничего не потеряно — сейчас я напишу вам записку к администратору. — И он, вырвав из записной книжки листок, приготовился писать, добавив: — Мне уже сообщили, что все билеты проданы.

— Нет, — поспешили мы его предупредить, — билеты мы уже купили...

— Тогда чего же еще хотите от меня?

— Мы хотим просить вас... — я замаялся, — посвятить еще одно выступление, кроме сегодняшнего, литературной и студенческой молодежи.

Согласие было дано.

— Помещение есть? — спросил Маяковский.

— Мы хотели бы в педагогическом институте. Мы там сами часто выступаем. Нас там очень хорошо принимают...

— Когда хотите? Сегодня и завтра я занят. Впрочем, завтра — днем... Согласны на завтра вечером?

— Конечно, согласны! — воскликнули мы. — Еще бы! Будем вам очень благодарны...

А Владимир Владимирович, светло улыбаясь, протягивал всем нам по очереди широкую ладонь для прощания.

И мы ушли. Надо было спешить: договориться с администрацией педагогического института и со студенческими организациями о подготовке выступления поэта.

Мы часто приходили в те годы в студенческую семью. Читали с эстрады свои стихи, рассказы. Нас слушали терпеливо, даже с живым интересом и сочувствием. Выступали не только городские литераторы, но и приезжавшие из районов кружковцы. Часто то, что мы читали, было очень далеко от совершенства, незрело, не отработано, не выношено. Но и эти творческие опыты находили в доброй и благожелательной студенческой среде очень внимательную аудиторию.

Разумеется, весть о предполагаемом выступлении Маяковского в педагогическом институте была встречена не только благожелательно, но и прямо-таки восторженно.

Но в этот вечер, 2 февраля, мы все трое уже в начале восьмого были в городском театре.

Желающих видеть и слушать Маяковского оказалось очень много. Фойе, раздевалка и буфет были буквально забиты публикой. Молодежь составляла примерно половину собравшихся, остальные — люди среднего возраста и даже старики. Студенты, ученики и красноармейцы заняли по традиции «верхние этажи» — амфитеатр и галерку. В партере разместились весь цвет вятской интеллигенции. Впрочем, самые дорогие — первые ряды — заняли нэпманы. Можно было не сомневаться, что добрая половина присутствующих не только не разбиралась в поэзии Маяковского, но едва ли когда-нибудь вообще читала его стихи. Однако известность одного его имени была такова, что на вечер пришли представители всех социальных групп и, кажется, всех профессий.

Когда из-за сукон, которыми была задрапирована сцена, вышел Владимир Владимирович и непринужденно, просто сказал:

— Здравствуйте! Я — Маяковский, — ответом ему были долгие и дружные аплодисменты.

И сразу же после аплодисментов в зале установилась прочная тишина.

Выступление Маяковского в Вятке началось.

Оно шло по объявленной в афише программе. В некоторых местах вспыхивали рукоплескания, иногда сдержанный, солидарный с оратором смех.

Во втором отделении вечера Маяковский читал «Товарищу Несте», «Юбилейное», «Сергею Есенину», стихи об Америке и поэму «Хорошо».

В заметке о выступлении поэта, напечатанной в «Вятской правде» за 4 февраля 1928 года, есть своеобразный постскриптум, звучащий довольно наивно и не очень грамотно: «К великому сожалению, вечер не обошелся без омерзительного выпада хулигана. Какой-то глупец бросил на сцену гнилое яйцо. Лучшего оружия в борьбе(!) с поэтом-революционером не может найти только абсолютное ничтожество. Мерзость! Заметка принадлежала одному из вапповцев, впрочем, скрывшемуся под инициалами.

Об этом упоминает и Леонид Кудреватых в книге своих воспоминаний «Письмо Демьяна» (1966). «В переполненном зале было тихо, — пишет он. — Сотни глаз впились в мощную фигуру поэта. Вдруг к его ногам упало и разбилось гнилое яйцо...»

Случай с брошенным к ногам поэта яйцом стоит того, чтобы о нем рассказать, тем более, что больше о нем нигде не говорилось, в том числе и в воспоминаниях П. Лавута.

Маяковский читал главы из поэмы «Хорошо». Незадолго до этого — стихи на смерть Есенина. А в первом отделении говорил о первой встрече с ним, где фигурировали и «рубаха, вышитая крестиками», в которую был одет Есенин, и голос поэта, напоминавший, как сказал Маяковский, «тихо струящееся лампадное масло». Есенина знали широко, поэтому едва уловимая нотка настороженности звучала в голосе Владимира Владимировича: он мог ожидать какого-либо выпада за ироническую характеристику просто даже внешности Есенина со стороны своих идейных противников и недоброжелателей — публика в зрительном зале была разная.

Однако с характеристикой и стихами о Есенине все прошло спокойно. Но вот в середине чтения глав из поэмы «Хорошо» на галерке вдруг послышалось какое-то движение среди царившей в зале тишины. И внезапно на авансцену, к ногам поэта, шлепнулось яйцо. Маяковский резко оборвал чтение и в волнении зашагал по сцене. Но сразу же перешел в наступление и гневно, и резко отчитал нахала.

Волнение поэта передалось всем. Некоторые вскочили с мест. Понеслись возмущенные возгласы: «Удалить хулигана!», «Убрать из театра!», «Где же милиция?!».

Может быть, это общее настроение публики, так дружно вставшей на сторону поэта, успокаивающе подействовало на Маяковского. Он возвратился к столику в середине сцены, налил стакан воды из графина и не спеша выпил его до дна. В это время два милиционера вывели из театра высокого и плотного белокурого парня с взъерошенными волосами. Говорили потом, что это был студент — фрондер, гуляка и спорщик.

Через минуту в зрительном зале уже воцарилась прежняя сосредоточенная тишина. Маяковский без труда добился ее, подняв вытянутую перед собой руку, обращенную ладонью к публике. Как будто ничего не произошло — он снова читал прерванную на половине главу.

Перед окончанием вечера я тихонько пробрался за кулисы: мне хотелось посмотреть на поэта еще раз — после выступления, вне сцены.

Сразу, как только вышла публика, еще взволнованно обсуждавшая выступление и спорящая, Маяковский тоже ушел из театра через закулисный выход. В уголке рта у него торчала погасшая папироса. На улице снег искрился под фонарями, между которыми возникали в сугробах синие провалы.

Маяковский шагал по улице Коммуны, не торопясь, по направлению к гостинице «Эрмитаж», где он остановился, — к двухэтажному каменному зданию в переулке Герцена, сразу за углом улицы Ленина. Он шел, широко развернув плечи, выбрасывая далеко перед собой трость, с которой редко расставался. И все-таки мне показалось, что он устал.

(...)

На следующий день после выступления в Вятском городском театре Владимир Владимирович был приглашен на проходивший тогда, 3 февраля 1928 года, XII губернский съезд профсоюзов. Проходил он во Дворце труда (где ныне разместились средняя школа № 29). Маяковский выступил на съезде дном. Делегаты встретили поэта овацией, и чтение им стихов прерывалось также продолжительными и дружными аплодисментами.

Вечером того же дня, как мы условились, была назначена встреча с молодежью в педагогическом институте.

Институт находился, как и сейчас, на Красноармейской улице и помещался в длинном каменном здании бывшего женского епархиального училища. Теперь оно надстроено, расширено, и внутреннее расположение комнат в нем совершенно изменилось. Тогда, например, клубный зал, в котором предстояло выступать Маяковскому, занимал бывшую домашнюю церковь училища с полом из чугунных плит и с остекленными, раскрывающимися посекционно дверями. Вход в клуб был из полутемного коридора.

Задолго до прибытия Маяковского зал наполнился до отказа. Стульев не хватало, поэтому в конце зала, под хорами, поставили длинные некрашенные деревянные скамьи. Аудитория преимущественно состояла из студентов и преподавателей, но немало пришло и других жителей города, захотевших послушать поэта, некоторые из них — уже вторично.

Эстрада представляла собой ничем не задрапированные деревянные подмости, открытые со всех сторон, и, конечно, без занавеса. На ней, как обычно требовал этого Маяковский, стояли только небольшой столик с графином воды и стаканом да венский стул.

Маяковский появился на эстраде в пальто, со шляпой и тростью в руках. Он сам представил себя собравшимся, как и накануне в театре, затем снял пальто и аккуратно положил его на стул, на него — шляпу и палку.

С первых же слов поэта между ним и аудиторией установилась какая-то незримая связь. Трудно указать внешние признаки ее, но все почувствовали, что поэт и присутствующие в зале взаимно расположены и близки духовно. Как известно, Маяковский любил молодежную аудиторию и редко отказывался выступать перед ней.

От множества собравшихся, при отсутствии вентиляции, в зале скоро стало жарко и душно. Владимир Владимирович снял пиджак и повесил его на спинку стула. Через некоторое время он снял с себя и шерстяной джемпер и, свернув, положил его на стул. Из задних рядов, среди тишины, неожиданно прозвучал звонкий женский голос:

— Довольно раздеваться!

Зал грохнул хохотом. Реплика была по-молодежному задорна и явно рассчитана на эффект дружеской шутки. Так и получилось. Маяковский нарочито изобразил смущение и пробормотал:

— Извините! Обещаю больше ничего с себя не снимать...

Снова взрыв хохота. А поэт, как бы вновь овладев положением, дружески-ворчливо заключил:

— Но почему вы, собственно, смеетесь? Я пришел сюда работать и хочу создать себе нормальные производственные условия.

О таком же «демарше» поэта рассказывает в своих воспоминаниях о Маяковском Лев Кассиль: часто выступая перед аудиторией в сходных условиях, он вынужден был иногда повторяться.

Вечер в педагогическом институте прошел оживленно и весело. Молодежь чувствовала себя свободно, однако не было допущено ни одной бестактности, должное уважение к большому и многими любимому поэту соблюдалось нерушимо. Не обошлось и без острой полемики в от-

дельных местах выступления. Нет необходимости приводить ее здесь, потому что она проходила в формах и рамках уже описанного П. И. Лавутом в его книге «Маяковский едет по Союзу», точно так же, как и в воспоминаниях других авторов — современников Маяковского.

Вяткой закончилась поездка Маяковского, которую он называл «путешествием на Урал» и в которую входили, кроме Вятки, города Свердловск и Пермь; 4 февраля он уехал из Вятки прямо в Москву.

«Многое пришлось ему здесь по душе, — пишет П. И. Лавут в своих воспоминаниях, — статья в газете ко дню приезда, встреча со школьниками на вокзале, хороший вечер в театре и, наконец, новая гостиница с простой и удобной мебелью, с большой пепельницей на столе (он много курил и не терпел маленьких пепельниц)...

— Такой небольшой город, а сколько удовольствия! — говорил Маяковский о Вятке...»

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ВАСЕНЕВ (1906 — 1977)

Писатель, журналист, краевед Николай Федорович Васенев за свою жизнь исходил и объехал почти всю Кировскую область, бывал в самых дальних ее уголках. Везде он вел записи, собирал исторические материалы, документы, воспоминания простых вятских тружеников.

Родился Н. Ф. Васенев в 1906 г. в слободе Кукарке (ныне г. Советск), там же окончил среднюю школу. Живописные места в окрестностях Советска, умение наблюдать красоту природы и человека привели Н. Ф. Васенева в Кировский художественный техникум, а затем — в Кировский пединститут. Уже будучи студентом, Васенев приобщился к литературному творчеству. В 1931 г. в газете «Вятская правда» был опубликован его первый рассказ, и после этого Николай Федорович на долгие годы связал свою судьбу с журналистикой, с родной газетой «Вятская правда» (позже «Кировская правда»).

Первая книга Н. Ф. Васенева «Инженеры» вышла в 1934 г. — это сборник рассказов для детей, в нее вошли такие рассказы, как «Паруса над снегом», «История одного похода», «Хороший будет урожай», «Инженеры» и другие. Затем Н. Ф. Васенев пишет книгу о Вятском крае, его истории, природе, и людях — «Обнов-

ленный край. Записки журналиста» (Киров, 1937). Форма записок позволила Васеневу подметить новые веяния в жизни Вятского края, рассказать о многом, например, о работе ученого-селекционера академика Н. В. Рудницкого.

Н. Ф. Васнев был мастером документального очерка, его привлекали различные темы: от проблем вятской деревни до работы милиции.

В 1946 г. выходит его книга «На берегах Вятки. Записки красоведа», эта книга выдержала три издания и была для молодого читателя своеобразным источником познания родных мест.

В 1976 г. вышел последний прижизненный сборник Васнева «Встречи на дорогах», в очерках и рассказах которого вера в жизнь, радость, добро.

НА РЕКЕ

В сумерки подъехали к берегу. Вера с трудом вытащила из передка тарагаса ооченевшие ноги. Они казались ей чужими, не чувствовали земли.

Старик, закинув вожжи на лошадь, ушел к реке, постоял там немного, о чем-то разговаривая сам с собой, постучал кнутовищем об лед и вернулся.

— Так вот что, голубушка, дело бросовое получается. Ты уж оставься здесь, раз у тебя нужда большая, а мне, как ни верти, обратно надо ехать...

Серый, чуть припорошенный снегом берег в вечерних сумерках бесприютен, тосклив. Ветер постукивает обледенелыми прутьями ивняка, будто костяшками. У самого льда черной тушей разлеется паром, тут же горбится перевернутая лодка. От берега река уже застыла, но середина ее, черная и быстрая, все еще ломает и несет вниз чешуйки тонкого, звенящего хрусталя.

— Где же я здесь останусь? — спросила девушка.

Всплыла в памяти теплая комнатка. Как хорошо было дома вчера вечером! Кажется, так и осталась на столе раскрытой недочитанная книга...

Может быть, уехать обратно? А на вызове написать: «Не пустила река».

— Это ты верно, голубушка, остаться тут негде... Разве вот в лесу: с версту отсюда изба ест, десятники лесные останавливаются... А там, глядишь, и реку затянет. Ей все равно, как ни верти, замерзать надо.

Шутит он или действительно думает — так вот просто остаться в лесу одной? Старик чудной, за долгую дорогу он много рассказал о себе. У него необыкновенная борода — рыжими клочками растет только на левой щеке и подбородке, а правая щека гладкая, чуть красноватая. Из-за этой бороды старика в деревне зовут Евстигней на боку. Видимо, несколько стесняясь этого недостатка, он при знакомстве с новым человеком в удобную минуту заводит разговор о бороде: «В гражданскую опалило. Как домой вернулся, первое время от старухи неудобства были — ругалась. Потом ничего, привыкла...»

Вера взгляделась в добродушное лицо старика и поняла, что тот не шутит. Она молча влезла в тарантас и укрыла ноги сеном.

Между деревьями — глубокие черные провалы. Раньше Вера часто мечтала о ночном лесу, но тогда он казался ей не таким. В теплую лунную ночь, босая, с распущенной косой, она пошла бы по мягкому мху, нарвала бы букет из пахучих лесных трав, набрала бы полную ладонь светляков...

Лошадь медленно плетется, волоча тарантас по кочковатой, замерзшей дороге; часто она останавливается, мотает головой и, попукаемая Евстигнеем, снова тащится дальше.

— Но, но дуреха! В каждом пне волка видишь... А тебе, голубушка, бояться нечего, — обернулся старик к Вере. — Никто тебя не тронет... Правда, в прошлом году болтали, что тут недалеко где-то человека кокнули, да ведь, может, правда, а может, и нет...

Через несколько минут лошадь снова остановилась.

— Ну вот, кажись, и приехали.

Девушка очнулась. За деревьями, недалеко от дороги, светилось окно избышки. Сразу стало как-то легче от одного сознания, что тут есть люди.

Вера медленно вылезла, взяла из тарантаса чемоданчик, хотела поставить его обратно, но в ту же минуту неожиданно для себя спокойным голосом сказала старику:

— Поезжай.

Вошла в избышку. Вместе с нею влилась в помещение струя лесного ветра. Заплясали тени на стенах, на потолке. В темноте трудно было рассмотреть людей.

Сказала с порога:

— Здравствуйте!

С двух топчанов, стоящих у противоположной стены, ответили:

— Здравствуй!

Третий топчан стоял в стороне, за печкой. Он был свободен.

— Можно переночевать?

— Почему нельзя, место есть, ложись.

Девушка пристально огляделась, но в темноте не смогла различить лиц. Уже лежа на топчане, она прислушивалась к разговору, желая узнать, что это за люди.

Вскоре оба собеседника замолчали. Потом один из них спросил:

— Вы по каким делам в лес пробираетесь?

— Я врач, еду в колхоз «Новый путь». К ребенку вызвали. Нарыв в горле, нужна срочная операция, а вот видите, река не пустила на ту сторону. Не знаю теперь, что и делать. Если завтра не оперировать, мальчик может умереть...

«Зачем я все это им рассказываю, — подумала девушка, оборвав себя, — какое им дело до этого?»

Тот же мужской голос из угла сказал:

— Да, река держит... Река лесорубов наших еще дня на четыре задержит.

— На четыре дня? — с тревогой перспросила девушка.

— Раньше не пройти, река здесь быстрая... А чей мальчонка-то? — спросил он, помолчав.

— Бригадира, что ли, Ивана Семеновича.

— Знаю его, и мальчонку знаю. Так умереть может, говоришь?..

На печке догорел ночнок; кольхнув на стенах неуклюжие тени, он погас. Все молчали. За стеной посвистывал сухой бесснежный ветер. Девушка лежала с широко открытыми глазами и смотрела в темноту.

«Что могу я сделать, чтобы спасти ребенка? — думала она. — Что бы сделала на моем месте Агния Петровна? Она бы, наверное, заранее узнала, можно ли перебраться на ту сторону. А если бы и оказалась, как я, на берегу, так посмеялась бы над стариком, который предложил остаться здесь и ждать, пока застынет река. А на другой день она бы сказала в гордстве — река, знаете, ее не перескочишь.

А что бы сделал Алексей Петрович? Этот человек ни перед чем не отступает. Он бы, конечно, остался здесь, как и я. Значит, не так уж глу-

по... Он стал бы действовать, искать способ... Алексей Петрович — он бы сумел...»

— Алексей, — полупшепотом произнесла девушка. — Алеша, — повторила она, засыпая...

Девушка почувствовала на своем плече чью-то руку. Испуганно открыла глаза. Все еще полумрак наполнял избушку. На печи снова мигала копилка. Черный провал окна превратился в синий. Перед девушкой стоял один из ее соседей.

Вера вскочила:

— Что вам?

— Испугалась? Ну ничего, со сна-то забыла, что в лесу... Пойдем!

— Куда пойдем?

— Пойдем, говорю, время дорого...

За печкой одевался второй мужчина. Вера надела шубу, взяла чемоданчик и вышла из избушки.

Между деревьями уже бродил рассвет. Холодок шекотал ноздри. Незнакомцы молча шли впереди, у каждого за поясом торчал топор. В лесу один из них вырубил две длинные жерди и понес их на плече.

Вышли на берег. Там были тот же паром и опрокинутая лодка. Только рассвет раздвинул рамки мира, и девушке сегодня дышалось легче, чем вчера. Противоположный берег выгибался горой, а наверху темнели избы. Середина реки не застыла. Река лежала, как огромный серый зверь с черным отливом на хребте.

Что они будут делать? — думала девушка.

— Мужчины тем временем опрокинули лодку и затащили ее на лед.

— Садись, как-нибудь переберемся.

Река была страшна.

— На память пришло много несчастных случаев при переправах. Но раздумывать было некогда, и Вера села.

Мужчины, отталкиваясь жердями, осторожно двигали лодку по льду. Она лежала боком. Вера сидела посредине, держась за левый борт, поднявшийся высоко. Холодный ветер обжигал щеки и леденил пальцы.

Вдруг лед затрещал. Девушка вскрикнула. Лодка провалилась, одним бортом зачерпнула воду, потом выправилась.

— Ну, докторша, все в порядке, доедем, — сказал человек, стоявший на корме.

Теперь девушка рассмотрела его. Это был парень лет двадцати, в полушубке, в заячьей шапке. Обветренное красивое лицо его улыбалось. Он, кажется, тоже лишь сейчас рассмотрел девушку и удивлялся — какая молодая докторша. Второй, сидевший на носу лодки, был старше. Он, видимо, только начал отпускать усы и бороду, и они придавали его лицу сосредоточенную строгость.

Стрежень на середине реки подхватил лодку и понес ее по течению, пока не удалось ухватиться за кромку льда. От берега их отделяла еще полоса льда метров в пятнадцать. Пришлось прорубать топором дорожку и проталкивать лодку.

Это была трудная работа. Холод сковывал пальцы. На одежде появилась ледяная корка.

Только через час все трое, замерзшие, вышли на берег.

Вера подумала: надо им, наверное, заплатить. Часть денег она отдала вчера возчику. Может быть, дать им половину оставшегося? Но этого мало... Она открыла свой чемоданчик, достала деньги и протянула их молодому парню.

— Вот тут все, что у меня с собой...

Но парень, нахмурясь, отвел ее руку.

— Нет, докторша, не надо. Оставь деньги себе.

Сильный, обветренный, он вдруг улыбнулся девушке молодо и хорошо.

— Теперь ты подынешься вот на эту гору, а там по тропинке, возле изгороди, и до колхоза дойдешь. Да скажи председателю, чтобы дня через два народ снаряжал в лес.

Он крепко пожал ее маленькую руку.

Вера пошла вверх. С половины горы она оглянулась.

Незнакомцы уже стояли в лодке. Они тоже смотрели на нее, и молодой крикнул:

— А мальчонка-то будет жить?

Девушка в ответ помахала рукой.

1935 г.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ МИЛЬЧАКОВ (1900 — 1966)

Алексей Иванович Мильчаков родился 4 марта 1900 г. в г. Вятке в семье железнодорожного стрелочника. После окончания в 1916 г. городского технического училища он поступает в Вятскую почтово-телеграфную контору телеграфистом. В годы революции и гражданской войны Алексей Иванович работает сначала морзистом при Реввоенсовете республики в Москве, а затем сражается на Южном фронте. О своей жизни в Москве начала 1919 г. он вспоминал так: «Жилось голодно. Ворчание желудка усмирялось молодостью, оптимизмом, хождением в музеи и по контрамаркам в кино, на концерты в консерваторию, в театры. Тогда мне посчастливилось слышать бас Шаляпина».

После демобилизации Мильчаков возвращается в Вятку. Окончив в 1928 г. среднюю школу, он поступает в педагогический институт, а после него работает в областной библиотеке имени А. И. Герцена, в книжном издательстве.

Первые его стихи были опубликованы на страницах журнала «Северная почта» в 1926 г. В 30-е годы Мильчаков публикует свои стихи в вятских периодических изданиях, в журналах Горького, Москвы. Юношеские воспоминания о гражданской войне отразились в поэме «Красноармейцы» (1938).

Мне не забыть, как парень в очи
Любимой девушке глядел,
«Последний нынешний денечек»
Ей под свою тальянку пел...

В 1940 г. поэт пишет еще одну поэму «Феликс», посвященную Ф. Э. Дзержинскому. С первых дней Великой Отечественной войны Мильчаков встал в солдатский строй. Весной 1944 г. после ранения и долгого лечения в госпитале он был признан инвалидом второй группы и демобилизован. Великая Отечественная война нашла отражение в его фронтowych стихах: «Наша ненависть», «Из военной тетради», «Там, где проходят орды вражды» и других. В 1945 г. он публикует стихи в «Волжском альманахе» (Горький), в 1946 — в книге «Слава Отечеству» (Киров). В 1954 г. Мильчаков выпустил поэтический сборник «Во имя жизни», в котором собраны произведения разных лет, начиная с 1938 г. («Весенний сев», «Весна» и др.), а также поэмы — «Во имя жизни», посвященная героям Краснодона, и «Феликс». К жанру поэмы Алексей Иванович обращался и позднее, он пишет о современниках — «Стекланная капель» (1958) и о трагической судьбе поэта XIX ве-

ка Александра Полежаева, однако эта поэма осталась незавершенной. Последняя его книга названа «Грозы и травы» (1965). В этом сборнике поэт отдает должное своей малой родине, природе родного края. Умер Алексей Иванович в 1966 г. В 1971 г. в Кировском отделении Волго-Вятского книжного издательства вышла книга Мильчакова «Стихи и поэмы». В «Слове о поэте», предваряющем поэтический сборник, О. М. Любовиков вспоминает: «Человек мягкого характера — за много лет нашей дружбы ни разу не слышал, чтобы он повысил голос, — он был непреклонен и решителен в суждениях о поэзии. Тут его не могли смутить никакие авторитеты, он говорил правду и только правду, и в лицо, называл белое белым, а черное черным... Но самый большой счет предъявлял он себе. Прежде всего к себе был предельно строг, умолимо взыскателен».

ИЗ ВОЕННОЙ ТЕТРАДИ

I

На юг, на юг стремятся птицы,
Шурша опавшею листвою,
Шагают с песней пехотинцы
По каменистой мостовой.

Быть может, вятская гармошка
Сейчас на фронт их повела...
Быть может, маленький Алешка
Не хочет уходить с угла.

Он упирается и плачет,
А я кричу сквозь зябкий дым:
— Прощай и верь, курносый мальчик,
Верь, дорогой, — мы победим!

II

Вот опять пылает листопадом
Бабье лето на моей Руси,
И земля по-прежнему, как надо,
Вертится на собственной оси.

Но объята пламенем планета.
Если б опрокинуть все моря,
И залить то злое пламя!..
Где ты,
Нежная, далекая моя?

Нет тебя со мной, но ты любима
И забываема навек,

Девочка моя неутомимая,
Самый-самый близкий человек.

Чувствую, как ждешь меня, и лаской
Светится твой взгляд тревожный, — и
Падает листва, накрыв цыганской
Шалью плечи легкие твои.

Помни — не боюсь я честной смерти.
Но не жди печального письма,
Почерка чужого на конверте.
Я вернусь!

Мы все хотим, чтоб тьма

Сгнула, мечтаем все о встрече
С близкими и чтобы вновь была
Жизнь на этом свете человечьей
И, как детские глаза, светла!

ВЕСНА

В березах за чумазой кузней —
Галдеж саврасовских грачей.
И снег идет. И пахнет вкусно
Ярушниками из печей.
Снег крошится. Нет в небе строгом
Ни синей щелки, ни луча...

Но перечерчена дорога
Весенним росчерком ручья.
И в кузне той чумазой, низкой —
С утра и до потемок гвалт,
Шмелями золотыми искры
Взмывают вверх из-под кувалд.

КАК ЛОЗИНКА

Мелькают дни. Слетают числа
С настенного календаря.
К реке по тропке с коромыслом
Спускается моя заря.

И, в ведра зачерпнув улыбок,
Она проходит через сад,
Где слышится из черных зыбок
Галдеж разбуженных грачат.

Из неба синего косынка,
Лучом на грудь легла коса...
В окне качается лозинка,
Пронизанная солнцем вся.

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ ДЬЯКОНОВ

Родился Леонид Владимирович 8 октября 1908 г. в Вятке. Детские годы, на которые пришлось бурные события революции, оставили в памяти писателя неизгладимый след. Учеба в школе, страстное увлечение чтением, книгами, первые заметки и стихи в школьной стенгазете, так постепенно Леонид Владимирович подходил к своим первым серьезным публикациям. Уже в 1925 г. появляются его первые стихи в местных газетах «Юный пахарь» и «Вятская правда» под псевдонимом — Леонид Анк.

Леонид Владимирович 10 лет работал в газетах, был репортером, выпускающим, корректором, литературным сотрудником, заведовал отделом. В 1933 г. в альманахе «Трудодни» Дьяконов публикует несколько стихотворений — это был поэтический дебют.

К началу сороковых годов, когда Л. В. Дьяконов уже успел поработать преподавателем русского языка, консультантом библиотечного коллектора, консультантом-фольклористом, научным сотрудником краеведческого музея, у него собирается довольно большая коллекция фольклорных материалов (свыше 60 тысяч текстов). Эти материалы составили ценнейший фольклорный архив, в котором есть несколько папок с библиографией вятского фольклора. И это не просто библиографические справки, в которых отмечены названия, место и год, но дана аннотация и примеры фольклорных текстов. Есть в архиве Л. В. Дьяконова и папки по жанрам: вятские песни, сказки, сказочная проза, есть огромное количество пословиц, поговорок, загадок и частушек. Любовь к народному поэтическому творчеству позволила Леониду Владимировичу найти свое место и в литературном творчестве.

Писатель хорошо понял психологию маленького читателя и в простой форме песенок-баек, пестушек и потешек приобретает его к родному слову, заставляет прислушаться к звукам народного стиха. В 1942 г. выходит первая детская книжка Дьяконова «Песенки-байки» с иллюстрациями Е. Чарушина. За ней в Детгизе вышел сборник «Сказки о храбрцах-удальцах» (М., 1942), а в Кирове — «Храбрые и ловкие».

Особой любовью у маленьких читателей пользуется сборник песен, сказок, загадок, пословиц «Волшебное колечко» (Киров, 1947). Книга переиздавалась много раз, и каждое поколение открывает мудрость, красоту народного творчества благодаря этой книге.

В 1949 г. Л. В. Дьяконов переиздал сборник «Песни Северо-Восточной России», который в 1894 г. издал А. М. Васнецов —

брат художников Виктора и Аполлинария Васнецовых. Дьяконов написал не только биографию и историю собирания вятских песен А. Васнецовым, но и дал исчерпывающую библиографию вятского фольклора до этого сборника.

Значительным явлением в вятской детской литературе конца 50-х — начала 60-х годов стала книга Л. В. Дьяконова «Олень — золотые рога» — о событиях в Вятском крае с 1915 по 1923 г. Для многих мальчишек и девчонок эта книга стала своеобразным откровением. В повести, которая в значительной мере автобиографична, связующим звеном является не только образ главного героя Мишки, но и образ-символ глиняного оленя. Поэтому маленская дымковская игрушка в повести — не просто этнографический штрих; она приобретает глубокий нравственный смысл и становится названием повести.

Есть у Л. В. Дьяконова и стихи, обращенные к «взрослому» читателю: сборники «Снова с тобой» (Киров, 1964), «Уходя и оставаясь» (Горький, 1983), книга о дымковской игрушке «Дымковская глиняная расписная» (Л., 1965). В последнее время Л. В. Дьяконов работает над книгой об известном поэте Н. А. Заболоцком.

ОЛЕНЬ — ЗОЛОТЫЕ РОГА

Глава первая

Жил-был мальчик Мишка

В 1915 году в нашем маленьком городе на одной тихой улице жил-был мальчик Мишка. Было ему шесть лет, а скоро будет семь-восьмой.

Мишка жил в подвале под домом — в подвальной комнате. В ней никогда не было совсем светло, а зимой приходилось зажигать лампу даже днем.

Мама уйдет на работу, а Мишку чаще всего запрет на замок. Одному скучно и страшно. А к людям не вырвешься — запрет! А если от нечего делать станешь глядеть в окно — все равно ничего не увидишь. Только ноги мимо мелькают, когда кто-нибудь проходит по двору мимо подвала. Всякие ноги: то — в сапогах, то — в лаптях, то — в башмаках, то — босые.

Люди проходят мимо и торопятся, и не торопятся. Но никто не остановится, не наклонится, не взглянет на Мишку сквозь пыльное стекло, не скажет ему хоть словечко, чтобы мальчишке стало веселей.

И еще одним было плохо: в дом, где жил Мишка, надо было пробираться с улицы по узкому-узкому, длинному-длинному двору, вдоль вытянувшихся в линию старых лохматых тополей.

Идешь вечером мимо тополей и боишься: вдруг кто-нибудь выскочит из-за них, закричит да как бросится!..

Пройдешь мимо одного тополя — боишься другого, пройдешь мимо другого — боишься третьего. Конечно, никто бы не должен выскакивать, но ведь как знать...

А маме, наверно, еще страшней! Она работает в типографии и задерживается там очень подолгу, потому что война, жить стало очень трудно, надо побольше заработать. Она возвращается с работы поздно-поздно, иногда даже под утро. Вот и иди-ка одна в темноте по этому длинному страшному двору, иди — дрожи перед каждым тополем!

Давно надо бы переезжать на другую квартиру. А все не переезжают. Мишка знает почему... Конечно, будь бы у него папа... А без папы не очень-то пускают на другую квартиру. Не пускают да еще ругают: зачем у мамы есть Мишка... Одну бы ее — так сразу пустили...

Мишка все-таки переезжает!

Но в это утро мама была какая-то необычная, новая — светлая и веселая. Встала очень рано и очень рано подняла Мишку. Чуть почайпили, она сказала:

— Давай, сыночек, собирайся! Будем переезжать! Сейчас же будем переезжать! А ну-ка подать нам тройку лошадей!

Мишка сейчас же к окну — посмотреть на тройку. Не видно. Тогда выбежал за ворота. Но тройки не было. Значит, мама пошутила. Но все равно переезжать хорошо! Хватит жить в подвале!

Мама достала откуда-то маленькую черную тележку с настоящими — железными! — колесами. С полу подняли мамин матрац и положили на тележку. На матрац — мамино пальто (днем это — пальто, а ночью — как одеяло: мама им покрывается).

А на пальто погрузили все остальное: и Мишкину кроватку, и ящик с игрушками, и белье в узелке, и посуду в кастрюле, и табуретку, и стул без одной ножки, и эту ножку отдельно, потому что она давно отпала и ни за что не держалась на своем месте, как ни прилаживали ее обратно.

Все покрыли Мишкиным одеялком и привязали к тележке полотенцами, чтобы не обронить по дороге. Потом мама впряглась в тележку и повезла, а Мишка стал помогать — толкать тележку сзади.

Весело проехали мимо тополей. Весело сказали им: «Прощайте навсегда!»

И дальше поехали весело.

Гудки уже отгудели, рабочие прошли. В эту пору прохожих мало, словно Мишка с мамой одни на всем белом свете.

И колокола на колокольнях примолкли. Слышно только, как где-то неподалеку брякают ведра да плещется вода в неполной бочке — это водовоз спозаранку гонит лошадей от дома к дому. Да еще подвизгивают несмазанные колеса их старой тележки. Да позвякивает на ухабах посуда в кастрюле.

И в домах еще было тихо. Но из труб уже курился дымок, и кое-где так вкусно пахло жареной картошкой, что слонки сами набегали на язык.

Тащить тележку было нелегко, но мягко: широкая немощеная улица густо заросла кудрявой травой. Под однообразное подвизгивание колес Мишка и мама спустились с горы, свернули за угол и оказались как раз около тюрьмы.

Тюрьма — длинная, трехэтажная, каменная. На каждом окне — толстая черная решетка. Не выскочишь!

Прямо над тюрьмой — башенка, на ней круглая крыша, как на грибе, а на крыше — золотой крест. Это — купол. Здесь — церковь.

— Здесь арестанты молятся, — сказала мама.

Купол красили маляры. Они висели на толстых веревках, привязанные к кресту. У каждого маляра в руках большая кисть, а у пояса — ведро с краской.

Купол красили голубым, как небо, а сверху, где голубое уже высохло, один маляр выводил золотые звезды. Эх, вот бы помалевать!.. Но мама не дала насмотреться на эту интересную работу, и они поехали дальше вдоль высокой тюремной стены.

Доехали до угла. Тут на стыке двух каменных тюремных стен стояла башенка, а на ней день и ночь ходил часовой с ружьем и караулил — смотрел, чтобы арестанты не убежали.

На новой квартире

На углу кирпичная стена заворачивалась. Повернули и Мишка с мамой. Проехали мимо железных ворот тюрьмы, дотащились вдоль стены до угла, перевалили через дорогу и наконец остановились.

Они остановились перед красивым двухэтажным домом с четырьмя балконами: два — справа, один над другим, а два — слева.

— Вот сюда, сыночек! — сказала мама торжествующим грудным голосом, который Мишка очень любил, но которым она так редко-редко говорила.

— Скорее, пока все спят! — добавила она уже обычным голосом.

Мишка не мог понять, почему мама так торопится. Только потом, через много лет, он догадался: ей просто не хотелось, чтобы кто-нибудь видел, какие они бедные, как мало у них вещей...

Тележка была не очень широкая, а калитка не очень узкая, так что довольно легко удалось протиснуться во двор. Проехали мимо первого крылечка и остановились перед вторым.

С крылечка вели в дом две двери. Мама тихонько постучалась в левую дверь — в квартиру номер три. Долго-долго никто не отпирал, Мишке надоело ждать, он хотел постучаться еще раз погромче, но мама не позволила. Она всегда не любит, когда громко стучат или громко говорят.

Но вот из-за двери послышалось шлепанье туфель. Шлеп-шлеп! — и все ближе и ближе. Брякнул крючок, и на пороге показалась заспанная немолодая женщина. Ее маленькие узкие глазки были чуть раскрыты, как будто еще не совсем проснулись, а серые волосы клоками выбивались из-под чепца.

На ней была мягкая кофта мутного цвета и несколько юбок, которые выползали одна из-под другой.

Женщина очень походила на растрепанный кочан капусты, а лицом была совсем как баба-яга.

Вот, значит, она какая — хо-зй-ка квар-ти-ры!

— А, Машенька! — сказала хозяйка хриплым жирным голосом. — Что-то ты больно рано прилетела!.. Ну, да уж ладно, ладно... Договорились так договорились... Ну, с богом!.. Благословясь!..

И они вошли в дом.

По коротенькому коридорчику и направо. И перед ними открылась их комната. Настоящая! Замечательная!

Она светлая, потому что окно — на улицу, а не в землю! И в ней стоял настоящий стол!

И еще был комод, тоже настоящий! С ящиками! И два стула с целыми ножками! И настоящая кровать! — железная, с настоящим матрасом!

— Теперь я буду спать на кровати! — прошептала мама.

И в углу висела большая икона. А у стены и для Мишкиной кровати тоже отыскалось местечко.

Быстро выгрузили все барахло и внесли в комнату. Потом мама потащила тележку обратно, а Мишка остался один.

Он сразу побежал на балкон. На балконе тоже было удивительно хорошо: есть где поскакать, как лошадки, потоптать копытцами. И Мишка тихонечко потоптал...

А если вскарабкаться на карниз, да зацепиться на перила, да подтянуться повыше, так снова было видно улицу, по которой они только что ехали, и тюрьму, и как маляры красят купол.

Ух, интересно, когда красят, да еще в вышине! И Мишка стал смотреть на маляров.

А когда насмотрелся, вышел на крылечко и во двор. Очень просто! Здесь не запирают, потому что здесь вам не подвал! Да и лошади по двору не ходят — не задавят!

ТАКОЙ БЫ СНЕГ!..

1.

Припорошило. И едва заметна
опавшая, последняя листва.
И медленно деревья коченеют,
полосуя опустевший воздух.
Но явны на наезженной дороге
и колеи — следы колес, и крепко
впечатанные в землю

полукружья —

следы подков.

Снег все прикроет. В декабре
по-новому дорога глянет в небо —
ровна, как зеркало, белей
больничного халата.

Сосну-отшельницу,

что над окаменевшей
дорогой

одичало ширит ветви,

и ту декабрьский снег

припорошит!

2.

Такой бы снег на наши бы
грехи —
припорошит и — заново грехи!
Но нет такого,

чтоб припорошить...

Ах, как бы сделать,

чтобы не грешить!

ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАБОЛОТСКИЙ (1911 — 1986)

Владислав Владимирович Заболотский родился в 1911 г. в с. Уни, воспитывался в интеллигентной семье. Отец его был юрист, мать работала в библиотеке. Они с детства прививали сыну любовь к литературе и искусству. Уже юношей Владислав Владимирович начал сотрудничать в районной газете и руководил литературным кружком в г. Слободском. В течение 26 лет Владислав Владимирович работал в газетах «Комсомольское племя» и «Кировская правда». Долгие годы Владислав Владимирович Заболотский являлся редактором книжного издательства (Кировского, а позже — отделения Волго-Вятского). Журналистская и редакторская работа, юношеская любовь к литературе вылились у Владислава Владимировича в серьезное увлечение поэзией. В Кировском книжном издательстве (Волго-Вятском) вышли четыре поэтических сборника. Он участвовал во многих коллективных сборниках, переводил марийских и удмуртских поэтов.

В тридцатые и сороковые годы В. В. Заболотский руководил Кировским литературным объединением, которое стало центром творческой работы с молодыми писателями. Его редакторская деятельность как бы продолжила пестование молодых литературных кадров на Вятке, почти каждая книга наших литераторов получала «добро» Владислава Владимировича.

Тесное знакомство с многочисленными рукописями, с творчеством профессиональных авторов, позволяло В. В. Заболотскому писать о творчестве своих товарищей по перу. В рецензиях, статьях В. В. Заболотского отражена история нашей вятской культуры, литературы, музыки, театра. Владислав Владимирович создал ряд очерков по истории Кировского драматического театра — «75 лет Кировского областного драматического театра имени С. М. Кирова» (1952); «Из истории книгоиздательского дела в Кировской области» (1964) — написана в соавторстве с сотрудником госархива Г. С. Черняховским. В. В. Заболотский не раз обращался к творческим портретам кировских писателей, известны его статьи о творчестве В. Васенева, Л. Лубнина, В. Ситникова, А. Филева, а также вступительная статья к книге «Литературные портреты» (1977) и др.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Седина в волосах серебрится,
Под глазами — морщинки ясны...
Только вновь в мое сердце стучится

Непоседливый ветер весны.
Только снова — с особым волнением
Вижу я этот тающий лед,
Облаков бысролетных движенье,
Птичьих стай издалека прилет.
Между нами легли километры...
Вопреки им, — в далеком краю
Пусть тревожные вешние ветры
Принесут тебе песню мою!

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ЛУБНИН (1911 — 1993)

Лев Михайлович Лубнин родился 4 января 1911 г. в г. Лальске Кировской области, где его отец отбывал ссылку. Детские годы Лев Лубнин вспоминает как цепь переездов, событий больших и малых, связанных как с судьбой отца, так и бурными событиями того времени.

В 1926 г. Лев Лубнин окончил среднюю школу в селе Юма (ныне Свечинского района) и поступил учиться на филологический факультет Московского университета. Однако болезнь помешала ему продолжить учебу в Москве. Уже там Лубнин начал свою журналистскую и отчасти литературную деятельность: в «Вечерней Москве» появляются его репортажные заметки, первые стихи, рассказы.

В 1930 г. Лев Михайлович экстерном заканчивает Кировский педагогический институт и начинает преподавать русский язык и литературу в школах и техникумах города. Творческая жилка заставляла Лубнина не только с увлечением говорить о русских писателях XIX века, но самому пробовать писать прозу.

В годы Великой Отечественной войны Л. М. Лубнин становится бойцом народного ополчения, курсантом пехотного училища, после училища — он молодой командир стрелковой роты. Защищая подступы к Москве, под Ржевом Лубнин получил контузию. Лечение в госпитале и демобилизация.

Лев Михайлович не порывает со школой, многим выпускникам памятны его уроки русского языка и литературы. После войны Лубнин начинает сотрудничать в местных газетах, с 1947 г.

его рассказы появляются в журналах «Смена», «Огонек». Через четыре года выходит первая книга Л. М. Лубнина «Комсомольский характер».

Лубнин обращается в своих рассказах и очерках к проблемам послевоенной деревни. Наиболее интересны в первых сборниках его рассказы: «Лучший номер», «Наследники», «Рассказ о Матвее Двухэтажном, он же Подшебенька», «Один весенний день» и другие.

В 1960 г. в альманахе «Наш современник» появляется очерковая повесть «Десять дней по следам Васьки Жабрея», в которой Лубнин пытается разобраться в сложных хитросплетениях колхозной экономики, а главное, в хитросплетениях человеческих характеров. На деревенскую тему и повесть Лубнина «Районная теща» (1966).

Лев Михайлович — автор нескольких пьес для телевидения; телеспектакли по сценариям Лубнина в основном о людях труда, их духовном мире, и даже чисто экономические проблемы Лубнин видит сквозь призму нравственности.

Возможно, несколько особняком стоит документальная повесть «Баллада о первом плацдарме» (1976). В ней Лев Михайлович рассказал о подвиге кировчанина, младшего лейтенанта И. Д. Лимонова, который был удостоен звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра в 1943 г.

Умер Лев Михайлович Лубнин в 1993 г.

КЛИМЕНТИЙ ЗЕМЛЕРОЙКА

(Глава из повести «Районная теща»)

Климентий Землеройка занимался, по мнению всех сизаренковских мальчишек, странным, ненужным, но увлекательным делом. Он разыскивал под землей хорошую воду и потом копал колодцы.

Это занятие нам казалось бессмысленным: зачем искать воду, когда ее в наших местах сколько угодно!

Под селом бежит речка Каменушка, она огибает все сельские огороды.

В проулке, в овраге возле Народного дома, бьет из-под земли звонкий ключ, и вода в нем такая чистая — чище стекла, и до того холодная, что зубы от нее знобит и ломит. Сосульки с крыши, которые мы любили сосать, снег, даже лед, никогда такими холодными не бывают

А за селом у нас — озеро, чуть подалее — река Топлянка с темно-коричневой, как сусло, водой. Так что воды — хоть залейся и какой угодно, на любой вкус.

И все-таки каждый хозяин, построивший дом в селе или в деревне, только тогда считал, что он по-людски устроился на жительство, если у него в ограде — свой собственный колодец. Нет колодца, так словно бы чего-то и не хватает, будто бы поставил человек избу, а трубу сложить забыл.

И хозяйки на улице любили спорить, у кого в колодце вода светлей да слаще.

Мы, мальчишки, всегда знали, когда Климентия Землеройку приглашали искать воду под землей, и с начала до конца наблюдали за ним, и все, что он делал, казалось нам каким-то фокусом, чудом, колдовством. И сам Климентий Землеройка казался нам необыкновенным человеком, который видит сквозь землю, может найти и клад, и золотую жилу, но почему-то этим выгодным делом не занимается. Вот чудак!

Высокий, худой, длиннорукий и косоплечий — одно плечо торчало возле скулы и выпирало вперед, — он выходил на поиски воды всегда в жаркий полдень.

Босой, в серых домотканых портках, которые доходили ему только до лодыжек, в холщовой рубаше, застегнутой у ворота одной медной пуговицей от шинели, он шел толчками, загребая корявыми ступнями дорожную пыль. Гладко выбритый, с песочно-серыми усами, с реденькими желтыми волосами, большеголовый, весь серый, он шел по самой середине улицы медленно, даже несколько торжественно, зная, что на него смотрят из окон. Не только нас, но и взрослых, поражало его необычное искусство.

— Землеройка пошел! — К кому бы это он?.. А-а, в Катушки! Там у Филиппа Черного сын отделился. Только найдет ли? Там ведь гора... — Клим-то да не найдет? Найдет! Наш Климентий — знатец, каких поискать! Сквозь землю видит, — переговаривались люди, смотря ему вслед.

Так он и шел две версты до околицы Катушков, раскачиваясь, одним плечом вперед, ни на кого не обращая внимания, не отвечая на здоровканья встречных, торжественный и сосредоточенный.

Мы гурьбой следовали за ним, тоже молча: на нас действовал и даже подавлял нас его таинственный вид.

У околицы Катушков встречали Климентия Землеройку празднично одетые хозяева нового дома и вели на усадьбу. Около крыльца, среди неубранных стружек, уже стоял накрытый стол с угощением.

Климентия приглашали к столу, но он, осмотрев взыскательным взглядом все, что было там наставлено, отмахивался и говорил ржавым голосом:

— Опосля, опосля!..

Ему подносили водку в стаканчике — он отмахивался.

Выходил на средину двора, молча стоял, глядя на щепки, на всякий мелкий строительный мусор, на потрескавшуюся землю, потом ногами с одного места, с другого, с третьего отгребал мусор, подходил к столу, брал чистое полотенце, вытирал им свои огромные бугристые ступни, на цыпочках перебегал через двор к отмеченным местам.

На расчищенных от сора местах осторожно переступал ногами, словно стоял на горячей сковородке, подпрыгивал, раскачивался.

Хозяева, соседи — все молча, сосредоточенно наблюдали за ним. Мы висели на заборе, на воротах, и никто нас не прогонял.

Казалось вначале, что Климентий Землеройка небрежно откинул мусор ногами, потому что он мешал ему. Но нет, оказывается, щепочки и стружки он откинул так, как ему было нужно. Он поднимал то щепку, то стружку, смотрел на них, прикладывал к щеке, к губам.

Со двора он шел в огород, обходил его медленно, всматриваясь в землю. Все шли за ним в некотором отдалении. Климентий и в огороде отмечал кольшками несколько мест, требовал лопату и, отбросив рыхлую огородную землю, не жалея высаженной на грядки рассады, разравнивал площадку.

Теперь он свободнее, веселее взглядывал на хозяев и шел к столу, махнув нам рукой.

А мы уже свое дело знали: спрыгнув с забора, бежали в огород и на выровненных Климентием местах начинали дикий пляс, пятками уграмбовывая влажную землю. Надо было плясать до тех пор, пока земля не станет гладкой, ровной, твердой, блестящей, как бок облитой глиняной корчаги. В сандалиях плясать не разрешалось — нужно босиком.

А Климентий вникал в еду, ел он не спеша, с остановками, но очень много. Выпивал же всего один стаканчик. Если хозяин или хозяйка начинали спрашивать его, будет ли вода, Климентий отвечал невнятно: «Поглядим, поглядим!» На том и заканчивался весь застольный разговор.

Наплясавшись досыта, мы уже на правах помощников Землеройки свободно шли во двор, садились на бревна или на крыльцо. Хозяйка каждому совала в руку гороховый пирог или шаньгу, или мусник. А Климентий, оторвавшись от еды, шел проверять нашу работу.

Если работа ему казалась небрежной, он взмахом руки посылал нас снова в огород, и мы вновь старательно отплясывали. Если работа приималась, Климентий приказывал, чтоб нас угостили по-хорошему. Тогда перед нами ставилась большая чаруша с пирогами, а на доске подносилось жареное мясо.

Время шло, Климентий ел, солнце заливало жаром весь двор, жгло и калоило землю.

Кто-нибудь из любопытных заезжих людей, случайно оказавшийся в Катужках, начинал посмеиваться над хозяевами, над Климентием, говоря, что этак-то и он бы всю жизнь воду искал — занятие непильное: пляши да ешь. Но на него прикрикивали и даже прогоняли со двора.

Лишь только жар начинал спадать, Климентий шел в огород. Земля на утрамбованных площадках стала такой же, как во дворе, высохла и даже потрескалась.

Климентий кивал нам головой, и мы, не понимая, для чего все это делается, разыскивали сухие листья. А найти их в это время было не просто да и лист нужен был такой, чтобы он иссох до тонкости папиросной бумаги.

Листья раскладывались на отмеченных местах тонким слоем, прикрывались соломой и холстинками.

На сегодня работа была закончена.

И только сейчас Климентий Землеройка поддавался на уговоры хозяев и начинал выпивать. Выпивая стаканчик за стаканчиком, он снова ел все блюда в том же порядке, как и в первый раз. Торжественности в нем уменьшалось, он становился обычнее, а потому казался нам скучнее. Иногда он вступал с хозяевами в застольный разговор. Его участие в разговоре ограничивалось кивком головы, невнятным мычанием или короткими фразами: «Воду найти — все одно что клад открыть. Вода чистоту дает — чистоту и любит... Только чистому человеку она открывается»

Поднимался он из-за стола часа через полтора. В большой корзине хозяева подносили ему благодарность, но Климентий говорил мятым неповоротливым языком:

— Жена, Дарья, придет. А, может, Стешку пошло...

Возвращался домой он также по середине дороги, сильнее прежнего косолапил, столбами взбивал пыль; ни встречным, сдущим на телеге, ни даже стаду Климентий, дорогу не уступал. Лошади приостанавливались, мужики дергали вожжами, сворачивали на обочину, коровы расступались, словно понимая, что идет необыкновенный человек, великий знатец, умеющий видеть сквозь землю.

Лицо у Климентия было такое же серое, как и до выпивки, но довольное, потное. Он не шатался из стороны в сторону, как другие пьяные, а только раскачивался при каждом шаге, как маятник, да выставлял вперед плечо сильнее прежнего, словно раздвигал им плотный воздух и расчищал себе дорогу.

В поле он начинал петь ржавым трескучим голосом всегда одну и ту же песню:

Вот вспыхнуло утр-ро-о,
И выстрел раздался,
И грохот безумный
Раздался над на-а-ам!
Над на-а-ашим отрядом
Снаряд разорвался,
И нач-а-ался грохот
И гром кононад.
Вот прапорщик юный
Со взводом пехоты...

Но тут он останавливался, словно поперхнувшись, и, кашлянув, прочистив горло, повторял все сначала.

Нам очень хотелось узнать, что же сделал юный прапорщик, что с ним случилось, но так и не узнали.

Провожали мы его до самой избы, которая стояла на конце села, у выгона, на голом месте, не была окружена ни изгородью, ни хозяйственными постройками, вросла в землю одним углом, переломилась в крыше, выпучилась вперед средними венцами и даже крыльца не имела.

Из избы Землероек доносилось трескучее: «И грохот безумный раздался над на-а-ам...»

Выбегала жена Климентия, бойкая, сухонькая, с веселым морщинистым лицом, и, что-то крикнув в сени Степе, спешила в Катуски за благодарностью.

Утром, чуть свет, у Землероек топилась баня. Климентий мылся, парился, выгоняя из головы хмель.

Он никогда не ходил искать воду с похмельной головой или с грязным телом. Одежда может быть и старой, и грязной, но тело, голова, ноги — все должно быть чистым, свежим, восприимчивым. Три дня приходилось искать воду, четыре, неделю, и всю неделю каждое утро — обязательно баня.

После бани Климентий садился на завалинку, опустив отмытые до сыростной белизны ноги на раскинутую на земле холстину; сидел часами неподвижно, наблюдая погоду. Ему обязательно нужно было, чтобы к полудню наступал каленый жар да хорошо бы, чтобы и ветра не было.

Курильщик, он отказывался от сигарки, ничего не ел, не пил ни молока, ни квасу и только время от времени сплюнул палец, поднимал его вверх, определяя, откуда дует ветер.

В полдень, загребая ступнями дорожную пыль, он вновь шел в Катушки. Там повторялась та же процедура. Но теперь еще внимательнее он рассматривал землю; не только, приплясывая, как на сковородке, чистыми ногами, он прослушивал ее, но и становился на колени, прихлопывал, прощупывал землю ладонями.

В огороде рывком отбрасывал холстины; сидя на земле, собирал в горсть солому, нюхал ее, зажимая в кулаке, а листочки снимал по одному, разглядывал на свет, мял в пальцах.

Из восьми-десяти расчищенных площадок он только три или четыре приказывал снова покрыть листом, соломой и холстинами.

Возвращался к вечеру, и тотчас же из избы-развалюхи выбегала бойкая тетка Дарья и спешила в Катушки за благодарностью.

Если все благополучно и погода по-прежнему жаркая, на третий день Климентий Землеройка прослушивал и исследовал землю горшком.

Мы должны были у каждой площадки разжечь и поддерживать небольшие бездымные костры. Нет, это хозяева должны были, а не мы. Но мы всегда сами напрашивались в помощники Климентию.

В этот день Климентий колдовал так: он долго держал глиняный горшок над чистым бездымным огнем, держал голыми руками, доньшком кверху. Потом быстрым, молниеносным движением — трудно было даже уследить, как он это делал — ставил разогретый горшок на землю. Несколько горшков доньшками кверху на каждую площадку.

После этого Климентий много, медлительно ел. Мы получали по пирогу и сидели на припеке у стены дома, наблюдая за Климентиём.

Когда жар начинал спадать, Климентий снимал горшки, выгирал их изнутри ладонью, разглядывал ладонь, нюхал, лизал. Во всех горшках была влага, и земля под ними отпотевала.

Климентий, подумав, брал колышек и ударом ладони загонял его в землю.

— Здесь! — говорил он хозяевам, впервые раздвигая губы и усы в улыбке. — Хорошая, слаже во всей улице не найдешь. Завтра начнем.

Засиживался он в этот раз за столом дольше, возвращаясь, раскидывался сильнее обычного, пел о прапорщике юном чувствительнее, с дрожью в голосе.

И уже при звездах не одна тетка Дарья, а и Стеша торопились в Катушки.

Рано утром Климентий в лаптях, в заплатанной синюшной рубахе, с лопатой и ломом на одном плече, с веревкой на другом шел по селу. За ним семенила тетка Дарья с ведрами и лопатой и замыкала шествие Стеша, тоже в лаптях, также с лопатой на плече.

Смотреть, как они копают колодец, нам было не интересно, и мы в Катюшки больше не бегали.

А в семье Землероек вскоре наступал праздник. Вечно голодные и оборванные, худые землеройкины малявки начинали поправляться, на них появились новые сатиновые рубашки и штанишки. Новое платье из яркого ситца появлялось у Стеши.

Дымилась труба в избе-развалюхе, по выгону ветер разносил запахи съестного. Весь день у Землероек что-то жарилось-парилося, и нередко вечерами раздавалась песня про юного прапорщика.

Но строились в наших местах редко. И вскоре семья Землероек снова переходила на одну картошку и подножный корм. А Климентий за другую случайную и низкую работу брался лишь по очень большой, прямо-таки непереносимой нужде. Потому что он был артист своего дела, ценил свое искусство, переход на другую работу почитал для себя унижительным, и измена любимому делу, очень важному и нужному людям, казалась ему предательством.

Таков был в Сизаренках Климентий Касаткин, по прозвищу Землеройка, рабочий человек, умеющий видеть сквозь землю, великий знатец своего дела, такой знатец, каких с огнем поискать по свету — не найдешь больше.

«ЧАС МУЖЕСТВА ПРОБИЛ...»

Т. Е. Загвоздкина

Почти пять десятилетий отделяют нас от смертельной борьбы нашего народа с силами фашизма, от бессмертных и трагических событий Великой Отечественной войны. Мы только сейчас со всей масштабностью и пронзительностью начинаем осмысливать всю нечеловеческую проверку огнем, испытание на прочность, выдержанное нашей страной.

Изучая документы тех лет, переворачивая страницы газет и книг, мы снова ощущаем неповторимый грозовой и чистый воздух военного времени. Сама жизнь — документ в ее суровой про-

стоте и объемной сложности возникает перед нами. Исчезает условность искусства — и новое поколение вятчан, замерев и не веря, слушает скупые сводки Совинформбюро, видит военные затемненные улицы Кирова, уходит на фронт добровольцем...

В годы войны деятельность кировских литераторов была проникнута высокой ответственностью за судьбу Отечества. Как клятва Родине прозвучало стихотворение юного поэта, ученика средней школы Овидия Любовикова, «В строй», опубликованное в «Кировской правде»:

Меня не сломит ни стужа,
Ни бешеный шквал огня.
Родина! Дай мне оружие,
В строй призови меня!..

А в феврале 1942 г. Овидий Любовиков ушел добровольцем в комсомольский лыжный батальон. Он прошел большой путь по трудным дорогам войны, позднее об этих дорогах, огненных годах поэт скажет:

Самостоятельно работать
Впервые стал я на войне:
Под снегом пучились болота,
Вода синела на лыжне.

Участвовали в боях, прошли военными путями России и Европы многие вятские писатели: Алексей Мильчаков, Вячеслав Колобов, Василий Субботин, Андрей Блинов, Александр Скорняков, Афанасий Кодачигов, Борис Порфирьев, Лев Лубнин, Анатолий Устюгов, Михаил Ардашев, Юрий Петухов, Исаак Шур.

С самого начала войны начала складываться летопись Вятского края в Великой Отечественной войне. Одним из первых летописцев стал Владислав Владимирович Заболотский, много и самоотверженно работавший в эти нелегкие годы. Он писал стихи и корреспонденции, очерки и статьи. Его стихотворение «Хлеб», посвященное героическому труду женщин-колхозниц, было напечатано в «Комсомольской правде» в октябре 1944 года, другие публиковались в местной печати. О проходах вятчан-писателей на фронт В. В. Заболотский вспоминает: «...Не забудутся волнующие минуты прощания, от сердца идущие слова провожающих и уходящих, крепкие, по-мужски, объятия... По затемненным улицам иду в редакцию. Поздний час, а там не затихает труд над газетными полосами: «чтобы слово в тяжких испытаниях укрепляло мужество людей».

Проводили на фронт и Алексея Ивановича Мильчакова, еще в довоенные годы он был одним из признанных вятских поэтов. Старый солдат (ему шел 42-й год), участник гражданской войны, он 20 июля опубликовал в газете «Комсомольское племя» стихотворение «Наша ненависть». Оно стало классикой вятской поэзии периода войны:

Серый дым ползет по перелескам,
Дышат гарью черные поля.
Под Москвою, Полоцком, Смоленском
На врага встает сама земля...

Мильчаков немногословен в этом произведении, но оно несет в себе заряд огромной нравственной силы. Поэт находился в действующей армии до апреля 1944 года. И только тяжелое ранение, госпиталь, инвалидность не позволили ему воевать дальше. Но стихи были всегда. Они звучали в солдатской художественной самодеятельности, печатались в московской газете «Красный воин», в местных вятских изданиях. В них отразились и жгучая ненависть к врагу, и вера в победу, и горячая любовь к родному дому:

...Быть может, маленький Алешка
Не хочет уходить с угла
И упирается, и плачет...
А я кричу сквозь зябкий дым:
— Прощай и верь, курносый мальчик,
Мы неизбежно победим!

В начале войны в Кирове складывается необычная литературная среда. Многие литераторы-кировчане ушли на фронт. Те, что продолжали работу в родном городе, вели ее совместно с писателями, эвакуированными в Киров из Ленинграда, Москвы, Латвии. В годы войны на вятской земле в разное время жили и работали латышские писатели Андрей Упит, Анна Саксе, Арвид Григулис, Янис Судрабкалн, Андрей Балодис, Янис Ниедре, Анна Купше, Фрицис Рокпелнис, Индирикис Леманис. Посетил Киров и известный латышский писатель, государственный деятель Советской Латвии Вилис Лацис.

Из Москвы и Ленинграда приехали прозаики, поэты, драматурги: Б. Лавренев, Н. Никитин, Е. Чарушин, Л. Малюгин, Е. Шварц, А. Вьюрков, Г. Гребнев, Н. Быльев, С. Малахов, О. Литовский, П. Вячеславов, К. Осипов, А. Мариенгоф, переводчица Н. С. Надеждина-Еленевская; в Котельниче жил Л. Рахманов. Совместная литературная работа была закреплена и организационно.

1 февраля 1942 года в редакции «Кировской правды» состоялось общее писательское собрание. Был заслушан отчет бюро о работе Кировской литературной организации в дни войны. Собрание отметило, что литературная жизнь оживилась: публиковались новые произведения, писатели выступали по радио, встречались с воинами и трудящимися города, читали лекции, проводили литературные вечера. Чтобы закрепить сложившиеся формы литературной работы, еще более усилить ее, собрание решило создать областное отделение Союза советских писателей с литературным объединением при нем. Было избрано бюро. В него вошли ленинградцы Н. Никитин, Е. Шварц, московский драматург О. Литовский. Ответственным секретарем утвердили известного прозаика Николая Николаевича Никитина (позднее эти обязанности исполнял писатель Евгений Чарушин), секретарем по организационным вопросам — В. Заболотского.

Деятельность писателей была многообразной: они создавали и обсуждали новые произведения о грозном военном времени, готовили к изданию книги, писали статьи, корреспонденции, очерки для местной и центральной прессы. На радио была постоянная передача «Поэты и писатели у микрофона».

Своеобразным литературным центром стала наша Герцешка. Здесь уже в ноябре 1941 года прошел творческий вечер Н. Никитина. Он читал главу из романа «Это было в Коканде» (1939). Автор известных произведений об историческом прошлом нашей страны К. Осипов познакомил собравшихся в библиотеке с отрывком из повести «Начдив Киквидзе». Рассказ из готовящейся к печати книги о старой Москве прочитал А. Вьюрков. Выступали поэты — и приезжие, и кировчане. Сбор от вечера поступил в фонд обороны.

Много слушателей собрал вечер 10 мая 1942 года. Его открыл вступительным словом Н. Никитин. А потом — писатель-земляк Е. Чарушин, тоже прибывший из Ленинграда, А. Вьюрков, один из первых советских писателей-фаггастов Г. Гребнев читали свои рассказы, драматург Е. Шварц — отрывок из новой пьесы «Одна ночь» — о блокадном Ленинграде, а поэты — стихи о Родине и войне. Средства, полученные от этого вечера, писатели передали в фонд помощи эвакуированным детям.

30 декабря 1942 года перед кировскими читателями выступили известные латышские писатели — Янис Ниедре, возглавлявший тогда Союз писателей Латвии, Анна Саксе, Фридис Рокпел-

пис, Арвид Григулис и другие. Это вечер предшествовал республиканскому совещанию писателей Латвии, проведенному в г. Кирове 1 января 1943 года.

Боевое слово писателей шло в те дни к читателям и с газетных страниц, печатались рассказы, очерки, зарисовки, появлялись рецензии на книги и спектакли. С рецензиями выступал в «Кировской правде» московский драматург О. Литовский. Работа в газете давала возможность писателям быстро откликнуться на происходящее. Оперативно выпускались книги. В военное время вышли патриотические рассказы Н. Никитина «Как мы воевали с немцами». Патриотическая тема звучала и в произведениях Е. Шварца, О. Литовского, К. Осипова, Г. Гребнева, А. Мариенгофа.

В Кирове в годы войны работали областное книжное издательство и редакторская группа Детгиза. Эти издательства оперативно выпускали новые книги. В первый же год войны был подготовлен и выпущен в Кировском книжном издательстве поэтический сборник «За правое дело». В нем участвовали поэты-кировчане: В. Заболотский, О. Любовиков, А. Мильчаков, московский поэт П. Вячеславов, латыш Арвид Григулис, ленинградец С. Малахов и другие.

Строго и выразительно оформил эту первую военную книгу Евгений Иванович Чарушин: на обеих сторонах обложки он изобразил бойцов, устремившихся в атаку.

Активную творческую работу вел в годы войны один из литераторов 20-х годов поэт Борис Дьяков. Он подготовил для областного издательства книжку-альбом «Красная Армия». Рисунки для книги выполнил Е. Чарушин, а Дьяков написал к ним лаконичные, запоминающиеся четверостишья:

Вражья стаи в небе рыщут...
Но напрасен их полет:
Наш прожектор их отыщет,
Наш зенитчик подобьет!

Какое бы ни было трудное время, кировские писатели не забывали о детях, которым приходилось еще труднее. В 1942 году вышла первая книга для детей Л. В. Дьяконова «Песенки-байки», а затем «Храбрые и ловкие», «Сказки о храбрецах-удальцах». Поэт проявил высокое литературное мастерство, знание детской психологии и свободную ориентацию в мире фольклора.

В 1942 году были изданы два сборника стихов московского поэта П. Вячеславова «Дума о Родине» и «По земле идет Октябрь». «Дума о Родине» открывается проникновенным стихотворением-размышлением о национальном своеобразии русского сердца, о его верности высоким завстам прошлого:

«Как в давние годы, ты ринулось снова в сраженья,
Ты — русское, храброе, светлое сердце мое».

Эта мысль определяет сюжетно-композиционное своеобразие книги. Первый раздел ее «Перед войной» звучит как напоминание о неповторимом русском пейзаже («У синих рек»), о древнем мужестве россиян («23 февраля»). Второй раздел книги составляет поэма «Песнь о великой стране», а третий называется «Богатыри». Поэт создает образы русских богатырей — от древности до последних времен — это и Козьма Минин, Дмитрий Пожарский, Суворов, герои Полтавы, Измаила, Бородина, это и современные гвардейцы, и вятские витязи, ушедшие на фронт, и юные дочери.

Творчество Вячеславова военных лет отличается стремлением осмыслить происходящее как величайшую страницу русской истории, ощутить связь времен, соединить лирику и эпос. Для него характерны высокая культура стиха, ритмико-стилистическое богатство.

В этом же 1942 году в ОГИЗе выходят и два сборника Анатолия Борисовича Мариенгофа «5 баллад» и «Поэмы войны». В первой из них Мариенгоф, избирая старинный героический жанр баллады, сознательно формулирует свою задачу — быть летописцем движения истории. Его баллады основаны на подлинном фактическом материале; в центре — рассказ о героях войны: капитане Гастелло («Капитан Гастелло»), трех друзьях, взорвавших мост, — Стефанцеве, Изгурском, Комарове («Три товарища»), партизанском разведчике Александре Самохине («Партизанский разведчик»). К таким же стихам можно отнести и балладу «Земляк», о герое Якове Падерине, нашем земляке.

В книге «Поэмы войны», состоящей из трех поэм «Лобзов», «Зоя — Таня», «Денис Давыдов», поэт также обращается к героическим судьбам реальных героев, осмысливает их как воплощение русского национального характера. В грозные годы Мариенгоф, в прошлом — известный имажинист, снимает свою излюбленную маску поэта-паяца, словесного жонглера и выступает в военном творчестве как поэт-гражданин. Так, размышление о подвиге Зои

Космодемьянской рождает в его памяти величественную аналогию с Жанной Д'Арк.

В эти годы напряженно трудится и ленинградский драматург Евгений Львович Шварц. В 1942 г. он создает пьесу о блокадном Ленинграде «Одна ночь», в которой использовал весь свой блокадный опыт, и как он вспоминает, «что хотел сказать, то сказал». В этом же году пьеса была намечена к постановке в Ленинградском Большом драматическом театре, который был тогда в эвакуации в Кирове, к пьесе уже создавались декорации, но поставлена она так и не была... Может быть, блокадный опыт Шварца показался слишком горьким тогдашней цензуре? В это же время Шварц работает над своим знаменитым «Драконом» (1944) и создает «Далекий край», пьесу об эвакуированных ленинградских детях, материал для которой он собирал в Котельниче и Оричах, где размещались детские дома. Пьеса была поставлена во многих тюзях страны, а в 1944 году новый театральный сезон начал этой пьесой Кировский тюз.

Еще один драматург работал в Кирове — это ленинградец Л. А. Малюгин. Он написал в нашем городе пьесу «Старые друзья», которая была поставлена в театре им. М. Н. Ермоловой (1946).

Самоотверженно трудились в военное время и латышские писатели. Анна Саксе активно работала в Кировском отделении ССП. Она вела вместе с Андреем Упитом литературный отдел в газете «Циня» («Борьба»), которая издавалась в Кирове с декабря 1941 по июль 1944 г. на латышском языке. В Кирове Саксе издала несколько книг: в 1943 г. — «Жизнь и смерть Лиедага» (на латышском языке — «Мирный обыватель»), в 1944 г. — повесть «Возвращение в жизнь» (в Латвии — 1945). В Кирове писательница написала несколько рассказов: «Мари», «Отряд командира Яника» и другие, в 1945 году в Латвии вышел сборник «Возвращение в жизнь». Годы пребывания в Кирове для А. Саксе в творческом отношении были плодотворными, произведения, написанные у нас на вятской земле, выдвинули ее в ряд лучших мастеров латышской прозы.

Народный писатель Латвии Андрей Упит, начавший писать прозу еще в 1919, тоже был в Кирове. Вятский край для него стал тем местом, где он создал монументальную дилогию «Земля зеленая» (1945), отмеченную Государственной премией 1946 года. В эти же годы он работает над пьесой «Спартак» и повестью для де-

тей «Поездка Виллита на Восток», которая была издана в Кировском издательстве. Эта повесть о мальчике-латыше, который едет с родителями в эвакуацию. С ним происходит несчастье — он отстает от поезда, но его буквально спасают, согревают русские люди, которые становятся для него родными.

Поэт Андрей Балодис в 1943 году выпустил сборник стихов «Ты любишь Родину». Вся книга проникнута мыслью о земле предков, о скорой победе, о боевой дружбе:

Там, где русских миллионы, —
на врага идут в штыки
и литовские колонны,
и латышские полки.

Какие впечатления о вятской земле у эвакуированных писателей? Очень разные. Евгений Шварц так рисует свою первую встречу с городом: «Далеко внизу в голубом дыму простирался деревянный Киров», он видит «серые вятские дома», о театре говорит так: «Москве впору, белый с колоннами, высокий...». Для него Вятский край — это отчаянный ветер и красное небо, постоянный холод и мрачный быт.

Для Павла Вячеславова Киров — это добрый старинный город, город умелых мастеров и смелых витязей, которые встали на защиту Родины и обязательно победят.

Анатолий Мариенгоф воспринимает наш город как «преддверие Сибири», где «пленительная смесь веков» и кировцы, «кующие броню». Но есть у него и другой взгляд на провинциальный военный город:

Зима —
не старина ли это?
Какой торжественный наряд!
Дома,
Как белые кареты,
на плечах —
снега эполеты,
дымов недвижны кивера;
Все тополя
И клены
в латах,
и латы
их
из серебра;

Все сосны белые —
крылаты,
все окна —
в снеговых коврах.
Таким представился нам Киров,
как в письмах пишут:
Областной.
Среди встревоженного мира
Он горд был
Русской тишиной...

Анна Саксе и через тридцать лет тепло и благодарно вспоминала Киров и кировчан: «Многое угасло в памяти о грозных военных годах, но неизгладимо осталось в памяти то гостеприимство, та душевная теплота, с которой нас, сотни эвакуированных, приняли в свою семью кировчане. (...) А самое важное, самое значительное то, что за эти годы, прожитые в Кирове, я узнала и на всю жизнь полюбила душу русского народа».

Среди огромного материала войны литература Вятского края — одна страница, один эпизод. Но эта страница святая для нас, вятчан, пусть будут памятни для нас судьбы павших земляков, их борьба, жизнь и смерть, запечатленные художественной строкой.

А о самой войне напишут те, кто мальчишками надели шинели и в окопах прошли свои университеты. Большинство из них перед войной написали только первые свои стихи и беспомощные рассказы, а теперь пришел их час осмыслить войну и время, сделавшее их раньше положенного часа взрослыми.

ВЯТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В ПОИСКАХ НАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

В. В. ХАРЧЕВ

После войны вятская писательская организация создавалась заново — сначала существовала как отделение Горьковской и лишь с 1958 года стала самостоятельной. Первое и ближайшее преимущество такой самостоятельности состоит в возможности общения единомышленников, творчески одаренных людей. Второе и дальнее — в результате общения выработать и укоренить атмосферу своей художественной специфичности как писателей Вятского края, богатого историческими перипетиями, природно-национальным разнообразием, «вятской» самобытностью. «Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе: они вырастают на родной почве и могут быть поняты только в связи со всей родной страной» (Д. С. Лихачев). Исходным же моментом для писателя всегда была и есть его творческая личность, то есть органическая склонность к той или иной теме, характеру, жанру, интонации, стилю. Писатель всегда выбирает между «быть как все» и — «искать и найти свое». На практике это означает вечно находиться между молотом и наковальней: механическое отштамповывание по «образцам» или мучительный поиск себя методом проб и ошибок. Очевидно, цель писательской организации — помочь писателю (а уж молодому обязательно) избежать ударов обезличивающего «молота»; ремесло писателя — занятие не коллективное, а сугубо личное.

Однако в условиях тоталитарной власти и идеологического диктата «закон молота» получает исключительное право на власть над умами. Вот первые шаги вятской литературной организации: «Больше книг о современности /Собрание литературно-творческого актива по обсуждению призыва московских писателей пропагандировать трудовые достижения в коммунистическом строительстве — «Кировская правда», 1958, 27 сентября; «Воспеть подвиги народа /Задачи писателей области/ — «Кировская правда», 1959, 19 мая; «Вперед и выше!» (Передовая о работе кировской писательской организации) — «Кировская правда», 1959, 21 ок-

тября. Если судить по этим призывам, установка была на «быть как все», потому не стоит удивляться тому, как много мертворожденных произведений появлялось в ту пору в Вятке. Перечислять их, извлекая из альманаха «Кировская новь», не стоит, к литературе они имеют отношение косвенное. И не они определяли литературный процесс.

Через плотно положенный асфальт пробивается зеленая трава. Поиск своеобразия и самобытности шел стихийно, сам по себе, вопреки официозу. Вятские писатели, в абсолютном большинстве своем учителя и журналисты-газетчики, — дети и внуки крестьян, уроженцы крестьянского края, люди с наследственно неизбежным чувством природы. «Мой интерес к деревне был подготовлен впечатлениями детства и юности» (Лев Лубнин). «Воспоминания детства у меня прежде всего связаны с природой» (Николай Васенев). И так почти у каждого. Вот, очевидно, что внутренне сближало их, делало кругом единомышленников — стремление высказаться от лица вековечно молчаливого, трудолюбивого края, весомо сказать себе и людям, как значителен их смысл пребывания на земле, в быте найти бытие.

Проза вятчан носит открыто выраженный очерковый характер, в какой бы жанр она, по авторскому замыслу, ни отливалась. В ней мы найдем и очерк как таковой («На берегах Вятки», «Встречи на дорогах» Николая Васенева), и очерковую повесть («Летние гости» Владимира Ситникова) и очерк-роман («Память сердца» Бориса Порфирьева). «Я определился как очеркист-деревенщик», — писал Л. Лубнин. Его «Рассказ о Матвее Двухэтажном, он же Подшебенька» (1954) — конечно же, очерк, очерк жизненного поведения коренного хлебороба, умельца и мастера на все руки, не вписавшегося в колхозную структуру, где «порядка просто никакого нету». Повесть «Десять дней по следам Васьки Жабрея» (1961) — развернутый очерк о недюжинном человеке предпринимательского склада, которого узкие рамки колхозной системы превращают в хищника и мздоимца.

Проблема народного характера — центральная в многообразной и богатой вятской очеркистике. Жанр этот отзывчив по своей природе, но, к сожалению, недолговечен и довольно быстро стареет. Однако, если историку будущих лет потребуется материал для народознательства второй половины XX века, он найдет в вятском своде очерков неисчерпаемый источник для изучения народной жизни: разнообразие характеров, мучеников идеи и подвижников, драматические фигуры тружеников, вынужденных не по своей воле покидать землю отцов, драгоценные черточки народного быта, летопись людских бед и радостей. Очерк стареет не

всеми своими сторонами — отмеченная им традиция крестьянской жизни и поэзия природы остаются в наизидание потомкам. Видимо, возможно говорить о школе вятского очерка, представленного хотя бы мастером этого жанра Владимиром Ситниковым, у которого «жизни основа на все времена» всего ярче и определеннее.

Осмысление нравственного потенциала в любом жизненном явлении — характерный сюжет, внутреннее действие очерков В. Ситникова, тогда как герой их — мысль, забота о том, чтобы было хорошо, порядок был бы в жизни. О чем бы ни писал В. Ситников — о современном сельском механизаторе («Главная фигура»), о притяжении к земле («К отцовскому полю»), о приживаемости молодежи на селе («Биография начинается с поступка»), о возвращении любви к луговым травам («Ой вы, травы луговые»), о роли коня в сельском хозяйстве («Несказочная история о «коньке-горбунке») или о том, каким должен быть сельский дом («И себе, и внукам») — он пишет, в сущности, об одном — о любви к своему вятскому краю, сию движим, сию окрылен. Эта любовь действительна, и потому очерк органически перерастает в публицистику: автор выступает как ответчик за творящееся вокруг него, во все он входит и до всего ему дело — от общегосударственных проблем миграции сельского населения до забот сельской девушки, рвущейся в город, потому что «целый год не танцевала», до судьбы истобенского огурчика...

Большинство вятчан не только «деревенщики», но еще и «природники», сохраняющие прямые связи с детством, которое для них — первоисток впечатлений. По словам Павла Маракулина, «человек умирает, когда перестает быть ребенком». Детское видение помогает писателю воспринимать окружающий мир интересно и радостно, порождает желание поднять читателя над житейской суетой, чтобы помочь ему жить «в ритме сердца». «Так уж получается, что на какие-нибудь ничтожные хлопоты мы тратим куда больше времени, чем на осмысление красоты, окружающей нас. Но разве с материнским молоком не переходит в нас счастливая способность радостно улыбнуться от одного только тепла и света? Не говоря уж о бесподобной соловьиной песне в черемуховых зарослях, которые, бывало, чуть не ломаются под тяжестью росы и цветов», — пишет П. Маракулин, наблюдать для которого за малейшими проявлениями жизни природы такая же радость, какую, вероятно, испытывает мать, глядя на своего ребенка.

Очень хороши у П. Маракулина рассказы о скворцах, глухарях, воронах, снегирях, осах, собаке Копейке, котам Мартике и Пушке, зимнем дубе, грибах. «Ведь самый хороший гриб, как и

прекрасный человек, не любит, подобно поганке, мозолить глаза всякому встречному и поперечному — он скромен, он в тени». Но рядом с любовью к природе живет у П. Маракулина тревога за ее судьбу. «Все чаще прихожу к тоскливой мысли о том, что человек (особенно за последние десять — пятнадцать лет) становится по отношению к природе каким-то жуликоватым хищником, практически почти не наказуемым». Ведь судьба природы — отражение судьбы народа: «Я боюсь за судьбу богатейшего в мире народа, потому что и смелому дрогнуть настала пора: лишь слепой не увидит, как быстро скудеет природа, лишь глухой не услышит заносчивый стук топора». Горячее сыновнее чувство преобразует очерки о природе П. Маракулина в лирико-философские миниатюры, будь то книга стихов «Сердцевина» или книга прозы «Тихая родина», лирическая повесть «Солнечный месяц» или «Лесная азбука».

Очерку обязан своим происхождением и вятский рассказ, представляющий из себя по большей части житейскую историю, свособразие которой в постоянном соотношении человека с миром окружающей природы. Об этом говорят рассказы и повести Анатолия Вылегжанина, Петра Злыгостева, Анатолия Милихина, Николая Марихина, Владимира Морозова, Тамары Николаевой, Надежды Перминовой, Леонида Решетникова, Алексея Рыжова, Валерия Казакова, Александра Подлевских.

Изобразительные возможности очерка, однако, не безграничны, панорамное изображение жизни ему непод силу, здесь необходим роман. Первым вятским романистом стал Аркадий Филев, а первым вятским романом — «Елена Русанова» (1949 — 1950, отдельное издание — 1952). Задачу свою автор формулировал следующим образом: «Шла война. В деревне в то время главной фигурой была женщина. У одних мужа, у других дети, а у третьих — и те, и другие были на фронте. Каждый день приносил в какую-нибудь семью неизбывное горе — смерть близкого. Нужна была действительно огромная нравственная сила, чтобы не опустить рук от горя. Не жалея себя, трудились они на полях и фермах, вели колхозные дела, помогали фронту, растили и воспитывали детей. И мне захотелось показать ее, русскую женщину-труженицу. Я видел много их, и образ Елены в значительной мере собирательный».

Показать «огромную нравственную силу» народа — задача не из легких, это означает обратиться к изображению народного характера.

Проблема народного характера — это прежде всего проблема осознания своего общественного статуса, — считал А. Филев:

простая женщина вырастает до руководителя. В романе господствовала иллюстративность готовых положений, в центре сюжета оказывался секретарь райкома Ермаков, решавший все вопросы просто и решительно: скажем, если молодой председатель колхоза отказывается от должности — «прочитал ему речь товарища Сталина. Вижу, изменился в лице человек... И работает сейчас неплохо». Культ вождя венчает картину народной жизни, суть которой — в исполнении высших предначертаний. «Вскоре десяток лампочек вспыхнул вокруг портрета Сталина. Савваха Мусник проговорил: — Родной отец, — в голосе его была нежность. Рукой он смахнул непрощенную слезу».

Реалистический роман, как известно, стоит на двух китах — характерах и анализе. Ничего этого в «Елене Русановой» не было. Тем не менее, книга пользовалась большим читательским успехом, ибо заключала в себе установку на всеобщность — кто не пережил лихолетья военной поры? — и, главное, несла в себе оптимистическую уверенность в преодолении всех невзгод: выиграла войну — заработаем и хорошую жизнь. Ободренный успехом, А. Филев продолжал писать романы и в последующие годы. Один за другим выходят «Свои, талицкие» (1957), «Мать-мачеха» (1960), «Солнворот» (1964), «Живое-живым» (1968), «Застолье» (1973). Это вполне профессионально написанные произведения, однако проблему народного характера в них все больше вытесняет тема партийного руководства. Так, в «Солнвороте» в центре конфликта между секретарем обкома «Волевиком» Жерновым и демократичным секретарем райкома Дружининым — в значительной степени искусственный. Конечно же, в романах А. Филева читатель находил немало живых сцен, острых диалогов, изображение закулисных партийно-бюрократических игр, даже сатирически хлесткие характеристики, в целом же все романы А. Филева страдали одним существенным изъяном — показ колхозной действительности он давал и з н у т р и той партийно-бюрократической системы, которой суждено было рухнуть уже в наши дни. А что А. Филев был небесталанен — это несомненно, о том говорит хотя бы автобиографическая повесть «Купава» (1975), построенная на впечатлениях детства, где автор вышел на вольный простор народного бытия и поэзии природы.

Риторико-хроникальные романы А. Филева в 70-е годы естественным образом сменяются романом о крестьянской жизни как правде характеров. «Меж высоких хлебов» Ю. Петухова (1973) в этом отношении показателен. Руководители приходят и уходят, а народ продолжает жить. Ю. Петухов открывает страницу существования русской деревни военных лет. Кажется, те же фигуры, что и в «Елене Русановой», но акцентны изменены коренным образом. Председатель колхоза Капитолина Даниловна Ярцева,

женщина сильная, целеустремленная, — яркая противница собственности, первый организатор колхоза в Елшине. Тогда «работали без оглядки на соседа, не считали, у кого чего больше! Ни коров своих, ни огородов!» Капитолина убеждена, что ради победы можно пойти и на прямое принуждение людей, «не очень-то с ними считаться». «Видите только то, что под ногами. Завтрашний день не угадываете!» Идеинность, которой гордится в себе Ярцева, оторванная от нравственного содержания жизни, не согретая теплом человечности, мертва. «Бескорневой она человек!» — как черту подводит старый кузнец Савелий Степанович. Забота об общем деле соединила людей, сделала их сильнее, чище, помогла переносить невероятные тяготы, а Капитолина расщепляет общее согласие недоверием, грубыми окриками, приклеиванием политических ярлыков, высокомерным своим: «А я вижу. Я все вижу».

Получился характер непростой, по-своему драматический. От хроникальных частностей, от простого быта сумел Ю. Петухов подняться до душевного изображения народной жизни, в малом сумел увидеть возвышенное, драму страданий и тихого подвига.

Как беспристрастное зеркало отражает вятский роман и изменившуюся жизнь, и изменяющийся вслед за ней подход к изображению сдвигов и перемен. Роман А. Филева 50–60-х годов, роман Ю. Петухова 70-х и роман В. Ситникова 80-х — отражение трех различных этапов развития вятского деревенского романа, как и всей русской деревенской прозы. Роман А. Филева не допускал сомнений в правильности рисуемой жизни, идущей по научно намеченным путям, роман Ю. Петухова заставлял серьезно задуматься над непогрешимостью руководителя и противопоставлял ему область сложной народной жизни, роман В. Ситникова с чувством комизма (что не мешало ему оставаться в высшей степени серьезным произведением) подвел итог вятскому роману, а, может быть, и всей русской деревенской прозе вообще.

В. Ситников шел от народной традиции — оценивать изображаемое так, как оценили бы его сами люди из народа («Русская печь», «Летние гости»). Работа над очерками дала писателю глубокое знание среды, а над повестями — возможность пристального постижения народного характера. Герои его романа «Свадебный круг» делятся по отношению к деревне на «хозяев» и «гостей» — первых становится все меньше, вторых все больше. Роман В. Ситникова населен очень густо, и почти все персонажи даны настолько художественно достоверно (вот она, школа очерка!), что, кажется, само собой создается представление, будто жили они всегда, а сам автор только увидел и описал их. Таков шюффер Капитон с его чудесной исполнительностью, или снабженец доставала Миней Козырев с его страшновато-комическими рас-

сказами о телефонной трубке, с помощью которой он выбивал налоги у деревенских баб, или первостатейный мастер-печник, мудрец и остро слов, в то же время беспрекословно покорный произволу и самодурству дядя Митя Помазкин, председатель Маркелов с его «надо уметь организовать уважение», с его «райским уголком» для пужных людей, «банкир» Огородов, местный царек, «шалун с большим стажем», пакостник, каких мало, или сельский шеф-инженер Макаев — крохобор с широким размахом, или Пантя Командиров — вечный номенклатурный работник, осторожный рыцарь параграфа.

Роман В. Ситникова — произведение жизнерадостное. Испытание смехом проходят у него и главные герои — молодой председатель колхоза Гарька Серебров и журналист областной газеты Алексей Рыжов. Юмор Сереброва — форма уклонения от «серьезного», проявление его душевного инфантилизма и гражданской незрелости. Ему предстоит пройти «свадебный круг», превратившись из легкомысленного «гостя» в настоящего хозяина. Исключительно важен в общей концепции романа образ Алексея Рыжова. Это неловкий, наивный увалень, вечно попадающий в нелепые истории, не приспособленный к жизни мечтатель. Его втягивают в нечистые сделки, пробуют задобрить, но безуспешно: из всех переделок он выходит не поступившись совестью. Житейски беспомощный, он оказывается «граждански практичным» человеком в принципиальной борьбе с Макаевым и Маркеловым.

При этом В. Ситников владеет редкостной особенностью — умением взглянуть на сельскую действительность с некой «неповседневной» (и неофициальной к тому же) точки зрения, чтобы увидеть в житейских буднях истинную поэзию жизни. Превосходно даны в романе картины напряженнейшего и радостного труда. «Единственный путь помочь своему времени — сказать ему правду», — писал В. Крупин в предисловии к роману «Свадебный круг». Своему главному принципу В. Ситников остался верен и в последующих книгах — романе «Эх, кабы на цветы да не морозы» (Хроника падения крестьянского двора, 1990) и повести «Фазендейро Петухов и другие» (1991).

Удивительно, что в городе, обладающем столь причудливой историей, нет своего исторического романа. Прошлое, конечно же, представлено, это и романы об установлении советской власти на вятской земле «Живое — живым» и «Застолье» А. Филева, и повести о гражданской войне В. Ситникова «Горячее сердце» и «Восемнадцатая весна», и «Вятские парни» А. Мильчакова, но собственно исторических романов и повестей, за исключением разве что «Хлыповцев» Ивана Шишкина, нет.

Видимо, не случайно, чтобы заполнить образовавшийся «исторический вакуум», Борис Порфирьев однажды назвал свой роман «Борцы» историческим. Б. Порфирьев относится к не столь редким раньше, но очень редким ныне «писателям по интересу», и главный его интерес — спорт. Писатель нашел для себя и читателя поистине золотую жилу. Это не тот пресловутый спорт с надоевшим «голы, очки, секунды», а некая сфера приложения силы, мастерства, выносливости, характера, что делает из спортсмена не просто любителя публики, но поистине народного героя. Трилогия «Бенефис Ефима Верзилина» (1955), «Цирк», «Гладиатор» (1958), «Чемпионы» (1963) (объединенная в 70-е годы в дилогию «Борцы» и «Чемпионы»), рассказывающая о борцах Верзиле, Сарафанникове (прототипом его послужил известный вятский силач Гриша Кошцев), Татаурове, о Поддубном и Заикине, о русском спорте за полувековой период, — принесла ему большую популярность не только как писателю, но и как открывателю новой темы. Не историческими «либо спортивными» следовало бы назвать романы Б. Порфирьева, а народными — настолько ценил их читатель, ревниво относящийся к русскому спорту.

Нельзя не назвать и еще одного уникального писателя, без которого представление о вятской литературе послевоенной поры будет неполным, — Евгения Дмитриевича Петряева, литератора-краеведа. Его «Литературные находки». Очерки культурного прошлого Вятской земли (1960), «Люди, рукописи, Книги» (1970), «Живая память» (1984) — книги, по его словам, «о своеобразных Дон-Кихотах, рыцарях печатного слова и просвещения». Общекультурный потенциал публикаций Е. Д. Петряева выводит их далеко за пределы своего региона.

Родному краю обязана своим происхождением своеобразная детская литература Вятки, которая может гордиться «фольклорным» писателем Леонидом Дьяконовым, автором широко известного сборника песен, сказок, загадок, пословиц «Волшебное колечко» и «Жила-была царевна», повести «Олень — золотые рога», книги для взрослых и детей «Дымковские глиняные расписные». Несколько прозаических книг о детях и для детей написал Анатолий Устюгов и среди них «Выскачка и Пухляк», приключенческие повести «Зеленая коробочка», «Последний патрон», «Лена, Пика и другие», повесть «Две недели в пятой роте». Александр Скорняков писал рассказы и для младшего («Рыжик»), и для среднего («Алешкина беда», «Приятели»), и для старшего («С такими не дружим», «Особое задание») возраста, являясь также и очеркистом, и поэтом. Повести В. Ситникова «Клюква-жаровица», «Красава-матушка», «Мсдовая поляна», книги рассказов «Голубые дни» и «Легкая рука» — все это произведения 80-х, когда известный автор стал и детским писателем.

Тема детства — тема будущего, но это к тому же и великая тема милосердия. Нельзя пройти мимо документальной книги Виктора Бакина «Детдомовские сороковые» — исследования о вятских детских домах военной поры, о вятских женщинах, обогревавших детей от сиротства. Когда эшелон с эвакуированными детьми и сопровождавшими их вятчанками, спасавшими детей от голода и болезней, подошел к ленинградскому перрону, ленинградцы опустили на колени.

Заслуживала бы специального внимания вятская драматургия (редкая из областных литератур может гордиться столь значительными драматургами и пьесами), здесь же придется ограничиться беглым и неполным перечислением некоторых получивших признание произведений. Это обошедшие многие театры страны пьесы Ю. Петухова «Двадцать свадеб в один год», «Твой ровесник», «Синие дожди», это пьесы Исаака Шура «Диплом на звание человека» и «Заводские ребята», «Письма к другу» И. Шура и А. Лиханова. Среди драматургов Вятки заметно тяготение к жанру народной комедии («Райская обитель» и «Толкач из Парижа» В. Ситникова).

Вятская поэзия тематически однородна — повсеместно распространены мотивы войны и труда здесь получили широкое распространение. Заявивший о себе как поэт воинского долга и солдатского мужества, Овидий Любикович находит сильные и точные строки, когда пишет о военном поколении («Рожденные в двадцать четвертом, убитые в сороковом»), о боли памяти («Последним выдохом у амбразуры донныне встревожена листва»), о редящем братстве старых солдат («Мемуары»), о предельном лаконизме воинского языка («Есть!»), о фронтовых поэтах («Вся поэма о жизни и смерти — поперек постамент строка»), но вынужден в то же время признать: «Как нечаянно выживший мамонт, в одиночку пытаюсь трубить», потому что «военного склада нет поэтов на вятской земле».

Александр Рева, воспевший «власть работы» и породившую ей радость жизни, тоже одинок в вятской поэзии.

Причину сосредоточенности на одной, в сущности, но такой многомерной и благодарной теме предельно ясно выразила Валерия Ситникова: труд «стихи слагать» достался в наследство от крестьян-прадедов:

Им слишком часто не до песен было.
Не потому ль, скопившись за века,
В крестьянской русой девочке забилось
Певучее предчувствие стиха?

И я в долгу перед землей и хлебом,
Перед людьми, любовью и добром.
Пока не расскажу, какое небо
В страду над желтым полем за бугром.

Действительно, так: крестьянину в страду недосуг любоваться на небо, оно для него всего лишь метеорологический указатель погоды, но, с другой стороны, индифферентное отношение к красоте мира не умаляет ли «личностное», не прибавляет ли «рабского»? «Красота — это разумно устроенный мир, — пишет Маргарита Чебышева... Но если народ состоит из личностей, кому под силу превратить его в равнодушную толпу, в покорное стадо? Разве не мы все вместе устроили себе бессмысленную жизнь в бессмысленных обстоятельствах? ...Небогато у нас с личностями, земляки» (Имеющий в руках цветы. — Вятское слово, 23 августа 1990 г.).

Видимо, далеко не случаен тот факт, что большинство вятских поэтов носит женские фамилии. Женщина — значит любовь.

Поэт по природе своей жизнестроитель, для него обязательно знание истоков и начал, он создает некую модель жизни, дает ее духовный склад.

Да только помни, что твое начало
В том, что земля травинками дышала,
И, словно на руках, тебя качала
На тех лугах, что каждый год цвели.

Это Надежда Перминова, для которой память детства — начало мира, и жизненный ориентир, и необходимое условие для нормальной жизнедеятельности — «ключей живительная сила». Духовный центр этого мира — мама: «Под родимую рукою сколько счастья и покоя!» («Сумерки»), она — свет души. Как писал Николай Пересторонин, «большая Родина и маленькая мама. А больше и не надо ничего». Не так уж наивен этот мир — в нем скрыта «тихая оппозиция» официальной идеологии, где «центр» занимает «руководитель». Но у поэтов — свои законы.

«Земля моя заповедная» — святыня, гарант нерушимости жизненного покоя и уверенности в себе: «Живу, как будто навсегда дана мне эта земля» (Маргарита Чебышева). Человек же, в понимании вятских поэтов, природен, «вятские негромкие леса», «чувство необъятного простора» (Валерий Фокин), «ромашковый край» под разноцветьем радуги, «синезвонная высота» (Фаина Столярова) питают его самостоянье, а еще — песня: «Добрее этих

песен нету в мире, а если праздник — нету веселей!» (Тамара Николаева, «Афанасьевские песни»).

По критическим канонам, есть родина «большая» и родина «малая». Вятские поэты сняли подразумеваемое противопоставление — родина одна и она едина. Со свойственной ему ясностью поэтического выражения — договаривать все до конца — эту мысль четко выразил Александр Рева:

Где старый двор с горбушкой сарая
Да огородной зелени клочок,
Как часть вселенной, в сердце мы вобрали,
Хоть сердце было с детский кулачок
(сб. «Грани», 1978).

Позднее (1989) эту мысль переведет полностью в аспект жизненной философии Леонид Сафронов: «Каждый год я приезжал домой, чтобы писать о доме, и с каждым годом я обнаруживал, что стены моего дома отодвигаются все дальше в мировое пространство, и уже хочется мне писать обо всем в мире, как о доме».

Если когда-нибудь будет создан сборник стихов вятских поэтов в их единородности, наверное, мы убедились бы в феноменальности вятской поэзии, аналогичной вологодской школе, — феноменальности, благодаря которой, может быть, «начнет восстанавливаться загасшая неповторимость вятского характера» (Валерий Фокин).

Но все это только первая глава — с конца 80-х начинается глава вторая книги вятского стихотворства. В конце 80-х на вятскую землю пришла трагедия, и романтически простой и ясный мир, творимый сообща, рухнул, породив боль и стенания. «Произошла на Вятской земле, как и в других местах, трагедия» (В. Ситников. Культура и совесть). «Что-то надломилось в мире» (О. Любиков). «Вздыхая тяжело, доживал бесславно бессильный и больной двадцатый век» (Галина Кустенко).

Солнце опять положу я на блюдо,
Чтоб прикоснуться к великому чуду,
Чтоб удивиться, чтоб поделиться,
Чтобы проходим опять пригодиться, —

писала Людмила Ишутинова в 1980 году. «Бодрячки-оптимисты, живущие с вечным «ура!» — пишет она в году 1989, отвергая то, что казалось бесспорным вчера: «Наше детство — наивная

сказка, как «Кубанские казаки». И появляется немислимое в прежнем светлом мире Людмилы Иштутиновой стихотворение «На каком монетном дворе» — о тридцати сребрениках, отлитых монетчиком, гордящимся своим ремеслом: трагедия невольной вины. Прогресс порождает апокалипсис, ставит на грань небытия: «Хруст ре-бер и хреб-тов в шес-тер-нях ЭН-ТЭ-ЭР», — это Людмила Суворова, восклицающая: «О время, вспоротое вспять!» Гибнет, гибнет так бережно лелесмый мир теплый, обжитой, ласковый, природообразный: «Горели яблоны, как свечи...»

Но нет худа без добра. Действие порождает противодействие. Поэзия питается не только «нектаром», но и «сором» жизни. Стихотворный цикл Людмилы Суворовой называется «Упругое сопротивление». Рождаются з н а н и е — «дар, обогативший нас — и тьмой, и светом». Вопрошающий? «Кто мы? Зачем? Откуда?» обретает истину.

Рассеялись все миражи,
а что уцелело — случайно.
Пожалуйся горько на жизнь,
бесцельно, безадресно, тайно, —

по-женски неприкаянно жалуется Маргарита Чебышева, находя точку опоры в мужестве стоицизма: «Ты получила — судьбу и платишь за это», а судьба — выбор Слова. «Мы знаем о себе теперь такое, что только — одолеть или пропасть». «Такое» страшит, но никуда от него не уйти, надо набраться смелости и прямо посмотреть ему в глаза: «В российском разваленном доме хозяин опять на кресте»; «Кто топор поднимает — палач, потому что нет крови во благо».

Маргарита Чебышева, в прошлом у которой достигнуты образцы высокой поэзии (например, «Колыбельная Асе»), ныне выступает как открыто гражданский поэт, безбоязненно называющий черное черным, а белое белым. Поразительной силы стихи стала писать Надежда Перминова (из цикла «Как пусто на земле», особенно «Плач»).

Интересен Леонид Сафронов, поэт, на котором, кажется, кончилась ностальгия, плач по деревне и с которого начинается поэзия впрямую выговоренного слова. Это уже не традиционные стихи с упором на лирическое излияние, это пугающе прямые, все, до самого конца выражающие слова (стихи «Пророк», «России», «Я умру», «Лошадь», «Звезда Польша», «Кресты», «Деревня»).

И — всходят новые имена: Леонид Бажин, Ольга Лещева, Борис Носков, Василий Мамонов, Андрей Жигалин, Маргарита Елькина, Юрий Костин, Евгения Бояринцева, Владимир Терентьев. Так, вятская литература начинает свою очередную главу Книги Жизни.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИШКИН (1905 — 1991)

Иван Александрович Шишкин родился в 1905 г. в д. Новое Эскано Кашинского уезда Тверской губернии. После окончания средней школы в 1927 г. Иван Александрович поступил в театральную студию при Ленинградском Государственном Академическом театре драмы им. Пушкина, бывшей «Александринке». Творческая жизнь Ленинграда конца 20-х годов давала простор для самовыражения. Иван Александрович не только играет в театре, он пробует себя в литературной работе: пишет очерки, фельетоны, маленькие юмористические рассказы, которые печатались в тогдашних многочисленных периодических изданиях: «Рабочий зритель», «Бегемот», «Ревизор» и др.

До 1933 г. Шишкин — актер Ленинградского театра драмы. Но жизнь актера — это кочевая жизнь. Иван Александрович работал в разные периоды своей жизни в театрах Харькова, Благовещенска на Амуре, Еревана, Вильноса, Сыктывкара и других.

В 1934 г. он написал первую пьесу «Напор», которая была поставлена Харьковским театром русской драмы. В Харькове работал секретарем русской театральной газеты, писал для театра кукол и скетчи, куплеты, частушки, монологи для эстрады.

И. А. Шишкин приехал в г. Киров в 1947 г. Здесь он пишет пьесу «Герцен в Вятке», она была поставлена в Кировском театре драмы в 1949 г. (режиссер Д. Козловский, художник А. Грозин) и опубликована в альманахе «Кировская повесть» в 1951 г.

В 50-е годы на сцене Кировского тюза шли спектакли по пьесам Шишкина «Утерянная слава», «Уходили комсомольцы».

В последующие годы И. А. Шишкин обращается к прозе. В местной периодике печатаются его рассказы, отрывки из больших произведений. В начале 60-х годов местное издательство выпустило его сборник «Голубой автобус», рассказы которого рисуют актерскую среду, их будни, нелегкий труд и успехи.

В 1990 г. вышла историческая повесть И. А. Шишкина «Хлыновцы», в которой автор, обращаясь к истории Вятки XV века, периода присоединения ее к Москве, показывает взаимоотношения вятчан с соседями, воссоздает облик как простых, безымянных людей, так и подлинных лиц, героев, упомянутых в различных летописных источниках.

Х Л Ы Н О В Ц Ы

(Отрывок)

Часть первая

Глава первая

2

Солнце еще хоронилось за дальним лесом, и край неба чуть зазеленел, еще поздние бледные звездочки не истаяли в небесах, а боярин Ангел Иваныч Волосыта-Матанцев уже пробудился. В опочивальне было душно, темно, пахло лежалой рухлядью, квасом, божовым маслом. Прислушался: в доме тихо. Беспечальные домочадцы спят, хоть в небесные трубы дуй.

Ангел Иваныч гулко зевнул, окрестил рот и, кряхтя, спустил на пол ноги в коротких исподниках. Поглядел в окошко. На небе легкие перистые облачка — опять погожий день будет. Жара.

А внизу двор уже жил ранней, беспокойной, деловой жизнью. Гремели ведрами у колодца, поили скот. Пастушонок грустно сыграл на жалейке. Блеяли овцы. С грохотом выкатывали мужики телеги из-под навеса, запрягали, необидно поругивая лошадей. Чему-то смеялись, заливались девки. Где-то за амбарами с утра пораньше пороли парнишку, тот орал истощенным голосом:

— Ой, бабинька-а!.. Ой, добренька-а!.. Ой, не брал я те яйца с пеззда-а!.. Их беси схрумкали, сам вида-ал!

Все шло как положено. Боярин кликнул Миколку, холопчонка, и, наклонившись, велел ему забраться обеими руками под рубаху и почесать спину. Миколке эта работа известна, и он исполнял ее на совесть — Ангел Иваныч аж похрюкивал от блаженства.

Давши парнишке по заливку, он встал, еще раз прислушался к тишине в доме и, не обуваясь, осторожно пошел на женскую половину. У женщины спальни остановился, замер. Пухлое, как оладья, ухо приложил к дверям. Затем беззвучно приоткрыл дверь и просунул голову.

— Кто там?.. — послышался женин хриплый спросонья голос.

— Я это, Марфута!.. Я! — нежно сказал боярин. — Во имя отца и сына... С добрым утром!

— А ну, ступай вон отсюда!.. — громко велела жена. — Забыл, какой день нынче?

— А какой?

— Пятница!.. Постный день!.. Иди, иди, не оглядывайся! По праздникам подаем!

(...)

Над городом встало румяное, теплое утро. Солнце перевалило через лес и зажгло золоченые церковные кресты, медные коньки да петушки на башнях, заиграло озорными зайчиками на слодяных решетчатых окнах теремов. Луговины заискрились алмазной россыпью росы. Мягко дышал легкий ветерок.

На обратном пути боярин помыл руки о росную траву и пошел на пивоварню. Старик-варщик подал в ковше молодого пива, беспенного, сладкого, отдававшего солодом.

На душе Ангела Иваныча было спокойно, господь немало порадел боярской благодати. Дом — полная чаша.

Хоромы под плотно сбитой кровлей на четыре ската. Играют цветом слодой окна второго яруса, у окон нарядные, резные ставни. Крыльцо высокое, как и подобает — двухъярусное, с подрубами, с площадками, с узорчатыми перилами. Над крышей на шесте крутится по ветру жестяной раскрашенный петух.

Вокруг хором и впритык к высоченному забору о многих столбах — клетки людские, сарай, сараюшки, амбары с хлебным припасом, конопня, баня боярская особая, большая, да баня холопья, куда боярин заботливо хаживал проверить, есть ли парок, особенно, когда там парились девки.

Из пивоварни Ангел Иваныч завернул на крупорушку. Две бабы на деревянном жернове обдирали просо. Бабы устали, но как вошел хозяин, жернов завертелся столь усердно, что чуть не выскочил из гнезда. Крупа стекала ручейком. Хозяин крупорушки похвалил.

Потом он открыл дверцу рыбной избы — тут и коптильня, и со-
лильня. Смердный дух чуть не выбил хозяина вон. Мужики-рыбники в
холщовых тухлых фартуках подхватили боярина под ручки. Боярин звонко
чихнул, высморкался, подтер нос ладонью.

— Ох и вонища же!.. — зажмурился он. — Невпроворот!

— Рыбка задумалась, отец! — объяснил старшой. — Завезли третье-
водни рыболовы, ничего, свежая была. Но тут бог жару послал, никуда не
денешься... Вот она, сирота, под утром и тронулась. Да ничего, отец-боя-
рин, просолим, прокоптим покруче — съедят людишки за милу душу! Су-
дак, милостивец, он ведь розаном и не должен пахнуть!

На конюшне хозяин порадовался — молодая ногайская кобылка
Зорька ожеребилась, жеребчика принесла. Добро!

В птичнике по-черному забранил курятниц: разбили, дуры, кури-
ного бога — старый горшок, что висел под насестом на бечеве и берег
птицу от падежа, от дурного-глазу, от всякой иной обиды. Недаром яйца
пошли мелкие, с бледным желтком. Курятницы поблагодарили хозяина на
ласковом, отеческом внушении.

Дома, в столовой палате, Ангела Иваныча ждало все его семейство.
Боярин вошел умытый, с причесанной бородой, кудрявой, как новый ве-
ник. Широким махом перекрестился от порога, строго оглядел домочад-
цев. У снохи, нерадивой хохотуши, дурищи Матрешы, выбилась прядь из-
под волосника. Крякнул, немилостиво округлил глаза — неаккуратной ба-
бе, если опростоволосит, и плеткой от свекра положено. Матреша сразу
догадалась, оправилась.

Повернулся, пошел к двери крестовой палаты, что была рядом. До-
мочадцы по чину двинулись за ним.

Встал перед киотом, от потолка до пола уставленным образами.
Огромными белыми глазами по ложке глядели на него строгие святые. Ря-
дом с отцом встал Гаврило — сын, розовый, мягкотелый, воспитанный на
родительских пирогах. Сзади, прилично отступя, установилась женская
половина дома — супруга Марфута, бабочка молодая, проворная, мачеха
Гаврилы, рядом Матреша, а поодаль — степенная престарелая свояченица
боярина Лукерья Лукинишна — девица с самого рождения.

Ангел Иваныч зажег свечу у киота, начал читать нараспев часо-
вник, в паузах искоса поглядывая, не суетливо ли молятся домашние.

Благое расположение духа не покидало боярина.

Потом чинно, по уставу, все уселись за стол.

Чистая баба-стряпуха сначала внесла мису холодной ботовьи из
свекольного листа, с квашеной капустой и хреном. После не досыта, для

аппетиту. Потом подали лапшу с курятиной, за ней — курятина же во щах густых — ложка стоит.

Черпали все из одного блюда, потряхивая ложками, поддерживая ломтем хлеба, чтобы не капало на столешник. Заседали пшенной кашей. Ели истово, нежадно — не оголодали. От пресной пищи, говорят, бояре хворают. Пища была жирной.

— Хорошо што усолонели! — похвалил хозяин.

Потом на столе появилось корытце жареных карасей в сметане, со сладкой репой и с луком. На середину стола баба-стряпуха поставила деревянную плоску для костей.

Карасей разбирали, подогнув рукава, не торопясь обсасывали жабры, плавники. Засим стряпуха подала всем по пирогу долгому, с кашей и яйцами.

Завтрак еще не подходил к концу, когда с улицы послышался конский топот. Марфуга кинулась к окну. К воротам в желтом облаке пыли подскакали трое молодцов.

Передний всадник, приземистый, плотный, в узком новгородском, туго подпоясанном кафтане, соскользнул с седла и колотушкой, привешенной к столбу, требовательно загремел в ворота.

— Богодайщиков! — крикнула Марфуга. — А с ним еще двое ихних.

Ангел Иваныч перекрестился.

— Господи, воля твоя! Припесло нечистую силу. К чему бы это? Парамошка-а! Откройте, эй!..

По переходам уже входили, громко стуча подкованными сапогами. В палату вошли все трое без зову, обмахнув себя мелким крестом, наскоро враз поклонились хозяину.

— Будь здрав, боярин! — бодро крикнул первый, кряжистый.

— И ты будь здрав, ватаман-батюшка! Милости прошу за стол, не побрезговай!

— Спаси бог, боярин! Не гостевать приехали. По наказу самого воеводы к тебе! Кланяется он тебе, боярин, и просит чести прибыть к нему нынче ввечеру отведать его хлеба-соли! Не откажи, боярин!

У боярина дрогнули поджилки, к сердцу пополз холодок. Нет, тут что-то не зря... Не именины у воеводы, не праздник, а зовет в гости, на вечер. И с приглашением послал не кого-нибудь, а ватамана, человека знатного, высокого. Неспроста! Честь, а страшновато.

Лицо Ангела Иваныча засветилось улыбкой, он расстелил по груди кудрявую свою бороду и как истый хозяин-хлебосол подвел ватамана к столу.

— Малиновый медок-то у меня, ставленный! Прямо с погребца! Не отказывай, голубь... В кои-то веки ты гость у меня! Жена, Марфа Фроловна, ну-кошь догадайся!

И мигнул ей на домочадцев: уводи, мол, отсюда вон.

— Ну разве что с погребца... В горле пересохло. Пыль! — сказал Богодайщиков и смело полез за стол.

Двое других смиренно остались стоять у притолки. Боярин их хорошо знал. Это были подручные ватамана, удалые и проворные помощники Митя Чалый и Серафишка Куприянов. Без них ватаман ни на шаг.

— Доброе у тебя хозяйство, Ангел Иваныч! — продолжал Богодайщиков, раздвинув рамки окна и оглядев двор. — И людишки твои покорливы, держишь их в узде. Это хорошо. Только, слышал я, жалуются на тебя посадки. Челядинцы твои по чужим дворам да огородам шалят! Берут, что плохо лежит. Мало кормишь их, что ли?

— У слободской просвирни козу увели! — от порога подсказал Серафишка. — Жаловалась протоиерею, коза-то дойная...

Ангел Иваныч только руками разводил: впервой-де слышу. Он глядел на гостя, вольно усевшегося за столом, старался угадать: «Чего это прилетел с утра? Хитрый бес, бережет подарочек. Наглый, порядка не чит, прется к столу без совести, не отказывается.

А этот живоглот, разбойник козу тут приплел. Ему бы за это в самый раз кнута».

Принесли мед в братине с подвешенным к краю черпальцем. Ангел Иваныч налил чару, поднес ватаману с поклоном. Сам не сел, ждал, что скажут еще чего-нибудь обидного.

— Выходит, корм тебе, боярин, деревеньки доставляют неисправно? Неужто так нищи да убоги, что божий закон презрели? А случись божья воля, поход... Аль еще какие городовые повинности — корма городу нужны будут. А у тебя их нету? А?..

«На именье глаз положили. Что-то задумали. Пронеси, заступница усердная...»

Солнце уже било в окна, жаром заливало горницу. Богодайщиков расстегнул ворот рубахи. Стукнув днищем чары об стол, весело и жестко сверкнул черным глазом.

— А чего ж ты, боярин, моих помощников к столу не зовешь? Нечестно им стоять у порога! Не смерды, не данники твои, а истые хлыновцы, житьи люди! Аль ты не знаешь их?

— Эва! Да как не знаю? Твоих-то молодцов? Заслушался я тебя и сплюховал. Милости прошу, ребяташки! Садитесь! У меня по-простому — хлеб-соль на столе, руки свои...

Опасных ухарей-молодцов усаживал радушно, душевно, будто свойственников.

— Господи Иисусе, как время-то идет... Давно ли, кажись, тебя, Митя, мой приказчик на огороде в горохе поймал да дозой во дворе выстегал? А ноне вон оно... За моим столом мед пьешь. Большой да статный! Помнишь, Митя?

— И горох-то был зеленый, одни лопатки... — Митя улыбнулся и махнул рукой. — И нащипал-то я его полшапки, а бою вынес — болячка до зимы не сходила.

Боярин преподнес ему чару хорошей вместимости — кто, мол, старое вспоминает, тому глаз вон.

Дружок его, толстощекий, плотный, хватистый, со светлым безбоязненным взором, повернулся к боярину всем корпусом и сказал почти-точно:

— И должен он за то благодарить тебя, боярин! Бить во младости — великая польза! Младень от того хорошо в силу входит. Прости, что в разговор старшего встрял.

— Верно, верно! — подтвердил ватаман.

— От боя ум вызревает, душа становится мягкой, а тело твердым!

От удивления боярин аж руками всплеснул.

— Ну и до чего же мудрые слова в твоём отроке, ватаман! Будто промысел божий... Вот вразумил господь.

— То не мои слова, — скромно сказал отрок. И пояснил, что поучение это высказано безместным попом Ермилием, умолчав, однако, при этом, что слова те воспоследовали после того, как его, отрока, на святой неделе посадские бабы проучили вицами за то, что он польстился на решето крашенных яиц в церковной сторожке.

Ангел Иваныч еще наполнил чары. Гости не отказались и хорошо закусили. И тогда уж, осмелев, боярин решился спросить, по какому делу зовет его большой воевода, дабы знать, с какой радостью поздравить его.

— А там он сам выскажет — ты его и поздравить!.. Ты человек верный, он тебя любит, слово твое ценит. Вот так! А большего мне ничего говорить не указано. Не одного тебя ждет, вся господа будет!

Ангел Иваныч наморщил лоб, задумался. Лоб у него был большой, широкий, как у мудреца — семи пядей во лбу, хотя в народе про него не напрасно говорили: дурак дураком и уши холодные.

Ни о чем не догадался, утер свое большое лицо.

Богодайщиков вдруг подобрался, как рысь перед прыжком, остро, с прищуром поглядел на боярина, широко улыбнулся, хотел что-то сказать — не сказал, налил себе, уже своей рукой, весело оглядел своих отроков, взъерошил Митины русы кудри, толкнул кулаком Серафишку в широкую грудь...

— И-сх, одеревенели ребяташки, сиднями-то сидя! Поразмяться не охота ли? Ты погляди на них, боярин-свет! Про вягчан говорят, что они разбойники. Соседей жгут да грабят. А вот Митя, нешто он похож на злодея? С синими-то глазами? Эх, жизнь! В жизни бывает, что и толкнешь кого...

Боярин покивал головой, поддакнул сокрушенно, показывая, что ватамановы слова доходят до самого дна его боярской души.

Уходя, Богодайщиков наказал:

— Об разговоре бабам своим пока ни гу-гу! Ты еще ничего не знаешь, а они по своей бабьей догадливости такую несусветицу по городу понесут, какая никому и во снах не снилась. Помни, свет!

— Запомню! — сказал Ангел Иваныч.

Проводив дорогих гостей за ворота, и дождавшись, когда те, раздразнивши плетками мирных псов, скроются за поворотом, Ангел Иваныч резко побежал по переходам в дом, на женскую половину.

— Бабоньки-и! Новостей-то! Иван-то, Оникиев-то! Господу у себя собирает! Удумал чего-то! Не иначе набег на кого-то!..

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПЕТРЯЕВ (1913 — 1987)

Евгений Дмитриевич Петряев родился 18 февраля 1913 г. в городке Березовске около Екатеринбурга. Детство и юность его прошли на Среднем Урале. Отец Евгения Дмитриевича всю жизнь работал на почте, а мать — сельской учительницей, но семья рано осталась без матери; мачеха, Мария Георгиевна Востротина, тоже вскоре умерла.

Евгения Дмитриевича приняли сразу в четвертый класс Меркушинской школы, так как он уже умел читать. В школе он

начал писать стихи, рассказы, даже басни. В уральской газете «Всходы коммуны» появлялись рецензии Е. Д. Петряева на новые книги.

Отца часто переводили, и Евгений Дмитриевич учился и в Нижне-Туринске, и на прииске близ Качканара. Окончив семилетку, Петряев приезжает в Свердловск и продолжает учебу в средней школе им. Некрасова.

После школы Е. Д. Петряев поступил на химический факультет Уральского университета, но вскоре перешел в медицинский институт. Одновременно работал лаборантом, а затем младшим научным сотрудником кафедры фармакологии. В 1938 г. Евгений Дмитриевич с отличием закончил институт, и сразу его призвали в армию. Служил он в Забайкалье в медсанбате, в госпиталях, в медицинских учреждениях фронта. Петряев участвовал в боях на Халхин-Голе и в войне с Японией, награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», монгольской «Бид ялав» и многими другими.

В 1945 г. Е. Д. Петряев защитил кандидатскую диссертацию, им опубликовано более ста научных работ по специальности, книги: «Лекарственные растения Забайкалья» (Чита, 1952), «Методика и техника историко-медицинских исследований» (М., 1972).

Увлечение краеведением пришло к Е. Д. Петряеву еще в школьные годы, уже тогда он работал в областном музее, составил опись рукописей Мамина-Сибиряка, затем, во время службы в Забайкалье, Сибири, — везде Петряев занимался собирательской работой, исследованиями местных книг, книжников, связями их с писателями, деятелями науки и культуры. Довольно много пришлось заниматься Евгению Дмитриевичу культурным прошлым Нерчинска, места, где отбывало ссылку немало известных людей. В 1972 г. он был удостоен звания почетного гражданина этого города. Новые находки давали богатый материал для очерков, которые печатались в журналах и альманахах «Забайкалье», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Прометей», «Альманах библиофила», «Временник Пушкинской комиссии» и других. В 1954 г. вышла книга «Исследователи и литераторы старого Забайкалья» (Чита). В 1955 г. Е. Д. Петряева приняли в Союз писателей. В последующие годы вышли книги «Люди и судьбы», «Нерчинск», «Впереди — огни», «Кяхтинский листок».

С 1956 г. Е. Д. Петряев жил и работал в Кирове. При его активном участии были возобновлены краеведческие исследова-

ния, он собрал обширный материал о незаслуженно забытых просветителях, деятелях культуры и науки, журналистах и писателях. В 1962 г. начали проводиться краеведческие «четверги», активным участником и руководителем которых был Евгений Дмитриевич. В дальнейшем он возглавил и клуб «Вятские книголюбцы» (1973), участвовал в сборе экспонатов и открытии литературного музея в г. Кирове.

О культурном и литературном прошлом Вятки-Кирова Евгений Дмитриевич опубликовал много статей, очерков, заметок в газетах, журналах, альманахах. В Кирове и Москве вышли его книги «Литературные находки. Очерки прошлого Вятской земли» (Киров, 1966), «Люди, рукописи, книги» (Киров, 1970), «Кировский литературный музей» (Киров, 1972), «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке» (Киров, 1975), «Записки книголоба» (Киров, 1978), «Живая память» (М., 1984) и другие.

Добрую память оставил после себя Евгений Дмитриевич, многие его ученики стали серьезно заниматься краеведением. В Кирове проходят традиционные «Петряевские чтения», на которых выступают известные библиофилы, краеведы, литературоведы области и страны.

НИТИ К ПУШКИНУ

(Отрывок)

Другая линия пушкинских поисков связана с двумя строками в заметках старого вятского журналиста С. П. Наумова. Он бегло упоминает о том, что в фундаментальной библиотеке Вятской мужской гимназии еще в начале XX века хранились книги из личной библиотеки А. С. Пушкина. Их, говорится в заметках, подарила гимназии Н. Н. Ланская (вдова Пушкина). «Был, — писал Наумов, — среди пушкинских книг Байрон, весь испещренный личными пометками самого Пушкина».

Эти строки заставили заняться выяснением истории гимназической библиотеки. Дело оказалось запутанным.

После революции, когда гимназия была закрыта, ее запасы учебной литературы распределяли по вновь созданным в Вятке школам. Книги из фундаментальной библиотеки гимназии по каким-то причинам не попали ни в школы, ни в педагогический институт, ни в музей. И в областной библиотеке таких книг было обнаружено мало. Богатый подбор лите-

ратуры по классической филологии и на иностранных языках куда-то бесследно исчез.

Возник вопрос: есть ли вообще какие-нибудь серьезные основания для поисков пушкинских книг в Кирове? На этот вопрос все крупнейшие наши пушкиноведы (Т. Г. Цявловская, Н. В. Измайлов и др.) единодушно ответили: необходимы самые тщательные поиски.

Что говорит фактическая сторона дела? Второй муж Натальи Николаевны Пушкиной генерал-майор П. П. Ланской в 1855 году в связи с крымской кампанией был командирован в Вятскую губернию для формирования ополчения. За скорое выполнение поручения, а позднее за быстрое расформирование ополчения Ланскому 10 августа 1855 года и 19 июля 1857 года были объявлены «высочайшие» благодарности. Таким образом П. П. Ланской был связан с Вяткой почти два года.

Недавно найдена фотография, которую П. П. Ланской прислал на память одному из своих вятских друзей.

Известно, что библиотека А. С. Пушкина некоторое время находилась в подвалах казарм лейб-гвардии конного полка, которым командовал П. П. Ланской в 1844 — 1853 годах. Затем свыше 60 лет библиотека странствовала с места на место; некоторые книги попали к друзьям и знакомым поэта и к его родным. Так, в описи имущества, оставшегося после смерти А. С. Пушкина, учтено 278 книг, которых в 1910 году не оказалось в каталоге пушкинской библиотеки.

Конечно, Наталья Николаевна взяла с собой в Вятку лишь немногие и, вероятно, любимые книги, которые потом могли (скорее всего при отъезде) стать ее подарком гимназии.

Дочь Н. Н. Ланской, А. П. Арапова, писала о вятском периоде жизни матери: «Осень уже наступала... Мать не могла решиться отпустить его (П. П. Ланского) одного, и, несмотря на пережитое волнение, усталость и на общее недомогание, изредка уже проявлявшееся во всем организме, она храбро предприняла это путешествие». Детей отправили в Волынскую губернию к родственникам. «Вятка являлась прототипом провинциального захолустья, по своей отдаленности служившего надежным местом ссылки. Приезд генерал-адъютанта казался таким великим событием, что их чуть ли не с колокольным звоном встречали... Местный кружок, состоящий из служебного персонала и богатых купцов, приготовился увидеть в лице матери важную, напыщенную светскую даму и долго не мог прийти в себя от простоты ее, от доброты и отзывчивости, сквозившей в каждом слове, в каждом жесте. Она, в свою очередь, возвращаясь в Петербург, увезла светлую память о своих вятских друзьях, которые без всякого стеснения прибегали к ней, когда требовалась какая-нибудь услуга в далекой столице. И с каким усердием принималась она хлопотать то о помещении девочки в институт, то об определении на службу, то о смягчении наказания. Долго благодарная память о знакомстве с ней сохранялась в том дальнем крае».

Действительно, Н. Н. Ланская пользовалась у вятичей большим вниманием и уважением. Местный старожил И. В. Куртнев записал, например, в дневнике за 7 ноября 1855 года: «Теперешняя супруга Ланского была прежде женою поэта Пушкина. Дама довольно высокая и стройная, но пожилая, лицо бледное, с приятной миной. По отзыву нашего архиерея (Елпидифора) дама умная, скромная и деликатная, в разговоре весьма находчива».

Год спустя этот Елпидифор во время экзаменов в Вятской семинарии устроил скандал. Услышав, что ученик декламирует пушкинского «Пророка», архиерей, точно ужаленный, вскочил со своего председательского кресла и закричал на профессора Красовского: «Как вы смеете в духовном заведении сообщать сочинения Пушкина? Вы развращаете будущих пастырей церкви. Знаете ли, кто такой был Пушкин? Он — безбожник и поганец». Даже губернатор Муравьев во время этой дикой выходки архиерея закрыл лицо руками.

К сожалению, точных сведений о встречах Н. Н. Ланской с местными жителями пока нет. И все же отмахнуться от того, что по памяти записал Наумов, никак нельзя. Ведь речь идет о Пушкине. Следует вспомнить и то, что среди сочинений Байрона у Пушкина был томик, подаренный поэту Анной Петровной Керн.

Библиотека Вятской гимназии не имела печати. Лишь после длительного и систематического тщательного просмотра нескольких тысяч старых книг в фондах областной библиотеки удалось найти десяток томов, несомненно, принадлежащих Вятской гимназии. Об этом свидетельствовало тиснение на переплете («Вят. Г. Гимн.») и надписи на форзаце.

Эти тома имели суперэкслибрисы — ярлыки с указанием номера данной книги по каталогу фундаментальной библиотеки гимназии, но полный каталог не найден.

Из книги «Живая память»,
Москва, «Молодая гвардия», 1984 г.

ИВАН ФАДДЕЕВИЧ ОБЪЕДКОВ (1913 — 1992)

Иван Фаддеевич Обьедков родился 22 июня 1913 г. в степном селе Канаевка Саратовской области. Семья жила бедно, однако в ней постоянно ощущалась тяга к знаниям и почтение к книге. После школы Иван Обьедков, с детства привыкший к крестьянскому труду, поступил в сельхозтехникум, что в городе Пуга-

чеве. Работал агрономом, а затем главным агрономом района. После окончания института занимал видные посты на агрономическом поприще в Горьковской области. Тайной любовью его оставалась тяга к книге, поэзии. Иван Фаддеевич писал стихи и рассказы, однако не публиковал их. Он — участник Великой Отечественной войны. В Кирове Обьедков занимал высокий пост председателя облисполкома. Печататься начал после преждевременного выхода на пенсию по состоянию здоровья. Его перу принадлежат три книги: сборник повестей и рассказов «Последняя метель» и «Не жалей себя» (1988 г.), а также поэтическое сказание об агрономических наблюдениях и народных приметах «Времена года», которое выдержало два издания. Обьедков выступал в газетах и журналах с рецензиями и статьями. Журнал «Волга» печатал его повесть «За три дня до свадьбы» и другие произведения.

Умер И. Ф. Обьедков 18 августа 1992 г.

ЗА ТРИ ДНЯ ДО СВАДЬБЫ

(Отрывок из повести)

Перед рассветом Окушко проснулся от мучительного ощущения тревоги. Такое бывает иногда в страшном сне, когда человек падает с большой высоты или гибнет в схватке с каким-нибудь чудовищем. Не открывая глаз, но полностью освободившись ото сна, он некоторое время лежал, затаив дыхание, прислушиваясь и вспоминая, не кричал ли во сне, что с ним случилось.

Было совсем другое: он понял, кого ему напоминал все эти дни его сват.

Уже от одного предположения, что это не просто сходство, а что Старков именно и есть тот самый человек, которого он с какой-то обостренной четкостью представил себе сейчас, похолодело и защемило под сердцем.

Чтобы не разбудить жену, он осторожно встал и прямо в пижаме на цыпочках прошел в кабинет, прикрыл за собой плотно дверь и опустился в кресло.

«Нет, нет, что это я? Это же глупость, чепуха какая-то», — убеждал он себя и даже иронически засмеялся и осуждающе покрутил головой: что, мол, за чушь такую он придумал. Но тревога от этого не только не уменьшалась, а все больше возрастала, заполняя собой, помимо его желания, и чувства, и разум. Все разрозненное детали, рождавшие первые смутные предположения, сейчас как бы сами собой совмещались, накладывались одна на другую и убедительно превращались в тот единственный образ, который так четко и цельно выплыл сейчас из темноты его памяти.

Почему он сразу не вспомнил того человека? Наверно, потому, что искал сходство с кем-либо из местных людей.

Да ведь он и забыл уже того человека, так как прошло со времени той неожиданной встречи двадцать пять лет.

Теперь Евгений Степанович старался все припомнить, разобраться во всем и, спокойно взвесив, понять до конца, пока никто ему не мешает. Он прекрасно отдавал себе отчет, что ошибиться нельзя.

Но оказалось, что разобраться было не так-то просто: все сразу лезло в голову, одно воспоминание вытесняло другое, и он никак не мог сосредоточиться на главном; были какие-то отрывки мыслей, догадок, и это мешало ему остановиться на чем-нибудь одном.

Почему-то больше всего волновала его эта «Калинка», которую пел вчера Старков. Теперь он только удивлялся себе: как он не мог вспомнить вчера, что эту песню он впервые услышал на фронте... Сейчас он с поразительной четкостью, до мельчайших подробностей вспомнил ту офицерскую вечеринку, когда полк стоял на отдыхе и заканчивал формирование подразделений за счет нового пополнения.

Пела эту песню Шура под аккомпанемент баяна. Была она тогда удивительно хороша, в каком-то необыкновенном душевном подъеме.

Выросла калинка на холме
высоком,
Выросла над звонким пенистым
потоком.
Раннею весною дождиком умылась
И в зеленый бархат пышно
нарядилась.

И мотив у этой песни был протяжно-грустный, хватавший за сердце, и слова были до боли понятные и близкие каждому. Это была грустная история, рассказывавшая о том, как в тени калинки грустил Ваня-сиротинка, который умер однажды осенью и не пришел к ней.

А калинка, что с ней? Знать, она
любила,
С горя пожелтела, бархат с плеч
свалила.
Красные кораллы побросала в воду
И стоит, и плачет про свою
несвзгду.

Тогда Шуру чуть ли не три раза заставили петь эту песню. На ней было новенькое обмундирование, хорошо подогнанное, на ногах

хромовые сапожки, все это шло ей, подчеркивало стройность фигуры. Столько в ней было изящества, молодой радостной непосредственности, и Окушко не спускал с нее глаз, все время танцевал с ней, и ей, видимо, тоже было приятно его ухаживание.

После вечера они вдвоем долго стояли над обрывом речки, и именно тогда Шура сказала ему, что эту песню очень хорошо пел ее муж Анатолий, сводя этим с ума чувствительных полковых дам.

Вспомнив вчерашнюю неожиданную болезнь Старкова, Окушко вдруг громко произнес: «Не было, не было никакого сердца. Не было...» Он подробно, до мелких деталей восстановил в памяти этот момент и был теперь убежден, что это была не болезнь, а своеобразная защитная реакция Старкова, чтобы скрыть страх и охватившее его волнение, когда он услышал фамилию Крутова и увидел фотографии, которые показывала Лиза.

Потом они ушли с ним на полчаса в кабинет. Вчера днем Елизавета Андреевна развесила по своим местам картины, фотографии и другие домашние бытовые вещи, которые были сняты на время ремонта, и их в прошлый раз не мог видеть Старков.

Окушко уже не сомневался, что тот был просто ошеломлен, увидев на стене большой портрет генерала Крутова в парадной форме со всеми орденами и медалями.

А Евгений Степанович показал еще и фотографию, где они втроем: он, полковник Крутов и его сестра Шура, сфотографированные в 44-м году, при выписке Крутова из госпиталя. Это была любительская, но очень удачная фотография, теперь увеличенная, которую Окушко взял у Крутова, когда был у него дома лет шесть назад, при их неожиданной встрече в Москве.

Теперь Евгений Степанович понимал, почему Старков, разговаривая с ним вчера в этом кабинете, все время находился в каком-то напряжении, настороже, и старался не глядеть в сторону фотографий, и было видно, как ходил у него в волнении кадык. Он, видимо, боролся с охватившим его чувством тревоги и старался как можно быстрее овладеть собой, не выдать себя. Потом пришла Лиза и позвала их к столу.

Конечно, думал Окушко, тут нетрудно ошибиться, и все время пробовал переубедить себя, рассеять возникшее подозрение. Уж слишком невероятна такая встреча, какое-то поразительное совпадение с той далекой, забытой историей, которую он сейчас вспоминал и которую хорошо знали жена, дети — он не раз рассказывал им.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ ЗАМЯТИН (1913 — 1980)

Евгений Петрович Замятин родился 3 сентября 1913 г. в селе Суводи Орловского уезда (ныне Советский район Кировской области). После окончания семилетки в г. Советске Евгений Петрович прошел нелегкий трудовой путь: был рабочим на лесозаводе в Ивановской области, строил ТЭЦ в Москве (1931); приехав обратно на родную землю, Замятин связал свою судьбу с Уржумским районом. Там он начинал работать радиоинженером связи (1932 — 1936), затем электроосветителем в Уржумском колхозном театре (1936).

Колхозный театр — явление необыкновенно интересное в культурной жизни нашей области. С 1937 по 1952 гг. Замятин работал художником этого театра. С театром у Замятина связана и военная пора, когда небольшая труппа актеров выезжала в разные уголки нашей области, несла людям радость общения с искусством.

Писать стихи Замятин начал рано, уже в 1928 г. появляется его первое стихотворение в газете «Пионерская правда», однако, по воспоминаниям самого Евгения Петровича, до 1947 г. «страсть к занятиям литературным трудом проявлялась лишь изредка».

В 1947 г. в Уржумском колхозном театре был создан кружок «Литературная суббота», в котором активно участвует Замятин. После расформирования театра он работает в редакции районной газеты «Кировская искра».

Работа в газете дала молодому литератору большое количество материала. Он публикует «Очерк о районной библиотеке» (1956). В это же время Замятин начинает писать басни. Отдельные басни были напечатаны в журнале «Крокодил», «Литературной газете», «Кировской правде», появлялись басни в альманахе «Кировская новь» и других сборниках.

В 1958 г. у Е. П. Замятина вышла первая книга басен «Волчок». В баснях Замятина отразился дух времени, когда сатирическим пером клеймились бюрократы, бракоделы, хапуги, люди с двойной моралью, пьянство и другие пороки.

Умер Е. П. Замятин в 1980 г. Четыре сборника его басен, сатирических стихов, многочисленные публикации как бы продолжали непрерывающуюся нить вятской сатирической поэзии, берущей начало еще в XVIII веке.

ПИНЦЕТ, ЗАНОЗА И ДУИДУК

В том удивительного нет,
что как-то раз один Пинцет
Занозу выгянул на свет
(чужие нервы очень бередила!).
А после, знаете, что было? —
Заноза жалобно заныла
на все лады:
она оскорблена,
ее достоинство задето.
К отвсту требует она
призвать Пинцета.
Ушей достаточно вокруг —
нашелся добренький Дуидук,
разахался, растрогался: «Бедняжка!
Ее обидели!
По мне,
Она хорошая вполне.
Милейшая такая деревяшка...
Не сдобровать Пинцетишке тому, —
я безобразника дойму!» —
и в хлопоты немедленно пустился,
да ничего, понятно, не добился...

И хорошо,
подобным дуидукам
без сожаления давайте по рукам!

РЕЦЕНЗИЯ НА САПОГИ

О новых сапогах я отзыв прочитал,
Вот что о них один чужак писал:
«Артель такая-то стачала сапоги.
Они удобны для ноги,
К тому ж легки, красивы, дешевы.
Лишь от воды их береги —
У них картонные подошвы...
Сей недостаток — чепуха
(при всех достоинствах сапожных),
а потому признать возможно:
продукция артели не-пло-ха».

Подобные рецензии — не так ли?
частенько пишутся на книги и спектакли.

МНЕ КОНСЕРВЫ ПОРТЯТ НЕРВЫ

Как положено судьбою,
был Судак самим собою...

Вдруг исчезли начисто
Судаковы качества —
на консервном комбинате
потерял лицо...
в томате.
Он теперь с чужим лицом:
То ли Шука,
То ли Сом...

Басня есть, морали нет
Головы полны тумана:
Прочитал я три романа,
и у всех — один сюжет...

ИСААК СОЛОМОНОВИЧ ШУР (1913 — 1976)

Исаак Соломонович Шур родился 30 декабря 1913 г. в г. Смоленске в семье служащего. Детство и юность Шура приходится на двадцатые годы, когда россияне снимались с обжитых мест, переезжали, искали свою судьбу, или злая судьба гнала на чужбину. Так в 1921 г. семья Шура была вынуждена переселиться в Москву, где Исаак Соломонович закончил семилетку, однако ему пришлось учиться в 1924 — 1925 годах в вятской школе им. Тургенева.

В 1930 г. после окончания первого курса дорожного техникума, Исаак Соломонович уехал на Сахалин, куда был послан его отец. Он вспоминал об этом периоде своей жизни: «Летом ездил в экспедиции по изысканию дорог, был на Байкале, на Ангаре, на Сухоне, в Гуамском ущелье, на холодных реках Сибири и бурных потоках Кавказа. Исходил много лесных тропинок и нехоженых мест».

С 1934 г. И. С. Шур учился в Москве, а потом в Ленинградской лесотехнической академии. Тогда он вместе со своими товарищами по общезнанию был арестован НКВД. После почти двухлетнего следствия ложно обвиненные студенты были освобождены.

Писать И. С. Шур начал рано, пробовал себя в разных жанрах, однако написанное не было опубликовано. Перед вой-

ной сценарий Шура был принят студией «Мосфильм», но помешала война.

Начало войны И. С. Шур встретил в Архангельске, где после окончания академии работал инженером. После неоднократных рапортов он был направлен рядовым на фронт. Затем окончил артиллерийское училище по ускоренной программе, стал командовать взводом, а вскоре принял командование батареей тяжелых гаубичных орудий. За ратные подвиги капитан И. С. Шур был награжден орденами и медалями, в том числе орденом Александра Невского и медалью «За отвагу».

Вернувшись домой, в Москву, И. С. Шур стал работать в министерстве лесной промышленности. В 1948 г. арест отца, угроза собственного повторного ареста заставили его с семьей уехать из столицы на периферию. С 1957 г. он живет и работает в г. Кирове.

Творческая натура, любовь к литературе, знание жизни не по книгам привели И. С. Шура в драматургию. В 1955 г. его первая пьеса «Андрей Ставров» была поставлена Великолукским областным драматическим театром. Годом позже увидела свет пьеса о подвиге Александра Матросова «Горящее сердце» («Гвардии рядовой Александр Матросов»), а пьеса «Девушка в лесу» была опубликована в альманахе «Великолукская земля» (1956). С этого времени драматургия Шура привлекает режиссеров разных театров.

В 1958 г. в Кирове была поставлена пьеса «Диплом на звание человека» (режиссер Л. Окунь, художник В. Суханов), а в Саратовском тюззе — «Заводские ребята». Эта пьеса шла в Кировском тюззе с 1959 г. (режиссер И. Берлянд). В последующие годы в Кирове идут пьесы «На повороте», «За ночью день». Многие из произведений Шура шли на сценах более чем 150 театров страны.

В 60—70-е годы И. С. Шур работал на Кировском телевидении главным редактором кинопроизводства. В этот период он написал ряд сценариев для телевизионных фильмов: «Зеленый шум» (1968), «Сказка о «Белке» (1968), «Сыны мои» (1970), «Природа и фантазия» (1971), в соавторстве с Л. В. Дьяконовым — «Вятская гармонь» (1971), некоторые из этих фильмов шли по Центральному телевидению. В эти же годы И. С. Шур продолжал работать над пьесами («Фиктивный брак», «Я с тобой»). Последняя пьеса И. С. Шура «Письма к другу», написанная в соавторстве с А. Лихановым, была поставлена в 1975 г. Кировским тюзом (режиссер А. Бородин, художник С. Бенедиктов). В основе пьесы — письма будущего автора романа «Как закалялась сталь» Н. Ост-

ровского Петру Новикову. Пьеса раскрывала драму человека, прикованного к постели параличом, человека, чья молодость прошла в революционных битвах. За этот спектакль театру было присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола (1976).

Умер И. С. Шур в 1976 г.

Творческое наследие И. С. Шура — это 29 пьес, помимо этого рассказы, повести, киносценарии и роман. К большому сожалению, проза не была опубликована, а многие пьесы не смогли попасть на сцену из-за цензурного запрета. Только в последние годы в местной печати появились публикации его военных рассказов и писем с фронта жене, в которых И. С. Шур откровенно говорит об ужасах войны, о солдатских буднях, о любви и верности, о вере в победу над врагом.

ЗАВОДСКИЕ РЕБЯТА

Картина вторая

Комната в клубе. На стене — Доска почета с фотографиями лучших людей. В углу — закрытый рояль, на котором стоит радиолка: в сторону отодвинут стол с журналами и газетами, по стенам расставлены стулья, диван. На стуле около рояля сидит Миша с баяном в руках. А кругом парни и девушки, среди которых Галя, Шура, Серго. В стороне, читая журнал, сидит Игорь. Из радиолы несется хоровая песня под баян.

(Миша берет баян и начинает играть. Ваня лениво подходит к нему).

В а н я . Ну-ка, дай.

М и ш а . Чего дать?

Г а л я . Ты играешь?

Ш у р а . Миша...

М и ш а . Держи.

(Ваня берет баян и, небрежно пробсжав пальцами по ладам, начинает играть).

В а н я . Это, что ль?

Г а л я . Это.

(Запел хор. Прошлись Галя и Шура и запели частушки. Входит Кузовкин. Дослушал частушки и подходит к Ване.)

Кузовкин. Это кто же такой баянист у нас объявился? Ты?

Ваня. Нет, не я.

Кузовкин. Милый мой, ты, может, и на нем (указывает на рояль) сыграешь? Кричали, кричали: купи рояль, купи рояль! Ну и купил. А играть на нем кто будет?

Ваня. Рояль! Скажет тоже!

Кузовкин. А ты учись. Осваивай. Раста над собой. Обидно ведь — ни один человек...

Галя. Я умсю. (Садится за рояль и, с трудом двигая пальцами, играет.)

Кузовкин. И как же эта симфония называется?

Галя. Собачий вальс.

Кузовкин. Все-таки для людей покупали. Ладно. Отдыхайте. Пойте. И вообще... растите над собой.

Шура. Дядя Петя, а вы бы с нами какую-нибудь беседу провели.

Галя. На воспитательную тему.

Серго. Например, насчет любви.

Кузовкин. Это можно. Значит, вас интересует любовь к Родине.

Серго. Очень! Только на эту тему мы уже слушали.

Кузовкин. Значит, любовь к нашему заводу, к своей работе...

Голоса. О-ой! Слышали. Не надо.

Кузовкин. О какой же еще любви?

Серго. О самой обыкновенной... которая... такая... необыкновенная!..

(Смех)

Галя. Серго!..

Кузовкин. Можно и об этой. А ну проверить, чтобы у каждого был карандаш. (Достает из кармана блокнот и вырывает листки.) Ну-ка, раздай каждому.

(Галя раздает каждому по листочку.)

Пишем: и что такое любовь?

Галя. А зачем «и»?

Кузовкин. Не надо? Давай без «и». Теперь каждый пишет ответ. Только без шуток. В этом деле шутить не годится. Потом соберете — и мне.

Шура. Подписывать надо?

Кузовкин. Все равно. Вот и разберем: и что такое любовь?

(Тихо. Каждый пишет. Галя обходит всех, собирая бумажки. Только Игорь задумчиво сидит, держа листок в руке.)

Галя. (Подойдя к Игорю) А ты что же?

Игорь. Не искушен.

Галя. Замстно. (Отдает бумажки Кузовкину.)

Кузовкин. Ну, начнем. (Читает.) «Любовь — это когда на душе спокойно-спокойно!»

Галя. (Указывая на Шуру). Ты!

Кузовкин (читает) «Это счастье».

(Все переглядываются, ища автора.)

Дальше (читает): «Сплошная тревога на душе».

Шура. Интересно, у кого это тревога? (Косится на Мишу).

Кузовкин. «Любовь — это когда сердце пост!»

Миша (Серго). Кто же еще?!

Кузовкин (читает). «Что-то очень большое и самое дорогое в жизни». (Читает). «От любви жизнь другой кажется. Жить хочется».

(Все тихо и внимательно слушают и думают.)

«Одно страдание от нее». «Узнаю — тогда напишу. А узнать очень хочется». (Смех.) Вот мы и разобрались — что такое любовь.

Шура. Дядя Петя, а ваш ответ?

Кузовкин. Все вы правы. А я... Да я сам недавно узнал, что это за штука, настоящая-то любовь. Вот когда доживете до моих лет, да когда внук или внучка запустит в волосы пальчики свои да обслонявит беззубым ртом — тогда и поймете. Ну, растите над собой. (Уходит, сопровождаемый добрым смехом.)

(Кто-то включил радиолу. Раздается музыка. Начали танцевать. Ваня танцует с Шурой. Миша отходит в сторону, но вдруг быстро подходит к Ване и отталкивает его от Шуры.)

Миша. Хватит.

Ваня. Ты это кого?

Шура. Мишенька!..

Миша. И если еще дотронешься до нес... подойдешь к ней...

Гая. Миша, как тебе не стыдно?

Миша. Не лезь! Не позволю, чтобы всякий вор, бандога...

Шура. Замолчи!

Ваня. Что ты сказал? Вор? Бандит? (Бросается на Мишу, но в этот момент между ними становится Игорь.)

Игорь. Между прочим, самое глупое положение на суде у свидетеля. Кто бил — знает, за что в суд попал. Кого били — тоже. А при чем же здесь свидетели? Надо же думать о товарищах, о коллективе.

Ваня. Ты еще не видал воров и бандитов. Теперь увидишь. (Уходит.)

Серго. Такой хороший вечер испортил.

Гая. Я думала, ты умнее.

Миша. Ну и ладно. За себя постою. (Идет к двери.)

Шура. Миша!

Миша. Чего?

Шура. Значит, больше не веришь мне? Ничего ты не понимаешь.

Миша. Зато он понял.

Шура. Я тебя никогда не обижала, а ты...
(Через окно видно зарево пожара.)

Серго. Смотрите!

Гая. Пожар!
(Все, кроме Игоря, убегают. Игорь задергивает шторы на окне, тушит свет и хочет уйти, но в это время, не видя его, входит Костя и Таня.)

Таня. Здесь никого нет.

Костя. Вдвоем посидим.

Таня. Зажги свет.

Костя. Сядь, не бойся. (Усаживает ее на диван рядом с собой.)

Таня. Нехорошо. Кто-нибудь войдет...

Костя. Плевать. Что мы — посидеть и поговорить не можем?
(Пыгается обнять ее.)

Т а н я . Только, пожалуйста, не обнимай меня.

К о с т я . Странная ты какая-то. Я же не кто-нибудь. Работаем вместе. Учил я тебя.

Т а н я . Я знаю, что ты хороший, только...

К о с т я . Мы же друзья? Да? Будем дружить?

Т а н я . Как хочешь.

К о с т я . А ты?

Т а н я . Ладно.

К о с т я . Вот и закрепим нашу дружбу. (Обнимает и целует ее.)

Т а н я . Не надо... Я убегу сейчас...

К о с т я . Что ты за девчонка? Кончила десятилетку, а как маленькая.

Т а н я . Ты хотел что-то рассказать мне.

К о с т я . Ну что ж... Давай поговорим. Значит, решила всю жизнь на заводе работать?

Т а н я . Не знаю. Мне здесь нравится.

К о с т я . Учиться надо. В институт идти.

Т а н я . Поработаю несколько лет, а там будет видно.

К о с т я . Вот это верно. Сперва на завод, а потом на учебу. Нам нужны специалисты, прошедшие горнило производства. А что толку от этих желторотиков? Пользы от них, хоть десять институтов кончат, — никакой. И как только не стыдно прямо со школьной скамьи в институт лезть! Другое дело, когда человек поработает года два-три.

Т а н я . Значит, ты в этом году не будешь поступать?

К о с т я . Я — это дело другое. С меня и одного года хватит. Видишь, какой авторитет завоевал! Всем в пример ставят.

Т а н я . А в какой ты собираешься?

К о с т я . Да разве в этом дело?! Неважно, кем быть — важно, каким быть. Меня заметят.

Т а н я . Серго на заочный хочст.

К о с т я . Сравнила! Он для себя живет, а я — для коллектива. Не могу иначе. Должен всю душу отдавать товарищам, с которыми работаю.

Организовать, помочь, газету выпустить, докладик... Чтобы пример во всем брали. Серго! Днем будет работать для себя, вечером учиться — тоже для себя. А когда же для общества, ради которого мы живем? А? Экзамены, конечно, на пятерки мне не сдать. Даже подготовиться нет времени. Но это учтут. Нашей стране нужны такие специалисты, как я, — из рабочих. Дадут характеристику. Ходатайство в институт напишут... Ты помни, что я твой друг. (Обнимает ее.) Учись у меня. Так, чтоб у всех на виду быть. Примерной. На Доске почета. Годика два поработаешь, а там и в институт. К тому времени и я помогу. Как другу... Ведь мы друзья... (Целует ее.)

Т а н я . Не надо.

К о с т я . Ты не бойся... Не бойся...

(Игорь зажигает свет. Таня, закрыв лицо руками, убегает. Костя подходит к Игорю. П а у з а. Игорь, усмехаясь, начинает насвистывать то одну, то другую песенку.)

Тебе чего надо? Чего лезешь, куда не просят? (Пауза.) Хорошая девчонка, правда? Мне, например, очень нравится. (П а у з а.) Все-таки это не по-товарищески, Игорь. Слышишь, что тут двое, зачем же заходить? Я бы тебе не стал мешать. И свет бы не зажигал. Зашел бы тихонько и... ушел. А ты... (П а у з а.) И вообще — какое тебе до нас дело? Учти: трепаться будешь — себе хуже сделаешь. Меня на заводе знают. (И, небрежно кивнув на Доску почета, уходит.)

И г о р ь . (Смотря на Доску почета). Доска почета!
(Опустив голову, входит Таня.)

Т а н я . Игорь,.. мне очень стыдно.

И г о р ь . Стыд — не дым, глаза не сст.

Т а н я . Неправда. Дым глаза сст, а стыд — душу. Пожалуйста, я тебя очень-очень прошу... не рассказывай ребятам. Я больше не буду.

И г о р ь . Вот так вас, цыплят, и покупают.

Т а н я . Ты лжешь! Нас нельзя купить!

Игорь. Да? Я не сказал — за деньги. Маленькая, пойми, что между парнем и девушкой никакой дружбы не может быть. Маскировка! Чтоб обмануть легче. Только любовь дает людям счастье. Когда у человека чисто на душе, он не спешит целоваться, не прячется по углам и не прикрывается словами о дружбе. О чем это я?

Т а н я . Говори. Я слушаю.

Игорь. Слушаешь? Что говорить, если ты не чувствуешь, не видишь,.. не хочешь замечать моей любви... Она не нужна тебе. Не нужна...³⁰

Т а н я . Мне?

Игорь. Можешь быть спокойна. Любовь жертвенна. И я не буду мучить тебя своей любовью. (Декламирует.)

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Звезды станут средь темного свода,
И стоять будет ночь без исхода.
Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И от счастья и муки... порвется...

Т а н я . Ты какой-то странный.

И г о р ь . Все влюбленные — странные. (Садится за рояль и, аккомпанируя себе, поет «Опавшие листья».)

Т а н я . Как ты хорошо играешь...
(Игорь продолжает играть и петь, смотря на нее.)
и поешь...

И г о р ь (играет). Я плохо играю. Но когда ты рядом... Когда я смотрю в твои глаза... Если бы ты знала, сколько отдано тебе мыслей, мечты... Если бы ты могла понять мою душу...

Т а н я . Почему ты так не любишь Костю? Поэтому ты зажг свет? Мне очень жаль тебя. Я же не знала, что ты...

И г о р ь (встает, захлопнув крышку рояля). Вот так вас, дур, и ловят! То на дружбу, то на сказочки о любви... Все старо, известно, измызганно — и все безотказно! Лупаете глазами, хлопаете ушами, а потом... Потом поздно думать. Назад не вернешь. Какис же вы дуры! Так и лезете на всякую дрянь, на всякую дешевку!..

Т а н я (после паузы). Дура. Что правда — то правда. Значит, никому нельзя верить?.. Но как же жить?

И г о р ь . Или больше думай, или... ни о чем не думай. А впрочем, на кой черт мне все это нужно? Не ты первая, не ты последняя.

Т а н я . Я никогда никому не делала зла. За что же мне?..

И г о р ь . А за что другим? Ну, хватит. Живи, как хочешь. Меня это не касается. Начудил... Теперь разговоры пойдут: на рояле играет, поет.

Т а н я . Я никому не скажу. Никому.

И г о р ь (взяв Таню за плечи и повернув к себе). Слушай, цыпленок: если на твоём пути встретятся такие, как Костя... или я — беги. Беги без оглядки!

(Качаясь, растрепанная, входит Галя.)

Г а л я . А вы что здесь делаете? Что тебе нужно от нее? Не смей к ней прикасаться!

Таня. Галя...

Галя. Молчи. Это для вас он непонятная личность, а я давно раскусила. Я ненавижу тебя! Ты только умеешь насмехаться и злословить. Ты никого не любишь, никем не дорожишь! Зачем ты живешь? Зачем ты к нам пришел? Мы не нужны тебе, и ты нам не нужен!

Игорь. По какому случаю на мне злость срываешь?

Галя. Ненавижу таких! Твои товарищи пожар тушили, а ты здесь...

Таня. Он ничего плохого не сделал.

(Галя, опустившись на диван, рыдает.) Что случилось?

Галя. На второй этаж побежал. Через огонь. А обратно не дошел. Лестница под ним рухнула.

(Входит Серго. Грязный от пожара, брюки и рубаха в дырах — прожжены.) Я убжала... Не могла смотреть...

Серго. Все тело обожжено. Только лицо уберег.

Галя. Жив?

Серго. В больницу повезли. С ним Шура посхала.

Таня. Миша?

Серго. Валя.

АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФИЛЕВ (1915 — 1976)

Аркадий Александрович Филев родился 2 февраля 1915 г. в деревне Анциферова Курья Подосиновского района Кировской области (этот район был в составе Вологодской губернии, потом Северо-Двинской, затем Архангельской и только в 1939 г. включен в Кировскую область). По отцу Аркадий Александрович должен был носить фамилию Данилогорский, но его отец погиб на фронте в первую мировую войну. Усыновил Аркадия Александровича Алексей Петрович Филев.

Из детства Филев вынес, как он пишет, «самые яркие воспоминания, полюбил и суровую северную природу, и людей, ко-

торым так трудно доставался хлеб насущный на скудных подзолистых землях».

Окончив семилетку, Аркадий Филев был послан по путевке райкома комсомола на учебу в г. Великий Устюг, в педагогический техникум. В 1933 г. Филев возвращается в родные места и шесть лет работает в с. Шолга учителем истории.

Любовь к языку и литературе побудили Аркадия Александровича поступить на факультет русского языка и литературы Вологодского учительского института, хотя до этого он уже экстерном сдал экзамены за два курса исторического факультета.

В 1939 г. Филев заочно закончил учительский институт и перешел в село Подосиновец, где три года преподавал литературу.

С 1942 по 1952 г. Аркадий Александрович находился на советской и партийной работе. Уже во время войны Филев начинал пробовать свои силы в литературном творчестве. Однако только через семь лет после окончания войны вышел его первый роман «Елена Русанова» (1950 — 1952) в альманахе «Кировская новь».

Читатели и критика неоднозначно встретили роман. Однако, общение с опытными коллегами, обсуждение книги на II Всесоюзном съезде молодых писателей, дружба с известным писателем Юрием Либединым — все это способствовало расцвету таланта А. А. Филева.

В 1954 г. в альманахе «Кировская новь» выходит новая повесть — «В Стрижах», а в 1957 г. — отдельной книгой роман «Свои, талицкие».

С 1952 г. А. А. Филев работал директором Кировского книжного издательства, а с осени 1958 г. был ответственным секретарем Кировской писательской организации.

В последующие годы появились и новые книги — «Математика», «Солнорот», «Живое — живым». Некоторые из его произведений были опубликованы в издательстве «Советский писатель», в «Роман-газете».

В произведениях А. А. Филева смело поднимались острые и серьезные социальные и нравственные проблемы, связанные с разными периодами нашей истории. Богатый опыт, незаурядная наблюдательность, умение обобщить явления, знание народных

говоров и традиций Вятской, Вологодской и Архангельской областей, любовь к родной природе — все это позволило писателю воссоздать широкую и реальную картину действительности.

В 70-е годы А. А. Филев обращается к детской аудитории. Он пишет повести «Демьяново поле» (1974), «Купава» (1975) и рассказы.

7 ноября 1976 г. Аркадия Александровича Филева не стало. Он похоронен в Подосиновце, в родных ему местах, его именем названа местная районная библиотека.

КУПАВА

(Отрывок из повести)

Купава... Милая моему сердцу деревенька, без которой не было бы и меня на свете, не бегал бы я босиком по теплой песчаной дороге, не кувыркался на мягкой шелковистой траве, не рвал на озере белоснежные кувшинки.

Стоит Купава на обрывистом берегу, а ниже, под берегом, притаилось озерко, вправленное в расшитый цветами луг.

Деревенька у нас небольшая и, смотрясь в воду бревенчатыми избами, даже умещается на тихой застоявшейся глади озерка — точно маленького, с детскую ладонку, девичьего зеркальца. По луговому берегу к самой воде подбираются веселые лютики. Куда ни взглянешь, горят они по всему закрайку неистребимыми яркими огоньками короткого северного лета.

Бабушка как-то рассказывала, почему нашу деревню в далекие, незапамятные времена называли Купавой. Будто бы на месте озерка и теперешнего луга, вытянувшегося зеленым языком, протекала Югрка. Деревня стояла тогда на самом ее берегу и отражалась в зеркальной воде, словно купалась. Потому-то и назвали нашу деревню Купавой. А как только река оторвала у противоположного берега выступ и бросилась напрямик к белокаменной, на холме, кладбищенской церквушке, завалило тут речное дно песком да илом. Вместо реки появилось под Купавой неприметное озерко с кувшинками да заросшая хвощом и троелистником старица, или протока, по здешнему — курья. Тут и деревню нашу стали именовать по этой протоке просто Курьей.

«Купава, Купава»... — нередко шептал я перед сном и желал, чтобы она хотя приснилась мне.

На берегу озера сгрудились пять бревенчатых домов... С краю стояли два старинных дома однофамильцев — Россохиных. Дома были ста-

ринные, из толстых бревен, с маленькими квадратными оконцами. Потолки были настланы из кругляшей. В крайнем доме, ближе к озеру и родилась моя бабушка. Она помнила, как еще избы топили «по-дымному». Другой дом, что стоял глаголем, передом на восток, был Степана. Степан в голодный год умер, и хозяйкой дома стала его жена Кузьмовна. В этом доме любили цветы, во всех оконцах горели бальзамстики. За Кузьмовниным домом жил Яков Бессолов.

Напротив Россохиных стоял наш дом, а рядом с нами, вдоль лога, — приземистый с верандой дом Меньшениных. Он был обшит тесом и выкрашен желтой краской.

Этот дом окружали черемухи да рябины, которые хозяева называли солидно садами. В доме когда-то жил владелец, потом он продал все добро. Но дом так и не пришелся к рукам, последний его хозяин был молод и слабоумен, ходил по деревне вроде шальнянского.

Вот и вся деревня, какой я запомнил ее.

И только в двадцать третьем году деревня пошла на прибыль. Началось это с Россохиных. Самая большая семья была у них. У тетки Марфы было три сына и столько же дочерей. Сыновья подросли, женились, и дряхлый дом стал тесен. Кинули жребий. Старшему Сергею достались пустые срубы и стая. Младшим братьям досталось по избе в старом дому. Но те не горевали. Женились они на вдовах с богатым приданым, в тот же год перевезли из соседних деревень новые дома. Петрован поставил пятистенок на месте старого дома, младшенький Костюха построился на краю деревни. За одну весну взлетел у капустников новый дом всем на удивление. Напротив Костюхи крохотный тополек — знак, что хозяин осел тут навсегда. Из всех братьев самым тихим и покладистым был Сергуня, с ним и осталась его мать, тетка Марфа.

Других новых домов в Купаве скоро не ожидалось, пока не подрастут разве бессоловские ребята. У Якова-то Семеновича семь сыновей подрастает. Каждому по дому — семь домов.

«Вот Купава-то разрастется!» — радовался я и прикидывал, где будут строиться Бессоловы, в которую сторону двинется наша деревня.

Над Купавой с восточной стороны нависала огромная, упирающаяся в небо гора, чем-то смахивающая на серую Сергунину папаху.

Гора как бы делилась на три части. Каждая из них называлась по-своему: нижняя часть, или подошва горы, — Кирпичной, здесь стародворские смекалистые мужики нарыли ям и принялись делать кирпичи, средняя — самая непутевая — Кринками, а заросшая лесом макушка звалась Столбом. Если над горой разразится гром, бабы, крестьяне, шептали: «Ишь ведь как Илья-то пророк на колеснице над Столбом катается... Катается да вылетит Илошка из коляски...»

И верно, погремит-погремит пророк, и туча, будто надвое расколовшись, вдруг утратит силу и двумя черными крыльями с ворчаньем уп-

львст на болота. «Вот он, Столб-то... И впрямь, вылетел ведь Илья, голубчик».

От этого Столба вправо тянулась цепь хребтов, похожих на большие серые караваи. Она как бы брала в полукольцо огромную переливающуюся разноцветьем низину с полями, лугами, озерами и предохраняла эту своеобразную чашу от северных ветров.

По хребтам как попало лепились деревеньки — Данилово, Филево, Индалица, Трухино... За деревнями сразу же на десятки верст шли глухие леса и болота. Бабушка моя, Семснвна, считала, что за лесами да болотами начинается край света. На самом же деле верстах в тридцати от нас с Вятки на Котлас проходила железная дорога, или, как ее звали, чугушка. Бабушка, конечно, слыхала от нищих и богомольцев об этой чугушке, но сама никогда не видела ее.

Помимо нашего озерка, в окрестностях было много и других озер, и все безымянные. Различали их по деревням — Выползовское, Грибинское, Ленишинское... Купавское озерко летом с краев зарастало троелистком, белыми и желтыми кувшинками. За ними мы, ребятишки, плавали в дубасах-долбленках на самую глубину, на чистотку, и рвали цветы, чтобы показать дома, какая это красота — кувшинки. Почему-то белые цветы мы звали петушками, а желтые — курочками.

Никто из взрослых не удивлялся этой красоте, растут, ну и растут, хоть и без пользы, но на воде, а не на поле.

Даже бабушка и та к ним равнодушна. Она больше всего ценила широколистый троелисток. Бабушка рвала эту траву летом, потом сушила ее, а когда, случалось, прихворнет зимой, заваривала крутым кипятком и пила ужасно горький, как хина, настой. Прожила она долго, под конец уже начала путаться, сколько ей лет: то ли восемьдесят девять, то ли девяносто восемь. Одним словом, она никому не собиралась уступать свою сотню.

Наша деревня вскоре опять пошла на убыль. Меньшенинский Тимоха однажды в стужу вышел на крыльцо, каким-то образом пристроил крючок изнутри и, взяв его на взвод, захлопнул дверь, а сам остался на улице. Да так и замерз. Об этом рассказывала бабушка.

Все, что можно было тащить от Меньшениных, охотники до чужо-го добра растащили быстро. Я частенько вечерами видел огонь в больших окнах сумрачного неприютного дома, спрашивал мать, кто же там живет. «А никто, — отвечала спокойно она. — Добро меньшенинское растаскивают.. Не гляди... Пусть без нас...»

Она не хотела быть причастной к этому добру, да и бабушка тоже шептала: «Даровое недолговечно, счастья не принесет». Но мне очень хотелось посмотреть на добро. Однажды я не вытерпел и забежал в опустевший, с выбитыми окнами дом. В углу увидел большую грудку уже никому

не нужных книг. Посмотрел книгу с картинками. «Это ведь не добро, а картинки, — подумал я. — Кому они нужны?»

Я начал собирать книги и таскать домой. Бабушка подбадривала: «Таскай, таскай, Аркашик, а то так же сожгут». Мать возражала: «Зачем тебе чужие книги? Будешь учиться — букварь дадут в руки, и читай».

А бабушка твердила свое: «За книжки не заругают, может, пригодятся еще...»

Вскоре дом с верандой перевезли на озеро, в соседнюю деревню.

Осенью, после страды, парни уходили в Красную Армию. Проводы им устраивали торжественные. Вспоминали, как недавно, в гражданскую, отстояли наши, вятские, родной край от беляков-колчаковцев. Уезжали парни в Осинов-городок, что в восемнадцать верстах от нас, на лошадях с подвязанными к дуге колокольцами. И вообще призывники были на особом положении, по неделе, по две отдыхали — «некрутились», нарядные разъезжали на лошадях, запряженных в тарантасы, пели под гармошку песни. Раньше, бывало, рассказывала бабушка, парни уходили в «ратники» на двадцать пять лет, а теперь чего же — легкая служба, на три-четыре годика, но все равно погулять перед уходом в армию надо, с девушками попрощаться.

Подошла пора призываться и Алешенции — так ласково называла Кузьмовна сына.

Алешенция спокойно дождался положенного дня, пораньше встал, оделся и отправился на призывной пункт.

— Пешком-то в такую даль? — удивились было бабы. — Лошади, что ли, Кузьмовна пожалела?

— А пеуж не дойдет такой парень? — ответила соседкам старуха.

Алешенция, верно, был высок и широк в плечах.

Вечером он вернулся домой и сообщил, что его взяли в морской флот. Все изумились — в морфлот брали редко, из Купавы никто никогда не имел чести служить там. Бабы и мужики Алешенцию поздравляли, называли его теперь по имени-отчеству Алексеем Степановичем, а мы, ребятишки, ходили за ним по пятам. «Эвон какой человек у нас появился. У флотских одна одежда чего стоит». Я одного флотского как-то в селе видел и одежду его запомнил: на голове картуз без козырька, только ленточки трельхаются за плечами, а на концах ленточек — якорьки. На пиджаке горят, будто золотые, пуговики. А брюки внизу широкие, одним словом, брюки клеш. Хотя Алешенция ходил в своей одежде, но скоро и ему выда-

дуг. Я радовался и завидовал. Смотрел на свой старенький картуз: нельзя ли и мне отрезать козырек и приделать к околышу ленточки? Но неизвестно, как еще на это посмотрят мать и бабушка.

Однажды к Кузьмовне на крыльцо собрались мужики посидеть с будущим моряком. Сидел и смотрел за деревню Алешенция, мечтательно разглядывал мохнатый Столб, будто прощался с ним.

— Слышь, Костюха, отчего это ухабы да горбы на земле экие выросли? — спросил он.

— Где горбы?

— А вон, на Столбе-то...

— Не у нас одних. Петька наш рассказывал, в Карпатые тоже, как у нас, горб на горбу.

— Много видел ваш Петька, — возразил кто-то из мужиков. — Петрован ваш, говорят, шел в обозе с молотком да каблуки генералам подколачивал.

— А куда бы ты по такому Карпатыю без каблуков ушел?

— В Карпатах прежде всего каблуки, — поддержал Костюху Степан Орефьич, уже успевший где-то пропустить рюмочку. — Если говорить...

Все примолкли: Степан знает, он человек бывалый, жил до войны в Питере, потом в Мурманске, ходил в море.

А Степан Орефьич разгладил рыжую бороду ручищей, хитровато оглядел всех.

— Могу и про горы пояснить. Тут такое дело, братцы. В тот год дожди сплошные шли. Поднялись кругом моря. А на морях известно что... Вот увидит Алексей. Взять хотя бы в Мурманске океан... Лед сплошняком толщиной в несколько сажен...

— У-у-у, — переглянулись мы с Колей, дружкой моим.

— Вот и сказываю, вода подняла на себе этот лед и двинула на нас, на делов и праделов наших. И пошел этот лед землю грешную строгать. Где подравнял, а где и холмики оставил.

— А из горы-то Столбовой клочки бьют, — сказал вдруг я неожиданно. — Вода холоднющая и железом пахнет.

— Как же ей не пахнуть, — согласился Орефьич. — Не только железо, и золото может быть в таких горах. В Сибири-то как бывало... По

крупницам вымывают золотоискатели песчинки золотые. Даровые денежки...

«Может, на Столбе тоже...» — подумал я и кивнул Коле. Мы сорвались с места и побежали домой. Договорились никому не рассказывать, а сразу же пойти с ведрами за золотым песком. Вон гора-то какая. Как же не быть там ему!

Взяв лопаты и ведра, мы тайком вышли за деревню и направились к Столбу, в тот самый Студенецкий лог, где из-под земли ключи бьют. В логу этом прохладно, кругом сырость да мочажины. Дошли до ключа. Вода, верно, холодная и прозрачная, стоит в омутку, как в большом блюде. И что удивительно, откуда-то снизу она бурлит и выбрасывает песчинки.

Опустили руки в холодную воду, зачерпнули ладошками песок, пошохали, бросили в ведро. Потом забрели в воду, потоптались, стараясь закрыть ключик. А он будто живой — бурлит и бурлит...

— Не провалиться бы...

— Давай копать, Колька.

Копали долго, а золота что-то не видать... Да и какое оно, это золото? А ключик по-прежнему как живой, так и кипит. И опять Колька сказал с опаской:

— И впрямь, не провалиться бы...

— Куда?

— В дыру-то эту... Давай лучше лопатой черпать песок. Высушим, может, и зазолотится он.

И начали черпать.

Вечером дома спохватились нас. С ног сбились, а пайти не могли. И тут вспомнил наш Алешенция: а не за золотом ли ушли ребята?

— За каким еще золотом? — удивилась моя мать.

Однако идти ночью на Столб боязно, не ровен час, нарвешься на волков. Алешенция взял фонарь, и пошли на поиски всей Купавой. От каждого дома, как и полагается в таких случаях, по человеку выделили. Долго искали нас, тремели колоколом, кричали, но мы так ничего и не услышали. Только под утро обнаружили нас в Студенецком логу: «золотоискатели», прикорнув под деревом, преспокойно спали. Рядом стояли два ведра с драгоценным песком. Сверху песок был аккуратно прикрыт широкими листьями папоротника.

«НЕДРЕМЛЮЩЕЕ ОКО» (О местной цензуре)

В. Н. Лузянин

В России цензуру, как орган, осуществляющий надзор за информацией, зрелищными и другими видами искусств, включая и литературу, ввела Екатерина II.

В XIX веке вятская, да и вся российская цензура, осуществляла контроль за изданиями, типографиями, театрами с целью не допустить крамольных идей социал-демократического толка. История вятской цензуры еще ждет своих исследователей.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. отменила цензуру, однако после октябрьского переворота, при Советской власти, в двадцатых годах, цензура вновь становится частью системы государственного надзора. Она носит название Главлит, за этой аббревиатурой скрывалась система тотальной проверки на благонадежность всей творческой, научной и прочей информационной деятельности советского человека.

В г. Вятке цензура существовала с двадцатых годов. Главная задача, которую декларировала цензура, якобы защита военной и государственной тайны в местной печати, на радио, а затем и на телевидении. Конечно же, главной целью цензуры в советское время было пресечение инакомыслия, идеологический контроль. Работники цензуры осуществляли предварительную проверку на благонадежность на стадии подготовки книг, альманахов, журналов, газет, радиопередач и телепередач. Предварительному контролю подлежали выставки, а после выставок даже просматривались книги отзывов. Проводился систематический контроль за спектаклями, концертами, для этого в театрах и филармонии было выделено постоянное служебное место, кстати сказать, второе место рядом принадлежало КГБ.

Работа по идеологическому контролю Вятского, а затем Кировского обллита, в 60-е годы он стал называться Управлением по охране военных и государственных тайн в печати, проходила под неусыпным контролем обкома партии, хотя формально Облит считался отделом исполкома.

Кировские цензоры проводили большую профилактическую работу по идеологическому контролю, и Управление считалось одним из лучших в России. Основу этой работы составляла система насаждения страха прежде всего среди работников книж-

ного издательства, редакций газет, радио, телевидения. Идеологические вмешательства согласовывались с ответственными работниками обкома партии и становились предметом обсуждения с руководителями идеологических учреждений.

Обком партии и другие партийные структуры использовали цензуру в качестве пугала, снимали и запрещали неудобные им материалы, ссылаясь на цензуру. Пользовались этим приемом и работники издательства и редакций, авторов запугивали цензурой и не принимали к публикации рукописи.

Вятские цензоры изымали из библиотек книги «врагов народа», диссидентов, уехавших за границу, идеологически «вредные» издания, следили за тем, чтобы не исполнялись песни опальных авторов, чтобы местные авторы не высказывали крайние мысли.

Долгие годы Кировское управление возглавлял Н. И. Мордовский (1903 — 1989). Его любимым изречением было: «Смелость города берет, а бдительность их бережет». Бдительность, а проще сказать страх — «кабы чего не вышло» — довели над всем издательским процессом.

Иногда работники Кировской цензуры демонстрировали свою «бдительность» таким образом: в 1958 г. в местном издательстве вышла книга начинающего писателя В. А. Ситникова «Ищу призвание», цензура наложила такое заключение: «книга идейно порочная». Два года шло обсуждение этой книги на разных уровнях, но Главлит не издал приказа об изъятии книги Ситникова. Это был типичный случай перестраховки местной цензуры, желание прежде всего начальника Управления попугать в очередной раз местную творческую интеллигенцию.

Серьезные столкновения с местной цензурой были у писателя Б. А. Порфирьева. Его главные книги посвящены спорту, кажется, чего тут можно написать «нецензурного»? В основу своих книг о борцах Борис Александрович положил события, связанные с Октябрьской революцией в Вятке, Петербурге. Она дана глазами одного из героев романа и отличалась от общепринятого глянцевого изображения. Цензура предложила снять две страницы из верстки книги. Цензоры, как правило, не вступали в контакт с авторами произведений, а свои замечания высказывали редакторам издательства. Но Б. А. Порфирьев работал в издательстве, и он вступил в полемику с начальником Обллита, отстаивая свою точку зрения, авторские права на изображение, пусть даже исторического события. Но цензура получила полную поддержку об-

кома КПСС, и две страницы текста были изъяты как идейно порочные.

На рукопись повести молодого кировского литератора Л. Пушкарева «Остаюсь у великанов», в которой он остро описывал жизнь и даже позволил себе критиковать Н. С. Хрущева, кировская цензура наложила такую резолюцию: «Повесть совершенно не пригодна к печати по идейно-политическим мотивам». Однако благодаря стараниям редакторов издательства, все острые места, отмеченные цензором, были сняты, смягчены, исправлены, и спустя несколько лет, повесть вышла в свет.

С подобными формулировками запрещались, не проходили через цензуру некоторые рассказы, пьесы, стихотворения, воспоминания местных авторов. В других — снимались отдельные страницы, фразы.

Например, в воспоминаниях М. М. Решетникова о встрече с В. В. Маяковским в одном из изданий цензура сняла упоминание о том, что у Маяковского был револьвер.

Работники цензуры читали все, что издавалось в области, — от книг до входного билета в театр и программки. Часто вмешательство цензоров носило дилетантский характер, больше похожий на придирки.

Существование цензуры по идеологическим вопросам наложило тяжелый отпечаток на творчество некоторых местных авторов. Они старались обходить острые проблемы, замалчивали темные стороны реальной жизни, не могли высказать откровенно свои мысли.

Однако были у кировской цензуры и заслуги, например, в 1942 г. в местном издательстве с разрешения цензуры вышла книга известного поэта, прозаика и драматурга, друга С. А. Есенина А. Б. Мариенгофа «Поэмы войны». Творчество этого писателя в 30-е годы было под запретом, его книги, кинофильмы по его сценариям изымались и не разрешались.

Спустя почти пятьдесят лет кировская цензура разрешила впервые в СССР издать сборник стихов З. Гиппиус «Последние стихи», который до этого издавался в России только один раз в 1918 г., когда не было цензуры.

В феврале 1992 г. в Кировской области перестало существовать Управление по охране государственных тайн в печати. Фактически цензура была ликвидирована во всей России.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОРФИРЬЕВ (1919 — 1990)

Борис Александрович Порфирьев родился 24 июля 1919 г. в Советске, в семье служащего. Вскоре семья переезжает в Вятку. Любовь к чтению и литературе у Порфирьева воспитывали с детства и отец, выпускник Дерптского университета, собравший хорошую библиотеку, и мать, и сестра. Школьные годы — самые запоминающиеся. Порфирьев, как и все дети того времени, следил за мировыми событиями и событиями внутри страны, отклики на события представлял в стенгазетах. Любил рисовать, как он вспоминал, — иллюстрировать свои и чужие книги. Но не только книги, рисование увлекали молодого Бориса Порфирьева, он был задлым футболистом, играл в хоккей, волейбол, теннис.

После окончания школы Борис Порфирьев поступил в Литпросветинститут им. Крупской на музейно-краеведческий факультет. Этот Ленинградский институт был расформирован, и Порфирьев переведен со всем курсом на исторический факультет университета. Учебу он совмещал с работой: в литейном цехе «Электросилы», а во время войны — фрезеровщиком и строгальщиком на заводе «Красный инструментальщик», Борис Александрович упорно добивался, чтобы его призвали в армию. В 1942 г. он на Ленинградском фронте.

Жизнь в Ленинграде, учеба у прекрасных педагогов, жизненный опыт рабочего, солдата стали хорошей школой на литературном пути. Писать Порфирьев начал на фронте, его стихи, очерки, небольшие рассказы печатались в различных газетах. Началом же творческой биографии сам Борис Александрович считал публикацию цикла рассказов в 1945 — 1946 гг. в журнале «Огонек».

Рассказы «Костер на льду», «Синеглазое счастье» привлекли внимание не только читателей, но и критиков.

В 1947 и 1950 годах Порфирьев был участником первого и второго Всесоюзных совещаний молодых писателей. В эти годы писатель обращается к очень интересной и, можно сказать, неразработанной теме — теме спорта. Люди спорта у Порфирьева всегда живут полной жизнью, они не оторваны от общих забот, бед, радостей.

В течение многих лет Борис Александрович работал в Кировском книжном издательстве.

За 30 лет литературной деятельности у Бориса Александровича вышло более 30 книг, это и книги, посвященные спорту: «Мяч в сетке», «Цветы получает победитель», «И вечный бой...», «Рекордная высота», «Летающая надо льдом», трилогия «Бенефис Ефима Верзилина», «Цирк «Гладиатор», «Чемпионы»; и роман о людях большого современного завода «Память сердца», и документальные повести «Золотая шина», «Хозяин кладовой солища».

Умер Борис Александрович Порфирьев в 1990 г., оставив после себя произведения, в которых оживала не только история давняя, но и история нашего времени.

БЕНЕФИС ЕФИМА ВЕРЗИЛИНА

(Отрывок из повести)

Верзилин вернулся в номера в великолепном настроении; быстро уснул. Снилось что-то хорошее, а что — не мог припомнить. Утром встретились с Никитой.

По Раздерихинскому спуску Никита шел, как хозяин. Почти на каждом шагу слышалось:

— Здорово, Никита!

— Сарафанникову поклон!

— Заглядывай, друг!

— А-а! Братуша!

Никита жал руки, кивал головой, махал ладошкой.

У парома — толпа. Мужичишко в зипуне бился над телегой — застряла колесами в настил. Никита подошел, растолкал толпу, поплевал на руки, раз! — телега вместе с железной бочкой оказалась в воздухе.

— Ай да Никита! Одно слово — богатырь. Знай паших!

Мужичишко запустил пятерню в бороду, слов от изумления не может найти. Никита хлопнул его по животу, подмигнул. Крутом смех:

— Чо пузу выставил? Говори мирси нашему Никите.

Верзилин увидел: это вчерашние грузчики; опять в «слизень-мазень» играют. Покосился на бревно — лежит в глине, родничок под ним бьется, бабочка-капустница уселась на отскочившую бересту.

— Здорово, братцы, — Никита присел рядом с ними, повернулся к Верзилину, объяснил грузчикам: — Борзец знаменитый. Ефим Николаевич зовут. Меня учить будет бороться.

— Наше почтеньице, Ефим Николаич! Прощенья просим, обидели вас вчера. Ну, ничо, свои люди — сочтемся. Присаживайтесь.

Лохматый расплылся в улыбке, смахнул сор с реденькой травки:

— Дык што? По цирковой части, значит, изволите? Дело стоящее, антиресное.

Другой сказал, потягиваясь:

— Люблю борьбу — страсть. Мне бы вашу али Никитину комплекцию...

Верзилин сел, шутливо ткнул парня в плечо:

— Ну, у тебя комплекция тоже неплохая.

— Дык оно, конечно, — обрадовался тот.

Никита взял пожик, ловко воткнул его с оборота в землю, поднялся, сказал Верзилину:

— Посидите, я скоро.

Лохматый предложил почтительно:

— Не хотите ли сыграть, Ефим Николаич?

Верзилин согласился. Первые две фигуры получились, третья нет.

Грузчики принялись услужливо объяснять, как держать пож, как взмахивать рукой, как прицеливаться:

— Вот, Ефим Николаич, так. Этак пальчики, а клиночик сюда. Самое главное — вовремя разжать руку. Вот-вот. Распрекрасно. Еще разок. Вам — вне очереди. Хорошо. Прямо распрекрасно.

— Ну, давайте по-честному, фору мне не надо. Вы по разу, и я по разу. Идет?

— Идет, Ефим Николаич.

Лохматый взял ножик и пошел, и пошел выдѣлывать им фигуры: с каждого пальца, с голого локтя, с подбородка, со лба, даже с носа. Зеваки собрались, смотрят, подбадривают.

Солнце над лесом, по серой воде — золотая дорожка, волны взблескивают, дымок над пароходной трубой светленький. Мальчишка выхватил из-под лодок рыбешку, она сверкнула на солнце, шлепнулась на берег. Стрекоза вздрагивает над одним и тем же местом. Божья коровка села на рукав. Верзилин снял ее осторожно, посадил на ладонь; она распахнула крыльшки, взвилась, покружилась, села на нос лохматому, пока он наце-

ливался пожилом. Сведя большие плутоватые глаза в одну точку, он осторожно взял ее толстыми грязными пальцами и протянул Верзилину, сказав:

— Ишь, шельма, улстеть хотела.

Верзилин снова посадил ее на ладонь. Сиди, хорошая сиди красавица.

В толпу протиснулся мальчишка — в руках букет полевых цветов.

— Не продашь? — спросил Верзилин.

Мальчишка шмыгнул носом, почесал голое пузо, отступил за людей. Тогда лохматый зыкнул на него:

— Оглох? Отдай цветы Ефиму Николаичу.

Малец сунул букет Верзилину. Верзилин дал ему пятак. Лохматый ужаснулся:

— Пятак? Да вы што? Ефим Николаич? Копейка — красная цена в базарный день... Отдай, отдай назад.

Верзилин не взял, погладив мальчика по голове, легонько щелкнул по курносому носу. Подошла очередь играть, вздохнул. Раз! — пожик воткнулся. Два! — воткнулся. Третий раз не получилось. Ничего не поделаешь — проиграл. Грузчики забили нож в землю — до отказа. Надо вытащить зубами. Назвался груздем — полезай в кузов. Верзилин снял визитку, стал на колени — начал захватывать ручку ножа зубами. Не получается, земля в рот попадает. Кругом смеются. Есть! Вцепился. Готово!

— Ай да Николаич! Молодчага! — похвалил лохматый.

— Свой парень! Недаром Никита с тобой дружит.

Подошел старик в поддевке и сапогах, с удивлением посмотрел на Верзилина, на всякий случай поклонился. Стал уговаривать парней: приходит пароход, груз — срочный, деликатный, может испортиться, разгрузить надо быстро, плата — двойная.

Верзилин вдруг вспомнил зимний пожар, гладиатора с огромным шкафом на спине, два часа тяжелой работы; захотелось поработать бок о бок с этими парнями. Но он сдержал себя, пожал им на прощанье руки, стал ждть Никиту. Выдернул из букета один цветок, понюхал — не пахнет...

Вскоре пришел Никита. Поднимались в гору медленно, разговаривали. На Николаевской улице увидели афишу: «Синематограф «Коллизей». Перед вечерними сеансами выступает король цепей Ян Пыгля».

Верзилин усмехнулся, покосился на Никиту.

Синематограф только что открылся. Говорили, что он был одним из крупнейших в России, и хозяин его — Румянцев, обслуживающий такую громадину один с женой и свояченицей, делал все, чтобы повысить сборы. Публика к нему так и валила, несмотря на дорогие билеты.

Под звуки марша, выбиваемого из рояля румянцевской свояченицей, огромный Ян Пытля, облаченный в греческую тунику, золотую каску и веревочные туфли, выходил на помост. В течение десяти минут он разгибал небольшие подковы, гнул монеты, рвал цепи; потом обращался к пораженной публике с предложением бороться на поясах. Все опускали глаза. Желаящих не оказывалось... Ни Ян Пытля, ни хозяин синематографа — Румянцев не были дураками; прежде чем начать эти гастроли, они дождались отъезда атлетов из Вятки...

Так было четыре дня. На пятый после привычно-равнодушного призыва Пытля к сцене подошел здоровенный детина в белой косоворотке, расшитой васильками, и заявил, что он принимает вызов.

Пытля отвернулся в сторону, словно не видел парня, и, торопливо застегивая тунику бронзовой брошкой, изображающей львиную морду, пошел с помоста.

Парень в рубашке с васильками повторил свои слова. Но таперша забарабанила по клавишам изо всех сил, стараясь их заглушить.

Кто-то из публики запустил в Пытлю отрывком булки:

— Сдрейфил! Фюить!

Пытля обернулся. И тогда в наступившей тишине на весь зал раздался дребезжащий голосок шупленького старичка:

— Ты герой, видать! Против овец молодец, а против молодца — сам овца!.. Хвати тя за холку!

— Братцы! — закричал кто-то радостно. — Да ведь это Никита Сарафанников!

— Действительно — Никита! — обрадовались в другом конце зрительного зала.

Пытля угрюмо посмотрел на возбужденный народ.

— Давай, давай, не трусь! — подбодрил его кто-то.

— Не трусь, не трусь, сейчас тебя наш Никитка разделает, как бог черпаху!

— Под орех!

Из-под экрана выглянуло испуганное лицо с вздохмаченными волосами, взглядом поманило Пытлю. Тот, наспуившись, подвинулся на

шаг, затем перевел взгляд на Никиту, показал глазами на кулисы (дескать, иди, раздевайся) и спустил с плеч шелковую туннику. Ждал.

Когда Никита выскочил на помост, Феофилактыч ударил себя в коленку и с самозабвением воскликнул:

— Исех, Никитушка! Знай наших! Кашу слопал — чашку об пол!

Из-за кулис выбежал лохматый человек, протянул борцам по поясу с ручками. Его шуплая фигурка бестолково металась вокруг Никиты и Пытлю; он помогал надеть пояса, отскакивал в сторону, снова подбегал.

Борцы стали друг против друга, взялись за специальные ручки, пришитые к поясам, уперлись — плечо в плечо..

Никита приподнял Пытлю, да так резко, что ручки не выдержали огромного веса и оборвались. Пытля грохнулся на дощатый помост, прикрытый пыльным ковриком.

Лохматый был уже тут как тут. Подняв руки противников, вытягиваясь на цыпочки, прокричал, стараясь заглушить шум:

— Ввиду колоссальной силы вятского богатыря Никиты Сарафанникова не выдержал реквизит. Борьба переносится на завтра перед всероссийскими сеансами!

Не выпуская Никитиной руки, он пошел с ним за кулисы, оставив Пытлю одного натягивать свою греческую туннику.

Верзилин бросил на ходу Феофилактычу: «Сиди», поднялся с места, прошел по проходу, перескочил через ступеньки и скрылся за экраном.

Он угадал, в чем дело, и, кланяясь хозяину синематографа, сказал:

— Хорошо, мы согласны на ангажемент. Каковы ваши условия?

Виляя глазами, Румянцев ответил, не задумываясь:

— Двадцать пять процентов со сбора. Выступление перед двумя сеансами.

— Это слишком дешево.

— Кабы боролись вы, я бы дал больше. У Никиты же имени нет.

— Положим, моего имени вы не знаете, — сухо оборвал его Верзилин. — А в Никитиной популярности вы убедились сейчас. Афиши же вам сделают огромный сбор.

— Имя Верзилина известно всем любителям борьбы... А если бы я не был уверен в популярности Никиты, я бы не ангажировал его, — ответил Румянцев, прислушиваясь к шуму в зале.

— Ладно, мы согласны. А сейчас скажите мне: ручки были подпорты?

— Конечно. Я подпорол их на ходу, да перехватил через край. Я рассчитывал, что борцы успеют повозиться... Только не говорите об этом Пыгле. Мне придется урезать его гонорар — ввиду малой популярности.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ АРДАШЕВ (1919 — 1983)

Михаил Александрович Ардашев родился 1 декабря 1919 г. в д. Ворончи Нолинского уезда Вятской губернии. Окончил школу колхозной молодежи, был на комсомольской работе. В 1939 г. он, заместитель редактора районной газеты, был призван в пограничные войска.

В составе Ново-Петерговского военно-политического училища летом 1941 г. участвовал в обороне Ленинграда. Воевал на I Украинском фронте, был дважды ранен. За участие в боях М. А. Ардашев награжден 9 медалями, в том числе двумя медалями «За боевые заслуги».

После Великой Отечественной войны М. А. Ардашев служил на западной границе. Первые очерки и рассказы он печатает в журнале «Пограничник», в сборниках, изданных во Львове. Михаил Александрович работал в окружной пограничной газете, затем окончил Львовский университет им. Ивана Франко.

С 1953 г. Ардашев работает в газете «Кировская правда», был ответственным секретарем Кировской организации Союза журналистов.

В Кирове выходили его книги «Дорогие памяти места» (1962), «Рассказы о пограничниках» (1962), «Дорога сквозь смерть» (1967), «Дорога длиною полвека» (1972), «Фронт без окопов» (1966), «Милая дама. Фельетоны» (1974). Он также был одним из составителей сборников «Звезды Славы» (Киров, 1970), «Герои Советского Союза-кировчане» (Киров, 1973 — 1978).

Умер М. А. Ардашев 27 марта 1983 г.

СКВОЗЬ СМЕРТЬ

Мишель принимает гостей

Гости приходили поодиночке. Сходились одни мужчины, все в одинаковой «униформе» из хлопчатобумажной ткани с широкими продольными темно-синими полосами вперемежку с такими же широкими белыми полосами.

Мишель-гросс, растерянный от такого внимания к нему, встречал гостей у входа. Поздравляя с юбилеем, они встряхивали его крупную руку и, молча, тяжело опускались на бумажные матрацы, усаживались в кружок.

Как и полагается в таких случаях, юбиляру подносили подарки. Исполненный простым карандашом на листке, вырванном из канцелярской книги, семейный портрет со словами: «За сходство не ручаюсь, но прошу принять» вручил Мишелю его давний приятель и сосед по блоку Царегородцев. Рисунок пошел по рукам, и все хвалили его, признавая чуть ли не величайшим произведением графики. Автор был польщен. Еще бы! Ведь он рисовал, можно сказать, вслепую. Из трех членов семьи он знал только одного Мишеля, ни жены его и ни дочки даже в глаза не видел. Он изобразил их такими, какими они предстали в его воображении из рассказов Мишеля. Если еще учесть, что и сам отец никогда не видел своей четырехлетней дочери, то можно представить, какого портретного сходства достиг этот смелый художник. Зато юбиляр у него вышел как в натуре: тот же широкий с залысынами лоб, крепкие скулы, крутой подбородок с небольшой ямочкой — воплощение спокойствия, невозмутимости, рассудительности.

Гости хвалили рисунок, полагая, очевидно, что все, кто тут изображен, так же похожи на себя, как и юбиляр. А Мишель и не пытался разочаровать их. Зачем? Пусть люди хоть ненадолго отвлекутся, отдохнут душой от того, что их окружает и постоянно гнетет. Да и стоит ли обижать Царегородцева, нарисовавшего портрет из самых дружеских побуждений.

Чех Голуб по заказу Мишеля-кляйна смастерил юбиляру деревянный портсигар, на крышке которого акварельными красками были искусно изображены ворота и башни лагеря. На обратной стороне крышки вертикально стояли четыре буквы, соединенные стрелкой «ОМ-КМ». А Георгий Архаров по случаю юбилея сочинил стихи. Правда, стихи не ахти какие — в прошлом их автор увлекался больше футболом, чем поэзией. В память о жарких футбольных баталиях он носил под глазом шрам, который всегда бледнел в минуты волнения. Вот и сейчас шрам сделался мертвенно-бледным, а Георгий, подражая поэтам, стал читать нараспев:

И вот тебе сегодня тридцать,
И не знаешь ты, наверно, сам:
Горевать тебе иль веселиться
Наступившим тридцати годам.

Архаров читал вполголоса, чуть склонившись в сторону Мишеля. В стихах говорилось о том, что думает и переживает сегодня Галина — жена

Мишеля, с какой грустью смотрит она на помещенную в рамку фотографию мужа, и как маленькая дочка, несмышлениш, беспрестанно допрашивает ее: «Мама, мама, где наш папа?» А мать

Смахнет слезу с ресницы
И ответит ей: погиб,
Дочурка, на границе.

Когда Архаров кончил читать, Мишель отвернулся, чтобы скрыть закипевшие на глазах слезы. Из груди его невольно вырвался глухой стон. Закусив до крови губу, Мишель сидел, сгорбившись, а сжатые в замок руки, дежавшие на коленях, словно током била мелкая дрожь.

Все молчали. Каждый был погружен в свои воспоминания, которые вызывали жгучую тоску. Но, к счастью, тягостное молчание продолжалось недолго. Его нарушил опоздавший повар Никульшин.

— У вас тут что, именины или похороны? — воскликнул он, ставя на матрац в середину круга полный котелок картофельного пюре. — Что это вы носы повесили? Доставайте ложки! Да поживее. Пока блокового нет.

Гости оживились. Обращаясь к Мишелю, принялись сыпать шутками:

— О, да у тебя шикарный стол!

— Жаль, выпить нечего.

— Да, не мешало бы пропустить по маленькой.

— Не тужи, наша выпивка вся впереди.

— Живы будем, так не умрем, а не умрем, так на следующих именинах пропустим по большой. А теперь ближе к делу.

Гости разошлись по своим местам и улеглись спать довольные. Мало сказать — довольные. Счастливые! За те полчаса, что им удалось провести в углу у Мишеля-гросса, они вновь почувствовали себя людьми, ощутили локоть друга.

— Это хорошо, что мы собрались вместе, — засыпая, сказал Мишель-кляйн. — И вообще, земляк, именины у тебя вышли хорошие. Во всяком случае, лучше, чем у меня.

Месяц назад они отмечали двадцатипятилетие Мишеля-кляйна. Сбросили несколько верных друзей в умывальнике, торопливо поздравили его с днем рождения — и все.

Ночь воспоминаний

Туго свитым клубком в дальнем тайнике хранились у Мишеля впечатления от прожитых тридцати лет. Но вот сегодня друзья дернули за

кончик, и начал раскручиваться клубок воспоминаний. Уже давно спят соседи Мишеля справа и слева, а он все никак не сомкнет глаза.

...Чудится ему, будто где-то стрекочет швейная машина. Это отчим, склонившись, строчит воротник пальто. Мишутка сидит рядом, порет шов у старых брюк, принесенных кем-то из односельчан для перелицовки. «С одной стороны, мы люди маленькие, незаметные. Наше дело такое: шить да пороть, — философствует отчим. — А с другой стороны, мы на первом счету. Кто людей одевает? Мы, портные. Так что ты, Михаил, выкинь из головы эти свои буквари и обучайся портновскому ремеслу, потом спасибо мне скажешь». Мишутка громко сопит. Он себе на уме. Ему не по душе «шить да пороть», ему хочется учиться, бегать в школу вместе с другими деревенскими ребятами. Вечером за печкой Мишка начинает досаждать матери, чтобы она вступилась за него, уговорила отчима отдать его в школу. На другой день повторяется то же самое и на третий... И он добился-таки своего.

Отбушевали метелями четыре зимы. Наступила пятая. И снова Мишка переступает порог школы, только на этот раз уже не в деревне Нежур, расположенной в шести километрах от его дома, а в поселке Санчурск. Там школа второй ступени. Днем он сидит за партой, вечером таскает хозяйке воду, дрова. Ничего не поделаешь — квартирант!

Прочил отчим сделать Михаила первым портным в округе, а тот стал первым из деревни учителем, первым директором начальной школы...

(...)

Лестница смерти

Колонна вытянулась в цепочку по одному. Заключение подходит к груди камней. Каждый взваливает на плечо камень и идет к лестнице. Доходит очередь до Кузнецова и Опалева. Мишель-гросс берет серый продолговатый камень — не очень большой и не очень маленький, а средний, как учили товарищи. Продолговатый удобнее поддерживать, но у камня шероховатая поверхность, и острые выступы больно режут плечо. Хорошо бы переложить камень поудобнее. Но нельзя. Силы надо беречь — лестница длинная и крутая.

Мишель ставит погу на первую ступеньку. Мимо него пробегают в обратную сторону человек пять. Взятые ими камни оказались капо недостаточно крупными и, отхлестав плеткой, он прогнал их с середины лестницы за другими.

Чтобы как-то отвлечься от давящей боли, Мишель начинает считать ступени.

— Пять... шесть... семь...

Взмокла спина. Едкий соленый пот струится по лицу, щиплет глаза.

— Двадцать... двадцать один... двадцать... два...

В голове шумит. Кровь толчками бьет в виски.

— Сорок восемь... Сорок девять...

В горле застрял раскаленный комок. Он горит, перехватывает дыхание, жжет грудь.

— Семьдесят... четыре... пять... шесть...

Мишель чувствует каждую свою жилку. Они дрожат, словно натянутые струны и, кажется, вот-вот лопнут. Где-то сзади, внизу, хлопают выстрелы — значит, кто-то упал от непосильной ноши. Упал в последний раз. «Огмутился», — механически отмечает Мишель.

По оставшимся непройденным ступеням труп проволокут наверх, утащат к пылающим печам крематория, изготовленным, как узнает потом Мишель-гросс, по строгим техническим расчетам немецкой фирмой в Висбадене «Топф и сыновья». Владелец этой фирмы, расхваливая свою продукцию, еще в 1941 году докладывал Гиммлеру: «В кремационных двойных муфельных печах «Топф», работающих на коксе, в течение примерно 10 часов может быть произведена кремация 30-35 трупов. Упомянутое число трупов может сжигаться ежедневно, не вызывая перегрузки печи. Не беда, если по условиям производства кремация будет производиться непрерывно днем и ночью».

Топф не обманул Гиммлера. В Маутхаузене печи крематория дымилась день и ночь.

Ступени, ступени... Сколько их еще осталось? Скоро ли будет конец? За спиной опять слышатся выстрелы. Перед глазами плывут темнокрасные круги, то пропадают, то вновь появляются зыбкие ступени лестницы.

— Девяносто один... — продолжает считать Мишель. — Нет, семьдесят один... А может, все-таки девяносто... Э, черт! — он покачнулся, с трудом удержался на ногах.

Нет уже на лице пота. Высох. Исыкли силы. Руки онемели. Кажется, что сердце поднялось и колотится где-то в горле.

Шаг... еще шаг... «Больше не могу», — в отчаянии думает Мишель. Но он все-таки делает еще шаг... еще...

Наконец-то сброшен камень с плеча. Нет, не камень, а целая гора.

Вечером, укладываясь спать, Мишель-кляйн говорит Мишелю-гроссу:

— Сколько раз пытался сосчитать ступени — не мог.

— Я тоже не мог, — признается Мишель-гросс. — Спрашивал у других, все говорят по-разному.

Ступеней было 186. По ним носили камни, из которых изготавливались могильные плиты и надгробья для немецких кладбищ. Заключение безвестно умирали на лестницах, замертво падали от пуль и ударов палачей, за то, чтобы добытые в камноломне камни увековечили чьи-то могилы.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ УСТЮГОВ

Анатолий Михайлович Устюгов родился 3 марта 1921 г. в починке Паршино, недалеко от Вятки. Детство его прошло в г. Нолинске, Вятских Полянах, а с четвертого класса — в Вятке. Анатолий Устюгов в школе увлекся биологией, с большим интересом занимался в юннатском кружке при краеведческом музее. Свои наблюдения над животными, птицами, насекомыми он записывал, делал зарисовки, с этими первыми рассказами участвовал в конкурсе журнала «Юный натуралист», и в 1937 г. за рассказ «Дрозды-рябинники», а в 1938 г. за очерк «Переселяются растения и животные» был удостоен первой премии журнала.

Анатолий Устюгов мечтал стать исследователем-естествоиспытателем, и после десятого класса в 1939 г. он поступает на биофак Ленинградского университета. Однако война спутала планы, первокурсников призвали в армию. Военные дороги, встречи с беженцами, горечь отступления — все довелось пережить молодому солдату, затем эти впечатления отразились в его рассказах и повестях.

1941 — 1942 гг. — это годы, когда А. М. Устюгов воевал на Украине, на Северо-Кавказском фронте, был ранен. В 1944 г. в составе 2-й ударной армии участвовал в окончательном прорыве блокады Ленинграда, а в 1945 г. служил в Эстонии. Анатолий Михайлович награжден орденами «Отечественной войны» I степени, «Красной Звезды» и медалями.

Литературный труд привлекал А. М. Устюгова, и, хотя первые попытки были подражательны, Анатолий Михайлович не опускал руки. Публикации в альманахе «Кировская новь», ленинградском альманахе «Дружба» говорили о том, что перед нами писатель, который с увлечением пишет о природе, о детях, о школе.

В 1951 г. вышла первая книжка для детей «У моста», а затем появляются его известные повести «Голубая змейка» (1954),

книги рассказов «Следопыты» (1955), «Высочка и Пухляк» (М, Детгиз, 1956). В середине 50-х годов, когда боль войны еще остро ощущалась, Анатолий Устюгов пишет несколько произведений, в которых поднимает тему — война и дети. Это повести «Зеленая коробочка» (1957) и самая зрелая, пожалуй, самая знакомая широкому кругу детской аудитории повесть «Последний патрон» (1958). В этом же году А. М. Устюгов был принят в члены Союза писателей.

В начале 60-х годов писатель выпускает повесть «Лека, Пика и другие» (1962), публикует рассказы в различных периодических изданиях.

О войне написана еще одна его повесть «Две недели в пятой роты» (из фронтового дневника), однако это не просто дневниковые записи, а глубокое проникновение в повседневный быт на фронте, в психологию рядового солдата, в непростые взаимоотношения людей, рискующих жизнью.

Книги А. М. Устюгова переиздаются, его повести и рассказы учат детей любить родную природу, видеть потаенное, раскрывают мир человека как частички природы.

ПИСТОЛЕТ

Из повести «Последний патрон»

В степи — ветер. Низко нависли дымчатые тучи. Качаются и трещат небруннне подсолнухи. Навстречу ветру по проселочной дороге иду, засунув руки в карманы, рядом с Песковым Василь и Леша. Это мальчишки лет по тринадцати и по одежде, видать, местные. На Василе широкие «запорожские» штаны, а на Алеше — ватный деревенский зипун.

Так мы выглядели, когда покинули тетю Варю и ее хату, тепло одетые и напутствуемые ее добрым словом.

Сейчас в степи мы одни. Глянешь вокруг — нигде не видно ни сел, ни людей. И канонады не слышно, наверно, далеко отодвинулся уже фронт.

Василь молчал, молчал и вдруг предложил Пескову идти не к фронту, а в партизаны. Тот оглядел степь и сказал, что негде здесь партизанам обьивиться — кругом голые места, а то бы он тоже сейчас к ним пошел. «Эх, если бы да наши северные леса, — добавил Песков, — вот где партизанам раздолье! А туда добираться дальше, чем к фронту».

...Смеркалось медленно. Ветер продувал чуть не до костей. Когда стало совсем темно, мы вскочили на ноги: ночуем все-таки в тепле, немцев, кажется, в селе нет. И все же, подходя к околице, мы несколько

раз останавливались и прислушивались. По-прежнему только шелестел бурьян от ветра...

Вот забелелся угол первой хаты.

Мы не спеша прошли мимо нее. И вдруг, словно в страшном сне, от стены отделились две фигуры в рогатых касках. От неожиданности мы и слова не успели сказать.

Резкая гортанная команда, вскинутые автоматы... И мы оказались перед дверью каменного сарая. Дверь открылась, и нас толкнули в темноту...

Песков с Василем обо что-то споткнулись. Кто-то заворчал. Я шагнул вправо, но наступил ногой на лежащего человека. И сразу раздался хриплый мужской голос:

— Осторожнее! У меня здесь голова!

Мы молча стояли, не зная, куда двинуться, и только старались понять по приглушенным звукам, в какой стороне людей больше, в какой меньше.

Вспыхнул огонек сигарки, осветив мрачного бородатого человека, сидевшего на полу у кирпичной стены. Он позвал:

— Эй, люди! Есть место!

Мы пошли на огонек и сели на холодный земляной пол рядом с незнакомцем. Сигарка освещала усы и широкую черную бороду. Большие глаза бородача оцупывали Пескова. В сарае стояла тишина, нарушаемая чьим-то шепотом и вздохами... Песков тоже приглядывался к бородачу, потом тихо спросил:

— Откуда вы?

— Кавказский человек, — ответил тот.

— А здесь давно?

— Часов с трех... Попал пятым, а теперь тут уже человек тридцать.

— Непонятно, почему хватают... и фамилии не спрашивают, — сказал Песков, хотя прекрасно знал почему.

— Меня схватили... знаю за что, — чуть-чуть насмешливо ответил кавказец. — Фриц мне говорит: юда ты, еврей! Словом, до утра не тронут, а завтра... верный капут!

Он кончил курить, потушил сигарку и сразу пропал в темноте. Песков помолчал, наверное прислушиваясь, как где-то пудно похвистывает ветер, и сказал:

— Капуг меня не устраивает... Что это за сарай?

— Бывшая колхозная кладовка... Стены — из орудия не прошибешь. Слушай, а кто твои папарники? — спросил кавказец.

— Мальсы... ребята, — ответил Песков.

Кавказец негромко зацокал языком:

— Ай, ай! Совсем нехорошо фриц поступает... А если серьезное дело?

— Ничего, они у меня в серьезном деле — мужчины, — похвалил нас с Василем Песков. — Ну, так что за сарай?

— Зачем рассказывать? Окон нет... Пойдем вместе смотреть, — кавказец выгнул из кармана кресало и начал высекать огонь. Он снова закурил и, поднявшись на ноги, пошел вдоль стены, освещая ее слабым светом. Песков двинулся вслед.

Народ в кладовой зашевелился. Рядом кто-то устало проговорил:

— В который раз... и чего толку! Тюрьма крепкая!

В голосе была такая безнадежность, что у меня по коже прошел мороз.

Неужели это последняя ночь? И мне вспомнилась мама: где-то она теперь? А папа где воюет? Неужели меня убьют, и я не увижу их?

— Эх! Зря мы оставили карабин! — сказал с яростью Василь и весь затрясся. — Хоть бы одного прихлопнули, прежде чем сюда попасть!

— Василь, Леша! Вы здесь? — совсем близко раздался голос Пескова.

Мы с Василем откликнулись. Песков велел нам идти за ним.

Пройдя вдоль стены до угла и повернув направо, мы услышали тяжелое дыхание работающего человека. Сверкнул красный огонек, и я увидел руку кавказца, выворачивающего на уровне головы кирпич из стены. Я глазам своим не поверил: расшатанный кирпич медленно вылез из гнезда.

— Тсс... ни звука, — предупредил наши радостные возгласы Песков. — Я берусь за следующий.

С улицы в дыру дунул ветер. Кавказец потушил сигарку. В темноте мы слышали, как Песков вынимал кирпичи и клал их на пол.

Потом его сменил кавказец, но тут же сказал, что кирпичи старой кладки, закрывавшие старое окно, кончились, а вокруг стена как скала...

— Верно, — подтвердил Песков, ощупывая рукой стену, и попросил подсадить его к дыре. Он долго возился, стараясь протиснуться в отверстие, но не смог. Тогда полез в дыру кавказец, но все равно без толку, она была узкой — не пролезешь. А известка старой кладки тверда, как цемент, ногами не возьмешь. Песков отвел кавказца в сторону, и они о чем-то стали шептаться. Я понял, что они разговаривают о нас с Василием и расслышал слова: «Есть еще надежда». Какая это была надежда, я сразу догадался, потому что Песков позвал Василия, велел ему раздеться до нижней рубашки и попытать счастья. Но окошко и для Василия оказалось узким.

У меня сжалось сердце, когда Песков ровным голосом сказал:

— Леша! Ты наш последний шанс!

Я разделся и подошел к окну. Песков подставил мне колено. Я поднялся наверх и сунул голову в дыру... Но Песков потянул меня вниз. Едва я стал на пол, как он сказал, что там за стеной надо раздобыть у местных жителей кирку или лом и принести сюда. Потом Песков вместе с кавказцем приподняли меня и сунули в окошко, только не головой, а ногами... Ободрав спину о кирпич, я протиснулся через дыру и повис на руках. Дул пронизывающий ветер, и меня сразу пробрала дрожь. Оттого, что вокруг была темень, мне показалось — под ногами бездна. А если сорвутся руки? И вдруг ботинок задел сухую траву.

Я неловко упал на бок, но тут же вскочил на ноги и прислушался. Как будто ничего подозрительного. Тогда я подошел к окошку и, нащупав в нем поданную Песковым одежду, взял ее и быстро оделся.

Первые мои шаги были медленны и осторожны. Крался вдоль стены, вглядываясь в темноту, вслушиваясь в шорохи. Постепенно мои глаза стали различать на земле какие-то темные пятна. Да это кустики травы! Потом заметил светлую полосу. Ступил на нее и почувствовал, что это тропинка. По ней было легче идти.

Я отошел довольно далеко от сарая и, когда убедился, что нахожусь уже в степи, скрытый от немцев темнотой, остановился и вздохнул полной грудью. Потом стал слушать, какие звуки принесет из села ветер, но ничего особенного он не принес. Тогда я повернул назад к селу, но только не к сараю, а левее, туда, где, по моим предположениям, были хаты.

Первая хата, до которой последние метры мне пришлось ползти, оказалась пустой и холодной. В ней, должно быть, давно не жили: пахло конюшней, а на земляном полу валялись катыши навоза.

Я обшарил все углы в сенцах, слезил на чердак, осторожно прокрался вокруг хаты, но ни лома, ни кирки или, на худой конец, лопаты не нашел. Пришлось уйти ни с чем...

Темное небо немного посветлело, чуть обозначились густые облака. Следующую хату я заметил еще издали. Подполз к ее дверям и стал

слушать. Эта хата, с резными наличниками окон, казалась мне обитаемой, хотя дверь в сени, как и у предыдущей, была растворена. Как узнать, кто в ней?

Тихо вошел я в сени и остановился перед дверью. Из-за нее не доносилось ни звука. Стал шарить по сеним, надеясь наткнуться на лом или кирку. Но поиски опять оказались бесполезными. Что же делать? Пойти к следующей хате? Но и там в сенцах может не оказаться лома, придется все равно просить у хозяев.

Из-за двери в шелку донесся запах чего-то жареного. Это меня подбодрило. Я тихо потянул за скобу дверь. Она открылась бесшумно. Тепло сразу охватило меня. Я поскорее шагнул за порог и плотно прикрыл дверь за собой. Прислушался — есть ли кто в хате?

От окна донеслось посапывание. Кто-то здесь спал! Хозяин или немец? Вдруг меня поразил запах духов... И тут же с улицы донесся говор, а затем громкие удары сапог о мерзлую землю. Шаги слышались все ближе и ближе... Вот, они уже у сеней! Не долго думая, я сделал несколько осторожных шагов между стеной и печью, в угол...

Дверь распахнулась. Застучали по полу кованные сапоги, ударился о стену приклад винтовки. Рослый солдат ввалился в хату, рокоча басом и часто выговаривая имя Гейнц. Но Гейнц, спящий у окна, и не думал просыпаться, хотя верзила тряс его за плечо так, что скамья трещала...

Сухо щелкнула зажигалка, метнулись тени ко мне в угол. Мое сердце замерло. Потом свет сделался ровным: это уже горела свеча. «Только бы не заглянул за печь, только бы...» — повторял я про себя как заклинание.

Наконец Гейнц проснулся и, недовольно бурча, стал надевать шинель. В это время с улицы послышался гортанный окрик. Гейнц схватил винтовку и как ошалелый выскочил из хаты. Я догадался: происходит смена патрулей.

Верзила что-то рывкнул Гейнцу вслед. Потом солдат с наслаждением стал чавкать. Вот проклятый обжора отвинтил крышку фляги и, прищелкивая языком, начал прихлебывать шнапс. Затем посидел молча, что-то соображая, и рыгнул так, что я вздрогнул. А немец поднялся на ноги и шагнул к печке. Его тень упала на стену против меня. Сейчас он сделает еще шаг и... Я замер в углу. Но загремело железо заслонки, и солдат что-то извлек из печи. И опять началось чавканье. У меня замутилось в голове, так приятно пахла тушеная свинина.

Вскоре стало тихо, только тикали часы (ну, конечно, у этого немца на руке). Раздался стук — солдат положил на стол что-то тяжелое. Он расстегивал какие-то ремешки, зазвенели пряжки. Заскрипела скамья, на которую, наконец, улегся солдат. Свечу он не погасил. И это было хуже всего: значит, он кого-то ждет. Только бы солдат заснул, только бы! Надо скорее выбираться из этой мышловки! К счастью, немец захрапел скоро. Он храпел громко, с присвистом.

Я осторожно выглянул из-за печи: на столе горела не свечка, а фитилек в баночке со стearином. Этот фитилек вот-вот потухнет — видно, просто так оставил солдат его догорать.

Он лежал на скамье, накрывшись шинелью, лицом ко мне. Глаза были в тени, не поймешь, закрыты или нет. Я долго вглядывался, не моргнув ли ресницы, слушал его дыхание. Спит как будто на самом деле...

На столе чернел широкий кожаный ремень, просунутый через шлейки кобуры пистолета, а возле фитилька блестела гладкая, как яйцо, граната. У меня захватило дыхание. Вот, оно оружие! «Схватить и убить!» — такая мысль мелькнула в голове. Но граната не лом! А если я его так и не найду? И время упущу? Не сводя глаз с немца, крадущимися шагами я подошел к столу: все-таки надо взять оружие.

Первой я взял гранату и опустил ее в карман. Затем осторожно, чтобы не забрякала пряжка, стал заводить конец ремня вокруг пистолета. Когда он был замотан, я взял комок в руку и стал медленно пятиться к двери. Приоткрыв ее, еще раз оглянулся на немца и вышел в сени.

Позади хаты не выдержал и пустился бежать в степь...

ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ПЕТУХОВ

Юрий Константинович Петухов родился 24 июля 1924 г. в д. Макары Санчурского района Кировской области. Окончив девять классов средней школы в г. Санчурске, Юрий Константинович ушел летом 1942 г. добровольцем на фронт. Он воевал на Сталинградском фронте, где был тяжело ранен. После лечения в госпитале Юрий Константинович снова в армии.

Окончилась война, и Юрий Петухов экстерном сдал экзамены за десятый класс. Интерес к театру определил его дальнейшую судьбу: он работал актером и помощником режиссера в Котельничском передвижном театре, а после и в Березниковском городском театре. Некоторое время был директором Кировского Дома народного творчества.

Еще в юности Петухов начал писать стихи, которые публиковались в газетах. Однако более привлекала Юрия Константиновича драматургия, в 1955 г. Кировский драматический театр поставил его пьесу «На родных берегах» (опубликована в альманахе «Кировская новь» в 1956 г.). Помимо пьес, Петухов пишет прозу, и в 1958 г. выходит книга его рассказов «Любимая», а через год еще одна — «Опаленные», в которой представлена повесть «Поэма о стариках». Его принимают в Союз писателей.

Пьеса «Двадцать свадеб в один год» (опубликована в альманахе «Современная драматургия», 1959 г.), посвященная сельской молодежи, привлекла внимание многих театров страны. Она шла в Москве, Ленинграде, Горьком, Рязани, Йошкар-Оле и, конечно же, на сцене Кировского драмтеатра (постановка И. Фельдмана, художник В. Суханов). Пьеса была переведена на словацкий язык и поставлена на Братиславском радио.

В 60-е годы Юрий Константинович одновременно работает над пьесами и романом: в 1963 г. опубликована пьеса «Участковый из Чудинова», в 1965 — драма «Течет Волга...» (К морю-океану), в 1966 — «Твой ровесник», в этом же году вышел роман «Влюбленные».

В это время Петухова привлекают разные темы: в рассказе «Опаленные», в пьесе «Твой ровесник», в повести «В одном эшелоне» автор обращается к прошедшей войне, к моральным, нравственным проблемам, высвеченным суровой порой; в романе «Влюбленные», в пьесах «Синие дожди» (поставлена в 1970 г., режиссер В. Шулман, художник И. Невежина), «Вожак», «Глухой», «Наши семьи» и других, Ю. К. Петухов стремится показать связь современности с прошлым, духовный мир разных слоев и поколений общества. Тема современной деревни, тема интеллигенции, простых людей труда — все это есть на страницах драматургических и прозаических произведений Юрия Константиновича Петухова.

В настоящее время Ю. К. Петухов живет и работает в Подмосковье.

СИНИЕ ДОЖДИ

Действующие лица

Полина Метелева.

Юлька.

Ковязин.

Таисья Степановна, его мать.

Алла Орешко.

Севастьянов.

Кузьма Биссеров.

Груня Бисерова, его жена.

Серафима Ивановна.

Валентин.

Время действия — начало семидесятых годов.

Картина первая

За распахнутыми окнами — летний дождь, крупный, отвесный. Струи скатываются с крыши, шуршат в листве. Юлька, хрупкая светловолосая девушка, суетливо перебегает в комнате с места на место. Вытащила из-за ширмы плащ, из-под кровати резиновые сапожки. На столе — недопитый стакан чая с бутербродом, распахнутая книга.

(...)

Входит Валентин. На нем куцый, с чужого плеча плащ, волосы длинные, как у битника.

Валентин. Приветик! Кому я безотлагательно нужен?

Полина молча смотрит на него — и он скис.

Полина. Опять?

Валентин. (Выдохнул). Опять.

Груня. (Хмыкнула). Выучился!.. В прошлом году на писателя, а нынче на артиста.

Тaisia Степановна. Обкорнай патлы-то, обкорнай! Ведь издали тебя за девку принимают, ладно ли?

Полина. Большой наплыв?

Валентин. На одно место человек по сорок.

Полина. Я тебя предупреждала: в театральный поступить способностей мало. Нужно дарование иметь.

Валентин. Дарование?.. Полина Александровна, да там половина по протекции устраивается, а половина так... на оригинальность бьет!

Полина. Как это — на оригинальность?

Валентин. Очень просто! Вы знаете басню Крылова «Петух и жемчужное зерно»?

Полина. «Петух, в навозной роясь куче, нашел жемчужное зерно».

Валентин. Вот-вот! Один парень эту басню прочитал так!.. (Убирает с центра комнаты стулья). Представим, что здесь зал, где идут экзамены! Вы — председатель приемной комиссии. (Усаживает Полину Александровну за стол). — А вы — абитуристы.

Груня. Кто?

Таисья Степановна. Кто?

Валентин. Тоже приехали поступать в театральный институт! В коридоре толкаетесь, в замочную скважину, в щелку подглядываете! (Оттеснил их в прихожую. Сам остановился в центре комнаты в позе чтеца-декламатора. Напыщенно). Петух (указывает пальцем на Полину Александровну), в навозной роясь куче (указывает на Груню и Таисью Степановну; и жест на себя)... нашел жемчужное зерно!

Полина. Та-ак... И его приняли?

Валентин. (Не совсем уверенно). Приняли. Я бы тоже что-нибудь этакое придумал, кабы всю эту механику раньше узнал.

Полина. За анекдотами съездил?.. Что теперь собираешься делать?

Валентин. Опять в клуб. Культурно-просветительная работа среди сельского населения.

Полина. Я бы тебя снова не взяла.

Валентин. Полина Александровна!

Полина. Какая от тебя польза? (Передразнивает). «Кина не будет».

Валентин. Это не я — они так!

Полина. Поправь. Десятилетку закончил.

В сопровождении Юльки входит Алла Орешко. Она высокая, тоненькая. В свитере и полосатых брюках.

Юлька. Сюда. Пожалуйста.

Алла. Я услышала голоса и сама хотела придти, да не решилась. А одной тоскливо. Особенно в такую погоду. Добрый вечер.

Полина. Заходите в любое время, как только вздумается. (Протягивает руку). Полина Александровна Метелва.

Алла. Орешко. Алла Викторовна.

Полина. Вместе будем работать. Я преподаю литературу и русский.

Алла. Закончила инфак. Только что.
Кузьма. (Вносит распечатанную бугылку). У кого инфаркт? Сейчас будем лечить.

Полина. Вы со всеми знакомы?

Алла. Нет. Только с Юлей.

Таисья Степановна. Вчера вы к моему Паше на дом приходили. Разве запамятовали?

Алла. А, да, да.

Кузьма. Кузьма Бисеров. Тракторист.

Алла. Очень приятно.

Груня. Груня. Груня Бисерова.

Кузьма. Мой прицеп.

Груня толкнула его в бок. Рассаживаются за столом.

Таисья Степановна. (Озабоченно). Где же Паша-то?

Кузьма. Провозглашаю тост — за благополучное возвращение Полины Александровны из отпуска! По первой! С богом! (Никого не дожидаясь, опрокинул рюмку).

Полина. Спасибо. (Алле). За ваш первый урок. Пусть он будет удачным.

Алла. Благодарю.

Таисья Степановна. Сдоба-то до чего хороша, пышная. О-о-ва... Из Москвы, сразу видать.

Кузьма. (Неожиданно запел). «Если на празднике снова встретятся!...»

Груня. Очумел?

Кузьма. Что, рано? Ну, так посидим.

Груня. (Тихо). Ненормальный.

Кузьма. (В тон ей). Молчи. А то вот укушу — вместе будем на уколы ходить.

Груня (укоризненно покачала головой). Полина Александровна, уж до чего мне охота в Москве побывать, так и не высказать! Особенно в

самом-то главном универмаге. Уж я б по нему походила!.. Значит, все-то в нем есть: и продукты, и одежда разная?

Полина. Все, Груня, все.

Кузьма. Как в нашем сельпо.

Груня. Еще чего скажешь?

Кузьма. И хлеб, и мыло, и сапоги, и книжки — все на одной полке.

Груня (отмахнулась от него). Ведь я, Полина Александровна, за всю-то свою жизнь только раз была в большом городе. Еще в войну, когда мясо на базар возила.

Кузьма. Ага, спекулировала!

Груня. Спекулировала!.. Тебе, балбесу, в армии-то пашк каждый день давали, а нам тут всяко приходилось выкручиваться. Кору сли!.. Ну, да что про то вспоминать... Ведь нынче-то можно жить, право, можно! И я вот по осени как отпускные получу, так и махну!

Кузьма. Куда?

Груня. В Москву! Надо же на людей поглядеть, да и себя показать!

Кузьма. Главным образом — себя!

Груня. Я баба рисковая!

Все чуть захмелели, оживлены. Валентин включил проигрыватель. Танцует с Юлькой.

Алла. Полина Александровна... вы здесь давно живете?

Полина. Шестой год.

Алла. И ничего?

Полина. Ничего.

Алла. Мне нравится, что у вас такой круг знакомых. По-мосму, это неверно, когда ученые, скажем, встречаются только с учеными, артисты с артистами. Для нас, педагогов, особенно важно знать все слои населения.

Полина. Я тоже так думаю.

Алла. Я хочу преподавать язык не формально, не ради оценок. Хочу, чтоб дети умели читать, изъясняться. Кроме того, я еще и рисую.

Рерих и Рокуэлл Кент — мои любимые художники. Поэтому я и попросилась на север. Где все диковато, необжито. А еще — я люблю все старинное. Здесь — я уже узнала — сохранились староверческие села. И мне хотелось бы собрать для себя древние книги, иконы, оклады. Предметы быта. Все, все, вплоть до лаптей.

Кузьма. Зачем они вам?

Алла. Что?

Кузьма. Вы же их не наденете.

Алла. А может, и надену.

Кузьма. Вы?

Алла. А что в том особенного? Что?.. Моды меняются с головокружительной быстротой, и нельзя ничего предугадать! Вошли же древнеримские сандалии в наш быт? Вошли! А что такое мини-юбка, как не туника? И вполне может случиться, что лапти скоро будут носить и в Москве, и в Париже.

Кузьма. В Париже?

Алла. Да. Разумеется, их модернизируют. Они будут уже не из лыка, а из пластика, вполне современных материалов.

Кузьма. Лапти — в Париже! О-ха-ха-ха!..
Смеются и Груня с Таисьей Степановной.
Выпьем за лапти!

Юлька. Кузьма Ильич, вам больше нельзя!

Кузьма. За лапти можно! По второй! Грунечка!

Груня. Ась?

Кузьма. Когда соберешься в столицу-матушку, так ни туфли, ни сапоги не надевай! Только лапти! Будешь там наиглавнейшей модницей!

И снова хохот.

Алла. (Несколько шокирована). Мне, очевидно, не надо было начинать разговор об этом.

Полина. Ничего, ничего.

Алла. Ведь вам моя мысль не показалась столь уж абсурдной?

Полина. Совсем нет.

Алла. Вот видите!

Кузьма. (Подпевает пластинке). «Страстью и негою сердце трепещет!..»

Валентин. Стоп, стоп! У тебя же голос!

Кузьма. Ну и что?

Валентин. Пой. Ах, инструмента нет!.. Давай вместе.

Кузьма. Чего?

Валентин. «Страстью и негою!..» Начали!

Кузьма поет.

Выше.

Кузьма. «...пламя желанья!..» Выше не могу.

Валентин. Сможешь, сможешь! Я тебя до верхнего «до» доведу!

Кузьма. А зачем оно мне?

Валентин. Это же редкость! Редкость! Только Карузо да Собинов им владели!.. Снова!

Кузьма. Першит чего-то...

Валентин. Еще раз! Еще!

Кузьма пустил петуха и замолк.

Ура! Верхнее «до» обеспечено!.. Снова! Закрепим!

Кузьма молчит.

Груня. (Вмешивается). Чего — снова? Не видишь разве — человек голос сорвал?

Юлька. Глотните воды, Кузьма Ильич.

Валентин. (Умоляюще). Еще разок! Ну, попробуй!..

Входит Ковязин.

Ковязин (заметно волнуясь). С приездом, Полина Александровна.

Полина. Здравствуйте, Павел Гаврилович.

Обмениваются рукопожатием.

Таисья Степановна. Ты где же так долго, Паша?

Ковязин. Директор совхоза задержал. Уж очень просит, чтобы школа помогла на уборке. Погода-то! Август, зерновые налились, а еще и сено не все скошено. Придется помочь. Вот такие-то, Полина Александровна, у нас дела тут... (Снял плащ, оглядывает присутствующих). Кузьма, ты что, летом ангиной заболел?

Кузьма (указывает на Валентина). Во-о...

Груня. Довел. Шлепнуть вот по затылку косматого! Айда, Кузя, домой.

Юлька. Сидите.

Груня. Да нет уж, пора. Корова не доена. Спасибочко за угощение, Полина Александровна, за покупки. Молоко и яйца буду по-прежнему вам носить. Цена старая. (Алле) И вам могу, если потребуется. Уж извините, коли вышло что не так.

Полина. Заходите еще.

Кузьма (сипит). Ужо, Валька!.. Я тебе припомню это верхнее «до». Самым нижним заверещишь!

Уходят.

Валентин. Вот. Опять я виноват. В районе с меня требуют: открывай таланты, развивай таланты, шлифуй таланты! А тут... Пойду в клуб. Танцы устроить, что ли. (Кивает Юльке: «Пойдем»).

Ковязин. Драка у твоего клуба. Только стекла дрожат.

Валентин. Ну? (Убегает).

Юлька. А вы... прошли мимо?

Ковязин. Как можно? Как можно?.. Я же понимал, что мне это грозит опалой и отлучением от этих прекрасных... не в меру строгих глаз.

Юлька. Я с вами серьезно, а вы...

Ковязин. Алла Викторовна, сейчас к вам придет Елисей Карпович. Это наш завхоз. Скажите ему, что вам нужно в комнату. Шкаф, тумбочки, стулья — все есть. Требуйте. Сегодня же привезут.

Алла. Спасибо, Павел Гаврилович. (Выходит).

Ковязин. Странная особа.

Таисья Степановна. Да уж диковинка!

Юлька. А мне нравится.

Ковязин (коротко глянул на Полину). Впрочем, не будем торопиться с выводами. Не будем.

Юлька. Ой, я про Анниного ребенка совсем забыла. (Побежала к выходу и вернулась). Поля, иди-ка сюда...

Полина. Что за таинственность?

Юлька. Полошка... я ухожу.

Полина. Слышала.

Юлька. (Со значением). Ухожу... Остаешься одна. Вот. Помнишь наш разговор?.. Если только согласишься, то я... я.

Полина (с улыбкой). То что?

Юлька. Буду кричать! Буду драться!

Полина. Тсс...

Юлька. И знаю, Поля, тебе будет плохо... Слышишь? Очень плохо! (Выразительно поглядела в глаза. Убежала).

Таисья Степановна (разговаривавшая в это время с сыном). Тоже пойду, пожалуй... Спасибо вам, Полина Александровна, за все. Ведь вы для меня (неожиданно прослезилась)... будто дочь родная.

Полина. Таисья Степановна!

Таисья Степановна. Уж так вас люблю, так... И жить бы нам всем вместе.

Ковязин. Мама!

Таисья Степановна. Пошла, Паша, пошла. Ты ворота-то на засов задвинул?

Ковязин. Задвинул.

Таисья Степановна. Как бы не влез кто. Народ-то шибко балованный стал. Да... Я пошла. А уж вы поговорите. Ваше дело молодое. Ну, бог с вами. (Вышла).

Неловкое молчание. Ковязин нервно постукивает по столу.

Полина стоит возле окна.

Ковязин. Вас не продует?

Полина. Нет.

Пауза.

Ковязин. Далеко ездили, Полина Александровна?

Полина. Была на юге. Была в Москве.

Ковязин. Далскового. Особенно если учесть нашу глухомань. Наверное, ни разу про нас и не вспомнили?

Полина. Вспоминала. И очень часто. А как увидела с самолета наши леса, увалы, так чем-то родным-родным потянуло.

Ковязин. По нашим слкам, выходит, больше всего соскучились?

Полина. Не придирайтесь к словам, Павел Гаврилович. Всех вспоминала. В том числе и вас.

Ковязин. Полина Александровна...

Полина. А вы... все здесь? Никуда не ездили?

Ковязин. Когда?.. То ремонт, то заготовка дров. Школу почти заново перестроил. Полы, крышу пришлось сменить. Вы свой класс и не узнаете. Отштукатурен, парты новые. Из подоконника — помните, жаловались? — дуло. Теперь не будет.

Полина. Спасибо.

Ковязин. Инспектор из области приезжал — школу хвалил.

Полина. Вы же превосходный хозяйственник!

Ковязин. Полина Александровна.

Полина наугад нажимает на шкалу радиоприемника. В комнату врывается то чужая речь, то треск, то широкая симфоническая музыка.

Вот и опять у нас с вами все по-старому, как месяц назад. Так же стоит чемодан. Вы — у окна. Я сижу. И кажется... на том же стуле. Только вы тогда собирались уезжать, а сейчас вернулись.

Полина молчит.

Хотя вы ничего определенного так тогда и не ответили, но я вас ждал. Ждал. И вот... пришел продолжить неоконченный разговор. Я не мог не придти.

Полина стоит, не меняя позы.

Я не знаю, не знаю, что вам мешает согласиться! У нас с вами так много общего. И в жизни, и на работе. Я серьезный человек. Для меня жениться — это уж раз и навсегда. Надо как-то устроить свою жизнь. Мне за тридцать, да и вам... извините, и вы уже не девочка. Юльке в подруги не годитесь. Или вы... кого-то ждете?

Полина. Нет.

Ковязин. Так в чем же дело?.. Неужели вам не хочется иметь семью, детей?.. Соглашайтесь.

Полина. И если я скажу — да?

Ковязин. Полина Александровна! (Хочет ее обнять и не может: во взгляде Полины нет протеста, но нет и взаимного порыва). Вы... вы не любите меня! (Отошел. Заговорил с обидой). Ну, чего, чего вам во мне не достает? Противен, гадок, безобразен или еще что?!. Чего вы от меня хотите?

Ковязин сейчас поистине несчастен, и Полина с состраданием смотрит на него. Подошла к нему.

ОВИДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛЮБОВИКОВ

Овидий Михайлович Любовиков родился 26 октября 1924 г. в селе Чепца (ныне город Кирово-Чепецк). С 1927 г. живет в Кирове. Его биография — как и у многих людей военного поколения: школа, комсомол, спорт, любимые книги, тревога за Родину и война... В 1942 г. Овидий Михайлович добровольцем вступил в комсомольский лыжный батальон. Фронтовой путь лучше всего воспроизведен им самим в поэтических строчках.

После демобилизации — учеба, работа журналистом в газетах «Кировская правда», «Комсомольское племя». В 1952 — 1956 годах Овидий Михайлович работает корреспондентом «Комсомольской правды» сначала по Кировской, а потом по Новосибирской и Томской областям. Сибирь привлекала не только романтической развешивающихся строек, но и возможностью проверить по большому счету свой творческий и человеческий потенциал.

Первая книга стихов вышла в 1951 г. в Кирове: в названии сборника — «За мир» — как бы соединились мысли фронтовика, видевшего ужасы войны, и общий настрой послевоенных лет. Последующие сборники 50-х годов и публикации в периодических изданиях продолжают эти темы, поднимают новые.

В 60-е годы Овидий Михайлович Любовиков работает в «Кировской правде». В 1966 г. его избирают ответственным секретарем Кировской писательской организации. С этого времени Любовиков не только поэт, он много сил отдает молодым начинающим литераторам, ведет большую организаторскую работу по

приему новых членов в Союз писателей, организует встречи с читателями. И все-таки организаторская деятельность не стала главной, главное для Овидия Михайловича — это стихи.

В 70—80-е годы Любовиков не раз избирался на съезды Союза писателей, принимал участие в работе совещаний творческих организаций, избирался депутатом городского Совета. Он заслуженный работник культуры Российской Федерации. У поэта вышло более десятка поэтических сборников.

Красной нитью через все творчество О. М. Любовикова проходит «память сердца», память о войне, о фронтовых друзьях. Однако не только прошлым жив человек, Любовикова интересует и современность, ее глубинные процессы, протекающие порой довольно болезненно, для каждого человека неповторимо. И, конечно, поэт не обходит вечные темы любви, верности, разлуки, предательства. У Любовикова это не отвлеченное философствование, а рассказ об очень земном, может быть, даже частном случае, но в этом малом поэт видит, слышит отзвуки больших человеческих драм, и читатель верит поэту, постигает его художественный мир.

За фронт и труд в мирное время поэт награжден четырьмя орденами и многими медалями.

* * *

Как молвится — без дураков! —
За слово и за дело
Россия испокон веков
Ответ держать умела.
В столичном граде и избе
Она — не перед богом! —
Была придирчива к себе,
Себя судила строго.
Не всем, не всякому поклон,
Речь не о царских сказах,
Хотя поньше свой резон
В петровских есть указах.
Грешила ежели порой,
Промашка как случалась,
Сама смеялась над собой,
Сквозь слезы, но смеялась.
Слагала про житье-бытье
Частушки и присловья.
И укрепляла тем свое
Душевное здоровье.
Но враг если гнал полки,
Она стеной вставала,

И камнели желваки,
И меч рука вздымала.
Сносила муки и разор,
И распрямлялась стойко.
...Опять сместя «Ревизор»,
Но где ты, птица-тройка...

У СТАРОЙ РУССЫ

Помню поле,
Поле вижу,
И на долгом поле том,
Под дождем,
на глине рыжей, —
Парни русские пластом.
Не дошли они до цели,
Сбились на бегу с ноги.
Задубели их шинели,
Отстучали сапоги.
Раскаленный «Максим» страдал.
Минный визг поверх голов.
Пять атак,
и после каждой
Больше на поле пластов.
Но опять связной с пакетом,
Телефон опять: «Пора!» —
За сигнальной ракетой
Снова жидкое: «Ура!»
Похоронные команды
Ночь — в работе,
дрыхнут днем.
И седели лейтенанты
В двадцать лет в сорок втором.
Пальцы разминал устало
Писарь в штабе полковом.
Билась оземь и стонала
Деревенька за холмом.

* * *

Война гремела траками,
Катила стороной.
Он был укрыт не танковой,
Папашиной броней.
Потом до одурения
Завидовал живым,
Нашивкам за ранения,
Медалям фронтовым.
Терзал друзей расспросами,
Картину ворот рвал,
А по ночам доносами
Прицельно в них стрелял.

От вечера и к вечеру
Пустел заметно дом,
Редел тот круг доверчивый,
Как лес под топором.
Хозяин в одиночестве,
С утра до ночи зол, —
Общения так хочется! —
Он пса себе завел.
Повадки у клыкастого
Хозяйские видны:
В глаза посмотрит ласково
И цапнет со спины.

* * *

Возвещают фонари
Близость полустанка.
Три минуты,
Только три
Поезда стоянка.
Заскрипели тормоза.
Мучает досада:
как успеть глаза в глаза
Все сказать, что надо.
...Набирает поезд ход.
Скатертью дорога.
Вышло все наоборот:
Три минуты много.

* * *

Сегодня вечер наш.
С тобой вдвоем
От всех и вся
мы спрятались надежно.
— О чем задумался?
— Да ни о чем.
И ты уже обиделась.
Как можно!
Напряжена связующая нить.
Участие твое свечою тает.
Но так бывает: нечего делить.
И на двоих не делится, бывает.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СКОРНЯКОВ

Александр Иванович Скорняков родился 6 декабря 1926 г. в деревне Слудка Нолинского района Кировской области. Началась Великая Отечественная война, Александр Иванович в это время еще учился в школе, но после двух лет учебы он ушел в ар-

мию. Служил на Дальнем Востоке. Там и остался после окончания войны. Пять лет работал художником гарнизонного дома офицеров на Сахалине. В это время окончил студию живописи и рисунка, а затем учился в Пензенском художественном училище им. И. А. Савицкого. А. И. Скорняков — участник многих выставок.

Не только живопись привлекает Скорнякова, он пишет стихи, рассказы. Первая книга его стихов «Утро» вышла в 1955 г. в Пензе, тогда же публикуется рассказ «Рыжик» (1955).

В Пензе Скорняков работал в областной газете, много писал. Его стихи, рассказы, фельетоны печатались в различных литературных сборниках, альманахах.

В 1963 г. Александр Иванович окончил Литературный институт им. Горького, был принят в члены Союза писателей. В 1967 г. из Пензы Скорняков вернулся в родные края. Сейчас живет и работает в г. Вятские Поляны.

ПРИЯТЕЛИ

Одно время были мы с Витькой Рогозиным хорошими друзьями. Витька купаться — и я от него не отстаю. Витька за ягодами в лес — и я за ним. Витька деду завтрак на рыбалку несет, — и я догоняю его за околицей и напрашиваюсь:

— Витек, возьми меня.

— Иди, мне жалко, что ли!

В общем, жили мы с Витькой — водой не разольешь.

* * *

Уважал я Витьку за то, что в лесу, который рос от нашей деревни совсем близко, он знал все ягодные и грибные места, умел находить новые и домой с пустыми руками никогда не возвращался. Пойдешь, бывало, с ним в лес, ходишь, как слепой, а Витька отбежит куда-то в сторону, наберет корзинку земляники, сам наестся и потом кричит:

— Санька, иди скорее сюда, — земляника!

Прибежишь как угорелый, смотришь — поляна с трухлявыми, почерневшими пнями, заросшая густой травой. Но стоит раздвинуть траву — глаза сразу разбегаются: ягод, как усыпано, и все крупные.

Опускаюсь на колени и торопливо беру: одной рукой в рот, другой — в алюминиевый котелок. Больше, конечно, попадает в рот. Приношу домой чуть на дне. Младшая сестренка Люська спрашивает:

Ой, как мало-то. Опять просыпал?

Делаю кислую рожищу и говорю тихим унылым голосом:

— Просыпал, Люсенька. Споткнулся о пень, и котелок вылетел. Не веришь — спроси у Витьки.

А с Витькой у нас священный договор: во всем поддерживать и выручать друг друга. Поэтому я смело ссылаюсь на него, зная, что он не подведет. Неудовлетворенная моим ответом, Люська серьезно заметила:

— Что это ты все за пни-то запинаешься, как слепой. Под ноги надо глядеть.

— Ты меня не учи, куда глядеть. Разве не знаешь, что пни в лесу, как грибы, растут? Через один перешагнешь, глядишь, другой из земли лезет.

Услышав, что я слишком перегибаю, мать сердито обрывает:

— Брось, Санька, языком-то молоть. А ты, Люська, если умнее его, не слушай: он тебе наговорит семь верст до небес и все лесом. У Витьки врать-то научился, бессовестный. Поди-ка лучше дров наруби на завтра.

Чего-чего, а колоть дровишки я любил. Висела у меня в дровянике маленькая пила-ножовка. Выбираю тоненькую жердину, кладу ее на «жозла», туда-сюда дергаю за ручку ножовки. «Вжик-вжик-вжик» — поет пила, и полуметровый конец жердины отваливается. Прикладываю его к жердине, отмеряю и снова пилю.

Только с толстыми плохо получалось: ширкаешь, ширкаешь, пилу зажимает, подается плохо. Не выдержишь и надрубишь другую сторону топором.

После распиловки каждый кругляш раскалываю на две части. Засадишь топор в конец кругляша, размахнешься да как стукнешь обухом о лежащую березовую корягу — со свистом разлетаются поленья в разные стороны.

Смотришь, куча поленьев все разрастается, а мускулы — прямо на глазах тверже становятся! Ничего, пусть крепнут и будут, как пружина. Сила пригодится.

Хорошее дело — рубить дрова!

* * *

Однажды в конце августа приехал к нам в деревню участковый милиционер. Всечером он вызвал в правление всех ребятшек вместе с родителями.

— У кого из ребят есть пугачи, — сказал он, — прошу выложить на стол. И предупреждаю, чтобы в дальнейшем этого не допускать!

Дома у меня был самодельный пугач, спрятанный в надежном месте. Представлял он собой медную трубку с расплюснутым концом, прикрученную в двух местах проволокой к деревянной рукоятке. Такие пугачи были опасны, так как трубка могла разорваться или при выстреле выскользнуть из-под проволоки назад, выбить глаз, поранить лицо.

Я широко раскрыл от удивления глаза, когда моя мать первая подошла к столу и спокойно положила пугач перед милиционером. Как же она его нашла? Это, наверно, Люська подсмотрела, куда я прятал оружие. Везде свой длинный нос сует! Мне было до слез обидно. Я видел, как на столе росла куча пугачей.

Один Витька стоял в стороне и, казалось, безучастно смотрел на эту грустную церемонию. Складывать оружие он явно не хотел и сейчас обдумывал, как выйти из воды сухим. Пришел Витька один, так как дед с матерью уехали на мельницу.

— А вы, молодой человек, чего стоите в раздумье, где ваше оружие? — спросил сержант Витьку.

— Я, товарищ милиционер, — выпалил одним духом Витька, — еще неделю назад пугач в печку бросил! Вот честное слово! Спросите моего деда, как приедет с мельницы! Или вот Саньки.

И тут меня взорвало. Нет, не хочу больше слушать Витькино вранье.

— Чего ты, Rogozin, здесь пыль-то в глаза пускаешь! — сказал я в сердцах и кровь прилила к моему лицу. — Ведь только вчера ты просил у меня дробь для пугача.

— Значит, молодой человек дал ложные показания, — сказал сержант. — Сейчас же принесите все, что у вас есть, а иначе будет хуже.

Я видел, как сжимались у Витьки кулаки, в другой обстановке он наверняка пустил бы их в ход, но тут сдержался. Лишь метнув в мою сторону косой взгляд, Rogozin быстро выскользнул за дверь.

Ровно через пятнадцать минут он сложил свое оружие в кучу милиционерских трофеев.

* * *

И с тех пор мы с Витькой стали недругами. Через три дня пришли в школу и, к удивлению всего пятого класса «А», сели за разные парты: Витька возле печки, поближе к дверям, я — в противоположном углу. Даже Елена Васильевна, наш классный руководитель, и та заметила:

— Лаптев и Rogozin, какая между вами кошка пробежала — серая или черная?

Ребята грохнули, а нам не до смеха. Мы хмурились, краснели, шмыгали носами и ничего не отвечали. Конечно, во всем виноват Витька! Если уж разоружаться, то всем, нечего тут хитрить!

В большую перемену Колька Шмель на классной доске нарисовал нас в виде пахохлившихся перед дракой петухов.

— Зачем ты это намалевал? — напустился я на Шмеля. — Сейчас же сотри!

— Ну, и сотру. Только вы сегодня же помиритесь. Вот сплешь и помяни меня на этом месте.

Я ничего не ответил.

В субботу была контрольная по арифметике, и Витька получил за нее двойку, потому что с ним я не сидел и списывать ему было не у кого.

* * *

Нашу Липовицу огибала полукольцом не очень широкая, но глубокая и быстрая речка Чернушка. Берег от деревни — высокий, крутой, сядешь на салазки и помчишься вниз, прямо на лед. Салазки с разбега выбегают до половины противоположного берега, который положе, налетают на какой-нибудь куст. От внезапной остановки теряешь равновесие и тычешься носом в сугроб.

В эту зиму снег хотя и выпал рано, но настоящие холода не наступали. Не везде покрылась Чернушка надежным льдом: там, где течение побыстрее, еще долго оставались полыньи, покрытые лишь тонкой, словно слюдой, ледяной корочкой.

Выпавший ночью снежок полыньей запыливал, скрывал от человеческого глаза, и казалось, будто Чернушка скована толстым покровом льда.

Я знал, что пока не наступят сильные морозы, Чернушка обманчива, кататься с берега опасно, без проверки ледяного слоя лучше не суйся. Тем не менее мне первому хотелось пробить след, лечь на салазки и, зажмурился от удовольствия глаза, стрелой пролететь вниз.

Я взял салазки и пришел к берегу. На сучке старой, коряжистой вербы висели Витькины варежки, а сам он, сняв с ноги лыжу, возился с креплениями. Отношения наши все еще оставались натянутыми. Однако я пересилил себя и спросил как ни в чем не бывало:

— Витька, как тут лед — крепкий, ты не знаешь?

— Не бойся, я вчера все изъездил, ни одной полыньи нет.

— Что-то следов твоих не видно, — усомнился я.

— Разве не видишь, ночью снежок подсыпал? — с обидой в голосе произнес Витька.

— Все равно было бы заметно, — недоверчиво пробурчал я и хотел уже вернуться домой. Но Витька как-то хитровато прищурил свои раско-

сые глаза и, сделав презрительную гримасу, проговорил нарочно громче, чтобы слышала Маша Скворцова, которая вертелась тут же на берегу:

— Я не знал, что ты, Сашка, трус, хуже девчонки!

Маша хихикнула, и тут меня засло. «Это я трус?»

Ни слова не говоря, взобрался я повыше на склон, лег на дубовые, ошпигенные железными полозьями салазки и оттолкнулся ногой. Быстро понесло меня вниз, к Чернушке.

Каким-то не своим, сдвслнным голосом закричал Витька:

— Санька!!! Ку-у-да ты? Бери правее — в польню угодишь!

Но было уже поздно. Что-то резко хрустнуло, зашуршало, и в тот же момент снежный покров с тоненькой ледяной корочкой не выдержал, провалился. Тяжелые салазки вместе со мной в полутора метрах от берега стали погружаться в воду.

«Польня, тону!» — мелькнуло у меня в уме, и я ощутил, как все мое тело обдало нестерпимым холодом. Посиневшими руками ухватился я за кромку льда, ногой нащупал на дне салазки и хотел встать на них, но нога поскользнулась.

Мне хотелось кричать — горло будто чем-то сдавило, крика не получалось. Зато растерявшиеся в первую минуту Витька и Маша бегали по берегу и отчаянно голосили:

— Караул!!! Спасите, То-о-о-нем!!!

Я выбивался из сил, лед обламывался, руки срывались, отяжелевшая одежда, как гиря, тянула вниз, течением меня тащило куда-то в сторону, но я хорошо умел плавать и все еще барахтался. Брошенную Витькой лыжину, как щепку, утянуло под лед.

На мое счастье в это время из проулка показалась лошадь, запряженная в кошевую¹, в которой сидел Игнатий Иванович. Дорога шла берегом, и Витька с криком бросился наперерез лошади. Молодая кобылица не слушалась игнатовского тпруканья и, не сбавляя рыси, неслась прямо на Витьку.

Старик выскочил из кошевой, изо всей силы натянул вожжи, а Витька, изловчившись, поймал лошадь за удила и повис на них. Кобылица пригнула голову и нехотя остановилась.

В какой-то миг отстегнул Витька из упряжи крепкие ременные вожжи и, сделав на бегу петлю, ловко накинул ее на меня. Я пустил вожжи под мышки и цепко обхватил их зачоченными пальцами. В это время другой конец вожжей Игнатий Иванович задел за ствол вербы и стал тянуть. Ему помогали Витька и Маша.

¹ Род саней.

Тут я потерял сознание и не помню, что было дальше. Очнулся на собственной печи, прикрытый двумя шубами и дубленным тулупом Игнатия Ивановича, в котором, вероятно, принесли меня с речки. Голова сильно болела, тело горело, как в огне.

Я открыл глаза и увидел мать. На ее коленях сидела Люська и с особой нежностью, как мне показалось, гладила мои вихры. Тут же на печи, возле трубы сидел Витька.

— Саня, — радостно сказала Люська, — ты уже выздоровел? Мы тебя с дедом Игнатом спиртом терли и водкой поили. Во!

Мать сквозь слезы улыбнулась и поцеловала нас обоих в лоб.

— Ну, как, сыночек, полегче? За врачом усхали.

— Полегче, — прошептал я через силу. — Витя, ты лыжу не достал? Как теперь будешь? Если надо, возьми мои.

— Подумашь, нашел о чем беспокоиться, — ответил Rogozin. — Дед мне новые заведет.

— Санька, — тараторила Люська, — Витька мне говорил, что он теперь никогда-ащечки врать не станет! Ведь верно, Витька?

Витька смутился. Я молча взял его руку и крепко пожал.

ВЛАДИМИР АРСЕНТЬЕВИЧ СИТНИКОВ

Владимир Арсентьевич Ситников родился 28 июля 1930 г. в д. Мало-Кабаново Вожгальского района Кировской области (сейчас это Куменский район). Семилетним мальчиком он оказывается в г. Кирове, куда пересхала семья, однако сельские воспоминания, авторитет деда Василия Фаддеевича, агронома-самоучки, первого председателя колхоза, на всю жизнь связали будущего писателя с землей, крестьянами, с сельским ремеслом и бытом.

Во время войны Владимир Арсентьевич, как и многие мальчишки той поры, испытал и голод, и сиротство: отец его погиб на Ленинградском фронте в декабре 1941 г.

В 1948 г. В. А. Ситников окончил десять классов средней школы № 14 г. Кирова. Юношеское влечение к необычной профессии журналиста определило выбор, куда можно пойти после школы. Ленинградский университет стал для В. А. Ситникова

«альма матер», однако не отделение журналистики, а чешское переводческое отделение филологического факультета, поскольку дед был в свое время в Моравии и много рассказывал об этом внуку. Так будущий писатель приобщился к славянской культуре, к переводам. Но распределиться по специальности переводчика не захотел. Потянуло на родину.

В 1954 г. Ситников возвращается в Киров, где начинает сбываться его мечта — стать журналистом. Он работает в газетах «Комсомольское племя» и «Кировская правда», стал членом Союза журналистов.

Уже в годы учебы в Ленинграде Владимир Арсентьевич сотрудничал в различных газетах и журналах. Здесь у него родился замысел повести. Эта повесть «Ищу призвание» вышла в 1958 г. в Кировском книжном издательстве. Начинается долгий и упорный путь к писательскому мастерству. В. А. Ситников обращается к различным прозаическим жанрам: это книги очерков, повести «Горячее сердце» и «18-я весна», «Белогривская метелица», «Русская печь», «Летние гости», роман «Свадебный круг» и другие. С 1966 г. член Союза писателей. Его книги выходили в Москве, Кирове, Горьком и других городах. Повести, роман и очерки печатались в журналах «Наш современник», «Волга», «Знамя», «Нева», «Юность». Владимир Арсентьевич — автор многочисленных очерковых публикаций в местной и центральной периодике. Его очерки печатались во многих столичных журналах и центральных газетах. За очерки ему присуждена премия Союза журналистов СССР.

В 80-е годы В. А. Ситников обращается к детской аудитории. Забота о том, как передать молодому поколению те вековые традиции, которые постепенно исчезают, привить любовь к малой родине, невидному повседневному труду — основная тема повестей «Клюква-жаровица» (изд. «Малыш», 1982), «Красава-матушка», «Медовая поляна» (1983 и 1984), «Настин двор» (1994) и других.

К этому же времени относится постановка спектаклей по его пьесам «Райская обитель» и «Толкач из Парижа» в облдрамтеатре.

В 90-е годы писатель завершил роман «Эх, кабы на цветы да не морозы...». «Хроника падения крестьянского двора» (1990), в котором исследует феномены деревенской жизни прошлых лет. Еще одна повесть о новых проблемах села — нарождающемся фермерстве — «Фазендейро» Петухов и другие» (1991).

Всего издано В. А. Ситниковым 40 книг.

С 1988 г. В. А. Ситников возглавляет Кировскую (Вятскую) областную писательскую организацию Союза писателей России. Он делегат многих съездов Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

КОЛОСКИ

Отрывок из повести «Русская печь»

Митрий Арап тоже решил отремонтировать гармони, которую во время проводов в армию разбил его младший сын, и позвал нас дня на три к себе. Изба заросла черемушником. К самым стеклам прижались сучья, будто глядел в окошко лось-сохатый.

Шел я к Арапам с каким-то волнением. Там жила черноглазая и быстрая, в отца, Галинка. Арап, наверное, в молодости тоже был красавец. О том свидетельствовала фотография, заключенная в старинную рамку. Он, бравый, усатый, стоит в середине, положив руки на плечи сидящим рядом мужикам из нашей деревни. Живые глаза Арапа смотрят дерзко.

После работы у конного двора дедушка садился за ремонт гармони, а я уже в полутьме помогал Галинке и Фене копать картошку на огороде.

— Берегите, берегите корминку, картофельную витвину на прясло вешайте. Она в дело пойдет, — наказывала тетка Дарья, и мы вешали переплетенную ботву на прясло огорода. Без Арапа дело у нас шло как-то веселее, с шутками да разговорами, а Арап связывал своей мрачной несправедливостью к жене.

Тетка Дарья, видимо, прослышала от услужливой Агаши о том, что муж бывает у почтальонки Веры, и с утра до вечера говорила об этом, ругала Арапа и Веру. Но стоило появиться мужу, как она смолкала, бормоча за заборкой что-то невнятное, шуршала валенками, которые из-за ревматизма носила и летом.

Я вообще не знал, когда спит эта беспокойная старуха. Часов в пять утра она уже доила корову, разговаривая сама с собой, потом начинала будить Феню и Галинку, спящих на сеновале.

Старший Арапов сын Петр, первый в нашей деревне тракторист, перед уходом на фронт обучил своему делу сестру Феню. От МТС она работала пока в Коробове. Теперь утро в нашей деревне начиналось с тархатения колесника. Феня подолгу возилась у трактора. Он не заводился до тех пор, пока не прибежал на все гораздый Сан. Дарья боялась, что трактор не заведется, и затемно будила дочь.

— Фень, Фе-ень, — слышалось из ограды, — проспийшь, здоровая. Трахтер заводи! Слышь, Фень! Трахтер-от заводи. Сан уже на скотный двор пробежал.

Арап сердито ворочался за печью.

— Помолчи ты, судорога.

Дарья на время притихала, потом опять заводила свою нудную побудку, и ничем нельзя было ее отвлечь от этого.

Однажды под вечер Арап взглянул в обломок зеркала, взял нож-резак, буркнул, что поедет в Дымы резать колхозного хряка, и ушел.

Я слышал, как долго шептались Феня с Галинкой.

— Я ей все в глаза скажу! — горячилась черненькая непоседливая Галинка.

Феня, в мать, белая и спокойная, охлаждала пыл сестры:

— А он как узнает, да как... Лучше мы ей устроим. Никто не узнает. А она поймет.

Когда совсем стемнело, Феня с Галинкой куда-то ушли. Не знаю, долго ли они ходили, но меня разбудила ругань Арапа. Он матерился и, бегая по избе с супонью, кричал на притихшую Дарью:

— Галька где? Галька где? Я тебя спрашиваю. Шкуру с паршивки спущу!

— Да где ей быть, давно девка спит на сарас.

— Я те дам, потворщица, я те дам! Где она?

— Да что ты на нес, что ты? — бормотала Дарья. — Спи!

Укладываясь на свой топчан, Арап все еще ругался, но, видимо, прежнего запала у него уже не было. Вряд ли он полез бы в темноте на сеновал. А к утру, глядишь, поохладел бы.

В это время в избу влетела Галинка.

— Ты что разошелся, что ты все время на маму кричишь? — сдвинутыми слезами и волнением шепотом спросила она. — Что ты над ней измываешься?

Видимо, это была первая вспышка Галинкиного протеста. Ее слова так подействовали на Митрия, что он даже начал заикаться и никак не мог загнать привычный матюг.

— Да-да, я, — выкрикнул он наконец и, спрыгнув с топчана в исподнем, с той же супонью в руке бросился к Галинке. — Паршивка! Да за это я тебя! Камнями стекла бить. Ишь! — и взмахнул супонью.

Но странное дело, Галинка не отбежала, не укрылась руками, а шагнула навстречу отцу:

— Ну-пу, еще ударь! Ударь! Вот я и Васе, и Пете, и Федору напишу, чем ты занимаешься, когда люди кровь льют на фронте. Чем ты занимаешься?

— Ах ты, паршивка, да я убью тебя, — не своим голосом выкрикнул опять Арап и еще раз ударил Галинку, но в это время встал мой дедушка, бросилась к Арапу Феня.

— Оставь, кум, оставь. Если ты ударишь ее, мы теперь же от тебя уйдем. Теперь же! — выкрикнул дедушка и задыхнулся. — Уйми свою злобу.

Митрий вроде послушался, швырнул под лавку супонь, шнул подвернувшуюся под ноги табуретку.

И тут Галинка заплакала. Ее поддержала Феня.

— Как тебе не совестно! Нам в глаза говорят, что ты, что ты... — кричала Галинка. — Отец — старик и гуляет!

— Молчать! Молчать! — крикнул Арап. Рука опять потянулась за супонью. Он выскочил в ограду. И там разразился облегчающим душу матом.

Оказывается, Галинка и Феня видели, когда их отец сидел у почтальонки Веры, и метнули камень в ее окно. Этим и возмущен был Арап.

Во время перекуров за ремонтом телег он долго растолковывал дедушке, что ничего в этом плохого нет. Просто Вера попросила скамейку починить. Так разве нельзя соседке сделать, раз просит, раз больше никому.

— Ну скажи, Фаддей Авдееч, скажи? Ведь ты человек справедливый, начитанный.

— Помогать-то, конечно, надо, — ответил дедушка. Ему не хотелось обидеть Арапа, но и одобрять его он не хотел. — Сам смотри, Митрий Матвееч, тебе перед детьми ответ держать. Перед собой тебе нечего таиться, знаешь, что делаешь. Душой перед собой ведь не кривишь? А перед детьми к чему кривить?

— Ну, чтоб я ответ давал! — вспыхнул тот.

У Арапов мы ели хлеб с травой. Зато у них было много обрести, и тетка Дарья делала наваристые щи, тушила картошку с салом. Меня травяные лепешки мало привлекали.

— Хлеба бы ты попросила, Фень, Сан-от даст тебе, раз на тракторе работаешь, — говорила тетка Дарья, — с травы у меня все нутро изболелось.

То ли Феня не осмеливалась просить у председателя зерна, то ли расплата с трактористами не подошла, но хлеба Феня получить не могла.

Хлеба у них точно не было, а то Галинка потребовала бы дать его бабушке и самой страдающей желудком тетке Дарье.

Как-то сонливым днем (с утра до вечера сеял смиренный мороз) мы убирали с Галинкой из огады картошку. Я бы мог долго-долго сортировать и ссыпать в подполье сухие клубни, лишь бы Галинка была со мной и вот так, с доверчивостью и интересом, смотрела на меня.

Вначале я рассказывал ей во всех подробностях о графе Монте-Кристо. Никто нам не мешал. Дедушка возился со своими гармониями. Арап был на конном дворе, Ванора в извозе, а Феня переехала пахать зябь в деревню Дымы. И теперь там чаще, чем в Коробове, был председатель Сан.

После «Графа Монте-Кристо» я начал рассказывать Галинке об Андриюхе. О том, какой он храбрый и благородный человек. Она должна его ценить. Мне хотелось, чтоб Галинка хоть немного внимания обратила на меня, а получалось, наоборот. Я хвалил Андриюху, говорил о том, какой у него был «дипик» — токарный станок, как мастер Горшков отмечал Андриюху. И в конце концов я добился того, что Галинка стала упрашивать меня еще рассказать об Андриюхе. «Ты так интересно рассказываешь». Глаза у нее были широко открыты, и удивление и восторг светились в них.

Галинка, наверное, всему верила. Ей нравилось, что Андриюха такой умелый и смекалистый, добрый и красивый.

Правда, рассказывая о девчонке с завода, я чуть не заврался. Я сказал, что девчонка эта красивая-красивая и она даже полюбила Андриюху, но он ответил, что у него в нашей деревне Коробово есть одна девушка, он верен ей и должен поехать, чтоб увидеть ее.

Галинка испытующе смотрела на меня, недоверие появилось в ее взгляде:

— Так ведь мы... так ведь я совсем недоростыш была, когда Андриюша последний раз приезжал. Ты почему-то не то говоришь...

Еще немного, и я бы окончательно заврался. Хорошо, что застучал кольцом в калитку Сан. Измученный, в мокром дождевике, в сапогах с побелевшими союзками, председатель отер ладонью лицо и навалился на столб.

— Галина Митревна, Павел Аркадьич, пойдёмте со мной ненадолго. Дело одно.

Это он меня так назвал по имени-отчеству. Мы встали и пошли по раскисшей дороге, укрывшись от дождя пустыми мешками. Хорошо, что пришел Сан, вывел меня из тупика.

Не работать позвал нас председатель. В теплушке, которая была и конторой, и сторожкой, а иногда и складом для зерна, находились двое —

Галинкина мать, тетка Дарья, и уполномоченная из района товарищ Сокол. Тетка Дарья была вся мокрая, домотканый сарафан в глине. Рядом с ней на лавке лежал мешок с колосьями. Товарищ Сокол, в мужской кожаной шапке, в дождевике с поднятым башлыком, стояла спиной к двери. Я сразу почувствовал что-то недоброе. Галинка бросилась к матери. Лицо ее побледнело. Она показала глазами на колосья.

— Это ты, что ли?

Тетка Дарья испуганно замотала головой.

— Это я подобрала, подобрала, ей-богу!

— Александр Иванович, ты кого привел? — спросила холодным голосом Сокол. — Почему ты дочь ее привел? Мне понятые пужны, а не родственники.

— Больше никого нет, — промямлил Сан, уводя глаза.

Тетка Дарья заплакала, приговаривая:

— Да что вы, родимые, я ведь колоски-то на убранном поле нашла. Не обрезала я. У меня и ножа нету. Отпусти уж меня, милая начальница. Отпусти!

Заплаканное лицо старухи было замученным и каким-то безучастным одновременно, хоть она и упрашивала начальницу. Казалось, что она давно устала от всего, и ей даже безразлично, как поступят с ней.

Товарищ Сокол со стуком положила на стол нож. Я узнал Арапов резак.

— Вот твой нож, ты его выбросила, как только увидела меня, — сказала товарищ Сокол.

Но тетка Дарья не узнавала нож.

— Не мой, не мой, — одно и то же повторяла она.

Наверное, уполномоченная хотела передать тетку Дарью в милицию. А потом ее посадят в тюрьму. По закону военного времени. Нельзя брать колхозный хлеб.

Если тетку Дарью, такую старую и больную, посадят в тюрьму, она там умрет. Не надо признаваться, что это ее нож. Тогда уполномоченная, может быть, отступится.

Но Галинка вдруг шагнула к товарищу Сокол и сказала прерывистым голосом, какого я ни разу не слышал у нее:

— Наш это нож, Анна Ивановна, наш, но я прошу вас, отпустите маму. Она никогда больше не будет. Я ручаюсь, честное комсомольское,

ручаюсь. А я, я буду всю осень работать бесплатно, ни зернышка не попрошу, только отпустите!

Нестерпимый огонь жег ей лицо. Оно было в алых пятнах. Она прижала руки к груди и с мольбой смотрела на уполномоченную.

— Мама там помрет. Нельзя ее туда, нельзя! Я прошу, я работать бесплатно буду.

Товарищ Сокол сбросила с головы башлык.

— Ты что это, хочешь, чтобы мы на хищения сквозь пальцы смотрели? Фронт без хлеба оставить? Там наши бойцы жизнью своих не жалеют. Ты комсомолка, а не знаешь, что это вредительство.

Тетка Дарья вдруг встрепенулась.

— Это я вредитель? Ах ты, такая ты... Да у меня два сына воюют. Один командир. Может, поглавное тебя, а ты меня за колоски поймала. Они бы мне своего хлебушка дали. Я их и родила, и выпоила. От травы я пухну, нутро у меня большое. Черви там, ты понимаешь, начальница, черви! Я и так подохну скоро.

Я вдруг как-то по-иному, чем обычно, взглянул на забитую тетку Дарью. Вель действительно, она всех воспитала: и Галинку, и Феню, и парней. Не Арап ведь, который всех держит в страхе. И ей ведь мясо, которое приносит Арап, есть нельзя. Это я слышал, но думал, что тетка Дарья просто так говорит. Кто в войну откажется от мяса, если это даже обречь, которую, по словам Арапа, до войны за мясо не считали. Сыновей, дочерей она воспитала, а хлеба у нее нет.

Галинка подбежала к матери, взяла ее за плечо, крикнула:

— Молчи! Не слушайте ее. Молчи, мама!

Она, видимо, боялась, что тетка Дарья рассердит товарища Сокол, и тогда уж ничем нельзя будет помочь.

А уполномоченная действительно обиделась.

Мы шли обратно понурые, не замечая, что нас мочит дождь. Галинка всхлипывала. Слезы перемешались с дождевыми каплями. Я еще ни разу не видел, чтобы она плакала. Бедная Галинка! Хорошо, что Сан — председатель. Степан, наверное, не стал бы вступаться за тетку Дарью. А может быть, все так само собой и получилось, и Сан ничего не хотел сделать в защиту тетки Дарьи? Но ведь он любит Феню. Должен был что-то сделать, чтоб спасти ее мать.

Тетка Дарья по привычке что-то бормотала, не заботясь о том, что ее никто не слушает.

— Отцу-то, Галь, не говори мотри. А ты, Пашенька, дядюшке Митрию не сказывай и дедку своему не говори. Запопыснет меня Митрий,

заполыснет. Старый черт! Ухажорке своей Верке полмешка упер муки, а у меня нутро болит. Помру я, и так помру скоро.

Нехороший был этот день. Картошку мы перебирали с Галипкой молча. Мне хотелось сказать ей что-нибудь хорошее-хорошее, чтоб она хоть немного развеселилась, но ничего в голову не приходило.

Уже в сумерках вновь зашел Сан. Ни на кого не глядя, с облегчением сказал:

— Вроде пронесло грозу, — и вытер со лба рукавом то ли пот, то ли дождевые капли.

Тихий-тихий, а все-таки упорный и умный был наш Сан. Без всякого шума добился своего: погасил гнев уполномоченной Сокол, тетку Дарью спас. А приведи он в теплушку чужих людей? Не каждый бы стал тетку Дарью защищать.

Дедушке привезли за починку совершенно расхлестанной гармонии полмешка ячменя, и он отдал его Ефросинье, чтоб та смолола зерно, а потом напекла хлеба.

И вот однажды еще спросонья я почувствовал запах свежих, только что выпнутых из печи ярушников. Какой был запах! Приятнее самых приятных! Выглянув из-за кожуха, я увидел, что внизу на досках «отдыхают» под пестрядиновыми скатертями хлебы, а белые от муки колобы, еще не испеченные, покоятся в чарушах. Какая это прелесть — свежий хлеб из русской печи!

Ефросинья ловко орудует деревянной лопатой, стараясь не разбудить нас, у нее лицо довольное: хлебушко испекся.

В этот день был у нас настоящий праздник. И главной на празднике была печь, которую била под приглядом дедушки вся деревня. Маленькая Нюрка гладила ее теплый бок и повторяла Ефросиньины слова:

— Жданая, хлебушко испекла.

Дедушка запивал душистый мякиш молоком. На его лице было блаженство. А я не удерживал счастливую улыбку.

Ефросинья не осталась в долгу. Она напекла гороховых, морковных и рябиновых пирогов, пухлых шанег, и мы весь день их ели, беря прямо со стола.

— Когда кончится война, тятенька придет, каждый день станем так есть, — общала Ефросинья ребятам.

Я сл-сл стряпню и вдруг вспомнил про тетку Дарью. У меня пропал аппетит. У нее желудок болит из-за травы. Тайком от всех я сунул один ярушник за пазуху и отнес ей. Я думал, что она обрадуется, а она заплакала.

— Почто ты принес-то?

— Да так, принес и принес. У тебя ведь живот болит.

Она насыпала мне полный припол моркови и сказала ласково:

— Я молиться за тебя стану.

— Не надо, не молись, тетка Дарья, ты ешь и поправишься.

Но она не поправилась. Умерла через полгода, так и не дождав-
шись той поры, когда опять много стало хлеба.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РЫЖОВ

Алексей Михайлович Рыжов родился 8 марта 1928 г. в деревне Агесво Санчурского района Кировской области в семье крестьянина. С 1936 г. он учился сначала в Мусерской начальной, а затем в Боркинской неполной средней школе, но война не позволила окончить школу. Отец и старший брат Рыжова были призваны на войну, а сестра — на оборонный завод на Урале. Четырнадцатилетний парень стал пахать землю, сеять и убирать хлеб, косить и метать стога.

После войны Алексей Рыжов был лесорубом, плотогоном, плотником на стройке, десятником на лесопункте. Много молодому человеку пришлось поездить по стране. В 1949 г. Рыжов возвращается на родину и поступает в Суводский лесной техникум. Алексей Михайлович после окончания техникума был направлен в Ленинградскую лесотехническую академию, однако вскоре ему пришлось перевестись в Йошкар-Олу. Окончил институт он в 1959 г., работал лесничим в вятских лесах, директором леспромхоза.

Как вспоминает сам Алексей Михайлович, стихи он начал писать с пятого класса. Большое влияние на его творческую натуру оказали в разное время его учителя, интересные люди, которых он встречал в разных уголках России.

В 1949 г. подборку своих стихов он посылает А. Т. Твардовскому. Поэт откликнулся лаконичным, теплым письмом. В этом же году появилась первая стихотворная подборка в газете «Голос колхозника» (Санчурск). В последующие годы Алексей Михайло-

вич обращается не только к поэзии, но пишет очерки, новеллы, рассказы, небольшие повести, которые печатались в Москве.

В 1979 г. вышла его первая книга повестей и рассказов «Просека», в 1983 — вторая — «Живица», а в 1992 — третья — «Сохатый». Многие рассказы и повести Рыжова печатались в альманахах и сборниках. А. М. Рыжов член Союза писателей России.

ЕГОДИНОЧКА

На соседней улице села визгливо, с надрывом, взвывла гармонь, будто на нее печально сапогом наступили. И сразу же лесную вечернюю тишину разорвала нестройная музыка.

Пижурин наострил ухо. Удивился: что за ухарь-гармонист появился в селе? Хозяйка, у которой квартировал лесоустроитель Пижурин, заметила недоумение квартиранта. Энергично шуруя горящие дрова в русской печи длинной кочергой, звонким голосом объяснила:

— Егодиночка это пиликат. Кажинный день вот так. Пиликат и пиликат. С утра до вечера. Как и не надосло?!

— Какой Егодиночка? — интересуется Пижурин. Он помнит, что в прошлом году, когда он с группой таксаторов жил здесь же, у бабки Манефы, такого человека в селе не было.

— Ой, что ты, — обращается она к Пижурину, — разве я тебе не рассказывала о нем? Да это же Христа Курбатова такого фертика себе завела. Продавщица сельповская, — поясняет бабка Манефа, лукаво улыбаясь одними глазами.

— Как завела? — вопросительно смотрит Пижурин на бабку Манефу. — Купила где, что ли?

Бабка Манефа при этих словах Пижурина задорно смеется, и на выцветшие ее глаза от этого заразительного смеха набегает слезы.

— Купила, говоришь?! — продолжает она смеяться беззубым ртом. — Да нет. Так завела. Приблудного какого-то подобрала возле своей потребилочки — и живет, мастца. Поит, кормит его, в бане мост, обстирывает, а он, чуфра настояща, полена дров для Хреськи-то отрубить не желает. Одним словом — Егодиночка! — безнадежно машет рукой Манефа: дескать, чего о нем говорить.

— А Гарька-то у нее где? — спрашивается о бывшем муже Христины Пижурин.

— Гарька-то? — переспрашивает Манефа. — Муженька-то своего законного Христа летошний год, как вы из села уехали, ишло sproкудила.

— Как sproкудила? Куда?

— А так и спрокудила. Выпили оне как-то осенью, о Покрове дне, что ли, да пьяные-то и повздорили круто. А Гарька — мужик кипяток, озлитца на кого — судороги его корчат. Весь побагровеет, а потом посинест. Разумом от злости мутитца. Шары закатит — оне бельши видать. Настояшшой придурок. Ну вот, выбежал он, некошной-от такой, во двор. Суетитца. Ногами скребет, как необъезженной жеребец-третьяк. Глазам-ту огонь мечет. Ну и сгреб он с сарая охашку сухого сена, под крыльцо подсунул да и запалил. Ладно, суседи быстро сбежались. Дом от огня отстояли. Ну, а его, психа несусветнова, на три годочка судом народным в лагерь со строгим режимом и определили. В Сибири где-то на лесоповале теперича и мантулит. А Христя-та баба не промах. Личность свободная стала. Никому не подвластная. Торгует себе в магазинчике, поторговывает. Глазом опытным да блудным туды-суды зыркает. Мужики коло нее день и ночь гамузом ходят, табуниятца, как кобели на масленице. При выпивке-то веселы все да речисты — любого выбирай-прикарманивай. Вот и высмотрела себе Егодиночку стого. А как выпьет да закусит, маковым цветом лицо ее зарозовеет, ну и поет на все село Христя, ну и поет о хахале своем:

Это чей такой залетка,
Это чей, откуда?
Далеко ли эта ягода
Живет отсюда?

— Ну и каков он, ягодка эта? Сбой-то хорош ли? — спрашивает Пижурин.

Бабка Манефа снова смется заразительно, и в повлажневших ее глазах заплясали вдруг лукавые чертики.

— Хорош! Хорош! Как же ему, Егодиночке-то, плохому быть! Красавец! Ноги, как завитки — колесом. Рожа багряная, вся в угрях, круглая, как лукошко. На свекольном носу — шишка фиолетова с куриный желток красуетца.

— Ну, ну! — начинает посмеиваться Пижурин. — Портретик!

— А вот, патретик! Одно плечо ниже другого чуть не на пол-аршина. Через опушку драных штанов пузо, как у старого мерина через подпругу, вывалилось. Шорснатой весь, как шимпанзя ахриканская. Сквозь гнилой ворот облезлой рубахи на груди-то густые волосы на свет божий выпростались. Руки длиннопощие, как хватки, все в срамотных рисунках. Разлапистые. Жилистые кисти ниже колен висят. Зубья во рту железные, половина их вывалилась, прорехи видны, а остальные, как пьяные, вкривь да вкось торчат.

Помолчала Манефа с полминуты, опершись на кочергу, и подытожила сказанное:

— Однем словом, пугало пугалом, а она, Христя-то, Егодиночкой его величает. Да я бы, старуха, с ним по нужде на одном поле рядом присесть не согласилась, не только Егодиночкой величать.

— Работает-то он где? — не верит Пижурин, что здоровый, молодой человек без дела неделями ошивается.

— Да нигде! — неожиданно выпрямляется бабка Манефа и почти сердито смотрит на квартиранта.

— Ну, как же так? — не понимает Пижурин.

— А так, только и знат, что гармонию драть лото да самогон с водкой лакать круглосуточно. Без передыху. И так уж он пробки-те лизать приобвык, так присвоился, что только и дел у него — всем пьяницам пособлять в этом деле усердно паровит. Недавно с дружком-приятелем, Митькой Комком, так начикилился, так набутылился, что на кривых-ту ноженках, бедняга, не устоял. Гнилой лесиной хвоспулся в глубокую канаву и в грязине позеленелой плаузигца, как головастик весной, пузыри предсмертные пускает.

Ну, Хреске-то, однакось, жаль его, чуфарика, стало. А что бы и жалеть охвостье такос. Не-ст! Выгребат, значит, она его отгудова. Жилы свои женские надрывают. Возится. Вся болотной тиной да грязью opakости-лась: ни глаз, ни рожи не видно — одне зубы белеют.

С горем пополам выволокла сокровишко свое на сугорок. Пот с нее градом. Пошла умылась у колодца. Передохнуть после трудов праведных села на лавочку. Караулит, кабы свиньи его не слопали. А он, Егоди-ночка-то, пообсох малость, зашвелелся, признаки жизни объявлять начал. Глазья хмельные еле продрал да и заерестился на Хреську-то, зачapy-жился. Из-под образины своей зверской лото огнем зренья-то и пышет. От злобы сбрусеисл весь. Нутряным страшным голосом рычит на нее, будто схидна какая. Матерно ластца. Нечего, говорит, на лавочке-то, под окошком-то слобну харю продавать! Неси, говорит, вина — опохмелитца хочу!

Хреську-то от его ласкового обращения аж в обморок жмякнуло. Трясет всю, взбубетенькиват, будто лихоманка кака привязалась. Разом позеленела вся и скукожилась.

— Не прозевала девка! — усмехнувшись, замечает Пижурин. — Отхватила красавчика!

— Да уж не прозевала. Такого фертика зачала — поискать!

Манефа сходила во двор. В легоньком ведерке унесла корма поросенку. Бросила свежей травы кроликам в клетку. Выгирая руки о фартук, зашла в дом. Продолжила рассказ.

— Ну, пил да лакал он, Егодиночка-то стот, лакал да пил легулярно, Хреська-та с ним и обьязьяснилась. Полторы тыщи, голубушка, и насидела, проторговалась, значит. Все, что отец-то ей после себя оставил, на

базаре скорехонько по дешевке и умыкала да проторжку-ту свою и упредила. А когда голенькая-то, хоть и гладенькая собой, без единого целкового в кармане осталась, ну-ко, ты, посуды-ко, наглец-от, Егодиночка-то сй напрямки и изрек сурьезно:

— На кой ляд тапсрича ты мне без шиша-то за душой пужня! Чичас у тебя, халявой, ни выпить, ни закусить. Скушно!..

И ушел на все четыре стороны. Сказывали, будто опивается в соседнем районе у какой-то богатой вдовы.

Он ушел, а Хреску-то за проторжку вскорости с работы из магазина и вытурили. Судить-то уже не стали, раз она сама, добровольно изъяв свой вовемя в селью возместила.

По первости Хреська малость опсшила. Ну-ко тя, из теплого да сытного места выкурили! А потом сама себя в руки взяла. Оклемалась. Духом окрепла. В колхозе, на ферме работать стала. А надо сказать, от природы она девка-труженица. Отец с матерью оба были трудяги. За голые трудодни, бывало, с утра до вечера спины не разгибали. Траву ели, а работали по совести в колхозе. Так и умерли, наверно, ни разу досыта чистого хлеба не поевши.

Ну, работает, значит, Хреська прилежно да заботливо. Коровушек обрядила. Всех щеточкой вычистила. Ошметки грязи с боков у них отодрала. В стойлах побелила. Корму им не жалсет. Комбикорма позамимо колоды — ни пылинки. И опять у ней дела-те на мазь пошли. Надои стала получать высокие, денежки зарабатывать большие. Опять в доме все завела-справила. Мебель городскую, лакированную, со станции привезла. Телевизор с красочным экраном. Одежку себе подновила: пальто с норкой, бирет на голову мольтхеровый, сапожки хромовые со скрипом. Дорожки ковровы от самого порога до передних окон постелила. Зеркало о три створки в угол водрузила. Не изба деревенская, а настоящина городская горница стала. Суседки только ходят да ахают, а Хреська, знай, улыбатца молча.

Как все-то по дому изладила да дельжонок чуток подсгрудила, Егодиночка-то тут как тут и объявился. Опять к Хреське и прихерился — не оторвать. Будто пивка какая, присосался. Люблю, говорит, тебя, Хреська, пушше всех на свете! А сам во всю мою лыбитца.

Ну, Хреська-та опять от таких хмельных слов и растаяла.

— Дура баба! — не утерпел Пижурин, сорвался на грубость. — Не зря говорят: у бабы волос длинне, а ум короток!

— Знамо, дура. Трутня экого поить-кормить! И для чего? — задумалась бабка Манфа и закруглила свое повествование на неожиданно светлой мысли:

— А нам с имя, однако, жить веселей. Глядим на них — будто бесплатное кино кажинный день смотрим!..

НА ПУТИ К ПАРНАСУ

В. А. Поздеев

В 20—30-е годы нашего столетия на Вятке существовало множество литературных объединений, кружков — многие молодые пробовали писать стихи и прозу. Эта традиция сохранилась и в послевоенные годы. Особый взлет творчество молодых приобретает в 60-е. На страницах молодежной газеты «Комсомольское племия» появляются новые и новые имена. В это время редакция молодежной газеты начала выпускать литературную страничку, названную «Молодость». 13 мая 1962 г. появилась первая подборка стихов под этой рубрикой — так родился литературный клуб «Молодость».

Интерес к такой странице оказался большой. Многие пробовали свои силы в прозе и поэзии, и постепенно сложился определенный круг молодых авторов. И вот 2 октября 1963 г. в редакции газеты по улице Карла Маркса, 84, стали собираться любители поэзии и читать свои стихи. Клуб помогал в творческой работе молодым, потому что на его заседаниях не только читали, но и обсуждали новые произведения, свои и маститых поэтов, проходили встречи с местными писателями, актерами, художниками, просто интересными людьми.

Уже через несколько лет поэт Борис Марьев (родом из Зуевки) стал членом Союза писателей. В первые годы работы клуба у шестерых поэтов-кировчан вышли поэтические сборники: Тамары Николаевой, Анатолия Быстрова, Павла Маракулина, Ивана Смоленцева, Виталия Фофанова, Маргариты Чебышевой.

Весной 1963 г., когда готовилось IV Всесоюзное совещание молодых писателей, редактор «Комсомольского племени» А. Лиханов предложил издать к совещанию сборник стихов, печатавшихся в «альманахе» в газете. Многие организации приняли участие в этом хорошем деле, и в мае сборник был уже готов. Открывая совещание, Константин Федин отметил тот факт, что в Кирове издан сборник молодых поэтов «Молодость».

После первого выпуска последовали другие. Во втором и третьем были представлены стихи Екатерины Дьяконовой, Валентины Коростелевой, Геннадия Хорошавцева, Владимира Богданова, Георгия Кубатьяна, Сергея Худякова, Владимира Агафонова, Рафиля Мингазова, Анатолия Гребнева, Фаины Столяровой, Надежды Перминовой и других.

Одним из первых руководителей клуба был Владилен Иванович Кожемякин, который позже стал известным поэтом, жил в

Куйбышеве. Много сил клубу отдал и один из старейших вятских литераторов Леонид Дьяконов. Курировал работу клуба авторитетный вятский поэт, ответственный секретарь Кировского отделения Союза писателей Овидий Михайлович Любовиков.

С 1967 г. руководит клубом «Молодость» Т. К. Николаева. В 70-е годы пришли новые его участники: Валентин Востриков, Маргарита Котомцева, Светлана Сырнева, Елена Наумова, Людмила Суворова, Николай Пересторонин и другие.

Руководили клубом и кировские поэтессы Н. И. Перминова и М. П. Чебышева.

С молодыми поэтами и прозаиками проводились областные творческие семинары, совещания, на которые приглашались известные кировские и московские писатели.

Занятия клуба «Молодость» стали своеобразной творческой лабораторией для многих начинающих авторов, общение с более опытными коллегами приучило к взыскательности, становилось основой в определении критериев оценки как своих собственных опытов, так и творчества своих товарищей. Неизменной была в клубе атмосфера взаимной требовательности, но и доброжелательности. Строгость оценок всегда сочеталась здесь с пониманием творческих исканий молодых, их естественного желания найти свой собственный путь в поэзии, нащупать свою тему. Вот почему для многих кировских поэтов участие в клубе «Молодость» становилось неплохой литературной школой, закладывало основы поэтического мастерства, давало столь необходимый каждому пишущему творческий опыт.

В 80-е годы вышли книги участников клуба Елены Наумовой, Галины Кустенко, Владимира Морозова, Евгения Жуйкова, Маргариты Котомцевой. Некоторые из них были изданы в поэтической кассете «Истоки».

В 90-е годы традиции первых участников продолжили их ученики. У некоторых из членов выходили уже не первые книги: второй поэтической сборник у Галины Кустенко «Ты и я» (Киров, 1991), Валентина Вострикова, Людмилы Иштуиновой и Евгения Жуйкова и др. О своем творческом потенциале заявили первые книги Алексея Елькина, Надежды Мохиной, Бориса Борисова, Николая Коврижных и др.

Летом 1985 г. была сделана попытка провести первый независимый поэтический конкурс, идея которого принадлежала историку Александру Котову. Конкурс не был разрешен, но жела-

ние объединиться у участников осталось. В начале 1986 г. был создан клуб «Верлибр» как альтернатива клубу «Молодость». В литклуб «Верлибр» входят поэты Николай Голиков, Михаил Коквихин, Сергей Ухов, Светлана Сырнева, историки Сергей Бачинин, Евгений Останин, позже вошли в клуб Георгий Антонов, Олег Чарушин, Андрей Василенко и некоторые другие. Верлибровцы выпускали рукописный журнал «Авангард» (10 номеров), участвовали в поэтических областных конкурсах.

В 1988 г. при Союзе писателей было организовано объединение «Перевал», в которое вошли молодые литераторы, имеющие уже первые книги. Лидерами «Перевала» стали прозаик Петр Злыгостев и поэт Валерий Фокин, однако объединение вскоре распалось, потому что многие из участников были приняты в члены Союза писателей.

В районах области также существуют литературные объединения. В них занимаются любители поэзии и прозы, пробующие свои силы на тернистом творческом пути. Так, в районах области есть различные клубы: при кирово-чепецкой газете «Кировец» — клуб «Поиск», которым руководит Николай Сластников, действуют объединения при газетах в гг. Советске и Вятских Полянах, продолжают свою деятельность литературные клубы в Зуевке и поселке Подосиновец. Плодотворно работают в клубе «Поиск» Евгений Жуйков, Юрий Сластников, Валерий Верстаков, Николай Латушкин, а в зусевском литклубе «Рассвет» — Алексей Елькин, Михаил Чирков, Анатолий Огарков.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ РЕВА

Александр Васильевич (Василькович) Рева родился в 1932 г. в селе Вонданка Даровского района Кировской области в семье учителей. В трехлетнем возрасте мальчика привозят в г. Слободской, к которому он навсегда сохранит свою привязанность.

В 1949 г. Александр Рева — выпускник ремесленного училища № 2 г. Кирова. Остается работать на заводе, а через год переводится на работу в Слободской.

В девятнадцать лет Александр Рева — матрос Амурского речного пароходства, а через два года, из-за слабости зрения вынужден сменить профессию. Романтика дальних дорог позволила

ему побывать и на Севере, и на Камчатке, и в Приморье, а потом забросила на высокогорье Средней Азии.

Не только впечатления и общение с людьми, но и душевная неудовлетворенность — все вместе взятое побудило Александра Реву взяться за перо. Он становится членом клуба «Молодость», появляются его первые поэтические публикации в коллективных сборниках, областных и районных газетах.

Первая книга стихов «Ступени» (Киров, 1972) вобрала в себя основные поэтические темы, которым он остается верен доныне: это и привязанность человека к труду, к вековым традициям народа, и взаимоотношения человека с Природой, и противостояние человека злу.

В 1978 г. жизненные обстоятельства привели А. В. Реву на работу в музей, где он открыл для себя возможность не только словом, но и делом участвовать в спасении остатков материальной культуры прошлого. Создавая экспозицию в музее Александра Грина, собирая материалы для музея Яна Райниса в Слободском, он за всякой, казалось бы, бросовой вещичкой, умел разглядеть ее связь с судьбой того или иного человека. При всем увлечении историческими разысканиями, А. В. Реву не оставляет поэзия.

В 1978 г. вышла вторая книга стихов «Грани» (Киров), в 1982 г. третья — «Мера» (Горький), четвертая — «И лето, и зима» (1986, Горький).

В 1992 г. вышла очередная книга стихов «Прозрение» (Киров), в которой он предстает как тонкий лирик и страстный публицист. А. В. Рева в своих стихах четко определяет позицию поэта в бурных событиях нашего времени, и это позиция человека неравнодушного, искренне болеющего за свою землю, природу, человека, за те истинные корни, которые питают творческую силу народа.

* * *

Зерно прозревает в земле.
Дитя прозревает в семье.
В семье человек вырастает,
И все, что потом обретает,
Приходит к нему не извне...
Вот дедушку в землю кладут,
А отрока в поле ведут:
Учись в человеческой жизни
Служить и семье, и Отчизне!

В земле прозревает зерно.
И в землю кладут человека.
Так было, так будет, от века,
Живучи традиции... Но
Распахнуто в Космос окно,
Мир дышит тревогами века,
Жизнь движется только вперед.
Дитя прорастет в человека,
А как он свой хлеб соберет?..

ПОКАЯННОЕ

Две стороны одной медали:
Всю жизнь трудились, бедовали,
И сами, на свою беду,
Не мы ли в детях воспитали
Неуважение к труду?
От дома, от земли, как принцев,
Их отправляли в города
И сами исказили принцип
Наследования труда?
И в городах не наши ль внуки,
Не в силах одолеть науки,
Не им назначенной судьбой,
Нетрудовые свои руки
Употребляют на разбой?..

АВГУСТОВСКОЕ

Много сказано.
Мало спрошено
За забвенью
Нравственных норм.
Август месяц.
Трава не скошена,
Вся надежда —
На грубый корм.
Все, как видно,
Опять потеряно?
Что потеряно —
Не собрать.
Много сказано.
Мало сделано.
Что же далее
Можно ждать?..

СТИХИ ИЗ МОЛОДОСТИ

Стихи — не очень трудные дела,
Сказал Поэт, и я ему поверил.
Когда зима поземкою мела,

Дорогу я шутя стихами мерил.
Все выходило очень хорошо.
Тайга вся в изморози стыла,
А мне со стихотворною душой
Не холодно, но и не жарко было.
Я тех стихов тогда не записал,
Их не держал за пазухой, как камень.
Я словно впрок их, милых, запасал,
Чтобы в невзгуду были под руками.

МАРГАРИТА ПЕТРОВНА ЧЕБЫШЕВА

Маргарита Петровна Чебышева родилась 6 октября 1932 г. в с. Лебяжье Кировской области. Шурма, Русский Турек, Буйское — семья часто переезжала. Начало школьной жизни совпало с началом войны, окончание школы — с приходом окрылявших тогда шестидесятых. После школы был Кировский педагогический институт, факультет русского языка и литературы. В 1954 г. Маргарита Петровна окончила его и более 20 лет преподавала в школе.

В середине 60-х, уже взрослым человеком, пришла в литературный клуб «Молодость», во втором поэтическом сборнике «Молодость» появилась ее стихотворная подборка. Первая же публикация была 8 марта 1964 г. в газете «Комсомольское племя».

В 1967 г. вышла первая книга «Северянка» (Киров), о ней по-доброму отозвался Евгений Осетров («Правда», 7 сентября 1967 г.). Затем были многочисленные публикации в газетах, журналах «Смена», «Работница», «Волга», в коллективных сборниках, выпускавшихся в Кирове, Перми, Горьком, Москве. Вторая книга Чебышевой вышла в Москве, в издательстве «Современник» в серии «Первая книга в столице». Виктор Кочетков, представлявший книгу, писал: «Маргарита Чебышева — лирик по складу своего дарования».

Восемь лет Маргарита Петровна работала на телевидении редактором художественных передач. Журналистские встречи давали и материалы для стихов. Судьба русской земли, судьба русской женщины и, конечно же, любовь — главные темы ее книг.

В середине 80-х Чебышева два года руководила клубом «Молодость». Она — автор семи поэтических книг, в каждой из

них видится судьба нашей современницы с ее сложным внутренним миром, богатой духовной жизнью, с честным взглядом на прошлое, настоящее и будущее. М. П. Чебышева — член Союза писателей России.

ПРОВИНЦИЯ

В провинциальных тихих городах
вздыхают в палисадниках сирени,
как солнышки, кувшинки на прудах,
и кружевные на дорожках тени.

Там движется дремотно жизни ток,
пьют мужики и сплетничают бабы.
И обреченным кажется росток
твоей судьбы, беспомощный и слабый.

Провинция, глухая, как тайга,
не знала, что ее объятья — душат,
наивностью была так дорога,
убогостью так угнетала душу.

Баюкать, утешать, оберегать
мечтал твой дом. Но ты была, как птица,
еще умела только отвергать
заботы, мысли, голоса и лица,

Ты улетала прочь от тишины,
самозабвенно праздновала вестер!
Чуть слышный зов родимой стороны
не пес обиды, был печально светел.

Она тебя любила и ждала.
Она в воспоминаниях жила
и сонным царством, и хмельным угаром.
...Но в Китеже звонят колокола,
и чистый звон плывет над Светлояром.

* * *

Что бабки мои из крестьянок,
Не диво — мы все от земли.
Немало сынов у славянок
В боях за нее полегли.

Смотрю, как качается колос.
Прислушиваюсь: кажется, мой
Высокий рыдающий голос
Над вдовьей сиротской избой.

Но горе всегда незаконно.
И врывется свет из-за туч,

И встанет на ножки ребенок,
Хватаясь за солнечный луч.

Покоем наполнится небо,
Что хмурилось только вчера.
От запаха свежего хлеба
Тяжелыми станут ветра.

Все в мире непрочны и зыбко,
Но вечны колосья в руке
И легкая детская зыбка
На месяца тонком крюке.

ПОЭТ

Словно матовый свет голубики,
Эта ночь ожидания судьбы.
Восходили бессмертные лики
Под серебряный голос трубы.

Тщетно ждали мольбы и поклона
От великой гордыни его:
Не умел поклоняться иконам,
От богов не хотел ничего.

Не услышал он медные трубы,
Не заметил воды и огня.
Разлепил пересохшие губы
Шепот: «Люди, услышьте меня!
Вступите в золотые стремяна
За обиду сего времени,
За землю русскую!»

Кто он? — Тучами синие смерчи
Жгли рассвет над Каялой-рекой.
Назовись! — окликала бессмертье.
Молча он заслонился рукой.

И остались в пылающей сини
Позабывшему имя свое
Только крестные муки России
Да высокая слава ее.

ДВА ПРОЩАНИЯ

А помнишь,
когда я тебя провожала,
За повод коня вороного держала,
Он всхрапывал тихо
И глазом лиловым
Косился

И бил в нетерпенье подковой.
И чибис уныло кричал над дорогой...
А ты все смеялся над бабьей тревогой:
— Давай закурганную выпью —
и в путь!

Не плачь, дожидайся.
Смотри, не забудь!
В серебряной чарке три капли на дне:
Попутному ветру,
дороге
и мне.

Какие лихие вска пронеслись
Сквозь эти три капли,
Сквозь доло и жизнь!

Качает вагон.
И под шум ресторанный
У нас разговор непонятный и странный:
— А помнишь,
Когда ты меня провожала,
За повод коня вороного держала,
И ветер слезинку сушил на щеке,
И чибис уныло кричал вдалеке.
...Убили в бою вороного коня...
И, может быть, даже убили меня.
А ты все не веришь,
Все ждешь до сих пор.
Не правда ли,
Странный у нас разговор?
И я, как тогда, закурганную пью
За доло твою и за доло мою...
Ты помнишь?
— Я помню.
Три капли на дне:
Попутному ветру,
дороге
и мне.

ТАМАРА КОНСТАНТИНОВНА НИКОЛАЕВА

Тамара Константиновна Николаева родилась 7 июля 1937 г. в Москве. Окончила среднюю школу, а затем в 1961 г. институт инженеров железнодорожного транспорта. По распределению она была направлена в Кировскую область и некоторое время работала инженером транспорта.

В 1963 г. перешла на журналистскую работу в газету «Комсомольское племя». В эти годы Т. К. Николаева стала членом клуба «Молодость». Ее первая публикация стихов относится к студенческим годам, они появились в 1957 г. в газете «Инженер транспорта».

Стихи Т. К. Николаевой публиковались в антологии молодой поэзии «Факел» (Москва, 1963), сборниках «Вятка» (Киров, 1963), «Вятские зори» (Киров, 1967), «Встречи» (Киров, 1980, 1982, 1984). Она традиционно представлена на страницах сборника «Молодость» (почти все выпуски). Печаталась в журналах «Смена», «Волга» и др. В 1969 г. Т. К. Николаева была участницей V Всесоюзного совещания молодых писателей.

Т. К. Николаева — автор трех поэтических сборников: «Дождь и солнце» (Киров, 1964), «Горожанка» (Киров, 1968), «Любовь моя земная» (Киров, 1971) и двух книг прозы: «Улица первой любви» (Киров, 1981), «На маленькой станции» (Горький, 1987).

В 1967 г. Тамара Константиновна становится руководителем литературного клуба «Молодость». Затем им руководили поэтессы Н. И. Перминова и М. П. Чебышева. Потом вновь взялась за руководство клуба Т. К. Николаева. До сегодняшнего дня она ведет в нем работу с начинающими поэтами и прозаиками.

С 1992 г. Т. К. Николаева работает зам. генерального директора муниципального предприятия «Библиотека», она также ведет большую общественную работу: ответственный секретарь «Вятского пушкинского общества», зам. председателя «Вятского шаяпинского общества», редактор газеты «Вятская речь».

Член Союза журналистов России.

НА МАЛЕНЬКОЙ СТАНЦИИ

Женя ждала Геннадия у газетного киоска. Она разглядывала обложки журналов, и все здесь казалось ей старым, вчерашним, никому не нужным.

Геннадий подошел и молча обнял ее. Этот жест, и это молчание, и нежность показали ей тоже вчерашними, давно известными.

Они пошли по улице вдоль станционных путей. Женя любила здесь ходить, потому что иногда за целый вечер им не попадалось ни одного встречного. Но здесь можно было прогуливаться только в сухую погоду, после дождя тротуар становился непроходимым. Сегодня, к счастью, было сухо.

Геннадий молчал. Женю это удивило. Обычно Геннадий с разбегу начинал говорить о работе. Женя иногда молчала в ответ, иногда делала вид, что ей все интересно, а иногда просто не слушала его, думала о своем. Геннадий потом никогда не мог вспомнить Жениного лица во время их долгих прогулок. Всегда вспоминалась только насмешливая интонация ее вопросов или глубокая грусть ее собственных размышлений.

— Ты сегодня молчишь? — сказала Женя. — Что-нибудь случилось?

— Устал я сегодня со своим стажером.

— Откуда он?

— Из Москвы. В прошлом году школу кончил. Говорит, провалил экзамены в институте, приехал подрабатывать.

— Деньги нужны?

— Говорит, да. Но я не верю. Одет уж очень... Все заграничное. Фирма, как он выражается. Да и вообще не скажешь, что вырос в пренебрежении. А самое странное знаешь что? Я его где-то видел. Честное слово! Когда говорит, смеется, вроде бы незнакомый, а когда молчит, особенно если сердито смотрит, поджав губы, — знакомый. Даже очень знакомый. Видел я его, голову на отсечение! Но где, когда — не могу представить.

— Бывает.

— И еще у нас событие.

— Да ну? Благодарность вынесли?

— Нина вернулась.

Женя резко остановилась, повернулась к Геннадию и смотрела на него во все глаза.

— Нинка? Одна?

— Одна.

Женя отвернулась и пошла вперед.

— Ты разочарована? — спросил Геннадий.

Женя пожала плечами:

— Я? Ничуть. С чего бы?

— Ты ведь тоже была влюблена в него?

— А кто из девочек не был влюблен в него? Художник. Красавец. Как войдет в класс, как взглянет, так из лобой хоть веревки вой.

- Ну не из любви.
- Из любви, у которой душа есть.
- На нем же было все написано. Что в нем могло нравиться? Он же пустой.
- Была красота.
- И только?
- Это не так уж мало.
- Тоже мне добродетель...
- А почему нет?
- А потому что это от природы. Человек-то тут ни при чем. Разве я не стал бы красивым, если бы мог?
- Ты? — Женя засмеялась. Смеяться она не умела. Смех ее был жалобный, постанывающий.
- Хотя нет, я бы не стал. Не захотел, — сказал Геннадий.
- Это самолюбие некрасивых — кичиться другими достоинствами.
- Должно быть, так. К счастью, у меня нет возможности выбирать свою внешность.
- А я ощущаю это как несчастье, — сказала Женя с глубокой тоской. Не торчала бы я тогда здесь.
- Ты сегодня совсем невеселая, — с нежностью сказал Геннадий.
- Может быть, я Нинке завидую. Она, по крайней мере, пожила.
- Геннадий помолчал, но потом все же решился сказать:
- Она ждет ребенка.
- От него? — как-то вдруг настороженно спросила Женя.
- Да.
- Счастливая. Нет, она дура. Она и тогда не понимала своего счастья. Уж я бы от него не уехала. Приклеилась бы — и ни на шаг.
- Ты любишь его, что ли? — ревниво спросил Геннадий.
- Я? — Женя жалобно засмеялась. — Он меня и не видел. Он и до сих пор наверняка не знает, что есть такая я. Если только Нинка не сказала.
- Ну ладно, — он-то, может, и не замечал тебя, но ты-то его любила?

— Какая же может быть любовь? Под окошком бродить, стишочки писать? Я не помешанная. А ты что же, можешь любить так вот? Как это называется — безответной любовью, что ли?

— Не знаю, — хмуро ответил Геннадий.

— Можешь. Вы, Опалевы, все какие-то... Одна Ленка у вас пономальнее. Выйдет замуж за Кольку, народит детей, заведет козу, поросенка. Ох, до чего же все тошно! Но хоть, по крайней мере, это будет просто и честно, не замусорено красивыми словами.

— Я не ожидал, — еще более хмуро сказал Геннадий.

— Чего?

— Что тебя это так взволнует.

— Нинка, что ли? Да нисколько. Просто надоедает притворяться. Целый год говоришь всякую муть. Надо хоть перед собой не выступать.

— Ладно, будем считать, что сегодня мы поговорили, — Геннадий остановился.

— Уходишь? — ядовито спросила Женя.

— Да.

Женя передернула плечами, отвернулась. Потом снова посмотрела на Геннадия и сказала:

— Мы можем больше не разговаривать.

— Что же мы будем делать?

Она опять отвернулась и ответила в сторону:

— Целоваться.

Геннадию показалось, что она улыбается. Он с тоской смотрел на ее ладную фигурку, на светлые вьющиеся волосы. Потом резко повернулся и пошел. Женя недоуменно поглядела ему вслед.

Впервые после ссоры ушел он.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ МАРАКУЛИН

Павел Павлович Маракулин родился 20 мая 1937 г. в г. Горьком, в семье рабочего автозавода. Вскоре родители переехали на жительство в Коми, на реку Летку, изумительная, почти нетронутая человеком красота которой поразила будущего поэта

на всю жизнь. Окончил семилетку на станции Староверческая Мурашинского района Кировской области. Работал в леспромхозе, учился в Кирове в ремесленном училище, окончив которое, поступил на завод электромонтером. Одновременно учился в вечерней школе. После службы в армии — вновь завод. В это время пришло серьезное увлечение поэзией, хотя свои первые стихи Павел Маракулин относит к десятилетнему возрасту.

Большое значение в творческой биографии будущего поэта имел литературный клуб «Молодость». Активный его участник, Павел Павлович печатает свои стихи на страницах газеты «Комсомольское племя». Он ищет себя в поэзии и в жизни: работает на телевидении, в газете. В 60-х годах П. П. Маракулин учится в Литературном институте им. Горького, занимается в творческом семинаре, которым руководил известный советский поэт Илья Сельвинский.

Стихи Павла Маракулина появляются в коллективных сборниках «Вятка» (1963), «Старт» (1963), «Молодость» (1965), в журналах и газетах. Первая его книга стихов «Сисгири» (1966) вышла с напутственным словом Ильи Сельвинского.

Ранние стихи Маракулина во многом биографичны: в них отзвук сурового военного детства и трудовой юности, но в них уже чувствуется основная тема поэта: любовь к родной природе, к северной земле, к ее обитателям.

Вторая книга П. Маракулина вышла в г. Горьком в 1969 г., она имеет выразительное название «Сердцевина». Здесь вполне проявился дар увидеть, почувствовать поэзию обыденного, любовь к простым вещам. Здесь же проявилось своеобразие лирического героя, который в труде ощущает основу, прочность бытия.

В 70-е годы Павел Павлович Маракулин много и плодотворно работает, его книги выходят в Москве в издательстве «Современник» («Дом под звездами», 1972), в Кирове, Горьком. В это же время поэт обращается к лирической прозе: сборник «Тихая родина» (1976) посвящен миру природы и человека. В 1992 г. вышла его книга о грибах «У медведя во бору».

Павел Павлович Маракулов — автор 14 книг, четыре из которых вышли в Москве. Сейчас он активно работает в журналистике. Член Союза писателей России.

В творчестве П. П. Маракулина — воспоминания, раздумья, размышления, подкупающие искренностью и достоверностью, исполненные любовью к «тихой родине» — Вятскому краю.

КРАСНОЕ ДЕРЕВО СЕВЕРА

Вы приезжайте к нам по сентябрю,
когда в лесах светло от паутины:
я всем своим товарищам дарю
букеты красной северной рябины.

Опять стучатся кисти о карниз,
опять в небытие уходит лето:
рябина с дубом так переплелись,
что между веток не видать просвета.

Уже неделю и два дня подряд
по берегам, где залегли овраги,
похожие на праздничные флаги
рябиновые заросли горят.

И родину не так бы я любил,
когда б не эта красота до боли,
когда б по водяной широкой воле
крылом отлетный селезень не бил.

Вы знаете, я всем так говорю:
в лесу теперь грибов — имей лишь ноги,
вы приезжайте к нам по сентябрю
по северной рябиновой дороге.

РЫЖИКИ

Сушенья, и варенья, и соленья
подходит благодатная пора,
и трудовая жажда накопленья
да не минует нашего двора!

В такое время печь почти не стынет,
но у меня другое в голове:
когда олень слизнет с копыта иней,
тогда проступят рыжики в траве.

Умело переждав комарьи игры,
разбойный град и пыльный ветродув, —
они лежат, как маленькие тигры,
свои тела колечками свернув.

В словой кадке, стянутой искусно
гибчайшим ивняком поперх досок,
рыжата будут медленно и вкусно
накапливать в себе могучий сок.

В них — мед и горечь северного леса,
они такие, что сочтет за честь
одна зеленоглазая принцесса
за грубый стол с охотником присесть.

20 МАЯ

Я жду жену уже четвертый день:
минуя половодное пространство,
по вечерам я выхожу на трассу,
прямую, как натянутый ремень.

Я ничего к приезду не забыл,
я уплывал за нашу ГЭС и дальше:
такую дичь прекрасную, как вальдшнеп,
и тетерева я к столу добыл.

Давно задуман праздничный пирог
из царской рыбы, и мука просеяна.
Все ждут тебя, Людмила Алексеевна:
пол вымыт и обклеен потолок!

* * *

Кругом такая тишина,
такая дивная картина,
когда на звездной паутине
между берез висит луна.
Лишь первый перепел забьет —
освобождается от груза
душа, развязывая узел
своих печалей и забот.
Умолкли даже трактора,
но вот опять до боли звонко
по барабанным перепонкам
стучит из ночи: спать пора!
Чего же ради я не сплю!
Авось под крики этой птицы
мне снова женщина приспится
одна, которую люблю.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МИЛИХИН

Анатолий Алексеевич Милихин родился в 1939 г. в Кемеровской области. После окончания школы учился в Ленинградском судостроительном институте, а после работал судостроителем.

Много лет А. А. Милихин был журналистом заводской многотиражки, в районных редакциях. Его первые рассказы печатались на страницах этих изданий. Анатолий Алексеевич поступил на заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького, который окончил в 1978 г. Учился в семинаре В. Полторацкого, а затем Н. Евдокимова.

Рассказы, отрывки из повестей А. А. Милихина печатались в центральных газетах и журналах, в местной печати, в коллективных сборниках.

Первая книга — сборник рассказов Милихина «Четыре письма» вышла в Кирове в 1981 г. Он автор еще двух книг: «Что было — то было» (Горький, 1987), «Если жизнь тебя обманет» (Киров, 1991).

Некоторое время (меньше года) А. А. Милихин был ответственным секретарем областной писательской организации.

Член Союза писателей России.

НАУКА НЕНАВИСТИ

Казалось, не пятнадцать минут прошло с того момента, как она выскочила из Дома культуры, а целая вечность. И эта Аня, что сейчас подлетела к родному пристанищу, была совсем не той, что раньше, даже четверть часа назад. Такие странные, бурные события вечера — с трудом пробитое выступление их группы, неожиданный бешеный успех, рвущаяся на сцену толпа, безобразная драка, темный кабинет, обезумевший от желания, потерявший свой обычный лоск Андрей, какие-то непривычные мысли, тоска, — все это не просто отдалилось от нее, померкло и потускло. Все это виделось ею как бы со стороны, в отдалении, словно произошло не с ней, а с какой-то другой женщиной, внешне похожей на нее.

Но и в этом была еще не вся правда. Она сама старалась выкинуть события вечера из головы, забыть о них на время, стряхнуть с себя состояние счастливой, благой истомы, в котором она только что пребывала и которое отнимало у нее силы, необходимые для борьбы, для сопротивления насилию грубой жизни. Вот и первый результат — этим тотчас же и воспользовался Андрей. Ну ладно, она и сама виновата, сама поддалась ему, снова нырнула в мужские объятия, надеясь обрести хоть временный покой. И ведь давно поняла, что нет покоя ее душе, отравленной ядом себялюбия и зависти. О какой любви тут можно говорить! Но это, пожалуй, и лучше — эта любовь могла бы связать ей руки. А теперь она свободна, она ни от кого и ни от чего не зависела. Она действовала без оглядки. Вот сейчас ей нужно было подготовить себя к новому испытанию, которое потребует от нее совсем иного состояния души — озлобленной готовности вцепиться зубами в глотку любого, кто встанет на ее пути и попытается ей помешать.

Она знала, что для этого нужно — извлечь из тайников души накопленную там ненависть. А уж умению ненавидеть ее не нужно учить.

Она училась этому всю свою короткую жизнь. Теперь ей кажется иной раз, что во чреве матери вместе с жизненными соками она впитала в себя и сладкий яд ненависти, так что и на свет появилась уже с отравленной душой. А уж потом все совершилось само собой — ненависть стала ее оружием, ее тайной страстью. Она лелеяла ненависть, как опытный чуткий садовник лелеет слабый росток цветка, боящегося холодных сквозняков, она возбуждала ее в себе ежечасно, ежеминутно, она копила ее, бережно складывая в дальний угол души — на будущее, впрок, всерьез, что рано или поздно только ненависть поможет ей пробиться в этом мерзком, прогнившем, пропитанном до основания ложью и лицемерием мире, только она поможет занять теплое местечко под солнцем, греющим лишь избранных, уголок в том райском саду, где она уже побывала и откуда ее вместе с матерью и младшим братом так безжалостно вышвырнула жизнь.

И все же самые наглядные уроки ненависти ей преподнес отец. И Аня, тогда еще совсем ребенок, оказалась на редкость смысленной и памятливей ученицей.

Порой сладостные воспоминания уносили ее в прошлое, и она видела отца — низкорослого, коренастого, с крупной лысеющей головой, с мрачноватым, насупленным лицом, на котором горели пронзительные, гипнотизирующие глаза, и мать — совсем еще молодую, красивую, тихую, постоянно ходившую с выражением отрешенности на лице, с какой-то неясной полуулыбкой, словно она жила в своем обособленном мире, куда не хотела никого пускать.

Тимофей Ильич служил в милиции, по форму надевал редко, обычно носил хорошо сшитый костюм, и когда садился за руль молочного цвета «Волги», то походил скорее на директора завода, чем на старшину милиции. Мать как-то обмолвилась, что после армии он начал было учиться в институте, но вскоре за какой-то проступок его попросили уйти, и он каким-то образом, этот момент остался покрытым тайной, оказался в милиции, где быстро добился и квартиры, и всех тех благ, которые Аня уже воспринимала как принадлежащие им по праву. Он не любил ласкать дочь, чаще смотрел на нее как на пустое место.

Чаще отец уходил на работу после обеда, а возвращался поздно вечером, иногда среди ночи. Мать всегда ждала его, грела ужин или вязала на кухне, уложив детей и чутко прислушиваясь к шагам на лестнице.

Аня, не в пример трехлетнему Кольке, который ночами дрых, как убитый, сразу просыпалась, как только хлопала входная дверь, и, движимая острым и неодолимым любопытством, тотчас поднималась и через заранее оставленную в двери щель подглядывала за тем, что творилось в коридоре и на кухне.

Бывало, отец молча или что-то коротко буркнув матери, сразу проходил в свою комнату и затихал там. А мать, постояв у его двери с горест-

но поджатыми губами и так и не решившись войти к нему, брела на кухню, убирала посуду, потом укладывалась спать в зале на диване.

Но чаще всего он приходил пьяный, взбудораженный, налитый какой-то злой веселостью. Плохался в прихожей на ящик для обуви и вытягивал ноги, позволяя матери снять с них туфли. Потом в носках шел на кухню и там, с трудом вытащив из нагрудного кармана, небрежно, даже хвастливо швырял на стол толстую, пухлую пачку денег. Иногда пачки были аккуратными, залепленными накрест полосками бумаги. Он посмеивался, чуть покачиваясь и косясь на мать, а она с ужасом смотрела на эти деньги, боясь к ним прикоснуться. Потом, правда, привыкла, только каждый раз старалась поскорее убрать их с глаз, спрятать в шкаф под замок. Если при этом она задерживалась в зале, отец грубо, не стесняясь, кричал: «Валя! Ты где там? Долго я буду ждать тебя?» И она испуганно бежала на этот зов, как прислуга.

Он уже сидел за столом, на столе стояла бутылка дорогого коньяка. Он молча показывал ей на стул возле себя и на рюмку. Сам глотал коньяк, как воду, и уже не столько пьянел, сколько тяжелед, мрачнел, глаза его делались совсем дикими, он скрипел зубами, мотал опущенной головой. И вдруг начинал говорить, трезво и вдумчиво, но как бы сам с собой, не заботясь, слушает ли его жена.

И в этот миг он не терпел возражений, любое слово могло вызвать в нем вспышку бешеной злобы. Как-то мать ему что-то сказала поперек, так он тут же сгреб ее за волосы и ударил лицом об стол. Мать завывала, запрокинув голову, из разбитого носа текла кровь и пачкала новую импортную кофту, совсем недавно купленную отцом в подарок. «Сдохнуть бы, господи!» И он, кажется, испугался: бухнулся перед ней на колени, схватил ее руки, захрипел, словно его душили: «Прости, Валя, бес попутал... Прости, пальцем больше не трону, поверь мне!» А в общем-то они обычно говорили мирно, вернее, говорил в основном, конечно, отец. Вот так проглотит несколько рюмок коньяка и сидит неподвижно, подперев кулаком голову и вперед мрачный, остановившийся взгляд во что-то перед собой. И Аня порой казалось, что он видит, как она подсматривает, и ей становилось жутко.

И всякий раз неожиданно звучали его слова, от которых веяло какой-то тяжелой, может быть, тягостно переносимой им самим тайной, чем-то таким, о чем стыдно говорить вслух, при людях, а уж если человек решается сказать, то только самым близким людям, сообщникам, к числу которых Аня втайне причисляла себя, исключая из них мать.

Вот так вдруг возьмет да и бухнет, скрипнув зубами:

— Ненавижу... Ненавижу всех! Всех!

— Да что ты, Тима, такое говоришь? — робко возражала ему мать.

— Ненавижу эту мразь, эту человеческую слякоть. Любой из них, какой бы большой начальник ни был, готов мне сапоги лизать, лишь бы я его не заложил, лишь бы дал ему дышать. Каждый готов мать родную продать. На карачках готов ползти через весь город. В зубах несут...

НАДЕЖДА ИЛЬИНИЧНА ПЕРМИНОВА

Надежда Ильинична Перминова родилась в 1943 г. в Маньчжурии. Детство и юность пришлось на послевоенную пору, трудную и суровую. И, хотя Перминова жила в китайской провинции, русская культура, ее традиции бережно сохранялись здесь вынужденными переселенцами.

Надежда Перминова окончила школу и училась в пединституте целинного города Кокчетав (северный Казахстан). Уже в школе она начала писать стихи, некоторые из них напечатаны в газете «Молодой целинник».

С 1965 г. Надежда Ильинична Перминова живет в г. Кирове, где работает в газете «Комсомольское племя», на радио, телевидении. Она — участник, а впоследствии и руководитель клуба «Молодость», ее стихи печатаются на страницах местных газет, в коллективных сборниках, журналах.

Первая книга ее стихов «Речка Лала» (1971) обратила на себя внимание не только названием, но и искренним чувством любви к вятской природе. Кроме стихов Надежда Перминова пишет рассказы: «Тонькина кукла», «Березовые пули» и другие, напечатанные в различных сборниках.

В 1977 г. выходит вторая книга ее стихов «Солнце северных сосен», а в 1982 г. третья — «Остров раздумий». Надежда Перминова также автор двух книг очерков о вятских самобытных промыслах «Дымковская расписная» (1979), «Каповая шкатулка» (1984). «Эти книги — попытка, как пишет Перминова в одном из предисловий, описать историю своеобразного народного промысла, проследить судьбы его мастеров, заглянуть в его хотя бы ближайшее будущее».

Воспоминания детства, встречи на просторах «большой Родины», осмысление пережитого — все это отразилось в двух книгах прозы «Перекрестки» (1984) и «Соловьиная ветка» (1991).

Надежда Ильинична Перминова является автором поэтической сказки для детей «Где зимуют облака» (1992), а также составителем и одним из авторов сборника вятских поэтесс «Только любовь» (Киров, 1993).

Член Союза писателей России.

ПОКОЛЕНИЯ

В детстве мы вместе жили:
упругая, как пружина,
драчливая кошка Машка
и рыженькая Брехушка-лизунья из-под крыльца,
осанистая корова, вздыхающая лениво,
у ней была черная шуба

и белос молоко,
теленок ее кудрявый,
жадно сосущий пальцы
всегда с отпотевшим носом
и шишковатым лбом...

В подвале шпыряли мыши,
дрались петухи в мякине,
и бегал в углу кладовки глухонемой паук.
Какие-то были жизни, и тайны, и разговоры —
повести без начала,

поэмы до без конца...
...И вот я надела дочке
вместо креста на шею

ключ от нашей квартиры
и оставила ей:
ворчащий в углу холодильник
и рыкающие краны,

веселый лай телевизора,
мычание радиоволн...
Она то покрутит ручку,
то бок разрисует белый,
понажимает кнопки, рогатый штепсель воткнет...
И между нашими детствами
в стеклянной непрочной стенке
плывет молчаливо рыбка средь зелени и камней.
Она —

да, да — золотая!
Увы, из зоомагазина,
с испуганными глазами
и вечно плачущим ртом.

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Ничего не случилось. Только северный ветер подул.
И пожухли-потухли зеленые дали.
Золотые шары — сотни маленьких солнц —
приувяли

в бесшабашно заросшем саду.
Дорогой мой,
затопим железную старую печь,
хворостины в углу —

как рога обломали олени.
И по стенам пойдут красноватые, быстрые тени

отболевших

ушедших в беспмятство встреч.
Кто они?

Мне о том не поведать толково тебе,
и твои не войдут в мою память знакомцы.
А за печкой в окне —

отогретое летнее солнце
на дрожащем, заломленном книзу стебле.
Есть у осени право

на тихий смиренный уход
вездесущих и жадных до жизни растений.
Присмотрись:

ведь по стенам их души мелькают,
их тени —

так уходит навечно из памяти

целый народ.

Ничего не случилось.

Только северный ветер подул.

«ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ»

(Глава из повести)

Как жданный вестник весны застучал ночью копытцами в пол кухни новоявленный, словно свалившийся из ниоткуда теленок — белая с коричневыми пятнами телочка.

— Появилась, когда зорять стало, Зорькой назовем, — сказала счастливая мама.

Утром она принесла наполненный подойник от вновь дающей молоко коровы. И этот первый, самый жирный удой тоже своеобразно отпраздновали: на большой сковороде сварили молозиво — похожее на омлет, поев сами, угостили им и Марфушку и дали помалу собакам. Дня через два мама вновь утром бодро зашагала с молоком на коромысле в Старый город. А Зорька осталась на моем попечении.

Солнце все чаще заглядывало в окна с распахнутыми ставнями и ледяные наросты на стеклах оплывали все ниже и ниже. Вода с подоконников по проложенным тряпочкам стекала в бутылки, подвешенные по краям. И я уже по два раза в день выливала воду и выжимала тряпицы.

Закрывая на ночь кур, в эти дни мама увидела и первое яйцо.

— Ну ребяткишки, может, это Пеструха вам пораньше подарок сделала? Потом уж к Пасхе копить будем. А этот унесите бабушке, она жаворонков испечет, все подобней будут. Завтра ведь у нас двадцать второе марта — в этот день свет с семенью мериться будут.

— Как это? — озадачилась я, зная, что мериться можно только как мы с братом, стоя спиной друг к другу.

— А вот так. Седни ночи хоть на чуть-чуть, да еще больше. А завтра будет ровно птотелька в птотельку: сколько дня, столько и ночи. А потом перевес день держать будет. Вот как встретите завтра жаворонков день, так зиме и наступит окончательный конец.

Бабушка, перскрестившись, разбила шероховатую, словно из снега слеplенную скорлупу о края глиняной миски-гличика, полила постного масла и молока, взбила деревянной лопаточкой и, подсыпая муки, замесила тесто. Она наделала из него ровных шаров, а потом каждый из них раскатала в длинные полосочки, которые перевила: одни посередине, другие ближе к одному из концов. Уложив первые на смазанный лист, стала класть поперек них вторые так, чтобы длинный конец раскатанной полоски был хвостом. Для большего сходства бабушка разрезала его ножом еще на несколько полосочек. Короткую часть, головку жаворонка, она поручила оформлять мне. Я вытягивала из теста носик, а там, где тесто заворачивалось, пристраивала — вминала две черных горошины — припасенную с лета сушеную черемуху.

— Ну-кошь... сгношим одну птаху на счастье...

Бабушка побренчала мелочью в старинной расписной банке из-под лампасек, выпула маленькую светлую монетку и, обтерев ее о фартук, вмяла, утопила в серединку слоды.

— Вот кому этот жаворонок достанется, тому ноне и подфартит. Только ты раньше времени не сказывай.

Распластавшая крылья на листе жавороночная стая в раскаленной духовке одинаково вздулась; подрумянилась. Когда бабушка сняла уже готовые постряпушки длинным ножом на стол, узнать, в какой птичке запечен фарт, было уже невозможно. Едва она прикрыла выпечку полотенцем, с улицы ворвался брат, а следом за ним осторожно вошел его друг, спокойный картавый Витя с вилочной острогой в руке.

— Бауш! — торопясь выпалил брат, — давай скорей жаворонка! Там над стайкой правдашний пост. Мама грит, ему показать надо.

Едва бабушка приоткрыла полотенце, он сам схватил крайнюю слоду, тут же выхватил у друга острогу и наколол постряпушку на ее острые зубцы. Распластавшая крылья и хвост птича словно зависла — вспарила в воздухе, но одно перо ее нарезного хрупкого хвоста не выдержало и отвалилось, а брат, не обратив на это внимание, тут же выскочил во двор.

— Гли-ко, какой парень дикошарый ноне стал. Хлеб на пол упал, а он и не опнул... — бабушка укоризненно показала головой, но, как и я, надернула стеганку и вышла следом на крыльцо.

Брат, Витя и мама стояли в загоне среди глядевших на них коров и лошадей. Брат воздел острогу с жаворонком к небу, а мама говорила:

— Ну, ребятиншки, коли он так рано прилетел, весна дружная будет. Вот давайте и попросим у него, повторяйте за мной:

Жаворонок, жаворок!

На тебе зиму, а нам дай лето!

И мы подняли лица к небу, повторяя за мамой эти простые слова, и там на фоне дымчатой сини и белых летящих, словно перекочевавших с земли сугробов-облаков я как-то неожиданно сразу увидела эту трепещущую точку, и уши, точно кто вынул из них вату, уловили колокольчиковую булькающую песню жаворонка. И так же, как в прошлый год в степи, он соединил для меня землю и небо.

Понимающие глаза Муськи и Марты, квохтанье кур у зарода, невозный парок от кучи, щенячья игра Мурзы и Кукке у нас под ногами, ошметины остатного снега в тени возле кладовки и мамыны блестящие глаза, и бабушкин призывной голос: «Давайте-ка пойдёмте почайшим!» тоже соединились в какой-то удивительный клубок ощущений, благодатных и радостных, словно все трудное уже позади.

За столом брат отказался есть жаворонка с остроги, и мама взяла его себе, а он долго выбирал себе счастливого и, наконец, взял ту постряпушку, что была подальше от него. Но монетки в ней не оказалось, и все засмеялись над его напрасными стараниями, а мама спросила:

— Ну, скажи, чо ты загадал? Наверное, чтоб учиться лучше?

— Не! — честно признался брат. — Чтоб сома поймать такого, как летось дядя Алеша...

— А я бы велосипед загадал! — признался Витя, разламывая сдобу.

Я, боясь быть застигнутой вопросом врасплюх, начала было придумывать себе желания, но бабушка, забыв спросить у меня, перевела разговор на другое.

— Ты вот, — обратилась она к брату, — как седня нехорошо, не баско сделал: хлеб обронил и убежал, не поднял. А это грех большой. Ты вот не подумал: а почо люди жаворонков так встречают. Да потому, что птица с югу летит, весну несёт, а весна человеку мила, потому как землю заново оброблять надо, хлеб сеять. А без него человеку не прожить. Мужик землю по весне пашет, а над ним жаворонки весну славят, душу его веселит, надежду сулит.

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА СУВОРОВА

Людмила Николаевна Суворова родилась 30 января 1947 г. в г. Кирове. Несколько лет семья жила на Волге, а в 1965 г. вернулась на вятскую землю.

Л. Н. Суворова училась сначала в музыкальной школе, а затем в Кировском училище искусств, с 1968 г. — преподаватель детской музыкальной школы № 1.

Музыка и стихи одинаково привлекают Людмилу Суворову. Как и многие пишущие стихи, она была членом клуба «Молодость», участвовала в областных семинарах молодых писателей. В 1974 г. поступила в Литературный институт им. Горького (семинар В. И. Гусева), но семейные обстоятельства не позволили его закончить.

Стихи Л. Н. Суворовой печатались в газете «Комсомольское племя», в сборниках «Встречи», «Радуга над Вяткой». В 1981 г. вышел первый сборник ее стихов «Мелодия виолончели» (в кассете «Истоки»). Второй поэтический сборник «Весы» вышел в 1988 г. С 1990 г. Людмила Николаевна Суворова член Союза писателей России.

ХЛЫНОВ

О древний Хлынов, на меня нахлынь!
Цветы и травы, в полдень заманите
Туда, где задыхается полынь,
Похожая на кожезаменитель.
Туда, где цветом свекольным расцвел
Репейник в липкой серой паугине,
Туда, где знойное гуденье пчел
Висит и над речной прохладой стынет.
Кривая тропка, приведи сама
На старую окраину окраин,
Где покосившиеся терема
Кусочек детства для меня украли.
Уйти по тишине цветной страны
И за воспоминаньем увязаться,
Вдохнуть знакомый запах старины,
Внезапный среди всех цивилизаций.
Ах, как легко мне было до поры
Ребячливую выполнить затею!
...То золотые крупные шары,
Качаясь, в палисадниках желтеют.

* * *

А лес — так тихо:

«Будь со мной...»

А мне — корнями в небо —

грустно.

Касаюсь кроною резной
Прохладного речного русла.
С непрочной почвы,

может быть,

Меня нетрудно взять руками.

Но долго корни не отмыть

От ключев неба с облаками.

* * *

Поэт любит не предмет,
И дирижер не партитуру,
Художник любит не натуру,
А созидасмый портрет.
И в том ему упрека нет.

Одушевляя ветер, дождь
(«зачем так долго ты идешь?..»),
Вдыхая душу в осень, зданья —
Он тихо верует в ея
Нетленное существованье,
А, значит, — в вечность бытия.

Он верит в лучший свой сюжет.
И в том ему упрека нет.

Как нет покоя в девять лет,
Виной — заросший грот в Сорренто.
Дитя запутывает след
Тропой счастливого момента.
А путь и необдуман им,
Но прям и неисповедим.
И в том ему упрека нет.

* * *

Как задыхаются под низким потолком —
То чувство закованного в ящик,
То чувство, что впитали с молоком, —
Придуманных границ и настоящих.

Локтями яростно толкаемся в толпе —
Не стиснули бы в дружеских объятьях, —
От узкого отказываясь платья,
Боясь метро — что может быть глупей?
На тесной кухне — вдребезги стакан,
На тесной лестнице застряло пианино,
На тесной свадьбе — для любви капкан,
И в тесном черепе темно и паугинно.

* * *

Когда солгу — не отводите глаз
От сладкой и заведомой неправды.
Мы сами утешеньям верить рады.
Не ворошить. Забудется, бог даст.
Не думать. Все дождями изойдет
И сгинет под осенним листопадом.

Пьянит притворства приторного мед,
Томит его душистый душный ладан.

Не говорить.
Но снимется, бог даст,
Глотком единым всеощного бденья
С души отягощающий балласт
И с уст моих запрет на откровенья.

А сказанного не было и нет.
О как легко и праведно, мой свет!

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Лев Николаевич Кожевников родился 5 марта 1947 г. в г. Омутнинске Кировской области в семье служащего. После окончания школы работал лесником, шофером, зав. отделом в газете «Прикамская новь», преподавателем русского языка и литературы. Окончил Кировский педагогический институт, Литературный институт им. А. М. Горького, а также Высшие курсы режиссеров и сценаристов при Государственном институте театрального искусства им. Луначарского.

Л. Н. Кожевников — автор восьми пьес, поставленных в театрах Татарстана и за его пределами. С 1977 г. писатель живет в Казани, где опубликовал ряд произведений, таких, как «Смерть прокурора», «Улыбка Афродиты» (Казань, 1993), «Театральный детектив» (1989) и другие. Его проза, драматургия выходили в республиканской и столичной периодической печати.

Член Союза писателей с 1986 г., а с 1991 г. состоит на учете в Кировской писательской организации.

ПОМОЧЬ

Рассказ

— Эй! Петька-а! Айда-кось сюды... Да ведь вижу, вижу запрятался, не слепая, чай. Тыфу ты! Айда скорее, кому говорю?! Неслух треклятый... Уши эвона торчат.

Сопливый Петька с деревянным пистолетом вылезает из ботвы и бежит бороздою к бабке, наступая себе на помочи.

— Бежи-кось, вояка, к Маруське с Манькой, пушай своих супостатов будят. Ишь, колодец-от загадили — воды не почерпнешь. Полна бадья грязи. Да сказывай имям, шгоб лопаты прихватили. Которы совковые... Петькя-а, Петькя-а!!! Эко пострел! Накажи, шгоб теперича же сбирались. А то сама приду...

Баба Нюра гремит бадьей и на весь огород бранит и колодец, и Петьку, и дочерей со мужьями:

— Говоришь имям, говоришь — нет! Ровно горохом в стену. Долго ль сухоруким колодец-от было почистить. А вот поди ж ты, то пьян, то дома не ночевал... А как за водой, так сюды прутся. А рази ж одним колодцем на экую-то ораву воды напасешься? Окаянные и есть, прости господи!

Дочери у бабы Нюры, а их две замужних, обсим уже за сорок, давным-давно отделились от матери и живут каждая своим домом прямо на огородах у Нюры через переулок. Третья дочь, младшая из всех, Нинка, тоже побывала замужем, но вот уже три года как развелась, привезла с собой Петьку и с тех пор проживает у матери.

Зятя бабе Нюре, надо сказать, попались ленивые, и, когда строились еще, ни один почему-то не выкопал себе колодец, и вот уже лет двадцать с лишком все три семьи пользуются из одного.

— Петькя! Петькя-а!!! Идут штоль окаянные? Суда на их нет...

— Та-та-та-та-та... Бабуш, я тебя застрелил. Падай, бабуш! Ты мертвая!

Баба Нюра так и охнула.

— Батюшки-светы! Да я те... Я те застрело! Стервец ты эдакой! Тебя поче посылали-то...

Идут, бабуш, идут, затараторил Петька. Дядь Митя с похмелья, так он не вставал поначалу. Теть Маня бранилась, бранилась, а потом дядь Митю по хребтине скалкой и вытянула... Сейчас они, бабуш, идут

И нет Петьки. Исчез, только ботва по-над бороздой кольхается. Баба Нюра недоверчиво машет рукой. Идут-то идут, а тут и идти нечего, звон на огородах оба зятя, рукой подать. Плонь покрепче, так либо в крыльцо, либо в лицо и угодишь. Баба Нюра сердито гремит бадьей. Глянь-ко, и в самом деле, идут. Да еще соседа Германа на кой-то ляд тащат. И Федор! Тьфу ты, господи, за имя прется!

Со стороны проулка в калитке показались, наконец, оба Нюриных зятя, Дмитрий и Василий. Мужики они оба собою некрупные, да и в молодости ни телом, ни ростом никогда не отличались, но, как это часто случается, чем мельче и невзрачней бывает мужчина, тем основательнее выглядит у него супруга. В этом смысле Дмитрий с Василием исключением не были.

Зятя только что отобедали, и разговор между ними идет самый задушевный:

— Слышь-ка, Мить? Рубля два не сыщешь? У Нюры-то, небось, не разговеешься... Экая жидовка, право!

У Василия за душой ни копейки, и он явно заискивает. Дмитрий, тот, который росточком поболее, да волосом пореже, молчит и свирепо цокает зубом, пытаясь извлечь из дупла застрявший там рыбий глаз.

— Мить, а Мить? Рубля два не сыщешь, говорю?

Дмитрий извлекает, наконец, глаз наружу и долго рассматривает его на толстом корявом пальце. Потом сплевывает и вытирает палец о штанину.

— Эко сказанул, — внезапно хмыкает он. — Да у меня еще вчера баба в конторе всю получку из карманов вышарила. А он на те, два рубля! Стоял бы я тут с деньгами, как же.

Дмитрий делает кривую рожу и снова хмыкает.

— Помнишь ли, вчерась-то на че пил, дурень? Вот то-то и оно. Спасибо, Тимка Гаранин пятерку вернул...

Зятя явно не торопятся. Остановились оба в калитке, степенно закуривают... И баба Нюра не выдерживает этой тяготины, она с грохотом швыряет ведро и уходит в избу... Да пропадите вы все пропадом, лодыри малохольные. Глаза б на вас не глядели!

Но как бы то ни было, а через полчаса все, наконец, собираются к колодцу, рассаживаются, кто куда придется, и разговор волей-неволей заходит о деле.

— Знамо дело, из такого колодца в день больше двадцати ведер никак не возьмешь. А вас эвон сколько рыл, да еще скотина, — круглый коротенький Герман презрительно пинает сруб порванной калошей, надетой прямо на босу ногу.

— Не возьмешь, — уныло соглашается Дмитрий.

— А и ты, Василий, дурак, ей богу, взял бы да и выкопал колодец-от. Небось, надоело воду отцеживать?

— А коль ты умный такой, возьми да и вырой. На сухом месте живу, не видишь? Охота кому попусту ямы-то рыть.

Сосед Федор Шубин, пьяница и уж вовсе пропащий человек, упрямо колукает жестким ногтем изрядно подгнивший сруб. Он тоже кое-чего знает про колодец, но он хитрый и до поры молчит. Ему надо, чтобы люди сами обратили на него внимание. В особенности на его левую руку. А на руке у Федора... гм! Часы. Новые. Новее и не придумаешь. Только

только вчера купил. А еще Федор купил целую банку ядовито-желтой краски и в три слоя выкрасил старые покосившиеся ворота. Теперь и ворота почти как новые стали. Еще давеча знакомые мужики шли мимо окон и спрашивали, мол, на кой ляд ты, Фелька, ворота-те эдак вымазал? А Федор об эту пору как раз в окне сидел и левой рукой, на которой часы-то были, щеку упирал. Слепой и тот бы часы заметил. Так вот. Помолчал эдак Федор для важности, помолчал, потом глянул время и говорит: а, мол, лобло, кум Михалыч, роскошную жизнь. Так прямо и сказал, как срезал.

— Вы... это того... Вась, Мить? Я опять про чего говорю? — Федор хмурит брови и значительно супится. — Сруб-то, говорю, гнилой. Глянь-ко сюды...

Левой рукой Федор отколупывает от сруба гнилушки, а правую прячет за спину. Чтоб не отвлекала снимания от часов. И так он упоенно колукает его, что даже Маруська, жена Василия, не выдерживает.

— Да че ты над им измываешься? Черта ли тебе в нем?! Иди лучше в ушах у себя колукай. Ровно столько и наколукаешь. Ишь, ирод...

Но коротенький Герман вступает за Федора:

— Погодь, погодь, соседка. Фелька, он иногда и дело говорит. Сгнил сруб, ничего уж тут не попишешь. Стало быть, перебрать надо верхние венцы. До воды которые, а то ведь как бывает?

Герман пинает сруб калошей, обводит всех глазами.

— Степана-то Косолапова знаете? Так у него братяник был, Васька тоже, сын Евстигнеев Бабинцева. Ну... того, у которого сего-то рыбнадзор третьего дни порушил? Во-во, он самый. Так вот полез этот Васька в колодец, тоже навреде бы чистить собрались, а верх-то возьми да и обвалились, да ему же на голову, — Герман снова пинает сруб и задумчиво смотрит в бадью. — Всей родней тогда хоронили... Васькина-то мать наотрез отказалась воду из колодца потреблять. Так его и забили бревнами. Да и сама скоро после Васьки, на другой же год померла.

Наступает пауза. Потом Дмитрий, с опаской глядя на супругу, кашничит:

— Оно, конечно, перебрать бы надобно. Да мы-то что, мы завсегда, пожалуста. А вот как перебирать станешь, когда нечем? Бревна где возьмешь? Это только так, легко сказать — перебрать. А поди перебери. Скоро только кошки родят.

Мужики кричат, и даже тороватый Герман задумчиво скребет в затылке.

— Вы... это того... Вась, Мить? Я опять же про чего говорю? — Федор хмурит брови и значительно супится. — Эвон у меня во дворе без дела валяются бревна-те. Хошь отдам по два рубли за штуку?

Мужики кричат, не обращая на Федора никакого внимания. Уж у тебя, мол, бревна. Во дворе и щепки не сыщешь, в кобеля и то швырнуть нечем. А туда же со свиным рылом... Прыткой какой.

Дело как будто окончательно упирается, и мужики приходят к выводу, что так просто, с наскоку, тут ничего, пожалуй, и не сделаешь. Куда ж, сй богу, без бревен? Но тут из избы появляется баба Нюра и поднимает шум:

— Сидят, окаинные! Как есть сидят. Да я-то... на кой я ляд звала вас сюды?! Лясы точить? Али бражку мочить? Ну-кошь, где лопаты? А вы-то, дуры толстозадые, куды смотрите?

Баба Нюра птицей налетает на дочерей.

— Распустили супостатов. Эвон на боках пролежни, что у Васьки, то и у Митьки!

Василий с Дмитрием и пикнуть не успели, а уж милые супруги опустили на их тщедушные спины свои дюжие кулаки. Даже Герман охнул, зажмурил глаза, а Федор благоразумно отошел за колодец в сторонку

Да только этого, видно, мужьям и не хватало. Никто и глазом не мигнул, а уж работа закипела. Откуда что и взялось: веревки, ведра, лопаты, лестница, грязная одежонка, чтобы в колодец лезть, — все в момент отыскалось. Василий наверху бадью крутит, Дмитрий в колодце бадью глиной начиняет, Федор руку с часами в колодец опустил, объясняет чего-то, Герман тут же кричит, суетится: куда глину валить, как бадью спускать... А Маруся с Манькой да Нинкой руки на грудях скрестили и со стороны лобуются: эвон мужики-то у нас какие! Да на Петьку с ребятишками пшикают: кыш! отсюда, не мешайте, мол.

А работа кипит, выбранная глина выше сруба уже накопилась. Мужики в мыле, кругом галдеж...

— Квасу, говорю!!! Тащи квасу, дура! — свирепо орет Василий и тарашится от бадьи на супругу

На лице у Василия пот, глаза сверкают. Хорош Васька! В другое время схлопотал бы за «дуру» такую затрешину — месяц на больничном. А сейчас не-ет, кормилец все-таки. И Маруся с испуганным видом срывается с места, насколько позволяют габариты, спешит за квасом. Через минуту, глянь — уже и обернулась.

— Хватит ли, Васенька?

И смотрит на супруга почти заискивающе. Лицо у ней покраснелось, грудь под кофточкой ходуном ходит

— А? Васенька?

Да жалобно эдак.

— Не хватит, ишо принесешь, — отрезает Василий и грозно вращает глазами.

Ах! Как приятно бабе хоть минуточку почувствовать себя слабой...

А азарт растет, кругом шумят: то подай, это снеси... Дмитрий с Василием заглавные люди тут. Василий всех и вся матом кроет, Дмитрий из колодца тем же вторит, да гулко так...

Эх, хорошо-то как! Так бы взял, да и поковырял землю лопатой!

А с огородов, от переулка, еще народ подваливает. Санька Манянин, Колька Корепанов, сват Герасим вон из избы выполз... Все Василия просят подменить — да куда там! Что у него, у Василия, рук нет? Иль не дож Васька!!!

Не успели Дмитрий с Василием глину выбрать, а народ глядит, диву дается: Шубин Федька куда-то сходил и бревно на плече несет. В бревне топор воткнул, и пила двуручная подмышкой. Сердитый сам, никого не замечает.

Свалил это бревно, глянь — со вторым идет. За вторым третье... Кряхтит, и все молчком, ни гу-гу. Только Герману кивнул, чтобы тот пить пособил.

Распилили. Федор все на глазок, ни разу даже пилой не прикинул, а бревна получились тютелька в тютельку. Герман тишком, правда, от Федора катанул ногой одно к другому — ан нет! Ровнехонько. А Федор уж за топор взялся и пошел — бревна под плашку гонит. Топор как на шарнире, по циркулю вверх-вниз, вверх-вниз, вроде и машет нешибко, а шепотенная, ровно по ниточке отмеряна. Народ вокруг Федора столпился, каждому лобо на красивую работу глядеть, а то люди и помнить забыли, что Федор до того, как пьяницей стать, классным плотником считался. И отчество вспомнили, Федор Степанычем величают...

Кипит работа. Шубин сруб вяжет, Герман тоже бревно приволок, ворот колодезный ладит, исцелялся весь старый, и крестовина в пазах болтается. Дмитрий с Василием глину черпают; другие, кто по доске, кто по былинке, — насобирали со всех дворов пиломатериалу и навес над колодцем вывели. А где навес, там и обвязка, а по обвязке горбылем обшить — раз плонуть! Обшили. А уж кто-то откуда-то дверь принес, расстарался. И дверь навесили. И порожек из пятидесятки приколотили, а чего?!

Вышла баба Нюра в огород, так и ахнула... Василий с Федором да Дмитрий в три кисти будку колодезную размальевывают уже. Той самой краской, что у Федора Степаныча от ворот осталась.

Смотрят все на бабу Нюру, а у старой слезы на глазах. Отвернулась, чтоб не заметили, платочек к глазам и в дом побрела тихохонько. Только плечи вздрагивают...

Через полчаса баба Нюра высовывается из окна и зазывает рабочих к столу отведать, что бог послал, пирожков там, шанежек... Бражки испить. Все, кто был в огороде, в избу тянутся. А Федору Степанычу Нинка, младшенькая-то у Нюры, ковшик бражки уж поднесла. Мужик он хоть и того, попивает, а все холостой. Не сумела, видать, первая жена Федора в руки взять, вот он и сбился с пути-то. Ну, да ведь с кем не бывает

ВАЛЕРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ФОКИН

Валерий Фокин родился в 1949 году в селе Пищалье Кировской области. После окончания исторического отделения Кировского педагогического института служил в армии, а потом работал инженером, преподавал в техническом училище и учебном комбинате.

В молодежной газете «Комсомольское племя» прошел творческий путь от литсотрудника до заместителя редактора.

Стихи В. Г. Фокин начал писать еще будучи студентом. Они печатались в местной печати, в центральных газетах и журналах: еженедельниках «Литературная Россия», «Неделя», альманахе «Поэзия», журнале «Смена», в коллективных сборниках, выходивших в Кирове, Горьком, Киеве, Москве.

В. Г. Фокин окончил Высшие литературные курсы в Москве. В 1985 г. руководил пресс-центром Международной творческой мастерской литературы XII Всемирного фестиваля молодежи в Москве, был участником нескольких семинаров-совещаний молодых писателей.

В 80-е годы Фокин возглавлял Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства, работал на радио, заглитою Вятского театра драмы и комедии. Сейчас Валерий Геннадьевич работает редактором еженедельника «Вятский наблюдатель».

В. Г. Фокин — автор четырех поэтических книг: «Гон» (Киров, 1981), «Автобус из глубинки» («Современник», 1985), «Истобенский плес» (Киров, 1986), «Мы — отсюда» (Киров, 1991), член Союза писателей России и Союза журналистов России.

ГОД РОЖДЕНИЯ

Год рождения — сорок девятый.
Что за этой спокойною датой?
Еще Сталин и Берия живы.
Барабанные лозунги лживы.
И разруха, как рана, мозжит.
И народ из деревни бежит.
А отец мой — директор детдома.
Только ночью бывает он дома.
И кричит он, и стонет во сне,
и не может забыть о войне.
А проснувшись, смолит папиросы,
сам себе задавая вопросы.
И не спит, и сидит до рассвета,
и никак не находит ответа.

Папа,

багя,

отец мой родной,
что с тобой, что с твоею страной?
Ты с ней рос, голодал, воевал,
а, выходит, и правды не знал.
Всех крестила железная вера
без кассаций, как высшая мера.
Боль твоя, но вины твоей нет
в том, что так задержался рассвет.
Скоро будет совсем по-другому.
Мы уедем — мир этому дому!
А пока пахнут небом стропила.
Мама печку уже растопила.
Ты встаешь над бедой, молодой,
ледяной умываясь водой.
Снова дети завут: «Помоги!»
Их отцы — кто бойцы, кто «враги»,
кто расстрелян, кто просто убит...
Здесь не место для детских обид.
Помоги им, детдом, поддержи,
удержи их от злобы и лжи,
ведь в живых нет у них никого,
правда, кроме отца моего.

* * *

Есть горные выси. Есть дивные дали.
Вершин целомудренный лед.
Но фраза «хочу, чтоб меня

понимали» —

мне жить не дает.
И я пропадаю: и маюсь, и маю,
таскаю тоску, как суму.
И все принимаю, и всех понимаю,
себя не пойму.

Но даже без слова.
Но даже без взгляда.
Но даже прижавшись к нему,
меня ты поймешь.
А другим и не надо.
Другим — ни к чему.

МАРГАРИТА ГЕННАДЬЕВНА КОТОМЦЕВА

Маргарита Геннадьевна Котомцева родилась в 1949 г. в деревне Мырмыг Богородского района Кировской области. Окончила Ошланскую среднюю школу. Маргариту Котомцеву в юности привлекали и музыка, и живопись, и стихи, поэтому она окончила курсы баянистов, заочный народный университет искусств в Москве (факультет живописи и графики).

Первые публикации стихов Маргариты Котомцевой были в районных газетах, позже в «Комсомольском племени» и «Кировской правде». С 1979 г. Котомцева серьезно начала заниматься поэзией, подборки ее стихов публикуются в коллективном сборнике «Встречи», в журналах «Волга», «Уральский следопыт», «Смена». В московских коллективных альманахах «Весенний голоса» и «Поэзия» Маргарита Геннадьевна представляла молодых кировских поэтов.

Первый сборник поэтессы «Черемуховый ветер» (1985) привлек внимание читателей и критики, этот сборник был признан лучшей книгой молодого автора за 1985 г. «Срубы» — вторая книга стихов, вышла в 1990 г. В 1994 г. — сборник стихов «Березовый камертон».

Маргарита Геннадьевна известна в области и как автор-исполнитель прекрасных песен не только на свои стихи, но и стихи своих товарищей по перу. Это еще одна грань ее таланта.

М. Г. Котомцева работает учителем музыки и изобразительного искусства в Таранковской школе Богородского района. Она — член Союза писателей России.

* * *

Послевоенной деревни дети —
Глаза большие, крутые лбы.
Полуголодны, полураздеты,
Но нас и вовсе могло не быть.

Нас неумело отцы качали,
Махрою крепкой в лицо дыша,
И легче пуха мы им казались
После винтовок и ППШ.

Они литовкой луга косили,
На тяжких «сталинцах» жали рожь,
Рубили избы — да как рубили!
Берешься — делай, а зря — не трожь!

Но рек не выпить, но гор не сдвинуть,
Но раны, раны отцов родных...
И в наших классах до половины
К концу учебы не стало их.

Как пахнет рожью июльский вечер!
Как много в небе цветной пыльцы!
Послевоенной деревни дети,
Солдаты были у нас отцы!

* * *

Баяна ремни я на плечи надену
И выйду, робея, на клубную сцену,
И песню про синий платочек спою.
И маму представлю, что в вечер весенний,
Сестренку мою посадив на колени,
«Платочек» поет вместо баю-баю.

Сукна боевой материнской шинели
Коснуться ладони мои не успели —
Давно износила сестра пальтецо...
Но в память о маме остались медали,
Любимые мамою песни остались
И тополь, роняющий пух на крыльцо.

* * *

Видится солнечный день,
Тропка, как теплая печь,
Ивы прохладная тень,
Речки невнятная речь.

Треплет волна на бегу
Пряди речной бороды,
Близко, на том берегу
Грядок капустных ряды.

Кажется, сквозь ивняки
Можно разглядывать вновь
Белых кочней кулачки
В пышных манжетах листов.

Память — волшебный бинокль.
Вижу в него: у куста
След моих маленьких ног
Двадцатилетие спустя.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕРЕСТОРОНИН

Николай Васильевич Пересторонин родился 1 декабря 1951 г. в г. Кирове. После окончания школы работал, служил в армии. Заочно окончил факультет журналистики Уральского университета.

С 1973 г. Н. В. Пересторонин работает в газетах сначала в молодежной — «Комсомольское племя», затем с 1987 г. — «Кировской правде», а с 1991 г. в — «Вятском крае».

Первые стихотворные публикации относятся к 1968 г., когда Н. В. Пересторонин занимался в клубе «Молодость». После этого стихи стали появляться в местных и центральных газетах и журналах, коллективных сборниках.

Первая поэтическая книга Пересторонина вышла в 1981 г. «Следы на снегу» — одна из небольших книжек, входящих в кассету «Истоки». В 1988 г. — вторая книга «Старый двор», в которой поэт в стихах и прозе тонко передал, как меняются с детства знакомые места, двory, где проходила юность, как невозполнимы эти утраты. Третья книга Николая Пересторонина «Снегопады двадцатого века» вышла в 1993 г., в ней поэт пытается осмыслить прошлое и события сегодняшних дней.

Н. В. Пересторонин — член Союза писателей России.

* * *

Снегопады двадцатого века,
К сожалению, сводят на нет
След реликтового человека,
Снежной истины тающий след.

Не выходит скрепить во спасенье,
Как звеном меж людьми и зверьем,
Ненадежную связь поколений,
Связь далеких и близких времен.

Оттого ли во дни недорода
Судим, поздним рассудком крепки,
И отца всех времен и народов,
И родного отца, дураки.

Оттого ли перстом указующим
Нас так часто сбивают с пути,
Что стоим между прошлым и будущим
И не знаем, куда нам идти.

Очевидно, в нательных рубахах
Мы б имели растерянный вид,
Но охранная грамота страха
Нас до лучших времен сохранит.

И простит человек человека,
Но верша человечеству суд,
Снегопады двадцатого века
Белой солью на рану падут.

* * *

Есть, наверно, масштабнее мыслят,
Но догадку одну не таю:
Никогда облетевшие листья
Не вернутся на крону свою.
Передай человек человеку
Невзначай, невпечаль, невпопад:
Не дано отлетевшему снегу
Оглянуться на свой снегопад.
Вот и я не вернусь, очевидно,
А вернусь — и застать не смогу
Ни души, ни как мне не обидно,
Ни следа на стерильном снегу.
А оставить — уже недосуг.
Посему — завершается круг.

* * *

Что с вами, женщина моя,
Молчанья вашего граница
Вторженью слов не покорится,
Но мучаюсь догадкой я:
Что с вами, женщина моя?

Когда — вчера или сегодня,
Кто вас обидел: сплетник, сводня,
Чужая молодость, но чья?
Что с вами, женщина моя?

Что с вами, женщина моя?
Молчанье ваше суверенно.

Но затевается измена.
И, может быть, предатель я...
Что с вами, женщина моя?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ЗЯБЛИЦЕВ

Сергей Петрович Зяблицев родился 18 февраля 1952 г. в с. Рожки Малмыжского района Кировской области в семье сельских учителей. Он уже в школе увлекся стихами, первые шаги были сделаны в 13 лет, когда стихи его опубликовала районная газета и журнал «Пионер».

После окончания Московского энергетического института Зяблицев работал в г. Ижевске инженером, однако любовь к поэзии привела в Литературный институт им. А. М. Горького, в котором он учился заочно. Первую подборку стихов опубликовал журнал «Октябрь», затем неоднократные публикации в других журналах и коллективных сборниках.

В Ижевске вышли его книги стихов: «Непрохожий человек», «Белый бакен», выступил он здесь и как переводчик с удмуртского языка на русский. Это сборник «В пути». В 1987 г. в издательстве «Советский писатель» вышла его книга «Вятский волок».

После переезда в г. Киров в 1989 г. С. П. Зяблицев был принят в Союз писателей. В 1991 г. в г. Кирове вышла волшебная повесть-сказка для детей «Тайна доктора Но».

ОТЧИНА

Вятский тракт и березовый свет,
Как за лодкою тающий след,
Словно вдаль уходящая память
Невозвратных мальчишеских лет.
Подъезжает автобус к Рожкам,
А ромашек-то по ложкам!
Будто девушки в хороводах
Закружились на радость друзьям.
И на огчую землю сойдя,
Вдруг почувствуешь запах дождя,

Что вчера еще здесь куролесил
И капризничал, словно дитя.
И промьгые окна домов,
Улыбаясь, расскажут без слов,
Как давно они нас поджидали,
Деревенских былых сорванцов.
Вечен родины теплый привет,
Вечен тихий березовый свет,
Вечна нежная радость свиданья
С отчим домом, хранящим от бед!

МАТЬ

За полночь матушка заснет,
Наутро встанет с петухами,
К печи остывшей подойдет,
Взметнет березовое пламя.
Нелегко труд испечь пироги,
Понятны мамины тревоги...
Проснусь — она шепнет: — Сынок,
Поспи еще, ведь ты с дороги... —
Что из того, что я женат!
Я — вечный для нее ребенок,
Она на мне покоит взгляд,
Уставший от печных заслонок.
И как же равнодушным быть,
Как удержать мне слезы эти:
Меня не будет так любить
Уже никто на белом свете!

* * *

Я вышел в шорохи и тени.
От поздних звезд бледнеет сад,
Крыльца остывшие ступени
Босые ноги холодят.
Как нежно, трепетно и чисто
Росой мерцают лопухи!
Как отрешенно-серебристо
Ночь опевают петухи!
Достану яблоко из кадки
И беззаботно рассмеюсь:
Я сам себе еще загадка,
Загадок мира не боюсь.
Пусть деревенскими ночами
Так прост и ласков звездный свет,
Но дышит бездна за плечами,
Которой и названья нет...

ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ МОРОЗОВ

Владимир Игоревич Морозов родился 14 июня 1953 г. в с. Кырчаны Нолинского района Кировской области. Детство и юность его прошли в этом старинном селе на берегу трех рек.

После окончания школы он уехал в г. Киров, через год, в 1971, поступил в Ленинградскую лесотехническую академию на факультет лесного хозяйства. Окончив в 1976 г. этот вуз, В. И. Морозов работает младшим сотрудником в НИИ лесной генетики и семеноводства, за это время им было написано более десятка научных статей по проблемам селекции и семеноводства сосны.

Потом В. И. Морозов работал лесничим, инженером охраны леса, директором лесосемстанции. Он начинает сотрудничать в газетах «Кировская правда», «Комсомольское племя». Журналистика и литературная деятельность становятся для него основным занятием.

В 1985 г. один из его рассказов опубликован в московском альманахе «Истоки». После этого его рассказы, зарисовки печатаются в журналах «Юный натуралист», «Мурзилка», «Колобок», «Костер», «Пионер», «Юность» и др. Рассказы В. И. Морозова для детей были напечатаны в коллективном сборнике «Ключик» (Киров, 1989); «Светит месяц» (Москва, 1990) и других.

В. И. Морозов — автор нескольких книг: «Лесничий, Иван Колокин и Уголовный кодекс» (Киров, 1991), «Рассказы о русском лесе» (Москва, «Малыш», 1991), «Азбука» (Киров, 1991). Он удостоен премии за лучшее художественное произведение молодого автора для детей дошкольного возраста.

В. И. Морозов — член Союза писателей России.

ВОВКА

— Может, тебя все-таки проводить? — мама поправила Вовке шарф.

— Да нет мам, не надо. Сам дойду, — ответил Вовка солидно.

— Ладно, — вздохнула мама. — Иди.

— Сначала ты, — возразил Вовка, — холодно ведь.

Мама пошелилась, поцеловала Вовку в щеку теплыми губами и открыла дверь в зал. В сени вырвалось шумное цветное облако пара и скрыло маму. Хлопнула дверь, облако рассеялось. Вовка остался один.

Мама у Вовки учительница. И еще она классный руководитель. Мамин класс остался на танцы, и потому ей пока нельзя уходить из школы. Ну да танцы не интересно. То ли дело — концерт.

Концерт Вовке понравился. Концерты в школе всегда бывают перед каникулами или на праздники. А тут сразу и праздник Новый Год, и послезавтра каникулы.

Собственно говоря, каникулы Вовку не больно-то и касаются. А вот Новый Год, это дело. Во-первых, настоящий праздник, а во-вторых, в том году у Вовки совсем новая жизнь начнется. В сентябре в школу, так что и у него будет все как у людей: и уроки, и каникулы.

Вовка спустился с крыльца и остановился. Было совсем темно. Когда они с мамой шли на концерт в школу, солнце еще висело над околицей. Днем, да тем более с мамой, шагать было весело и приятно. Вовка тогда не думал, как ему придется возвращаться. Просто не думал и все. Казалось, так и должно быть, и нет ничего удивительного, что побежит он домой один. Дорога-то знакомая. Не раз по ней бегал.

Когда Вовка шел с мамой в школу, он думал только о концерте. На школьных концертах ребята сами пели, танцевали и даже разыгрывали разные спектакли как настоящие артисты. Так что было еще интереснее, чем в кино. Артистов в кино и по телевизору можно только посмотреть, а ребят даже потрогать любого. Они же все свои, из маминого класса.

В этот раз тоже сначала пели песни. Потом Вася, он самый высокий в маминем классе, танцевал с девочкой испанский танец. На Васе была широкая шляпа с бахромой, а на девочке большой цветастый платок. Потом еще пели, плясали и рассказывали стихи, но больше всего Вовке понравилась сценка.

В сценке показывали, как у одного мальчика заболел зуб. Он повязал голову платком и пришел к доктору. У доктора была клочкастая рыжая борода и толстый фиолетовый нос. Он посадил мальчика на стул, крепко привязал ремнями к спинке и принялся один за другим выдергивать зубы. Мальчик кричал, доктор улыбался и щелкал щипцами, а мама стояла в стороне за занавесом и, делая круглые страшные глаза, подсказывала громким шепотом.

Вовка сидел в первом ряду и прекрасно слышал, что подсказывала мама и как то же самое повторяли ребята. Но все равно было очень весело и интересно. Зал хохотал, и Вовка заливался вместе со всеми.

Обычно с концертов Вовку забирал папа. Нынче он уехал в город и вернется лишь к празднику. Папа с мамой даже поспорили утром из-за Вовки. Победил папа. Он сказал, что Вовка парень уже большой и, конечно же, дойдет один. Что улица у них тихая, машины не ходят, и вообще пора уже быть самостоятельным.

Тогда, утром, быть самостоятельным было очень заманчиво и привлекательно. А сейчас, в темноте, Вовке очень не хватало папиной надежной и широкой ладони.

Окна школы ярко светились. Оттуда доносились музыка и гул, словно из растревоженного осинового гнезда. Вовка подошел ближе к свету. Стекло было белым от инея. Он подышал в уголок рамы, туда, где чисто светилась едва видимая щель, но окно только сильнее затуманилось.

К другим окнам Вовка подходить не стал, а направился прямо к выходу со школьного двора. Над воротами горел фонарь, и он постоял у калитки, наблюдая, как, сверкая под лампой, падают снежинки. Вернее, это были, пожалуй, и не снежинки, а так, какая-то снежная пыль. Пыль эта парила в густом морозном воздухе и искрилась на свету.

Всегда шумная, улица была удивительно пустынной. Пусто было и на тракте, который спускался с горы и, сливаясь с улицей, редкой цепочкой фонарей над домами уходил к дальнему концу села. Обычно по тракту то и дело с грохотом проносились машины, а сейчас было тихо. Лишь мерцали в свете фонарей редкие снежные пылинки.

Вовка вышел на улицу, на самую середину и побрел к дому. Мерзлый укатанный снег зло взвизгивал под подошвами. Вовка заметил это сразу, едва вышел на дорогу. Звук был резкий и прыгучий. Днем звук терялся в крике галок, людском говоре и рокоте тракторов, а тут ледышками выпрыгивал из-под валенок и, ударяясь о стены домов, отскакивал обратно.

(...)

Вовка поднял голову и посмотрел на небо. Оно было черным, как мамин праздничный бархатный жакет. Луны не было, но зато, словно россыпь мелкой манной крупы на полке шкафа, сияли звезды.

Вовка осмотрелся и отыскал созвездие Большой Медведицы. Его показал папа. Вовка вообще-то и раньше слышал и про Медведиц Большую и Малую, и про Полярную Звезду, но только так, слышал и все. А уж сейчас фигушки, он и в глухой тайге не заблудится.

И спасет его Полярная Звезда — первый друг и помощник всех путешественников. Она — как большой осевой гвоздь у ветряной трещетки на крыше избы. Звезда — гвоздь, а вертушка флогера — это все небо. Потому что точно так же, как и вертушка на гвозде, все небо крутится вокруг Полярной Звезды.

(...)

До дому оставалось немного. Вовка видел яркие квадраты окон на кухне. В одном из них, там, где стоял делов табурет, маячила тень. Стало понятно, что дед дома. Сидит на своем любимом табурете и ужинает.

И тут Вовка увидел собаку.

Что и говорить, собаки в селе не в диковинку. Они жили почти в каждом дворе и практически всех их Вовка знал по именам и не боялся.

Собаки тоже узнавали Вовку. Одни сразу начинали вилять хвостом и бежали навстречу. Это те, которые любили. Другие Вовку не любили. Они лаяли, и Вовка обходил их стороной. Но ни те, ни другие не оставались равнодушными. Даже большие охотничьи псы старика Пугачева.

Пугачев жил на дальнем конце села, где проходил тракт. Вовке туда ходить запрещали, и потому пугачевских псов он видел редко. Но и они при встрече пару раз взмахивали хвостами.

А эта собака была какая-то странная. Такой в селе раньше не встречалось. Она по-хозяйски спокойно сидела на дороге против ворот Вовкиного дома. Лампочка в фонаре над воротами не горела, и собака в тени казалась особенно крупной, серой и большоголовой.

По инерции Вовка прошелся еще немного и остановился. Идти дальше было страшновато. Да и впрямь, собака-то чужая, поди, пойми, что у нее на уме.

«Надо подождать, — решил Вовка, — не век же она будет тут сидеть. Надост когда-нибудь».

На кухне окна погасли и зажглись в комнате. Значит, бабушка уже поужинала. Наверное, сел в комнате на диван, надел очки с бельевой резинкой вместо одной дужки и читает газету. А бабушка вяжет за столом. А может, тоже читает.

Дом был совсем рядом. Пожалуй, если громко крикнуть, то и услышат. Но кричать Вовка не стал. Чего кричать из-за какой-то собаки.

Собака даже не пошевелилась за то время, пока Вовка перед ней топтался. Сидела себе спокойно перед воротами и словно бы кого-то поджидала. От этой мысли мальчишке стало неудобно. Вовка решил вернуться в школу и подождать маму.

Под фонарем у школьных ворот собака уже не казалась такой странной. Форточки в окнах школы были распахнуты. Оттуда валил розовый пар и слышались голоса. По тракту один за другим прогремели три грузовика и тихо прокатил рейсовый автобус. Вовка совсем успокоился и решив, что собака убежала, снова направился к дому.

На этот раз он заметил собаку издали, еще от дома Карасевых. Вовка решил зайти переждать к ним. Он подошел к калитке, потянул за кольцо, но дверь не поддавалась. Ворота были закрыты на засов. Вовка постучал тяжелым кольцом в дверь, прислушался, но никто не отозвался.

Вовка хотел постучать в окно. Он долго стоял на невысоком заборе палисадника, касаясь костяшками пальцев холодного стекла, но так и не смог придумать причины посещения. А сказать правду он просто не мог. Рука сама опустилась, стоило представить, как завтра рыжие братья Караси будут врать, будто Вовка испугался какого-то щенка.

Навруг три короба, насмешат всех, а он будет стоять, молчать и краснеть. И ведь не докажешь, что врут. Перекричат братья. Их трое, а он один. Вовка представил это позорище и осторожно слез с заборчика.

Напротив Карасевых, через дорогу, в маленькой избенке жила бабушка Ионовна. Свет у нее в окнах не горел. Но Ионовна была очень стара. Электричества она боялась и свет включала редко.

Двора с высокой оградой и широкими воротами, как у Карасевых или у Вовкиного дома, ионовнин домишко не имел. Потому Вовка, единственным духом перемахнув улицу, вскочил сразу на крыльцо.

Он ткнулся плечом в дверь, но та не поддавалась. Ткнулся еще, постучал кулаком, прислушался. За дверью в сенях, как и во всем доме, тайлась тишина. Вовка подергал дверь за ручку, и она отозвалась глухим лязганьем. Только теперь заметил он большой замок, протертый в кольца. Вовка дернул за ручку еще раз. Замок качнулся, лязгнул по кольцам и гудко ударил в дверь.

Вовка прислонился к перилам крыльца. В доме у Карасевых окна светились голубым. Там смотрели телевизор. Чуть дальше, по той же Карасевской стороне, стояли еще два дома. В их окнах совсем не было света.

По этой стороне до самого Вовкиного дома тянулись огороды. Сначала маленький — бабушки Ионовны, потом, через забор, большой — Вовкиных родителей. А уже за огородом Вовкин дом. Там все так же светились окна в комнате. Собаки на дороге не было. Вовка решил идти прямо домой. Да и впрямь, чего ее бояться, собаки-то. Не съест же она его. А если и схватит за валенок, так он ее палкой, палкой!

Вовка осмотрелся. Палка была тут как тут. Стояла в углу возле двери. С этим посошком старая Ионовна бродила по улице. Вовка так обрадовался палке, что даже и не подумал, почему стоит неизменная бабкаина спутница возле запертой двери.

Батожок был гладкий, до блеска отполированный старушечьими руками, и это придало Вовке уверенности. Словно бы сама Ионовна стояла рядом.

Собака появилась, когда Вовка пробежал забор между огородами. Она вышла из-за сарая и остановилась. Положительно, это была очень странная собака, и, пожалуй, Вовка не зря ее боялся. Она стояла, не шелохнувшись, словно нарисованная, и в упор смотрела на Вовку. Не шевелились ни острые уши, ни провисший поленом хвост. Только в глазах теплились зеленые огоньки.

И тут Вовка понял, что страхи его были совсем не пустыми. Что это вовсе никакая не собака, а самый настоящий волк. От догадки сразу вдруг замерзли плечи и ноги стали мягкими. Вовка бы, наверное, тут и уселся, если бы не бабкин посошок.

Первым желанием было кинуться назад в школу, к маме. Но пока ноги стали слушаться, Вовка вспомнил, что бежать ни в коем случае нель-

зя. Так говорил папа. Нельзя показывать зверю свою боязнь, говорил он. Зверь никогда не нападет на того, кто сильнее его. Но если почувствует твой страх и слабость, — пиши пропало. Так говорил папа, а папа знает все.

И еще нельзя отводить взгляда. Нужно смотреть прямо в глаза. Любой зверь боится человеческих глаз. Это тоже Вовка знал твердо. Вот только кто говорил, не помнил.

Вовка отступил на шаг, второй, пятый. Зверь стоял неподвижно. О том, что это не статуя, а живой волк, можно было догадаться лишь по обличью пара возле черной бульбочки носа да огонькам в глазах.

Не отрывая от волка взгляда, Вовка допятился почти до Ионовниного огорода. Все это время волк не шевелился. Вовка постоял немного, сурово хмурия брови и решительно глядя на волчью морду. Поглядев достаточно, чтоб внушить хищнику почтение и робость, он твердо повернулся и медленно направился по дороге.

Сейчас уже мерзли не только плечи. Спину и руки до локтей, даже живот, стянуло холодом. Хотелось закричать во весь голос, броситься по дороге и бежать, бежать что есть сил. Но Вовка сдерживал себя и ступал нарочно медленно.

Со стороны могло бы показаться, будто идет мальчишка, идет себе, не торопится. И никого не боится. Это уж точно. Вон как прочно ставит ногу. А то, что голову втянул в воротник и спина прямая, словно кол проглотил, так это сзади и не заметно.

Вовка оглянулся. То что он увидал, ошеломило. Волк, оказывается, бежал следом. Как будто он, волк, его, Вовки, совершенно не боялся.

Вовка остановился. Волк тоже. Вовка повернулся. Волк сел. Вовка шагнул навстречу — волк вскочил, но не убежал.

Вовка понял, что волк его и вправду не боится. И что спиной к нему поворачиваться нельзя. А задом далеко не уйдешь. Обязательно где-нибудь споткнешься и тогда... Что будет после, было страшно и подумать.

Вовка глянул на Большую Медведицу. Ковш ее накренился еще сильнее. Так что если в нем что и было, то осталось только наполовину. Полярная Звезда висела прямо над волком. Холодная и далекая, она отличала зеленью и казалась третьим волчьим глазом. Помощи от нее ждать было бесполезно.

В отчаяньи и обиде Вовка закричал. Но крик застрял в горле, а наружу выполз какой-то сильный хрип. Конечно же, никто, кроме волка, не услышал на пустой холодной улице этого силения. Тем более, не мог его услышать дед за толстыми стенами избы.

Вовка осознал, что он совсем один и надеяться ему не на кого. Не на звезду же в самом деле.

Неожиданно для себя он поднял палку и шагнул к волку. И волк отпрыгнул назад! Он все-таки боялся больше, чем Вовка!

Тогда Вовка побежал. Он бежал на волка и грозил ему батошкой. А волк, волк трусил впереди, и хвост его прилип к брюху.

Так они пробежали последний фонарь. До тропки к воротам оставалось шагов двадцать. Но свет лампочки туда едва достигал.

Чем дальше от фонаря, тем было темнее. Тем меньше оставалось у Вовки уверенности. Словно чувствуя это, волк бежал все медленнее и чаще оглядывался.

Вовка остановился на повороте. Здесь он должен был свернуть к воротам и показать спину. Тотчас же остановился и волк. Он повернулся и снова уставился тяжелым немигающим взглядом, словно бы примериваясь, как поудобнее Вовку цапнуть.

Их разделяло шагов десять, и Вовке казалось, что он чувствует зверя. Ощущает то напряжение, с которым волк ждет какого-то одному ему известного момента.

И тут Вовка, абсолютно неожиданно для самого себя, резко вскинул Ионовнин посошок, словно это была не мирная старушечья подпорка, а настоящее грозное ружье. Вскинул, как вскидывают к плечу винтовку, и громко крикнул: «Ба-бах!»

Волка будто огрели плетью. Он сиганул с дороги в снег, а Вовка пчелкой влетел в калитку ворот. Краем глаза он успел заметить длинную серую тень сбоку из-за сарая, но уже громыхнула щеколдой калитка, а за ней бухнула дверь сеней.

Деда, волки! крикнул Вовка и, теряя валенки, помогая руками на узких крутых ступеньках лестницы, взлетел на печь. Только здесь, на горячих кирпичках, в душном закутке, где уютно пахло овечьей шерстью и сухарями, он мог почувствовать себя спокойно.

Откуда им взяться, волкам-то? — рассмеялся дед. — Последнего с Пугачевым еще о прошлом годе подшибли. Собака, наверное.

— Волки, деда, волки! Не сомневайся! — сердце мышонком трепыхалось под самым языком, и говорить Вовке было трудно.

— Да сходи ты, старый, посмотри. Даже если и собака, глянь, как ребенок перепугался, — вмешалась бабушка.

Дед пошуршал газетой, встал, надел валенки и снял со стены ружье. Он постоял немного, подумал и выдернул из патронгаша два патрона. Слышно было, как проскрипели доски мостков от сеней до ворот дзенькнули стекла в окнах от близкого выстрела.

Вовка полез с печи.

Пока вернулся дед, он успел раздеться и сидел на диване с котом Кузькой. Так же молча дед повесил ружье, снял валенки и сел рядом.

— Убил волка? А, деда, чего стрелял-то? — потянул его за рукав Вовка.

— Чего молчишь, старый? Кого стрелял? — вступила и бабушка. — Небось опять пугачевские кобели отвязались?

— Да нет, — дед взял Вовку на колени. — Волки были.

— Убил? — выдохнул Вовка. — Неужто промазал?

— Ушли, не дождались. В воздух стрелял, для острастки.

— Почему тогда знаешь, что волки? — съехидничала бабушка.

— Волки ушли, следы остались, — усмехнулся дед. — Четыре штуки было. Трое за сарасем в засаде, а один на дороге заманивал.

У бабушки в руках звякнули спицы. Клубок упал с коленей и покатился по половику. Кузька спрыгнул с дивана, оседлал клубок и уехал на нем в кухню.

Вовка прижался к dedu. От его свитера сладко пахло пороховой гарью и ружейным маслом.

— Как же это ты так умудрился, Вовка ты наш, морковка, — приговаривал дед, глядя Вовку по голове. Шершавая дедова ладонь дрожала, и Вовка снова увидел холодную и злую звезду.

Только тут к нему пришла мысль, что ворота дома могли быть закрыты на засов. Как у Карасевых.

И Вовка заплакал.

ЕЛЕНА СТАНИСЛАВОВНА НАУМОВА

Елена Станиславовна Наумова родилась 24 сентября 1954 г. в п. Вахруши Кировской области. Начинала, как и многие из ее поколения: учеба в школе, увлечение стихами, журналистикой, занятия в клубе «Молодость». Творческий поиск привел Елену Наумову в поэзию для детей, правда, до этого были уже серьезные поэтические подборки в газетах, журналах «Огонек», «Смена», «Крестьянка», «Студенческий меридиан», «Сельская молодежь», в альманахах «Поэзия» и «Истоки». Она участвовала во II семинаре детских авторов.

Елена Станиславовна заочно окончила Литературный институт им. Горького. Первая книга ее стихов вышла в 1985 г., когда она была еще студенткой. В Москве вышли две книги стихов «Выстрел ветки» (1988) и «Счастливый билет» (1990).

В 1991 г. в издательстве «Детская литература» вышла книжка для детей «Девочка и дождь».

Е. С. Наумова — член Союза писателей России. Работает журналисткой.

ДЕВОЧКА И ДОЖДЬ

Дождь стучит на улице —
кап да кап..
Только мне все чудится —
пап да пап.
Может, тоже слушаешь
этот дождь.
Вдруг возьмешь, надумаешь
и придешь.
Я тебе доверчиво
расскажу,
Что читаю вечером,
с кем дружу.
Мы живем по-прежнему:
мама, я,
Кошка тети Стешина —
вся семья.
Дождик, что ж ты ломишься —
кап да кап..
Может, ты воротишься,
пап, а, пап?

* * *

Беда легла на плечи,
словно шаль,
Которую сама война
вязала.
Ох как под этой шалью
замерзала
Соседка наша,
письмами шурша.
И до сих пор
все думается ей:
В траве не птичьи гнезда,
а воронки,
Не листья шлет сентябрь,
а похоронки

На мужа,
на отца,
на сыновей...

СЕРГУХА

Война Сергухиного деда
Настигла в нынешние дни.
Он умер в праздник, в День Победы,
От старых ран в кругу родни.
Впервые чувствовал разлуку
Сергуха, внучек, сгоза...
Оставил дед в наследство внуку
Характер, имя и глаза.
И плакал маленький Сергуха
На зеленоющей траве,
Но гладить жалостным старухам
Не дал себя по голове.

КОРОТКОЕ ЛЕТО

Ни письма,
ни звонка,
ни привета,
Только слышу берез перезвон.
Помнишь наше короткое лето —
Солнце желтое, словно лимон.
Речка синяя.

Шорохи.

Звуки.

Имена на горячем песке.
Мы стоим по колено в разлуке
И по горло в любви и тоске.
И откуда — ни бури, ни выюги...
Вдруг любовь от земли до небес.
— Бес попутал! —

кричали в округе.

Был такой замечательный бес.
Звезды ясные тихо светили,
Что-то нежно шептала вода...
Люди добрые беса схватили
И скрутили его навсегда.

Ни письма,

ни звонка,

ни привета.

Где ж то солнце,

та речка,

тот лес...

Да, такое короткое лето,
А любовь от земли до небес.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ПОДЛЕВСКИХ

Александр Петрович Подлевских родился в 1954 г. в г. Перми. Он рано лишился родителей, с десяти лет воспитывался бабушкой, жившей в деревне близ Слободского. Со второго класса учился в школе-интернате. После восьмилетки был направлен в ГПТУ, а затем работал на заводе. После службы в армии в поисках угля поехал по стране: Костромская область, Сибирь, Урал, Кольма. В 1982 г. возвратился на родную вятскую землю.

В 1988 г. А. П. Подлевских поступил в Кировский пединститут на факультет русского языка и литературы. Этот выбор был не случаен, Александр Петрович не только интересовался литературой, но пробовал писать стихи, прозу. Его рассказы поднимают проблемы нравственности, сыновьего долга, достоинства личности в современной жизни.

Первая книга «Поездка домой» А. П. Подлевских вышла в 1992 г. в издательстве «Вятское слово», она объединила двух вятских молодых прозаиков А. П. Подлевских и В. Н. Казакова.

В 1994 г. А. П. Подлевских принят в члены Союза писателей России.

НА РАБОТУ ПОРА!

(В сокращении)

Но не успел инженер Груздев дойти до баньки, как услышал крик. Как только он ушел, Сашка, походив вокруг трактора и, по обыкновению своему, попинав его, все-таки принялся за работу. Решил проверить диски сцепления, а также, если еще время будет, коробку скоростей перебрать. Сколько еще стоять из-за этого подшипника — неизвестно, а это рано или поздно придется делать. Вечером он решил сказать матери, чтоб брагу ставила. Самому несподручно крутить и поддерживать, но куда деваться — полез. Ругаясь, открутил гайки и снял кожух, вылез покурить. Рядом мотор зилковский стоял, из сельхозтехники на днях привезли. Сашка на него в задумчивости навалился. Укреплен он был чурками, надо бы на весу оставить, но кто-то цепи снял. Левая чурка подвернулась, мотор повалился, Сашка его удерживать, а там металлическая плита типа наковальни — и половины указательного пальца как не бывало. До последнего держал. Все случилось быстро. Мотор лежит, полпальца валяется, и у Сашки рука в кровище. Больно. Кинулись к аптечке — пустая. Свою Пестов дома оставил. Никогда, становясь на ремонт, с собой не брал. Воруют. Вроде все свои, а воруют. У токаря кое-что в тумбочке нашлось. Измотали два бинта — они тут же стали красными, а Сунцов бежал уже за инженером... Нужна была машина. Бросились искать — нет. Хмель из головы Груздева как рукой вышибло.

«Та-а-а-к, — лихорадочно думал он, — это, как ни крути, несчастный случай, моя вина — не углядел. Надо что-то делать... Надо что-то делать... Где машина?! Где машину брать?» Но машины не было. Председательский «уазик» в городе. «Пазик» на ремонте. Остальные при деле. Бензовоз, на котором обычно разъезжал инженер, с утра послан на нефтебазу, еще не возвращался.

— К фельдшеру надо, в медпункт, — сказал сварщик Толя.

— Надо бы, — согласился токарь.

— Как ты? — спросил Груздев Сашку.

— Нор-ма-а-ль-но, — кривясь, сказал тот, — токает только.

— Может, до медпункта сам дойдешь?

— А че, на ручки взять можешь? — усмехнулся, а потом, — пошли, чего спрашиваешь.

Пришли, фельдшер, молоденькая девчушка, работающая тут еще без году неделя, развязала палец и ахнула. Растерялась, не зная, что делать. Потом заговорила что-то о столбняке и кинулась готовить шприц.

— Завязывай снова, — сказал Сашка.

В белом уютном кабинете, где он сейчас сидел, было тепло, пахло спиргом, лекарствами, и он пожалел, что в свое время не приударил за ней, уступил ее соседу Кольке. «Все-таки где-то бы стопочку сэкономила и поднесла», — подумал он.

— Колоть себя я тебе не дам, вдуешь чего-нибудь не то...

Сашка заметно смущался от ее трепетного внимания и беспомощности.

«Что ж ты, неумеха-то такая», — думал он, скрывая свои чувства под напускной грубостью.

Стали звонить в город, чтобы выслали машину «скорой помощи».

— Ну, чего они? — горячился Груздев.

— Не отвечают, — виновато кривилась в улыбке фельдшерица, не отрывая телефонную трубку от уха, делала короткую паузу и снова набирала номер районной больницы.

Сашка стал сквозь зубы постанывать от боли, горячность проходила.

— Но-шпы! Но-шпы хоть дай ему, медики! — гаркнул инженер на девчонку, кроме но-шпы он никакого другого лекарства не знал. Это по-

чему-то запомнилось. Та кинулась к шкафу и дала обезболивающего. Таблетку тракторист съел с хрустом и попросил запить спиртиком. Фельдшерица только рассмеялась. Груздев стал звонить по телефону сам.

— Алло, — кричал он, — скорая... ало! Это самое... Ало!

Скорая, — дозвонился, — у нас тут в колхозе «Рассвет» травма... ага... у тракториста полпальца оттяпало... Вроде трезвый... Как нет... у нас тоже нет... А я где возьму... Сколько ждать?... Вы что, шутите? Я не шучу... Дороги... нормальные... Это самое...

Послышались гудки.

— Повесили трубку, скоты! Бюрократы! Никто работать не хочет. Только говорить умеем... И это у нас так перестраиваются. Перестройка называется. Это самое... В газету! В газету на таких надо! — он встал и нервно заходил по кабинету, потом остановился как вкопанный — вспомнил о Сашке.

— Пошли, Пестов, на тракт, может, на попутке уедем.

На бледном лице Сашки блуждала слабая улыбка, и он лишь согласно кивнул головой. Когда проходили около груздевского дома, хозяин подумал: «Надо бы зайти вмазать, а то с беготней во рту пересохло». Но он вовремя вспомнил о своей должности и о своих обязанностях. Вспомнил, что за этого обормота ему еще и отвечать придется, и тут его осенило. В памяти просто неожиданно всплыл анекдот о поле и еврее: чего-то там про столкновение машин. Еще в кабинете у фельдшера, когда Пестов просил запить спиртиком таблетку, что-то мелькнуло в мозгах, Груздев аж остановился и с трудом перевел дух. Это была идея.

— Это самое... тяжело? — участливо спросил он Сашку.

— Тяжело, — ответил тот, — токает сильно, ноет.

— Может, водочки попьешь — легче будет, поутихнет боль-то...

— А у тебя есть? — облизывая сухие, горячие губы, спросил Сашка. Он мечтал сейчас о добром ковше холодной колодезной воды, а тут вот даже водки предлагают. Выпить хотелось, хотелось как-то забыться. Хватануть стакан — может, и в самом деле полегчает. Он вспомнил, что в гараже от инженера пахло водкой.

— Есть, — ответил Груздев.

«Ты гляди, — отметил про себя Сашка, — нигде нет, а у этих есть. Рабочий человек не пей, а начальнику можно. Зона трезвости называется. Брагу ищут... Чуть ли не по два раза в месяц ходят противопожарную безопасность проверяют, каждый угол вынохивают... Нам нельзя — им можно...»

— Давай тяпнем, — согласился Сашка, — давно не пил, так и вкус забыть можно.

Выпить захотелось сильно. Так, что Пестов на мгновение и о пальце забыл.

— Постой здесь, — сказал Груздев, — я сейчас.

Почагую бутылку Груздев показывать не стал, достал новую, был запас их, недаром сельмаг под партийным контролем... Налил он Сашке сразу целый стакан. Тот выпил, не поперхнулся. Сам Груздев пить не стал, бутылку поставил в карман, с улыбкой заверив Пестова, что вся его будет. Заторопились к дороге. Хмель быстро ударил в Сашкину голову, он заметно повеселел и даже спел похабную частушку, что, мол... не пропали и... не пропадем. «Хорошо, — подумал, глядя на него, Груздев. — Дурак! И не подозревает, как упрощает мне дело!»

— Это самое... плеснуть еще?

— Давай.

Остановились. Тракторист оскалился в улыбке и почти влобленно смотрел на инженера.

— Хороший ты мужик, Петрович, — занюхивая рукавом, сказал Пестов и похлопал Игоря Петровича по плечу.

Груздев вылил остальное.

— Пей давай быстрее, машина идет.

— А ты не поедешь, что ли? — осоловело спросил Пестов, когда Груздев помог ему взобраться в кабину и объяснил шоферу, что к чему.

— Один доедешь! — строго сказал Груздев. — А я позвоню, предупрежу... Впрочем, медики, глядя на тебя, и так все поймут. Их не обманешь. Со мной да с Виктором Степановичем вы еще можете хитрить, а там куда следует дунуть заставят, прибор не обманешь. Ты пьян, Пестов, понял?! Это самое... — тут Игорь Петрович не сдержался, отвернулся, сглотнул вырывающуюся радость, повернувшись, продолжал:

— Так что учти, Пестов. И делай выводы. Думай, как тебе лучше будет. Это самое... Прямо к хирургу его, к врачам, и пусть засвидетельствуют все как положено, — говорил он уже шоферу. Шофер был из соседнего колхоза. Молодой парнишка. Сашку он знал, знал и инженера, не понимал, что происходит, и поэтому глупо улыбался. Пестов наклонил пьяную голову и, казалось, туго о чем-то соображал, только тогда, когда машина дернулась с места, он выдал:

— Гад!... Гад!.. Вот гад!..

Вернувшись ломой, Игорь Петрович дозвонился до районной больницы, потом дозвонился до райкома партии, вызвал к телефону Виктора Степановича, ему рассказал все как есть. Они оба вдоволь повозмущались, обвинив, естественно, в растяпистости тракториста, расспросили

друг друга о делах. Виктор Степанович жаловался, что приехал представитель из областного центра, доклад закатил часа на два, за ним свои выступления будут, так что раньше девяти дома не быть. Груздев просил передать жене, чтобы та не забыла купить... — она знает что. На том распрощались. Груздев вспомнил о бутылке, выпил и долго сидел в кресле с чувством человека, славно выполнившего свой долг. Потом он не спеша собрался в баню.

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАЗАКОВ

Валерий Николаевич Казаков родился 2 января 1955 г. в с. Русский Турек Уржумского района Кировской области. Там же окончил среднюю школу. После службы в армии, увлеченный с детства живописью, едет поступать в художественное училище им. Серова в Ленинград. Не прошел, год работал на заводе, в это же время стал заниматься в клубе «Литературные пятницы» при молодежной ленинградской газете «Смена».

Вернувшись домой, поступил в Пицальский лесной техникум и в 1981 г. окончил его с отличием.

За эти годы В. Н. Казаков испробовал много профессий, но очарование леса надолго связало его с родной природой. В настоящее время он работает лесником.

Рисунок, живопись, стихи, философия — увлечение Казакова, но серьезнее всего он работает в прозе. У него есть публикации рассказов в сборниках, журналах. «Аборигены из Пентюхино» — первая книга Валерия Казакова (Киров, 1992).

В. Н. Казаков — член Союза писателей России.

КАРУСЕЛЬ

Дом у Михаила и Анны стоит на самом берегу реки. Весной вода подходит совсем близко к дому, боязливо заглядывает в темное подполье и отступает. Между домом и берегом куст калины, за калиной забор, а дальше обрыв.

Дом стоит на берегу уже очень давно, так давно, что расстояние между ним и берегом сократилось в два раза. Раньше между забором и обрывом был небольшой лужок. На этом лужке, вероятно, любили сидеть бывшие хозяева дома и смотреть вдаль, туда, куда уходят время и надежды.

Особенно красивым дом становится зимой, когда первая декабрьская пурга, слабая, откатывается в пойму перед Гурдломовым лесом и замирает там. Тогда в пазы между бревен набивается снег, он украшает каждую срубленную лапу, серебрит каждую трещинку, свисает с пологой крыши высокой нахлбучкой. А ночью после пурги приходит мороз. В окнах зажигается свет, и дом становится похожим на огромный фонарь средь белой пустыни. В нем поселяется музыка, тихие разговоры и тепло.

Михаил и Анна очень любят свой большой дом, любят друг друга и весь мир, их окружающий. Они стараются понять, что в нем происходит. А в мире происходит обыкновенная жизнь, большая и сложная. А в мире соседствуют тысячи условностей и свободный ветер, несущий легкую пыль воспоминаний. Ветер разбивается о толстые бревенчатые стены и, затаившись, слушает грустное пение печной трубы. Под ветром изгибается калина — с солнечной стороны, и одиноко шелестит молоденький клен — с другой.

Михаил и Анна познакомились пять лет назад на ярмарке в Уржуме. Славился когда-то Уржум веселыми ярмарками, что устраивались на Белой речке. Михаил на ярмарке был самый желанный гость: он у карусели на гармошке играл. Там и в дуду дудели, и в бубен били, но главной музыкой была его гармонь двухрядная. Вятскую «топотуху» играл, «Дунайские волны» и «Калинку», конечно. За игру Михаилу платили полтину в час — невелики деньги, но все же. Михаил и без этого любил ярмарку с детства — за шум, за краски яркие, за марийские цветастые платки; за балаганы, блины и пельмени. За то, что приезжали сюда плутоватые цыганки в пестрых юбках, и бородастые художники в огромных шляпах, и хитрые торгаши, и одинокие жулики. Там и познакомились с Анютой. Она была смуглая, парящая какая-то вся.

Михаил как сейчас помнит, что с ярмарки они ехали на колхозном Гнедке: бригадир Алексей Николаевич у родственников в городе запровал, а лошадь Михаилу оставил. Лошадь была гнедая, тарантас просмоленный для прочности, а платье у Анны белое, как пух. Когда она садилась, ни одна жердочка у тарантаса не дрогнула — вот какая легкая была, почти воздушная. И всю дорогу до Пентюхина восторгалась увиденным, вспоминала что-то забавное и по-детски смеялась.

— Вы уже к этому привыкли, — уверяла она, — а у меня до сих пор душа поет. Я не видела никогда ничего подобного, но уже знала, что понравится. Тоже ведь русский человек: что-то есть такое в душе. Понимаете?

— Как не понять, — отозвался он, — меня с ярмарки всегда силовозами везли с отцом. Уж так я ревел, знаете, так отбивался. Так бы, кажется, и жил на ярмарке всю жизнь.

— И потом, эта карусель — такая прелесть! Вы там играете, а люди слушают и летают по кругу. Прямо, как птицы.

— Это не от музыки. Просто краски такие, настроение.

— Только вот...

— Что?

— В самой карусели. Кажется, чьи-то шаги слышать, как будто бегают кто...

— Так бегают и есть, — поторопился ответить Михаил.

— Как?

— Мужики это. Они изнутри карусель ту вертят. Перекладина такая в оси, на которой все держится, и мужики бегают там — упираются в нее, крутят.

— Неужели мужики?

— А как же! Они так деньги зарабатывают. Вы у нас впервые — вот и не поняли, что к чему.

— А я думала — там механизм какой.

— Да что вы. Пока мужик в любую дыру лезет — никто в России о механизмах не думает. В России земли много, ученых много, железа много, только механизм почему-то все прежний — мужик. Так всегда было во веки веков, так и впредь будет.

— Отчего?

— А у русского человека ум равнинный...

Потом Михаил и Анна поженились. Жизнь подвинула их слегка к своей основной оси — показала, где и как надо упираться, чтобы вертелось.

Из хрупкой и парящей она превратилась в сильную и быструю, а он из нетерпеливого и страстного превратился в выносливого и рассудительного. Она устроилась на работу по своей специальности — медсестрой в маленький местный санаторий, в котором отдыхали большие областные начальники. А он продолжал работать кольщиком дров в райтопе. На территории этого райтопа давно уже стояла дровокольная машина, но никто не мог пустить ее на ход, она постепенно растворилась от ржавчины, и мужики развинтили ее — ради интереса.

В райтопе, кроме разобранной машины, был еще директор, который от безделья стал работать председателем сельского Совета, где вообще-то тоже появлялся редко, так как имел казенную машину «Москвич», много знакомых начальников в районе и нескромный интерес к пышным женщинам, женам этих начальников.

После свадьбы Михаил и Анна жили хорошо, только восторги стали их реже посещать. Зато можно было восторгаться друг другом и надеяться на счастливое будущее.

По утрам Анна всегда просыпалась первой и смотрела в окно, надеясь увидеть там что-то новое и необыкновенное. Но все чаще ничего нового не видела и потому спешила разбудить мужа, он так лобит ее, что обязательно скажет ей что-нибудь самое заветное.

— Вставай, Миша. Я проснулась, и мне вдруг стало грустно. Неужели вся жизнь сейчас вот так пройдет — изнутри.

— Это карусель.

— Нет — утро.

— Сначала все розовое, — отвечал Михаил сонным хриловатым голосом, но все же приподнимался на локте и смотрел за окно.

Сараи, и правда, розовые за окном, розовый хлеб, розовый забор и розовые следы на снегу. Под тихое падение снежинок хочется спать, и сонливость зимой какая-то мягкая, бархатная.

— А почему, Миша, к нам в гости никто не ходит?

— Некогда людям.

— И мы ни к кому не ходим.

— Тоже некогда.

— А жить когда?

И тут вдруг, как-то очень кстати, приехал в гости Аниутин брат-инженер из Ленинграда. Красивый такой, сочный, румяный. Детям гостинцев привез, конфет шоколадных и колготок двенадцать пар. Стал рассказывать о культурной жизни города; говорил, что бывает на персональных выставках, что особенно поразил его Илья Глазунов — очень своеобразный и очень русский художник.

Володя уверял, что не покаялся, бросив деревню, расхваливал свою городскую сыгнную и удобную жизнь, советовал и им сделать то же самое, пока еще в деревню не затянуло совсем, пока корову рогатую не купили.

К вечеру Михаил уже испытал к нему чувство какой-то умиленной благодарности и ощутил себя перед ним букашкой, которой не только гордиться нечем, но и говорить даже как-то неловко. Глядя на Володю, Михаил не мог представить его деревенским жителем.

А ведь он бегал когда-то по узким сельским улочкам, среди покосившихся заборов, разгоняя кур и гусей. Ходил рыбачить на Вятку, купался вместе со всеми и загорал. Вот у него и лицо какое-то бледное, взгляд снисходительный и усмешка в уголках тонких губ. От чего это? Володя, несомненно, красив, но красота у него какая-то женственная, утонченная, красота для другой жизни, которую Михаил знать не знает...

На второй день утром Володя снова рассказывал о Ленинграде, и Михаил почувствовал, как они с женой, должно быть, оторваны от большой культуры.

Потом брат с сестрой ушли на кухню. Михаил остался с детьми, делал вид, что занимается с ними, а сам почему-то прислушивался к разговору Володи и Анюты. Они тихо говорили о житейских серьезных вещах, и вдруг Володя спросил:

— Неужели он вправду играет на какой-то ярмарке?

— А что? — переспросила сестра.

— Как-то дико в наше время. Неужели нельзя было получить образование?

— А ты считаешь, что получил образование — и работать уже не надо?

— Нет, но не руками же! И, вообще, что у тебя с ним общего?

— Дети! Дом, жизнь — да все.

Сначала слова Володи ошарашили Михаила, он даже о совести успел подумать, о приличии и прочих таинственных вещах. Но вдруг понял: Володя — это же человек с карусели... Он на виду, а такие чаще всего забывают о тех, кто изнутри карусель вертит. Им не до них. Карусель манит нарядами, смущает своим суматошным видом. Всем хочется красиво жить и с блеском. Издали-то кажется, что все это просто. Успел, занял местечко поудобнее — пристроил на него задницу — вот и все. Больше-то, кажется, сейчас ничего и не требуется — было бы чего да чем придавить. А там уже, глядишь, и мужики забегают, в дулу задудят, закружится все, завертится.

Хорошо, пока вертится машина, пока такие, как Михаил, крутят ее изнутри. А что как надоест им крутить?

И ведь крутить-то надо. Иначе дом на берегу не устоит, берег реки не удержит... Мутной водой все затопит, реки вспять потекут, и последнее дерево к воде сползет по скользкой глинистой круче.

ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ САФРОНОВ

Леонид Александрович Сафронов родился 19 октября 1955 г. в поселке Рудничном Верхнекамского района Кировской области. После окончания школы учился в медицинском училище, а после и в культпросветучилище. Служил в армии, где начал публиковать свои стихи в армейских газетах.

В 1976 г. по путевке комсомола уехал в г. Норильск, работал в тресте «Норильскгазпром». Его стихи публиковались в газетах «Заполярная правда», «Красноярский рабочий», в журналах «Енисей» и «Красноярские огни», а также в московском журнале «Студенческий меридиан». Несколько стихотворений Леонида Сафронова было опубликовано в сборнике «Встреча» (Красноярское издательство, 1982), а также в кировском одноименном сборнике в 1988 году после возвращения на родину.

В мае 1989 г. в Москве по рекомендации IX Всесоюзного совещания молодых писателей Л. А. Сафронов был принят в члены Союза писателей России. Большая подборка стихов Сафронова была опубликована в 1989 г. журналом «Наш современник», а в 1993 г. вышла книга стихов «Далеко за синими лесами» (издательство «Вятское слово»).

В настоящее время Леонид Сафронов живет в поселке Рудничном Кировской области.

* * *

Нарекли Леонидом, а кличут Алешкой,
Добрым людям видней, как парней называть.
Угости меня, мать, нашей сельской картошкой,
Уложи на согретую детством кровать.

В нашем стареньком доме все так же, как прежде:
Белолицая печь, музыкальный диван,
Чуя близкий мороз, к старомодной одежде
Торопливо ползет золотой таракан.

За окном те же клены и дряхлые липы,
Та же осень грустит, опершись на забор...
Шаг ступлю — под ногой заколышатся скрипы
Половицы ведут про меня разговор.

Все как прежде, лишь ты постарела немножко,
Стала волосы черным платком прикрывать.
Угости меня, мать, нашей сельской картошкой,
Уложи на согретую детством кровать.

* * *

Огурцы, помидоры да ревни...
Наслаждайся, гуляй, матерей...
Но бросают крестьяне деревни,
Словно дети родных матерей.

И съезжают себе в горожане
Со своих деревянных дворов
Под тоскливое конское ржанье,
Под глухое мычанье коров.
А ночами в уютной постели

Их ворочает жизнь неспроста.
Будто души у них улетели
И вернулись в родные места.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Зимний вечер, пустая околица,
Свет луны — хоть гадай по руке!
Как винтовочный выстрел расколется
Неожиданно лед на реке.

И в лесу, под продрогшими елками,
До полуночи сна лишена,
На снегу голубыми осколками
Будет долго скрипеть тишина.

И усталому сердцу припомнится,
Что никак не дается уму:
Зимний вечер, луна и бессонница —
После странствий — в родимом дому.

ПРОРОК

Проходил невеселый пророк
По родному отечеству с болью,
Не пускали его на порог,
Не встречали ни с хлебом, ни с солью.

Говорили худые слова:
«До тебя было много пророков.
До сих пор не пришла голова
К сытой жизни от ваших уроков.

Проходи, куда шел, не мели
Нам про райскую жизнь небылицы...»
Взял он горсть материнской земли
И ушел помирать за границы.

ВИКТОР АРКАДЬЕВИЧ БЕРДИНСКИХ

Виктор Аркадьевич Бердинских родился в 1956 году в г. Советске Кировской области. После окончания средней школы в 1973 году Виктор Бердинских поступил на исторический факультет Горьковского университета, который окончил с отличием в 1978 году. Его дипломная работа была посвящена декабристам.

После университета Бердинских работает в Кировском педагогическом институте, окончил аспирантуру и защитил кандидатскую, а в 1994 г. докторскую диссертации.

Виктор Аркадьевич еще в университете увлекался русской мемуаристикой, поэтому, продолжая исследования в этой области, он пришел к пониманию ценности устной истории.

Помимо устной истории, Виктор Аркадьевич занимается краеведением, он автор книг о поэте XVIII века Ермиле Кострове, о вятских историках XIX века.

В 1994 году вышла книга, в которой собраны и обработаны материалы воспоминаний вятских крестьян, эта книга — «Россия и русские» — своеобразные очерки о русском крестьянском быте, характере, фольклоре.

В. А. Бердинских — автор многих газетных и журнальных публикаций по краеведению и истории России, член Союза писателей.

РОССИЯ И РУССКИЕ

Русская деревня

Поселение

В судьбе многих наших стариков жизнь в деревне — это светлый уголок памяти, та часть жизни, что дороже целого. Вспоминают они об этом так: «Жилось раньше не в тягость. И жилось веселее, чем сейчас нынешней молодежи. Особых случаев не вспоминается из детства, памяти не стало, а вспоминается деревня, беготня босиком, птицы поют. Когда утром встанешь вместе с отцом или матерью пораньше вместе с солнышком — солнышко всходит, везде жаворонки поют. Цветы, трава, утины за домами были; так валялись в траве на этих утинах. Черемухи стояли за каждым домом, лазили по ним. За деревьями везде тропочки были, так бегали только по этим тропочкам. Траву не мяли, дороги были только лошадиные, шириной в телегу — а дальше уже посевы. Их не топтали. Хорошо жилось в деревне, хорошо было быть ребенком, сидеть на коленях отца!» (Мальцев И. А., 1908).

Вы можете сказать — о детстве тяжелых воспоминаний не бывает.

Но ведь лет с 7-8 детство, в нашем понимании, кончалось. Ребята становились маленькими взрослыми, и сетований на тяжелую работу в детстве хватает. Здесь речь идет о микроклимате каждого села, открытости человека навстречу природе, устойчивости духовного мира, благодатной атмосфере этих людских сообществ. Сбалансированность, притертость во взаимоотношениях была традиционной. Объединял и общий круг забот, и совместный труд. Вот как говорит Нина Федоровна Стремоухова (1922) об

этом: «В деревне тогда были все неграмотные, не могли сами расписаться. Да и собственно — где было расписываться-то? Мои родители тоже были неграмотные. Но вот запомнилось, люди необразованные — а какие вежливые! Культура от природы, видимо. Всегда ужо поздороваются друг с другом, поклоняются, шапку снимут. И не ругались матом как сейчас. Это был и грех большой, и осуждалось — ведь на деревне все-все друг про друга знали. Вот известно будет — живо осудят за такое!»

Во всякой деревне жили устные предания, порой поэтические, мифологизированные, о ее происхождении, первых обитателей. Даже в большой деревне зачастую все жители носили две-три фамилии, были тесно связаны родством. Вот что запомнил и рассказал И. А. Мальцев (1908): «Деревня, где я родился, стоит на взгорке. Деды рассказывали, что тут был родничок, звали его кипуном. Первым жителем деревни был беглый, пришлый человек, роста маленького. Когда стали давать первые фамилии, а поп какую фамилию даст — та и будет. А он был маленький, поп дал ему фамилию по прозвищу — Малец. От дедов слышал — пашни расширяли, лес берегли, садили его. Все старые полоски, межи — все сохраняли. Садили лес — звали вересники. Землю берегли — это ужас как! На лугах не росло ни кустика, все выкорчевывали. От родника недалеко протекал ручеек, его называли Лавра. Дальше тек как маленькая речка, в ней полоскали белье, и у родника поставили колоду, где полоскали белье и брали воду пить. На Лавре поставили мельницу, зимой река замерзала. Был кипун у поскотины за деревней. Он никогда не замерзал, пар окутывал его. Родничок и кипун были обнесены камешками. Деревня была на 3 конца»

На первый взгляд русская деревня — хаотическое скопление домов, разбросанных совершенно случайно и мало связанных друг с другом. Правильная геометрическая планировка, действительно, раньше отсутствовала. Но дома ставились так, чтобы не заслонять друг другу солнышко, глухой стеной (без окон) на север, горницей — на восходящее или закатное солнышко. Многовековой опыт позволял при строительстве дома не наносить вреда природе, ставить его наиболее удобно для хозяев. Так что ничего случайного в таком хаотическом расположении домов не было. Меня просто до глубины души поразило образное описание родной деревни, данное Марией Федоровной Бобкиной (деревня Малая Липовка Архангельской губернии, 1913): «Деревня наша круг пригорка, как поясок круг пупка: десять домов вперехлест глазами; кой в задворки другому глядит, кой на соседа, а все главным-то оком на солнце праведное».

Деревня, как правило, хорошо была вписана в излучину реки, подножие холма, склон оврага. Дома ориентировались на реку, дорогу (причем, эта дорога не была пыльной и грязной). Архитектурным центром села чаще всего была удачно поставленная на пригорке церковь. Об этом помнят многие. «Деревня, в которой я родилась, была очень красивая, избы над рекою, у самой воды — баньки, амбары, за домами овины, гумна, а на холме церковь. Избы были просторные, добротные, с летними горницами. Ставились они обычно лицом к реке или дороге» (Колотова П. А., 1909)

Идеализация стариками времени своего детства и юности несомненна, но для нее есть свои причины. Ничего случайного не было в расположении улиц (концов). Все было продумано, и для всего были веские основания или давно забытые поводы. Конечно, внутри деревня часто была очень неоднородна.

«А до колхоза наша деревня была разбита на 3 части. Кто побогаче — жили в Вишневке, середина деревни — Старинцы, здесь жили одни вдовы и солдатки, и Новосельцы — тут жили середняки. Тогда делили землю на каждого члена семьи. Полосы меряли четьями. У богатых было столько же земли, но она была лучше. Зажиточные держали и пчел, и скотину. До колхозов было трехполье». (Перминова Т. И., 1916).

В маленьких северных деревнях, как правило, равенства было больше. На другие улицы в большой деревне родители детей играть не отпускали.

Коренилась издавна непонятная вражда между мальчишками с соседних улиц, нередкими были драки. Даже взрослые без дела, просто так на соседние улицы не заглядывали. «Деревни были всякие, и богатые, и бедные. Как сейчас, по-разному жили. Были у нас в деревне богатые — так весной мама и кресна ходили к ним шерсть мыть. Так на другую улицу не больно-то пустят. У нас в деревне 5 улиц: Потки, Ичетки, Обдалы, Сметники, а последнюю называли Нагая Масляница. У нас была самая большая деревня — 52 дома. Были деревни Вершининцы, Прокаши, Власовцы, Петровцы, Бесстрашны, Оглоблины, Соковни, Бараники». (Желвакова С. П., 1917, Слободской район).

Сможет ли сегодня ваш сосед — городской житель — назвать без запинки хотя бы с десяток названий соседних улиц? А между тем, у людей, покинувших родную деревню 30-40 лет назад, названия соседних деревень воскресают в памяти мгновенно! А как эмоционально они их произносят! «Округу всю знала километров на 10-15 хорошо. Рядом лишь село Березово. Вокруг него много деревень: Пискуны, Шишкарки, Дороницы, Кисели, Савиновы, Бобинцы, Мехрени, Бобичи, Тутуни». (Кислицына В. Н., 1918).

«У нас в округе много деревень было: Масляны, Шары, Трапичино, Могильник, Заяки, Слобны, Кочегары, Шалая, Карпячи, Маленовщина, Мочкалы, Деряши, Мечунай, Угрюм, Оглашенники, Сосновицы, Фетюки, Пердуны, Гачи, Мальцвы, Епиха, Годневщина». (Феофилактова А. А., 1918).

В большой округе крестьянин знал не только жителей всех 15-20 соседних деревень, их семьи, родство, происшествия (а слухи распространялись быстро), но и нравов, характер каждой деревни — изюминку в ее облике и нравах. Действительно, у каждой деревни было свое лицо, порой не очень приглядное. Вспоминает Соколова Татьяна Петровна (1919): «Все деревни одинаково жили. У нас деревня форсистая была. Не столько богатства, сколько форсу у каждого было. Любили все делать с блеском. Крыши тесом покрывались. Облицовка была красивая. Кирпичные дома были. Дома большие, были и двухэтажные. Котегово — зауголками звали. Они жили попроще. Бабкино. Избенки были маленькие, бедно жили. Маленькие избушки, как баньки. У нас жили хорошо, потому что работали.

Как ни глянешь, в каждом доме то столяр, то овчинник, то маслобойщик. Машины были у одного, его раскулачили. Молотилку он давал на прокат, да и то за хлеб. Сапоги у нас шили в деревне. Лапти плели. Портные были, шили одежду. Красили холсты всякими узорами. Пчеловодством занимались. Пчелы были у многих».

Родством в богатой деревне гордились, родства в нищей деревне стыдились. Помнили всех своих многочисленных родственников не только ныне живущих, но и давно умерших. Человек силен был родней, ее помощью и незримой поддержкой. Правда, счет родства вели чаще всего старики, но и молодые парни знали свою родословную на 5-6 поколений назад. Хорошо сохранялись предания об основателях деревень. Петр Петрович Малых (1917) так вспоминает об основании своей родной деревни: «Примерно лет 180 прошло, а может, больше, около двухсот, когда сюда приехали мы из села Быково, из-под Вятки. Приехал Малых Иван Антоныч. Привез сына Фадея. Еще привез Феофана — сироту, ну а потом у их здесь родился еще сын Петр — мой прадед, значит. Сына этого, Петрушу, отделили. Дали ему полдуши земли. У отца-то его три души всего-то было. От Петруши родился сын Николай — мой дедушка. Жenu Николая, бабушку мою, значит, звали Ирина Яковлевна. Дедов-то своих я всех помню».

Много теплых слов говорится в рассказах стариков о своих прежних соседях. Пожалуй, складывались нити дружбы не менее крепкие, чем родственные. Очень часто говорится и об атмосфере доброжелательства, взаимной поддержки, господствовавшей в родной деревне.

Вот как вспоминает о взаимоотношениях людей в родной деревне Анна Прохоровна Новоселова (1917): «В деревнях раньше жили мирно и дружно. Сосед с соседом утром встретятся — «доброе утро» говорят. Были и злые, и жадные, но их как-то и незаметно было. В основном добрые, дружные, открытые люди были. Мужики свои дела решали, бабы свои. Песни, частушки пели чуть не каждый день. Помню, еще малехонькой девчушкой была, а у нас в деревне два мужика были. До чего задиристые, да ругачливые, да все назло соседям... Так крупно поссорились они из-за чего-то, но люди их пристыдили. Мол, нельзя же задирать постоянно, устали уж от ваших выкрутасов. Так один из них на примирение пошел — частушки забавные сочинил и под окном своего соседа спел под гармошку. Тому потом пришлось таким же макаром сделать. Так вот и помирились. У нас в деревне гармонист был дядя Тима, весельчак такой, особенно подопьет когда, так его и не остановишь. А весной река разольется, девки с парнями на лодках катались... А раздавались песни как, аж душа радовалась!»

Двадцатые годы нашего века в этом смысле были тесно связаны с обычаями деревенской жизни России дореволюционной. Эту пуповину перерезал только 1930-й, начавший полное уничтожение всей крестьянской цивилизации России. Двадцатые же годы были еще патриархальные. Жизнь была более спокойной и слаженной, меньше было неожиданностей, стрессов, страхов. Все вокруг было привычным, знакомым и двигалось по заведенному веку назад кругу Тепла для души каждого отдельного человека внутри этого хорошо обжитого мира было больше.

«До колхозной жизни самые важные черты у человека были: твердость характера, честность, дружелюбность, добрососедство. Сплетников и болтунов не любили, осуждали. Презирали воров, доходило вплоть до убийства миром. Вообще народ был дружелюбен». (Семенов А. И., 1908).

А Ведерникова В. А. (1925) считает даже так: «Важной чертой моей семьи и других было гостеприимство. Простота, доброта, правдивость, большая сила воли в преодолении трудностей — вот что характеризовало наших селян в те годы. Почти все в селе носили одну фамилию, всех объединяло родство, ближее или дальнее. Люди были внимательны друг к другу в селе и к тем, кто оказывался в наших краях. Запоздавший путник находил приют в лобом доме. И малышу, оказавшемуся вдруг без родителей, помогали. Так, в ближней деревне Верхнее Брагино мальчик Коля оказался сиротой. Когда он был маленький, часто из своей деревни приходил в Мокино, заходил в лобой дом, ночевал. Накормленный и одетый потеплее уходил в свою деревню, где еще оставалась его родня. Таким же образом осталась у моих родных жить до конца своих дней пришедшая в село старушка Анисья».

Русская деревня как тип поселения людей, как форма их общности, как культурное целое — безусловно, явление уникальное в русской истории и культуре.

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА СЫРНЕВА

Светлана Анатольевна Сырнева родилась 26 октября 1957 г. в д. Русско-Тимкино Уржумского района Кировской области. После школы она поступила в Кировский педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Получив диплом учителя-словесника, Светлана Сырнева работала в сельской школе, затем — корреспондентом и редактором в уржумской районной газете.

Стихи Светлана Сырнева начала писать рано, в годы учебы и после она занималась в литературном клубе «Молодость». Ее стихи публиковались в молодежных газетах, коллективных сборниках. Участвуя в первом областном и городском конкурсах молодых поэтов, Сырнева стала лауреатом (1987). В 1989 г. была участницей IX Всесоюзного совещания молодых писателей. В этом же году вышел первый поэтический сборник «Ночной грузовик». Большие подборки ее стихов были опубликованы в журналах «Волга», «Литературная учеба», «Новый мир», «Наш современник», «Москва», в альманахах «Поэзия», «День поэзии». Поэ-

зия С. А. Сырневой представлена в сборниках «Вечерний альбом. Стихи русских поэтесс» (издательство «Современник»), «Лучшие стихи года. 1990» (издательство «Молодая гвардия»), «Только любовь» (Киров, 1993). В 1994 г. вышел ее сборник «Сто стихотворений».

С. А. Сырнева — одна из организаторов вятского поэтического клуба «Верлибр». Член Союза писателей России.

ПРОПИСИ

Помню: осень стоит неминучая,
восемь лет мне, и за руку мама:
«Наша Родина — самая лучшая
и богатая самая».
В пешех даях — деревья корявые,
дождь то в щеку, то в спину,
и в мои сапожонки дырявые
заливается глина.
Образ детства навеки —
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помете.
Лавка низкая керосинная
на минуто укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,
наша Родина самая светлая».
Нас возьмет грузовик попутный,
по дороге ползуший юзом,
и опустится небо мутное
к нам в дощатый гремучий кузов.
И сплет во все хилые ребра
октябратский мой класс бритоголобий:
«Наша Родина самая вольная,
наша Родина самая добрая».
Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
безрассудная вера.
Ты горька, как осина,
но превыше и лести, и срама —
моя Родина, самая сильная
и богатая самая.

* * *

Образумишься, когда загопит,
запоздало вперисься в окно,
но из мрака выдвинется тополь
исполином, канувшим на дно.

Он с повадкой водоросли темной,
с этой вечной ощущью больной.
Долгой переправою паромной
тучи проплывают под луной.
О глухая полночь донной жизни,
тинной жизни, вставшей по углам!
И пока глядишь в окно, осклизнет
под рукой переплетенье рам.
И морочит, и гнетет, и давит
медленное тленье глубины,
и бессильно в тучах пропадает
посланный на землю свет луны.

* * *

Медленно в ветви шум утечет
круговорота вороньего.
Вечер несмел. Он побудет еще,
только не тронь его.
Не испугай его. Не дели
на вековые ценности.
Долгие годы в распыл ушли,
пусть он пребудет в цельности!
Жизнь твоя мнима, а он настоящ,
тайны своей не выскажет:
робким оленем выйдет из чащ,
мышью летучей выскользнет.
Так неразгаданы все, кто нем,
все, кто огня сторонится,
кто постоит и уйдет ни с чем,
и, зарыдав, схоронится.
Где, по какой жестокой цене
нами, людьми, покупается
право прожить с травой наравне
и ни в чем не раскаяться?

* * *

К заветному дому, к железной скобе у ворот —
рукою подать: по траве переправиться вброд.
Есть вечная радость — упрямяство стеблей укрощать,
последней, ничтожной преграды напор ощущать.
Цепляйтесь за полы и путайте ноги скорей
в бессильной попытке меня задержать у дверей!
Вот так я смеялась. И гул изошел из земли,
и я оступилась, и травы меня оплели.
Неслышно качаясь, дышала в лицо белена,
и явь принимала обличье тяжелого сна.
Как будто я дерево в паре шагов от ворот,
я ветви тяну — но никто меня в доме не ждет.
И сруб почернел, и крыльцо зарастает травой,
и только столетья плывут над моей головой.

РАЗДЕЛ IV ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ- ЗЕМЛЯКОВ

КОРНЯМИ ВЯТСКИЕ

Л. Н. Лузянина

Вятская земля не только в прошлые времена обогащала российскую словесность яркими, самобытными талантами. Эта традиция продолжалась и в XX в. И сегодня наша отечественная поэзия может гордиться такими именами, как Н. А. Заболоцкий, Л. В. Решетников, Г. А. Санников, В. Е. Субботин, Т. И. Смертина, Л. И. Хаустов, А. Г. Гребнев, а проза — именами А. С. Грина, В. В. Лебсдева, В. Ф. Тендрякова, О. М. Куваева, В. Н. Крупина, Л. А. Кудряватых, Б. В. Ляпунова, А. А. Лиханова, Л. Н. Рахманова, Г. Д. Нагаева, Е. И. Чарушина, Г. Ф. Боровикова и др.

Все эти художники очень различны по своей творческой индивидуальности, по своему стилю, по своеобразию художественного мировосприятия, по месту, отведенному им в литературе. Но есть вместе с тем нечто, безусловно, роднящее их между собой. Это вятские, глубокие корни, те чистые родники, что питали и питают подлинный талант. «Без России мы — пыль придорожная», — сказал однажды В. Н. Крупин. Но без своей малой родины, вятской земли, без ее удивительной природы, самобытных людей в творчестве писателей-земляков не звучала бы та неповторимая интонация, особая изобразительность, даже манера построения художественного образа, которая выгодно отличает их от многих собратьев по литературному труду.

По-разному складывалась судьба писателей — наших земляков: кто-то уезжал из родных мест на учебу, кто-то, увлеченный романтикой 20-х годов, ехал на крупные стройки страны, кто-то уходил дорогами Великой Отечественной войны. Но где бы ни оказались потом молодые люди, почувствовавшие себя художниками именно на вятской земле, они вольно или невольно обращались в своем творчестве к родным истокам. Еще пока мало исследованы биографические элементы и реальные прототипы в их творчестве. А между тем, значительность прозы многих вятских

художников, ее эстетическое своеобразие в значительной степени определяется реальными жизненными коллизиями, впечатлениями детства и юности.

Поэзия, на первый взгляд, — явление более универсальное. Но и она — «неумирающее детство», а оттого в ней всегда идущее из глубины души и сердца первоначальное впечатление от мира — самое яркое, самое трепетное. «Вдоволь наслушался я там соловьев, вдоволь насмотрелся закатов и всей целомудренной прелести растительного мира», — писал Николай Заболоцкий о родной северной вятской природе. И если вслушаться в удивительные ритмы его ранней, очень своеобразной поэзии, то мы словно почувствуем эти вятские увалы, «в строеньи воздуха — присутствие алмаза».

Эту самобытную ритмико-интонационную природу стиха мы обнаруживаем и в поэзии наших современников Т. Смертиной, А. Гребнева, которая тоже, по-видимому, не случайность.

Вот почему творчество российских писателей, связанных с вятской землей, — особая и привлекательная страница нашей общенациональной литературы.

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ САННИКОВ (1899 — 1969)

Григорий Александрович Санников родился 11 сентября 1899 г. в г. Яранске Вятской губернии. Учился в Яранском городском училище, пел в церковном хоре. После окончания училища в 1914 г. он работал в Земской управе переписчиком и готовился по «гимназии на дому» к экзаменам на аттестат зрелости.

Шестнадцать лет Г. А. Санников отправился в Москву. Он поступил на политехнические курсы. Весной 1917 г. перешел в народный университет Шанявского. После октябрьских событий 1917 г., летом 1918, Санников был направлен на Уральский фронт. По возвращении в Москву совмещает работу с учебой в Литературной студии при московском Пролеткульте. Учился у Андрея Белого.

Печататься Григорий Александрович начал в 1917 г. Он был одним из зачинателей пролетарской поэзии. В начале 1920 г.

группа молодых литераторов вышла из состава Пролеткульта и образовала новое объединение пролетарских писателей «Кузница», в руководство которой входил Санников. В 1921 г. вышел его первый сборник «Лирика».

В разные годы Г. А. Санников работал в редакциях журналов «Октябрь», «Красная новь», «Новый мир». В качестве корреспондента он принимал участие в плавании советских кораблей вокруг Европы, после этого путешествия он опубликовал сборники «Молодое вино» (1927), «На память океану» (1928), «Тропический рейс» (1931).

В 30-е годы Г. А. Санников в составе писательских бригад был в Средней Азии, объездил Восток и создал роман в стихах «В гостях у египтян» (1933), поэму «Сказание о каучуке» (1934).

С 1941 по 1945 гг. поэт на фронтах Великой Отечественной войны. В послевоенные годы Григорий Александрович ведет работу в Союзе писателей, много и плодотворно пишет. Он автор либретто оперы «Фома Гордеев» (1946, музыка А. Касьянова).

В 50-е и 60-е годы у поэта вышло несколько поэтических сборников «Сверстникам» (1957), «Стихотворения и поэмы» (1959), «Ленин и Герберт Уэллс» (1960), «Стихотворения» (1963), «К звездам» (1959), «Избранная лирика» (1968).

Умер Г. А. Санников 16 января 1969 г.

ВЕШНИЙ ВЕТЕР

Вешний ветер, что качель,
Вздымает, кружит и мутит,
И по весеннему пути
Бубенчиком звенит ручей.
Звенит, а небо голубей,
Луч утренний дымится ало,
Ой, сколько, сколько голубей
По чердакам заворковало!
Как звонко, радостно и мило,
Отрадою хоть пруд пруди!
И больно, больно как от мыла
Глазам от расплескавшихся лучей.
А ветер вешний, что качель,
Вздымает, кружит и мутит.

СЕЛЬСКАЯ КУЗНИЦА

Кукует в кузнице кукушка,
Выстукивая по станку

Такую бойкую частушку:
«Ку-ку, ку-ку».
Лучится утро чистой сталью,
Звенит и вторит молотку,
И над проселочною далью
Ликует гулкое «ку-ку».
Кудрявится вдали опушка
Кустами кучными в шелку,
Кукует в кузнице кукушка:
«Ку-ку, ку-ку».

1919

* * *

Иду ветрам наперекор.
Наперекор морским течениям,
И всюю грудью, с наслажденьем
Вдыхаю угренный простор.
Опять я радуюсь началу
Большого плаванья и пусть
К тому же самому причалу
Из путешествия вернусь.
Мне по душе круговорот,
В походе крепнет вера в брата,
И жизнь светла, и мысль крылата
Среди открывшихся широт.

1956

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЧАРУШИН (1901 — 1965)

Евгений Иванович Чарушин родился 29 октября 1901 г. в Вятке в семье архитектора-художника. Окончил факультет живописи Ленинградской Академии художеств в 1926 г. После окончания он работал в Ленинградском и Московском отделениях Детгиза. Иллюстрировал детские книги о природе и животных. Первый цикл иллюстраций в книге В. Бианки «Мурзук» (1928) оказался большой удачей художника. Наиболее известной детской книгой, иллюстрированной Е. И. Чарушиным, стала книга С. Маршака «Детки в клетке». В общей сложности Евгений Иванович проиллюстрировал более 120 книг.

С 1929 г. начали выходить первые литературные произведения Чарушина: это «Волчишко и другие» (1931), «Путешественни-

ки» (1940). Научная достоверность в них сочеталась с увлекательным сюжетом. Чарушин мог увидеть в простом маленьком животном, растении удивительные стороны и не только рассказать о них, но и нарисовать. Иллюстрации художника к собственным произведениям являются ценным дополнением, создающим еще и изобразительный ряд в них.

В Кирове вышло его «Избранное» (1950), в Москве «Про Томуку» (1957), «Про больших и маленьких» (1960), «Никита и его друзья» (1968). В них Чарушин — тонкий психолог, умеющий разглядеть и оценить наиболее интересные и значительные стороны личности ребенка.

Умер Е. И. Чарушин 18 февраля 1965 г. в Ленинграде.

«ДЖУНГЛИ» — ПТИЧИЙ РАЙ!

Как я утром проснулся, так и вспомнил, что сегодня мой день рождения и мне что-то подарят. Вскочил с кровати и вижу — на столе у кровати две птицы в клетке, ростом с воробья, зеленые, забавные, головы круглые, клювы загнуты. Сидят рядом, как два зеленых листа на ветке.

На одном листе только половина будто подсохла — у самца голова и шея серые. Прижались друг к другу, сидят и стрекочут.

Ух! Я обрадовался! Это, наверное, дядя подарил. Он сам птичник, всяких птиц разводит.

А под клеткой — книжка громадная «Атлас птиц в картинках. Петербург. Сойкин. Москва».

Посмотрел я, — все птицы в ней есть. Нет ли и моих, думаю.

Нашел! На двух страницах американские попугаи — синие, красные, желтые. А вот и мои зеленые, на ветке сидят, называются попугаи-неразлучники с реки Амазонки...

А на Амазонке леса называются джунгли. Джунглевые, значит, это птицы. Вот здорово! Ведь я и сам индеец — Черный Могикан-Разведчик. У меня и приятели — Витька и Олежка — тоже индейцы. Витька, переплетчиков сын, — Полосатый бизон, а Олежка — Страшный Глаз. По всей улице мы бледнолицых огородников грабили, морковь и репу крали. У самих было, да там вкуснее.

Витька — славный парень. А Олежка — Олег, невера. Ему правду говоришь, а он: «Врешь ты все!» Ничему не верит. Я даже и дрался с ним из-за этого.

Был у нас индейский лагерь в саду — на двух деревьях из шестов устроена хижина с полом и крышей.

Когда я в лагерь лазил, всегда штаны у меня рвались. Мама даже у знакомых спрашивала, не знают ли они какой-нибудь крепкой материи мне на штаны. Нашли такую, называлась чёртова кожа. Правда, очень крепкая.

Выхожу я в столовую чай пить — может, еще что хорошее подарят. А мне папа дает книгу — Некрасова «Сочинения», мама — штаны, бабушка — чулки. Плохо!

Показал я отцу своих американских попугаев.

Отец спрашивает: — Эти тоже поют?

— Тоже поют!

Он говорит: — Ну так вот. Ты всех этих крикунов немедленно выпустишь на волю. Я из-за них второй месяц по утрам не сплю!

А птиц у меня было, правда, много. Штук двадцать. Все в моей комнате жили в клетках. Щеглы, чижи, чечетки, шур, клесты, синицы, пищуха. Все наши, русские. Которых я сам поймал в клетку-западню, которых подарили, которых купили. Стрекотали они здорово. На весь дом! Из-за этого я их держал. А отец рядом спал. С двух часов ночи они его будили.

Вот тебе и день рожденья! Ничего не подарили, а только все отняли. И так мне обидно стало...

— Пей чай, — говорят мне.

— «Почайпил», — говорю, — спасибо!

И ушел в сад.

Пришел к малине, а малины не ем. Вот тебе и день рожденья!

Думаю, как бы это все устроить. Хожу по саду. В лагерь слазил, на дерево, вниз спустился, во всех углах перебивал. Места не нахожу. В теплицу зашел. В саду старая, старая теплица стояла — амбар. Прежде там рассаду выводили, а теперь всякий хлам сбрасывают — сор, ступля ломаные, тряпье, сучье. Вместо крыши у теплицы парниковые рамы со стеклами.

Залез я туда и сижу.

Жарища, духота. Солнце через рамы жарит. Как в джунглях.

Вот деревьев только нет да птиц.

А что, кабы сюда моих джунглевых попугаев? Ведь им такая жарыща в самый раз. Тут они наверняка птенцов выведут. Думал я, думал и придумал. Обрадовался. Никуда птиц не выпущу! Замечательную штуку сделаю. Джунгли. Птичий рай! В этой самой теплице! Закричал даже от радости.

И устроил я джунгли — птичий рай. В земляной пол наткал кустов, — чашу сделал, песку насыпал — птицам купаться.

У железного листа загнул края, — получился противень такой, — налил туда воды. Развесил скворешники по углам и гнезда сам свил из соломы.

На клестов, снегирей и шура у Витьки выменял двух канареек — тоже тропические птицы.

В одном углу у меня густые джунгли были — даже стены не видно. И в этих джунглях, в самой гуще, повесил я на веревке блюдо с водой. Назвал его «горное озеро»

Будто в джунглях гора и озеро там.

Как птица выкупается, пусть сразу и на ветку вскочит, а не подымается летом с земли. Мокрая-то птица плохо летит.

В другом углу у меня шкаф стоял. Старый, ломаный. Нарезал я лопатой дерна, гвозди достал и дерном со всех сторон шкаф обил. А в дерн я ветки воткнул, чтобы птицам было на что садиться.

Устроил все и стал птиц носить. Принесу клетку и открою. Сначала канареек выпустил... Вжить! — вылетели. Летом летали, на елку садились, да не сели, — видно, колется хвоя. Лапки-то у них нежные, тропические, хвоя не подходит.

Потом выпустил я чижей. Они сразу залезли в противень и стали купаться. Вымокли совсем, летать не могут — по низу прыгают.

Чечеток выпустил, пищуху, зяблика — всех! Потом пошел за попугайчиками. Несу их, а они, как заведенные, трещат. Открыл я клетку, ну, летите! Не полетели попугайчики, а поползли по веткам, по стволам, и в самую гущу, в самую густоту залезли. И не видно их, и не слышно.

Сначала все птицы боялись, молчали, а потом такой писк в теплице подняли! И пошло — пенье, драка, купанье. В песке купаются, в воде. Мокриц в стенах ловят. Принес я им в мешке целый муравейник. Ешьте! Только зря принес, муравьев не стали есть.

Сижу я, слушаю, смотрю, смотрю — и, правда, будто джунгли. И так хорошо становится, и по-индейски хочется что-нибудь сказать.

Назавтра показал я приятелям рай.

Витьке не очень понравился.

— Жарко! — говорит.

А Олежка, Олег — Страшный Глаз, стал целые дни со мной в джунглях просиживать. Не верил только, что это джунгли. — Непохоже! —

говорит. — В джунглях, — говорит, — лианы и москиты. — А где москитов для него найдешь!

Попугай-неразлучники стали вить гнездо. Свили в трубе обоев. Старые обои были свалены в шкаф.

Стали попугайчики мельчить бумагу, грызть, рвать. Огрызки засовывали поглубже в сверток, а то и соломинку с пола утащат или тряпку

И стрекочут все, и стрекочут.

И вот попугайка снесла яйцо.

Наохлилась. Полезла одна в сверток. Самец за ней сунулся, — не пустила, отогнала.

Сидела в свертке около получаса, потом вылезла, вся взъерошенная, и сразу давай пить и купаться.

А мы с Олегом потихоньку, потихоньку — к шкафу, к свертку. Заглядываем. Ничего не видать!

Закрыто яйцо всякими огрызками.

Олежка опять не верит, говорит:

— А яйца-то никакого нет, зря сидела попугайка!

А я говорю:

— Как же так? Снесла яйцо!

— А покажи, — говорит.

А как его покажешь — разобьешь! И не показал.

Через день другое яйцо попугайка снесла и села высидывать.

— Вот, — говорю, — Олежка, у нас еще пара попугайчиков будет. Скорей бы!

Сидит попугайка в свертке, молчит

Попугай покаживает у обоев, косолапый такой, зеленый воробей. Поговаривает, побрякивает, посвистывает

Та вылезет, поцелуется с ним и назад спрячется.

И поспорили мы с Олежкой — какого цвета яйца.

Я говорю — голубые должно быть, как у зяблика, у канарейки.

А он — зеленые, как у вороны.

Неделя уже прошла, как села высиживать попугаиха. Прихожу я утром в рай и вижу.

Стоит Олечка-Олег, сверток с гнездом приставили к глазу. Поднимает к потолку — на свет посмотреть, поднимает...

А яйца выкатились и об его нос разбились, — о переносицу. Мы и треска не слышали, гляжу, — а все лицо у Олечки в попугайном желтке.

Я драться полез, повалил его, вон выгнал.

А сам заревел.

Эх, дурак Олечка-Олег, Страшный Глаз! Не мог подождать...

Белого цвета были яйца.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ (1903 — 1958)

Поэт мысли, поэт философских раздумий и классической завершенности стиха — таким вошел Н. А. Заболоцкий в нашу русскую поэзию.

Родился он в Казани, а в 1910 году семья переехала в родные для Заболоцких места, где издавна жили их предки — Уржумский уезд Вятской губернии. Здесь, в селе Сернур, прошли детские годы будущего поэта. Заболоцкий гордился своей родословной. Его дед был николаевский солдат, отец — сельский агроном, герой труда. В «Автобиографической прозе» поэт вспоминает: «Когда в Крымскую войну разнесся слух о бедствиях русской армии, дед мой стал во главе дружины добровольцев и повел ее пешком через всю Россию на выручку Севастополя. Вернули его откуда-то из-под Курска: Севастополь пал, не дождавшись своего нового защитника».

По окончании реального училища в Уржуме Н. Заболоцкий в 1920 году семнадцатилетним юношей едет в Москву продолжать образование и поступает там одновременно на филологический и медицинский факультеты Московского университета. Через год он переезжает в Ленинград и поступает на отделение языка и литературы педагогического института имени Герцена, которое заканчивает в 1925 году. Начал печататься в 1926 году, а в 1929 году в Ленинграде вышла первая книга стихов «Столбцы». В «Столбцах» поэт обличает ненавистный ему бездуховный быт нэпманских торгашей, дельцов, мещан; здесь сочетаются гнев, презрение, боль, ненависть ко всему, что оказалось враждебно и чуждо революции. Он прибегает к причудливому гротеску, иронически осмысленной одической интонации, гиперболической резкости красок, выявляя живописную природу образа.

Позднее Заболоцкий изменяет свой стиль, выступив с философско-лирическими стихотворениями о природе, о месте в ней человека, о борьбе диких хаотических сил и разума, гармонии в мироздании: поэмы «Торжество земледелия», «Деревья», «Птицы», стихи «Лицо коня», «В жилищах наших», «Прогулка», «Подводный город», «Школа жуков», «Человек в воде», «Людейников».

В дальнейшем творчестве Заболоцкого все большее значение приобретает тема человека как организатора природы, ее «дирижера», как высшего выражения творческого начала в природе. В цикле стихов 30—40-х годов поэт показывает подвиги исследователей и созидателей («Город в степи», «Творцы дорог», «Венчание плодами», «Север», «Седов»).

В творчестве зрелого Заболоцкого, наряду с темой природы, зазвучала тема человеческих душ и сердец, человеческих судеб. Зрелый Заболоцкий — это поэт мысли, прекрасно владеющий точным и зримым образом, при всей строгости и органичности слова. Неторопливый, очень весомый, важный, даже торжественный тон его стиха свидетельствует о творческом освоении традиций Державина, Баратынского, Тютчева, преломленных с глубокой оригинальностью и очарованием.

Для его программных стихов 40—50-х годов («Я не ищу гармонии в природе», «Слепой», «Журавли», «Гроза», «Завещание», «Бетховен», «Поэма весны», «Вечер на Оке», «Я воспитан природой суровой», «Портрет») характерны духовный максимализм, ненасытность к жизни, отсюда рождается и внутренняя энергия стиха, заключенного в чеканные, классически полновесные строфы. Заболоцкий так формулировал понимание поэзии: «Мысль — Образ — Музыка — вот идеальная тройственность, к которой стремится поэт».

В 1954—1956 годах появляются такие стихи, как «Некрасивая девочка», «В кино», «Старая актриса», «Генеральская дача», «На вокзале», «Смерть врача», «Железная старуха», которые знаменовали переход Заболоцкого к новым темам, к новой «жанровой» манере изображения. Это стихи об обыкновенных человеческих судьбах, размышления о морали, зарисовки быта. В них присутствуют сюжет, эмоциональная окрашенность образа. В эти годы обращается Заболоцкий и к любовной лирике — цикл стихов «Последняя любовь» (1956 — 1958).

Перу Заболоцкого принадлежат историческая поэма «Рубрук в Монголии» и замечательное переложение на язык современной поэзии «Слова о полку Игореве». Заболоцкий — выдающийся мастер перевода. Среди крупнейших его переводческих работ — «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели и произведения других грузинских поэтов.

Заболоцкий ушел из жизни в расцвете своих творческих сил, накануне новых поэтических завоеваний, далеко не осуществив намечавшихся возможностей.

Из книги «ГОРОДСКИЕ СТОЛБЦЫ»

ИГРА В СНЕЖКИ

В снегу кипит большая драка.
Как легкий бог, летит собака.
Мальчишка бьет врага в живот.
На елке тетерев живет.
Уж ледяные свищут бомбы.
Уж вечер. В зареве снега.
В сугробах роя катакомбы,
Мальчишки лезут на врага.
Один, задрав кривые ноги,
Скатился с горки, а другой
Воткнулся в снег, а двое новых,
Мохнатых, скорченных, багровых,
Сцепились вместе, бьются враз,
Но деревянный ножик спас.
Закат погас. И день остановился.
И великаном подошел шершавый конь.
Мужик огромной тушею своей
Сидел в стропилах крашенных саней,
И в медной трубке огонек дымился.
Бой кончился. Мужик не шевелился.

1928

ОСЕНЬ

Когда минует день и освещение
Природа выбирает не сама,
Осенних рощ большие помещения
Стоят на воздухе, как чистые дома.
В них ястребы живут, вороны в них ночуют,
И облака вверху, как призраки, кочуют
Осенних листьев ссохлось вещество
И землю всю устлало. В отдалении
На четырех ногах большое существо
Идет, мыча, в туманное селение.
Бык, бык! Ужели больше ты не царь?
Кленовый лист напоминает нам янтарь.
Дух осени, дай силу мне владеть пером!
В строенье воздуха — присутствие алмаза.
Бык скрылся за углом,
И солнечная масса
Туманным шаром над землей висит
И край земли, мерцая, кровенит.
Вращая круглым глазом из-под век,
Летит внизу большая птица.
В ее движенье чувствуется человек.
По крайней мере он таится
В своем зародыше меж двух широких крыл.
Жук домик между листьев приоткрыл.
Архитектура Осени. Расположение в ней
Воздушного пространства, роши, речки,
Расположение животных и людей,
Когда летят по воздуху колечки
И завитушки листьев, и особый свет, —
Вот то, что выберем среди других примет.
Жук домик между листьев приоткрыл
И, рожки выставив, подглядывает,
Жук разных корешков себе нарыл
И в кучу складывает,
Потом трубит в свой маленький рожок
И вновь скрывается, как маленький божок.
Но вот приходит ветер. Все, что было чистым,
Пространственным, светящимся, сухим, —
Все стало серым, неприятным, мглистым,
Неразличимым. Ветер гонит дым,
Вращает воздух, листья валит ворохом
И верх земли взрывает порохом.
И вся природа начинает леденеть.
Лист клена, словно медь,
Звенит, ударившись о маленький сучок.
И мы должны понять, что это есть значок,
Который посылает нам природа,
Вступившая в другое время года.

1932

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЕЗОВОЙ

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.
Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человеческое жилище,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро мое.
Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?
Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.
За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет.
И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиной розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка, —
Встанет утро победы торжественной
На века.

1946

ПОРТРЕТ

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Перенести на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.
1953

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ РАХМАНОВ (1908 — 1988)

Леонид Николаевич Рахманов родился 15 февраля 1908 г. в г. Котельниче Вятской губернии в семье земского дорожного техника. Окончив в 1924 г. среднюю школу, Рахманов уехал в г. Ленинград, работал на Волховстрое. В 1926—1928 гг. он учился в Ленинградском электротехническом институте.

Первые рассказы Л. Н. Рахманов опубликовал в 1927 г., а в 1929 г. вышла его первая повесть «Полнеба» в журнале «Звезда», написанная в г. Котельниче, а затем повесть «Племенной бог» (1931), все они посвящены жизни студенческой молодежи конца 20-х годов. Повесть «Базиль» (1933) рассказала о трагической судьбе художника в России. Впечатления от длительной поездки на Север отразились в повести «Умный мальчик» (1934). Наи-

большую известность принесли Л. Н. Рахманову сценарий фильма «Депутат Балтики» (1936) и пьеса «Беспокойная старость» (1937). Пьеса обошла более 400 театров, в 1956 г. была поставлена во МХАТе им. Горького.

Во время финской кампании 1939—1940 гг. и в начале Великой Отечественной войны Л. Н. Рахманов был военным корреспондентом. Событиям военных лет посвящены его пьесы «Окно в лесу» (1945) и «Камень, кинутый в тихий пруд» (1964). Эта же тема звучит в повести «Домик на болоте» (1959, в соавторстве с Е. Рыссом).

Леонид Николаевич — автор пьесы о Чарльзе Дарвине «Даунский отшельник» (1944), киноповести об Александре Невском «Кто с мечом войдет» (1953) и двух сценариев о М. В. Ломоносове — «Михайло Ломоносов» (1954) и «Явление Венеры» (1961).

Свои детские воспоминания и встречи на дорогах жизненного пути Л. Н. Рахманов запечатлел в книге «Люди — народ интересный» (1978).

Член Союза писателей. Л. Н. Рахманов умер в 1988 году.

ЛЮДИ — НАРОД ИНТЕРЕСНЫЙ

(Отрывки)

СТАРЫЙ ДОМ И ЕГО ХОЗЯЙКА

*На Луначарской улице
Я помню старый дом...
Маяковский*

Дом, в котором мы жили до пожара, в отличие от стоявшего рядом старого, главного дома, считался флигелем. В нем были две комнаты и кухня, все три помещения весьма скромных размеров, как нынче сказали бы — малого метража. Старый дом отделен от флигеля нешироким проездом, замкнутым со стороны улицы двухстворчатыми воротами и калиткой. На моей памяти он имел еще вид буквы «Г», загигаясь длинным концом внутрь двора, но постепенно, уже на моих глазах, его все ломали, ломали на бревна и на дрова, отсекая от него часть за частью, так что наиболее сознательная пора моего детства прошла вблизи дряхлой коротышки с безобразно обрубленной и безобразно заделанной с торца крыши. Было неприятно смотреть на зрелище этой медленной, нищенской смерти и, возвращаясь домой среди бела дня, когда безобразие было всем напоказ, я чувствовал, что немножко стыжусь этого уroda и мысленно желаю ему скорого конца.

Но случилось, что флигель обветшал едва ли не скорее старого дома: он был болен, заражен каким-то кошмарно прожорливым грибом

или жучком, в рекордные сроки съедавшим начисто все полы в доме, прихватывая и нижние венцы бревенчатых стен. Мне, ребенку, этот домовый хищник представлялся определенным существом, которое умышленно наносило нам вред и которого я тайне от взрослых боялся. Разве не жутко, когда стулья в комнатах начинают проваливаться то одной, то сразу двумя ножками (толстый слой глянцево-краски, скрывавший гниль был особенно каверзен), вода на полу возле умывальника по ночам замерзает, сколько днем ни топи обе печки, и русскую и голландскую, а раньше вместо голландской лежанку, с которой я однажды свалился.

(...)

В разные годы в старом доме жили разные люди, в том числе и его владелица, тетя Аня, покинувшая его после того, как едва спаслась, чудом выскользнула из-под упавшего на нее потолка. До самой смерти не переходил в другое жилье ее брат, мой дед, отец мамы. Он редко к нам приходил, разве что за газетой, которую называл «ведомости» уже и в советское время. Он любил читать «Мир приключений» в ярких обложках с впечатляюще изображенными на них кораблекрушениями, пальбой из револьверов, плясками дикарей вокруг костра, на котором они собирались поджарить пленного европейца. «Мир приключений» доставлял деду («дедке», как я его звал) наш родственник, муж маминой двоюродной сестры, Флегонт Гушин, паровозный машинист...

(...)

ПОЖАРЫ

*Вижу как теперь
Светелку, три окна, крыльцо
и дверь.*

Пушкин

Этот день стал как бы осуществлением страшного сна, который из года в год мы видели по ночам, не могли забыть днем и покорно ждали, когда он исполнится наяву. Кто не жил в маленьком городе, состоявшем наполовину из деревянных домов, окруженных деревянными же амбарами, сараями и курятниками, тот не знает таких навязчивых страхов. Чего стоит один набат — этот словно взбесившийся, бьющий по нервам дробный блям колокола, висевшего на пожарной каланче в соседнем квартале. Особенно страшен зловещий набат ночью. Он нас будил, мы вскакивали, впопыхах одевались, не зная, что горит, где горит, далеко или близко. Однажды и среди дня, без набата, мы опрометью выскочили из дому, когда к нам с неистовым криком ворвалась незнакомая женщина:

— Горитё ведь вы! Горитё!

Проходя мимо, она увидела, как крышу нашего флигелька вовсю осыпают искры из труб нависавшей над ним двухэтажной пекарни. В давно не чищенных (если их когда-либо чистили) дымовых трубах сажа горела часто, обильно, пылко, и пекарне это ничуть не вредило: крыша на ней была железная. Наша крыша была деревянной, но мы тоже постепенно

привыкли к горящей саже, к пышным, раскидистым снопам искр, и как-то вечером, когда к нам пришли гости, папа даже прервал священнодействие ужина и повел гостей во двор — полюбоваться очередным фейерверком: у Верещагиных опять горела сажа. Гости ахали, ужасались, а мы — мы уже немного гордились! Во всяком случае, я, но кажется мне, что и папа чуть-чуть гордился.

Привычка привычкой, но в глубине души мы сознавали, что и г р а е м с о г н е м, что придет день или, еще того хуже, ночь, и мы из-за этой пекарни сгорим. Впрочем, пожар настойчиво подбирался к нам то с одного, то с другого бока.

(...)

Утром 26 мая я сидел за столом у окна и решал уравнения из памятного многим поколениям алгебраического задачника Шапошникова и Вальцева. За два года, прошедших после окончания школы, занятие это было не столь уж легким, и я не сразу заметил тревожное оживление на улице. Когда же заметил и открыл окно, то услышал тревожные слова;

— В Шуршонках горит!

Шуршонки — это была приткнувшаяся к городу деревня, по существу, продолжение нашей улицы, только за железной дорогой, пересекающей город. Улицу Луначарского и Шуршонки соединял виадук, перекинутый через железнодорожные линии. Как себя помню, я любил на нем стоять и смотреть вниз и вдаль, на рельсы, уходящие к железнодорожному мосту в семьсот метров длиной, на пять пролетов, пять арок, шагающих через реку Вятку. Это здесь я пиял свой мальчишеский интерес к урбанизму. Стихотворения Маяковского «Бруклинский мост» я тогда еще не мог знать, оно появилось позже, зато вдохновенно декламировал про себя (а иногда и вслух) брюсовские стихи...

(...)

Услыхав про Шуршонки, я, захлопнув задачник, выскочил за ворота и сразу увидел клубы густого дыма, быстро несущиеся по небу из-за железной дороги в нашу сторону. Не успел я решить — бежать мне сразу туда, где горит, или не оставлять маму одну, дожидаться папы — скоро обеденный перерыв, — как вдруг папа меня окликнул. Вместе с моим школьным другом Колей Карловым они примчались с горы, где к Верхней площади примыкала обширная территория городской больницы, главным врачом которой был Колин отец, а кварталом ниже жила их семья.

(...)

Очень скоро папа и Коля поняли, что горит далеко, за железной дорогой, и умерили шаг. Правда, ветер дул как раз оттуда, с запада, и довольно сильный, день стоял жаркий, несмотря на май, но пока еще ничто не предвещало большой беды. И все же в Шуршонки отправились только мы с Колей; папа, вопреки традиции и характеру, остался дома: по-видимому, мама попросила остаться, она пуще всех в нашей семье боялась пожара.

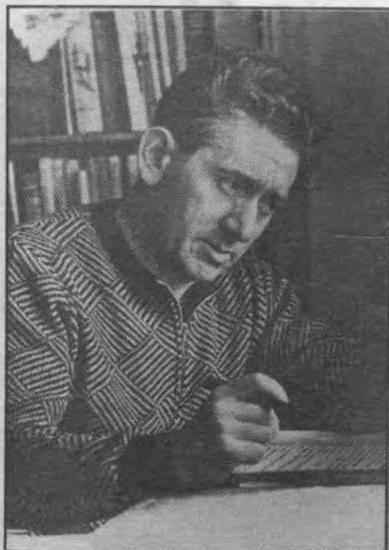

Б. А. Порфирьев

А. А. Филев

И. С. Шур

Писатели-земляки в день 600-летия г. Кирова. Слева направо: М. А. Ардашев, Л. И. Хаустов, Б. А. Порфирьев, А. М. Минчковский, Ю. К. Петухов, Л. В. Дьяконов, Г. Д. Нагаев, Л. М. Лубнин, Л. Д. Мокеров, В. Н. Крупин, О. М. Любовиков, А. А. Лиханов.

На снимке руководители семинара клуба «Молодость» (слева направо) первый ряд: Н. Г. Бирюков, О. М. Любовиков, В. Е. Субботин, В. К. Карпеко; второй ряд: Е. П. Замятин, Н. И. Перминова, В. В. Заболотский, М. П. Чебышева, Н. В. Снегова; в третьем ряду: А. В. Рева, А. В. Быстров.

А. М. Устюгов

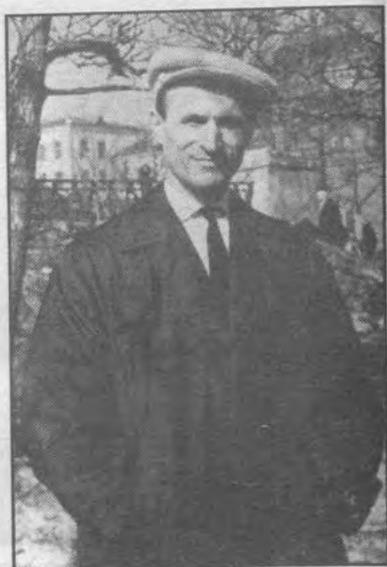
О. М. Любиков

М. А. Ардашев

В. А. Ситников

Ю. К. Петухов

М. А. ... В. Р. Хвостов, Б. А. Пова ...
 ... В. Давыдов, Г. Д. ...
 ... М. Ситников, И. Н. Крутин, О. М. Либманов, А. А. ...
 На ... руководителем ...
 ... И. Т. ...
 ... С. Е. Субботин, А. Е. Карпов ...
 ... И. И. Параносов, В. Ф. ...
 ... Н. В. Сидорова, в ...

А. И. Скорняков

М. П. Чебышева

Л. В. Колосовская

П. П. Маракулин

В. С. Фогел

Т. К. Николаева

А. М. Рыжов

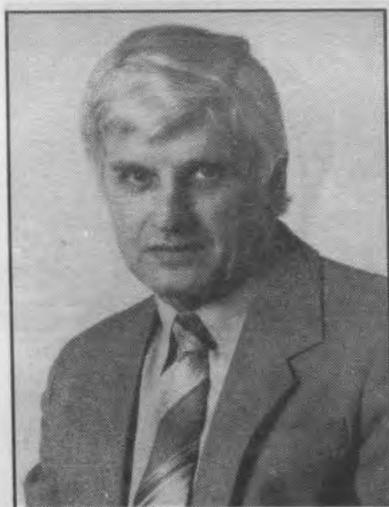

Н. И. Перминова

А. В. Рева

А. А. Милихин

Л. Н. Суворова

Л. А. Кожевников

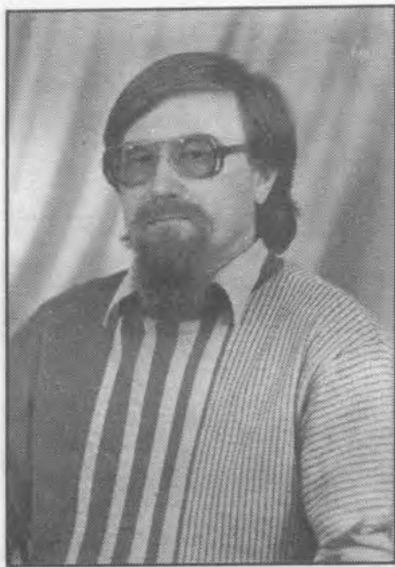
В. Г. Фокин

М. Г. Котомцева

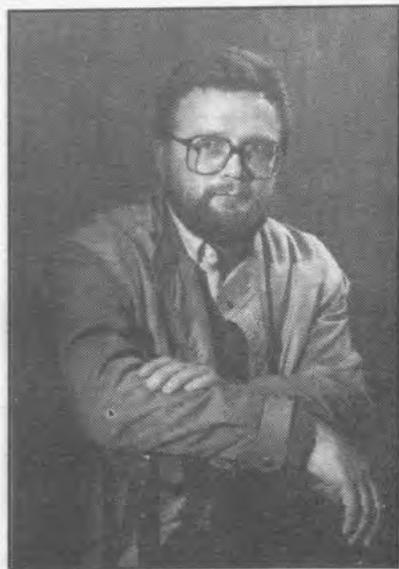

Н. В. Пересторонин

С. П. Зяблицев

В. И. Морозов

30-летие клуба «Молодость». 1993 г.

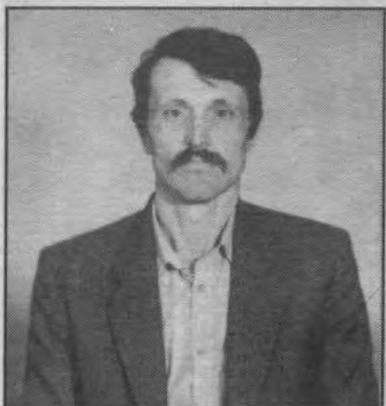
Е. С. Наумова

А. П. Подлевских

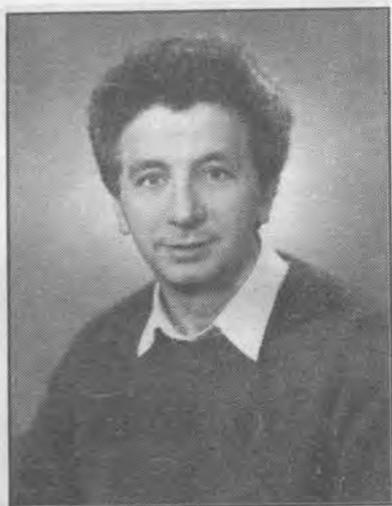
Ученый секретарь редакционного совета
Секретарь редакционного совета
И. И. Мельников, Н. В. Давыдов, Я. А. Котляков

В. Н. Казаков

Л. А. Сафронов

В. А. Бердинских

С. П. Машовца

С. А. Сырнева

В. И. Машовца

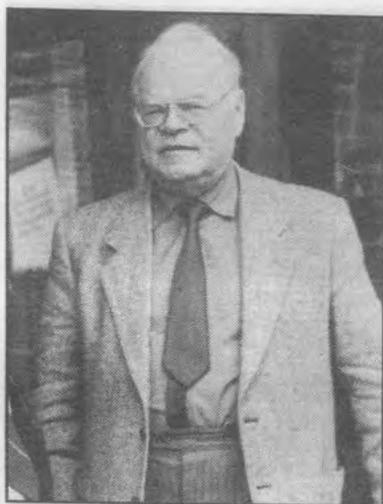
Руководители творческого семинара в Бурмакино (1983 г.).

Слева направо: Б. А. Порфирьев, О. М. Любовиков,
Н. П. Машовец, Л. В. Дьяконов, В. А. Ситников

Н. А. Заболоцкий

Л. В. Решетников

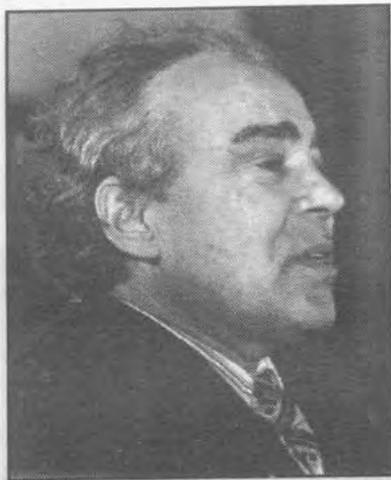
С. М. БУДУКОВ
ВОЗРАСТАЮЩИЙ Ф. 2

ЭПИДЕМИОЛОГ И Г.
Е. И. Чарушин

КОСАН Э. Г.
Г. А. Санников

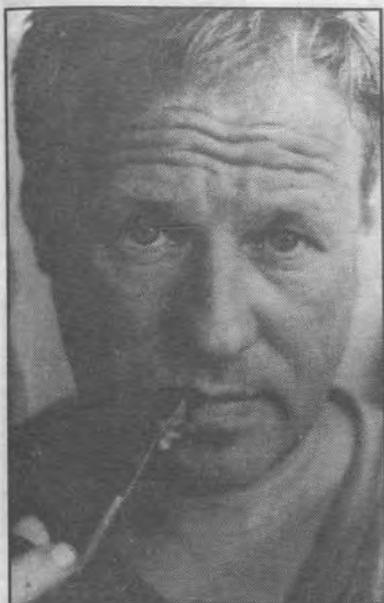
Л. И. Хаустов

В. Ф. Тендряков

Российского государственного университета в
Секции академика Ч. А. Дарьинский, О. М. Лобовикова,
Г. Д. Нагасв, Ф. В. Давыдова, Б. Л. Н. Рахманов

О. М. Куваев

А. А. Лиханов

В. Е. Субботин

В. Н. Крупин

ВОШТАНІ А А

А. Г. Гребнев

КАНИА М. П.

И. Ф. Смертина

Т. И. Смертина

В. А. Коростелева

О. К. Матюшина

Ю. Г. Лаптев

Л. А. Кудреватых

В. В. Колобов

А. Д. Блинов

Г. Ф. Боровиков

А. М. Минчковский

Б. М. Марьев

В. И. Кожемякин

Н. В. Снегова

П. Н. Злыгостев

А. А. Кончик

ПИСАТЕЛИ-ЗЕМЛЯКИ (1920 — 1990-е годы)

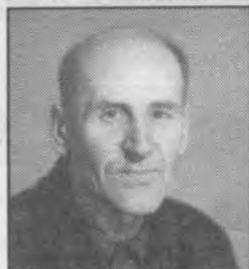
В. Г. Пленков

А. Н. Кодачигов

Г. А. Громыко

О. К. Кобельков

В. С. Мамаев

Ю. И. Втюрин

А. В. Быстров

Ф. Р. Столярова

В. Д. Востриков

Л. В. Ишутинова

Е. Л. Жуйков

Г. А. Кустенко

ВЯТСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ (1940 — 1990-е годы)

Добежав до виадука, мы оглянулись — и остолбенели: дым валил уже возле самого нашего дома! Ничего не поняв, что произошло, как, почему возник новый пожар (в первый момент создалось впечатление, что это два независимых друг от друга пожара), мы с Колей ринулись назад. Оказалось, что загорелся дом нашей соседки, старой учительницы. Отец побежал в ее двор, хотел взобраться на горевшую крышу двухэтажного деревянного дома, но не нашел лестницы. Сейчас он уже влез на крышу ближних к дому Екатерины Матвеевны наших старых амбаров.

Ветер усиливался с каждой минутой и разносил горящую паклю с места пожара, со складов кудели и льна, лепя ее на все деревянные крыши города. Так в первые полчаса загорелась деревянная каланча, и набат умолк. Умолк навсегда: после пожара каланчу не восстановили. А в тот злополучный день, когда одновременно пылали все городские улицы, местные пожарные вообще мало что смогли сделать.

Зато упорно, систематично тушили пожар вблизи железной дороги мои любимцы — паровозы, спешно прибывшие с соседних станций. Скромные трудяги-маневрушки — «Овечки», «Шуки», как называли их по первым буквам «ОВ» и «ШЦ», — постоянно дежурившие на станциях Котельнич-1 и Котельнич-2, вступили в борьбу с огнем еще раньше. Только благодаря паровозам, качавшим воду из своих тендеров, удалось отстоять вокзал, многочисленные станционные постройки — пактаузы, склады, сберечь мельницу «Коммуну» на Нижней площади, военные казармы, нефтяные баки. Посчастливилось жителям всех ближних к железной дороге кварталов, в частности, нам. Если бы не паровозы, охранявшие Нижнюю площадь, нам бы не удалось спасти добрую часть домашних вещей, да и самим пришлось бы худо. Так, жителям центра пришлось спастись в городском овраге с протекавшей по нему речкой Балакиревицей и на реке Вятке. Правда, и на реке в тот день много раз загорались плоты и сложенное на них имущество, но там можно было сбросить вещи в воду и самим туда залезть, что жители и проделывали. Пристань же и стоявшие на причале и на якорях баржи увели подальше от города пароходы. (Моторных катеров в речном обиходе, сейчас столь многочисленных, тогда не было). Больницу отстояла вызванная по телеграфу вятская пожарная команда, усиленная вятскими же курсантами, красноармейцами и рабочими.

Но обо всем, что происходило в макром мире нашего городка, мы узнали потом, — события развернулись с такой быстротой, что мы едва поспевали за огнем в микромире нашего участка, нашего дома. Сначала отец не принимал участия в спасении утвари — весь первый час провел на крышах, преграждая дорогу огню к жилому дому. Наши старые пустые амбары тянулись на большом пространстве, окружали почти весь участок, и отцу приходилось перебегать, перелезать и переползать с крыши на крышу. Да, и переползать, потому что гнилые доски то и дело проваливались, а ведь часть амбаров была двухэтажной. Коварно опасен был и высокий навес, ни разу за много десятков лет не чищенный. Мама увязывала носильные вещи в узлы, мы с Колей вытаскивали эти узлы во двор, потом на середину улицы, потом предстояло им переместиться на Нижнюю площадь.

(...)

Коля долго не мог попасть в свой район: пути оказались перерезаны огнем. С Нижней площади, от «Коммуны», была хорошо видна поднимающаяся в гору Советская улица с пылающими справа и слева домами, с объятными пламенем колокольнями Троицкого собора и Никольской церкви, с уже сторевшей деревянной аркой поперек улицы (осталась после Первомайского праздника); пройти, пробежать сейчас вдоль этой улицы — все равно что проскочить сквозь огненный коридор более чем километровой длины. И Коля его проскочил, но — поздно: их квартира сгорела.

Мы оба хорошо помним, как в последний раз подбежали к нашему дому, когда он тоже уже горел. Горел и отделенный от него воротами и калиткой наш старый, уже три года как нежилой дом. Горел забор и лежащие за ним бревна — складница на высоту роста плюс поднятая рука. Все это пылало так жарко, что нас поразило — откуда такая сила у маленьких, низких строений. Ведь двухэтажный верещагинский дом еще не горел — он загорелся уже от нашего флигеля, через какие-то считанные минуты, но все-таки после. Вот ирония судьбы: всю жизнь мы боялись соседства этой пекарни, осыпавшей нас искрами из своих труб, а вышло так, словно мы ее подожгли!

ГЕРМАН ДАНИЛОВИЧ НАГАЕВ (1913 — 1979)

Герман Данилович Нагаев родился 26 июля 1913 года в городе Котельниче Вятской губернии. Бурные события начала века вовлекли молодого паренька в свой крутоворот. В семнадцать лет он уезжает строить автомобильный завод в Нижнем Новгороде. Строительство автогиганта стало для будущего писателя школой жизни, школой товарищества.

Встречи с известными писателями и поэтами того времени М. Горьким, Д. Бедным, А. Безыменским, Т. Гэсс зародили интерес к творческой литературной работе. Уже после завершения строительства автогиганта на Волге, в 1932 г. Г. Д. Нагаев переезжает в Москву, там он много и плодотворно сотрудничает в центральных газетах, много ездит по стране. В 1934 году он поступает в Вечерний рабочий литературный институт (впоследствии — Литературный институт им. А. М. Горького).

В предвоенные годы Герман Нагаев много работает — пишет стихи, ищет свое творческое «я». В годы Великой Отечественной войны стали известными песни на стихи Германа Нагаева. Он сотрудничал с такими композиторами, как Д. Кабалев-

ский, М. Ипполитов-Иванов и др. В начале 1942 года вышла в свет книга стихов «Песни войны».

После войны Герман Нагаев обращается к прозе, он собирает материал для своей повести об оружейнике В. А. Дегтяреве, а позже и о других выдающихся конструкторах оружия: В. Г. Федорове, Ф. В. Токареве, Г. С. Шпагине. Первая повесть из этого цикла «Дегтярев» вышла в 1948 году, а в 1963 остальные повести были объединены в один сборник «Русские оружейники».

В 40—50-е годы Герман Нагаев обращается к темам, связанным с проблемами, которые ставит жизнь: освоения богатств наших недр, подъема сельского хозяйства. Так появляются книги: «Тульские шахтеры» (1948), «Туймаза» (1949). Роман «Приокская быль» (1956) имел продолжение: «Андрей Березин» (1962).

В 60-е годы Г. Д. Нагаев обращается к теме научного поиска, к истории научной мысли. Открытию нефти в Приуралье посвящен его роман «Девон» (1966). Освоению космоса посвящена трилогия «Пионеры Вселенной», вышедшая в 1973 г. В нее вошли: «Вдохновение перед казнью» (книга первая), рассказывающая о Николае Кибальчиче; «Мечты и искания» (книга вторая), повествующая об основоположнике отечественной космонавтики Константине Эдуардовиче Циолковском; «Вперед, на Марс!» (третья книга), в которой рассказывается о молодом поколении русских ученых, воплощавших в жизнь мечты Кибальчича и Циолковского.

Обращался в своем творчестве Г. Нагаев и к биографиям наших земляков Степана Халтурина и Сергея Мироновича Кирова. Жанр художественной биографии особо привлекал писателя. В середине 70-х он задумал роман в трех книгах о выдающемся русском певце Федоре Ивановиче Шаляпине. Однако смерть писателя не дала возможности закончить задуманное. Он умер в ноябре 1979 года. Не опубликованными остались третья книга «Нового века» — «Поступь Великана», заключительная книга дилогии «Второй фронт» и первая книга о трилогии о Ф. И. Шаляпине.

ПИОНЕРЫ ВСЕЛЕННОЙ

(Отрывки из второй книги трилогии «Мечты и искания»)

В детстве Циолковский помнил себя веселым, шаловливым, беспечным, глядящим на мир, полный манящих звуков, радостно и восторженно. Это было в Рязани — тихом городе на Оке, за которым неоглядно широко темнели дремучие леса.

И вдруг — несчастье! В девять лет Костя заболел... Однажды, набегавшись на улице, он пришел домой красный, вспотевший. К вечеру у него началась рвота, резко поднялась температура, выступила мелкая сыпь. Его напоили чаем с малиной, уложили в постель. Но ночью стало еще хуже: Костя метался, бредил. Мать и отец до утра не сомкнули глаз...

Утром привезли старичка доктора, и тот, осмотрев больного, покачал головой.

— Да-с, случай крайне тяжелый — скарлатина, да еще токсическая... Однако будем бороться. — И сел выписывать рецепт.

Бедная, кроткая мать две недели не отходила от постели Кости и, казалось, вырвала его из цепких лап смерти, исцелила. Но мальчик, поднявшись на ноги, недоуменно смотрел вокруг округлившимися глазами — он почти ничего не слышал.

Доктор, проверив слух Кости, развел руками:

— Да-с, осложнение на уши. Да-с... Нехорошо-с... Однако еще не все потеряно. Будем лечить. Бывает, что слух удастся вернуть. Ребенку нужен свежий воздух и хорошее питание. Питание и уход. Да-с...

Костя целыми днями лежал в саду, пил козье молоко, ел мед. Недели через две наступило некоторое улучшение. Костя стал вслушиваться в пение птиц, в лай собак. Но погода неожиданно испортилась. Его перевели в комнату. Он был еще слаб, и доктор советовал лежать.

Мать, желая развлечь Костю, склеила коллодием из тончайшей бумаги маленький аэростатик и, надув его дымом, принесла в комнату. Аэростатик взлетел почти к потолку.

— Мама! Мама, это же воздушный шар! — радостно закричал Костя. — Дай его мне.

Мать подала аэростатик сыну. Но дым уже остыл, и аэростатик не мог подниматься.

Костя расспросил мать, как она сделала аэростатик, и, положив его рядом с собой, сказал:

— Вот поправлюсь — сделаю большой аэростат и сам на нем буду летать...

Когда Костя окреп и начал ходить, отец принялся хлопотать о переезде в Вятку, где ему обещали место лесничего.

Хлопоты увенчались успехом. В середине лета большая семья Циолковских погрузилась на пароход и отправилась в далекий путь.

Ехали по Оке, по раздольной Волге, потом по утрюмой Каме и, наконец, по тихой, окруженной лесами Вятке. Костя был переполнен впечатлениями, окреп, повеселел, и всем казалось, стал лучше слышать.

В Вятке его определили в гимназию. Это были счастливейшие минуты в его жизни! Надев ранец из золотистой толненной кожи с юфтовыми скрипучими ремнями, обряженный в гимназическую тужурку и брюки на выпуск, Костя шагал по городу, как именинник. Он даже забыл про свою глухоту.

Сидя на первой парте, Костя жадно вслушивался в объяснения учителей, стараясь не пропустить ни единого слова. О, если б он слышал все — он бы запоминал сразу же! Но — увы! Многие слова не доходили до его слуха. Приходилось догадываться, улавливать смысл по губам и жестам учителей. Дома он все повторял по учебникам и обращался к помощи брата. Год удалось закончить успешно.

Но дальше стало трудней — пошли сложные предметы. Учителя сердились, когда Костя, не расслышав, отвечал невпопад, пугался. Гимназисты подсмеивались и доводили до слез.

Отец, опасаясь за здоровье сына, принужден был взять Костю из гимназии. У отца была надежда пригласить учителей, чтоб продолжить образование Кости дома. Он ждал прибавки жалования. Но то ли губернатору донесли, что лесничий Циолковский поддерживает связь с поляками, сосланными в Вятку за участие в освободительном восстании, то ли еще что-то, а только прибавка не состоялась...

Глухота удерживала Костю дома. Он не мог принимать участие в играх товарищей, и те постепенно отстранились. А тут обрушилось новое несчастье — умерла мать.

Костя почувствовал себя одиноким, осиротевшим. Его детскую душу охватил страх перед будущим.

Наблюдая издали, как играют и резвятся сверстники, Костя стал в душе досадовать на свою судьбу. Бывало, кто-нибудь из ребят позовет играть в прятки или в бабки, а он откажется, убежит. Не хотел, чтоб над ним подтрунивали и называли «глухим тетерей». Не мог примириться с несчастьем.

К взрослым, которые проявляли сочувствие и жалость, Костя испытывал неприязнь и старался не попадаться им на глаза. Сочувствие оскорбляло его, жалость — обижала.

Эти чувства с годами усиливались, обострялись. И хотя Костя перенял от матери добрый и кроткий характер, он не в силах был сдерживать себя и порой раздражался. В этом выражался его протест и нежелание примириться с несчастьем, которое указывало прямой путь к ниществу и унижению.

Ему хотелось побороть недуг, быть полезным, сделать что-то значительное: изобрести какую-нибудь удивительную машину или совершить важное открытие. Ему хотелось снискать в людях уважение и любовь. Он много читал, мастерил, строил...

От простых игрушек из бумаги и картона, склеенных сургучом, Костя перешел к моделям ветряных мельниц. И однажды соорудил даже небольшую самодвижущуюся коляску.

Как-то, вернувшись со службы, Эдуард Игнатьевич увидел сына ползающим по траве около дома с каким-то замысловатым сооружением на четырех колесах, с ветряком.

— Что это ты делаешь, Костя?

— Чиню поломавшуюся коляску — ось погнулась.

Костя выпрямил проволочную ось, отладил колеса и поставил свою коляску на широкую тропинку. Дул легкий ветерок. Крылья, похожие на мельничные, тотчас закрутились, колеса пришли в движение, и коляска покатила по тропинке.

Эдуард Игнатьевич внимательно осмотрел Костину коляску и ласково провел ладонью по его кудрявой голове.

— Сам придумал?

— Сам, папа.

— Молодец, Костя. Учиться надо. У тебя способности к изобретательству. Побольше читай, а я подумаю, как нам лучше устроить это дело.

Отец Кости — Эдуард Игнатьевич Циолковский — выходец из обрусевших польских дворян, был человеком гордым и независимым. Получив хорошее образование в Лесном институте, он служил в разных городах России и дослужился до должности лесничего, которую занимал в Вятке.

Будучи человеком передовым, он отличался большой честностью, нетерпимо относился к взяточничеству и потому не уживался с чиновниками. Это заставляло его часто менять службу, переезжать с места на место.

Обремененный большой семьей, которую разоряли частые и далекие переезды, Эдуард Игнатьевич решил прочно обосноваться в Вятке.

Он нанял большую квартиру на втором этаже старого деревянного дома с просторными комнатами и высокими окнами.

На жалованье лесничего, что с квартирными составляло шестьсот рублей в год, при вятской дешевизне можно было прожить безбедно.

Эдуард Игнатьевич стал пополнять свою библиотеку, а в свободные часы писал философский труд и занимался естественными науками.

Неожиданная смерть жены Марьи Ивановны тяжело сказалась на характере Эдуарда Игнатьевича.

Он помрачнел, замкнулся, взвалив на свои плечи заботу по воспитанию детей, которых было тринадцать человек.

Вятка считалась глухоманью, звалась «городом ссыльных». Может быть, именно поэтому Вятский край был «счастливее» других отдаленных провинций России. Ссыльные «вольнодумцы», «крамольники», революционеры заронили в сердца людей свободомыслие, оказали влияние на развитие культуры и просвещения.

С тридцатых годов существовала в городе публичная библиотека, основанная сосланным сюда Герценым; выходили газеты, в которых сотрудничал находившийся в ссылке Салтыков-Щедрин...

В доме Циолковских бывали поляки, сосланные за революционное восстание, и бывшие студенты, отбывавшие ссылку по делу Дмитрия Каракозова, стрелявшего в Александра II.

Костя, будучи подростком, не раз слышал бурные разговоры, видел горящие глаза смелых, одержимых людей...

Однажды за ужином кто-то из гостей рассказывал о ссыльном издателе Павленкове, который перевел с французского и издал в Вятке в 1866 году «Физику» Гано. Костя учился по этой книге, а когда ушел из гимназии, ею завладели братья. Достать другую не удалось, и Костя лишь ночами мог заниматься любимым предметом. Сейчас его осенило: «Пойду к Павленкову и попрошу у него».

Костя незаметно вышел из-за стола, тихонько спустился по лестнице и бегом пустился к дому Павленкова.

Большой деревянный дом утопал в зелени. Окна были открыты, и оттуда лилась музыка — кто-то играл на рояле. Вечер был такой тихий, что Костя слышал каждый звук. Он остановился у палисадника, замер. Музыка была мелодичной, с бравурными аккордами. Она то лилась ручейком, то нарастала, как прибой, бодряще, могуче, Костя стоял как зачарованный.

Подожел и встал рядом высокий господин с тросточкой. Костя не услышал, не пошевелился — он был поглощен музыкой. Прозвучало еще несколько бурных аккордов, и стало тихо. Костя ждал, что заиграют снова.

— Что, понравилась музыка? — спросил незнакомец.

Костя вздрогнул, несколько секунд молчал. Потом повернулся и глухо сказал:

— Да, очень...

— Заходи в дом, послушаешь еще, — приветливо пригласил незнакомец.

— Нет, я так... Я после скарлатины почти не слышу...

Незнакомец ласково положил руку ему на плечо:

— А ты чей будешь?

— Сын лесничего... Циолковский...

— Учишься в гимназии?

— Нет... бросил из-за глухоты...

— А знаешь, что сейчас играли?

Костя смущенно покачал головой.

— Бетховена! Одного из самых великих композиторов. И эту музыку он написал почти глухим.

— Как глухим? — недоверчиво уставился Костя на незнакомца.

— Да. Еще в молодости он стал терять слух, а потом и совсем оглох... Но у него была огромная сила воли, и он заставлял себя работать... Стал великим композитором.

— Бетховен, вы говорите?

— Да, Бетховен.

— Я запомню! Спасибо вам, спасибо! — крикнул Костя и пустился домой...

5

В Вятке было две общедоступных или, как их называли, публичных библиотеки. Одна казенная, основанная еще Герценым, другая — частная, небольшая, созданная в своем доме Александром Александровичем Красовским — местным просветителем. У Красовского было проще достать нужную книгу, и Костя направился к нему.

Увидев у порога худенького узколицего подростка в косоворотке, в длинных брюках, пулливо озиравшегося кругом, Красовский сказал приветливо:

— Пожалуйста, заходите, молодой человек, у нас двери открыты для всех.

Костя поклонился, подошел к зеленому столу, заваленному книгами, где сидел Красовский — человек интеллигентного вида с бородкой, тронутой сединой, и смущенно спросил:

— Не найдется ли у вас книжки про Бетховена?

— Про Бетховена? — удивленно переспросил Красовский. — Вы занимаетесь музыкой?

Костя расслышал лишь последнее слово.

— Нет, я плохо слышу после болезни...

Красовский сразу догадался, зачем нужна ему эта книга.

— Сейчас, сейчас, молодой человек. Такая книга была... А вы чей будете? — спросил громко.

— Сын лесничего Циолковского.

— Знаю, знаю. Присядьте.

Красовский вышел в другую комнату и скоро вернулся с небольшой, аккуратно переплетенной книжечкой.

— Вот, извольте! — Он сделал пометку в тетради и подал Косте книжку. — Когда прочтете — приходите. Подберем еще.

— Благодарю вас, спасибо! — Костя крепко зажал книжку в руке.

Дома он забрался на чердак, где хранилась разная рухлядь. Там, около слухового окна, стояла старая дырявая кушетка. Поудобней усевшись, он раскрыл книжку и стал жадно глотать страницу за страницей. Детство, полное лишений и нужды, с пьяницей-отцом. Ранняя потеря нежной, горячо любимой матери. Как это было близко и понятно Косте! Он поднимал голову над книгой, сердито смахивал рукавом навертывавшиеся слезы и опять продолжал читать.

Сердце его сжалось от боли, когда он дошел до страниц, рассказывающих о наступающей глухоте Бетховена.

«День и ночь у меня непрерывный шум в ушах, — писал Бетховен одному из своих друзей. — Могу сказать, что участь моя жалка: уже два года я избегаю всякого общества...»

«Да, да, как это верно, — прошептал Костя. — Я тоже стесняюсь людей и при появлении чужих бегу сюда, на чердак. Интересно, что же дальше? «Я часто проклинал свое существование; Плутарх привел меня к терпению». — Костя взъерошил волосы. — Плутарх! Я, кажется, видел у отца книгу Плутарха. Как же он привел Бетховена к терпению? Надо почитать...»

Вот уже и к обеду зовут, а Костя все читает и читает...

«Мои братья Карлу и... прочесть и исполнить после моей смерти».

«Это похоже на завещание, а ведь Бетховену всего тридцать. Что такое?» Костя замирает. «Мое сердце и разум с детства склонны были к

нежному чувству доброты. Я готов был даже на подвиги. Но подумайте только: шесть лет я страдаю неизлечимой болезнью...

Мое несчастье для меня вдвойне мучительно потому, что мне приходится скрывать его. Для меня нет отдыха в человеческом обществе, нет интимной беседы, нет взаимных излияний. Я почти совсем одинок... Я должен жить изгнанником...»

«Как это верно! Как я его понимаю. Да, да, я чувствую то же самое», — почти закричал Костя и опять углубился в книгу.

«Какое, однако, унижение чувствовал я, когда кто-нибудь, находясь рядом со мной, издали слышал флейту, а я ничего не слышал... Такие случаи доводили меня до отчаяния; еще немного, и я покончил бы с собой. Меня удерживало только одно — искусство. Ах, мне казалось немислимым покинуть свет раньше, чем я исполню все, к чему я чувствовал себя призванным...

Терпение — так зовется то, что должно стать моим руководителем. У меня оно есть!»

«Терпение! — воскликнул Костя. — Терпение помогло ему победить недуг! Терпение у меня тоже есть. Я много терпел. И могу, если нужно, терпеть еще больше. Могу и буду. Буду! Буду! Буду!

Бетховену было трудней — он был музыкантом, композитором. Он должен был слышать то, что создает. И все-таки он творил! Мне важно лишь видеть то, что я делаю и буду делать. Мне — легче! К тому же я хоть плохо, но слышу. И я не сдамся! Я буду учиться изобретать и, как он, — творить! Но творить в другом — в науке. Я буду подражать Бетховену. Учиться у него мужеству, воле, терпению. И я, как он, сумею победить недуг. Сумею сделать что-то полезное для людей. Для человечества».

Отец был замкнут, мрачен, разговаривал неохотно, сердито. Костя решил не обращаться к нему.

Однажды, дождавшись, пока отец уйдет на службу, он перебрал почти все его книги и нашел толстый том Плутарха «Сравнительные жизнеописания». За этой книгой, описывающей жизнь и подвиги великих людей Древней Греции и Рима, Костя просидел несколько недель.

Он не знал, укрепил ли Плутарх в нем терпение, как в Бетховене, но, прочтя о Тесее и Ромуле, Демосфене и Цицероне, Александре Македонском, Цезаре, он еще тверже укрепился в мысли, что во что бы то ни стало должен сделать что-то важное, что-то полезное для человечества.

А чтоб достигнуть успеха, надо победить уныние и робость, обрести терпение и упорно учиться.

Костя и раньше любил читать, но теперь чтение сделалось для него самым главным занятием. Только сейчас оно не являлось, как бывало, развлечением, а было подчинено заветной цели — приобретению знаний.

Он самостоятельно стал изучать физику, химию, механику, математику, астрономию.

Это было непросто. Многого Костя не понимал. Иногда он обращался к братьям, но чаще сам доискивался, ставя простейшие опыты на самодельных приборах.

Однажды отец, вернувшись с работы, застал Костю у распахнутого окна с астроябией. Сын тщательно наводил ее на пожарную каланчу. Отец постоял и вида, что сын не услышал, как он вошел, удалился.

Костя еще долго сидел, что-то подсчитывал. Потом вышел на улицу и стал шагами измерять расстояние до каланчи.

Когда сели обедать, отец спросил:

— Ты, Костя, кажется, увлекся моей астроябией?

— Да, я вычислял расстояние до каланчи.

— Сколько получилось?

— Четыреста аршин... Но я не поверил.

— И ходил проверять?

— Да. Проверял шагами. Получилось то же самое!

— Хорошо, Костя, что ты проверил. Теоретические расчеты всегда следует проверять практически. Это запомни. Эх, учить бы тебя надо, учить...

После смерти матери прошло около трех лет. Все это время Костя упорно сидел за учебниками и мастерил разные изделия из дерева, картона, жести.

Как-то в воскресенье, когда Костя ползал по полу в зале, испытывая модель новой самоходной коляски, вошел отец.

За эти три года он ссутулился, длинная борода его побелела, лишь густые брови и усы еще казались темными.

— Костя! — громко сказал он сыну. — Поднимись, я хочу с тобой поговорить.

Костя подошел к отцу.

— Костя, я долго думал о твоей судьбе и пришел к мысли, что тебе следует поехать в Москву, чтоб там продолжить образование. Смотри, как ты вырос. Исполнилось шестнадцать! Это такой возраст, когда уже пора самому заботиться о своем будущем. Поезжай, Костя. Там библиотеки, музеи, лаборатории. Может, заведешь друзей из студентов, которые станут помогать. Я буду высылать тебе по двадцать целковых в месяц.

Костя от неожиданности оторопел. Смотрел на отца широко открытыми, удивленными глазами.

— Что — не веришь?

— Это так неожиданно, папа.

— Боишься?

— Нет, не боюсь. Но не могу поверить... Неужели правда в Москву?

— Да. Решено. До Нижнего поедешь на пароходе, а там — по железной дороге. Ну что — рад?

— Да, папа, да. Спасибо! Я мечтал об этом...

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ РЕШЕТНИКОВ (1920 — 1990)

Леонид Васильевич Решетников родился 17 июня 1920 г. в д. Нолидур Вятской губернии, ныне Марийская республика, в крестьянской семье.

Первые публикации стихов были в 1937 г. В годы Великой Отечественной войны Леонид Васильевич воевал на разных фронтах, а в свободное время писал стихи, заметки во фронтовые газеты.

После войны он учится на редакторском факультете Военно-политической академии, после окончания ее в 1951 г. Решетников много лет работает корреспондентом газеты «Красная звезда».

Первая книга стихов «Походные костры» вышла в 1958 г., а после этого сборника поэт писал стихи о войне, о боевых буднях современных воинов, о дальних гарнизонах, где ему удавалось побывать с журналистским блокнотом. Так, появляются книги стихов — «Шла рота с песней» (1959), «Сирень и порох» (1960), «На дальних рубежах» (1963); рассказов и очерков — «Меридианы мужества» (1965), «Голубые пристани» (1966). За сборник «Благодарение» присуждена Государственная премия. Последнее время

Леонид Васильевич жил в Новосибирске, но очень часто приезжал на родину, жил в г. Уржуме и даже собирался поселиться здесь, однако сделать это не успел. Он умер в августе 1990 г.

СЕНТЯБРЬСКОЕ УТРО

Еще темно.
Но уж светлеют окна.
И воробьи, как старые торговки,
Открыли рынок. Скрипнула калитка.
И, звякнув дужкой, заплесали ведра
На темном срубе старого колодца.
А там, вдали, телега громыхнула.
А там, мыча, прошествовало стадо,
Наполнив утро запахом парного
И теплого, как детство, молока...
Покой и мир.
И бронзовые листья
Летят, звеня, как медные обрезки,
И огневой расшивкою ложатся
В колени синеватой тишине.

1939,
Уржум.

КОГДА УЙДУ

Когда уйду, заплачет у порога
Седая мать, ступив на край крыльца.
А я слезу утру с ее лица,
Не оглянувшись, выйду на дорогу.
Уйду. Но долго, долго будет вслед
Смотреть она еще из-под ладошки,
Бежать на стук к закрытому окошку
И у загнетки оставлять обед...
О, старенькая, ласковая мать,
Тоска твоя вовек неостудима!
Но жить вдали мне от родного дыма,
Тебе ж меня — всю жизнь обратно ждатель.
Сентябрь 1939,
Уржум.

* * *

Есть на войне жестокая примета:
Когда увидишь — свет звезды погас,
Знай, не звезда упала с неба —
Это
На белый снег упал один из нас.
Все меньше звезд над нами в небе стылом.
Все больше их на холмиках степных.
Идем не по высотам — по могилам

Своих друзей, товарищей своих...
Пусть впереди стена огня и дыма, —
Идем с восхода сквозь огонь и дым
К закату, где мы так необходимы,
Как утром людям свет необходим.

Зима, 1942,
Подмосковье.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ХАУСТОВ (1920 — 1980)

Леонид Иванович Хаустов родился 31 августа 1920 г. в г. Нолинске Кировской области в семье педагогов. Детство его прошло в с. Новотроицком Шабалинского района. В 1931 г. семья переехала в Ленинград. В 1938 г. Хаустов окончил школу и поступил в Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена.

Стихи писать начал Хаустов еще в школе, но первые публикации появились в 1940—1941 гг. в ленинградских журналах «Звезда», «Литературный современник», «Ленинград». Л. И. Хаустов — участник Великой Отечественной войны, был тяжело ранен в боях под Ленинградом. Уже в конце войны, в 1944 г., его приняли в члены Союза писателей. А в победном 1945 г. вышла его книга стихов «Утренний свет». В последующие годы Леонид Иванович в своих стихах не раз обращался к теме войны, к боевым товарищам, воевавшим рядом с ним. Но не только военная тема привлекала поэта, он отразил и новое в жизни страны, те перемены, которые радовали его. Сборники «Новоселье» (1947), «Черты биографии» (1956), «Волне навстречу» (1958) выходили, в основном, в Ленинграде. Сборник «Родному краю» (1959) вышел на родине поэта в Кирове.

В 70-е годы Л. И. Хаустов выпускает как бы этапный сборник «Стихотворения и поэмы. 1940-1970» (1970), сборники «Главное в жизни» (1975), «Слушая время» (1978).

Л. И. Хаустов умер 20 августа 1980 г. Уже после смерти вышел поэтический сборник «Оставляю вам стихи» (1982), в котором собраны самые лучшие стихи и поэмы разных лет.

ВЯТИЧ

Меня встречает после долгих странствий
Мой город, перед коим я в долгу.
Пронизывая звездное пространство,
Стою в ночи на вятском берегу.

Со дна души, как песня, горлом хлынув,
Моя любовь к отеческой земле
Преображает в летописный Хлынов
Весь этот берег, спящий в теплой мгле.

Стою над разметавшей косы Вяткой,
Как тот мужик, мой прародитель, тот —
Усмешливый, смекалистый и хваткий...
А сколько лет мне?

Да всего шестьсот!

ЗАБЫТОЕ СЛОВО

Хоть и знаю — природа права,
Только что мне ее бескорыстье?
У меня отмирают слова,
Как сухие осенние листья.

Вижу Пять неизменных углов,
Нашу школу, от снега седую,
А вот прежних мальчишеских слов,
Хоть убей, произнести не могу я.

Ни в кого, как тогда, не влюблен,
Притяженье теряя земное,
Словно громом стою поражен
Звуком слова, забытого мною.

* * *

Запах пыли, прибитой дождем.
Этот с детства мне памятный запах.
Между кленов, кривых и разлапых,
Серебрящийся дранкою дом.

Он уже не желает обнов.
Он привык, что скрипят половицы.
Как мне снится тут, шпеннику снов, —
Снится так, что вся жизнь моя снится!

Стены тесные — снам не тесны.
Потолок низковат, но не давит.
Только жаль вот, что скоро оставят
Эту кровлю, как ласточки, сны..

ВАСИЛИЙ ЕФИМОВИЧ СУББОТИН

Василий Ефимович Субботин родился 7 февраля 1921 г. в д. Субботинцы Нолинского района Кировской области. Родители-крестьяне в 1923 г. переселились в тогдашнюю Западную Сибирь. Здесь, в поселке возле Тюмени, прошли детские годы. Позднее, в начале тридцатых, семья вернулась в родные вятские места. Василий Ефимович рано начал самостоятельную жизнь, был пастухом, работал на разных работах в родной деревне, а затем на Урале, в Кизеловском угольном бассейне. Учился в Пермской областной культпросветшколе, но с третьего курса, в 1940 г., ушел в армию. Служил в 212-й мотомехдивизии, стоявшей вблизи границы, в Бродах. С первого дня войны принимал участие в боях, был заместителем политрука роты и башенным стрелком танка БТ-7. Затем, после госпиталя и краткосрочной учебы в Военно-политическом училище имени Фрунзе, воевал на Северо-Западном и Калининском фронтах. Позднее на 2-м Прибалтийском был корреспондентом дивизионной газеты. Служил в 150-й стрелковой, Идрицкой, позднее Берлинской дивизии. Вместе с подразделениями своей дивизии принимал участие в боях в тогдашней Калининской области, а затем в Латвии, участвовал в освобождении Варшавы (после переброски дивизии на 1-й Белорусский фронт), в прорыве обороны на Одере и последующем наступлении на Берлин, в боях за Берлин и рейхстаг. Обо всем этом рассказано в книге «Как кончаются войны». Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, «Красной Звезды», медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы» и другими. Был ранен в 1941 г. и контужен в 1945-м. В конце 1945 г. демобилизован как инвалид войны.

В первые послевоенные годы работал в Крыму, был руководителем Крымского литературного объединения и редактором художественной литературы в областном издательстве. После окончания Высших литературных курсов заведовал отделом поэзии в журнале «Дружба народов», работал в издательстве «Советский писатель», сначала старшим редактором редакции прозы, а затем заведующим редакции русской советской поэзии. Долгое время руководил семинаром прозы в Литературном институте.

Первые стихи опубликовал в 1942 г. Первая книга стихов вышла в 1950 г. Член Союза писателей с 1951 г. В годы войны печатался в газетах и коллективных сборниках стихов, например, в сборнике «Солдатские думы», вышедшем в Кирове в 1945 г., в первые месяцы после войны. У В. Е. Субботина вышло более тридцати книг стихов и прозы, некоторые из них были переведены на другие языки.

В. Е. Субботин — лауреат литературных премий: имени А. Фадеева — 1980 г., имени К. Симонова — 1982 г. Награжден также орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени — дважды.

ПРОЩАНИЕ С МИРОМ

57

Я уже заканчивал третий класс, когда отец решил вернуться к себе на родину, в вятскую деревню. Не прижился он, как видно, все-таки в не столь уж просторных, как оказалось, сибирских краях.

59

Итак, мы вернулись в деревню, из которой уехали в голодный двадцать первый год, в тот самый год, в который я как раз и родился. Деревню, в которой я родился и которую только теперь увидел. Считалось, что мы приехали в Россию. Там, где мы только что жили, была Сибирь, а теперь мы приехали к себе на родину, в Россию приехали.

Нелегко, я думаю, было отцу возвращаться в дом, из которого он когда-то, как он, наверно, считал, уехал навсегда, и из дома этого, и из деревни своей, в далекую для него, в неизвестную ему самому даль. Нас было у матери к тому времени четверо. Я из всех был самым старшим. Мы поселились в доме, фактическим хозяином в котором был теперь зять наш, принятый, как здесь говорили, в дом человек, муж сестры моего отца, у которого тоже уже была своя семья.

Когда мы приехали, дед уже болел, был в постели, не вставал, сильно кашлял. Мне кажется, что уже через неделю после того, как мы приехали, он умер. Подготовленный им для себя самого гроб стоял в холодной и темной клети, в той половине избы, что выходила во двор. Я на него натолкнулся, когда зашел в эту клеть, не помню теперь зачем. Я очень испугался, увидев во тьме, посреди клети, неожиданно так на двух табуретках длинный некрашенный гроб.

Помню, как я писал имя деда на белом, поставленном стоймя высоко кресте, когда крест был еще во дворе, а дед уже лежал на кладбище. Двор, в котором стоял этот прислоненный к стенке крест, был крытый, темный, а крест был белый.

Помню бабушку возле печи, темнолицую, неулыбчивую, может быть, и просто молчаливую, двигавшую ухватом в печи большие, тяжелые чугуны.

(...)

61

Я думаю, что мы приехали сюда в начале лета, когда давно уже сеяли, давно уже шли полевые работы. Занятия в школе уже закончились, и

мне, как всем, пора было идти в поле, садиться на лошадь. Наравне с другими моими товарищами, которых я пока еще и в глаза не видел, я должен был идти прикатывать овес. Так называлась эта обычная для нас в то время в колхозе работа.

Я хорошо помню день, когда сестра моего отца, маленькая веселая женщина, принесла мне лапти, как оказалось, уже сплетенные кем-то для меня. Должен сказать, что я ходил до той минуты в чиненых-перечиненых сапогах, а лаптей и в глаза не видел, не знал, что это за лапти такие. Там, в Сибири, откуда мы приехали, лаптей не носили. Она принесла мне пару новеньких, только что сплетенных лаптей и стала обувать меня, стала показывать мне, как с ними обращаться надо, как наматывать портянки, онучами называемые, как затягивать веревки, такие бечевки, обкручивать ими эти самые онучи, икры ног... Когда все это было наконец сделано и я попытался встать на мои обутые в лапти ноги, мне показалось, что я сейчас упаду, что я и шагу ступить не смогу. Мне показалось, что как только я сделаю первый шаг, я упаду... Я посмотрел на свои перетянутые бечевками ноги, на эти лапти и заплакал, представив себя на деревенской, еще незнакомой мне улице. Это было такое унижение, что я, стоя посреди избы, веревки больно врезались мне в икры, горько и безутешно заплакал, зарыдал. Мне показалось, что жизнь моя кончилась, что все самое лучшее, что у меня было, уже позади, там на Туре, в моем лесу, в моей Березовке...

Долго еще потом смеялись надо мной, тетка моя смеялась, она любила посмеяться, долго, не жалея меня, вспоминала потом, как я плакал, в первый раз надев лапти, и как я, по ее словам, говорил: «Не буду я их носить, эти лапти, как я в них буду ходить!»

Ей странным казалось, что человек, пусть даже ребенок, никогда прежде не носив лаптей, выросши в другом краю, надев лапти, может так горько заплакать, прийти в такое отчаяние.

Так или иначе, какая-то часть моего детства бесспорно кончилась в тот день, когда я, обутый в лапти, которых я до той поры никогда не носил, вышел за ворота, навстречу моим товарищам и, с огорода, с забора, полез на лошадь, отправился прикатывать овес, который к тому времени еще не взошел...

* * *

Бои, бои... Тяжелый шаг пехоты
На большаках, где шли вчера враги.
На бровку опершись, на переходе
Натягивает парень сапоги.
Простые, загубевшие от жару,
Но крепкие — носить не износить.
Еще и тем хорошие, пожалуй,
Что по Берлину в них ему ходить.
1944

30 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

Провал окна. Легла на мостовую
Тень, что копилась долго во дворе.
Поставлены орудья на прямую,
И вздрагивает дом на пустыре...
Завален плац обломками и шлаком,
Повисли рваных проводов концы.
На этот раз в последнюю атаку
Из темных окон прыгают бойцы.
1945

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ТЕНДРЯКОВ (1923 — 1984)

Владимир Федорович Тендряков родился 5 декабря 1923 г. в д. Макаровская Вологодской области в семье служащего. В 1938 г. семья переехала в с. Подосиновец Кировской области, где отец работал районным прокурором. Здесь Володя окончил среднюю школу. В 1941 г. он ушел на фронт. После ранения В. Ф. Тендряков в 1944 г. вернулся в Подосиновец. Работал в школе военруком, секретарем райкома комсомола.

Поступив в 1945 г. на художественный факультет ВГИКа и проучившись год, В. Ф. Тендряков перешел в Литературный институт им. Горького, который закончил в 1951 г. Работал корреспондентом журнала «Огонек», писал сельские очерки. В 1948 г. опубликовал свой первый рассказ «Дела моего взвода» в альманахе «Молодая гвардия». В середине 50-х годов Тендряков обращается к будням послевоенной деревни, он пишет очерки: «Под лежач камень» (1954), «В северном крас» (1954), «Рыцарь тюленьки в тюленьку» (1956). В рассказах и повестях герои Тендрякова поставлены в непростые жизненные ситуации, так строятся произведения: «Ухабы» (1956), «Тугой узел» (1956), «Саша отправляется в путь» (фильм «Саша вступает в жизнь», 1957), «Чудотворная» (1958, одноименный фильм был поставлен в 1960 году).

Многие произведения В. Ф. Тендрякова посвящены проблемам молодого поколения, школе: роман «За бегущим днем» (1959), повесть «Ночь после выпуска» (1974), «Расплата» (1979), «Весенние перевертыши». О молодом художнике, формировании таланта написан роман «Свидание с Нефертити» (1964).

По произведениям Тендрякова созданы фильмы, он — автор нескольких пьес. В конце 80-х годов появляется ранее не публиковавшееся произведение писателя «На блаженном острове коммунизма», где показаны взаимоотношения интеллигенции и власти. Художественно-публицистическая повесть «Революция! Революция! Революция!» (1964—1973) опубликована в журнале «Октябрь» за 1990 г. Философские размышления писателя, трудное обретение истины — все это нашло отражение в романе «Покупение на миражи», также опубликованном после смерти писателя.

В. Ф. Тендряков вел большую общественную работу, избирался членом правления Союза писателей СССР, РСФСР, Московской писательской организации, работал в редколлегии журнала «Наука и религия». Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

РАСПЛАТА

(Отрывок из повести)

Часть первая

1

В глубине дома номер шесть по улице Менделеева во втором часу ночи раздался выстрел. Дверь квартиры на пятом этаже распахнулась, из нее вырвалась растерзанная, простоволосая женщина с ружьем в руках, ринулась вниз по лестнице, кружа с этажа на этаж, задыхаясь в бормотании:

— Бож-ж мой!.. Бож-ж мой!.. Бож-ж-ж!..

Спящий город уныло мок под дождем, расплывшиеся фонари, держа на себе громаду холодной и сырой ночи, уходили вдаль, в черную преисподнюю. Женщина с ружьем, отбежав от подъезда, остановилась, дико оглянулась.

Дождь вкрадчиво шептал, дом уходил в небо черной глыбой (темной дегтярной ночи), лишь с дремотной усталостью тускло светилось окно над окном по лестничным пролетам да высоко, на пятом этаже, горели ясно и ярко еще два окна. Выстрел никого не разбудил.

Женщина издала стон и, прижимая ружье, бросилась по пустынной улице под фонарями, по лужам на асфальте, в кухонном развевающемся халатике, в тапочках на босу ногу.

— Бо-ож-ж мой!.. Бо-ож-ж!..

Дверь квартиры, откуда выскочила женщина, стояла распахнутой, из нее на сумеречную лестничную площадку щедро лился ровный свет. В этот заполуночный час, когда все запоры замкнуты, одна семья старательно укрылась от другой, огромный дом от фундамента до крыши коченел в

обморочной каталепсии, разверстая светоносная дверь могла бы испугать любого — вход в иной мир, в потустороннее, в безвозвратность! Но пугать было некого, все кругом спали...

В дверях появилась тень по-теневому бесшумно, тонкая, угловатомкая — насильственные, неверные движения незрячего существа. Человек-тень остановился на пороге, ухватился рукой за косяк. Казалось, его, потустороннего жителя, страшил этот оглушающе тихий, спящий мир. Наконец он собрался с духом и шагнул вперед — долговязый парнишка в майке и узких джинсах, тонкие ноги с неуклюжей журавлиной поступью.

Посреди лестничной площадки он снова остановился, недоуменно оглядываясь — три двери были бесстрастно глухи. Парнишка судорожно вздохнул, двинулся дальше осторожно, робея, как слепой, вниз ощупью по ступенькам лестницы, шорох его шагов срывался вниз, на дно лестничного колодца.

Он спустился всего на один этаж, толкнул себя к обитой черным дерматином двери и встал, тупо уставясь. Тишина, сковывающая весь дом, сковала и его. Он словно задремал стоя, минуто, может больше, не шевелился. Наконец с усилием выпрямился и нажал на кнопку. За обитой дверью, за глухой каменной стеной послышался въедливо живой звук звонка. Парнишка зябко передернул гольими плечами и снова оцепенел. Ни шороха, ни скрипа, тяжелое молчание дома. Он вновь заставил подняться непослушную руку, на этот раз звонок долго сверлил закованную в бетон тишину.

Смачно дважды шелкнул замок, дверь приоткрылась.

— Кто тут?.. — сиплый со сна, недоброжелательный мужской голос.

— Это я... — с конвульсивным выдохом.

Досадливое короткое кряканье, выразительное, как ругательство, и обреченное. Дверь распахнулась — твердый подбородок в суточной щетине, насушенный лоб, но выражение длинного, помятого сном лица брюзгливо-кислое, и голос сварливый, нерешительный:

— Опять у вас кошачья свадьба?

— Василий Петрович, я... — У парнишки судорогой свело челюсти.

— Сами покою не знаете и другим не даете...

— Я отца убил, Василий Петрович!

Василий Петрович распрямился в дверях — в сиреневой трикотажной рубашке, узкоплечий, высокий, нескладно костистый, с заметным животиком, выступающим над полосатыми пижамными брюками. Он втянул в себя воздух и забыл выпустить, мелкие глаза стали оловянными, стылými. А парнишка тоскливо отводил взгляд в сторону.

— Милицию бы вызвать, Василий Петрович...

И мужчина очнулся, рассердился:

— Милицию?.. Ты шуточки шутить среди ночи!.. Чего мелешь?..

— Я... его... из ружья.

За спиной Василия Петровича всплеснулся вихревой шум, вспыхнул яркий свет, мелькнули пружинно вскинутые тонкие косички, бледное лицо в болевой гримаске, тонкая рука, стягивающая ворот халатика у горла.

— Коля! Что?!

Василий Петрович попытался загородить собой парнишку:

— Марш отсюда! Без тебя!.. Без тебя!..

— Что, Коля?!

Коля молчал, гнул голову, прятал лицо.

— Сонька! Кому сказано — не суйся!

— Ко-ля!!

— Соня... Я — отца... Милицию бы...

— Папа, что он?.. Скажи, папа!

— Эдакое в чужой дом нести... Стыда у них ни на грош! — снова сварливо-бабье, беспомощное в голосе Василия Петровича.

Из глубины квартиры выплыла женщина в косо натянутом платье — спутанные густые волосы, лицо сглаженное, остановившееся, бескровная маска.

— Мама! — кинулась к ней Соня. — У них что-то страшное, ма-ма!

Но почему он к нам? Что мы, родня ему близкая?

Мама!!

И мать Сони слабо вступилась:

— Да куда же ему идти, Вася?

Парнишка глядел в пол, зябко тянул к ушам голые плечи.

— Василий Петрович, в милицию... позвоните.

За спиной Василия Петровича мелькнули пружинные косички, повеяло ветерком от разметнувшихся пол халатика, Соня кинулась в глубь прихожей, раздался мягкий стрекот телефонного диска.

— Алло! Алло! — высокая на срыве колоратура. — Аркадий Кириллович, это я, Соня Потехина!.. Аркадий Кир-рил-лович!.. — Всклик со стоном. — У Коли Корякина... Приезжайте, приезжайте, Аркадий Кириллович! Скорей приезжайте!

Соня звонила не в милицию, а их школьному учителю.

А по темному, мокрому, пустынному городу бежала женщина в халатике, прижимая к груди ружье. Слипшиеся от дождя волосы закрывали лицо.

— Бо-ож-ж мой... Бо-ож-ж!..

2

Аркадий Кириллович жил неподалеку — всего какой-нибудь квартал, — но как, однако, неуклюж и бестолков бывает внезапно разбуженный человек, за десятилетия мирной жизни отвыкший вскакивать по тревоге. Пока опомнился, осмыслил, ужаснулся, пока в суете и спешке одевался — носки проклятые запропастились! — да и резво бежать под дождем в свои пятьдесят четыре года уже не мог, вышагивал дергающейся походочкой.

Дом по-прежнему спал, по-прежнему вызывающе светились лишь два окна на пятом этаже.

Из подъезда выдвинулся человек — угрожающе массивный, угловатый в плечах голову, — полуночный недобрый житель. Приблизившись вплотную, он заговорил плачущим, зыбким голосом:

— Дети — отцов! Дети — отцов! Доучили!..

— Кто вы?

— Не узнали?

— Василий Петрович! Где тут узнать.

Отец Сони Потехиной в просторной дошке с меховым воротником, делавшей его внушительно плечистым.

— Все-таки помните — и на том спасибо. Я вот вас встречать выбежал...

Натянутый на лоб берет, невнятный в темноте блеск глаз и то ли раздраженный, то ли просто раздерганный голос.

— ... встречать выбежал, чтоб поделиться, был там, видел! Дети — отцов! Дети — отцов! Конец света!..

— «Скорую» вызвали?

— Нужна теперь «скорая», как столбу гостинец. В упор разнес... В самое лицо, паршивец... Сын — в отца!

— Пошли! Вдруг да помочь можно.

— Ну не-ет! С меня хватит. Не отдышусь... А вы полюбуйтесь, вам ох как нужно! Авось да поймете, что я теперь понял.

— О чем вы?

— О том, что страшненькое творите. Такой хороший, такой уважаемый, тянутся все — советик дайте... Очнуться пора!

— Ничего не пойму.

— Конечно, конечно... Может, потом поймете. Сильно надеюсь! — Василий Петрович вцепился в рукав, приблизил к лицу Аркадия Кирилловича дрожащий подбородок, жарко дыхнул: — Ненормальными дети растут. Не замечали? И Сонька моя тоже ненормальная...

Аркадий Кириллович с досадой освободился от его руки:

— Отложим выяснения. Теперь не время!

— Не время, нет! Поздновато. Случилось уже, назад не вернешь. Раньше бы выяснить!..

Последние слова Василий Петрович уже кричал в спину учителя.

Темные лестничные пролеты выносили Аркадия Кирилловича на скупо освещенные площадки — первый этаж, второй, третий... Он поднимался, и росла неясная тревога, вызванная неожиданной встречей с Василием Петровичем, — похоже, упрекал его, и с непонятным раздражением. До сих пор гнало одно — стряслось несчастье, нужна помощь! И спешил, не спрашивая себя — чем поможет, что сделает? Сейчас с каждым шагом наваливалось смутное ощущение — откроется неведомое, оборвется привычное. Впервые пришла оглушающе простая мысль — его ученик убил! Странно, что сразу не оглушило — его ученик! Не связывал с собой...

А с Василием Петровичем Потехиным он был в хороших отношениях, знал его даже не только как родителя одной из учениц, не так давно принимал участие в его судьбе, выслушивал жалобы, давал советы, направлял к нужным людям... Потехин раздражен — непонятно.

После крутой лестницы заколодило дыхание и сердце нервно билось в ребра. Аркадий Кириллович остановился на последнем этаже.

Перед ним распахнутая дверь, из которой щедро лился свет. Кусок паркетного пола с половичком, кусок стены, обклеенной бледными обоями, с какой-то журнальной картинкой — синее с красным, что-то сочное, но не разберешь издали. Кусочек обжитого мирка, каких больше сотни в этом доме, сотни в соседних домах, сотни тысяч во всем городе. И каж-

дый наособицу. Семьи, как люди, не схожи друг с другом. Вход в мир? Да нет, этот мир уже рухнул. Он стоит в пяти шагах от катастрофы. И с новой силой охватило тяжелое, почти суеверное предчувствие — стоит шагнуть ему в эту распахнутую дверь, как его жизнь, налаженная, устоявшаяся, сломается. За этой ярко освещенной дверью его ждет не только покойник, а и еще что-то неведомое, опасное, от чего можно уберечься, только отступив.

Но что-то пригнало же его к этой двери, что-то властное, среди ночи. Отступить не может.

Отдышавшись, Аркадий Кириллович двинулся к двери, заранее испытывая и брезгливость, и подмывающее возбуждение — окунается в атмосферу преступления, о какой много приходилось читать, но самому окунаться — ни разу.

Картинка, висевшая на стене против входа, — реклама, вырезанная из иностранного журнала: у синего моря, на оранжевом пляже красная, залитая, устрашающе длинная машина с откидным верхом, возле нее улыбалась всеми зубами загорелая поджарая блондинка в предельно скудном купальнике.

В конце коридора у дверей в комнату — тоже распахнутых, вход! — валялась мужская туфля, нечищенная, поношенная, с крупной ноги. Аркадий Кириллович осторожно перешагнул через нее.

Он в свое время видел немало убитых — речка Царица в Сталинграде была завалена смерзшимися, скрюченными трупами в уровень своих обрывисто-высоких берегов. Но там мертвые — часть пейзажа, искромсанного, изуродованного, спаленного и... привычного.

Здесь же ярко, заполночным бешеным накалом горела под потолком люстра с пылающими хрустальными подвесками, и напоенный яростным светом воздух застыл в тягостной неподвижности. Парадно большой телевизор в сумрачной лаковой оправе взирал слепо и равнодушно плоской туманно-серой квадратной рожой. Широкая кровать бесстыдно смята, одна из подушек валялась на полу. И всюду по сторонам сверкают осколки разбитой стеклянной вазы.

А под переливчатой накаленной люстрой через всю комнату наискосок — он, распластанный по полу, удручающе громоздкий. Тонкая, синтетически лоснящаяся рубашка обтягивает широкую мощную спину, голова в кудельных сухих завитках волос прилипла к черной, до клейкости густой луже на паркете. От нее прокрался под раскоряченные ножки телевизора столь же дегтярно-черный, вязко-тягучий ручеек. И торчащие крупные ступни в несвежих бежевых носках, и одна рука неловко вывернута в сторону, мослаковатая, жесткая, с изломанными ногтями — рабочая рука. Аркадий Кириллович почувствовал подымающуюся тошноту; в помощи этот человек уже не нуждался.

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ КУВАЕВ
(1934 — 1975)

Родился Олег Михайлович Куваев 12 августа 1934 г. на станции Поназырево, ныне Костромской области. Детство и юность прошли в Свечинском районе Кировской области, поэтому Олег Михайлович, как и его отец, считали себя вятчанами. Отец его, железнодорожник, работал в Котельниче, затем Юме, мать, сельская учительница, преподавала в деревне Кузьмёнки, селе Юма. Они оставили неизгладимый след в формировании сына как человека и писателя. Их подвиг повседневной жизни и работы дал энергию романтическим мечтаниям вятского паренька. Окончив Котельничскую среднюю школу, Олег Куваев выбирает профессию геолога. Уже будучи студентом Московского геологоразведочного института имени Серго Орджоникидзе, он ходил вместе с профессионалами в трудные экспедиции на Тянь-Шань, в верховья Амура, на Чукотку. В это же время Куваев начинает писать, его первые публикации — рассказы об экспедиционных впечатлениях появляются в популярных журналах «Охота и охотничье хозяйство» («Козероги», 1956), «Вокруг света». Рассказы и повести О. М. Куваева публикуются в различных альманахах и сборниках. В 1964 г. — сборник его рассказов и повестей «Зажгите костры в океане», через год — «Чудаки живут на Востоке», в 1967 — «Весенняя охота на гусей», в 1968 — «Через триста лет после радуги», в 1970 — «Птица капитана Росса», в 1973 — «Тройной полярный сюжет». Романтика северных просторов, сильные люди, покоряющие их, проблемы молодых — таковы основные темы рассказов и повестей О. М. Куваева.

Широкую известность приобрел роман «Территория», опубликованный в 1974 г. Во многом этот роман автобиографичен, но не только судьба молодого вятского парня Сережи Баклакова интересует читателя, а и то, как Север проявляет в людях человеческое, как он проверяет дружбу, нравственные качества. Необычайно правдивый рассказ о работе поисковых партий, какими трудными дорогами идут геологи к открытию нового золотоносного района, кто и на какие заслуги рассчитывает — это Олег Куваев показывает в своем романе без романтических прикрас, напротив, в его повествовании звучит предельно искренняя, открытая интонация. Может быть, поэтому роман стал для многих откровением, молодое поколение заново посмотрело на Север.

Уже после смерти, в 1976 году, увидел свет сборник рассказов и повестей «Каждый день как последний» — своеобразное завещание молодым романтикам, ищущим непоседам наших дней.

Произведения Олега Михайловича Куваева переведены на многие языки и экранизированы.

ТЕРРИТОРИЯ

(Отрывок)

Часть вторая. Осень, зима

...Баклаков сошел на станции перед разъездом. Скорые поезда на разъезде не останавливались. Со станции можно было пройти по шпалам восемнадцать километров или доехать на товарном. Он вышел на пути и посмотрел на ряд товарных составов. Без дежурки не обойтись. В дежурке на станции Баклакова знали по тем временам, когда он приезжал из Москвы в форме с бронзовыми погончиками и буквами МГРИ на них.

Дежурный сидел у селектора спиной к нему. Справа разноцветными лампочками горела схема автоблокировки.

— Диспет-чер! Дай бабу на ве-чер! — говорил дежурный старую, как паровоз Ползунова, шутку. — Принимаю семьсот тридцать первый на девятый путь. Одна тыща полсотни десятому отправление готово...

— С какого пути пойдет? — спросил Баклаков.

— А тебе-то, милоч, какво дело? — повернулся к нему дежурный.

— На разъезд надо. Я сын Баклакова.

— Оквадрател ты чой-то, парень. И не узнашь. Беги на третий. Даю отправление.

Сергей быстро пошел.

— Не прыгай, — крикнул вслед дежурный, — перед разъездом дам ему желтый свет. Небось маленько-то сбавит.

От вятской речи дежурного у Сергея потеплело на душе.

На площадке товарного вагона он смотрел на знакомый лес, избегаемый вдоль и поперек с ружьем или грибной корзинкой. Вот переезд и желтая песчаная дорога в село, куда он бегал в школу. Поезд сбавил ход, и Баклаков спрыгнул в мягкий песок откоса. Прыгать с поезда он умел. Обучился в те времена, когда на восток, на заводы Урала везли битую военную технику, и он поселялся в каком-нибудь танке или у исковерканной пушки, чтобы открутить понравившуюся железку. У него имелся целый арсенал, вплоть до ручного пулемета Дегтярева, пока отец не побросал все это в реку.

У стрелочной будки маячила знакомая фигура — Алексей Гаврилович, старый бабник. Стрелочник перевел стрелку, посмотрел на него и ушел в будку — не узнал. Баклаков зашел вслед за ним. Пахло чаем, са-

мосадам, закрученным в газету, и вагонной смазкой. Стрелочник протянул ему крестьянскую руку и сказал:

— Что долго ехал-то, Сергей Александрович? Два дня как похоронили...

* * *

Он долго сидел в маленькой комнате, в которой прожил пятнадцать лет. Комната была грязной, давно не беленой. На столе запыленные пузырьки с лекарствами. Видно, отец давно болел. Огромная печь занимала половину комнаты, остальную часть — комод и кровать. Он забыл, что они жили в такой бедности. Запаянный таз под рукомошкой, баранье одеяло на кровати. В комод, в нижнем ящике, лежали его железки, открученные от военного имущества, лески, порох и дробь.

Он нашел альбом с фотографиями: отец бравый телеграфист, мать учительница, в длинном белом платье, какие-то чеховские времена, давно все это было, даже не верится, что это его родители.

Когда-то Баклаков размышлял на тему: крестьянский он сын или сын служащих. Отец самоучкой из деревни пробился в телеграфисты. Был в армии Брусилова, погибал в Мазурских болотах и первым в армии принял телеграмму об отречении царя. Но когда отца избрали председателем солдатского комитета, он использовал служебное положение, чтобы приложить полковую печать к удостоверениям об увольнении всем, кто хотел, в том числе и себе. И вернулся в деревню крестьянствовать. Из деревни его извлекла мобилизация на восстановление разрушенных железных дорог. Одно время ему предложили заведовать губернской радиостанцией. Отец отказался «из-за болезни», так с усмешкой объяснил он. И прожил жизнь дежурным по станции. При огороде, корове, поросенке, картофелем и ячменном поле. Мать умерла сразу после войны. Та, чеховская гимназистка, осталась только на фотографии. Сколько Баклаков помнил, мать была неотличима от крестьянской женщины. Загорелое морщинистое лицо, искривленные работой и ревматизмом руки, кирзовые сапоги, платок, телогрейка. Она ходила по глухим лесным деревням, ликвидируя безграмотность. В зимние волчьи ночи мать брала с собой «вилыцы», двухзубые небольшие вилы, которыми разбрасывают на полях навоз. В военные годы казалось, что волки всего мира собрались в вятских лесах. Преподавала в начальных классах, вела приусадебное хозяйство: на зарплату семью было не прокормить. Баклаков вдруг подумал об их полярной гордости, их суперменстве и уверенности, что они соль земли. А ты ходил по лесным деревням в зимние ночи, из ночи в ночь, когда волчьи стаи нагоняли ужас на всю округу? «Бог мой, бог мой, — с отчаянием думал Баклаков. — Почему я не понимал этого раньше?»

Пришла тетя Ариша, жена стрелочника Алексея Гавриловича.

— Очужел ты чтой-то, Сергей Александрович, — сказала она.

— Нет, тетя Ариша. Я все такой же, — ответил Баклаков.

— Времена-то пошли. Отцы без сыновей умирают, — тетя Ариша вслипнула, вытерла глаз углом платка и вышла. — Молоко у меня на плите.

Баклаков лесом, чтобы никого не встречать, пошел на кладбище. Кладбище находилось у села, куда он ходил в школу. Лес стоял осенний, желтый и прекрасный. Печаль Баклакова была глухой и глубокой. У него было чувство должника, которому никогда не расплатиться.

Кладбище было так же осенним. Это было кладбище древнего и богатого торгового села с множеством каменных памятников. На могиле отца стоял деревянный столбик со звездочкой. Такой же столбик — у матери. Кто-то заодно выкрасил и его...

* * *

Андрей Макарович, учитель математики, встретил его старческой хлопотливостью: загремел чайником, начал накачивать примус. Андрей Макарович постарел очень сильно. В нем укрепилась уютная стариковская согбенность, которой не имел никто в Поселке. И примус здесь шумел по-иному, и иной вкус чая, без горечи и острого железного привкуса. Баклаков видел в окно березу, с которой покорно падали листья.

— Ты, Сережа, сейчас героически работаешь в Арктике, летаешь на самолетах и открываешь месторождения. Не тянет домой? Я понимаю, ты же был страшный охотник. В леса не тянет? Твоя родина здесь. Или сейчас у вас везде родина?

— Зря вы насчет героики. Это не героика, а несправедливость. Работа наша легче работы любого колхозника. Денег мы получаем в несколько раз больше. Я за месяц получаю столько, сколько мать получала за полгода. Справедливо? Еще вдобавок про нас песни поют, книжки пишут, по радио говорят. А насчет родины, так вы поставьте меня какой-нибудь латиноамериканской страной заведовать — я все равно вятским останусь. От этого не уйти.

— А зачем уходить-то, Сережа? Стыдиться тебе нечего. Москва и то на вятской земле стоит. Только я не понял: ты профессией своей гордишься? Я школьникам объясняю: вот за этой партией сидел Баклаков Сережа, ныне полярный геолог. Покоритель льдов, так сказать.

— Этого я и стыжусь. Незаслуженной чести. Я ни черта не сделал еще. Но уже «полярный геолог». Звучит?

— Ты об этом не думай. Ты лучше помни, что я говорил и буду говорить ученикам про полярного геолога Баклакова. Родители твои были незаметные люди. Как все. Таким, как они и я, памятники не ставят. Вот ты и будешь нам живым памятником.

— А если не получится памятник?

— Живи честно. Получится из твоих детей. Это великая, главная линия в жизни, Сережа. Не нравится мне, как ты говоришь о работе. Гордыня в тебе появилась. Или ошибаюсь?

— Мы все там гордыней живем. Такая обстановка. Мы там все исключительные.

— Если почувствуешь плохо, возвращайся, Сережа. Здесь вашу фамилию помнят, упасть не дадут. И избави бог начать пить. От гордыни многие пьют.

— Для возвращения нет причин, Андрей Макарович. Я ведь вятский, а значит, упрямый.

* * *

...Когда он вернулся домой через вечерний шуршащий осенний лес, все в комнате оказалось прибрано, печь истоплена, на столе стояло молоко, тарелка с огурцами. Пришла тетя Ариша, принесла горшок с вареной картошкой. Она снова всхлипнула, вспомнив, видно, про отцов, которые умирают без сыновей, выправились и сказала:

— Чего-то с вами города делают, не пойму. Будто не русские вы становитесь. Летось гостила у Николая Светка, двоюродная племянница. Прямо присохла ко мне. Говорю — удивляется. Корову дою — удивляется. Поросянок морду в корыто сунет — ей смешно. Иконы у меня увидела (я от бога-то, ты знаешь, не отказалась), какая, говорит, прелесть. Прелесть! — ехидно протянула тетя Ариша. — Будто монголка или немка какая. Про иконы-то! Прелесть!

— Ерунда это все, тетя Ариша. Это она так. Несерьезно, — сказал Баклаков.

Пришел Алексей Гаврилович, принес бутылку водки.

— Давай, Александрович, помянем усопшего, — торжественно сказал он. Тетя Ариша ушла.

— Не могу, — сказал Баклаков. — Меня отец от выпивки очень сильно оберегал.

— А я выпью, — Алексей Гаврилович налил полный стакан. — Царство небесное Александру Михалычу. Земля пухом. Мужик был серьезный.

Выпив, Алексей Гаврилович сразу же закричал:

— Ты думаешь, мы, вятские, што? Из лыка выплетены, как лапти? Не-ет! Из вятских сколько известных людей вышло? Сергей Миронович Киров, то будет раз... Счас насчитаю, погоду. Ты там в своих северных стратосферах гордо себя веди.

— Я гордо себя веду, — кротко сказал Баклаков.

...Ночью он не мог заснуть. Мать — гимназистка в белом платье, отец — бравый унтер-офицер с закрученными усами и штыком на поясе, в результате получается полярный геолог Сергей Баклаков. Забравшись

под баранье одеяло, он вдруг с неопровержимой ясностью понял, что отныне на содержании и в заботах Сергея Баклакова остался один Сергей Баклаков. И единственное, что у него есть, — это комната на берегу Ледовитого океана, дерматиновый чемодан молодого специалиста и трудовая книжка с тремя благодарностями по числу полевых сезонов. Сергей Баклаков встал, умылся, завернул в старую газету альбом с фотографиями и пошел будить сонную тетю Аришу. Он сказал ей, чтобы взяли из вещей, что понадобится. Остальное сожгли. Пешком он пошел на станцию, где останавливались пассажирские поезда. Он шел длинной сельской дорогой через лес и поля. Баклаков знал, что вряд ли вернется сюда, но эти молчаливые ночные сосны, облетевшие березняки, сумрак сжатых полей навсегда останутся с ним, и где бы он ни был, чем бы ни занимался в жизни, за спиной его всегда есть вятская земля и могилы предков на ней.

АЛЬБЕРТ АНАТОЛЬЕВИЧ ЛИХАНОВ

Альберт Анатольевич Лиханов родился в г. Кирове 13 сентября 1935 г. Его детство прошло в годы Великой Отечественной войны. Ребяческая память чутко воспринимала особенности времени, запечатлела людей, окружавших заботой мальшню. Такие впечатления для Альберта Лиханова станут впоследствии живым родником, питающим его творчество.

В 1953 г. Лиханов окончил Кировскую среднюю школу № 16, в 1958 г. — отделение журналистики Уральского государственного университета им. Горького. Уже в студенческие годы он пишет очерки о молодежи, о проблемах молодых рабочих. В г. Кирове в 1959 г. выходит его первая книга «О благородной королеве, золотых зернах и горячих сердцах». После этой книги Альберт Лиханов пробует свое перо в разных жанрах. Он пишет очерки об энтузиастах культурно-просветительной работы, не оставляет тему подростков, обращается к страницам исторического прошлого Вятки. В 1961 г. он опубликовал историческую повесть «Да будет солнце» — о польском художнике Андриолли.

Альберт Лиханов в Кирове активно работал в журналистике. Его помнят как литсотрудника, редактора «Комсомольского племени», с его именем связано появление в Кирове при молодежной газете и писательской организации творческого клуба «Молодость».

Журналистская работа позвала Альберта Лиханова в Сибирь.

В своих произведениях этой поры он старается понять, как происходит становление характера человека. Поэтому многие его повести — это наблюдения, размышления о взаимоотношениях взрослых и подростков. Лиханов находит ту грань, через которую мир детства и отрочества видится не «розово-подслащенным», а со своими проблемами, вопросами, порой с гамлетовским трагизмом «быть или не быть?»

За трилогию «Семейные обстоятельства» (роман «Лабиринт», 1970, повести «Чистые камушки», 1963, «Обман», 1973), а также романы «Музыка» (1971) и «Мой генерал» (1975) Альберт Анатольевич удостоен премии Ленинского комсомола.

В 1970 г. Лиханова принимают в Союз писателей. А с 1975 г. он становится главным редактором журнала «Смена». Работа о детях, о подростках, оказавшихся в беде, лишенных материнского и отцовского покровительства, заставляет Альберта Анатольевича Лиханова возглавить Детский фонд.

Альберт Анатольевич не забывает своих вятских корней, многие его произведения, написанные уже в Москве, пронизаны любовью к нашему городу, к его людям. Он автор-составитель фотоповести о городе Кирове «Семь холмов над рекой» (1976).

Произведения Альберта Лиханова переведены на многие языки, по некоторым сняты фильмы. А. А. Лиханов удостоен Государственной премии имени Н. К. Крупской, международной премии имени Януша Корчака, имени Максима Горького, Бориса Полевого. Лиханов — член-корреспондент Российской Академии образования, директор научно-исследовательского института детства Российского Детского фонда.

ОБМАН

ОРАНЖЕВЫЙ САМОЛЕТ

1

Оркестр заиграл туш, духовики из музыкального кружка весело раздували розовые щеки. Кто-то ткнул Сережу в бок, кто-то шлепнул по плечу — он покрылся испариной, только кончик носа почему-то мерз, вскочил, отбросил со лба светлую челку и побежал к сцене.

Сережа бежал и бежал вдоль рядов, и на него все смотрели, и от музыки, играющей в его честь, и от тугих всплесков аплодисментов, и от яркого сияния многоярусной люстры он как бы потерял себя, не чувствуя ни рук, ни ног, ни тела. Он словно летел туда, к сцене, и полет этот был бесконечным, медленным, тягучим...

Потом он оказался в слепящем свете рамп. Растерянно топтался на виду у всех. Со страхом, как в пропасть, смотрел в зал, шевелящийся и возбужденный. Оборачивался на президиум.

— Первый приз, — наконец сказал главный судья, — вручается Сергею Воробьеву, установившему абсолютный рекорд. Приз и ценный подарок — именные часы — вручает Герой Советского Союза, пилот первого класса Юрий Петрович Доронин.

Аплодисменты загрохотали, как канонада, высокий, толстоносый Доронин протянул Сереже широкую и грубую ладонь, сказал в шуме: «Поздравляю», — и начал давать ему одну за одной кучу грамот — за первое место среди юношей, среди взрослых, от комсомола, за абсолютный рекорд и еще, и еще какие-то, и с каждой грамотой в зале нарастал добродушный смешок, а когда Герой положил коробочку с часами прямо в блестящий кубок, потому что руки у Сережи уже были заняты многими наградами, зал захохотал.

Доронин поднял руку, и стало тихо.

— Ребята! — сказал летчик. — Вот этот знаменитый самолет! — Он поднял вверх оранжевую модель с перебитым крылом, Сережину победу, абсолютный рекорд. — Ее нашли колхозники в лесу за много километров от старта. Но я не о рекорде. — Он повернулся к Сереже. — Мне сказали, что Сергей Воробьев мечтает стать летчиком. Я уверен, он станет им, потому что во всяком стремлении должны быть вера и воля. Сегодня мы празднуем первую Сережину победу. Придет время, и у него, и у вас будут победы поважнее. Стремитесь же к ним!

Сережа бежал обратно, и снова грохотали аплодисменты, отмечая самый радостный день в его жизни.

2

Голова немножко кружилась.

Слава! Фу ты, он ее и не ждал. И не готовился вовсе — она обрушилась, как шквал, как ураган, как ливень.

Впрочем, какая это слава? Случайность! Ведь и не его модель могли подхватить эти невидимые, стремительные, восходящие потоки, прилепить потом, как марку к открытке, к густому, кудреватому облаку с золотистыми краями! И привет! Не страшно, что кончится горючее, что остановится мотор... В общем, просто выигрши по лотерее, слава бывает не такой, слава — это же когда ты сам, сам что-то делаешь... Вот если бы быть там, в модели, если бы управлять ею хотя бы с земли, по радио, тогда другой разговор. А тут... Крутанули колесо, развернули билетик — вам, гражданин, часы и кубок. И стопка грамот.

— По-моему, ты уже зазнался, — говорит Галя, — уже рисуешься!

Она идет впереди Сережи — он ее всю разглядеть может, — черная коса на плече лежит, а когда Галя поворачивается к нему, Сережа смущается и смотрит в сторону.

— Слово самурая! — смеется он. — Знаешь, на каждую модель мы наклеиваем табличку: при нахождении просим вернуть туда-то и туда-то, но, клянусь, никто не думает, что наклейка пригодится.

— А все-таки приклеиваете? — не верит она.

— По правилам так положено, — говорит Сережа.

Он разглядывает удивленно свой оранжевый самолет, отмочивший такой номер, и сам себе не верит.

Когда модель ушла под облако, как водится, стартовал спортивный самолет. Он должен был преследовать ее и преследовал, пока не потерял из виду. Сережа жутко расстроился — ведь он выбыл из соревнований. Но через неделю оранжевую модель привез шофер грузовушки. Он сказал, что модель ему дали в сельсовете, и назвал очень далекое село.

И вот теперь Сережа нес свою птицу с переломанным крылом, разглядывал ее удивленно.

— Вот Доронин! — говорит Сережа восхищенно. — Это да! Человек! Вражеский самолет таранил!

— И все-таки у твоего Доронина, — спорит Галя, — славы меньше, чем у той же Дорониной, у артистки. Ты прямо смешной! Времена другие!

Другие, соглашается про себя Сережа. Ведь этот герой Доронин теперь на «кукурузнике» летает, на четырехкрылой этажерке. А когда-то немцев таранил! Но с Галей он спорит:

— Допустим! Все, допустим, относительно! Но тогда нельзя так спорить! Ведь в ответ я скажу, что твою Доронину не сравнить с Гагариным.

— К старости, — Галя весело рассматривает Сережу, — ты, наверное, станешь жутким сухарем. — Она машет рукой. — И, уж, конечно, будешь технарем!

— Буду, — соглашается Сережа, — для авиации гуманитарного образования маловато.

Он кивает Гале и, улыбаясь, ждет, пока ее скроет поворот. Галя оборачивается, улыбается тоже, и ему легко и радостно на душе.

3

Сережа входит в комнату, и его сразу оглушает самодельная музыка.

— Трууу-ру-ру-ру-ру-ру-ру! Ру-ру-ру-ру! Трууу-руу-у-у-у!

Мама трубит в свернутый журнал, Олег Андреевич играет на расческе, тетя Нина стучит ложками по блюду.

Сережу слепит крахмальная скатерть, золотистая пробка на толстой бутылке.

— Итак, — говорит Олег Андреевич, — торжественный банкет считаю открытым!

Он в милицейском мундире, на погонах — майорская звезда.

Сережа кладет на пол свою замечательную модель, гости разглядывают грамоты, часы, кубок.

— За удачу, — говорит Олег Андреевич. — За чемпиона!

Пробка жахает в потолок, шампанское гибкой струей выливается из горлышка. Ему наливают тоже — самую капельку, на дне, Сережа смакует сладкую шипящую водичку, похожую на компот, крутит завод у первых часов, надевает на руку, проверяет время у Олега Андреевича, радио включает — пора.

Все никак не может наудивляться Сережа этим чудесам.

Вот мама возле него сидит, с тетей Ниной разговаривает, папиросу размягчает, в пальцах вертит — и в эту же минуту по радио говорит.

Про колхозы, как там хлеб сеют и кто впереди. Про заводы, какие у кого дела. Или рассказ какой-нибудь, под музыку. Сереже больше всего нравятся рассказы и стихи. Их мама читает как-то особенно. Неторопливо, плавно так. Словно артистка.

Лично он, Сережа, разницы между мамой и артисткой совершенно не видит. Только артистка на сцене выступает, а мама — по радио. Но чем диктор хуже артистки? Ничем. Вон летом, когда мама в отпуск уходит, вместо нее артистки разные работают. «Подрабатывают», — мама говорит. Так у них в сто раз хуже получается. Про картошку, например, говорят и уже так декламируют, будто из самостоятельности только что высочили. И голоса скрипучие какие-то.

То ли дело у мамы.

Вот разговаривает она тут, дома, с тетей Ниной, и голос у нее хрипловатый, даже грубый. А по радио совсем иначе звучит. Красиво, сильно. Тетя Нина говорит: «контрастно».

Тетя Нина вообще про маму хорошо говорит. Что она — настоящий талант. Что ничем не хуже московских дикторов. Что живи мама в Москве, она бы там давно заслуженной артисткой стала. Дают же дикторам такие звания.

Мама на тетю Нину машет рукой.

— С такой-то харей! — говорит. Мама вообще говорит грубо. Грубые словечки выбирает зачем-то. Это ей не идет, она совсем другая. Она, когда с Сережей одна остается, совсем другие слова выбирает. Добрые и ласковые. А тут повторяет: — С такой-то харей!

— При чем тут лицо! — возмущается тетя Нина. — Знаешь поговорку: по одежке встречают, а по уму провожают.

— Какой у меня ум! — не соглашается мама.

— У тебя — поважней красоты и ума, — отвечает тетя Нина. — У тебя талантливый голос. Такое на дороге не валяется.

Сереза вскакивает, тянется к динамику, вкручивает его на полную громкость. Мельком видит себя в зеркале, видит, как блестят, как светятся радостью глаза: он тетю Нину хочет поддержать, хочет показать, какая талантливая мама. Он говорит гостям:

— Давайте послушаем, мама читает.

Сереза ждет, что мама скажет что-нибудь грубоватое, как-нибудь нехорошо про себя пошутит, но она молчит, только недоверчиво усмехается. А по радио говорит про колхозников, про то, как они работают на полях. Из-за маминого голоса выплывает музыка. Сначала тихо, потом громко и опять потише. В динамике что-то щелкает. Сереза выжидающе смотрит на Олега Андреевича и на тетю Нину. Сейчас они будут хвалить маму. Но они молчат.

— А ты говоришь — талант! — смеется мама. — Все мы тут таланты. — И вдруг взрывается, вскакивает даже. — Да разве можно это талантливо прочесть? Что там сделаешь! Ну ответь, ты же понимаешь!

Мама кричит на тетю Нину, словно в чем-то ее обвиняет, а Сереза растерянно хлопает глазами — ведь он хотел как лучше.

— Но, Аня, — рассудительно отвечает тетя Нина, — ты знаешь лучше меня, талантливую вещь прочесть талантливому диктору легко, разве не правда? И ведь куда сложнее талантливо прочесть обязательные материалы.

4

Мама курит папиросу, думает о чем-то сосредоточенно, потом говорит:

— Ладно, выпьем!

Она разливает вино по рюмкам, поднимает свою, говорит Олегу Андреевичу:

— Можно, я тост скажу?

— Можно!

— Тост у меня только свой будет, бабий, не обижайся, — говорит мама, — но и вас, мужиков, касается, потому что куда мы без вас-то, одни...

Она молчит минутку, Сережа смотрит на маму: что она скажет, интересно? Про себя? Про талант? Про тетю Нину?

— Ну так вот, — говорит мама, глядя на тетю Нину, — выпить надо нам с тобой не за талант, не за красоту, не за ум. А за бабье счастье, понимаешь? За тебя, Нинка, потому что счастье это у тебя есть. И за меня, потому что у меня его нет... Но будет!

Сережа понимает, что мама немного опьянела, он принимается пристально глядеть на нее, чтобы она заметила его взгляд, чтобы поняла, сдержалась... Мама всегда его понимала, даже без слов. Но теперь она не замечает Сережу.

— Ничего нам не надо, Нина, кроме дома, кроме мужа и детей.

В глазах у мамы блещут слезы, Сережа не выдерживает, подходит к ней, обнимает сзади за плечи.

Мама вздрагивает, смахивает слезы, пьет вино, берет Сережу за руку, притягивает к себе, заглядывает ему в глаза.

— Открою я тебе секрет, Сергунька, — говорит мама и просит вдруг: — Пойми, если сможешь.

— Ну что ты, мам, что ты, — бубнит Сережа, думая, что это из-за вина она прийги в себя не может.

— Не говорила долго, боялась сказать, да и еще не сказала бы, может, но вот Нина здесь, Олег Андреевич, не так страшно... — И вдруг словно ударила: — Замуж я выйду скоро, Сергунька.

— За кого? — спрашивает он машинально.

— За Никодима, — говорит мама и поправляется: — За Никодима Михайловича. Приезжает он.

— Закончил курсы? — спрашивает тетя Нина.

— Закончил, — говорит мама. — На днях приезжает.

Будто торопясь, Олег Андреевич наливает вино в рюмки, поднимает свою.

— Ну, так за вас, Анна Петровна, — говорит он.

— За тебя, Аннушка. — Тетя Нина вскакивает со стула, подходит к маме, обнимает ее, и обе они плачут.

Скрипит дверь, в щель сперва вкатывается голубой грузовичок, потом просовывается красная сандалия, а затем появляется весь Котька, тети-Нинин сын.

— Папа, — говорит он Олегу Андреевичу без всяких предисловий, — а кораблям очень опасно северное море, там снайберги.

— Что, что?

— Такие ледяные горы.

— Айсберги?

— Ну да, снайберги.

Все смеются. Сережа улыбается тоже. Потом берет чайник и выходит на кухню.

Из кухни дверь ведет на улицу. На двери с тугой пружиной висит объявление, намертво приклеенное соседкой. Сережа знает его на память: «Прозьба ко всем гражданам когда ходите двери задерживайте не хлопайте а то у меня голова разламывается и мозги вылетят».

Он идет по двору, не замечая ничего вокруг, и в такт шагам повторяет про себя объявление — со всеми ошибками:

«Прозь-ба ко всем граж-да-нам... а то у ме-ня го-ло-ва раз-ла-мы-вает-ся... моз-ги вы-ле-тят».

Слова тупыми ударами отдаются в висках...

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин родился 7 сентября 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области. После окончания средней школы в 1957 г. работал слесарем по ремонту сельхозтехники, а позднее — сотрудником районной газеты. С 1960 по 1963 гг. служил в армии, после учился в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской, окончил в 1967 г. факультет русского языка и литературы.

В Москве В. Н. Крупин работал преподавателем в школе, редактором и сценаристом литературно-драматической редакции Центрального телевидения. По его сценариям вышло 26 передач. С 1971 по 1976 гг. Крупин — редактор, зам. заведующего редакцией прозы издательства «Современник».

В. Н. Крупин начал писать статьи, заметки, рассказы еще в школе. Он вспоминает: «Писал я очень много в газеты — областные, районные. Публиковали редко, но это не останавливало». В 1970 г в журнале «Сельская молодежь» был опубликован первый

рассказ Крупина «Полонез Огинского», а в 1974 г. вышла первая книга прозы «Зерна» (Москва, 1974). Повести, рассказы, стихи, очерки, статьи В. Н. Крупина публиковались в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Новый мир», «Москва» и др., в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Литературная газета». Он автор 26 книг, по его произведениям поставлены спектакли, снят фильм «Сам я вятский уроженец» по повести «Живая вода».

В. Н. Крупин был главным редактором журнала «Москва». Он преподавал в Литературном институте им. Горького. Избирался в Секретариат правления Союзов писателей СССР и РСФСР, награжден орденом Дружбы народов.

ЯМЩИЦКАЯ ПОВЕСТЬ

(Отрывок)

**...действительность не так слабо
нервна, как драматические писатели,
она идет до конца.*

Герцен

Деньгами Прон не сумел распорядиться, своей станции не занимал, правда, купил взамен загнанного коренника жеребца той же крови, на нем и ямщичил.

Прона отличили, держали для фельдпочты. Был он на пергоне Уржум — Шурма старшим. В семнадцатом году в декабре, как раз когда в Вятскую губернию пришла советская власть, Прон женился. Даже на свадьбе не выпустил Прон из рук вожжи, сам правил тройкой — вороным коренником и каурыми пристяжными. «Не боишься?» — кричал он невесте. «Нет», — отвечала она и застенчиво смеялась.

Оружие у Прона при новой власти отобрали, секретную почту возить не доверили, пересадили на ямщицкие козлы.

Пошел Прон в монопольку, брякнул столыпинскую десятку, которую называл рублем, напоил ямщицкую братию, кнут за пояс — и в гоньбу. И гонял всю зиму и весну восемнадцатого года.

В начале лета, накануне того дня, когда Анатолий убил заразную шарьгинскую лошадь, к Прону явились с обыском. Ничего не нашли, требовали почему-то золотой столыпинский червонец, как будто он был меченый. Прон не сдержался, погнал милиционеров взащей. Милиционеры его не забрали, но поколотили крепко, здоровья убавили.

Прон пришел на почтовую станцию в Шурме, сбросил с тарантасов кожаные мешки с почтой, собрал ямщиков и договорил их бросить ямщину, разойтись по домам. Ямщики все были деревенские, согласи-

лись. Во-первых, болело сердце о незасеянной земле, а домой не отпускали даже на день: связь по тракту требовалась непрерывная; во-вторых, Прона слушались.

Прон в свою деревню поехал пока без жены: беременна. Но поехал не один, взял с собой Сеньку Бакшаева, прибывшегося этой весной к ямщикам и которому идти было некуда.

На станции они застали Якова, пошли вместе с ним в дом.

Яков сказал, что председатель спит в клетке. Прон, злой на все начальство, пошел и запер его. Потом вернулся в избу. Объявил Якову, что распустил ямщиков. Яков испугался и сказал осторожно:

— Бога бойся, Пронька.

Прон вскочил, отлягнул стул, стол качнулся. Сплеснулась брага из полных стаканов, повалилась набок штенная из лыка солонка.

Яков, опасаясь, остановил брата:

— Не ори. Я для сдержки.

— Не ору, — ответил Прон и подошел к окну. О стекло билась черная муха. Прон, руки еще тряслись, поймал ее, оторвал крылья... «Жить будешь, летать перестанешь», — сказал он и лбом уперся в белый от старости оконный переплет».

У екатерининской версты, в пыли, спала Анька-дурочка. Вековые березы чернели сквозь обвисшие ветви коростами черной коры. Под окном сидел Сенька Бакшаев, рассматривал взятые им в конторе председателины часы, пел одну за другой частушки:

Кабы не было муки, не было бы теста,

Кабы не было жены, не было бы теста.

Прон отдернул шпингалет, толкнул от себя раму.

— Чего распелся?

Сенька спрятал часы, повернулся, посмотрел на Прона:

— С тоски.

— Ну, ори, — Прон поставил на место солонку, рукавом подтер пролитую брагу.

— Так ты чего говоришь, Яша?

— Бога, говорю, бойся.

— А я боюсь, — сказал Прон. — Боюсь. Дополни, сплеснулось.

Яков вытянул затычку, отер горло бутылки рукавом.

— Сенька, хочешь выпить? — крикнул Прон.

— С дорогой душой! — откликнулся Сенька.

— Иди сюда. Кто поумнее, тот лучше выпьет, чем в церковь идти. «Иди молиться!» — «Спина болит». — «Пойдем в кабак». — «Погоди, обо-локусь, да как-нибудь доволокусь». — Прон добавил зло, без усмешки: — Дураки люди. И хорошие тоже дураки. Все чего-то делают, возятся. Я ям-шину бросил, толмачу мужикам: папите, дураки, сейте, подохнете без земли.

— Как бы тебе боком не вышло, боюсь. Самое такое время и — связь оборвалась. Это ты ведь, считай, всей Сибири глотку перехрыпал. Мятаж снизу, слышал?

— Слышал. А кто бы ни шел, никто за нас пахать не придет.

Пей! — приказал Прон вошедшему Сеньке.

Тот взял стакан, выпил. Налил, не спросясь, другой.

Прон перехватил осуждающий взгляд Якова.

— Пусть пьет.

Сенька выглотал и второй стакан, похвастался:

— Меня без подножки и пьяного не свалишь.

Прон тоже выпил, отодвинул стакан.

— Часы верни. Я тебя взял не воровать, а работать.

Сенька заикнулся было, но спорить не стал, достал и положил на стол часы Анатолия.

— Попили со встречи, — сказал Прон. — Перекур. — Он стал надевать рубаху.

— Не будут сеять, — сказал Яков, — бояться. Председатель по-свое-му разделил, Шарыгина вшестеро против прежнего урезал.

— Захарка не сдохнет, — отозвался Прон. — Переделывать не бу-дем.

— Ах, ты! — вдруг вспомнил Яков. — Коней-то у Шарыгина убави-лось, забыл рассказать.

3

Заскрипели доски крыльца, стукнуло кольцо, дверь открылась. Во-шел мужик, босой, в портяных штанах, в черной грязной рубахе. Перекре-стился на передний угол, снял зимнюю шапку.

— Подайте, Христа ради.

— Прежде чем креститься, шапку снимай, — заметил Яков. Однако взял каравай хлеба, прижал левой рукой к плечу, провел рез, снял с каравая ломоть, хотел отсечь половину.

Прон покосился:

— Целый дай.

Яков подал. Мужик опустил ломоть в торбу, потом вдруг достал ее обратно, откусил и снова спрятал. Прожевал, слотнул.

— Дай бог всем вам жену здоровую, сестру богатую. Попить бы... водички хоть.

Сенька наклонил булькнувшую горлом бутылку, налил браги. Нищий, торопливо крестясь, стуча пятками, подбежал и, не закончив крестного знамения, схватил стакан и выпил.

— Сапоги где спрятал? — спросил Прон.

Мужик подавился последним глотком, закашлялся.

— Не в то горло пошло, — объяснил он.

— От жадности, — вставил Яков.

— Редко ведь видим красоту-то, — оправдывался мужик.

— Ну, убогий, — повторил Прон, — сапоги, говорю, где?

Нищий вытер бороду, еще кашлянул, отступил к порогу.

— Да ведь и вы без обуви, Прон Яколич.

— Знакомый, что ли? — спросил Сенька.

— Нет.

Нищий оскалился, сдвинул мешавшую ему торбу за спину.

— Как уж и не знать мужицкого заступника.

— Сапоги где, спрашиваю? — Прон встал.

— Что ты к нему привязался? — одернул Яков, убирая от Сеньки и ставя на пол бутылку. — Прон! Не беленись. Не веди, господи, принять, веди, господи, подать.

Нищий пятился к выходу. Прон схватил его за рубаху, вернул к столу.

— Разве не видно, что босиком не умеет ходить. — Он взял мужика за ногу, как берут за ногу лошадей, собираясь перековывать. Мозоли не

натер. Не стыдно побираться? — Он хлопнул мужика по животу, тот согнулся, икнул. — Нищий! Тебя легче перепрыгнуть, чем обойти. — Повернул мужика спиной, пощупал торбу, изумился:

— Один кусок только подали? С краю шел?

— От краю, от краю, — подтвердил мужик.

— Врешь! — сказал Прон. — До середины дошел, только один кусок. Нигде не подали?

— Сразу сжирал! — захохотал Сенька. — Дай я его, Прон, в соху запрягу.

— Откуда? — спросил Прон.

Нищий, не ответив, огрызнулся от Сеньки:

— Себя запрягай, — и повернулся к Прону: — Возьмите к себе, Прон Яковлев.

— Куда к себе? В работники? Не держу. Свое сам обработаю. Дом-то твой где?

— Нету, — нищий потупился. — Все отобрали, проклятые... — Он замялся.

— Не знает, на кого соврать, — засмеялся Яков. — Скажет, старая власть, а вдруг мы за нее, скажет, новая — да опять не попадет.

— Морду бережет, — высказался Сенька.

За мужиков хочу стоять! — Нищий поднял голову.

— Стой, кто тебе мешает. — Прон вернулся к столу.

— А где же твои ямщики, Прон Яковлев? — поинтересовался нищий.

Яков, боящийся обострения, сказал нищему:

— Совесть бы имел. Подали, выпил и иди с богом.

— Где ты нынче совесть-то нашел? У кого? — спросил нищий.

— Сейчас найду, — пообещал Прон.

4

Сенька догнал нищего, уходящего от дома по задворкам. Пугая, дернул его за торбу. Нищий судорожно повернулся, увидел Сеньку и совсем не испуганно крикнул:

— Ну-ка, цыц!

— Чего цыц, чего цыц? Ходишь, высматриваешь, где бы чего спереть.

Нищий, ничего больше не говоря, шел своей дорогой. Сенька озлился, схватил за рукав:

— Ну-ка, пойдём!

Нищий выдернул рукав из рук Сеньки, свел редкие желтые брови.

— Пойдем, пойдём! — повторил Сенька. — Дождешься у меня! То же, в такую мать, нашлась нищета.

Нищий оглянулся на дом Толмачевых и вдруг сильно ударил Сеньку ребром ладони выше ключицы. Сенька захлебнулся, опрокинулся на сухую пашню, примял редкие, поздно просекшиеся всходы картофеля.

— Ты ведь нездешний, — сказал нищий.

— Ямщикил я, — говорил Сенька, отодвигаясь и вставая на ноги. — Ты тоже, размахался. Я тебя трогал? И я могу.

— Прон в самом деле один? Где ямщики?

— Прон велел тебя проверить, — торопливо оправдывая себя, говорил Сенька. — Я разве бы стал. Нищий и нищий.

— Где ямщики?

— По деревням.

— Почтовые лошади где?

— С ними, где еще!

— Вот что, — сказал нищий. — Смажь запятки да уматывай отсюда.

Сенька, испугавшись, заговорил совсем по-другому:

— Хошь, я тебе еще хлеба принесу? — уверяя тем самым, что принимает мужика за настоящего нищего.

— И этим-то подавись, — ответил мужик, вытряхивая торбу. Надкушенный кусок хлеба, цветом похожий с землей, упал в борозду. — Скажешь Прону: не догнал!

Нищий пошел под гору к реке. Пустая торба хлопывала его по ляжке. От реки нищий повернул к тракту и по пешеходной тропинке рядом с трактом направился в сторону Шурмы.

Сенька сплонул, выматерился. Снял и встряхнул испачканную рубаху.

Носились стрижи. Парило. Над землей струился прозрачный жар. Казалось, земля горит бесцветным пламенем.

АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ГРЕБНЕВ

Анатолий Григорьевич Гребнев родился 21 марта 1941 г. в с. Чистополье Котельничского района Кировской области. Отец его погиб во время Великой Отечественной войны. Мать в эту трудную пору подняла большую семью, дала детям возможность получить образование.

А. Г. Гребнев окончил Пермский медицинский институт, несколько лет работал участковым врачом в с. Кичма Советского района Кировской области. В это время он один из активных членов литературного клуба «Молодость». Его стихи публиковались в коллективных сборниках в Перми, где он учился, в сборнике «Вятские зори», в «Комсомольском племени», «Кировской правде», в сборниках «Молодость». Он участвовал в областных семинарах молодых поэтов.

Первая поэтическая книга А. Г. Гребнева «Приволье» вышла в Перми (1972). В 1976 г. Анатолий Григорьевич заочно окончил Литературный институт им. Горького.

Теперь Гребнев живет в Перми. Он автор поэтических сборников, выходящих в Кирове, Перми, Москве. Последняя книга «Храм» (Москва, «Советский писатель», 1991 г.) выпущена при содействии Фонда славянской письменности и славянских культур.

Член Союза писателей России.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

В. К.

Помнишь, друг,
Как в родимом краю
Запевали застольем, бывало?
Подтяни мне,
А я — запою,
Как в родимом краю запевали,
Ты подтянешь,
А я — разойдусь,
Подголоском рванусь,
Замирая, —
Чтоб живая услышалась Русь
В этой песне из нашего края!
Чтоб ударила крепче вина
Буйной удалью,
Черной кручиной.
Нам, как матерь, —

навски она —

С колыбели до часа кончины.
И душа перед ней не вольна —

Вместе с песней далеко уходит,
И слезой закипает со дна,
И любовью,
И мукой исходит...

* * *

В апрельской роще пахнет октябрём.
В ней так светло, безлиственно, свободно.
И под моим промокшим сапогом
Октябрь шуршит листвою прошлогодней.
Но как пост восторженный скворец
Не о конце — о солнечном начале!
И только я да голый это лес
Не отличаем радость от печали.

* * *

Вон парнишка бежит босиком
Дальним полем, тропой луговойю.
Он с былинкою каждой знаком,
Золотой весь от солнца и воли.
Это я — на заре бытия —
Мне понятны и глуби, и выси,
Птичий щебет и пенье ручья,
Трав и листьев зеленые мысли.
За привычным и зрелым трудом
И за поиском призрачных истин
Мне всю жизнь будут сниться потом
Этот луг,
Это солнце
И листья...

ВАЛЕНТИНА АБРАМОВНА КОРОСТЕЛЕВА

Валентина Абрамовна Коростелева родилась 18 ноября 1942 г. в г. Кирове. Окончила вечернюю школу, поступила на завод им. Лепсе, затем работала в многотиражных газетах, училась в Кировском пединституте, занималась спортом. В. А. Коростелева была членом клуба «Молодость». Ее стихи публиковались во многих сборниках: во втором и третьем сборнике «Молодость», «Вятка», «Встречи», в журналах «Молодая гвардия», «Работница», «Юность», «Смена», «Волга» и др.

В 1971 г. В. В. Коростелева окончила заочное отделение Литературного института им. Горького. В 1976 г. вышел ее первый сборник «Мартовский снег» (Горький). Годом позже в Москве в издательстве «Современник» вышла книга ее стихов «Синее утречко».

С 1982 г. В. А. Коростелева живет в подмосковном городе Солнечногорске. Она автор нескольких поэтических книг: «Не только звезды» (Киров, 1980), «Краснояр» (М., 1986), «Хлеб и мед» (М., 1990), «Солнце сентября» (Киров, 1992), «О, эта встреча!..» (М., 1993).

В. А. Коростелева — член Союза писателей России.

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

Солнце выплывет да оглянется,
Глубоки снега зарумянятся.
Ах, снега ль вы мои роскошные,
Ничего-то в вас нету прошлого.
Все в вас русское да манящее,
Удивительно настоящее!
Все в вас чистое да глубокое, —
И душа моя вьется соколом...
Рассверкались как! И не знаете,
Что в последний раз так пылаете...

У СТЕН МОНАСТЫРЯ

Смотрятся башни в озера,
Шепчет о чем-то листва...
Путник достигнет не скоро
Тайные эти слова.
В воздухе — смутные были,
Церковь сияет, бела.
Главное — праздники были,
Главное — вера была.
Новые нынче дороги,
Новые дали — для глаз...
Что же так прямо, так строго
Смотрят святыни на нас?

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА СМЕРТИНА

Татьяна Ивановна Смертина родилась 2 декабря 1948 г. в с. Сорвижи Арбажского района Кировской области. В этом селе на берегу Вятки прошло ее детство, там зародился поэтический талант. Родная природа, традиции вятской глубинки дали толчок к пристальному осмыслению своего предназначения. Татьяна Ивановна окончила Литературный институт имени А. М. Горького в 1974 г. В 1972 году появляются ее первые поэтические публи-

кации в журнале «Юность», но, конечно же, самые первые шаги в поэзию были сделаны в местной печати.

Татьяна Смертина — автор более десяти поэтических сборников. Ее первый сборник «Ягодиночка» («Советский писатель», 1976 г.) открыл «застенчивый мир девичьей души», в котором слились «провинциальная» непосредственность и жажда возвышенного.

С 1979 года Татьяна Смертина — член Союза писателей России. Она удостоена нескольких премий Ленинского комсомола, журналов «Смена», «Советская женщина», стала лауреатом поэтических конкурсов, проводимых «Литературной Россией», «Литературной газетой», а также конкурса имени Николая Островского.

Сейчас Татьяна Смертина живет в Подмоскowie, но связь с родными местами не прерывается, она часто бывает в Арбажском районе, выступает перед своими земляками. Ее стихи звучат по местному радио, публикуются в периодической печати. Сменив место жительства, Татьяна Ивановна Смертина не сменила «прописки своей души».

* * *

Солнце качалось
На лапах словых.
А внизу мы смеялись,
Двое.
А потом про меня
Наши бабы
Говорили что-то
Плохое...
А потом кукушка
Кричала,
Ельник эхом вторил:
Ку-ку!
Сколько лет она обещала
Быть несчастной
Мне на вку?
Вот беду на меня
И накликала.
В это летечко,
Лето сухое,
Тонкой веточкою
Поникла я,
Так и высохла вся от горя.
Дождь мне в листья —
Раскосыми нитками,

Серым-серым дождем
Земля выгкана.
Травы стелются,
Расползаются,
А кукушка кричит,
Надрывается.
Прошло летечко,
Лето сухое...
Никогда не придут сюда
Двое.
Дождь опутал
Еловые лапы...
Что вы сделали,
Глупые бабы!
Все забылось,
Что вами рассужено,
Только... милый
Не мой уже суженый...
В мокром ельнике,
Там, на суку,
Бьется, мечется эхо:
Ку-ку!..

* * *

Веники, бадесочки
В бане на скамеечке.
Жар малинный в тело врос...
Звон ковшей! И сходу
Копны спелые волос
Девки сыплют в воду.
То не молнии, не грозы
По снегам чистейшим —
То пошла гулять береза
По плечам нежнейшим.
И к сосновым потолкам
Пар густой клубится,
По коленям, по бокам —
Всполохи-зарницы!
А потом, как дух ожгло,
Да по девке томной —
Ледяное серебро
Из кадушки черной!
Привыкай, чтоб с головой
Так в любви не стинуть!
Ведь в любви — пылать душой
И до инья стинуть.
Обовьет чело фатой?
Дегтем ли обмажет?
Долго девичью никто

Сроду не предскажет.
А пока — мечта святая,
Мир у ног весенний!
И летит светлынь-вода
Звездочно с коленей!

РУСЬ ОБАГРЕННАЯ

Россия, Родина, Святыня!
Мой родниковый перезвон...
Трава русалья, тишь малинья,
И русский дух, и предков сон...
Здесь думы вещие о хлебе,
И шелест росного овса,
А клин гусей печальных в небе —
Как нож, вонзенный в небеса!
Ах, эта боль... Зачем нам сила
Дана
Ту боль перемогать!
Язык у колокола вырван —
И не восплакать, не вскричать.
Звезда лишь помнит те туманы,
В них раскулаченный бедняк
Рыдал по-детски за гумнами,
Сжимая горсть земли в кулак.
Не потому ль березы эти
Текут листвою в траву весь день
И горько отпевает ветер
Число погибших деревень?
Не потому ли утром синим
Разбился о тропу птенец,
И на есенинской рябине
Не заживает ран багрец?!
Не потому ль холмы, поляны
Волнятся, стонут в этот миг —
Что помнят взорванные храмы,
И чуют чад сгоревших книг?
Славяне, русичи...
Да что же?
От чьих мы гибнем рук?
Пусть будет жив наш край,
Пусть множит
И слово русское и дух!
Но... снова посреди России,
В том обезглавленном бору,
За горло речку у-да-ви-ли!
Как русокосую сестру...

(В ночь на день рождения
Сергея Есенина — 3 окт. 1988 г.)

ХРОНИКА СОБЫТИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ВЯТКИ

С. П. Кокурина

XVII в. — 1994 г.

- XVII в. — в 60-е гг. в г. Хлынове составлено первое известное рукописное литературное произведение «Житие и подвиги и отчасти чудеса преподобного отца нашего архимандрита Трифона, Вятского чудотворца и начальника обители Успения Пресвятой Богородицы, что в Хлынове», напечатано в Вятке в 1881 г.
- Конец XVII — легенды о возникновении городов на Вятке, имеющие историческую основу, приобрели литературное оформление в летописях «Вятский временник», «Повесть о стране Вятской», «Летописец старых лет».
- начало XVIII вв.
- 1733 — появление в Хлынове Л. Горки, епископа, известного просветителя петровского времени, драматурга, основателя славяно-латинской школы для детей духовного и светского звания, преобразованной в 1758 г. в духовную семинарию — центр вятской поэтической школы.
- 1741 — профессор славяно-латинской школы М. Е. Финицкий составил учебник, где поместил латинские стихи в переводе Л. Горки и автора учебника.
- 1765 — первый русский доктор медицины, выпускник Вятской духовной семинарии К. И. Щепин прислал в подарок землякам — жителям с. Молотниково (около г. Котельнича) — «Библию» с автографом, которая до сих пор хранится на Вятской земле.
- 1772 — в Санкт-Петербурге напечатано первое вятское литературное произведение «Поэма... разговор Марса, Нептуна и Росса представляющее» А. Н. Серебrenикова, выпускника Вятской духовной семинарии, учителя грамматики.
- 1778 — книга «Сатирические забавные и нравоучительные эпиграммы, сочиненные в городе Хлынове Вятской семинарии префектом Антоном Поповым» вышла в свет в Санкт-Петербурге (СПб). В 1786 г. появилось второе издание сборника эпиграмм.
- 1780 — в Москве свои переводы Апулея («Золотой осел») напечатал

выпускник Вятской духовной семинарии Е. И. Костров. В 1787 г. он закончил перевод первых шести песен поэмы Гомера «Илиада». По переводам Кострова русский читатель впервые познакомился с этими произведениями.

- 1790 — в ноябре А. Н. Радищев проезжал Вятскую губернию по пути в сибирскую ссылку, в 1797 г. он возвращался водным путем. Дорожные впечатления выразил в бытовых очерках — «Записки путешествия в Сибирь» и «Дневник путешествия из Сибири».
- 1826 — в апреле вышел первый вятский рукописный сатирический журнал «Хлыновский наблюдатель». Издатель его — П. Л. Яковлев, знакомый А. С. Пушкина, ревизор межевой конторы в Вятке. Было выпущено 23 номера, журнал хранится в СПб в Российской национальной библиотеке;
— 20 ноября в Вятке был открыт клуб «Благородное собрание». 6 декабря 1837 г. здесь, в связи с открытием публичной библиотеки, А. И. Герцен произнес свою знаменитую речь — пламенный гимн книге и просвещению. В 1849 г. «Благородное собрание» вновь было возрождено. Среди учредителей клуба был М. Е. Салтыков-Щедрин. В конце XIX в. клуб стал называться «Общественным собранием», имел хорошую библиотеку, был очень популярен. В его залах часто выступали приезжавшие в Вятку писатели и лекторы.
- 1827 — по пути на сибирскую каторгу через Вятскую землю провезли почти всех декабристов. В октябре в Вятке побывали друг А. С. Пушкина И. И. Пущин и писатель А. А. Бестужев-Марлинский. В декабре 1849 г. через Вятку в сибирскую ссылку проследовал Ф. М. Достоевский.
- 1835 — 19 мая в Вятку прибыл А. И. Герцен. В вятской ссылке находился до 29 декабря 1837 г. Он работал переводчиком в губернском правлении, в статкомитете, участвовал в устройстве выставки, открытии публичной библиотеки. Пять глав «Былого и дум» посвятил Вятке.
- 1836 — в июне во втором томе пушкинского журнала «Современнику» напечатаны произведения вятчан — «Записки кавалерист-девицы Н. А. Дуровой» и статья А. И. Емичева «Мифология вотяков и черемис».
- 1837 — в мае г. Вятку посетил поэт и переводчик В. А. Жуковский. Здесь он познакомился с А. И. Герценом. 27 января 1983 г. состоялся литературный вечер, посвященный 200-летию со дня рождения поэта. О пребывании В. А. Жуковского на Вятской земле рассказал писатель Е. Д. Петряев. Художник О. А. Колчанова представила свои иллюстрации к балладам поэта, артисты театров прочли его стихи. Была оформлена большая книжная выставка;

- в декабре в губернской типографии, которой руководил ссыльный К. Ф. Шапалинский, учитель Н. В. Гоголя, была напечатана речь А. И. Герцена на открытии Вятской публичной библиотеки — первое вятское печатное литературное издание. В 1987 г. Всесоюзное добровольное общество любителей книги выпустило факсимильное издание «Речи», ставшее библиографической редкостью.
- 1838 — 1 января начали издаваться «Вятские губернские ведомости». На страницах первой вятской газеты освещалась литературная жизнь края, печатались произведения местных и столичных литераторов. В той или иной мере это выполняли и выполняют все периодические издания края.
- 1848 — в мае началась вятская ссылка М. Е. Салтыкова-Щедрина, длившаяся до декабря 1855 г. В течение семи лет служил он в канцелярии присутствия чиновником особых поручений, советником губернского правления. В Вятке создавались первые наброски «Губернских очерков», изданные в 1857 г. Они стали литературным итогом вятских наблюдений писателя.
- 1859 — в Вятке открылась «академия нигилистов» — частная библиотека А. А. Красовского. Библиотека имела специальный раздел: «Писатели, родившиеся в Вятской губернии», читальный зал украшали литографированные портреты В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, фотографии И. А. Гончарова, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, А. А. Фета и др. Книги присылались из СПб по рекомендациям Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского. Особое внимание обращалось на периодические издания, попадали сюда «Колокол» А. И. Герцена и др. запретные источники. Закрыта библиотека была осенью 1866 г.
- 1861 — 27 февраля в «Благородном собрании» Вятки состоялся первый литературный вечер, который организовали П. А. Зубов, П. В. Алабин, В. А. Кандауров, Я. Г. Рождественский. Сбор средств с вечера пошел на сооружение памятника А. С. Пушкину в Москве. В год 150-летия со дня смерти поэта, в феврале 1987 г., в этом же здании (ныне птоз) состоялся памятный вечер.
- 1865 — в сл. Кукарке (ныне г. Советск) учителем Поповым был проведен первый в России литературный вечер, посвященный М. Е. Салтыкову-Щедрину. В память о пребывании в Вятке в 1869 г. писатель прислал губернской публичной библиотеке собрание своих сочинений. В январе 1883 г. он послал в г. Котельнич И. Н. Кошурникову список своих книг с указанием цены и места выписки;
- в ноябре в г. Яранске состоялся литературный вечер, читались стихи Н. А. Некрасова, которые звали к свету, добру, свободе. В 1869 г. писатель подарил Вятской публичной библиотеке четыре тома своих только что выпущенных стихотворений.

- 1867 — в январе столичный журнал «Женский вестник» напечатал статью М. Е. Селенкиной (Мышкиной) «Мирные сцены в мирном городе» (повесть «Семейное счастье»). Вятская писательница переписывалась с М. Е. Салтыковым-Щедриным, Н. А. Некрасовым, В. Г. Короленко. Дом Селенкиной много лет был подлинным клубом разночинцев. Литературной работой она занималась до конца своих дней.
- 1869 — житель сл. Кукарки (ныне г. Советск) А. Д. Вшивцев вел переписку с И. С. Тургеневым, который послал ему свои книги и фотокарточку.
- 1873 — в Москве был издан первый школьный учебник родиноведения «Ученые — свет» вятского священника, педагога, литератора и статистика Н. Н. Блинова с вятскими рисунками В. И. Порфирьева. Второе издание вышло в 1884 г. в Вятке. Н. Н. Блинов — составитель первой удмуртской азбуки «Лыдзон», напечатанной в 1867 г.
- 1877 — в марте вышел первый сборник сатирических статей и очерков «Вятская незабудка». Главным редактором и издателем альманаха был Ф. Ф. Павленков, с июля 1869 по декабрь 1877 г. отбывавший вятскую ссылку. В июне 1877 г. появляется второе издание сборника, а в феврале 1878 г. издана третья книга, которая была запрещена и уничтожена. В областной научной библиотеке им. А. И. Герцена хранятся все три выпуска «Вятской незабудки».
- 1879 — с мая по февраль 1880 г. в вятской ссылке находился В. Г. Короленко, сначала в г. Глазове, затем в Березовых Починках (ныне Афанасьевский район). В автобиографическом произведении писателя «История моего современника» отражены быт и нравы починковцев, положение крестьян, условия жизни ссылных. В 90-х гг. В. Г. Короленко принял участие в Мултанском деле, выступил в защиту удмуртов, обвиненных в убийстве с целью религиозного жертвоприношения. Писатель встречался и переписывался со многими вятскими литераторами и общественными деятелями.
- 1891 — газета «Казанский вестник» издала как премию подписчикам сборник рассказов вятского литератора А. Н. Баранова «Осеню». Книгу он послал Л. Н. Толстому, который в ответном письме одобрил сборник;
— на сцене Вятского театра состоялась премьера первой постановки пьесы А. П. Вершинина «Под чужой кровлей». К 1930 г. им было написано около 100 пьес;
— с декабря по ноябрь 1896 г. председателем губернской земской управы был литератор и издатель А. П. Батуев. Батуевский период — яркая полоса в жизни Вятского земства: открыто три тысячи «пятирублевых» библиотек для народа, создан земский книжный склад, стала выходить первая в России бес-

- платная газета для крестьян, принято постановление об открытии 600 новых начальных школ и т. д. Перу А. П. Батуева принадлежат публицистические произведения, рассказы, роман.
- 1896 — известный вятский историк, педагог А. С. Верещагин начал публиковать свои литературоведческие исследования «Вятские стихотворцы XVIII века».
- 1899 — 17 июня началась вятская ссылка латышского поэта, драматурга, общественного деятеля Яна Райниса. За пять лет ссылки им были переведены на латышский язык многие произведения русской классики, создана книга стихов «Далекые отзвуки синим вечером». В сентябре 1985 г. в Кировской области прошли Дни Райниса. В г. Слободском, где отбывал ссылку поэт, в городском парке заложена аллея из 120 сосен, 12 июня 1988 г. установлен памятник, а в мае 1992 г. открыт после реставрации Дом-музей Яна Райниса.
- 1900 — 30 апреля в г. Вятке открыта бесплатная библиотека-читальня имени А. С. Пушкина (ныне Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина). В 1993 г. при библиотеке создано Вятское Пушкинское общество.
- 1902 — к 50-летию со дня смерти Н. В. Гоголя Вятское земство выпустило трехтомник его произведений с большим числом специально заказанных иллюстраций А. М. и В. М. Васнецовых, А. А. Рылова, Н. Н. Хохрякова и др. Художественную часть редактировал И. Е. Репин. Это было одно из лучших и дешевых изданий Гоголя в России тиражом в 30 тысяч. Было издано и 20 тысяч отдельных произведений в виде брошюр.
- 1903 — в январе возникло Вятское книгоиздательское товарищество, главной целью которого было издание книг для народа. Товарищество работало сначала в Вятке, затем в Санкт-Петербурге (СПб). Благодаря невысокой цене, добротности оформления, демократической направленности издания быстро приобрели популярность не только в Вятской губернии, но и по всей России, особенно на Урале и в Сибири. С 1905 по 1918 гг. было издано около 300 книг русских и зарубежных авторов.
- 1911 — в Санкт-Петербурге (СПб) на Всероссийском конкурсе журнала «Новое слово» первую премию получил рассказ вятского художника и литератора Н. Н. Румянцева «Сизые луга».
- 1913 — В. Г. Короленко прислал в Вятку свои сочинения. На книгах были надписи о том, что они приносятся в дар вятчанам в память о М. П. Бородине, вятском литераторе и статистике.
- 1916 — увидели свет автобиографические «Записки бурсака» С. И. Сычугова, вятского народного врача и литератора. В 1933 г. «Записки» вышли в Москве в издательстве «Академия»;

- в г. Вятке основана городская библиотека, которой в 1921 г. присвоено имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1968 г. открыт мемориальный кабинет Салтыкова-Щедрина в бывшей его вятской квартире, с 1980 г. это Дом-музей М. Е. Салтыкова-Щедрина, первый в России.
- 1917 — Вятской публичной библиотеке было присвоено имя ее основателя А. И. Герцена (ныне Кировская ордена Знак Почета областная научная библиотека им. А. И. Герцена). В 1948 г. у входа в библиотеку открыт памятник писателю. Авторы его — скульптор В. С. Рязанцев, архитектор Н. И. Козлов. Именем Герцена названа улица в центральной части города.
- 1920 — в феврале вышел первый номер молодежного журнала «Зарво». Литературный отдел вел поэт П. А. Щелканов (А. Рабочий). В журнале были напечатаны первые стихи Н. А. Заболоцкого;
— в г. Малмыже был издан первый коллективный литературный сборник «К светлому будущему!»;
— 21 ноября состоялось первое собрание рабочих писателей Вятки, на котором с докладом о первом Всероссийском съезде писателей выступил П. А. Щелканов. Был создан Союз пролетарских писателей.
- 1921 — 27 мая начал работу первый Вятский общегубернский съезд пролетарских писателей. На съезде была оформлена Вятская губернская организация пролетарских писателей;
— в г. Вятке вышел литературный сборник «Чугунный улей». В нем были напечатаны и стихи молодых поэтов А. Рабочего, Г. Санникова, Н. Чемоданова, С. Шихова.
- 1922 — 31 декабря в Вятском городском театре широко отмечалось 35-летие творческой деятельности А. П. Вершинина, вятского драматурга. Среди адресов, телеграмм и писем юбиляру было письмо В. И. Немировича-Данченко с поздравлением от Общества русских драматических писателей. Была поставлена его пьеса «Белые вороны», которая с 1909 г. прошла на провинциальных сценах России свыше 200 раз.
- 1923 — на заседании Вятского исторического общества, посвященном памяти В. Г. Короленко, была устроена выставка архивных материалов о писателе. В мае 1978 г. к 125-летию со дня его рождения в области прошли мероприятия на тему «Короленко и Вятский край». С 1987 г. писатели участвуют в традиционных Короленковских чтениях в Афанасьевском районе.
- 1925 — в январе в Москве состоялась первая Всесоюзная конференция пролетарских писателей. Литературно-художественный кружок при газете «Вятская правда» послал на нее М. Измествьева, Д. Копылова, С. Большакова. Вятская ассоциация пролетарских писателей была принята в состав Всесоюзной как ее отделение в январе 1926 г.;

- в марте была создана литературная группа «Перевал», председателем был избран К. Королев (К. Алтайский). В июне 1926 г. часть перевальцев оформилась в литературное объединение «Зеленая улица». В конце декабря 1927 г. бывшие перевальцы вновь решили вступить в «Перевал».
- 1926 — 4 января в городском театре в Вятке состоялся вечер памяти С. А. Есенина. Театр был переполнен. Слово о поэте сказал И. С. Герасимов. К. Алтайский, М. Решетников и др. читали стихи Есенина и свои, посвященные поэту.
- 1927 — к двухлетию газеты «Юный пахарь» был издан сборник часушек вятской молодежи «Тальянка».
- 1928 — 2 февраля в Вятку приехал В. В. Маяковский. Он выступил в театре, на губернском съезде профсоюзов, в пединституте. Известны слова поэта: «Такой небольшой город, а сколько удовольствия!» В 1933 г. 19 июля в областной научной библиотеке прошел литературный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения поэта, закончился он концертом гостей-артистов Красноярского театра оперы и балета;
— был организован вятский филиал Всероссийского объединения крестьянских писателей «Вишенье». Осенью он издал однодневную литературную газету «Бронзовая молодость»;
— в г. Слободском организовалась литературная группа. В 1929 г. она выпустила сборник стихов «Молодость». Всего вышло четыре поэтических сборника. К 1935 г. литгруппа объединяла около 100 человек.
- 1929 — 21 декабря открылась первая Вятская окружная конференция пролетарских писателей. Присутствовало свыше 80 делегатов.
- 1930 — 5-8 января по приглашению рабочих-кожевников Вятку посетил поэт Д. Бедный.
- 1932 — было создано Вятское оргбюро Союза писателей. В 1934 г. состоялась красная конференция Союза в г. Горьком (ныне Н. Новгород). В связи с образованием Кировского края 24 февраля 1936 г. прошло собрание писателей Удмуртии и Кировского края в г. Кирове. Было выбрано бюро, образовано Кировское отделение Союза писателей. С созданием в 1937 г. самостоятельного отделения писателей Удмуртии, кировское отделение закрылось. В последующие годы писательская организация вела свою работу в форме литературного объединения. 22 апреля 1949 г. было создано совещание писателей области, возобновлена работа отделения Союза писателей. Через четыре года оно было объединено с горьковским. Самостоятельным Кировское отделение Союза писателей стало в 1958 г.
- 1933 — вышел литературный сборник «Трудодни» — творческий отчет актива писателей Вятки. Основное место отводилось прозе. Среди авторов Н. Васенев, С. Шихов, М. Решетников, Л. Дьяконов, В. Колобов, А. Мильчаков.

- 1936 — 24 января в областной научной библиотеке состоялась встреча литературного актива города с писателем Л. М. Леоновым;
— 24 февраля в библиотеке прошел творческий вечер писателей. В 1986 г. 28 ноября на торжественном вечере, посвященном 50-летию писательской организации, была развернута большая выставка книг — творческий отчет писателей к юбилею. В пединституте была открыта Памятная доска профессору, первому в области члену Союза писателей К. В. Дрягину;
— в марте в библиотеке была открыта «Комната писателя» со специальной библиотечкой. Здесь писатели проводили свои собрания, работали, давали консультации.
- 1937 — вышел в свет альманах «Стихи и рассказы» кировских и удмуртских писателей. Кировский литературный альманах «Поэзия и проза» появился в 1939 г. Вторая книга вышла в 1940 г.
- 1940 — 16 января в зале редакции газеты «Кировская правда» состоялась встреча местных литераторов с делегацией Союза писателей из Москвы: И. Сельвинским, С. Михалковым, Ф. Панферовым и др.
- 1941 — с началом Великой Отечественной войны многие писатели и литераторы ушли на фронт. В г. Киров были эвакуированы прозаики и поэты: Б. Лавренев, А. Саксе, А. Упит, Н. Никитин, Е. Шварц, земляки Е. Чарушин, Л. Рахманов и др.;
— в ноябре областное книжное издательство выпустило коллективный труд местных и приезжих поэтов «За правое дело».
- 1942 — 1 февраля состоялось собрание членов Союза писателей, работающих в г. Кирове, и местного литературного актива. Было отмечено, что творческая работа в писательской организации оживилась;
— 19 сентября в литературной передаче «Поэты и писатели у микрофона» местного радио участвовали поэты — московский П. Вячеславов и ленинградский А. Мариенгоф. Прозвучала в чтении Мариенгофа его поэма «Земляки», посвященная Герою Советского Союза Я. Н. Падерину;
— 30 декабря в областной научной библиотеке прошел литературный вечер писателей Латвии. Средства, поступившие от вечера, были переданы на постройку самолетов эскадрильи «Латышский стрелок». 1 января 1943 г. состоялось республиканское совещание писателей Латвии. В декабре 1972 г. в Кировском литературном музее была развернута выставка «Народные писатели Латвии в Кировской области». Выставка привлекла свыше 2000 посетителей.
- 1944 — 7 августа было принято решение о выпуске литературно-художественного альманаха «Кировская новь». Первый номер вышел в ноябре 1945 г., последний, девятый выпуск — в 1956 г. Были напечатаны произведения Л. Дьяконова, А. Филева, Л. Лубнина, Б. Порфирьева, О. Любовикова, А. Мильчакова и др.

- 1948 — в г. Кирове издан роман В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда». Редактировал книгу писатель Б. А. Порфирьев. Перед войной Некрасов был актером и театральным художником в ряде городов, в т. ч. в г. Кирове.
- 1951 — в апреле состоялся литературный конкурс на лучшее произведение молодых писателей области. В нем участвовало 46 поэтов и прозаиков. Первая премия присуждена О. Любовикову за цикл стихов «За мир». Премиями были отмечены стихи Г. Козловских, В. Путинцева, С. Красноперова. За рассказы для детей премии получили Л. Устюжанинов, А. Устюгов.
- 1955 — 18 октября в театре драмы прошла премьера первой пьесы Ю. К. Петухова «На родных берегах». В дальнейшем были поставлены его пьесы «Двадцать свадеб в один год», «Участковый из Чудинова», «К морю-океану», «Твой ровесник», «Синие дожди», «Наши семьи», «Мать и дочь».
- 1957 — 17 ноября вышла однодневная газета областного отделения Союза писателей «Литературный Киров». Выпуск был приурочен к совещанию творческой интеллигенции. С 1989 г. газета называется «Вятское слово».
- 1958 — 28 декабря в театре драмы состоялась премьера пьесы И. С. Шура «Диплом на звание человека». В ноябре 1962 г. был поставлен спектакль «На повороте».
- 1959 — 21 октября открылся творческий литературный семинар. В качестве руководителей приняли участие московские и ленинградские писатели;
— 23 октября в областной научной библиотеке начал действовать народный университет литературы. Целью его было знакомить слушателей с художественной литературой, с творчеством писателей, с жизнью местной писательской организации. В 1975 г. в библиотеке возник литературный клуб «Зеленая лампа», который успешно работает и сейчас.
- 1960 — областная научная библиотека и писательская организация выпустили библиографический справочник «Писатели Кировской области». В 1972 и 1982 гг. были изданы подобные сборники — «Литературный Киров».
- 1961 — 19 февраля Кировской студией телевидения проведен творческий вечер Л. М. Лубнина. В июле 1962 г. был поставлен телевизионный спектакль по его повести «Матвей Двухэтажный»;
— в октябре вышел в свет коллективный поэтический сборник «Вятка», подготовленный писательской организацией и книжным издательством. Второй сборник издан в 1963 г.
- 1962 — 26 августа в Центральном городском парке им. Ст. Халтурина

состоялся большой поэтический праздник. Позднее он стал традиционным.

- 1963 — 2 октября состоялось первое занятие литературного клуба «Молодость», организованного редакцией газеты «Комсомольское племя» и областным отделением Союза писателей. Стихи участников клуба вошли в сборник «Молодость», который представил IV Всесоюзному совещанию молодых писателей К. А. Федин. Клуб отметил свое тридцатилетие. Такие же клубы существуют в гг. Кирово-Чепецке («Поиск»), Зуевке («Рассвет»), Вятских Полянах («Надежда»), п. Подосиновце («Родник»);
— в г. Кирове возник Литературный музей при отделении Союза писателей. 23 марта 1966 г. в областной научной библиотеке была организована выставка материалов музея. В 1968 г. музей получил постоянное помещение — дом, в котором жил М. Е. Салтыков-Щедрин.
- 1965 — 5 февраля состоялся творческий вечер А. А. Филева, посвященный 50-летию писателя. В 1977 г. в издательстве «Современник» вышел роман Филева «Живое-живым» — посмертное издание, посвященное людям села. 15 сентября 1988 г. Подосиновской центральной библиотеке присвоено имя писателя-земляка. В 1990 г. 2 февраля общественность области широко отметила 75-летие со дня рождения прозаика в п. Подосиновце и в д. Анциферова Курья, где он родился;
— 27 марта писатель Л. В. Дьяконов и мастерица дымковской игрушки Е. И. Косс-Деньшина выступили перед участниками совещания библиографов Волго-Вятского района.
- 1966 — в областной научной библиотеке читатели встретились с драматургом Ю. К. Петуховым, автором сценария кинофильма «Заблудший».
- 1967 — 3 декабря областной детской библиотеке присвоено имя писателя-земляка А. С. Грина. В 1980 г. библиотека и общество книголюбов провели первые Гриневские чтения. В августе 1990 г. состоялись четвертые чтения. На чтениях выступали известные гриневеды страны: В. М. Россель (Москва), В. В. Харчев (Горький), Е. Д. Петряев, Н. П. Изергина (Киров), Т. Я. Бочковская (Феодосия) и др.
- 1969 — 15 мая состоялись первые Салтыковские чтения, на которых выступил известный щедриновед, доктор филологических наук, лауреат Государственной премии С. А. Макашин. В 1989 г. прошли седьмые чтения, посвященные 100-летию со дня смерти писателя. Среди участников чтений были литературоведы Москвы, Казани, Кирова, Глазова, Спаса-Угля Московской области.
- 1970 — 14 мая в областной научной библиотеке состоялась встреча

«У костра памяти», посвященная 25-летию Победы, с воспоминаниями о Великой Отечественной войне выступили писатели М. А. Ардашев, Е. Д. Петряев, Б. А. Порфирьев, А. М. Устюгов, И. С. Шур. В мае 1988 г. вышла антология произведений кировских писателей о войне «Час мужества». Авторы сборника — люди разных поколений.

- 1971 — в г. Кирове создан филиал Горьковского бюро пропаганды художественной литературы, в январе 1980 г. преобразованный в бюро пропаганды при областной писательской организации. В марте 1984 г. на собрании писателей было сказано, что ежегодно организуется более 800 читательских конференций, бесед, выступлений, 400 из них — в районах области.
- 1972 — 30-31 мая в г. Ижевске проведены вечера дружбы, в которых приняли участие писатели гг. Кирова и Перми. В феврале 1979 г. в Кировской области впервые прошли Дни литературы соревнующихся городов — Ижевска, Перми, Кирова. Они стали традиционными;
— 6-12 июня в Уржумском и Лебяжском районах области прошла впервые Неделя литературы и искусства. Участвовали писатели О. М. Любовиков, Е. Д. Петряев и Л. В. Дьяконов. Они провели 20 встреч, на которых побывало около 2000 жителей;
— по инициативе областной писательской организации книжное издательство начало выпуск краеведческих сборников «Вятка». Первый сборник был посвящен 600-летию областного центра. Последний, девятый выпуск, вышел в 1991 г.
- 1973 — 21 февраля на «краеведческом четверге» «Кировские писатели — о своем городе» выступили В. В. Заболотский, М. А. Ардашев, В. А. Ситников, Г. А. Громыко. В ноябре начались Декады литературы и искусства, посвященные юбилею города.
- 1974 — в июне отмечалось 600-летие города Кирова. К юбилею была издана книга-кассета «О городе Кирове и кировчанах». Авторы очерков — писатели и журналисты. Подарочное издание оформил В. В. Мошakov;
— книжное издательство выпустило сувенирный сборник высказываний известных вятчан о своем родном городе «Сыновний поклон». Книга создана библиографами областной научной библиотеки по инициативе и при поддержке писательской организации. Оформил сборник народный художник России А. М. Колчанов;
— 2-8 декабря на Вятской земле впервые прошли Всесоюзные Дни литературы. В них приняли участие писатели Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Риги, Новосибирска. Это П. Нилин, В. Боков, В. Коротич, М. Лисянский, М. Румянцева, В. Карпенко, С. Давыдов, Л. Либединская, Я. Шведов, А. Минчковский, Ю. Гальперин, И. Фояков и др. Гости проехали по пяти маршрутам с условными названиями: «Хлеб», «Лен», «Города», «Север», «Индустрия».

1976

— 21 января было широко отмечено 150-летие со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина. На здании областной типографии была открыта мемориальная доска. Здесь в годы ссылки писателя помещалось губернское правление, где он работал. Гости праздника посетили Литературный музей с мемориальным кабинетом Салтыкова-Щедрина. В драмтеатре состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею. Коллектив театра показал постановку пьесы писателя «Тени». В областной научной библиотеке была развернута юбилейная выставка «Муза горечи и гнева», в педагогическом институте прошла межвузовская конференция, посвященная юбилею писателя.

1977

— 3 февраля областная научная библиотека начала цикл «краеведческих четвергов» «Писатель и его герой». Читатели встретились с В. А. Ситниковым и председателем колхоза им. Кирова Фаленского района Н. А. Селониным. Вторая встреча с героем писателя — председателем колхоза «Путь Ленина» Котельничского района, дважды Героем Труда А. Д. Червяковым состоялась 20 марта 1980 г.;

— в марте в г. Кирове побывали гости из Марийской Республики — писатель К. Васин и фольклорист А. Китиков;

— 21 апреля «краеведческий четверг» прошел на шинном заводе. Встречу вел писатель Б. А. Порфирьев, чьи книги «Память сердца» и «Золотая шина» рассказывают о жизни и труде шинников;

— в апреле на совместном заседании правления колхоза «Новый путь» Халтуринского района и бюро писательской организации был подписан договор о творческом содружестве;

— в октябре писатель Е. Д. Петряев за книги «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке» и «Псевдонимы литераторов-сибиряков» получил звание лауреата премии им. В. Бирюкова, известного уральского литератора и краеведа. В 1983 г. лауреатом этой премии стала библиограф, заслуженный работник культуры Российской Федерации Г. Ф. Чудова за книгу «В те далекие годы» по истории вятского краеведения;

— в ноябре в области состоялись торжества, посвященные 100-летию со дня рождения народного писателя Латвии, Героя Труда А. М. Упита. В Кстининском доме отдыха была открыта мемориальная доска в память о пребывании здесь в годы войны писателя. В областной научной библиотеке прошел литературный вечер с участием латышских писателей и литературоведов;

— 22 декабря прошли первые Герценовские чтения, посвященные 140-летию областной научной библиотеки имени А. И. Герцена. Выступили писатели: Л. В. Либединская, Е. Д. Петряев, литературоведы Л. Н. Лузянина, Н. Г. Птушкина, Н. А. Желвакова и др. Основная тема шестых чтений в апреле 1992 г. была «А. И. Герцен и Вятский край». Чтения закончились исполнением «Герцен-вальса» князя Ю. Голицына;

— в местном отделении Волго-Вятского книжного издательства вышел сборник «Литературные портреты», рассказывающий о

жизни и творчестве писателей-кировчан. Это первый коллективный труд литературоведов и критиков.

- 1978 — 23-28 января бригада ростовских писателей во главе с Н. Егоровым провела около 20 встреч с читателями области;
— в сентябре в стране отмечалось 150-летие со дня рождения великого русского писателя Л. Н. Толстого. Литературные вечера, выставки, читательские конференции прошли во многих организациях, учебных заведениях области. Участники заседания клуба «Вятские книголюбь» получили на память гипсовую палетку-пластинку с барельефом Толстого. Оригинал палетки скульптура Н. Аронсона (был в Вятке в 1915 г.) сохранился у вятских старожилов;
— в ноябре вышел первый сборник произведений Кировских писателей «Встречи». В нем участвовали профессионалы и молодые литераторы. Последний выпуск был в 1990 г.
- 1979 — 24 июля Б. А. Порфирьеву исполнилось 60 лет. Писатель был награжден орденом «Знак Почета». Состоялся его творческий вечер;
— 3-9 декабря прошли Дни литературы, более 30 тысяч Кировчан встретились с известными писателями М. Алексеевым, С. Баруздиным, А. Блиновым, В. Боковым, В. Карпеко, Б. Ласкиным и др. В научно-исследовательском институте сельского хозяйства Северо-Востока состоялось заседание «круглого стола» писателей и ученых на тему «Проблемы Вятского Нечерноземья».
- 1980 — 5 мая В. А. Ситникову присуждена за очерки премия Союза журналистов СССР;
— 23 августа открылся Дом-музей А. С. Грина. В честь столетия со дня рождения писателя-земляка состоялся праздник в Центральном парке, прошел торжественный вечер в областной научной библиотеке. Слово о Грине сказал Е. Д. Петряев, выступили артисты Московского театра им. Н. В. Гоголя. Тепло был принят участниками вечера земляк — народный артист Союза, Герой Труда, Почетный гражданин города Нолинска, автор книги «...Азорские острова» Б. П. Чирков;
- 1981 — в феврале в писательской организации прошла творческая конференция «Писатель и время», состоялось свыше 100 выступлений и творческих отчетов писателей в городах и сельских районах области;
— в июле в Перми вышел сборник стихотворений «Встреча друзей» поэтов гг. Ижевска, Кирова, Перми, Свердловска, Челябинска в сувенирном исполнении;
— в сентябре в Уржуме состоялась встреча с сыном поэта-земляка Н. А. Заболоцкого — Н. Н. Заболоцким, автором ряда работ о жизни и творчестве поэта. Дни Заболоцкого, которые в области проводятся в мае, стали традиционными. В 1989 г. 17 мая М. П. Чебышевой была вручена впервые премия имени Н. А. Заболоцкого за поэтический сборник «Астафьевы ветры».

В последующие годы лауреатами премии стали поэты О. М. Любовиков, А. В. Рева;

— в декабре в международный год Ф. М. Достоевского в помещении областного театра кукол прошел большой вечер памяти писателя;

— областная писательская организация выпустила в свет первую книгу-кассету «Истоки» — стихи молодых поэтов. Последние сборники в этой серии вышли в 1989 г.

1982

— в январе лауреатом премии журнала «Смена» названа поэтесса-землячка Т. Смергина. 11 мая 1989 г. в областной научной библиотеке состоялся ее творческий вечер;

— 22-28 февраля в области прошли Дни литературы Дагестана. Гости отправились по маршруту «Киров-Котельнич-Советск-Уржум-Киров». В октябре кировские писатели побывали в Дагестане с ответным визитом;

— 7-12 декабря прошли Дни литературы. В гости к кировчанам приезжали писатели: Д. Гранин, Ю. Друнина, Ю. Давыдов, В. Шефнер, Г. Горин, Л. Решетников и др.;

— на сцене театра драмы поставлен спектакль «Райская обитель» по роману В. А. Ситникова «Свадебный круг», а затем спектакль по его пьесе «Толкач из Парижа». Спектакль «Райская обитель» стал лауреатом Всероссийского конкурса в гг. Костроме и Ярославле.

1983

— 3 марта в областной научной библиотеке состоялся творческий вечер, посвященный 70-летию со дня рождения писателя, литературоведа, исследователя, ученого биолога и медика Е. Д. Петряева. Он внес крупный вклад в изучение культурного прошлого Вятки, Урала, Сибири, Дальнего Востока. В сентябре 1987 г. клубу «Вятские книголобы» областной научной библиотеки присвоено имя Е. Д. Петряева, основателя клуба;

— 23 ноября в г. Кирове открылся зональный семинар-совещание общества книголюбов России. Участники семинара встретились с кировскими писателями, ознакомились с литературными местами областного центра.

1984

— 29 марта общественность областного города отметила 175-летие со дня рождения Н. В. Гоголя. На литературном вечере выступил со своими размышлениями по теме «Гоголь и Вятка» писатель Е. Д. Петряев;

— в июле первым лауреатом премии имени дважды Героя Труда председателя колхоза «Красный Октябрь» Куменского района П. А. Прозорова стал писатель А. А. Филев (посмертно);

— 12 августа в с. Юма Свечинского района торжественно отмечалось 50-летие со дня рождения писателя О. М. Куваева — дань памяти земляку. В юбилейном празднике участвовали писатели, земляки, родственники Куваева, работники центральных издательств. Куваевские чтения стали традиционными. 14 августа 1994 г. отмечено 60-летие писателя-земляка в с. Юма;

— 26 октября поэту О. М. Любикову вручен орден Дружбы народов. В Кировском литературном музее была развернута выставка «Всегда в строю», посвященная 60-летию поэта. В областной научной библиотеке прошел творческий вечер. В октябре 1986 г. О. М. Любиков за книгу стихов «Встречный пал» был допущен к участию в конкурсе на соискание Государственной премии России 1986 г. 12 октября 1989 г. на сессии областного Совета народных депутатов ему вручен знак «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

- 1985 — 15 февраля по Центральному телевидению прошла передача «Русская речь». Велась она из г. Кирова, ведущим был писатель В. Н. Крупин. 7 апреля 1988 г. проведен творческий вечер писателя-земляка, редактора журнала «Москва». Присутствовало более 500 человек;
- 17 сентября в тюзе чествовали писателя-земляка, журналиста А. А. Лиханова. В январе 1987 г. на студии «Мосфильм» были завершены съемки фильма «Карусель на базарной площади», снятого по повести А. А. Лиханова «Голгофа». Снимался фильм в гг. Кирове и Слободском. Режиссер фильма Н. Стамбула, главную роль исполнил артист Р. Адомайтис.
- 1986 — 20-25 января в области прошли Дни литературы. В с. Русский Турек Уржумского района в память пребывания там поэта А. Т. Твардовского открыта мемориальная доска;
- в марте в с. Синегорье Нагорского района состоялся праздник поэзии и искусства, посвященный памяти поэта-земляка Е. И. Кострова. Дни Кострова стали традиционными.
- 1987 — в феврале в Малмыжском районе побывала группа деятелей культуры и искусства Татарии: поэт Ф. Сафин, прозаик К. Каримов.
- 5 февраля в областной научной библиотеке состоялся вечер «А. С. Пушкин и Вятский край», посвященный 150-летию со дня гибели поэта. Он открылся исполнением музыкальных произведений на стихи поэта. Были развернуты книжная выставка и выставка рисунков и фотографий Т. Деловой «Памятные пушкинские места». Е. Д. Петряев передал участникам вечера семена цветов, присланных из священных литературных мест;
- 26 марта поэтессе, сельской учительнице Маргарите Котомцевой вручена премия Всесоюзного литературного конкурса им. М. Горького;
- в мае в Доме-музее А. С. Грина была открыта выставка, посвященная 50-летию поэта и прозаика П. П. Маракулина. Накануне юбилея, в 1986 г. издательство «Современник» выпустило сборник Маракулина «Последняя охота», главная тема книги — «человек и природа»;
- в июле в Доме-музее М. Е. Салтыкова-Щедрина была развернута выставка «Литературные автографы», подготовленная к Дню города Кирова. На выставке представлены экспонаты: от

рукописей А. Грина, Н. Заболоцкого, М. Селенкиной до книг с дарственной надписью В. Катаева, О. Куваева, А. Минчковского;

— 20-23 августа в г. Кирове прошли Дни культуры и искусства республики Коми. Дни культуры Кировской области состоялись в Сыктывкаре. На выставке в республиканской библиотеке были представлены произведения писателей Вятской земли;

— 1 сентября во многих школах области писатели и поэты провели уроки мира;

— 29 ноября начались Дни культуры Кировской области в Латвии. Кировская делегация преподнесла латышам портрет Яна Райниса, сделанный из кусочков меха.

1988

— 21 января в областной научной библиотеке прошел вечер, посвященный 30-летию творческой деятельности писателя В. А. Ситникова. В 1992 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации»;

— 10 февраля в г. Кирове открылись Дни культуры и искусства Наманганской области Узбекистана. Вечер прошел в педагогическом институте, где на факультете русского языка и литературы обучалось около 200 узбекских студентов;

— 18-19 февраля состоялись первые Петряевские чтения, посвященные 75-летию со дня рождения писателя и ученого Е. Д. Петряева. Первыми лауреатами премии им. Е. Д. Петряева стали библиограф и книговед В. Н. Колупаева (Киров) и литератор и краевед А. В. Кузьмин (Слободской). Третьи чтения прошли в феврале 1993 г. с участием книгovedов, библиографов и литературоведов Москвы, СПб, Перми, Воронежа, Ульяновска, Екатеринбурга, Краснодара, Коломны, Читы, Новокузнецка, Нижнего Новгорода, Глазова;

— 24 марта «краеведческий четверг» областной научной библиотеки был посвящен 80-летию со дня рождения писателя-земляка Л. Н. Рахманова. Кроме исследователей и краеведов г. Кирова выступили и котельничане. Была организована фото-выставка Н. А. Шилова;

— 5 октября в Доме-музее М. Е. Салтыкова-Щедрина открылась выставка «Писатель, сказочник, фольклорист», посвященная 80-летию старейшины писателей, кавалера ордена «Знак Почета» Л. В. Дьяконова. Состоялся творческий вечер, ему была вручена медаль «За самую читаемую книгу» областной научной библиотеки им. А. И. Герцена;

— 17 ноября писатель А. Д. Блинов встретился с земляками. Он живет в Москве, но пишет о родной Вятской земле.

1989

— в мае участники IX Всесоюзного совещания молодых писателей Л. Софронов и Е. Наумова решением секретариата Союза писателей СССР приняты в члены Союза писателей. В 1994 г.

- по итогам Российского совещания молодых приняты в Союз писателей В. Казаков и А. Подлевских;
- 19 октября музыкально-поэтический вечер областной научной библиотеки был посвящен 175-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Прозвучала тема о вятских связях поэта;
- 11 декабря в области открылись Всероссийские дни художественной литературы «Русский лес», в которых приняли участие С. Викулов, В. Костров, Н. Старшинов, В. Крутин, А. Гребнев, А. Брагин, В. Верстаков и др. Дням литературы был посвящен специальный выпуск газеты «Литературный Киров».
- 1990 — 17 января распахнул свои двери Дом творческих союзов, размещившийся в отреставрированном доме Витберга в областном центре. Здесь же расположена областная писательская организация;
- 15 февраля заседание «краеведческого четверга» было посвящено теме «А. П. Чехов и Вятка. К 130-летию со дня рождения писателя». Выступили исследователь творчества писателя филолог Г. А. Охотина и журналист-литератор Т. К. Николаева.
- 1991 — 23 мая в областной научной библиотеке прошел праздник славянской письменности и культуры. Участвовали писатели, поэты, ученые, деятели культуры и религии.
- 1992 — 23 апреля состоялся творческий вечер А. В. Рены, посвященный 60-летию со дня рождения поэта и краеведа. Вышел пятый сборник его стихов «Прозрение»;
- 27-28 ноября в Москве прошел конгресс интеллигенции России. В работе конгресса участвовала член Союза писателей, очеркист, поэт и прозаик Н. И. Перминова.
- 1993 — 30 сентября литературные краеведческий и книговедческий клубы областной научной библиотеки провели заседание, посвященное памяти писателя и журналиста М. М. Решетникова;
- 15 ноября прошел литературно-музыкальный вечер поэтессы В. Коростелевой и народного артиста России Е. Шутова;
- 2 декабря в областном центре состоялся литературный праздник, посвященный 70-летию со дня рождения писателя-земляка В. Ф. Тендрякова. Торжества были продолжены на его малой родине в Подосиновском районе.
- 1994 — 14 июня открылся IX съезд Союза писателей России. В работе съезда участвовал ответственный секретарь областной писательской организации В. А. Ситников, в качестве гостя присутствовал прозаик А. М. Рыжов;
- в октябре вышел в свет первый том энциклопедии земли Вятской «Откуда мы родом». Энциклопедия готовится и издается областной писательской организацией совместно с областной администрацией. Планируется издать десять томов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Герцен А. И. Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года. Вятка, 1837. 5 с.

То же. М., 1987. Факс. изд.

Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца /Публ. П. Шестакова. Казань, 1868. 160 с.

Житие преподобного Трифона, Вятского чудотворца. Вятка, 1881. 95 с.

Вятская незабудка: (Памятник публицистики XIX в.) /Публ. Ф. Ф. Павленкова. Вып. 1-3. СПб, 1877 — 1878.

Спицын А. А. Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка, 1883. 44 с.

Юрьев В. П. Вятка в рукописных памятниках русской старины. Вятка, 1885. 48 с.

Отрывки из «Записок» Рычкова и Хитрово о древней Вятке. Отрывки из сочинений путешественников XVI — XVIII вв. о Вятке и ее обителях /Публ. А.С. Верещагина. Вятка, 1892. 115 с.

Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII в. Вып. 1-2. Вятка, 1897 — 1898.

Верещагин А. С. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии: (Л. Горка). Вып. 1-2. Вятка, 1899 — 1902.

Повести о великорецкой иконе святителя Николая: Памятники вят. письменности XVII — XVIII вв. /Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 76 с.

Сказания русских летописцев о Вятке /Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 122 с.

Вятский временник: Памятник вят. письменности конца XVII в. /Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 98 с.

Летописец старых лет: Памятник вят. письменности XVII — XVIII вв. /Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 97 с.

Повесть о стране Вятской (Вятский летописец): Памятник вят. письменности XVII — XVIII вв. /Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 97 с.

Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905 — 1917.

Памятная книжка и календарь Вятской губернии. Вятка, 1854 — 1916.

Котельничский календарь-альманах /Ред.-изд. Я. Ф. Мултановский. Котельнич: Вятка, 1912 — 1914.

Зарницы: Лит. сборник. Вятка, 1918. 16 с.

К светлому будущему: Стихи. Малмыж, 1920. 48 с.

Чугунный улей: Сб. пролетарских писателей. Вятка, 1921. 123 с.

Шаг: Стихи. Вятка, 1925. 32 с.

Цветы панелей: Стихи. Вятка, 1925. 32 с.

Творчество фабзавуча: Стихи. Вятка, 1925. 19 с.

Колос: Стихи. Вятка, 1928. 31 с.

Первая зелень: Альманах. Яранск, 1929. 47 с.

Молодость: Стихи. Сб. 1-2. Слободской, 1929 — 1930.

Утро колхозов: Лит. сборник. Вятка, 1930. 168 с.

Колхозная поступь: Альманах. Зуевка, 1932.

За оборону: Лит. сборник. Слободской, 1932. 72 с.

Трудодни: Лит. сборник. Вятка, 1933. 150 с.

Горячее время: Лит. сборник. Слободской, 1933. 88 с.

Полет молодости: Стихи. Котельнич, 1933. 37 с.

Стихи и рассказы: Сб. произведений писателей Кировской области и Удмуртии. Киров, 1937. 120 с.

Поэзия и проза: Лит. альманах. Кн. 1. Киров, 1939. 96 с.

Кировский литературный альманах. Кн. 2. Киров, 1940. 255 с.

За правое дело: Стихи/Худож. Е. И. Чарушин. Киров, 1941. 32 с.

- 71 с.
- Солдатские думы: Сб. стихов фронтовиков-кировчан. Киров, 1945.
- Кировская новь: Альманах. Кн. 1-9. Киров, 1945—1956.
- Наступление продолжается: Стихи. Киров, 1949. 127 с.
- Последний чиж: Рассказы для детей. Киров, 1952. 40 с.
- Друзья: Рассказы для детей. Киров, 1954. 39 с.
- Упорство: Очерки. Киров, 1956. 128 с.
- Вчера, сегодня, завтра. У нас в области и в городе Кирове: Репортажи, очерки, фельетоны. Киров, 1959. 150 с.
- Первые в труде: Очерки. Киров, 1959. 159 с.
- Дочери великого народа: Сборник. Киров, 1960. 136 с.: ил.
- Вятка: Лит. сборник. Вып. 1-2. Киров, 1961—1963.
- Сатирические стихи. Киров, 1961. 15 с.
- Молодость: Стихи молодых поэтов. Сб. 1-3. Киров, 1963—1969.
- Начало песни: Стихи. Киров, 1963. 19 с.
- Спасибо, доктор!: Очерки горьковских и кировских писателей. Горький, 1965. 126 с.
- Ровесники Октября: Очерки горьковских и кировских писателей. Горький, 1967. 207 с.
- Вятские зори: Стихи. Киров, 1967. 56 с.
- Старт: Стихи молодых поэтов. Вып. 1-3. Горький, 1969—1976.
- Звезды славы: Очерки. Киров, 1970. 87.
- Родиной награжденные: Очерки. Киров, 1970. 152 с.
- Вятка: Краевед. сборник. Вып. 1-9. Киров, 1972—1991.
- Герои Советского Союза — кировчане. Вып. 1-4. Киров, 1973—1988.
- О городе Кирове и кировчанах: Очерки. Киров, 1974. 9 отд. бр. в одной обложке.
- Сыновний поклон: Сборник. Горький, 1974. 143 с.: ил.
- Солнечный месяц: Повести и рассказы кировских писателей. Горький, 1975. 124 с.

Фронтовые строки: Стихи горьковских и кировских поэтов-фронтовиков. Горький, 1975. 159 с.

Встречи: Произведения кировских писателей. Вып. 1-7. Киров, 1978—1990.

Встреча друзей: Стихи. Пермь, 1981. 173 с.: ил.

Истоки: Стихи. Вып. 1-3. Киров, 1981—1989. Отд. бр. в одной обложке.

Час мужества пробил: Антология произведений кировских писателей о Великой Отечественной войне. Киров, 1985. 207 с.

Радуга над Вяткой: Сборник. М., 1986. 488 с.: ил.

Артель: Худож.-лит. альманах. Киров, 1989. 72 с.

Поэзия наших сердец: (Стихи поэтов из Белой Холуницы). Киров, 1989. 119 с.

Светает: Проза, Стихи/Кирово-чепец. лит. клуб «Поиск». Киров, 1990. 256 с.: ил.

Собор: Лит.-худож. журнал. Киров, 1991. 102 с.

Проселки: Лит.-худож. альманах. Котельнич, 1991—1994. Вып. 1-16.

Уржумская старина: Краевед. альманах/Изд. В. А. Ветлужских. Уржум, 1991—1992.

Молодость: /Сб. стихов участников лит. клуба «Молодость»/. Киров, 1993. 88 с. (Сб. 4 выпущен к 35-летию клуба).

Я Россию люблю: Стихотворения поэтов-слобожан. Слободской, 1993. 77 с.

Только любовь: Стихи. Киров, 1993. 191 с.

Завещаем молодым: Сб. стихов. Уржум, 1994. 120 с.

Складчина: Журнал вят. интеллигенции. Вятка, 1994. 80 с.

Вятская земля в прошлом и настоящем: Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. /Киров. гос. пед. ин-т. Киров, 1989. 296 с.

Вятская земля в прошлом и настоящем: Тез. докл. и сообщ. 2-й науч. конф.: В 2-х т. /Киров. гос. пед. ин-т. Киров, 1992.

История и культура Волго-Вятского края. (К 90-летию Вят. учен. архив. комиссии): тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. /Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1994. 569 с.

Писатели и Вятский край /Киров. гос. пед. ин-т. Киров, 1976. 166 с.

Изергина Н. П. Писатели в Вятке: Лит.-краевед. очерки. Киров, 1979. 192 с.: ил.

Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки (1870—1917). Киров, 1990, 206 с.: ил.

Петряев Е. Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров, 1966. 239 с.: ил.

Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги: Литературные находки. Киров, 1970. 288 с.: ил.

Петряев Е. Д. Кировский литературный музей. Киров, 1972. 36 с.: ил.

Петряев Е. Д. Записки книголюба. Киров, 1978. 280 с.: ил.

Петряев Е. Д. Литературные находки: очерки культурного прошлого Вятской земли. 2-е изд., доп. Киров, 1981. 288 с.: ил.

Петряев Е. Д. Живая память. М., 1984. 288 с: ил.

Петряев Е. Д. Вятские книголобы. Киров, 1986. 223 с.: ил.

Чудова Г. Ф. В те далекие годы: очерки по истории краеведения Вят. губ. Киров, 1981. 160 с.: ил.

Васенев Н. Ф. На берегах Вятки: Зап. журналиста. 3-е изд., перераб. и доп. Киров. 1971. 224 с.: ил.

Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Из истории книгоиздательского дела в Кировской области. Киров, 1964. 27 с.: ил.

Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1-8 //Соч.: В 4-х т. Т. 1. М., 1988. — В ч. 2 (гл. XIV-XVII) и ч. 3 (гл. XXI) отражена жизнь писателя в Вятке.

А. И. Герцен в Вятке /Вступ. статья К. В. Дрягина. Киров, 1940. 240 с.

Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. 2-е изд. Киров, 1988. 127 с.: ил.

Шумихин В. Г., Кокурина С. П. М. Е. Салтыков-Щедрин и Вятка: Библиогр. указатель. 1848—1982. Киров, 1985. 152 с.

Блом А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. Киров, 1976. 88 с.: ил.
(Выдающ. деятели и уроженцы Вят. края).

Лебедев В. В. Вятские записки. Киров, 1957. 174 с.: ил.

Кудреватых Л. А. Радость встреч: Док. повесть, рассказы, очерки, воспоминания. 2-е изд. М., 1976. 623 с.: ил.

Решетников М. М. Спутники и встречные: Воспоминания и очерки. Киров, 1987. 142 с.: ил.

Кировская писательская организация: 40 лет /Сост. В. В. Заболотский. Киров, 1976. 1 л. слож. в 5 с.: ил. Библиогр.: 34 назв.

Литературные портреты: Очерки. Киров, 1977. 223 с.: ил.

Литературный Киров: Писатели Вят. земли; Рассказы писателей о своей жизни и творческом труде; библиография; Книги кировских литераторов. Альманах и сборники. Киров, 1972. 120 с.: ил.

Литературный Киров: /Автобиографии; Библиография/. 2-е изд., испр. и доп. Киров, 1982. 128 с.: ил.

Писатели Кировской области: Библиогр. справочник /Сост И. Н. Войханская. Киров, 1960. 180 с.: ил.

Выдающиеся уроженцы и деятели Кировской области: Рек. указ. литературы: В 5-ти вып. Вып. 5: Литераторы. Киров, 1962. 166 с.

Владимир Николаевич Крупин: Библиогр. указатель. Киров, 1993. 96 с. Альберт Анатольевич Лиханов: Библиогр. указ. Киров, 1985. 66 с.

Евгений Дмитриевич Петряев: Библиогр. указатель. 2-е изд., доп. Киров, 1993. 110 с.

Виктор Георгиевич Шумихин: Библиогр. указатель. Киров, 1993. 30 с.

Составитель С. П. Кокурина.

ВЯТСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ

В именной указатель включены фамилии местных писателей, писателей-земляков и литераторов, связанных с нашим краем. Там, где составители не располагали точными биографическими данными, сведения приведены не полностью.

Акмиш Яков Яковлевич (р. 1898) — журналист, литератор

Акулинин В. И. — писатель

Акулиничев Владимир Ильич (1896 — ок. 1940) — писатель

Алабин Петр Владимирович (1824 — 1896) — чиновник, литератор

Алдач-Семенов Андрей Игнатьевич (1903 — 1985) — прозаик, член СП

Алексеевский Н. — литератор

Алтайский Константин (К. Королев) (1902 — 1978) — прозаик

Алфеевский Яков Никитич (1802 — 1874) — чиновник, литератор

Ардашев Михаил Александрович (1919 — 1983) — журналист, литератор

Архипов Владимир Афанасьевич (р. 1939) — поэт, живет в Краснодаре

Бабищев С. (С. Дорожный) — поэт 20-х годов

Бажин Леонид Борисович (р. 1955) — охотовед, поэт

Бажин Николай Федотович (1843 — 1908) — литератор

Бакин Виктор Семенович (р. 1957) — журналист, прозаик

Балодис Андрей Маргъшович (р. 1908) — поэт находился во время Великой Отечественной войны в г. Кирове

Банников Николай Васильевич (р. 1918) — переводчик, критик, член СП, живет в Москве

- Баранов Александр Николаевич (1864 — 1935) — литератор
- Баранов Николай Яковлевич (1863 — 1936) — поэт
- Батуев Аяксентий Петрович (1863 — 1896) — земский деятель, литератор
- Бердянский Виктор Аркадьевич (р. 1956) — историк, прозаик, член СП
- Бауман Яков — литератор 20-х годов
- Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич) (1883 — 1945) — поэт, приезжал в Вятку
- Бибик Алексей Павлович (1877 — 1976) — литератор, отбывал ссылку в Вятской губ.
- Блинов Андрей Дмитриевич (р. 1918) — прозаик, член СП, живет в Москве
- Блинов Михаил Яковлевич (ок. 1820 — ок. 1870) — литератор
- Блинов Михаил Васильевич (1823 — ок. 1888) — историк, литератор
- Блинов Николай Николаевич (1839 — 1917) — педагог, литератор
- Бобров Михаил Федорович (р. 1926) — поэт
- Богомедлевский Иоким (XVIII в.) — иеромонах, учитель Вятской семинарии (1736 — 1738), учитель поэтики и риторики, философ
- Большаков Семен Петрович (псевд. Электрохлебный) (1900 — 1970) — поэт
- Борисов Борис Анатольевич (р. 1950) — прозаик
- Бородин Михаил Павлович (1854 — 1910) — публицист, статистик
- Бронников Константин Геннадьевич (р. 1961) — литературовед
- Бульчев Владимир Николаевич (р. 1957) — прозаик, член СП, живет в Омске
- Бунтов Яков Дмитриевич (1902 — 1983) — педагог, литератор
- Буркова Инесса Емельяновна (р. 1930) — очеркист, член СП, живет в Москве
- Быстров Анатолий Васильевич (р. 1940) — учитель, поэт

Варенцов Виктор Гаврилович (1825 — 1867) — писатель, фольклорист

Васнев Николай Федорович (1906 — 1977) — журналист, прозаик, член СП

Васильев Герман Владимирович (ок. 1902 — 1922) — поэт 20-х годов

Ватлецов Дмитрий Николаевич (р. ок. 1902) — поэт 20-х годов

Вепрев Александр Иванович (р. 1960) — поэт, живет в Ижевске

Верещагин Александр Степанович (1835 — 1908) — историк, писатель-краевед

Верхотин Константин Васильевич (1914 — 1987) — журналист, литератор

Вершинин Алексей Платонович (1871 — 1933) — драматург

Веселицкий Афанасий Ильич (ок. 1860 — ок. 1910) — поэт

Веснин Семен Авдиевич (Святогорец) (1814 — 1853) — религиозный публицист, писатель

Войханская Инна Наумовна (1929 — 1986) — библиограф, краевед

Волков Виктор Федорович (1927 — 1971) — юрист, прозаик

Востриков Валентин Дмитриевич (1938 — 1993) — поэт

Воровский Вацлав Вацлавич (1871 — 1923) — критик, отбывал ссылку в Вятской губ.

Второв Павел Николаевич (1874 — 1919) — педагог, литератор

Втурин Юрий Иванович (р. 1935) — поэт

Вылегжанин Альберт Александрович (р. 1933) — писатель, живет в Москве

Вылегжанин Анатолий Дмитриевич (р. 1951) — прозаик

Вячеславов Павел Леонидович — поэт, находился во время Великой Отечественной войны в Кирове

Гайчев Николай Григорьевич (1899 — 1971) — прозаик

Герцен Александр Иванович (1812 — 1870) — писатель, отбывал ссылку в Вятке

Глазырин Федор Степанович (1787 — ок. 1860) — поэт

- Голиков Николай Владимирович (р. 1959) — журналист, поэт
- Голубев Петр Александрович (1855 — 1915) — статистик, публицист
- Горев-Пойский Михаил Ильич (1889 — 1940) — педагог, драматург
- Горка Андрей (в монашестве Лаврентий) (1671 — 1737) — епископ Вятский, писатель
- Горохов Василий Лаврентьевич (ок. 1889 — ок. 1938) — литератор
- Гребнев Анатолий Григорьевич (р. 1941) — врач, поэт, член СП, живет в Перми
- Грехов Лев Михайлович (р. 1934) — очеркист
- Грин (Гриневский) Александр Степанович (1880 — 1932) — писатель
- Громыко Гали Александровна (1914 — 1987) — журналист, поэт
- Грудцын Андрей Платонович (1849 — 1917) — поэт
- Губерниц Михаил Самуилович (р. 1908) — журналист, литератор 20-х годов
- Гулин Геннадий Андреевич (р. 1925) — писатель, живет в г. Самаре
- Гусаков Александр Алексеевич (Помпенко) (1874 — 1936) — писатель
- Данилин Иван Андреевич (1870 — 1941) — писатель
- Додашвили (Додзев) Соломон Иванович (1805 — 1836) — литератор, отбывал ссылку в Вятке
- Долгушин Дмитрий Измайлович (1877 — 1942) — драматург
- Драверт Петр Людвигович (1879 — 1945) — ученый, поэт
- Дрягин Константин Владимирович (1891 — 1950) — профессор, литературовед, член СП
- Дурова Надежда Андреевна (1783 — 1866) — прозаик, «кавалерист-девица»
- Дьяков Борис Васильевич (1902) — писатель
- Дьяконов Леонид Владимирович (р. 1908) — поэт, писатель, фольклорист, член СП

- Дьяконова Екатерина Авешировна (р. 1913) — поэт
- Елькин Алексей Анатольевич (р. 1960) — поэт
- Емичев Алексей Иванович (1808 — ок. 1852) — литератор
- Есипова Лидия Ивановна (1924 — 1993) — прозаик, журналист
- Ефремов Филипп Сергеевич (1750 — после 1811) — путешественник, писатель
- Жуйков Евгений Леопидович (р. 1952) — журналист, поэт
- Жуковский Василий Андреевич (1783 — 1852) — поэт, посетил Вятку в мае 1837 г
- Журавлева Ольга Владиславовна (р. 1960) — журналист, поэт
- Заболотский Владислав Владимирович (1911 — 1986) — поэт, журналист, редактор
- Заболоцкий Николай Алексеевич (1903 — 1958) — поэт, член СП
- Загвоздкина Татьяна Евдокимовна (р. 1946) — литературовед
- Зайцев Александр Николаевич (р. 1915) — краевед, собиратель фольклора
- Залесский Павел Максимович (1842 — 1880) — литератор
- Замятин Евгений Петрович (1913 — 1980) — журналист, поэт
- Заровнядный Николай Александрович (1895 — 1941) — педагог, литератор 20-х годов
- Зеленин Дмитрий Константинович (1878 — 1954) — этнограф, фольклорист
- Злыгостев Петр Николаевич (р. 1944) — прозаик, член СП, живет в Москве
- Зобнин Александр Петрович (ок. 1904 — ок. 1944) — педагог, литератор 20-х годов
- Зубов Павел Алексеевич (ок. 1815 — ок. 1890) — чиновник, поэт
- Зыков Иван Григорьевич (1873 — 1924) — поэт
- Зяблицев Сергей Петрович (р. 1952) — поэт, член СП

Изергина Нина Петровна (р. 1927) — профессор, историк литературы

Измайлов Александр Ефимович (1779 — 1831) — писатель

Изместьев (Болотный) Михаил Николаевич (1903 — 1964) — поэт 20-х годов

Изместьев Петр (р. ок. 1905) — учитель, литератор 20-х годов

Исполатов Николай Михайлович (р. 1922) — литератор, участник обороны Бреста

Ишутнинова Людмила Валентиновна (1950 — 1994) — поэт

Казаков Валерий Николаевич (р. 1955) — прозаик, член СП

Калашников Стефан Григорьевич (1753 — после 1792) — протоиерей, поэт

Калинин Игорь (Крысов Игорь Львович) (1951) — прозаик, живет в Мурманске

Камешский Генрих (Генрик Генрикович) (1812 — 1865) — польский публицист, отбывал ссылку в Вятке

Кандауров Василий Алексеевич (1830 — 1888) — чиновник, драматург

Карнесв Михаил Васильевич (1896 — 1947) — прозаик

Карпов (Василек) Александр П. (р. 1896) — литератор 20-х годов

Кассин Николай Семенович (ок. 1905 — 1960) — литератор 20-х годов

Кибитов Олег Николаевич (1941 — 1982) — прозаик

Кириллов Владимир Тимофеевич (1889 — 1943) — поэт 20-х годов

Клюев Николай Алексеевич (1884 — 1937) — поэт, посещал Вятку в 1930-е годы

Кобельков Олег Константинович (р. 1915) — журналист, прозаик

Коврижных Николай Никифорович (Николай Островитянин) (р. 1959) — прозаик

Коврижных Татьяна Владимировна (р. 1962) — поэт

Коврижных Юрий Георгиевич (р. 1924) — прозаик, живет в Сыктывкаре

Кодачигов Афанасий Николаевич (1911 — 1959) — журналист, прозаик

Кожевников Лев Афанасьевич (р. 1947) — прозаик, член СП

Кожемякин Владилен Иванович (1931 — 1984) — поэт, член СП

Козаков Михаил Эммануилович (1897 — 1954) — писатель, детские годы прошли в Кировской области

Козлов Валерий Никитович (р. 1929) — журналист, ученый, поэт

Кокурина Светлана Петровна (р. 1936) — библиограф, краевед

Колобов Вячеслав Вячеславович (р. 1912) — журналист, поэт

Колокольников Василий Яковлевич (1758 — 1792) — философ, литератор

Коковихин Михаил Алексеевич (р. 1954) — поэт

Кондрашова Елизавета Николаевна (1836 — 1887) — писательница

Кончиц Анатолий Александрович (р. 1939) — прозаик, член СП, живет в Москве

Коптев Михаил Владимирович (р. 1952) — прозаик

Коробейников Максим Петрович (р. 1921) — военный ученый, прозаик, член СП, живет в Москве

Короленко Владимир Галактионович (1853 — 1921) — писатель, публицист, отбывал ссылку в Вятской губ.

Коростелева Валентина Абрамовна (р. 1942) — поэт, член СП, живет в Подмосковье

Корсаков Анатолий Николаевич (р. 1949) — прозаик

Корыгин Сергей Александрович (р. 1922) — ученый, прозаик

Костров Ермил Иванович (1755 — 1796) — поэт, переводчик

Котомцева Маргарита Геннадьевна (р. 1949) — поэт, член СП

Кошурников Василий Семенович (ок. 1844 — после 1882) — педагог, публицист

Кошурников Иван Николаевич (1828 — 1913) — педагог, публицист

Кочубей Нина Константиновна (р. 1929) — прозаик

Красноперов Алексей Федорович (р. 1921) — прозаик, живет в Йошкар-Оле.

Красноперов Иван Маркович (1839 — ок. 1918) — статистик, литератор

Красноперов Сергей Иванович (1931 — 1973) — поэт

Красовский Александр Александрович (1828 — 1885) — педагог, издатель

Крептюков Даниил Александрович (1888 — 1957) — литератор

Крупин Владимир Николаевич (р. 1941) — прозаик, член СП, живет в Москве

Куваев Олег Михайлович (1934 — 1975) — прозаик, член СП

Кугель Иона Рафаилович (1873 — ок. 1930) — журналист, поэт

Кудреватых Леонид Александрович (1906 — 1981) — прозаик, член СП

Кузницын Евгений Алексеевич (р. 1919) — прозаик, журналист

Кукарцев Василий Александрович (р. 1919) — ученый, прозаик

Кульгинский Сергей Иванович (ок. 1780 — 1864) — поэт

Кулябин Василий Васильевич (1922 — 1977) — прозаик

Кунилов Феопемпт Парамонович (1877 — 1958) — литератор

Куроптев Мокей Иванович (ок. 1850 — 1893) — чиновник, литератор

Куртеев Семен Петрович (1830 — 1890) — вятский «отец Зосима», стихотворец

Кустенко Галина Александровна (р. 1948) — библиограф, поэт

Лаптев Михаил Петрович (р. 1928) — прозаик, жил в Миассе Челябинской обл.

Лаптев Юрий Григорьевич (1903 — 1985) — прозаик, член СП

Лебедев Всеволод Владимирович (1901 — 1938) — прозаик

Леонов Юрий Николаевич (р. 1932) — прозаик, член СП, живет в Москве

Леонтьев Борис Андреевич (1898 — 1960) — поэт, жил в г. Рязани

Ляханов Альберт Анатольевич (р. 1935) — прозаик, член СП, живет в Москве

- Логвинов Андрей Николаевич (р. 1951) — поэт
- Ложкин Николай Поликарпович (1869 — 1942) — издатель
- Лубнин Лев Михайлович (1911 — 1993) — прозаик, член СП
- Лузянин Владимир Николаевич (р. 1934) — журналист
- Лузянина Лидия Николаевна (р. 1943) — литературовед
- Луппов Павел Николаевич (1867 — 1949) — историк, писатель-краевед
- Лучинин Геннадий Иванович (р. 1948) — журналист, поэт
- Лысов Константин Константинович (1895 — 1967) — педагог, литератор
- Любарский Варфоломей (1699 — 1774) — вятский епископ, литератор
- Любарский Петр Иванович (1738 — 1811) — педагог, литератор
- Любовиков Овидий Михайлович (р. 1924) — поэт, член СП
- Ляпунов Борис Валерианович (1921 — 1972) — прозаик, член СП
- Лятушевич З. О. — преподаватель Вятской семинарии, литератор нач. XIX в.
- Малиновский Владимир Никитич (ок. 1895 — ок. 1960) — поэт
- Малюгин Павел Константинович (1893 — 1984) — педагог, литератор
- Мамаев Виталий Степанович (р. 1928) — зоотехник, поэт
- Мараков Сергей Владимирович (1929 — 1986) — ученый, прозаик
- Маракулин Павел Павлович (р. 1937) — поэт, член СП
- Мариенгоф Анатолий Борисович (1897 — 1962) — поэт, член СП, находился во время Великой Отечественной войны в г. Кирове
- Мариинский Евгений Пахомович (р. 1923) — летчик, писатель
- Марихин Николай Александрович (р. 1933) — прозаик
- Мартьянов Александр Федорович (1823 — 1906) — педагог, писатель
- Марьев Борис Михайлович (1934 — 1977) — поэт

- Маслов Федор Иванович (р. 1914) — литератор
- Матвеев Владимир Павлович (1897 — 1937) — прозаик, член СП, был в Вятке в 1918 г.
- Матюшина (Громова) Ольга Константиновна (1895 — 1975) — прозаик, член СП
- Машовец Николай Петрович (р. 1947) — прозаик, критик, живет в Москве
- Маяковский Владимир Владимирович (1893 — 1930) — поэт, приезжал в Вятку в 1928 г.
- Мельницкий Николай Николаевич — писатель, отбывал ссылку в Вятке
- Милихин Анатолий Алексеевич (р. 1939) — прозаик, член СП
- Милячаков Алексей Иванович (1900 — 1966) — поэт
- Милячаков Владимир Андреевич (р. 1910) — прозаик
- Минчковский Аркадий Минович (1916 — 1982) — прозаик, член СП
- Морозов Владимир Игоревич (р. 1953) — прозаик, член СП
- Мохина Надежда Пантелеймоновна (р. 1962) — педагог, поэт
- Мултановский Яков Федорович (1869 — ок. 1940) — священник, литератор
- Мусерский Михаил Степанович (1829 — 1883) — чиновник, поэт
- Нагаев Герман Данилович (1913 — 1979) — прозаик, член СП
- Наумова Елена Станиславовна (р. 1954) — поэт, член СП
- Никитин Николай Николаевич (1895 — 1963) — поэт
- Николаева Тамара Константиновна (р. 1938) — журналист, прозаик, поэт
- Никонов Борис Павлович (1873 — 1950) — поэт, жил в Ленинграде
- Никулин Юрий (Георгий) Анатольевич (р. 1906) — писатель
- Новоселов Николай Дмитриевич (1921 — 1969) — поэт, жил в Ленинграде

- Объедков Иван Фаддеевич (1913 — 1992) — прозаик
- Огарков Анатолий Григорьевич (р. 1955) — прозаик
- Огнев Николай Васильевич (1864 — 1918) — юрист, публицист
- Огневский Леонид Леонтьевич (р. 1913) — писатель
- Ожегов Матвей Иванович (1860 — 1933) — поэт
- Осокин Михаил Ионович (ок. 1828 — 1876) — земский деятель, литератор
- Павленков Флорентий Федорович (1839 — 1900) — книгоиздатель, литератор, отбывал ссылку в Вятке
- Павлов Илья Иванович (Рыдаев) (1882 — 1930) — поэт
- Падарин Николай Андреевич (1864 — 1922) — педагог, литератор
- Палкин Михаил Иванович (1887 — 1972) — поэт
- Панченко Юрий Васильевич (р. 1948) — прозаик
- Патое Николай Иванович (1910 — 1959) — писатель
- Перевалов Николай Илларионович (Колесников) (р. 1918) — писатель
- Пересторонин Николай Васильевич (р. 1951) — журналист, поэт, член СП
- Перминова Надежда Ильинична (р. 1943) — прозаик, поэт, член СП
- Пермяков Виктор Павлович (1911 — 1948) — писатель
- Перовский Петр Васильевич (1890 — 1959) — литератор
- Петряев Евгений Дмитриевич (1913 — 1987) — ученый-биолог, писатель, член СП
- Петухов Юрий Константинович (р. 1924) — прозаик, драматург, член СП, живет в Подмосковье
- Пленков Василий Георгиевич (1896 — 1979) — краевед, литератор
- Пленков Михаил Александрович (1918) — прозаик
- Подволоцкий Иван Петрович (ок. 1900 — ок. 1938) — литератор 20-х годов
- Подлевских Александр Петрович (р. 1954) — прозаик, член СП
- Поздеев Вячеслав Алексеевич (р. 1949) — литературовед, фольклорист

- Попов Антон Иванович (1748 — 1788) — поэт
- Порфирьев Борис Александрович (1919 — 1990) — прозаик, член СП
- Путинцев Виктор Сергеевич (р. 1929) — педагог, поэт
- Пушкарев Леонид Егорович (1929 — 1962) — прозаик
- Радин Леонид Петрович (1860 — 1900) — поэт, отбывал ссылку в Яранске
- Расвич Иван Александрович (1808 — 1847) — литератор, отбывал ссылку в Вятке
- Райнис Ян (Плиекшанс Янис) (1865 — 1929) — латышский поэт, отбывал ссылку в Слободском
- Рахманов Леонид Николаевич (1908 — 1988) — прозаик, кинодраматург, член СП
- Рева Александр Васильевич (Василькович) (р. 1932) — поэт, краевед, член СП
- Рева Василько Константинович (1901 — 1943) — педагог, литератор 20-х годов
- Решетников Леонид Васильевич (1920 — 1990) — поэт
- Решетников Леонид Никанорович (р. 1946) — прозаик
- Решетников Михаил Михайлович (1903 — 1990) — прозаик, поэт
- Рожков Павел Васильевич (Майский) (ок. 1908 — ок. 1944) — поэт 20-х годов
- Росайте В. (Чернов Вениамин Константинович) (р. 1949) — прозаик
- Рума Рауль Николаевич (1855 — 1909) — педагог, литературовед
- Румянцев Николай Николаевич (1867 — 1937) — художник, литератор
- Русинова Наталья Валентиновна (р. 1957) — прозаик
- Рыжов Алексей Михайлович (р. 1928) — прозаик, член СП
- Саксе Анна Отговна (1905 — 1981) — латышский прозаик, жила в Кирове во время Великой Отечественной войны
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826 — 1889) — писатель, отбывал ссылку в Вятке
- Сашиков Григорий Александрович (1899 — 1969) — поэт, член СП

- Сафронов Леонид Александрович (р. 1955) — поэт, член СП
- Селиванов Илья Васильевич (1810 — 1882) — писатель
- Селенкина (Мышкина) Мария Егоровна (1845 — 1923) — писательница
- Сенников Дмитрий Илларионович (1830 — 1877) — писатель
- Серебrenиков Авраам Никитич (1745 — 1792) — поэт, переводчик
- Сверцев Георгий Николаевич — ученый, поэт 20-х годов
- Сятникова Валерия Аркадьевна (р. 1945) — поэт
- Сятников Владимир Арсентьевич (р. 1930) — прозаик, очеркист, член СП
- Скорняков Александр Иванович (р. 1926) — прозаик, член СП
- Сластников Николай Павлович (р. 1955) — поэт
- Слуткин Федор Александрович (ок. 1790 — ок. 1845) — поэт
- Смертина Татьяна Ивановна (р. 1948) — поэт, член СП, живет в Подмоскowie
- Смирнов Василий Дмитриевич (1911 — 1978) — прозаик
- Смоленцев Иван Иванович (1935 — 1993) — поэт
- Смышляев Юрий Михайлович (1937 — 1983) — поэт, переводчик
- Снегова Нина Васильевна (р. 1933) — поэт, член СП, живет в Костроме
- Созинов Михаил Дмитриевич (р. 1920) — поэт, живет в Нижнем Тагиле
- Сорокажердьеv Владимир (р. 1946) — поэт, живет в Мурманске
- Старостин Василий Андрианович (р. 1910) — прозаик, поэт, живет в Костромской обл.
- Столбов Валерий Сергеевич (р. 1913) — литературовед, переводчик
- Столярова Фаина Романовна (р. 1941) — журналист, поэт
- Ступников Аркадий Александрович (р. 1930) — ученый, прозаик, живет в С.-Петербурге
- Субботин Василий Ефимович (р. 1921) — поэт, прозаик, член СП, живет в Москве

- Суворова Людмила Николаевна (р. 1947) — поэт, член СП
- Судрабкалс Ян (1894 — 1975) — латышский поэт, жил в Кирове во время Великой Отечественной войны
- Сунцов Михаил Федорович (р. 1927) — поэт
- Сырнева Светлана Анатольевна (р. 1957) — поэт, член СП
- Сычугов Савватий Иванович (1841 — 1902) — врач, литератор
- Тендряков Владимир Федорович (1923 — 1984) — писатель
- Тряпкин Николай Иванович (р. 1918) — поэт, член СП, жил во время Великой Отечественной войны в Кирове
- Туляков Валерий Павлович (р. 1948) — прозаик
- Угаров Михаил Юрьевич (р. 1956) — драматург
- Уланов Семен Андреевич (1912 — 1947) — поэт 20-х годов
- Ушг Андрей Мартынович (1877 — 1970) — латышский писатель, жил в Кирове во время Великой Отечественной войны
- Устигов Анатолий Михайлович (р. 1921) — прозаик, член СП
- Устюжанинов Леонид Иванович (1924 — 1993) — прозаик
- Ушаков Матвей Александрович (1730 — ок. 1800) — поэт
- Феонов Василий Тихонович (1749 — 1834) — поэт
- Филев Аркадий Александрович (1915 — 1976) — прозаик, член СП
- Филев Борис Аркадьевич (р. 1937 — 1990) — прозаик
- Финицкий Михаил Евстафиевич (ок. 1705 — после 1787) — педагог, поэт
- Фокин Валерий Геннадьевич (р. 1949) — поэт, член СП
- Фофанов Виталий Александрович (р. 1930) — поэт
- Хорошавцев Геннадий Николаевич (р. 1945) — поэт
- Халтурин Иван Игнатьевич (1902 — 1969) — литератор
- Харчев Вячеслав Васильевич (р. 1930) — критик, член СП, живет в Н. Новгороде
- Хаустов Леонид Иванович (1920 — 1980) — поэт, член СП
- Худяков Сергей Гаврилович (1933 — 1971) — поэт

Чарушин Николай Аполлонович (1851 — 1937) — революционер-семидесятник, литератор

Чарушин Евгений Иванович (1901 — 1965) — художник, прозаик, член СП

Чебышева Маргарита Петровна (р. 1932) — поэт, член СП

Чесноков Григорий Тимофеевич (1900 — 1961) — литератор

Чешихин-Ветринский Василий Евграфович (1866 — 1923) — публицист, критик

Чирков Виктор Иванович (р. 1946) — поэт

Чирков Михаил Георгиевич (р. 1950) — прозаик

Шадрин Илларион Григорьевич (1872 — 1934) — писатель

Шапалниский Казимир Варфоломеевич (1786 — ок. 1869) — педагог, издатель

Шевнин Дмитрий Николаевич (р. ок. 1901) — литератор, драматург

Шершова Галина Николаевна (р. 1936) — литературовед

Шипкин Иван Александрович (1905 — 1991) — актер, драматург, прозаик

Шипкин Сергей Александрович (1913 — 1981) — прозаик, редактор

Шихов Степан Кузьмич (1895 — 1955) — поэт 20-х годов

Шмаков Иван Алексеевич (1810 — 1893) — драматург

Шубин Николай Филиппович (1852 — 1917) — журналист, литератор

Шумихин Виктор Георгиевич (1936 — 1984) — книговед, библиограф, литератор

Шур Исаак Соломонович (1913 — 1976) — драматург, член СП

Шутов Гавриил Софронович (1743 — 1807) — поэт-баснописец

Щелканов Петр Александрович (Александр Рабочий) (1900 — 1929) — поэт 20-х годов

Щепин Анатолий Георгиевич (1920 — 1982) — поэт, ученый, жил в Чите

Яковлев Павел Лукьянович (1796 — 1835) — писатель, служил в Вятке

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИМ!

С чувством искренней признательности называем предприятия, администрации городов и районов, которые внесли свой вклад в большое и благородное дело — финансирование издания второго тома энциклопедии земли Вятской «Литература». Это:

Кировский банк Сбербанка Российской Федерации. Председатель ЮФЕРЕВ Петр Иванович.

Федерация профсоюзных организаций Кировской области. Председатель ВЫДРИН Олег Иванович.

Акционерное общество «Восток». Генеральный директор ВАЛОВ Владимир Аркадьевич.

Отделение пенсионного фонда России по Кировской области. Управляющий Владимир Михайлович НИКИТИН.

Акционерный банк «Кировсоцбанк». Председатель правления Валентина Дмитриевна Ентальцева, заместитель Анна Дмитриевна Горелова.

Администрация Вятскополянского района. Глава администрации КАЗАКОВЦЕВ Геннадий Федорович.

Мэрия города Вятские Поляны. Мэр города СОЛОДЯНКИН Павел Николаевич.

Орловская птицефабрика. Директор СУВОРОВ Павел Дмитриевич.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РУЧЬИ, СОЗДАЮЩИЕ РЕКУ (От составителя) В. А. Поздеев 5

Раздел 1. ВЯТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII — XVIII ВВ.

ОТ ТРИФОНА ВЯТСКОГО ДО ЕРМИЛА КОСТРОВА К. Г. Бронников, Л. Н. Лузяпина, В. А. Поздеев	11
Повесть о стране Вятской	22
Повесть о явлении иже во святых отца нашего Николая архиепископа Мирликийского, чудотворного его образа Великорецкого, явившегося в области Вятские страны, в пределах богоспасаемого града Хлынова, в веси на Великой реке	23
Житие и подвиги и отчасти чудеса преподобного отца нашего архимандрита Трифона, Вятского чудотворца и начальника обители Успенья Пресвятой Богородицы, что в Хлынове	23
ЛАВРЕНТИЙ ГОРКА. Иосиф, Патриарха	30
М. А. УШАКОВ. Моим завистникам	33
Елегия на кончину славного разумом и благочестием стихотворца	34
Г. С. ШУТОВ. Старик и смерть	35
Кот в пиве	36
А. И. ПОПОВ. Эпиграммы	37
Надгробная Любиправу	38
Е. И. КОСТРОВ. Письмо творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне Киргизкасайской	41
Гомерова «Илиада». Песнь третья	43
Песня	45
С. Г. КАЛАШНИКОВА. Ода и канты се. И. В. Благочестивейшей и самодержавнейшей государыне Екатерине II, которые в день полного открытия Вятского наместничества, в знак всеподданнейшей благодарности, подносит Вятская семинария декабря 22 дня 1780 года	46

РАЗДЕЛ II. ВЯТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

ССЫЛЬНЫЕ И СВОИ КОРЕННЫЕ Н. П. Изергина	47
В. Т. ФЕОНОВ. Вера	79

Н. А. ДУРОВА. Кавалерист-девица. Происшествие в России.....	83
П. Л. ЯКОВЛЕВ. Хлыновской наблюдатель. Коровы. (Скотоводство).....	91
А. И. ЕМИЧЕВ. Глухая Машенька.....	93
С. А. ВЕСНИН. Вани-вятчане.....	105
Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской.	
Письмо I.....	107
А. И. ГЕРЦЕН. Былое и думы. Глава XVII.....	110
П. В. АЛАБИН. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов.....	116
М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. Губернские очерки. Корепанов.....	121
М. И. ОСОКИН. Ливанов (записки семинариста).....	129
М. С. МУСЕРСКИЙ. Старая песня.....	132
Е. Н. КОНДРАШОВА. Дети Солнцевых. (Из дневника институтки двадцатых годов).....	133
Н. Н. БЛИНОВ. Свет и во тьме светит.....	138
Ф. Ф. ПАВЛЕНКОВ. Вятская незабудка на 1878 год. Прежде скончались, потом обвенчались.....	147
Н. Ф. БАЖИН. Степан Рулев.....	152
М. Е. СЕЛЕНКИНА. Бесплатный урок. (Картинки из уездной жизни).....	157
А. П. ГРУДЦЫН. На могиле матери.....	166
Зима.....	167
Кривда с правдой.....	167
В. Г. КОРОЛЕНКО. Чудная. (Очерк из 80-х годов).....	169
М. И. ОЖЕГОВ. Меж крутых бережков.....	183
Колечко.....	183
А. П. БАТУЕВ. Безнравственная повилка (сказка).....	185
А. П. ВЕРШИНИН. Приволье.....	189
И. Г. ЗЫКОВ. Песня бедняка.....	195
С другом.....	196
ЯН РАЙНИС. Сломанные сосны.....	197
Размышления в ночь накануне нового века.....	198
Пали росы.....	199

Раздел III. ВЯТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

ПОЭЗИЯ В РИТМЕ ТРУДА (1900 — 1945) Г. Н. Шершнева.....	200
--	-----

М. И. ГОРЕВ-ПОЙСКИЙ. Скиталец.....	222
А. С. ГРИН (ГРИНЕВСКИЙ). Алые паруса (фсерия)	229
К. В. ДРЯГИН. Сельмой вальс Шопена.....	235
Из книги «Осенние листья»	
Сюита мыслей и воспоминаний	236
Из книги «На одиноком граните»	
«Падают, падают бабочки снежные...»	236
П. А. ЩЕЛКАНОВ (АЛЕКСАНДР РАБОЧИЙ) В шахте	238
Утро	238
Цветы завода.....	239
В. В. ЛЕБЕДЕВ. Вятские записки.....	241
МУЧЕНИКИ ГУЛАГА. П. Г. Ожесип	246
М. М. РЕШЕТНИКОВ. Маяковский в нашем городе	255
Н. Ф. ВАСЕНЕВ. На реке.	265
А. И. МИЛЬЧАКОВ. Из военной тетради.....	271
Весна.....	272
Как лозинка	272
Л. В. ДЬЯКОНОВ. Олень — золотые рога.	274
Какой был снег.....	278
В. В. ЗАБОЛОТСКИЙ. Из лирической тетради	279
Л. М. ЛУБНИН. Климентий Землеройка. (Глава из повести «Районная теща»)	281
«ЧАС МУЖЕСТВА ПРОБИЛ...» <i>Т. Е. Загвоздкина</i>	287
ВЯТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	
В ПОИСКАХ НАРОДНОГО ХАРАКТЕРА. В. В. Харчев.	296
И. А. ШИШКИН. Хлыновцы	309
Е. Д. ПЕТРЯЕВ. Нити к Пушкину	317
И. Ф. ОБЪЕДКОВ. За три дня до свадьбы	320
Е. П. ЗАМЯТИН. Пинцет, Заноза и Дундук.....	324
Рецензия на сапоги	324
Мне консервы портят нервы.....	324
И. С. ШУР. Заводские ребята.....	327
А. А. ФИЛЕВ. Купава	336
НЕДРЕМЛЮЩЕЕ ОКО. (О местной цензуре) В. Н. Лузялин	342

Б. А. ПОРФИРЬЕВ. Бенефис Ефима Верзилина.....	346
М. А. АРДАШЕВ. Сквозь смерть	352
А. М. УСТЮГОВ. Пистолет (отрывок из повести «Последний патрон»)	357
Ю. К. ПЕТУХОВ. Синие дожди	363
О. М. ЛЮБОВИКОВ. «Как молвится — без дураков!..»	374
У Старой Руссы	375
«Война гремела траками...»	375
«Возвещают фонари...»	376
«Сегодня вечер наш...»	376
А. И. СКОРНЯКОВ. Приятели	377
В. А. СИТНИКОВ. Колоски (глава из повести «Русская печь»).....	384
А. М. РЫЖОВ. Ягодиночка	392
НА ПУТИ К ПАРНАСУ. В. А. Поздеев	396
А. В. РЕВА. Зерно прозревает в земле	399
Покаянное.....	400
Августовское	400
Стихи из молодости	400
М. П. ЧЕБЫШЕВА. Провинция.....	402
«Что бабки мои из крестьянок...»	402
Поэт	403
Два прощания	403
Т. К. НИКОЛАЕВА. На маленькой станции	405
П. П. МАРАКУЛИН. Красное дерево Севера.....	410
Рыжики.....	410
20 мая.....	411
«Кругом такая тишина...»	411
А. А. МИЛИХИН. Наука ненависти	412
Н. И. ПЕРМИНОВА. Поколения	416
Золотые шары	416
Прощеное воскресенье	417
Л. Н. СУВОРОВА. Хлынов	420
«А лес — так тихо...»	420
«Поэт любит не предмет...»	421
«Как задыхаются под низким потолком...»	421
«Когда солгу — не отводите глаз...»	421
Л. Н. КОЖЕВНИКОВ. Помочь.....	422

В. Г. ФОКИН. Год рождения	429
«Есть горные выси...»	429
М. Г. КОТОМЦЕВА. «Послевоенной деревни дети...»	430
«Баяна ремни я на плечи надену...»	431
«Видится солнечный день...»	431
Н. В. ПЕРЕСТОРОНИН. «Снегопады двадцатого века...»	432
«Есть, наверно, масштабнее мыслят...»	433
«Что с вами, женщина моя...»	433
С. П. ЗЯБЛИЦЕВ.	
Отчина	434
Мать	435
«Я вышел в шорохи и тени...»	435
В. И. МОРОЗОВ. Вовка.....	436
Е. С. НАУМОВА. Девочка и дождь	444
«Беда легла на плечи...»	444
Сергуха	445
Короткое лето	445
А. П. ПОДЛЕВСКИХ. На работу пора!	446
В. Н. КАЗАКОВ. Карусель	450
Л. А. САФРОНОВ. «Нарекли Леонидом...»	455
«Огурцы, помидоры да ревни...»	455
Зимний вечер	456
Пророк.....	456
В. А. БЕРДИНСКИХ. Россия и русские. Русская деревня	457
С. А. СЫРНЕВА. Прописи.....	462
«Образумишься, когда затопит...»	462
«Медленно в ветви шум утчет...»	463
«К заветному дому...»	463
Раздел IV. ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ-ЗЕМЛЯКОВ	
КОРНЯМИ ВЯТСКИЕ Л. Н. Лузялила.....	464
Г. А. САННИКОВ. Вешний ветер	466
Сельская кузница	466
«Иду ветрам наперекор...»	467
Е. И. ЧАРУШИН. «Джунгли» — птичий рай.....	468
Н. А. ЗАБОЛОЦКИЙ. Из книги «Городские столбцы». Игра в снежки. 474	
Осень	475
В этой роще березовой	476
Портрет.....	477

Л. Н. РАХМАНОВ. Люди — народ интересный.....	478
Г. Д. НАГАЕВ. Пионеры вселенной. Из второй книги «Мечты и искания».....	483
Л. В. РЕШЕТНИКОВ. Сентябрьское утро.....	493
Когда уйду.....	493
«Есть на войне жестокая примета...».....	493
Л. И. ХАУСТОВ. Вятч.....	495
Забывтое слово.....	495
«Запах пыли, прибитой дождем...».....	495
В. Е. СУББОТИН. Прощание с миром.....	497
«Бои, бои... Тяжелый шаг пехоты...».....	498
30 апреля 1945 года.....	499
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ. Расплата.....	500
О. М. КУВАЕВ. Территория.....	507
А. А. ЛИХАНОВ. Обман.....	512
В. Н. КРУПИН. Ямщицкая повесть.....	519
А. Г. ГРЕБНЕВ. Русская песня.....	525
«В апрельской роще пахнет октябрем...».....	526
«Вон парнишка бежит босиком...».....	526
В. А. КОРОСТЕЛЛЕВА. Мартовский снег.....	527
У стен монастыря.....	527
Т. И. СМЕРТИНА. «Солнце качалось...».....	528
«Веники, бадсечки...».....	529
Русь обагренная.....	530
ХРОНИКА СОБЫТИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ВЯТКИ	
С. П. Кокурина.....	531
БИБЛИОГРАФИЯ (Сост. С. П. Кокурина).....	548
ВЯТСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ (именной указатель).....	554
БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО.....	569
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	570

В. Г.

М. Г.

Н. В.

С. П.

В. И.

Е. С.

Авторы выражают благодарность за предоставленные материалы и фотографии заведующей отделом Кировского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея Л. Н. Самохваловой; заведующей фондами областного Художественного музея им. В. М. и А. М. Васнецовых Н. П. Мартыновой; научному сотруднику Кировского медицинского института Н. Е. Петряевой; сотрудникам отдела краеведческой литературы Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена и заведующей этого отдела Н. П. Гурьяновой; родственникам писателей; журналистке И. В. Заболотской, Л. Н. Порфирьевой и др.

А. П.

В. Н.

Д. А.

Фото в книге Ю. А. Шипкина

Копии с фото из фондов Кировского объединенного историко-архитектурного и литературного музея выполнены А. Добряковым.

В. А.

С. А.

Разде

КОРР

Г. А.

Ответственный за выпуск В. Ситников
Редактор М. Чебышева
Технический редактор Н. Перезвоникова
Корректоры Т. В. Смертина, Т. В. Крючкова, Г. В. Шутова

Е. И.

Н. А.

8000р.
Сдано в набор 28.09.94. Подписано к печати 29.12.94. Форма 84x108/32. Гарнитура «Таймс». Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 30,24. Тираж 30 000. Заказ 1935.

Государственное издательско-полиграфическое предприятие «Вятка»
610044, г. Киров, ул. Московская, 122

тые мате-
ого госу-
го и ли-
фондами
М. Васне-
ровского
кам отде-
научной
го отдела
налистке

ного ис-
выполне-

4. Форма
№ 1. Усл

ис «Вятка»

(Hochselben)

Museo (Musica) Sonjdays
Sprungia Kambrowel'
Dennauent adoffenik gen.
du. nuffr. nomen nachgeiff
zu obi. kb. Demolade Maan
bery Keub anverwiderfaff
nffeyanaw Baum
K
Kampnera Cury
Kachjowa.

Alle Deub, u. Lyer, zambende
Dowid kourbedy uo Wesse
zu nouertrawenjen Baum
Dagobanik.
K
Kampnera

